

СТИВЕН

КИНГ

КОЛДУН И КРИСТАЛЛ

Annotation

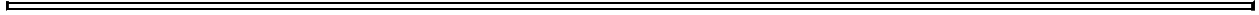
Добро пожаловать на перепутье судьбы, где открываются по Слову таинственные двери в иные миры, а будущее, предсказанное великой колодой Таро, может быть изменено, но цена тому будет страшной. Добро пожаловать на дальние Тропы Лучей, что соединяют порталы, ограничивающие Срединный Мир! Но берегись — ибо в тех краях живы древние боги и кровавые порождения Мрака, люди жестоки и вероломны, магия сильна и ужасна, и трудно отличить друга от врага на пути к дальней Темной Башне...

- [Стивен Кинг](#)
 - [Предисловие автора](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)

- [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
- [Послесловие](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

Стивен Кинг

Колдун и кристалл

Эта книга посвящается Джулии Эгли и Марше де Филиппо. Они отвечают на присылаемые мне письма, а большинство писем за последние два года касались Роланда из Гилеада, стрелка. По существу Джулия и Марша притащили меня к компьютеру. Джулия, ты тащила меня сильнее, поэтому твое имя стоит первым.

Предисловие автора

«Колдун и кристалл» — четвертая книга долгого повествования, навеянного поэмой Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел».

В первой книге, «Стрелок», рассказывается о том, как Роланд из Гилеада преследует и наконец настигает Уолтера, человека в черном, который обманом завоевал дружбу его отца, но на самом деле служил Мартену, великому колдуну. Настигнуть Уолтера для Роланда не цель, а лишь средство к достижению цели: Роланд хочет добраться до Темной Башни, где надеется остановить ускоряющееся разрушение Срединного мира, а, возможно, и повернуть его вспять.

Роланд, безусловно, рыцарь, последний из своего поколения, и Башня — его навязчивая идея. Когда мы встречаем его, он и живет только потому, что хочет до нее добраться. Мы знаем, что Роланд, благодаря козням Мартена, который соблазнил его мать, рано прошел обряд инициации, получив право зваться мужчиной. Мартен ожидает, что Роланд не выдержит испытания и его «изгонят на запад», то есть никогда не дадут ему в руки оружие отца. Роланд, однако, рушит планы Мартена, выдерживает испытание... главным образом благодаря удачному выбору оружия.

Мы знаем, что мир стрелка неким непостижимым образом связан с нашим миром. Эта связь впервые обнаруживается, когда Роланд встречает Джейка, мальчика из Нью-Йорка 1977 года. Дверей между Мирами несколько. Одна из них — смерть. Именно так Джейк впервые попадает в мир Роланда: на 43-й улице его сталкивают с тротуара на мостовую, и он погибает под колесами автомобиля. Толкал его человек, которого звали Джек Морт... только в тот момент руками Морта двигал прокравшийся ему в голову давний враг Роланда, Уолтер.

Прежде чем Джейк и Роланд настигают Уолтера. Джейк гибнет снова... на этот раз потому, что стрелок, поставленный перед мучительным выбором: его, символический сын или Темная Башня, — выбирает Башню. Последние слова Джейка перед падением в пропасть: «Тогда иди... есть и другие миры, кроме этого».

Последняя схватка Роланда и Уолтера происходит около Западного моря. В ночь долгих переговоров человек в черном предсказывает Роланду будущее с помощью необычных карт Таро. Особое внимание Роланда

привлекают три карты: Узник, Госпожа теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

Действие второй книги, «Извлечение троих», начинается на берегу Западного моря вскоре после того, как Роланд приходит в себя после жестокой схватки с Уолтером и обнаруживает, что последний мертв, груда костей среди других костей. Обессиленного стрелка атакуют ползучие чудовища, омароподобные твари, и, прежде чем он успевает ретироваться, наносят ему тяжелые раны. Стрелок теряет два пальца на правой руке. Кроме того, в раны попадает яд. Когда Роланд продолжает свой путь на север, по берегу Западного моря, яд начинает действовать, Роланд слабеет... возможно, умирает.

Ему встречаются три двери, стоящие прямо на берегу. Они открываются в Нью-Йорк нашего мира, но в разные *времена*. Из 1987 года Роланд извлекает Эдди Дина, наркомана, пристрастившегося к героину. Из 1964-го — Одетту Сюзанну Холмс, женщину-калеку, которой в подземке по колено отрезало ноги. Одетта действительно госпожа теней, в ней прячется еще одна, злобная личность, ярая защитница прав черного населения Америки. Эта вторая женщина, агрессивная и коварная Детта Уокер, стремится убить Роланда и Эдди, когда стрелок перетаскивает ее в Срединный мир.

А в промежутке, опять в 1977 году. Роланд проникает в дьявольский мозг Джека Морта, который не единожды — дважды круто повернул жизнь Одетты/Детты. «Смерть, — как сказал Роланду человек в черном, — но не твоя». Не является Морт и тем третьим, о ком говорил Уолтер. Роланд мешает Морту убить Джейка Чеймберза, а вскоре Морт погибает под колесами того самого поезда, которым в 1959 году отрезало ноги Одетты. Таким образом, Роланду не удастся «извлечь» маньяка в свой мир... но, думает он, а нужен ли кому такой помощничек?

Однако за отклонение от предсказанного будущего надо платить, по-другому и быть не может, не так ли? Корт, старый учитель Роланда, мог бы сказать: *Такое большое колесо, и все время вертится. Не окажись перед ним, ибо оно раздавит тебя, и твои глупые мозги, и тело из плоти и крови.*

Роланд предполагает, что, возможно, он перетаскил троих в телах Эдди и Одетты, поскольку у Одетты раздвоение личности, однако когда Одетта и Детта сливаются в Сюзанну (за то спасибо любви и мужеству Эдди Дина), стрелок понимает, что это не так. Знает он и другое: ему не дают покоя мысли о Джейке, мальчике, который, умирая, заговорил о других мирах. Половина рассудка стрелка уверена, что никакого мальчика и не было. Помешав Джеку Морту толкнуть Джейка под автомобиль, который

раздавил бы его, Роланд создал временной парадокс, губительный для его разума. А в нашем мире разрушающий разум Джейка Чеймберза.

«Бесплодные земли», третья книга цикла, начинается с этого парадокса. Убив гигантского медведя, которого звали Миа (Древние, боявшиеся его) или Шардик (Великие древние, его построившие... ибо медведь на поверку оказался киборгом), Роланд, Эдди и Сюзанна идут по следу чудовища и открывают Тропу Луча. Их шесть, этих лучей, соединяющих, двенадцать порталов, или врат, ограничивающих Срединный мир. В точке, где пересекаются лучи, в центре Роландова мира, возможно, в центре всех миров, стрелок надеется наконец-то найти Темную Башню.

К этому времени Эдди и Сюзанна уже не пленники мира Роланда. Любящие друг друга, сами уже наполовину стрелки, они становятся полноправными участниками поисков Темной Башни и по своей воле следуют за Роландом по Тропе Луча.

В говорящем круге неподалеку от Врат Медведя время тает, парадокс самоустраняется, и появляется третий «извлеченный». Джейк возвращается в Срединный мир при завершении опасного обряда, когда все четверо. Джейк, Эдди, Сюзанна и Роланд, вспоминают лица своих отцов и вновь знакомятся друг с другом. А вскоре квартет становится квинтетом: Джейк находит себе нового друга, ушастика-путаника, зверька, похожего на помесь енота с сурком, а заодно немножечко с таксой, обладающего зачатками человеческой речи. Джейк называет нового друга Ыш.

Путь пилигримов приводит их в Лад, полуразрушенный город, населенный дегенерирующими потомками двух враждовавших группировок, седых и младов, которые продолжают раздувать пламя давнего конфликта. Прежде чем добраться до Лада, они попадают в маленький городок Речной Перекресток, в котором остались несколько стариков. Старики узнают в Роланде пришельца из далекого прошлого, из тех времен, когда мир еще не сдвинулся, и с почтением встречают и стрелка, и его спутников. Потом старики рассказывают Роланду о монорельсовой дороге, которая уходит из Лада в бесплодные земли, вдоль Тропы Луча, к Темной Башне.

Джейк напуган этими новостями, но не удивлен. Перед тем как перенестись из Нью-Йорка в Срединный мир, он купил две книги в магазине, принадлежащем некоему Келвину Тауэру. Одна из них — книга загадок с вырванными ответами. Вторая — «Чарли Чу-чу», детская книжка о поезде. Веселенькая история, сказало бы большинство... но не Джейк: есть в Чарли что-то такое, отчего смеяться не хочется. Что-то пугающее. А

Роланд сообщает еще одну подробность: на языке его мира чар означает смерть.

Тетушка Талита, матриарх жителей Речного Перекрестка, дает Роланду серебряный крестик, и путники отправляются дальше. У самого Лада они находят потерпевший крушение самолет из нашего мира: немецкий истребитель конца тридцатых годов. В кабине так и остался мумифицированный труп гиганта, по всем признакам, легендарного предводителя разбойников Дэвида Шустрого.

Переходя через полуразрушенный мост над рекой Сенд, Джейк и Ыш едва не теряются. Пока Роланд, Сюзанна и Эдди ищут Джейка, на них нападает умирающий (и очень опасный) бандит. Он похищает Джейка и уводит его в подземелье к Тик-Таку, последнему главарю седых. В действительности Тик-Така зовут Эндрю Шустрый, он — праправнук человека, который погиб, пытаясь посадить на землю самолет из другого мира.

Пока Роланд (с помощью Ыша) разыскивает Джейка, Эдди и Сюзанна находят Колыбель Лада, в которой бодрствует Блейн Моно. Блейн — последний оставшийся на поверхности элемент громадного компьютера, расположенного под городом Лад. Интересует его только одно: загадки. Он обещает путешественником доставить их на конечную остановку монорельсовой дороги, если они смогут найти ответ на его загадку. В противном случае, говорит Блейн, они поедут туда, где их ждет смерть... в других мирах. При этом они умрут не одни, поскольку Блейн намеревается открыть хранилища нервно-паралитического газа, который убьет всех — младов, седых и стрелков.

Роланд спасает Джейка, оставляя Тик-Така умирать, но Эндрю Шустрый не погибает. Полуослепшего, с жуткой раной на лице, его спасает Ричард Фаннин. Фаннин при этом также называет себя Незнакомцем вне Времени. Он — демон, о котором Роланда предупреждал Уолтер.

Роланд и Джейк воссоединяются с Эдди и Сюзанной в Колыбели Лада, и Сюзанне, с помощью «этой сучки» Детты Уокер, удается решить загадку Блейна. Они получают доступ в монорельсовый поезд, игнорируя предупреждения сохранившего разум, но очень слабого подсознания Блейна (Эдди окрестил этот голос Маленьким Блейном), чтобы узнать, что Блейн намерен покончить с собой в их присутствии. И хотя управляют поездом компьютеры, запрятанные глубоко под Ладом, который превратился в смертельную западню, им это ничем не сможет помочь, если розовая пуля прыгнет с рельса при скорости более восьмисот миль в час.

Единственный шанс на спасение — любовь Блейна к загадкам. Роланд

из Гилеада предлагает отчаянную сделку. На этой сделке и заканчиваются «Бесплодные земли». С этой сделки начинается новая книга, «Колдун и кристалл».

Пролог БЛЕЙН

— ЗАГАДАЙ МНЕ ЗАГАДКУ, — попросил Блейн.

— Да пошел ты, — ответил Роланд, не повышая голоса.

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ? — В своем изумлении голос Большого Блейна стал на удивление схож с голосом его близнеца.

— Я тебя послал, — пояснил Роланд, — но, если это выражение ставит тебя в тупик, Блейн, растолкую. Нет. Мой ответ — нет.

Блейн долго-долго не реагировал, а ответил уже не словами. Стены, пол, потолок начали исчезать, растворяться. В десять секунд салон для баронов вновь перестал существовать. Теперь они летели сквозь горную гряду, которую видели на горизонте: серовато-стальные пики надвигались на них с убийственной скоростью, потом оставались позади, уступая место бесплодным долинам, по которым словно степные черепахи ползали громадные жуки. Роланд вроде бы увидел гигантскую змею, внезапно выползшую из зева пещеры. Она схватила одного из жуков и утащила в свое логово. Никогда в жизни Роланд не видел ни таких существ, ни такого ландшафта, и по коже у него побежали мурашки. Блейн, должно быть, перенес их в другой мир.

— МОЖЕТ, НАМ СОЙТИ ЗДЕСЬ, — задумчиво произнес Блейн, но под кажущимся спокойствием стрелок уловил едва сдерживаемую ярость.

— Почему нет, — с нарочитым безразличием ответил он.

Лицо Эдди перекосило от страха.

— *Что ты задумал?* — вымолвил он одними губами.

Роланд не отреагировал. Он не мог позволить себе отвлекаться по пустякам и прекрасно знал, что задумал.

— ТЫ ГРУБЫЙ И НАГЛЫЙ, — заявил Блейн. — ТЫ, ВОЗМОЖНО, ПОЛАГАЕШЬ ЭТИ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ДОСТОИНСТВАМИ, А Я — НЕТ.

— При необходимости я могу быть гораздо грубее.

Роланд из Гилеада расцепил руки и медленно поднялся... Стоял как бы и ни на чем, расставив ноги, правой рукой упираясь в бедро, левой обхватив сандалового дерева рукоятку револьвера. В такой позе ему приходилось стоять много раз — на пыльных улицах сотен забытых городков, в десятках каменистых каньонов, щедро обогранных

человеческой кровью, в бесчисленных темных салунах, где пахнет пивом и подгоревшим маслом. Очередная стычка с очередным противником. Ничего больше, но и это немало. Все те же кхеф, ка и ка-тет. Стычки эти составляли основу его жизни, являлись той осью, вокруг которой вращалась его ка. А то, что сразиться предстояло словами, а не пулями, значения не имело. Все равно речь шла о жизни: то ли он на щите, то ли со щитом. Запах смерти витал в воздухе. Точно так же на болоте воняет гнилью. А потом накатил волна боевой ярости, как обычно... и он потерял контроль над собой.

— Я могу назвать тебя бесчувственной, безмозглой, придурковатой машиной. Могу назвать глупым, бестолковым существом, у которого не больше здравого смысла, чем у завывания зимнего ветра в дупле дерева.

— ПРЕКРАТИ.

Роланд продолжал тем же ровным тоном, словно и не услышал Блейна:

— Таких, как ты, Эдди называет «железками». Не будь ты ею, я бы мог кой-чего добавить.

— Я ДАЛЕКО НЕ КАКАЯ-ТО ТАМ...

— Я мог бы назвать тебя, к примеру, членососом, но у тебя нет рта. Я мог бы сказать, что ты гаже самого гадкого нищего, который когда-либо ползал по самой мерзкой улице мироздания, но у тебя нет колен, на которых ползают, тебе никогда не упасть на них, тебе не постичь человеческого недостатка, зовущегося милосердием. Я мог бы даже сказать, что ты трахал свою мать, если б она у тебя была.

Роланд умолк на мгновение, чтобы перевести дух. Эдди, Сюзанна и Джейк затаили дыхание. Гробовое молчание Блейна Моно окутывало, душило их.

— Я могу назвать тебя вероломным существом, позволившим покончить с собой своей единственной подруге, трусом, радующимся мучениям глупцов и убийству невинных, растерявшимся и писклявым механическим гоблином, который...

— *ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ ПРЕКРАТИТЬ, А НЕ ТО Я УБЬЮ ВАС ВСЕХ ПРЯМО ЗДЕСЬ!*

Глаза Роланда сверкнули таким неистовым синим светом, что Эдди отпрянул. Рядом ахнули Джейк и Сюзанна.

— *Убей, если хочешь, но ты мне не указ!* — проревел стрелок. — Ты забыл лица тех, кто создал тебя! Так что теперь или убей нас, или молчи и слушай меня, Роланда из Гилеада, сына Стивена, стрелка, властителя Древних Земель! Я не для того шел все эти мили и все эти годы, чтобы

слушать твой детский лепет! Ты меня понял? Так что слушай МЕНЯ!

Мгновение стояла абсолютная тишина. Никто не смелдохнуть. Роланд смотрел прямо перед собой, гордо подняв голову, с рукой на рукоятке револьвера.

Сюзанна Дин поднесла руку ко рту и ощупала пальцами изогнувшиеся в улыбке губы — так женщина иной раз ощупывает новый, еще непривычный предмет туалета, скажем, шляпку, чтобы убедиться, хорошо ли сидит. Она боялась, что наступил последний миг ее жизни, но в сердце в этот момент доминировал не страх — гордость. Скосив взгляд, она увидела, что Эдди во все глаза смотрит на Роланда и тоже улыбается. А уж на лице Джейка читался откровенный восторг.

— Скажи ему! — выдохнул Джейк. — Пни ему под зад! Так его!

— Ты бы лучше прислушался к его словам, — поддакнул Эдди. — Ему действительно наплевать, Блейн. Не зря же его прозвали Бешеный Пес из Гилеада.

После долгой, долгой паузы Блейн спросил:

— ОНИ ТАК ЗВАЛИ ТЕБЯ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

— Возможно, — спокойно ответил Роланд, стоя в разреженном воздухе над безжизненными холмами.

— КАКОЙ МНЕ ОТ ВАС ПРОК, ЕСЛИ ВЫ НЕ ХОТИТЕ ЗАГАДЫВАТЬ ЗАГАДКИ? — спросил Блейн. Теперь он говорил голосом дующегося, обиженного ребенка, которому родители разрешили засидеться допоздна и не уложили в постель.

— Я не говорил, что мы не хотим.

— НЕ ГОВОРИЛ? — недоуменно переспросил Блейн. — Я НЕ ПОНИМАЮ, ОДНАКО АНАЛИЗ ГОЛОСОВЫХ МОДУЛЯЦИЙ ПОДТВЕРЖДАЕТ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ СКАЗАННОГО. ОБЪЯСНИ.

— Ты сказал, что хочешь услышать загадки немедленно. В этом я тебе отказал. В своем нетерпении ты повел себя неподобающим образом.

— Я НЕ ПОНИМАЮ.

— Ты мне нагрубил. Это ты понимаешь?

Вновь долгая, долгая пауза. В последние столетия компьютер сталкивался лишь с невежеством, забвением, идолопоклонством. И уже запомнил, что есть обычное человеческое мужество.

— ЕСЛИ Я НАГРУБИЛ ТЕБЕ, ИЗВИНИ, — послышалось наконец.

— Извинения принимаются, Блейн. Но есть более серьезная проблема.

— ОБЪЯСНИ.

— Восстанови стены, и я объясню. — Роланд уселся в кресло, словно о дальнейших препирательствах и перспективе мгновенной смерти речь

уже не шла.

Блейн подчинился. Стены потеряли прозрачность, кошмарный пейзаж исчез. Зеленая лампочка на схеме маршрута мигала рядом с кружком с надписью КАНДЛТОН.

— Хорошо, — кивнул Роланд. — грубость можно простить. Блейн. Так меня учили в юности. Но меня также учили, что глупости нет прощения.

— И В ЧЕМ ЖЕ ПРОЯВИЛАСЬ МОЯ ГЛУПОСТЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА? — Голос Блейна зазвучал зловеще. Сюзанна подумала о старом коте, притаившемся у мышиной норки: хвост мотается из стороны в сторону, зеленые глаза злобно горят.

— У нас есть то, что ты хочешь, но взамен, если получишь желаемое, ты предлагаешь нам смерть. Это *очень* глупо.

Долго, долго обдумывал Блейн слова Роланда. И наконец:

— СКАЗАННОЕ ТОБОЙ — ПРАВДА, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, НО КАЧЕСТВО ТВОИХ ЗАГАДОК НЕ ДОКАЗАНО. Я НЕ ХОЧУ ОТДАВАТЬ ВАМ ВАШИ ЖИЗНИ ЗА ПЛОХИЕ ЗАГАДКИ.

Роланд кивнул:

— Я тебя понимаю, Блейн. А теперь послушай и постарайся понять меня. Частично я уже рассказал об этом моим друзьям. Когда я был маленьким, в феоде Гилеад каждый год проводились семь больших ярмарок, в честь Зимы, Широкой Земли, Первого Сева, Летнего Солнцестояния, Полной Земли, Завершения Жатвы и Нового года. Загадывание загадок было непременной частью каждой ярмарки, но самую важную роль они играли на праздниках Широкой и Полной Земли, потому считалось, что качество загадок напрямую влияет на урожай: чем они лучше, тем сбор больше.

— ЭТО СУЕВЕРИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ПОД СОБОЙ ФАКТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ, — отрезал Блейн. — Я НАХОЖУ СIE ГЛУПЫМ И РАЗДРАЖАЮЩИМ.

— Разумеется, суеверие, — согласился Роланд, — но ты бы удивился, узнав, насколько четко загадки предсказывали урожай. К примеру, ответь мне Блейн, на бал кони ходят?

— СТАРО И НЕ ОЧЕНЬ-ТО ИНТЕРЕСНО, — ответил Блейн радостным голосом: наконец-то ему предложили загадку. — НА БАЛКОНЕ ХОДЯТ. ЗАГАДКА ОСНОВАНА НА ФОНЕТИЧЕСКОМ СОЗВУЧИИ. ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ПОДОБНОГО РОДА ИЗВЕСТНА НА УРОВНЕ, ГДЕ РАСПОЛОЖЕН ФЕОД НЬЮ-ЙОРК. ЧТО ДЕЛАЛ СЛОН, КОГДА ПРИШЕЛ НАПОЛЕОН?

— Это я знаю, — подал голос Джейк. — Когда слон пришел на поле,

он щипал травку.

— ДА. — согласился Блейн. — ОЧЕНЬ СТАРАЯ ГЛУПАЯ ЗАГАДКА ГОДИТСЯ ТОЛЬКО ДЛЯ ПРИМЕРА.

— Вот тут я полностью согласен с тобой, дружище Блейн. — вставил Эдди.

— Я НЕ ТВОЙ ДРУЖИЩЕ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

— Да хрен с тобой. Поцелуй меня в задницу и чеши на небеса.

— НЕБЕС ТУТ НЕТ.

Эдди с ответом не нашелся.

— Я БЫ ХОТЕЛ УСЛЫШАТЬ И ДРУГИЕ ЯРМАРОЧНЫЕ ЗАГАДКИ ИЗ ГИЛЕАДА, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА.

— Ровно в полдень на Широкую и Полную Землю от шестнадцати до тридцати конкурсантов собирались в Зале Предков, который по такому случаю открывали для всех. Лишь несколько раз в году простой люд, купцы, ремесленники, фермеры и тому подобные, допускались в Зал Предков, в эти дни он заполнялся до отказа.

Взгляд стрелка стал мечтательным, отрешенным, таким Джейк видел его лицо в другой, смутной жизни, когда Роланд рассказывал ему, как он и его друзья, Катберт и Жами, однажды пробрались на балкон того самого Зала Предков, чтобы посмотреть на танцы. Они с Роландом тогда карабкались по горам, преследуя Уолтера.

Джейк с любопытством взгляделся в Роланда, вновь задавшись вопросом, а откуда пришел этот необычный человек... и почему.

— В центре зала ставили большую бочку, и каждый желающий бросал в нее кусочки коры с написанными на них загадками. Многие загадки были старыми, услышанными от стариков, взятыми из книг, но многие придумывались специально к конкурсу. Трое судей, один обязательно стрелок, выносили решение по каждой и допускали к конкурсу только те, которые признавали пристойными.

— ДА, ЗАГАДКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИСТОЙНЫМИ, — согласился Блейн.

— А потом их начинали отгадывать. — Слабая улыбка осветила лицо стрелка при воспоминании о тех днях, когда он был не старше того мальчугана, что сидел напротив него с ушастиком на коленях. — Конкурс продолжался не один час. Отгадчики выстраивались в шеренгу посреди Зала Предков. Место в шеренге определялось жребием, а поскольку место в конце ценилось куда выше, чем в начале, каждый надеялся оказаться последним, хотя победитель должен был правильно ответить хотя бы на одну загадку.

— ЕСТЕСТВЕННО.

— Каждый мужчина или женщина — в числе лучших отгадчиков Гилеада были и женщины, — подходил к бочке, вытаскивал загадку. Если после трех минут раздумий она оставалась неотгаданной, конкурсант уступал место следующему.

— И ЕМУ ПРЕДЛАГАЛОСЬ НАЙТИ ОТВЕТ НА ТУ ЖЕ ЗАГАДКУ?

— Да.

— ТО ЕСТЬ ВРЕМЕНИ НА ОБДУМЫВАНИЕ У НЕГО БЫЛО БОЛЬШЕ?

— Да.

— ПОНЯТНО. ЭТО КРУТО.

Роланд нахмурился:

— Круто?

— Он имел в виду — забавно, — вставила Сюзанна.

Роланд пожал плечами.

— Зевак это веселило, тут сомнений нет, но участники конкурса воспринимали происходящее очень серьезно. Частенько после завершения состязания и вручения приза возникали ссоры и даже драки.

— КАКОГО ПРИЗА, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

— Победитель получал самого крупного гуся в феоде. И год за годом этот гусь доставался моему учителю Кортю.

— КАК ЖАЛЬ, ЧТО ЕГО НЕТ СРЕДИ ВАС. — В голосе Блейна слышались уважительные нотки. — ОН, ДОЛЖНО БЫТЬ, ВЕЛИКИЙ ОТГАДЧИК.

— Был великим. — кивнул Роланд. — Так ты готов выслушать мое предложение. Блейн?

— РАЗУМЕЕТСЯ. ВЫСЛУШАЮ С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

— Пусть оставшиеся часы станут нашей ярмаркой. Ты не будешь загадывать нам загадки, потому что хочешь услышать новые, а не пересказывать некоторые из миллионов, уже известных тебе...

— СОВЕРШЕННО ВЕРНО.

— Мы все равно не сможем найти на них ответы, — продолжил Роланд. — Я уверен, ты знаешь загадки, которые поставили бы в тупик даже Корта, если б он вытащил их из бочки. — Уверенности в этом у Роланда не было, но он полагал, что махать кулаками больше незачем и пришло время погладить Блейна по шерстке.

— КОНЕЧНО ЖЕ, — согласился Блейн.

— Вместо гуся призом станут наши жизни. По пути мы будем

загадывать тебе загадки, Блейн. Если ко времени прибытия в Топику ты отгадаешь их все, можешь исполнить свой первоначальный план — убить нас. Это будет твой гусь. Но если мы озадачим тебя... если найдется загадка, в книге Джейка или у нас в головах, которой ты не знаешь и на которую не сможешь дать ответ... тебе придется довезти нас до Топики и освободить, чтобы мы продолжили свой путь. Это будет *наш* гусь.

Ему ответила тишина.

— Ты меня понял?

— ДА.

— Ты согласен?

Блейн Моно молчал. Эдди обнял Сюзанну за плечи, поднял голову, разглядывая потолок салона для баронов. Левая рука Сюзанны легла на живот, прикрывая сокрытую в нем тайну. Джейк легонько поглаживал Ыша по спинке, избегая кровавых корок на ранах. Они ждали, пока Блейн, настоящий Блейн, оставшийся далеко позади, живущий своей псевдожизнью под городом, все обитатели которого умерли от его руки, обдумает предложение Роланда.

— ДА, — наконец вымолвил Блейн. — Я СОГЛАСЕН. ЕСЛИ Я ОТГАДАЮ ВСЕ ВАШИ ЗАГАДКИ, Я ВОЗЬМУ ВАС С СОБОЙ В ТО МЕСТО, ГДЕ ТРОПА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ В ПУСТОШИ. ЕСЛИ ОДИН ИЗ ВАС ЗАГАДАЕТ ЗАГАДКУ, РАЗГАДАТЬ КОТОРУЮ Я НЕ СМОГУ, Я СОХРАНЮ ВАМ ЖИЗНЬ И ОСТАВЛЮ В ТОПИКЕ, ОТКУДА ВЫ СМОЖЕТЕ ПРОДОЛЖИТЬ ПОИСКИ ТЕМНОЙ БАШНИ, ЕСЛИ БУДЕТ НА ТО ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ. ПРАВИЛЬНО Я ПОНЯЛ ТВОИ УСЛОВИЯ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

— Да.

— ОЧЕНЬ ХОРОШО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

— ОЧЕНЬ ХОРОШО, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

— ОЧЕНЬ ХОРОШО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

— ОЧЕНЬ ХОРОШО, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

— ОЧЕНЬ ХОРОШО, ЫШ ИЗ СРЕДИННОГО МИРА.

Ыш вскинул мордочку, услышав свое имя.

— ВЫ — КА-ТЕТ: ЕДИНСТВО ИЗ МНОЖЕСТВА. Я — ТОЖЕ. ТЕПЕРЬ НАМ ПРЕДСТОИТ ВЫЯСНИТЬ, КАКОЙ КА-ТЕТ СИЛЬНЕЕ.

Вновь наступила тишина, нарушаемая лишь мерным гудением моторов, несущих их через бесплодные земли, по Тропе Луча, к Топике, где заканчивался Срединный мир и начинался мир Крайний.

— ИТАК, — торжественно провозгласил Блейн, — ЗАБРАСЫВАЙТЕ ВАШИ СЕТИ, СКИТАЛЬЦЫ. ИСПЫТАЙТЕ МЕНЯ ВАШИМИ

ЗАГАДКАМИ. ДАВАЙТЕ НАЧНЕМ СОСТЯЗАНИЕ.

Часть первая

ЗАГАДКИ

Глава первая

ПОД ДЕМОНИЧЕСКОЙ ЛУНОЙ (I)

1

Город Кандлтон не умер, пусть и разрушенный, отравленный, радиоактивный. Прошли столетия, но в нем по-прежнему теплилась странная жизнь: жуки размерами с черепах, птицы, похожие на маленьких бесформенных дракончиков, несколько спотыкающихся роботов, которые бродили между разрушенными домами, словно стальные зомби, с поскрипывающими шарнирами, поблескивающими глазами-объективами.

— Предъявите ваш пропуск! — выкрикивал один из них, зажатый в углу холла отеля «Кандлтонские путешественники» последние двести тридцать четыре года. Чуть заржавевшую голову робота украшала шестиконечная звезда. За эти годы ему удалось прогнуть металлическую стену, блокирующую ему путь, но не более того.

— Предъявите ваш пропуск! В южном и восточном секторах города повышенные уровни радиации! Предъявите ваш пропуск! В южном и восточном секторах города повышенные уровни радиации!

Раздувшаяся крыса, слепая, с внутренностями, волочащимися следом в кожном мешке, переползла через ноги робота-охранника. Робот-охранник этого не заметил, продолжая биться стальной головой о стальную стену.

— Предъявите ваш пропуск! В южном и восточном секторах города повышенные уровни радиации!

За спиной робота, в баре отеля, покоились черепа мужчин и женщин, которые пришли пропустить по рюмочке, когда прогремел взрыв. Некоторые черепа лыбились, словно их обладатели умерли смеясь. Возможно, некоторые действительно смеялись.

Когда Блейн Моно пролетел над развалинами, рассекая ночь, словно пуля, вылетевшая из ствола, наземь полетели еще не разбившиеся стекла, вниз посыпалась пыль, несколько черепов раскололись, как древние глиняные вазы. Снаружи по улицам пронесся вихрь радиоактивной пыли, фонарный столб перед рестораном «Свинина и говядина» вывернуло из земли. На городской площади Кандлтонский фонтан треснул и развалился на две половины, выплеснув не воду, а пыль, змей, скорпионов-мутантов и нескольких слепых черепах-жуков.

А когда объект, промелькнувший над Кандлтоном, исчез, словно никогда и не появлялся, и город вернулся к тому состоянию, что последние два с половиной столетия заменяло прежнюю жизнь, его настигла ударная волна, громынула над городом впервые за семь последних лет. Вызванной ею вибрации вполне хватило, чтобы обрушить универсальный магазин, расположенный за фонтаном. Робот-охранник попытался в последний раз предупредить:

— В южном и вос... — и замолчал навсегда, уткнувшись в стену, как наказанный ребенок.

В двух или трех сотнях колес от Кандлтона, если продвигаться вдоль Тропы Луча, уровень радиации и концентрация ДЕРЗ в почве уменьшились практически до нуля. Здесь монорельс проходил буквально в десяти футах над землей, и здесь же олениха, выглядевшая почти что нормально, грациозно вышла из соснового леса, чтобы напиться из ручья, вода в котором на три четверти самоочистилась от всякой дряни.

Конечно, олениха отличалась от обычных особей: короткая пятая нога болталась под брюхом, как сосиска, а слепой третий глаз белел на левой стороне морды. Однако у нее сохранилась способность к воспроизводству потомства, а ДНК не очень-то изменилась, во всяком случае, для мутанта в двенадцатом поколении. За шесть лет жизни она родила трех детенышей. Двух — нормальных, «добрая скотина», говорила про таких тетушка Талита из Речного Перекрестка. Третий родился без кожи, кошмарный уродец, мать его тут же и затоптала.

Мир, во всяком случае эта часть мира, постепенно излечивался, зализывая раны.

Олениха начала пить, потом посмотрела вверх, глаза у нее округлились, с морды капала вода. Издалека до нее донесся низкий гудящий звук. Мгновением позже к нему присоединилась искорка. Мозг подал команду тревоги. Мышцы отреагировали быстро, но, хотя от искорки ее отделяли многие колеса, шансов на спасение у нее не было. Она еще не начала сгибать задние ноги, когда искорка увеличилась до размеров прожектора и залила ярким светом ручей и опушку. Со светом пришел сводящий с ума рев моторов монопоезда, мчащегося на полной скорости. Что-то розовое пролетело поверх бетонных столбов, на которых покоился рельс, оставляя за собой вихри пыли, летящие камни, разорванных зверушек, взметнувшуюся в воздух прошлогоднюю листву. Олениха погибла мгновенно. Воздушный водоворот, вызванный Блейном, не засосал ее, слишком большая, но проводов ярдов семьдесят. Вода капала с морды и копыт. Клок шкуры и пятую ногу оторвало и унесло вслед за Блейном, как

подхваченную ветром шляпу.

Наступила тишина, хрупкая, как первый лед на пруду, а потом ударная волна разорвала ее в клочья, сшибив с высот на землю птицу-мутанта, возможно, ворона. Птица камнем упала в ручей, подняв фонтан брызг. А красный глаз, задние огни Блейна, с каждым мгновением уменьшался, удаляясь и удаляясь.

Из-за облаков выглянула полная луна, посеребрив опушку и ручей. На диске луны проглядывалось лицо, но не то, которое хотели бы видеть влюбленные. С луны на землю взирал оскал черепа, такого же, что оставались в баре отеля «Кандлтонские путешественники». И череп этот с улыбкой лунатика поглядывал на немногих существ, которые еще жили и трепыхались внизу. В Гилеаде до того, как мир «сдвинулся с места», полную луну на Новый год называли Демонической и старались на нее не смотреть, полагая сие дурной приметой.

Нынче, однако, это не имело значения. Нынче демонов хватало повсюду.

2

Сюзанна взглянула на карту-схему маршрута и увидела, что зеленая точка, отмечающая их местоположение, находится на полпути между Кандлтоном и Рилейей, следующей остановкой Блейна. *Да только кто собирается останавливаться?* — подумала она.

Оторвав взгляд от карты-схемы, она повернулась к Эдди. Тот все еще изучал потолок салона для баронов. Она подняла голову и увидела квадрат, не иначе как люк (но в таком чуде техники, как говорящий поезд, решила Сюзанна, он должен называться покруче, какой-нибудь «аварийный выход»). На люке краснела, простенькая пиктограмма, изображающая человека, вылезающего из поезда. Сюзанна попыталась представить себе, что будет, если она, следуя нарисованной инструкции, вылезет через люк на скорости восемьсот миль в час. Перед ее мысленным взором предстала женская голова, сорванная с шеи, как цветок со стебля. Она увидела, как голова проносится вдоль крыши салона для баронов, стукнувшись о нее разок, и исчезает в темноте с вытаращенными глазами и растрепанными волосами.

Сюзанна постаралась побыстрее отогнать от себя эту жуткую картину. Все равно лючок на крыше наверняка заблокирован, заперт намертво. Блейн Моно не собирался выпускать их. Им, возможно, удастся выбраться

из салона, но полной уверенности в этом у Сюзанны не было, даже если бы им и удалось загадать Блейну загадку, на которую у того не найдется ответа.

Мне не хочется этого говорить, но ты разговариваешь, как гребаный хонки^[1], дорогой, зазвучал в ее голове голос Детты Уолкер. Не доверяю я твоему механическому мозгу. Тебя надо вдарить покрепче, а не повязывать синей ленточкой твои банки памяти.

Джейк протянул стрелку потрепанную книгу загадок, словно больше не хотел брать на себя ответственность за ее хранение. Сюзанна понимала чувства ребенка: возможно, их жизни зависели от того, что написано на много раз читанных, замусоленных страницах. Пожалуй, ей тоже не хотелось держать при себе эту книгу.

— Роланд, — прошептал Джейк. — Она тебе нужна?

— Жна! — Ыш глянул на стрелка. — Олан-нажна! — зубы ушастика-путаника сомкнулись на книге, он вытащил ее из руки Джейка, и его непропорционально длинная шея потянулась к Роланду, предлагая ему «Загадки, шарады и головоломки для всех и каждого».

Роланд бросил на книгу короткий взгляд, по глазам чувствовалось, что думает он совсем о другом, качнул головой:

— Пока нет. — Он посмотрел на карту-схему. Лица у Блейна не было, следовательно, загадывая загадки, они могли обращаться и к карте. Зеленая точка приблизилась к Рилейе.

Сюзанна подумала было, а как выглядят места, над которыми они сейчас пролетают, но потом решила, что знать этого она не хочет. После того как они увидели, во что превратился город Лад.

— Блейн! — позвал Роланд.

— ДА.

— Ты можешь оставить нас одних? Нам нужно потолковать.

Надо быть сумасшедшим, чтобы думать, что он это сделает, сказала себе Сюзанна. Но Блейн ответил незамедлительно.

— ДА, СТРЕЛОК. Я МОГУ ОТКЛЮЧИТЬ ВСЕ МОИ ДАТЧИКИ В САЛОНЕ ДЛЯ БАРОНОВ. КОГДА ВАШЕ СОВЕЩАНИЕ ЗАКОНЧИТСЯ И ВЫ БУДЕТЕ ГОТОВЫ ЗАГАДЫВАТЬ МНЕ ЗАГАДКИ, Я ВЕРНУСЬ.

— Да, ты и генерал Макартур, — пробормотал Эдди.

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

— Не важно. Говорил сам с собой, ничего больше.

— ЧТОБЫ ВЫЗВАТЬ МЕНЯ, ПРИКОСНИТЕСЬ К КАРТЕ-СХЕМЕ, — добавил Блейн. — ПОКА КАРТА-СХЕМА КРАСНАЯ, МОИ

ДАТЧИКИ ОТКЛЮЧЕНЫ. УВИДИМСЯ ПОЗЖЕ, АЛЛИГАТОР. ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ, КРОКОДИЛ. НЕ ЗАБУДЬ НАПИСАТЬ. — Пауза. — ОЛИВКОВОЕ МАСЛО, НО НЕ КАСТОРОВОЕ.

Прямоугольник карты-схемы маршрута на переднем торце салона внезапно окрасился таким ярким красным светом, что Сюзанна прищурилась.

— Оливковое масло, но не касторовое? — переспросил Джейк. — Что бы это значило?

— Не важно, — отмахнулся Роланд. — Времени у нас мало. Монопоезд несется к конечной станции с постоянной скоростью, независимо от того, с нами Блейн или нет.

— Ты же не веришь, что он действительно ушел, не так ли? — спросил Эдди. — Такой скользкий тип, как он. Да перестань, спустись на землю. Он наверняка подслушивает, даю голову на отсечение.

— Я в этом очень сомневаюсь, — возразил Роланд, и Сюзанна мысленно согласилась с ним. Во всяком случае, на текущий момент. — Ты же слышал, как он обрадовался перспективе отгадывать загадки после стольких лет бездействия. И...

— И он уверен в себе, — добавила Сюзанна. — Не видит в нас серьезных соперников.

— Он не прав? — спросил Джейк стрелка. — Мы сможем взять над ним верх?

— Я не знаю, — ответил Роланд. — Если ты насчет спрятанного у меня в рукаве туза, так его там нет. Это честная игра... но по крайней мере игра, в которую мне уже приходилось играть. Мы все играли в нее прежде, в том или ином виде. И вот эта книга. — Он указал на книгу загадок, которую Джейк взял у Ыша. — Могущественные силы задействованы в этой истории, и не все они стремятся не допустить нас к Темной Башне.

Сюзанна слышала его, но думала в этот момент о Блейне. Блейне, который так легко ушел и оставил их одних, совсем как ребенок, который водит в «прятках», закрывает глаза и ждет, пока спрячутся остальные участники игры. И кто же тогда они? Участники Блейновой игры? От этой мысли ей стало совсем нехорошо. Лучше уж представлять, как вылезает из люка и тебе ветром сносит голову.

— Так что же нам делать? — спросил Эдди. — У тебя наверняка есть какая-то идея, иначе ты не отослал бы его.

— Его могучий разум в сочетании с долгим периодом одиночества и бездействия мог куда в большей степени приблизить его к человеку, хотя он сам об этом даже не догадывается. На это я, во всяком случае, надеюсь.

Прежде всего мы должны провести рекогносцировку. Должны определить, если сумеем, где он слаб, а где — силен, где полностью уверен в себе, а где испытывает хоть малейшие сомнения. Загадки не просто показатель ума человека, их задающего. Они призваны выявить слабые места того, кто их отгадывает.

— А у него есть слабые места? — спросил Эдди.

— Если нет, — спокойно ответил Роланд, — мы все умрем в этом поезде.

— Мне нравится твое умение ободрить нас в трудную минуту, — чуть улыбнулся Эдди. — Это одна из причин, по которой с тобой так приятно иметь дело.

— Мы начнем с четырех загадок, — продолжил Роланд. — Легкой, не очень легкой, довольно трудной и очень трудной. Он разгадает все четыре, я в этом уверен, но мы должны вслушиваться в его ответы.

Эдди кивнул, в Сюзанне затеплилась искорка надежды. Вроде бы подход предлагался правильный.

— Потом мы снова отошлем его и будем держать совет. Возможно, определимся, в каком направлении надо двигаться. Первые загадки мы можем брать откуда угодно, но... — он многозначительно посмотрел на книгу, — ...исходя из рассказа Джейка о том, что произошло в книжном магазине, нужный нам ответ обнаружится в этой книге, а не в моих воспоминаниях о ярмарочных загадках. Он просто *обязан* быть здесь.

— Вопрос. — подала голос Сюзанна. Роланд повернулся к ней, брови вопросительно поднялись.

— Мы ищем *вопрос*, а не ответ, — пояснила она. — На этот раз именно от ответов зависит, останемся мы в живых или нет.

Стрелок кивнул. На его лице отражалось недоумение, может, даже раздражение, такое Сюзанне приходилось видеть не часто. И когда Джейк вновь протянул ему книгу, Роланд ее взял. Подержал (поблещая, но все еще ярко-красная обложка довольно-таки странно смотрелась в его больших загорелых руках... особенно правой, без двух пальцев), потом передал Эдди.

— Самая легкая загадка — твоя. — Роланд посмотрел на Сюзанну.

— Хорошо. — По ее губам промелькнула тень улыбки. — Надеюсь, ты начал с меня не потому, что я — слабый пол.

Стрелок уже повернулся к Джейку:

— Ты будешь вторым, с чуть более сложной загадкой. Я — третьим. А ты — последним, Эдди. Выбери из книги ту, что покажется тебе трудной...

— Самые трудные — в конце, — вставил Джейк.

— ...но только давай без твоих глупостей, хорошо? Вопрос жизни и смерти. Время для глупостей осталось в прошлом.

Эдди смотрел на него, высокого, много пережившего, не останавливающегося ни перед чем ради поставленной цели — добраться до Башни. А знает ли Роланд, подумал он, как больно ранят его слова. Небрежный совет перестать вести себя, как ребенок, улыбочки, шуточки в тот самый момент, когда на карту поставлены их жизни.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать — Эдди Дин славился своими репликами, забавными и жалящими одновременно, такие реплики всякий раз выводили из себя его брата Генри, — и закрыл. Может, на этот раз Роланд прав. Может, сейчас самое время отказаться от детских выходок. Может, пора и повзрослеть.

3

Еще три минуты они перешептывались, а Сюзанна и Джейк листали книгу «Загадки...» (Джейк сказал, что себе он уже выбрал). Потом Роланд прошел к переднему торцу салона и приложил руку к жаростно горящему красному прямоугольнику. Тут же возникала карта-схема маршрута. С непрозрачными стенами они по-прежнему не ощущали никакого движения, но зеленая точка заметно приблизилась к Рилейе.

— ИТАК, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА! — возвестил Блейн. Эдди показалось, что он уловил в голосе не просто веселые, а радостные нотки. — ТВОЙ КА-ТЕТ ГОТОВ НАЧАТЬ?

— Да. Сюзанна из Нью-Йорка откроет первый раунд. — Роланд повернулся к ней, чуть понизил голос (она, конечно, понимала, что Блейн все услышит, если у него будет такое желание): — Тебе не надо выходить на середину прохода, как нам, потому что у тебя нет ног, но говорить ты должна громко и отчетливо, и всякий раз, обращаясь к нему, называть по имени. Если... *когда* он правильно ответит на твою загадку, скажешь: «Спасибо, Блейн, ты ответил правильно». Потом Джейк выйдет в проход и загадает свою загадку. Все понятно?

— А если он ответит неправильно или не ответит вовсе?

Роланд мрачно улыбнулся.

— Думаю, что об этом мы пока можем не беспокоиться. — Он вновь возвысил голос: — Блейн?

— СЛУШАЮ ТЕБЯ, СТРЕЛОК.

Роланд глубоко вдохнул.

— Начинаем.

— ЧУДЕСНО!

Роланд кивнул Сюзанне. Эдди сжал ее руку. Джейк похлопал по другой. Блш глянул на нее золотистыми глазами.

Сюзанна, нервно улыбнувшись, уставилась на карту-схему:

— Привет, Блейн.

— ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

У нее гулко билось сердце, под мышками выступил пот, появилось то самое чувство, с которым она впервые столкнулась в первом классе: начинать трудно. Трудно встать перед классом и первой запеть песню, пошутить, рассказать о том, как ты провела лето... или загадать загадку, как сейчас. Она решила остановиться на сочинении, которое Джейк Чеймберз прочитал им на память во время их долгого разговора. Того, что они вели, распрощавшись со стариками из Речного Перекрестка. В сочинении, озаглавленном «КАК Я ПОНИМАЮ ПРАВДУ», было две загадки, одну из которых Эдди уже загадал Блейну.

— СЮЗАННА? ТЫ ЗДЕСЬ, МОЯ МАЛЕНЬКАЯ КРЕСТЬЯНОЧКА?

Он снова подтрунивал, но на этот раз весело, добродушно. *Добродушно*. Блейн, если хотел, мог быть такой душкой. Как некоторые ей избалованные дети.

— Да, Блейн, я здесь, и вот моя загадка. Что это такое — о четырех колесах и воняет?

Что-то щелкнуло, особым образом, словно кто-то цокнул языком. Затем последовала короткая пауза. Когда Блейн отвечал, шутливости в голосе практически не осталось:

— ГОРОДСКАЯ МУСОРОВОЗКА, РАЗУМЕЕТСЯ. ДЕТСКАЯ ЗАГАДКА. ЕСЛИ И ПРОЧИЕ БУДУТ НЕ ЛУЧШЕ, Я ПОЖАЛЕЮ О ТОМ, ЧТО СОХРАНИЛ ВАМ ЖИЗНЬ, ПУСТЬ ДАЖЕ НА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ.

Карта-схема полыхнула, на этот раз не красным, а светло-розовым.

— Не выводите его из себя, — взмолился Маленький Блейн. Всякий раз, когда он подавал голос, Сюзанна представляла себе потного лысого коротышку. Если голос Большого Блейна накатывал со всех сторон (как голос Бога в каком-то фильме Сесилия де Милля, подумала Сюзанна), то голос Маленького Блейна исходил лишь из одного динамика, расположенного над их головами: — *Пожалуйста*, не злите его. Он уже разогналсЯ до предельной скорости, компенсаторы едва справляются с нагрузкой. И состояние рельсового пути значительно ухудшилось с той поры, как по нему ездили в последний раз.

Сюзанна, которая в свое время накаталась и на троллейбусах, и в

вагонах подземки, не чувствовала никакой тряски. Движение оставалось таким же плавным, как и в тот момент, когда они выезжали из Колыбели Лада, но она почему-то верила Маленькому Блейну. Она догадывалась, что если их так *тряхнет*, то после этого они уже ничего не смогут почувствовать.

Роланд ткнул ее локтем в бок, возвращая к реальности.

— Спасибо, Блейн, ты ответил правильно. — Она не отрывала глаз от карты-схемы, а потом трижды похлопала себя по шее пальцами правой руки. То есть повторила жест Роланда при его первом разговоре с тетужкой Талитой.

— БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ ЗА УЧТИВОСТЬ. — В голосе Блейна вновь слышалась веселость, и Сюзанна расценила сие как добрый знак, хотя и поняла, что смеется он над ней. — Я, ОДНАКО, НЕ ЖЕНЩИНА. НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ, БУДЬ У МЕНЯ ПОЛ, Я БЫЛ БЫ МУЖЧИНОЙ.

Сюзанна в недоумении повернулась к Роланду.

— Мужчинам почтение выказывают левой рукой. Постукиванием по ключице. — Он показал, как.

— Однако.

Роланд посмотрел на Джейка. Тот встал, положил Ыша в кресло (мог бы и не класть: зверек тут же спрыгнул на пол и последовал за мальчиком), вышел в проход, встал лицом к карте-схеме.

— Привет, Блейн, это Джейк. Ты знаешь, сын Элмера.

— ЗАГАДЫВАЙ СВОЮ ЗАГАДКУ.

— Может бежать, но не ходит, имеет рот, но не говорит, ложе есть, но не спит, с головой, но не плачет.

— НЕПЛОХО. ОСТАЕТСЯ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО СЮЗАННА ВОЗЬМЕТ С ТЕБЯ ПРИМЕР, ДЖЕЙК, СЫН ЭЛМЕРА. ОТВЕТ ОЧЕВИДЕН ДЛЯ ЛЮБОГО РАЗУМНОГО СУЩЕСТВА ИЛИ МАШИНЫ, НО ТЫ, ОДНАКО, СТАРАЛСЯ. РЕКА.

— Спасибо, Блейн, ты ответил правильно. — Джейк трижды постучал согнутыми пальцами левой руки по ключице и сел. Сюзанна обняла его, прижала к себе. Джейк с благодарностью взглянул на нее.

Поднялся Роланд.

— Хайль, Блейн.

— ХАЙЛЬ, СТРЕЛОК — Вновь голос Блейна звучал весело... возможно, причиной тому стало приветствие, которого Сюзанна еще ни разу не слышала. Что за «хайль», подумала она. Почему-то на ум пришел Гитлер, мысли ее перекинулись на упавший на землю самолет, который они

нашли около Лада. «Фоккевульф», определил модель Джейк. В самолетах она совершенно не разбиралась, но знала, что в кабине сидел мертвый пилот, погибший так давно, что тело уже не воняло.

— ЗАГАДЫВАЙ ЗАГАДКУ, РОЛАНД, И ПУСТЬ ОНА БУДЕТ ИЗЯЩНОЙ.

— Постараюсь, Блейн, надеюсь, тебе понравится. О четырех ногах утром, о двух днем и о трех вечером. Что это?

— ИЗЯЩНАЯ ЗАГАДКА, — признал Блейн. — ПРОСТЕНЬКАЯ, НО ВСЕ РАВНО ИЗЯЩНАЯ ОТВЕТ — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ В МЛАДЕНЧЕСТВЕ ПОЛЗАЕТ НА РУКАХ И КОЛЕНЯХ, В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ ХОДИТ НА ДВУХ НОГАХ, А В СТАРОСТИ ОПИРАЕТСЯ НА ПАЛКУ.

Голос сочился самодовольством, и Сюзанна неожиданно отметила для себя, что презирает Блейна, плюющего на всех, несущего смерть. У нее возникло ощущение того, что она испытывала бы к нему те же чувства, даже если бы он не заставил их поставить на кон свои жизни в этом конкурсе загадок.

Роланд, однако, ничем не выказал своих истинных чувств.

— Спасибо, Блейн, ты ответил правильно.

Он сел, не похлопав себя по ключице, взглянул на Эдди. Тот поднялся и выступил в проход.

— Что происходит, Блейн, старина? — спросил он.

Роланд поморщился, покачал головой, прикрыл глаза изуродованной правой рукой. Блейн молчал.

— Блейн? Ты здесь?

— ДА, НО НАСТРОЕНИЕ У МЕНЯ НЕ СТОЛЬ ФРИВОЛЬНОЕ, КАК У ТЕБЯ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ЗАГАДЫВАЙ СВОЮ ЗАГАДКУ. ПОДОЗРЕВАЮ, ОНА БУДЕТ ТРУДНОЙ, НЕСМОТРЯ НА ТО ЧТО ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ ВАЛЯТЬ ДУРАКА. С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ.

Эдди бросил взгляд на Роланда, тот махнул рукой — *продолжай, ради твоего отца, продолжай!* — повернулся к карте-схеме, на которой зеленая точка только что миновала Рилейю. Сюзанна поняла, что Эдди догадывается о том, что она уже знала наверняка: Блейн раскусил их замысел, он в курсе того, что они пытаются проверить его способности по всему спектру загадок. Ему это известно... и он с радостью идет им навстречу.

Сердце Сюзанны упало — надежда на то, что они легко и быстро выкрутятся из этой передряги, погасла.

— Ну, не знаю, покажется ли она тебе трудной, но я считаю, что эта загадка — не подарок. — Ответа он, кстати, не знал, потому что кто-то выдрал страницы с ответами из книги «Загадки, шарады и головоломки для всех и каждого», но не думал, что это имеет хоть какое-то значение. Установленные правила не требовали от них знания ответов.

— Я ВЫСЛУШАЮ И ОТВЕЧУ.

— Не сказано — не разбито. Что это?

— ТИШИНА. ТО, О ЧЕМ ТЫ ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА — Блейн ответил практически без паузы, и у Эдди засосало под ложечкой. Необходимости советоваться с остальными не было: ответ Блейн дал правильный. Да еще так быстро. Эдди ничего подобного не ожидал. Он никогда бы в этом не признался, но лелеял надежду, что сможет сокрушить Блейна первой же загадкой, да так, чтобы того не смогли собрать ни вся королевская конница, ни вся королевская рать. Впрочем, та же надежда вспыхивала в нем всякий раз, когда он брал в руки пару костей, в темной подсобке какого-нибудь бара, или, набрав семнадцать, вскрывал карты, играя в блэкджек. Надежда эта твердила ему, что для него все должно пройти хорошо, ибо он — лучший и другого такого нет и не будет.

— Да, — вздохнул Эдди, — тишина. О которой я почти ничего знаю. Спасибо, Блейн, ты сказал правду.

— НАДЕЮСЬ, ТЫ ОТКРЫЛ ДЛЯ СЕБЯ ЧТО-ТО ТАКОЕ, ЧТО ПОМОЖЕТ ТЕБЕ, — добавил Блейн, а Эдди подумал: *Ах ты, гребанный механический вун.* Самодовольство вернулось в голос Блейна и Эдди не мог не задаться вопросом, а откуда у голоса машины взялась эмоциональная окраска. Создавали их такими Великие древние или на каком-то этапе машина претерпела некие изменения. Мало ли что могло произойти в электронном мозгу за долгие годы, столетия одиночества? — ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я ВНОВЬ УДАЛИЛСЯ, И ВЫ МОГЛИ БЫ ПОСОВЕЩАТЬСЯ?

— Да, — ответил Роланд.

Карта-схема вспыхнула ярко-красным. Эдди повернулся к стрелку. Лицо Роланда тут же превратилось в бесстрастную маску, но за мгновение до этого Эдди углядел на нем нечто ужасное — абсолютную безысходность. Эдди никогда не видел такого в лице Роланда, даже когда Роланд умирал от укусов омароподобных тварей, даже когда Эдди

нацеливал на стрелка его же револьвер, даже когда мерзкий Гашер схватил Джейка и скрылся с ним в подземельях Лада.

— Что будем делать? — спросил Джейк. — Все примем участие в следующем раунде?

— Думаю, смысла в этом не много. — ответил Роланд. — Блейн знает тысячи загадок, может, миллионы, и это плохо. А вот что хуже, *гораздо* хуже — он понимает, *как* загадки отгадываются... владеет логическим методом, который позволяет придумывать загадки и, соответственно, их разгадывать. — Он повернулся к Эдди и Сюзанне, которые вновь сидели обнявшись. — Я в этом прав? Вы согласны?

— Да, — ответила Сюзанна, а Эдди с неохотой кивнул. Ему *не хотелось* соглашаться... но он согласился.

— И что из этого? — спросил Джейк. — Что нам *делать*, Роланд? Я хочу сказать, должен же быть выход... не так ли?

Солги ему, ублюдок, послал Эдди в направлении Роланда яростный мысленный импульс.

Роланд, по-видимому, уловил мысль Эдди и постарался ей последовать. Потрепал волосы Джейка изувеченной рукой.

— Думаю, выход есть всегда, Джейк. И вопрос в том, сумеем мы или нет найти нужную загадку. Он говорил, что дорога занимает чуть меньше девяти часов...

— Восемь часов сорок пять минут, — вставил Джейк.

— ...то есть времени у нас маловато. Мы едем час...

— Если карта-схема соответствует действительности, мы уже на полпути к Топике. — Голос Сюзанны подсел. — Наш механический друг мог и солгать насчет продолжительности путешествия. Чтобы добавить себе шансов.

— Мог, — согласился Роланд.

— Так что же нам делать? — повторил Джейк. Роланд глубоко вдохнул, задержал дыхание, выдохнул.

— Сейчас загадывать загадки буду только я. Загадаю ему самые сложные из тех, что помню, которые задавались на ярмарках в дни моей юности. Потом ты, Джейк, если мы будем приближаться к Топике с той же скоростью, а победить Блейна мне не удастся... *Ты* задашь ему последние загадки из своей книжки. Самые трудные. — Он потер щеку, взглянул на ледяную скульптуру. Раньше она чем-то напоминала его, а теперь превратилась в нечто бесформенное. — Я по-прежнему думаю, что ответ — в этой книге. Иначе ты не наткнулся бы на нее перед тем, как вернуться в этот мир.

— А мы? — спросила Сюзанна. — Что делать нам с Эдди?

— *Думайте*, — ответил Роланд. — *Думайте*, ради ваших отцов.

— Я не стреляю рукой, — заговорил Эдди. Внезапно он изменился, стал чужим даже для себя. Что-то похожее он ощущал, когда увидел в дереве рогатку и ключ, которые только и ждали, чтобы он достал их... и в то же время чувство было иным.

Роланд как-то странно посмотрел на него:

— Да, Эдди, сказанное тобой правда. Стрелок стреляет умом. О чем ты подумал?

— Ни о чем. — Он мог бы кое-что добавить, но ему вновь помешало видение: Роланд, сидящий на корточках рядом с Джейком на одном из привалов по пути к Ладу. Перед сложенным, но еще не разожженным костром. Роланд в роли учителя. В учениках на этот раз Джейк. С кремнем и огнивом он пытается разжечь костер. Искра за искрой вылетают и тают в темноте. И Роланд говорит, что Джейк глупец. Что он... ну да... вел себя *глупо*.

— Нет, — вырвалось у Эдди. — Он такого не говорил. Во всяком случае, мальчику не говорил.

— Эдди? — В голосе Сюзанны слышалась озабоченность. Даже испуг.

А почему бы тебе прямо не спросить, что он сказал, братец? Голос Генри, голос Великого Мудреца и Известного Наркомана. Впервые за долгое время. Спроси его, он же сидит рядом с тобой, давай спроси, что он сказал. Прекрати ходить вокруг да около, как ребенок, наложивший в ползунки.

Да только совет был не из лучших, потому что в мире Роланда такие методы не срабатывали. Мир Роланда *сплошь* состоял из загадок, здесь стреляли не рукой, а умом, гребаным умом, и что мог сказать один человек другому, которому никак не удавалось донести искру до растопки? Приблизь кремень, разумеется, и именно это Роланд и сказал: *Приблизь кремень и держи его крепче*.

Но речь сейчас не об этом. Чуть похоже, да только чуть — не считается, как говаривал Генри Дин до того, как стал Великим Мудрецом и Выдающимся Наркоманом. Память Эдди не желала приходить ему на помощь, потому что Роланд обидел его... пристыдил... выставил на посмешище...

Возможно, не специально, но... *что-то* было. Что-то такое, напомнившее ему знакомые ощущения. Обычно они возникали стараниями Генри. Иначе чего бы Генри появляться здесь, после столь длительного отсутствия?

Теперь все смотрели на него. Даже Ыш.

— Валяй, — бросил он Роланду, наверное, излишне резко. — Ты хочешь, чтобы мы думали, так мы уже думаем... — Он, во всяком случае, думал,

(Я *стреляю умом*)

так напрягал свои гребанные мозги, что они раскалились, но он не собирался говорить об этом стрелку.

— Валяй загадывай Блейну свои загадки. Не теряй времени.

— Как скажешь, Эдди. — Роланд поднялся, прошел в переднюю часть салона, прикоснулся к красной прямоугольной пластине, тут же появилась карта-схема маршрута. Зеленая точка отделилась от Рилейи, но Эдди отметил, что монопоезд сбросил скорость, то ли следуя заложенной в компьютер программе, то ли потому, что Блейн радовался жизни и никуда не спешил.

— ТВОЙ КА-ТЕТ ГОТОВ ПРОДОЛЖАТЬ НАШЕ СОСТЯЗАНИЕ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

— Да, Блейн. — ответил Роланд, и Эдди показалось, что в голосе стрелка слышится обреченность. — Только загадки буду загадывать я один. Если ты не возражаешь.

— ЭТО ТВОЕ ПРАВО КАК ГЛАВЫ И ОТЦА ТВОЕГО КА-ТЕТА. ЭТО БУДУТ ЗАГАДКИ С ЯРМАРКИ?

— Да.

— ОТЛИЧНО. — Мерзкая удовлетворенность в голосе. — МНЕ НЕ ТЕРПИТСЯ ИХ УСЛЫШАТЬ.

— Хорошо. — Роланд глубоко вдохнул и начал: — Корми меня, и я живу. Дай мне попить, и я умру. Кто я?

— ОГОНЬ, — тотчас же, без паузы, самодовольный тон, в котором читалось: *у этой загадки отросла борода, когда твоя бабушка еще под стол пешком ходила, но давай следующую! Давно уже я так не веселился, не молчи, переходи к следующей загадке!*

— Я пролетаю под солнцем, Блейн, но не отбрасываю тени. Кто я?

— ВЕТЕР, — без малейшего колебания.

— Ты ответил правильно. Следующая. Легкий, как перышко, но долго не удержишь.

— ВДОХ, — без малейшего колебания.

Однако он заколебался, внезапно подумал Эдди. Джейк и Сюзанна не отрывали глаз от Роланда. Сжав кулаки, они *молили* его загадать Блейну правильную загадку, ту самую, что вдарит ему под дых, о которую он разобьет лоб. Эдди не мог смотреть на них, особенно на Сюзанну, и

одновременно сосредоточиться на своем. Поэтому уставился на собственные руки, тоже сжавшиеся в кулаки, заставил пальцы разжаться, ладони лечь на колени. Далось ему это с превеликим трудом. А из прохода до него доносился голос Роланда, бомбардирующего Блейна загадками своей юности:

— Если разобьешь меня, моя работа не остановится. Если сможешь коснуться, моя работа закончится. Если потеряешь меня, вскоре найдешь с кольцом. Кто я?

У Сюзанны на мгновение перехватило дыхание, и Эдди, хотя не поднимал глаз, понял, что она думает о том же, что и он: это хорошая загадка, *чертовски* хорошая загадка, может...

— ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ, — ответил Блейн. Опять же без малейшего колебания. — ЭТА ЗАГАДКА ОСНОВАНА ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ НА ПОЭТИЧЕСКИХ АЛЛЮЗИЯХ. ДЛЯ ПРИМЕРА ДОСТАТОЧНО ОБРАТИТЬСЯ К ТВОРЧЕСТВУ ДЖОНА ЭВЕРИ, СИРОНТЫ ХАНЦ, ОНДОЛЫ, УИЛЬЯМА БЛЕЙКА, ДЖЕЙМСА ТЕЙТА, ВЕРОНИКИ МЭЙС И ДРУГИХ. ПРОСТО УДИВИТЕЛЬНО, КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА ПРЕВОЗНОСЯТ ЛЮБОВЬ. ПРИЧЕМ ЭТА ОЦЕНКА ОСТАЕТСЯ НЕИЗМЕННОЙ НА ВСЕХ УРОВНЯХ БАШНИ, ДАЖЕ В ЭТОТ ПЕРИОД УПАДКА. ПРОДОЛЖАЙ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

Сюзанна вновь задышала. Пальцы Эдди хотели опять сжаться в кулаки, но он им не позволил. *Пододвинь кремень ближе*, подумал он голосом Роланда. *Пододвинь кремень ближе, ради твоего отца!*

А Блейн Моно мчал их на юго-восток, под Демонической Луной.

Глава вторая

ПЕСИЙ ВОДОПАД

1

Джейк не знал, трудными или легкими покажутся Блейну десять последних загадок из его книги, но сам полагал их очень сложными. Разумеется, напомнил он себе, он — не думающая машина, в распоряжении которой гигантские компьютеры. Он мог лишь одно — загадать эти загадки. Бог ненавидит трусов, как иной раз говаривал Эдди. Если Блейн правильно ответит на эти десять, он предложит загадку Эрона Дипно о Самсоне (*Из ядущего вышло ядомое, и так далее*). Если и тут он потерпит неудачу, тогда... черт, что тогда делать, он не знал, просто понятия не имел, что ему тогда делать. *Правда в том*, подумал Джейк, что я спекся.

А почему нет? Чего только не пришлось ему пережить за последние восемь часов! Поначалу его охватил ужас: он не сомневался, что вместе с Ышем свалится с подвесного моста и найдет смерть в реке Сенд. Потом Гашер потащил их через этот безумный лабиринт, который когда-то был Ладом. И, наконец, ему пришлось смотреть в страшнящие зеленые глаза Тик-Така и отвечать на его не имеющие ответа вопросы о времени, нацистах и транзитивных схемах. Допрос Тик-Така, наверное, ничем не отличался от Окончательного Экзамена в аду.

Затем радость спасения Роландом (и Ышем, если б не Ыш, не жить бы ему сейчас), изумление от увиденного под городом, трепетный восторг, когда Сюзанна разгадала загадку, открывающую ворота Блейна, и, наконец, безумный рывок к монопоезду, чтобы попасть в него, прежде чем Блейн откроет хранилища нервно-паралитического газа, расположенные под Ладом.

Пережив все это, Джейк пребывал в полной уверенности, что Роланд, *конечно же*, сокрушит Блейна, а тот выполнит свою часть сделки и высадит их на конечной остановке (в том месте, которое в Срединном мире называлось Топикой^[2]). После чего они найдут Темную Башню и сделают все, что должны сделать, изменят то, что необходимо изменить, поправят то, что требует исправления. А потом? Потом, разумеется, будут жить долго и счастливо. Как герои сказки.

Да только...

Они разделяют мысли друг друга, говорил Роланд. Разделенный кхеф — один из атрибутов *катета*. И как только Роланд вышел в проход, чтобы загадывать Блейну загадки, которые слышал в молодости, чувство обреченности начало наползать на мысли Джейка. Исходило оно не от стрелка. Черную волну гнала Сюзанна. Она — не Эдди, последний своими мыслями ушел далеко-далеко. Возможно, оно и к лучшему, решил Джейк, но поручиться за это не мог, и...

...и в душу Джейка вновь начал закрадываться страх. Не просто страх — отчаяние. Словно безжалостный враг все глубже и глубже загонял его в угол и спасения не было. Пальцы его беспрестанно почесывали шерстку Ыша, а взглянув вниз, Джейк даже вздрогнул от изумления: рука, в которую Ыш впился зубами, чтобы не упасть с моста, больше не болела. Он видел углубления от зубов ушастика, кровавые корки на ладони и на запястье, но рука больше не болела. Он осторожно согнул ее. Боль чувствовалась, но очень уж слабая, можно сказать, ее не было.

— Блейн, что, поднимаясь, раскрывается, а опускаясь, складывается?

— ЗОНТИК, — все с тем же веселым самодовольством, от которого Джейка уже начало мутить, ответил Блейн.

— Спасибо, Блейн, опять ты ответил правильно. Сле...

— Роланд?

Стрелок повернулся к Джейку, сосредоточенность, читаемая на его лице, уступила место пусть не улыбке, но ее подобию. Джейка такая реакция только порадовала.

— Что такое, Джейк?

— Моя рука. Ее дергало от боли, а теперь она не болит.

— ЕРУНДА, — заговорил Блейн голосом Джона Уэйна^[3]. — Я НЕ МОГУ СМОТРЕТЬ, ЕСЛИ СОБАКА МУЧАЕТСЯ, НАКОЛОВ ЛАПУ, И УЖ ТЕМ БОЛЕЕ НЕ ОСТАВЛЮ БЕЗ ПОМОЩИ ТАКОГО МИЛОГО ПАРНИШКУ, КАК ТЫ. ВОТ Я ТЕБЯ И ВЫЛЕЧИЛ.

— Как? — спросил Джейк.

— ПОСМОТРИ НА ПОДЛОКОТНИК ТВОЕГО КРЕСЛА.

Джейк увидел едва заметную сетку переплетенных нитей, чуть похожую на динамик транзисторного приемника, который он получил в подарок, когда ему было семь или восемь лет.

— ЕЩЕ ОДНА ЛЬГОТА ПУТЕШЕСТВУЮЩИМ В САЛОНЕ ДЛЯ БАРОНОВ, — все так же самодовольно продолжил Блейн. Джейк подумал, что Блейн отлично прижился бы в школе Пайпера. Там хватало таких же учителей — ОСНОВНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СКАНИРУЮЩЕГО СПЕКТРАЛЬНОГО УСИЛИТЕЛЯ — ДИАГНОСТИКА. НО ОН ТАКЖЕ

МОЖЕТ ОКАЗАТЬ НЕСЛОЖНУЮ ПЕРВУЮ ПОМОЩЬ ВРОДЕ ТОЙ, ЧТО Я ОКАЗАЛ ТЕБЕ. ОН ТАКЖЕ ВКЛЮЧАЕТ СИСТЕМУ ПОДАЧИ ПИТАНИЯ, УСТРОЙСТВО ДЛЯ РЕГИСТРАЦИИ МОЗГОВЫХ ВОЛН, СТРЕСС-АНАЛИЗАТОР И КОРРЕКТОР ЭМОЦИЙ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ СТИМУЛИРОВАТЬ ВЫРАБОТКУ ЭНДОРФИНОВ. СКАНИРУЮЩИЙ УСИЛИТЕЛЬ СОЗДАЕТ ТАКЖЕ ОЧЕНЬ ПРАВДОПОДОБНЫЕ ИЛЛЮЗИИ И ГАЛЛЮЦИНАЦИИ. НЕ ЖЕЛАЕШЬ ЛИ НАСЛАДИТЬСЯ СЕКСУАЛЬНЫМ КОНТАКТОМ С ОДНОЙ ИЗ СЕКС-БОМБ ТВОЕГО УРОВНЯ БАШНИ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА? МЭРИЛИН МОНРО, РАКЕЛ УЭЛЧ, ЭДИТ БАНКЕР?

Джейк рассмеялся. Он понимал, что смеяться над Блейном рискованно, но ничего не мог с собой поделать.

— Эдит Банкер *не существует*, — поправил он Блейна. — Она всего лишь персонаж в телевизионном фильме. А актрису зовут Джин Степлтон. Только она похожа на нашу домоправительницу, миссис Шоу. Милая женщина, но не... знаете ли... не из тех, с кем хочется заниматься сексом.

Блейн долго молчал. Когда же голос компьютера вновь донесся из динамиков, в нем слышалась холодность, заменившая фривольность тона.

— ПРИНОШУ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ТАКЖЕ СНИМАЮ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О СЕКСУАЛЬНОМ КОНТАКТЕ.

Это будет мне уроком, подумал Джейк, поднося руку ко рту, чтобы скрыть улыбку, громко (надеясь, что в голосе, соответственно ситуации, не прозвучит и йоты насмешки) он ответил:

— Все нормально, Блейн. Думаю, что для этого я еще слишком молод.

Сюзанна и Роланд переглянулись. Сюзанна не знала, кто такая Эдит Банкер, телесериал «Все в семью» появился на экранах после того, как ее «извлекли» в Срединный мир. Но суть она уловила правильно. Джейк увидел, как ее полные губы беззвучно произнесли одно слово и послали его стрелку, как мыльный пузырь.

Ошибка.

Да. Блейн допустил ошибку. Более того. Джейк Чеймберз, одиннадцатилетний мальчик, поймал его на ней. А где одна ошибка, там и другая. Может, есть еще надежда. Джейк решил, что он это проверит. Настроение у него немного улучшилось.

Роланд едва заметно кивнул Сюзанне, потом повернулся к переднему

торцу салона, чтобы порадовать Блейна следующей загадкой. Но не успел открыть рот, как Джейк почувствовал, что его потащило вперед. Вот оно, наглядное проявление законов физики, подумал он. Когда поезд мчался с постоянной скоростью, движения не ощущалось, но торможение тут же дало о себе знать.

— ВОТ ЭТО ВАМ НЕПРЕМЕННО НАДО УВИДЕТЬ — Голос Блейна вновь зазвучал весело, но Джейк не доверял этому тону. Иной раз он слышал, как его отец точно так же начинал телефонный разговор (обычно с каким-то сотрудником, который НПК — напортачил по-крупному), а заканчивалось все тем, что Элмер Чеймберз вскакивал, перегибался через стол, словно человек, у которого схватило живот, и орал во всю мощь легких так, что багровело лицо и лиловели мешки под глазами — ВСЕ РАВНО МНЕ ЗДЕСЬ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ. Я ДОЛЖЕН ПЕРЕЙТИ НА ПИТАНИЕ ОТ АККУМУЛЯТОРОВ, А ИМ ТРЕБУЕТСЯ ПОДЗАРЯДКА.

Поезд остановился с легким толчком. Стены, пол, потолок салона начали терять цвет, стали прозрачными. Сюзанна ахнула от страха и восхищения. Роланд двинулся влево, выставив перед собой руку, чтобы не удариться головой о стену, затем наклонился вперед, уперевшись ладонями в колени, сощурился. Ёш затыкал. Только Эдди, казалось, не замечал захватывающего зрелища, открывшегося перед ними, спасибо переходу «баронского» салона в обзорный режим. Он поднял голову, всецело поглощенный своими мыслями, и вновь уставился на руки. Джейк с любопытством всмотрелся в него, но тут же отвернулся.

Они зависли над огромным каньоном в залитом лунным светом воздухе. Под ними Джейк видел широкую бурлящую реку. Не Сенд, если только в мире Роланда реки не меняли направление течения на противоположное (Джейк слишком мало знал о Срединном мире, чтобы с ходу отметить такую возможность). И эта река в отличие от Сенда, величественно несущего свои воды, ревела, как бурный поток, только вырвавшийся с гор, напоминая разозленного драчуна, которому не терпится пустить в ход кулаки, чтобы стравить пар.

Джейк глянул на деревья, растущие по обоим берегам, с облегчением отметив, что выглядят они совершенно нормально: такие же хвойные леса встречались в горах Колорадо или Вайоминга, а потом взгляд его переместился к обрыву. Здесь поток «ломался» и падал вниз. Водопад таких размеров Джейк и представить себе не мог. В сравнении с ним Ниагара, где он побывал с родителями (в одной из трех семейных поездок, которые он мог вспомнить: две из них прерывались срочным вызовом отца на работу), казалась аттракционом в третьеразрядном аквапарке.

Воздушная полусфера, пропитанная капельками воды, накрывала водопад. К нему подтягивался поднимающийся снизу туман. В нем многоцветьем мерцали полдесятка лунных радуг. Джейку они напоминали переплетенные олимпийские кольца.

По центру водопада, похоже, двумя сотнями футов ниже того места, где река сваливалась с обрыва, из воды торчали два огромных каменных выступа. Хотя Джейк понятия не имел, как скульптору (или его команде) удалось поместить их там, где они находились, он не мог поверить, что эти выступы — творение природы. Они напоминали головы огромных, с оскаленными мордами псов.

Песий водопад, подумал он. После него еще одна остановка — Дашервилл и Топика. Последняя остановка. Просьба освободить вагоны.

— ОДИН МОМЕНТ, — напомнил о себе Блейн. — СЕЙЧАС ОРГАНИЗУЮ ЗВУКОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ ПОЛНОГО ЭФФЕКТА.

Что-то захрипело, должно быть, где-то прочищалось механическое горло, и на них накатился ревущий шквал. Вода, миллиарды галлонов воды каждую минуту переливались через край и с высоты двух тысяч футов падали в гигантскую каменную чашу у подножия водопада, туман клубился над выступающими песьими мордами, как дымок, поднимающийся из вентиляционных шахт ада. Уровень шума все нарастал. От грохота у Джейка завибрировала голова. Прижимая руки к ушам, он увидел, что Роланд, Эдди и Сюзанна делают то же самое. Ыш тьявкал, но Джейк не мог его слышать, губы Сюзанны задвигались, и вновь он сумел прочитать по ним слова: *Прекрати, Блейн, прекрати!* Но расслышать их не мог, как не слышал тьяканья Ыша, хотя не сомневался, что орала Сюзанна во весь голос.

А Блейн все усиливал рев водопада, пока Джейк не почувствовал, как глаза задрожали в глазницах. А уж в том, что барабанные перепонки у него лопнули, он не сомневался.

А потом все закончилось. Как отрезало. Они по-прежнему висели в залитом лунным светом воздухе, над падающей водой переливались лунные радуги, из ревущего потока все так же торчали мокрые и жестокие каменные морды псов, но обрушивающий мир грохот исчез.

Джейк уже подумал, что случилось то, чего он боялся, что он оглох, но тут же понял, что слышит, как тьякает Ыш и плачет Сюзанна. Поначалу звуки эти доносились из далекого далека, словно его уши забило ватой, потом приблизились.

Эдди обнял Сюзанну за плечи, посмотрел на карту-схему.

— Хороший ты парень, Блейн.

— Я ПРОСТО ПОДУМАЛ, ЧТО ВЫ ПОЛУЧИТЕ УДОВОЛЬСТВИЕ, УСЛЫШАВ, КАК РЕВЕТ ПЕСИЙ ВОДОПАД, — ответил ему Блейн. В громовом голосе слышались насмешка и одновременно обида. — Я ДУМАЛ, ЭТО ПОМОЖЕТ ВАМ ЗАБЫТЬ О МОЕЙ ПРИСКОРБНОЙ ОШИБКЕ, КАСАЮЩЕЙСЯ ЭДИТ БАНКЕР.

Моя вина, подумал Джейк. Блейн, возможно, машина, да еще с суицидальными наклонностями, но ему все равно не нравится, когда над ним смеются.

Он подсел к Сюзанне и тоже обнял ее. Он все еще слышал Песий водопад, но Блейн сильно уменьшил уровень шума.

— Что здесь происходит? — спросил Роланд. — Как ты подзаряжаешь аккумуляторы?

— ТЫ ВСКОРЕ САМ ВСЕ УВИДИШЬ, СТРЕЛОК. А ПОКА ЗАГАДАЙ МНЕ ЗАГАДКУ.

— Хорошо, Блейн. Вот одна из загадок Корта, в свое время он их много напридумывал.

— ЖДУ С НЕТЕРПЕНИЕМ.

Роланд помолчал, должно быть, собираясь с мыслями, взглянул вверх: крышу салона заменило верное звездное небо (Джейк нашел Атону и Лидию, Старую Звезду и Древнюю Матерь, они чуть успокоили его, поблескивая на привычных глазу местах). А стрелок уже перевел взор на прямоугольник с картой-схемой, которым они подменяли лицо Блейна.

— Мы — маленькие существа, и все мы очень разные. Одна из нас ушла на бал, вторую по дороге бес украл. Третья на бис решила сплясать, четвертая на бок улеглась спать. Пятую искали со сворой гончих псов, мелькнула и пропала в буране из слов^[4].

— А, Е, И, О, У, — ответил Блейн. — ОСНОВНЫЕ ГЛАСНЫЕ АЛФАВИТА. — Вновь ни малейшего колебания. Только голос стал еще более насмешливым, голос жестокого маленького мальчика, наблюдающего, как жуки бегают по раскаленной конфорке. — ОДНАКО ЭТА ЗАГАДКА ПРИДУМАНА НЕ ТВОИМ УЧИТЕЛЕМ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. Я УЗНАЛ ЕЕ ОТ ДЖОНАТАНА СВИФТА ИЗ ЛОНДОНА, ГОРОДА В ТОМ МИРЕ, ИЗ КОТОРОГО ПРИШЛИ ТВОИ ДРУЗЬЯ.

— Спасибо, — со вздохом ответил Роланд. — Ты ответил правильно, Блейн, и, несомненно, ты прав и в том, откуда взялась эта загадка. Я давно подозревал, что Карту известно о существовании других миров. Думаю, он скорее всего общался с *манни*, которые жили неподалеку от города.

— О МАННИ Я НИЧЕГО НЕ ХОЧУ ЗНАТЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

ЭТО ГЛУПАЯ СЕКТА. ЗАГАДАЙ МНЕ ЗАГАДКУ.

— Хорошо. Что...

— ПОСТОЙ-ПОСТОЙ. ЛУЧ НАБИРАЕТ СИЛУ. НЕ СМОТРИТЕ ПРЯМО НА ПСОВ, МОИ ИНТЕРЕСНЫЕ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ, И ПРИКРОЙТЕ ГЛАЗА!

Джейк отвел взгляд от каменных колоссов, но не успел вовремя поднять руку. И периферийным зрением углядел, как головы внезапно обрели яростно сверкающие ярко-синие глаза. Молнии устремились из этих глаз к монопоезду. А потом Джейк упал на застланный ковром пол «баронского» салона, плотно прижимая ладони к закрытым глазам, и слышал лишь подвывание Ыша да потрескивание электрических разрядов: вокруг поезда бушевала гроза.

Когда Джейк вновь открыл глаза, Песий водопад исчез: стараниями Блейна стены потеряли прозрачность. Потрескивание разрядов, однако, осталось: энергия Луча каким-то образом выстреливалась из глаз каменных псов и накапливалась Блейном. *Когда, мы тронемся в путь, то питание пойдет от аккумуляторов,* подумал Джейк. *Блейн обретет полную автономию, с Ладом оборвутся все связи. Может, оно и к лучшему.*

— Блейн, каким образом энергия Луча запасается в этом месте? — спросил Роланд. — Что заставляет ее истекать из глаз этих каменных псов? Как ты утилизируешь ее?

Блейн молчал.

— И кто их высек из камня? — спросил Эдди. — Великие древние? Не они, так? Люди, которые жили до них. Или... *были* они людьми?

Блейн молчал. Молчи и дальше, думал Джейк. Не хотелось ему ничего знать ни о Песьем водопаде, ни о том, что происходило в его чреве, под толщей воды. Прежде он ничего не знал о мире Роланда, а то, что увидел в последнее время, привело его к однозначному выводу — не было тут ничего хорошего.

— Лучше не спрашивайте его, — донесся до них голос Маленького Блейна. — Так безопаснее.

— Не задавайте ему глупых вопросов, он не будет играть в глупые игры, — откликнулся Эдди. На его лице вновь появилась отстраненность, он с головой ушел в свои мысли и, когда Сюзанна обратилась к нему по имени, не ответил ей.

Роланд сел по другую сторону прохода от Джейка, медленно потер правой рукой щетину на правой щеке, тем подсознательным жестом, который появлялся у него в минуты усталости или сомнений.

— Мои загадки иссякают.

Джейк в удивлении повернулся к нему. Стрелок загадал компьютеру порядка пятидесяти загадок, без специальной подготовки это немало, но Джейк полагал, что Роланд знает их гораздо больше, учитывая, что в Гилеаде, где он вырос, им придавалось такое большое значение...

Должно быть, Роланд прочитал эти мысли на лице Джейка, потому что горькая, как желчь, улыбка тронула уголки рта, и стрелок кивнул, словно мальчик говорил вслух.

— Я тоже этого не понимаю. Если б ты спросил меня вчера или днем раньше, я бы ответил, что в том коробе, который называется моей памятью, хранится не меньше тысячи загадок. Может, две тысячи. Но...

Он пожал плечами, покачал головой, снова потер щеку.

— Дело не в забывчивости. Их там словно и не было. Видать, со мной происходит то же, что и с остальным миром.

— Ты «сдвинулся». — Сюзанна посмотрела на Роланда с такой жалостью, что через секунду-другую он отвел глаза. — Как и все остальное.

— Боюсь, что да. — Он взглянул на Джейка, губы плотно сжаты, глаза пронизывают насквозь. — Будешь готов загадывать загадки, когда я позову тебя?

— Да.

— Хорошо. И не отчаивайся. Мы еще живы.

Снаружи треск электричества стих.

— АККУМУЛЯТОРЫ ЗАРЯЖЕНЫ, И ВСЕ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ, — возвестил Блейн.

— Великолепно, — сухо ответила Сюзанна.

— Лепно! — согласился Ыш, точно ухватив саркастические интонации Сюзанны.

— Я ДОЛЖЕН ПЕРЕКЛЮЧИТЬ ОСНОВНЫЕ СИСТЕМЫ НА РАБОТУ ОТ АККУМУЛЯТОРОВ. НА ЭТО УЙДЕТ ОКОЛО Сорока минут. ОПЕРАЦИИ РУТИННЫЕ, В БОЛЬШИНСТВЕ ВЫПОЛНЯЮТСЯ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ. ПОКА ИДЕТ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ, МЫ МОЖЕМ ПРОДОЛЖАТЬ НАШЕ СОСТЯЗАНИЕ. МНЕ ОНО ДОСТАВЛЯЕТ НЕСКАЗАННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ.

— Все равно что пересаживаешься с электрической тяги на дизельную в Бостоне, — вставил Эдди. По голосу чувствовалось, что он по-прежнему

где-то далеко. — Чтобы ехать в Хартфорд, или Нью-Хейвен или какой другой город, где не согласится жить ни один гребаный человек в здравом уме.

— Эдди? — спросила Сюзанна. — О чем ты...

Роланд коснулся ее руки и покачал головой.

— НЕ ОБРАЩАЙТЕ ВНИМАНИЯ НА ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. — По голосу Блейна чувствовалось, что он веселится от души.

— Это точно, — отозвался Эдди. — Не обращайтесь внимания на Эдди из Нью-Йорка.

— ОН НЕ ЗНАЕТ ХОРОШИХ ЗАГАДОК, НО ТЫ ЗНАЕШЬ ИХ МНОГО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. ЗАГАДАЙ МНЕ ЕЩЕ ОДНУ.

И когда Роланд загадал, Джейк подумал о своем экзаменационном сочинении. *Блейн — это боль*, написал он в нем. *Блейн — это боль. Вот, правда.* Так оно и вышло, он не ошибся.

Истинная правда.

Не прошло и часа, как Блейн Моно тронулся с места.

Сюзанна зачарованно наблюдала, как зеленая точка приближается к Дашервиллу, минует его и продолжает движение по последнему отрезку маршрута, к конечному пункту. Скорость точки подсказывала, что на аккумуляторах монопоезд движется чуть медленнее, и ей показалось, что лампы в салоне для баронов горят не так ярко, но она не верила, что эта разница имеет хоть какое-то значение. Блейн мог ехать до Топики со скоростью шестьсот, а не восемьсот миль в час, но последних его пассажиров ожидал один и тот же исход — Блейн все равно размажет их по стенке.

Роланд также сбавил скорость, все глубже и глубже залезая в кладовые памяти. Однако находил все новые загадки и не желал признать своего поражения. Как обычно. С той поры как он начал учить ее стрелять, Сюзанна испытывала нежеланную любовь к Роланду из Гилеада, чувство, родившееся из смеси восхищения, страха и жалости. Она думала, что по-настоящему он ей никогда не понравится (потому что Детта Уокер, ее неразрывная часть, всегда будет ненавидеть его за то, как он схватил ее и вытащил, упирающуюся, на свет Божий). Он, в конце концов, спас душу и тело Эдди Дина. Она могла бы любить его только за это, не говоря о прочем. Но еще больше она любила его, так ей казалось, за твердость духа,

умение никогда, ни при каких обстоятельствах не сдаваться. Слова отступление в его словаре не существовало, даже если он терпел поражение... а сейчас именно это и происходило.

— Блейн, где можно найти дороги без карет, леса без деревьев, города без домов?

— НА КАРТЕ.

— Правильный ответ, благодарю. Следующая загадка. У меня сотня ног, но я не могу стоять, длинная шея, но нет головы. Я отнимаю у служанки жизнь. Кто я?

— ЩЕТКА, СТРЕЛОК. ДРУГОЙ ВАРИАНТ — «Я ОБЛЕГЧАЮ СЛУЖАНКЕ ЖИЗНЬ». ТВОЙ МНЕ НРАВИТСЯ БОЛЬШЕ.

Комплимент Роланд проигнорировал.

— Нельзя увидеть, нельзя пощупать, нельзя услышать, нельзя унюхать. Живет за звездами и под горами. Оканчивает жизнь и убивает смех. Что это, Блейн?

— ТЕМНОТА.

— Спасибо, ответ правильный.

Изувеченная правая рука скользнула по правой щеке, знак усталости и сомнений, от скрежета щетины по мозолистой ладони по коже Сюзанны побежали мурашки. Джейк сидел на полу по-турецки, сверля стрелка взглядом.

— Бегает, но не ходит, иногда поет, но не говорит, без плеч, но с руками, без головы, но с лицом. Что это, Блейн?

— ЧАСЫ.

— Дерьмо, — процедил Джейк, не разжимая губ.

Сюзанна посмотрела на Эдди, и в ней поднялась волна раздражения. Он вроде бы потерял всякий интерес к происходящему, заторчал, так вроде бы обозначали это состояние на сленге восьмидесятых. Она уж собралась двинуть его локтем в бок, чтобы привести в чувство, потом вспомнила, как Роланд покачал головой, показывая, что делать этого не надо, и оставила Эдди в покое. Как знать, о чем он там думает, по лицу ничего не скажешь, но, может, его раздумья чем-то да помогут.

Если так, то тебе хорошо бы поспешить, дорогой, мысленно сказала она Эдди. Точка на карте-схеме все еще находилась ближе к Дашервиллу, чем к Топике, но еще четверть часа, и она перевалит за середину.

А поединок тем временем продолжался. Роланд загадывал загадки. Блейн тут же их разгадывал, не давая стрелку ни секунды передышки.

Что строит замки, срывает горы, ослепляет одних, помогает видеть другим? ПЕСОК.

Спасибо.

Что живет зимой, умирает летом, растет с корнями наверху?
СОСУЛЬКА.

Блейн, ты ответил правильно.

Человек ходит над, человек ходит под, во время войны сгорает дотла?
МОСТ.

Спасибо.

Бесконечной чередой загадки шагали мимо Сюзанны, пока она не потеряла счет. Неужели именно так и проходил конкурс отгадчиков во времена его юности на ярмарках Широкой Земли и Полной Земли, когда он и его друзья (хотя Сюзанна подозревала, что по большому счету не все из них были ему друзьями, далеко не все) состязались за призового гуся? Она догадалась, что ответ скорее всего — да. Победителем становился тот, кому удавалось дольше всех сохранить свежую голову, каким-то образом проветривая перегретые мозги.

Особенно удручала та *легкость*, с которой Блейн выдавал ответ. Какой бы трудной ни казалась ей загадка, Блейн мгновенно перекидывал мяч на сторону Роланда, *ка-слам*.

— Блейн, кто имеет глаза, но не видит?

— ОТВЕТА ЧЕТЫРЕ. ИГОЛКА, ТАЙФУН, КАРТОФЕЛЬ И ВЛЮБЛЕННЫЙ.

— Спасибо, Блейн, ты ответил...

— СЛУШАЙ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, СЛУШАЙ, КА-ТЕТ.

Роланд замолк на полуслове, прищурился, чуть склонил голову набок.

— ВСКОРЕ ВЫ УСЛЫШИТЕ, КАК МОИ ДВИГАТЕЛИ НАБИРАЮТ МОЩЬ. МЫ НАХОДИМСЯ В ШЕСТИДЕСЯТИ МИНУТАХ ЕЗДЫ ОТ ТОПИКИ. С ЭТОГО МОМЕНТА...

— Если мы едем семь часов, то я вырос с семейкой Брейди^[5]. — вставил Джейк.

Сюзанна нервно огляделась, ожидая, что сарказм Джейка вновь не останется безнаказанным, но Блейн только хохотнул. А заговорил голосом Хэмпфри Богарта^[6]:

— ВРЕМЯ ЗДЕСЬ БЕЖИТ ПО-ДРУГОМУ, ЛАПОЧКА. ПОРА БЫ ТЕБЕ ЭТО ЗНАТЬ. НО НЕ ВОЛНУЙСЯ. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ВРЕМЕНИ, СОХРАНЯЮТСЯ. СТАЛ БЫ Я ТЕБЕ ЛГАТЬ?

— Да, — пробормотал Джейк.

Видать, от ответа Джейка в «рот» Блейна попала смешинка: он

захохотал безумным, механическим смехом, напомнившим Сюзанне комнаты смеха в дешевых парках-аттракционах. Когда же лампы салона начали пульсировать в такт смеху, она закрыла глаза и зажала уши руками.

— Прекрати, Блейн! Прекрати!

— ПРОШУ МЕНЯ ИЗВИНИТЬ, МЭМ, — прогнусавил Блейн а-ля Джимми Стюарт^[7]. — ЧЕРТОВСКИ ЖАЛЬ, ЧТО ОСКОРБИЛ ВАШ СЛУХ СВОИМ ВУЛЬГАРНЫМ СМЕХОМ.

Сюзанна ожидала, что сейчас рассмеется Эдди, этикие выходки всегда его смешили, но Эдди продолжал смотреть на свои руки, наморщив лоб, с пустыми глазами, чуть приоткрыв рот. *Прямо-таки деревенский идиот*, подумала Сюзанна и опять едва удержалась от того, чтобы не двинуть ему локтем в бок, чтобы содрать эту дурацкую маску с его лица. Она знала, что долго сдерживаться не сможет: если им суждено умереть в этом поезде, она хотела умирать в объятиях Эдди, чтобы его глаза смотрели в нее, а не черт знает куда. Но пока она решила его не трогать.

— С ЭТОГО МОМЕНТА, — нормальным голосом продолжил Блейн, — Я СТАНОВЛЮСЬ КАМИКАДЗЕ И ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ. АККУМУЛЯТОРЫ, КОНЕЧНО, СЯДУТ, НО Я ДУМАЮ, ЧТО УЖЕ ПОЗДНО ЗАБОТИТЬСЯ О СОХРАНЕНИИ ЭНЕРГИИ, НЕ ТАК ЛИ? В ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ УПОРЫ, КОТОРЫМИ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ МОНОРЕЛЬС, Я ВРЕЖУСЬ НА СКОРОСТИ ДЕВЯТЬСОТ МИЛЬ В ЧАС, ИЛИ ПЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ КОЛЕС. УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР. ДО СКОРОГО, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБУДЬ НАПИСАТЬ. Я ГОВОРЮ ВАМ ВСЕ ЭТО, ПОТОМУ ЧТО ПРЕВЫШЕ ВСЕГО ЦЕНЮ ЧЕСТНУЮ ИГРУ, МОИ ИНТЕРЕСНЫЕ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ. ЕСЛИ ВЫ ПРИПАСЛИ САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ЗАГАДКИ НА КОНЕЦ, САМОЕ ВРЕМЯ ПЕРЕЙТИ К НИМ СЕЙЧАС.

Голос Блейна пропитала алчность — неприкрытое желание услышать и отгадать все их загадки. И Сюзанну захлестнуло чувство обреченности.

— Я могу не успеть загадать тебе все самые лучшие загадки, — как бы между прочим заметил Роланд. — Стоит ли так спешить?

Короткая пауза, но гораздо более длинная, чем после любой из загадок Роланда, а потом Блейн хохотнул. Как же Сюзанна ненавидела этот безумный смех, звучащий в нем цинизм, от которого у нее стыла кровь. Может, потому, что смеялся он как обычный человек.

— ОТЛИЧНО, СТРЕЛОК, УДАЧНЫЙ ХОД. НО ТЫ НЕ ШАХРАЗАДА, ДА И НЕТ У НАС ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ, ЧТОБЫ РАЗГОВОРЫ РАЗГОВАРИВАТЬ.

— Я не понимаю тебя. И не знаю никакой Шахразады.

— НЕВАЖНО. СЮЗАННА ПРОСВЕТИТ ТЕБЯ, ЕСЛИ ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ, МОЖЕТ, ДАЖЕ ЭДДИ. ДЕЛО В ТОМ, РОЛАНД, ЧТО ОБЕЩАНИЯМИ НОВЫХ ЗАГАДОК МЕНЯ НЕ СБИТЬ С ЦЕЛИ. МЫ ИГРАЕМ НА ГУСЯ В ТОПИКЕ. ОДИН ИЗ НАС ДОЛЖЕН ЕГО ПОЛУЧИТЬ, ТЫ ЭТО ПОНИМАЕШЬ?

Вновь изувеченная рука поднялась к щеке. Снова Сюзанна услышала, как заскрежетала щетина по мозолям.

— Мы обо всем договорились. Никто не отказывается.

— ПРАВИЛЬНО. НИКТО НЕ ОТКАЗЫВАЕТСЯ.

— Хорошо, Блейн, тогда продолжим состязание. Следующая загадка.

— КАК ВСЕГДА, ЖДУ С НЕТЕРПЕНИЕМ.

Роланд посмотрел на Джейка.

— Готовься, Джейк, я почти иссяк.

Джейк кивнул.

А под ними двигатели монопоезда начали прибавлять мощности: послышалось гудение, чуть завибрировал пол.

Крушения не произойдет, если в книге Джейка найдется загадка, которую Блейну не отгадать, думала Сюзанна. Роланду Блейна не остановить, он, мне кажется, это знает. Думаю, уже час как знает.

— Блейн, я появляюсь раз в минуту, дважды каждое мгновение, но ни разу в сто тысяч лет. Что я?

Итак, поединок будет продолжаться, поняла Сюзанна. Роланд будет загадывать загадки, а Блейн не задумываясь их отгадывать, эдакий всевидящий, всезнающий бог. Сюзанна сидела, сцепив на коленях похолодевшие руки, наблюдая, как Зеленая точка приближается к Топике, месту, где оканчивался монорельс, месту, где могла оборваться тропа их *ка-тета*. Она думала о Песьем водопаде, о каменных головах, выступающих из бешеного, бурлящего потока под звездным небом. Думала об их глазах.

Их ярко-синих глазах.

Глава третья

ПРИЗОВОЙ ГУСЬ

1

Эдди Дин, который не знал, что Роланд иногда держит его за *ка-мей*, то есть за дурачка в их *ка-тете*, слышал все и одновременно ничего не слышал, видел все — и ничего не видел. С начала состязания если что и произвело на него впечатление, так это огненные стрелы, вылетевшие из глаз каменных псов. Прикрывая глаза от нестерпимого блеска лучей, он думал о Портале Луча и Поляне Медведя, о том, как он приложил ухо к земле и услышал далекое урчание могучих механизмов.

Наблюдая за вспыхнувшими стазами псов, слушая, как Блейн подпитывает энергией аккумуляторы, готовясь к последнему рывку через Срединный мир, Эдди думал: *Нет тишины в холлах мертвых, не все еще порушено. Даже теперь часть наследия древних еще функционирует. Вот это действительно ужасно, не так ли? Да. Вот в чем весь ужас.*

На короткое время Эдди оставался со своими друзьями не только телом, но и мыслями. А потом вновь отсек от себя реальность. Эдди в *улете*, сказал бы Генри, *не надо его трогать.*

Опять перед его мысленным взором возник Джейк с кремнем и огнивом. Застыл на секунду или две, как шмель над благоухающим нектаром цветком, а затем Эдди отогнал его прочь. Потому что вспомнить он хотел другое. И образ Джейка с кремнем и огнивом лишь помогал вспомнить это другое, направлял его к другой двери вроде тех, что встретились им на берегу Западного моря, или той, что он расчистил в грязи говорящего кольца, перед тем как они «извлекли» Джейка... только дверь эта находилась в его голове. А то, что ему требовалось, — за дверью. И он... в определенном смысле... ковырялся в замке.

Торчал, на языке Генри.

Старшему брату нравилось унижать его (в конце концов Эдди понял, в чем причина: Генри боялся его и завидовал), но Эдди навсегда запомнил один случай, когда Генри потряс его, сказав о нем добрые слова. *Не просто добрые — хвалебные.*

Их компания сидела в проулке за «Дали», некоторые сосали «попсиклс». кто-то ел «худзи рокетс», кто-то курил сигареты из пачки

«Кента», которую Джимми Полио, Джимми Полио, так его звали из-за изуродованной в результате болезни ступни, украл с туалетного столика матери. Генри, естественно, был среди тех, кто курил.

В компании, вернее, банде, к которой принадлежал Генри (и Эдди тоже, как его младший брат) существовал свой «птичий» язык, с особыми терминами, владение которым свидетельствовало о принадлежности к их пародии на *ка-тет*. В шайке Генри не били — *гнали домой с гребаным пером в заднице*. С девчонками не перепихивались — *затраховали паскуд до слез*. Не обдалбливались — *торчали до усрачки*. С другими бандами не дрались — *нарывались на гребаное падло*.

В тот день речь шла о том, с кем бы каждый хотел быть, если б пришлось нарваться на гребаное падло. Джимми Полио (ему пришлось говорить первым, потому что он притащил сигареты, по местной терминологии — *гребаные канцероноски*) высказался за Шкипера Браннигэна, потому что, по мнению Джимми, Шкипер никого не боялся. Одни раз, сказал Джимми, Шкипер так разозлился на учителя на танцах в школе в пятницу вечером, что вышиб из него все дерьмо. Погнал *гребаного говнюка* домой с пером в заднице. Поэтому он и остановил свой выбор на Шкипере Браннигэне.

Все внимательно слушали, согласно кивая головами, ели «рокетсы», посасывали «попсиклсы», курили «кенты». Все знали, что Шкипер Браннигэн гребаный сосунок, а Джимми несет околесицу, но никто ничего не сказал. Господи, естественно, не сказал. Если б они не притворялись, что верят выдумкам Джимми, никто бы не стал притворяться, что верит их выдумкам.

Томми Фредерикс высказался за Джона Парелли. Джорджи Пратт — за Кзабу Драбника, которого за глаза звали не иначе как спятивший гребаный венгр. Френк Дуганелли выбрал себе в напарники Ларри Макейна, хотя Ларри и сидел в исправительном центре для несовершеннолетних. Жаль, что Ларри замели, вздохнул Френк.

Когда очередь дошла до Генри Дина, тот основательно обдумал вопрос, благо он того заслуживал, а потом неожиданно обхватил рукой плечи брата.

Эдди, сказал он. *Мой младший брат. Он — мужик.*

Все ошарашенно воззрились на него, а больше всех удивился Эдди. Челюсть у него отвисла чуть ли не до пряжки ремня, тут Джимми и скажи: *Перестань, Генри, не валяй дурака. Это серьезный вопрос. Кому бы ты доверил прикрыть спину, если б тебе пришлось нарваться на гребаное падло?*

Я и так серьезно, ответил Генри.

Почему Эдди, спросил Джорджи Пратт, озвучив вопрос, которым задался Эдди. У него еще молоко на губах не обсохло. Так какого хрена?

Генри вновь задумался, не потому, что не знал ответа, знал, Эдди в этом не сомневался, но чтобы подобрать нужные слова. А потом сказал: Потому что когда Эдди в ударе, он может уговорить дьявола прыгнуть в его же костер.

Вернулся образ Джейка, одно воспоминание наложилось на другое. Джейк бил кремнем по огниву, высекая искры на растопку, но искры или не долетали, или гасли, не зажигая огня.

Он может уговорить дьявола прыгнуть в его же костер.

Придвинь камень, сказал Роланд, и тут на два образа наложился третий. Роланд у двери, к которой они подошли на пляже, горящий в лихорадке, умирающий, дрожащий, как лист на ветру, кашляющий, не отрывающий синих глаз от Эдди, говорящий: Наклонись ближе, Эдди, наклонись ближе, ради твоего отца.

Потому что он хотел схватить меня, подумал Эдди. Откуда-то издалека, словно из другого мира, находящегося за одной из этих волшебных дверей, он услышал слова Блейна о том, что игра подходит к концу. Если они приберегли свои лучшие загадки, пора выкладывать их на стол. У них остался час.

Час! Только час!

Его мозг попытался сфокусироваться на этой мысли, но Эдди прогнал ее прочь. Что-то в нем происходило (по крайней мере он на это надеялся), шел какой-то лихорадочный поиск, и он не мог позволить своему мозгу отвлекаться на ультиматумы свихнувшейся машины. Если позволит, то потеряет единственный оставшийся шанс на спасение. В определенном смысле он снова пытался разглядеть что-то в куске дерева, нечто такое, что он мог вырезать: лук, рогатку, может, ключ, чтобы открыть какую-то невообразимую дверь. И он не мог смотреть слишком долго, потому что это нечто ускользнуло бы от взгляда. Это нечто требовалось ухватить сразу, мгновенно.

Эдди почувствовал, как под полом загудели моторы Блейна. Мысленным взором увидел, как брызнули искры при соударении кремня и огнива. Мысленно услышал, как Роланд советует Джейку придвинуть камень к растопке.

И не бей по нему огнивом, Джейк, скреби.

Почему я здесь? Если это не то, что мне надо, почему моя память вновь и вновь возвращает меня в это место?

Потому что дальше нельзя, там зона безумия, и само приближение к ней заставило меня вспомнить о Генри. Привело меня к Генри.

Генри сказал, что я могу уговорить дьявола прыгнуть в его же костер.

Да. За это я его всегда любил. Приятно осознавать, что брат такого высокого о тебе мнения.

И теперь Эдди видел, как Роланд пододвигает руки Джейка, одну — с кремнем, другую — с огнивом, ближе к растопке. Джейк нервничает, Эдди это видит. Роланд — тоже. И, чтобы снять волнение мальчика, отвлечь его, заставить на мгновение забыть о том, что ему надо разжечь костер, Роланд...

Он загадал мальчику загадку.

Эдди Дин дыхнул в замочную скважину двери своей памяти, которая до этого никак не хотела открываться. На этот раз она подалась.

2

Зеленая точка приближалась к Топике, и Джейк впервые ощутил легкую вибрацию... словно поезд превысил предельную скорость, при которой амортизаторы могли полностью компенсировать возникающие возмущения. Стены и потолок «баронского» салона оставались непрозрачными, но Джейк и так мог представить себе пролетающие мимо окрестности. Блейн на всех парах мчался через бесплодные земли к тому месту, где заканчивался Срединный мир. Без труда представил себе Джейк и стальные упоры в конце монорельса. Выкрашенные в чередующиеся желтую и черную полосы. Он не знал, откуда ему это известно, но несколько не сомневался, что так оно и есть.

— ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ, — самодовольно заявил Блейн. — ХОЧЕШЬ ЗАГАДАТЬ ЕЩЕ ЗАГАДКУ, СТРЕЛОК?

— Боюсь, что нет, Блейн. — По голосу чувствовалось, что Роланд полностью выдохся. — Я иссяк, ты меня победил. Джейк?

Джейк поднялся, повернулся лицом к карте-схеме. Сердце его билось очень медленно, но очень сильно, удары пульса гремели, как барабаны. Ыш устроился у ног Джейка, озабоченно глядя ему в лицо.

— Привет, Блейн. — Джейк облизал пересохшие губы.

— ПРИВЕТ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. — Добрый голос такого милого старичка, у которого вошло в привычку время от времени развращать малолетних, уводя их за кусты. — СОБИРАЕШЬСЯ ЗАГАДАТЬ

ЗАГАДКИ ИЗ СВОЕЙ КНИГИ? ВРЕМЯ НАШЕГО ОБЩЕНИЯ ИСТЕКАЕТ.

— Да. Загадаю тебе эти загадки. Надеюсь, они покажутся тебе сложными, Блейн.

— ПОСТАРАЮСЬ СПРАВИТЬСЯ С НИМИ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Джейк раскрыл книгу на странице, заложенной пальцем. Десять загадок. Одиннадцать, считая с Самсоновой, которую он решил оставить напоследок. Если Блейн ответит на все (а Джейк предчувствовал, что так оно и будет), Джейк намеревался сесть рядом с Роландом, посадить Ыша на колени и ждать конца. Есть же и другие миры, кроме этого.

— Слушай, Блейн. В темном тоннеле лежит железное чудовище. Оно может атаковать, лишь подавшись назад. Что это?

— ПУЛЯ, — ни малейшего колебания.

— Ходишь по живым — лежат тихо, ходишь по мертвым — громко ворчат. Кто они?

— ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ, — ни малейшего колебания.

Если Джейк действительно знал, что игра проиграна, почему он чувствовал такое отчаяние, такую горечь, такую злость?

Потому что он — боль, вот почему. Блейн — действительно СИЛЬНАЯ боль, я и хотел бы, чтобы он хоть раз прочувствовал на себе, что это такое. А второе мое желание — чтобы он остановился хоть на секунду.

Джейк перевернул страницу. До вырванных ответов оставалось совсем немного. Он чувствовал пальцем оторванные корешки. Книга вот-вот закончится. Джейк подумал об Аароне Дипно из «Манхэттенского ресторана для ума». Аарон Дипно приглашал его зайти еще раз, поиграть в шахматы, и, между прочим, старик-толстяк варил отличный кофе. В Джейке внезапно проснулась тоска по дому. Он почувствовал, что готов продать душу за один взгляд на Нью-Йорк. Черт, да он продал бы ее за возможность один раз вдохнуть загазованного воздуха на Сорок второй улице в час пик.

Он отогнал тоску прочь и перешел к следующей загадке.

— Я — изумруды и бриллианты, потерянные луной. Меня скоро найдет и поднимет солнце. Кто я?

— РОСА.

Безжалостная точность. И ни малейшего колебания.

Зеленая точка сближалась с Топикой, зазор между ней и последним кружком на карте-схеме неумолимо сокращался. Одну за другой Джейк

загадывал загадки. Одну за другой Блейн их разгадывал. Перевернув последнюю страницу, Джейк увидел обращение издателя или редактора к читателям: *Мы надеемся, что вы насладились уникальной возможностью дать волю своим воображению и логическому мышлению. Раскрыться в полной мере им позволяют только ЗАГАДКИ!*

Я наслаждения не получил, подумал Джейк. Не получил абсолютно никакого наслаждения, и я надеюсь, что ты подавишься своим самодовольством. Он прочитал последнюю загадку, и у него затеплилась надежда. Ему показалось, что разгадать ее невозможно.

На карте-схеме расстояние до Топики сократилось до ширины пальца.

— Поторопись, Джейк, — прошептала Сюзанна.

— Блейн?

— ДА, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

— Без крыльев я летаю. Без глаз я вижу. Без рук я поднимаюсь. Пугливее, чем любой зверь, сильнее, чем любой враг. Мне свойственны хитрость, безжалостность, я могу прихвастнуть. В конце концов я всегда беру верх. О чем идет речь?

Стрелок вскинул голову, синие глаза блеснули. Сюзанна перевела взгляд с лица Джейка на карту-схему. Однако Блейн, как всегда, ответил без запинки.

— ВООБРАЖЕНИЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ.

Джейк уже собрался заспорить, но подумал: *зачем тратить драгоценное время?* Ответ-то, похоже, правильный. Другого и быть не могло.

— Спасибо. Блейн, ты ответил правильно.

— И ПРИЗОВОЙ ГУСЬ УЖЕ МОЙ. СУДЯ ПО ВСЕМУ, Я ПОБЕДИЛ. МЫ ПРИБЫВАЕМ ЧЕРЕЗ ДЕВЯТНАДЦАТЬ МИНУТ И ПЯТЬДЕСЯТ СЕКУНД. ЕСТЬ ТЕБЕ ЧТО ЕЩЕ СКАЗАТЬ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА? ВИДЕОСЕНСОРЫ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО КНИЖКА ТВОЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ. ОНА, ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ, НЕ ТАК ХОРОША, КАК Я НАДЕЯЛСЯ.

— Все горазды критиковать, — бросила Сюзанна. Вытерла слезу, скатившуюся из глаза. Стрелок, не поворачиваясь к ней, взял ее за руку.

— Да. Блейн, у меня есть еще одна загадка.

— ПРЕВОСХОДНО.

— Из ядущего вышло ядомое, а из сильного вышло сладкое.

— ЭТА ЗАГАДКА ИЗ БИБЛИИ, ТОЙ ЧАСТИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ «КНИГА СУДЕЙ». — В голосе Блейна слышалась насмешка, и остатки надежды Джейка испарились как дым. Он

подумал, что сейчас заплачет, не от страха — от раздражения. — ЗАГАДАЛ ЕЕ САМСОН СИЛЬНЫЙ. ЯДУЩЕЕ — ЛЕВ, СЛАДКОЕ — МЕД, ПРИНЕСЕННЫЙ ПЧЕЛАМИ, КОТОРЫЕ ПОСЕЛИЛИСЬ В ЧЕРЕПЕ ЛЬВА. БУДЕШЬ ЗАГАДЫВАТЬ ЕЩЕ? У ТЕБЯ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ВОСЕМНАДЦАТИ МИНУТ, ДЖЕЙК.

Джейк покачал головой. Выпустил книгу с загадками из рук, улыбнулся, когда Ыш поймал ее на лету и, вытянув длинную шею, протянул Джейку.

— Я загадал все. Больше нет.

— СТЫД И ПОЗОР. — В голосе Блейна вновь слышались интонации Джона Уэйна. — ПОХОЖЕ, Я ТАКИ ВЫИГРАЛ ЭТОГО ГУСЯ, ЕСЛИ ТОЛЬКО КТО-ТО ЕЩЕ НЕ ХОЧЕТ ЗАГАДАТЬ МНЕ ЗАГАДКУ. КАК НАСЧЕТ ТЕБЯ, ЫШ ИЗ СРЕДИННОГО МИРА? ЕСТЬ У ТЕБЯ ЗАГАДКИ, МОЙ МАЛЕНЬКИЙ УШАСТИК?

— Ыш! — ответил ушастик-путаник приглушенным голосом: он все еще держал книгу в зубах.

Джейк с улыбкой взял книгу, сел рядом с Роландом, обнял его.

— СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Она покачала опущенной головой, смотреть на карту-схему не хотелось. Повернула руку Роланда своей, мягко погладила шрамы на месте двух пальцев.

— РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА? НЕ ВСПОМНИЛ НОВЫХ ЗАГАДОК С ЯРМАРОК ГИЛЕАДА?

Покачал головой и Роланд... а потом Джейк увидел, как вскинулся Эдди Дин. Необычная улыбка заиграла на губах Эдди, по-особенному зажглись глаза, и Джейк понял, что надежда его не покинула. Вновь расцвела в душе, яркая, горячая, живая. Как... ну, как летняя роза во всей красе.

— Блейн? — хриплым шепотом заговорил Эдди. Словно ему сдавили горло.

— ДА, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА, — с нескрываемым презрением.

— У меня есть пара загадок. Ты понимаешь, чтобы скоротать время до прибытия в Топику. — Вот тут Джейк осознал: Эдди говорит таким голосом не потому, что ему сдавило горло — он старается сдержать смех.

— ГОВОРИ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Сидя и слушая, как Джейк загадывает последние свои загадки, Эдди размышлял над рассказом Роланда о ярмарочном гусе. Потом мысли его вернулись к Генри, проследовав из пункта А в пункт В по загадочной тропе ассоциативного мышления. Или, если угодно, маршрутом «Транс-берд^[8] эйрлайнз»: от гуся — к индейке. Он и Генри как-то раз заговорили о том, чтобы завязать с героином. Генри заявлял, что заморозка (по его терминологии — стать *замороженной индейкой*) — не единственный способ. Можно просто остыть (стать *холодной индейкой*). Эдди спросил, а как назвать того, кто только что ввел себе убойный передоз? И Генри не задумываясь ответил: *Его надо называть пережаренной индейкой*. Как они тогда смеялись... но теперь, по прошествии времени, странного времени, если говорить о последних событиях, получалось, что поводом для смеха был не кто иной, как младший из братьев Дин, а также новые друзья младшего брата. Выходило, что именно им уготована роль пережаренной индейки, точнее, пережаренного призового гуся.

Если только ты не вырвешься из улета.

Да.

Так вырывайся, Эдди. Вновь голос Генри, давнишнего визитера его головы, только теперь голос трезвый и ясный. Голос друга, а не врага, словно все прежние конфликты остались в прошлом, а топор войны зарыт в землю. Вырывайся и заставь дьявола лезть в его же костер. Возможно, будет больно, но ты-то знаешь, что такое настоящая боль. Черт, да я сам причинил тебе столько боли, но ты выжил. Выжил как миленький. И ты знаешь, что от тебя требуется.

Конечно. На том привале Джейку в конце концов удалось разжечь костер. Роланд своей загадкой снял напряжение, Джейк высек хорошую искру, растопка занялась, и вскоре они сидели у ярко пылающего костерка. Разговаривали. Разговаривали и задавали друг другу загадки.

Эдди знал и кое-что еще. Блейн разгадал сотни загадок, пока они мчались на юго-восток вдоль Тропы Луча, и остальные пребывали в полной уверенности, что на каждую он отвечал без малейшего колебания. Раньше Эдди соглашался с ними... но теперь, мысленно вернувшись к началу состязания, он вспомнил одну интересную подробность: Блейн дернулся.

Однажды.

Он разозлился. То же случилось и с Роландом.

Стрелок, которого часто выводили из себя выходки Эдди, по-настоящему выказал злость лишь единожды. После того как Эдди вырезал ключ. Роланд попытался скрыть свою злость, замаскировать ее под

обычное раздражение, но Эдди ощутил ее в полной мере. Он достаточно долго прожил рядом с Генри Дином и безошибочно реагировал на отрицательные эмоции. И ему было больно не от самой злости Роланда, но от презрения, которым стрелок щедро ее сдобрил. Презрением Генри всегда пользовался с превеликим удовольствием.

Почему мертвый младенец переходит дорогу? — спросил Эдди. Потому что сидит в курице, ха-ха-ха.

Позже, когда Эдди попытался защитить свою угадку, говоря, что она, возможно, безвкусная, зато остроумная, Роланд отреагировал практически так же, как Блейн: *Плывать я хотел на вкус. Она бессмысленная и не имеющая решения, а потому глупая. О хорошей загадке такого не скажешь.*

Но когда Джейк иссяк, загадав все загадки, Эдди внезапно открылась удивительная, развязывающая ему руки истина: понятие «хорошо» — это для благородных. Так было всегда, так и будет. Даже если человеку, использующему это понятие, тысяча лет и стреляет он, как Буффало Билл. Роланд сам признавал, что в загадках он не силен. Его Учитель полагал, что Роланд слишком уж глубоко задумывается. Его отец считал, что причина — в недостатке воображения. Так или иначе, Роланд из Гилеада никогда не выигрывал ярмарочные состязания. Он пережил всех своих современников, и это, несомненно, тянуло на приз, но никогда не получал призового гуся. *Я всегда мог выхватить оружие быстрее любого из моих знакомых, но вот хитрые загадки мне не давались.*

Эдди, помнится, пытался сказать Роланду, что шутки и загадки предназначены для того, чтобы развить зачастую скрытый талант, но Роланд его проигнорировал. Точно так же, предполагал Эдди, дальтоник пропускает мимо ушей описание радуги.

Эдди подумал, что у Блейна могут возникнуть трудности с хитрыми, а вернее, нехорошими загадками.

Эдди слышал, как Блейн опрашивает всех, даже Ыша, не осталось ли у кого не загаданных ему загадок. Он слышал откровенную насмешку в голосе Блейна, очень даже хорошо слышал. Несомненно, слышал. Потому что он возвращался. Возвращался из улета. Возвращался, чтобы проверить, сможет ли уговорить дьявола прыгнуть в его же костер. Оружие на этот раз помочь не могло, но он мог прекрасно обойтись без оружия. Потому что...

Потому что я стреляю умом. Моим умом. Господи, помоги мне пришить этот раздувшийся калькулятор моим умом. Помоги мне обхитрить его.

— Блейн, — начал он, а потом, когда компьютер соблаговолил

обратить на него внимание, добавил: — У меня есть пара загадок. — Когда он произносил эти слова, ему открылась еще одна удивительная истина: он с трудом сдерживал смех.

— ГОВОРИ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Эдди не успевал сказать остальным, чтобы они приготовились ко всяким неожиданностям, но, судя по их лицам, в этом не было необходимости. Эдди забыл о них и сосредоточился на Блейне.

— Что это такое, о четырех колесах и воняет?

— ГОРОДСКАЯ МУСОРОВОЗКА, КАК Я УЖЕ ГОВОРИЛ. — Неодобрение... или неприязнь? Да, похоже, голос пропитан и тем и другим. — ТЫ ТАК ГЛУП ИЛИ НЕВНИМАТЕЛЕН, ЧТО ЭТОГО НЕ ПОМНИШЬ? ЭТО ЖЕ ПЕРВАЯ ЗАГАДКА, КОТОРУЮ ВЫ МНЕ ЗАГАДАЛИ.

Да, подумал Эдди. И именно тогда мы упустили главное, потому что хотели победить тебя какой-нибудь архитрудной загадкой из прошлого Роланда или книжки Джейка. Иначе состязание тогда бы и закончилось.

— Тебе она не понравилась, не так ли, Блейн?

— Я НАШЕЛ ЕЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ГЛУПОЙ, — согласился Блейн. — МОЖЕТ, ПОТОМУ-ТО ТЫ ЗАДАЛ ЕЕ ВТОРОЙ РАЗ. СВОЙ СВОЯКА ВИДИТ ИЗДАЛЕКА, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА, НЕ ТАК ЛИ?

Улыбка осветила лицо Эдди, он ткнул пальцем в карту-схему:

— Палкой и камнями можно переломать мне кости, но слова вреда не принесут. Или, как говорили у нас в Нью-Йорке: «Можешь поносить меня по-всякому, но чтобы оттрахать твою мамашку, член у меня все равно встанет».

— Поторопись! — прошептал Джейк. — Если ты можешь что-то сделать, не теряй времени!

— Он не любит глупых вопросов, — гнул свое Эдди. — Он не любит глупых игр. И мы это знали. Все написано в «Чарли Чу-Чу». И сколько глупости ты сможешь проглотить? Черт, вот в какой книжке следовало искать ответ, вместо того чтобы ставить на «Загадки». Да только мы этого не понимали.

Эдди попытался вспомнить еще одну загадку из экзаменационного сочинения Джейка. Вспомнил. Озвучил.

— Блейн, когда дверь нельзя открыть?

Вновь раздался цокающий звук, впервые после того, как Сюзанна загадала Блейну загадку о некоем вонючем предмете о четырех колесах. Пауза получилась короче, чем после загадки Сюзанны, с которой началось состязание, но она была... Эдди это почувствовал.

— КОГДА ОНА ОТКРЫТА, — с обидой в голосе ответил Блейн. — ТРИНАДЦАТЬ МИНУТ И ПЯТЬ СЕКУНД ДО ПРИБЫТИЯ В ТОПИКУ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ТЫ ХОЧЕШЬ УМЕРЕТЬ С ТАКИМИ ГЛУПЫМИ ЗАГАДКАМИ НА ЯЗЫКЕ?

Эдди сел, не спуская глаз с карты-схемы. Его улыбка стала шире, хотя он и чувствовал, как по спине текут струйки пота.

— Хватит скулить, приятель. Если хочешь удостоиться чести размазать нас по округе, придется поиметь дело с несколькими загадками, которые, возможно, не полностью соответствуют твоим логическим стандартам.

— ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ГОВОРИТЬ СО МНОЙ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ.

— А если буду? Ты меня убьешь? Не смей меня. Продолжим. Ты согласился играть. Вот и играй.

Карта-схема блеснула розовым.

— Ты его злишь, — скорбно заметил Маленький Блейн. — Ты очень его злишь.

— Отвали, недоносок, — беззлобно бросил Эдди, а когда розовое свечение погасло и на карте-схеме вновь появилась зеленая точка, продолжил. — Отгадывай, Блейн: А, И, Б сидели на трубе, А упало, Б пропало, что осталось на трубе?

— ТАКАЯ ЗАГАДКА НЕДОСТОЙНА НАШЕГО СОСТЯЗАНИЯ. Я ОТВЕЧАТЬ НЕ БУДУ. — Даже тембр его голоса изменился, теперь он говорил как четырнадцатилетний подросток, у которого вот-вот сломается голос.

Глаза Роланда яростно вспыхнули.

— Что ты сказал, Блейн? Правильно ли я тебя понял? Ты признаешь, что не знаешь ответа?

— НЕТ! РАЗУМЕЕТСЯ, НЕТ! НО...

— Тогда отвечай, если можешь. Отвечай на загаданную тебе загадку.

— ЭТО НЕ ЗАГАДКА! — Блейн разве что не плакал. — ЭТО ШУТКА! ДЕТСКАЯ ШУТКА ДЛЯ ГЛУПЫХ ДЕТЕЙ!

— Отвечай, а не то я объявлю состязание законченным, а наш *ка-тет* — победителем. — Роланд говорил тем же властным тоном, что Эдди впервые услышал в Речном Перекрестке. — Ты должен ответить, потому что глупость, на которую ты ссылаешься, не есть нарушение правил,

установленных нами по взаимной договоренности.

Вновь что-то зацокало, на этот раз громче, так громко, что Эдди даже скривился. А Ёш прижал уши к спине. За звуками последовала пауза, долгая, в три секунды.

— РАЗУМЕЕТСЯ, И, — обиженно ответил Блейн. — ЕЩЕ ОДНА ФОНЕТИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА. И — НЕ ТОЛЬКО СОЮЗ, НО И БУКВА ВЫСОКОГО СЛОГА, ТАКАЯ ЖЕ, КАК А ИЛИ Б. МНЕ ПРОТИВНО ОТВЕЧАТЬ НА СТОЛЬ НЕДОСТОЙНУЮ ЗАГАДКУ.

Эдди поднял правую руку. Потер указательный палец о большой.

— ЧТО СИЕ ОЗНАЧАЕТ, ГЛУПЕЦ?

— Это самая маленькая в мире скрипочка, играющая известную в узких кругах мелодию «А моему сердцу на тебя начхать», — ответил Эдди. Джейк расхохотался. — Извини меня за мой дешевый нью-йоркский юмор. Вернемся к состязанию. Почему лейтенанты полиции опоясываются ремнями?

Лампы в салоне для баронов замигали. Что-то странное начало твориться со стенами, они то приобретали, то теряли прозрачность. У Эдди, хоть и видел он все это лишь боковым зрением, закружилась голова.

— Блейн? Отвечай.

— Отвечай. — поддержал его Роланд. — Отвечай, а не то я объявлю, что состязание окончено, и признаю тебя проигравшим.

Что-то коснулось локтя Эдди. Он скосился вниз и увидел маленькую, изящную руку Сюанны. Взял ее в свою, пожал, улыбнулся. В надежде, что в улыбке будет больше уверенности, чем в его сердце. Дело шло к тому, что они выиграют состязание, он в этом практически не сомневался, но Эдди понятия не имел, как поведет себя Блейн, когда (и если) это произойдет.

— ЧТОБЫ... ЧТОБЫ НЕ УПАЛИ ШТАНЫ? — Голос Блейна окреп, он повторил те же слова, но уже утвердительно. — ЧТОБЫ НЕ УПАЛИ ШТАНЫ. ЗАГАДКА ОСНОВАНА НА УТРИРОВАННОЙ ПРОСТОТЕ...

— Ответ правильный. Молодец, Блейн, но не пытайся тянуть время. Не получится. Следующая...

— Я НАСТАИВАЮ НА ТОМ, ЧТОБЫ ТЫ ПРЕКРАТИЛ ЗАГАДЫВАТЬ МНЕ ЭТИ ГЛУПЫЕ...

— Тогда останови поезд. — оборвал его Эдди. — Если ты так расстроился, немедленно останавливай поезд, а я перестану загадывать загадки.

— НЕТ.

— Как скажешь. Тогда продолжим. Что это такое: ирландское и остается вне дома, даже в дождь?

На этот раз зацокало так громко, что в барабанные перепонки Эдди словно впились острые иголки. Пауза продлилась пять секунд. Зеленая точка практически соприкоснулась с кружком, обозначающим на карте-схеме Топику. Потом последовал ответ:

— МЕБЕЛЬ ПЭДДИ^[9].

Правильный ответ на шутку-загадку, которую Эдди услышал в проулке за «Дали» или в каком-то другом месте, где собиралась их банда, дался Блейну нелегко. Видать, ему пришлось вывернуться наизнанку. Лампы в «баронском» салоне замигали еще сильнее, зажужжали. У Эдди создалось ощущение, что они вот-вот начнут лопаться одна за другой.

Карта-схема окрасилась в розовый свет.

— Прекратите! — заверещал Маленький Блейн пронзительным голосом персонажа одного из старых мультфильмов «Уорнер бразерз». — Прекратите, вы же его убиваете!

А что, по-твоему, он пытается сделать с нами, недоносок? — подумал Эдди.

Он хотел было приложить Блейна загадкой, которую загадал, сидя у костра Джейк (зеленое, весит сто тонн, живет на дне морском — Моби Сопля), но передумал. Ему хотелось как можно дальше уйти от той логики, к которой привык Блейн. Выйти на недоступный компьютеру сюрреалистический уровень, с тем чтобы окончательно раздавить его. Окончательно и бесповоротно. Потому что какие бы человеческие эмоции ни позволяли имитировать дипольные цепи, Блейн все равно оставался *машиной*. И следуя за Эдди в Сумеречную зону, Блейн мог окончательно свихнуться.

— Почему люди идут к кровати, Блейн?

— ПОТОМУ ЧТО... ПОТОМУ ЧТО... БОГИ ТЕБЯ ПОБЕРИ, ПОТОМУ ЧТО...

Под ногами у них что-то заскрипело, салон для баронов резко качнуло сначала вправо, потом влево. Сюзанна закричала, Джейка бросило ей на колени. Стрелок подхватил их обоих.

— ПОТОМУ ЧТО КРОВАТЬ НЕ ИДЕТ К НИМ, БОГИ ТЕБЯ ПОБЕРИ! ДЕВЯТЬ МИНУТ И ПЯТЬДЕСЯТ СЕКУНД!

— Сдавайся, Блейн, — великодушно предложил Эдди. — Остановись, прежде чем я окончательно пережгу тебе мозги. Если не остановишься, так и будет. Мы оба это знаем.

— НЕТ!

— У меня же миллион этих хохмочек. Я их слышал всю жизнь. Они прилипли к моей памяти, как мухи прилипают к клейкой бумаге. Другие

точно так же запоминают рецепты. Так что скажешь? Сдаешься?

— НЕТ! ДЕВЯТЬ МИНУТ И ТРИДЦАТЬ СЕКУНД!

— Хорошо. Блейн. Ты сам на это напросился. Вот тебе одна из лучших. Почему мертвый младенец идет через дорогу?

Поезд дернулся, Эдди так и не понял, каким чудом он удержался на рельсе, но удержался. Скрип под ногами стал громче. Теперь не только стены, но и пол и потолок то обретали, то теряли прозрачность. В какой-то момент они сидели в консервной банке, в следующий летели над простирающейся до горизонта серой равниной.

А из динамиков рвался голос насмерть перепуганного ребенка.

— Я ЗНАЮ, ОДИН МОМЕНТ, Я ЗНАЮ, ПОВТОРИТЬ ПРОЦЕСС, ЗАДЕЙСТВОВАТЬ ВСЕ ЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕПОЧКИ...

— Отвечай, — потребовал Роланд.

— МНЕ НУЖНО ВРЕМЯ! ВЫ ДОЛЖНЫ ДАТЬ МНЕ ВРЕМЯ! — тут же Блейн торжествующе завопил: — ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ОТВЕТ НЕ УСТАНОВЛИВАЛИСЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, НЕНАВИСТНЫЙ СТРЕЛОК ИЗ ПРОШЛОГО, КОТОРОМУ СЛЕДОВАЛО ОСТАТЬСЯ СРЕДИ МЕРТВЫХ!

— Не устанавливались, — согласился Роланд. — Но ты не можешь убить нас, не разгадав загадку, Блейн, а Топика совсем рядом. Отвечай!

Стены салона вновь исчезли, и Эдди увидел, как мимо пронеслись огромные высокие башни элеватора. Тех мгновений, что элеватор оставался в поле зрения, едва хватило, чтобы его идентифицировать. Вот когда он в полной мере оценил безумную скорость, с которой неслись монопоезд. Небось быстрее самолета на добрые три сотни миль в час.

— Оставьте его в покое, — простонал Маленький Блейн. — Вы же его убиваете! *Убиваете!*

— Разве не этого он хотел? — спросила Сюзанна голосом Детты Уокер. — Умереть? Так он сам говорил. Мы не возражаем. Ты — парень неплохой, Маленький Блейн, но даже такой гребаный мир, как этот, будет лучше без твоего большого брата. Мы возражали против того, чтобы он взял с собой и нас.

— Последний шанс, — провозгласил Роланд. — Отвечай или забудь про гуся, Блейн.

— Я... Я... ВЫ... ШЕСТНАДЦАТЬ ДРОБЬ ТРИДЦАТЬ ТРИ... ВСЕ АВТОНОМНЫЕ... АНТИ... АНТИ... ВСЕ ЭТИ ГОДЫ... ЛУЧ... ПОТОП... ПИФАГОР... КАРТЕЗИАНСКАЯ ЛОГИКА... СМОГУ Я... СУМЕЮ Я... БРАТЯ ЭЛЛМАН... ПАТРИЦИЯ... КРОКОДИЛ И УЛЫБКА... ЦИФЕРБЛАТ... ТИК-ТАК, ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ,

ЧЕЛОВЕК НА ЛУНЕ И ГОТОВ ПРЫГНУТЬ... НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ, НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ, MON CHER... О, МОЯ ГОЛОВА... БЛЕЙН... БЛЕЙН СУМЕЕТ... БЛЕЙН ОТВЕТИТ... Я...

Блейн уже вопил, как младенец, перескочил на какой-то другой язык и запел. Эдди решил, что поет Блейн по-французски. Слов он не знал, но когда включились барабаны, мелодию он узнал: «Велкро флай» в исполнении «Зи-Зи-Топ».

Стекло, прикрывающее карту-схему, разлетелось. Мгновением позже сама карта-схема вылетела из гнезда, открыв поблескивающие лампочки и транзисторные платы, скрывающиеся за ней. Лампочки пульсировали в такт барабанам. Внезапно язык синего пламени вырвался из черного прямоугольника, который занимала карта-схема, мгновенно закоптив стену. А откуда-то спереди, от каплеобразной морды Блейна, донесся нарастающий скрежет.

— Он переходит дорогу, потому что сидит в курице, козел! — закричал Эдди. И направился к дымящейся дыре. Сюзанна успела схватить его за рубашку, но Эдди словно этого и не заметил, шагал как шагал. Похоже, напрочь забыв, где находится. Огонь битвы охватил Эдди, распалив своим праведным жаром. Взор его сверкал, синапсы раскалились, сердце пылало. Он держал Блейна на мушке, знал, что существо, стоящее за голосом, смертельно ранено, но продолжал нажимать на спусковой крючок: *Я стреляю умом.*

— Какая разница между грузовиком с мячами для боулинга и грузовиком сдохлыми сурками? — гремел Эдди. — Мячи для боулинга не разгрузить вилами!

Раздирающий душу вопль, полный злобы и смертной муки, вырвался из дыры, которую закрывала карта-схема. Вновь полыхнул синий огонь, словно в носовой части салона электрический дракон разинул пасть и выдохнул. Джейк криком предупредил об опасности, но Эдди не нуждался в подсказках: его рефлексy обострились до предела. Он нырнул, и электрический разряд прошел над его правым плечом. Только волосы встали дыбом. Эдди выхватил револьвер, тяжелый револьвер сорок пятого калибра, с рукояткой из санталового дерева, один из двух револьверов, которые Роланд вынес из руин Срединного мира. Он продолжал идти к переднему торцу салона и, естественно, продолжал говорить. Как сказал Роланд, Эдди на роду написано умереть, не закрытая рта. Так вот умер и его друг Катберт. Эдди мог назвать много куда более худших способов отойти в мир иной, и только один лучший.

— Ну что, Блейн, пидор вонючий. Раз уж разговор у нас пошел о

загадках, какая самая знаменитая загадка Востока? Многие курят, но не Фу Данчу! Знаешь, почему? Нет? Что ж ты у нас такой козел. А как насчет этой? Почему женщина назвала своего сына Семь-с-половиной? Потому что вытащила его имя из шляпы!

Он уже добрался до пульсирующего прямоугольника. Поднял револьвер Роланда, и салон для баронов наполнил грохот. Он всадил в дыру все шесть пуль, всякий раз взводя курок ладонью, как доказывал им Роланд, твердо зная, что все делает правильно, что так и надо... это и есть ка, черт побери, гребаная ка, только так ты и ставишь точку, если зовешься стрелком. Он — из племени Роланда, все так, его душа, возможно, обречена гореть в самом жарком костре ада, но, черт побери, он не согласился бы ни на что другое, даже если бы ему предложили взамен весь героин Азии.

— Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ! — выкрикнул Блейн детским голосом. От четкого произношения не осталось и следа. Он словно набил рот кашей. — Я ВСЕГДА БУДУ ТЕБЯ НЕНАВИДЕТЬ!

— Тебя тревожит не смерть, так? — напирал Эдди. Лампочки в дыре начали меркнуть. Вновь оттуда вылетел язык синего пламени, но Эдди пришлось лишь откинуть голову, чтобы избежать его. Слабенький был язычок,дохлый. Еще чуть-чуть, и Блейн умрет, как умерли умерщвленные им млады и седые Лада — Ты не любишь проигрывать.

— НЕНАВИЖУ. В-Е-Е-Е-Ч-Ч-Ч...

Слово трансформировалось в гул, гул — в урчание. Стихло и оно.

Эдди оглянулся. Роланд был рядом, поддерживая Сюзанну под круглую попку, как ребенка. Она бедрами обхватила его талию. Джейк — по другую сторону стрелка, Ыш — у его ног.

Из дыры, которую прикрывала карта-схема, потянуло горелым, запах этот не казался им неприятным. Эдди подумал, что так пахнут листья, которые сжигали в Нью-Йорке каждый октябрь. Черная дыра теперь походила на глазницу в черепе. Все лампочки в ней потухли.

Твой гусь спекся, Блейн, подумал Эдди, и индейка изжарилась. Счастливый гребаный День поминовения.

Перестало скрипеть и под полом. Впереди что-то грохнуло, а потом все стихло и там. Роланд почувствовал, как его мягко потащило вперед, и уперся в стену свободной рукой, чтобы не потерять равновесия. Тело поняло, что происходит, раньше головы: двигатели Блейна сдохли. И

теперь они просто скользили по рельсу. Но...

— Назад, — распорядился Роланд. К самой стене. Мы катимся по инерции. Если конечная точка маршрута близко, столкновения все равно не избежать.

Он повел их мимо остатков ледяной скульптуры Блейна в заднюю часть салона.

— И держитесь подальше от этой штуковины. — Роланд указал на музыкальный инструмент, некую помесь рояля и клавесина. Инструмент стоял на низкой платформе. — Он может сползти с нее. Господи, как бы я хотел посмотреть, где мы находимся. Ложитесь на пол. Прикройте руками головы.

Они подчинились. Роланд сделал то же самое. Лежал, уперевшись подбородком в роскошный синий ковер, закрыв глаза, думая о происшедшем.

— Извини меня, Эдди, — нарушил он тишину. — Вот как поворачивается колесо *ка*. Однажды мне пришлось просить о том же моего друга Катберта... и по той же причине. Ну почему я такой слепец? *Высокомерный слепец!*

— Извиняться тебе не за что. — Чувствовалось, что Эдди неловко.

— Есть. Я с пренебрежением воспринимал твои шутки. Но именно они спасли наши жизни. Извини меня. Я забыл лицо моего отца.

— Тебе не за что извиняться и ничьего лица ты не забывал, — возразил Эдди. — Против своей природы не попрешь, Роланд.

Стрелок обдумал последнюю фразу Эдди, и ему открылось нечто восхитительное и ужасное одновременно: а ведь такая мысль никогда не приходила ему в голову. Ни разу за всю его жизнь. В том, что он пленник *ка*... об этом он знал с раннего детства. Но вот насчет своей *природы*... своего *естества*...

— Спасибо, тебе, Эдди. Я думаю...

Прежде чем Роланд успел сказать, о чем он думал, Блейн Моно прибыл на свою последнюю стоянку. Всех бросило вперед по центральному проходу «баронского» салона. Ёш затявкали. Роланд плечом ударился о перегородку. Несмотря на толстую обивку, удар был так силен, что плечо сразу онемело. Люстру качнуло вперед и ударило о потолок. Их осыпало хрустальными осколками. Джейк откатился в сторону, вовремя освободив люстре место для приземления. Клавесин-рояль кинуло с возвышения. Он ударился о диван, перевернулся и застыл, издав долгий стон: *б-р-р-р-а-н-н-н-г-г-г*. Вагон перекосило вправо, и стрелок приготовился к прыжку, чтобы прикрыть своим телом Сюзанну и Джейка,

если вагон перевернется. Но он вернулся в прежнее положение, пол покачался из стороны в сторону и остановился.

Путешествие закончилось.

Стрелок приподнялся. Плеча он еще не чувствовал, но рука действовала — добрый знак. Слева Джейк уже сел и стряхивал с брюк осколки хрустала. Справа Сюзанна пыталась остановить кровь, текущую из пореза под левым глазом Эдди.

— Приехали. — объявил Роланд. — Кто ра...

Над их головами гроыхнуло, напомнив Роланду взрывы шутих, которые Катберт и Алан бросали в канавы, а то и выгребные ямы аккуратно в тот момент, когда в туалете кто-то справлял большую нужду. Однажды Катберт стрелял шутихами из рогатки. Только на этот раз они имели дело не с детскими шалостями.

Сюзанна вскрикнула, скорее от изумления, чем от страха, подумал Роланд... а потом они увидели дневной свет. Какое счастье. И свежий воздух потек к ним через взорванный люк аварийного выхода. Еще лучше. Воздух пах дождем и влажной землей.

Что-то стукнуло, и из паза вывалилась лестница со ступеньками-кольцами из скрученной стальной проволоки.

— Сперва бросаются в тебя люстрами, потом указывают на дверь. — Эдди, пошатываясь, встал, потом помог подняться Сюзанне. — Если от меня хотят отделаться, я это сразу чувствую. Что ж, зажужжим, как пчелки, и упорхнем.

— Это по мне, — Сюзанна вновь потянулась к порезу под левым глазом Эдди. Он взял ее за руку, поцеловал пальцы и предложил не суетиться понапрасну.

— Джейк? — спросил стрелок. — Как ты?

— Нормально. — отозвался Джейк. — А ты, Ыш?

— Ыш!

— Похоже, и у него все нормально. — Он поднял прокушенную руку, печально посмотрел на нее.

— Опять болит? — спросил стрелок.

— Да. Блейновы примочки больше не действуют. Ну и черт с ними... так хорошо остаться в живых.

— Да. Жизнь хороша. Как и астин. Есть он у тебя?

— Ты про аспирин?

Роланд кивнул. Магическое лекарство из мира Джейка, название которого он никак не мог произнести правильно.

— Девять из десяти врачей рекомендуют анацин, милый, — вставила

Сюзанна, а когда Джейк вопросительно посмотрел на нее, добавила: — Наверное, в твоём времени им уже не пользуются, так? Ну и ладно. Мы-то здесь, сладенький мой, целые и невредимые, а это главное. — Она обняла Джейка, поцеловала его в лоб, нос, потом в губы. Джейк засмеялся и покраснел. — Это главное, и сейчас мы можем забыть обо всем остальном.

— Первая помощь подождет. — Эдди обнял Джейка за плечи и повел к лестнице. — Сможешь забраться?

— Да. Но я не смогу взять Ыша. Роланд, возьмешь его?

— Да. — Роланд подхватил Ыша и засунул за пазуху, как и в тот раз, когда спускался в подземелье, преследуя Джейка и Гашера. Ыш таращился на Джейка блестящими, с золотистыми ободками глазами. — Поднимайся.

Джейк полез первым. Роланд следовал за ним, так близко, что Ыш, вытянув длинную шею, мог обнюхивать пятки мальчика.

— Сюз? — спросил Эдди. — Тебя подсадить?

— Чтобы ты облапал мой аккуратненький зад? Ничего не выйдет, белый красавчик! — Сюзанна подмигнула ему и начала взбираться по лестнице. Подтягиваясь на мускулистых руках, опираясь о кольца культишками ног. Поднималась она быстро, но не настолько быстро, чтобы Эдди не успел протянуть руку и ущипнуть за одно мягкое местечко. — О, моя непорочность! — вскрикнула Сюзанна, засмеялась и закатила глаза. А потом исчезла в люке.

Эдди остался один. Оглядел роскошный салон, который мог стать гробом для их *ка-тета*.

Тебе это удалось, парень, раздался голос Генри. Удалось загнать дьявола в его костер. Помнишь, что я говорил этим недоумкам в проулке за «Дали»? Джимми Полио и остальным? И как они смеялись. Но тебе это удалось. Ты отправил его домой с пером в заднице.

Так или иначе, но мы сделали его, подумал Эдди, и рука его непроизвольно коснулась револьвера Роланда. На этот раз мы сумели остаться в живых.

Он начал карабкаться по лестнице, потом остановился, посмотрел вниз. Салон для баронов уже умер. Умер давно. Превратился еще в один реликт мира, который «сдвинулся с места».

— Адью, Блейн, — бросил Эдди. — Счастливо оставаться, парниша.

И он последовал за своим *ка-тетом* на крышу.

Глава четвертая

ТОПИКА

1

Джейк стоял на чуть покосившейся крыше Блейна Моно и смотрел на юго-восток, вдоль Тропы Луча. Ветер ерошил его волосы (теперь довольно-таки длинные, с такими в школу Пайпера определенно не пустили бы), сдувал назад, с висков и лба. Глаза мальчика изумленно раскрылись.

Джейк не мог сказать, что ожидал увидеть, — возможно, более маленький и провинциальный аналог Лада, но он и представить себе не мог, что увидит предмет, торчащий над вершинами деревьев соседнего парка. Синий навес, особенно яркий на фоне серого осеннего неба, укрывал от осадков зеленый дорожный указатель, на котором значилось:

АВТОСТРАДА 70.

Роланд присоединился к Джейку, осторожно достал из-за пазухи Ыша, опустил на крышу. Ушастик обнюхал розовую поверхность, посмотрел вперед, на носовую часть поезда. Там гладкая пулеобразная поверхность топорщилась искореженным металлом. Две темные параллельные борозды начинались у переднего торца поезда и заканчивались в десяти ярдах от того места, где стояли Джейк и Роланд. В конце каждой торчал металлический столб, раскрашенный чередующимися черными и желтыми полосами. Эти столбы и взрезали крышу Блейна Моно. Джейку они чем-то напоминали стойки футбольных ворот.

— Это те самые упоры, о которые он и хотел разбиться, — прошептала Сюзанна.

Роланд кивнул.

— Похоже, нам повезло. Если бы он мчался быстрее...

— *Ка*, — раздался за их спинами голос Эдди. По интонации чувствовалось, что он улыбается.

Роланд вновь кивнул.

— Именно так. *Ка*.

Джейк отвернулся от столбов, опять посмотрел на щит с маркировкой

дороги. Он уже убедил себя, что если щит и останется, то надпись он увидит совсем другую («ПЛАТНАЯ ДОРОГА СРЕДИННОГО МИРА» или «БЕРЕГИСЬ ДЕМОНОВ»), но прочитал на щите то же самое, что и в первый раз.

— Эдди? Сюзанна? Вы это видите?

Они проследили взглядами за его указующим пальцем. Какое-то время, достаточно долгое, чтобы Джейк успел испугаться, а не галлюцинации ли у него, они молчали. Потом паузу нарушил Эдди:

— Святое дерьмо. Неужели мы дома? Если да, то где люди? Если бы Блейн прикатил в Топику... нашу Топику, канзасскую Топику... как могло получиться, что я не видел этого в «Шестидесяти минутах»^[10]?

— Что такое «Шестьдесят минут»? — спросила Сюзанна. Прикрыв ладонью глаза, она смотрела на юго-восток, на щит.

— Телевизионная передача, — ответил Эдди. — Ты с ней разминулась на пять или десять лет. Белые господа в галстуках. Не важно. Этот указатель...

— Это Канзас, точно, — кивнула Сюзанна. — Наш Канзас, полагаю. — Она заметила другой щит, едва проглядывающий за деревьями. Показала на него Джейку, Эдди и Роланду.

Девиз

КАНЗАССКОЙ ПЛАТНОЙ АВТОСТРАДЫ:

Без карты — никуда.

Загляните в дорожный атлас

Рэнда Макнелли.

— В твоём мире есть Канзас, Роланд?

— Нет, — Роланд переводил взгляд с одного щита на другой. — Мы далеко за пределами того мира, который я знал. Я покинул его задолго до того, как встретил вас троих. Это место...

Он замолчал, склонил голову набок, словно прислушивался к какому-

то очень далекому звуку. И выражение его лица... Джейку все это очень не нравилось.

— Итак, дети! — радостно воскликнул Эдди. — Сегодня мы будем изучать географию Срединного мира. Видите ли, мальчики и девочки, в Срединном мире вы выходите из Нью-Йорка, путешествуете на юго-восток к Канзасу, затем следуете вдоль Тропы Луча, пока не добираетесь до Темной Башни... которая находится в самом центре. Первым делом вы сражаетесь с гигантскими лобстерами! Потом катите на сбрендившем поезде! И наконец, после короткого визита в наш любимый бар...

— Вы что-нибудь слышите? — оборвал его Роланд. — Кто-нибудь из вас?

Джейк прислушался. Ветер, шуршащий листвой деревьев в парке, листья только-только начали желтеть и опадать, постукивание коготков Ыша, двинувшегося по крыше к носовой части Моно. Потом Ыш остановился, прекратилось и постукивание...

На плечо Джейку, заставив подпрыгнуть от неожиданности, легла рука. Рука Сюзанны. Голова, склоненная набок. Глаза-блюдца. Вслушивался и Эдди. И Ыш: он наострил уши, чуть слышно зарычал.

Джейк почувствовал, как по коже у него побежали мурашки. В то же время губы затвердели, скривились в гримасе. Точно так же, как кривились они, стоило укусить лимон. Им предлагалась звуковая версия этого самого укуса. И он уже слышал нечто подобное. Несколько лет назад он видел в Центральном парке одного психа, который мнил себя музыкантом... да, психов, полагающих, что они музыканты в Центральном парке хватало, но только этот играл на столярном инструменте. Перед тем типом рядом с лежащей полями вверх шляпой стояла табличка с надписью: «ВЕЛИЧАЙШИЙ В МИРЕ ИГРОК НА ПИЛЕ! ЗВУЧИТ КАК ГАВАЙСКАЯ ГИТАРА, НЕ ТАК ЛИ? ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗАБОТЬТЕСЬ О МОЕМ ПРОПИТАНИИ!»

В парк Джейк тогда ходил с Гретой Шоу, и он запомнил, как она ускорила шаг, проходя мимо этого музыканта, сидящего, словно виолончелист в оркестровой яме, только на его голых ногах лежала слегка тронутая ржавчиной ножовка. Джейк помнил выражение комического ужаса на лице миссис Шоу, подрагивание ее плотно сжатых губ, как будто... как будто она только что надкусила лимон.

Звук, который слышался сейчас, не полностью соответствовал тому, (ЗВУЧИТ КАК ГАВАЙСКАЯ ГИТАРА, НЕ ТАК ЛИ?)

что извлекал тот парень в парке из пилы при вибрации ее полотна, но и не так уж отличался: колеблющийся, дрожащий металлический звук, от

которого заполнялись синапсы, а из глаз начинали литься слезы. Источник звука находился перед ними? Джейк за это поручиться не мог. Вроде бы звук накатывал со всех сторон, но такой слабый, что Джейку хотелось верить, что его нет и в помине, просто у него разыгралось воображение. Да только остальные...

— Берегись! — крикнул Эдди. — Помогите мне! Скорее! Я думаю, он сейчас отключится!

Джейк резко повернулся к стрелку и увидел, что лицо у того побелело как мел. Один уголок рта дергался, словно зацепленный рыболовным крючком.

— Джонас, Рейнолдс и Дипейп, — произнес он. — Большие охотники за гробами. И она. Коос. Именно они. Именно они...

По телу Роланда, стоящего на крыше монопоезда в разбитых пыльных сапогах, пробежала дрожь. Невероятная печаль отразилась на лице.

— О, Сюзан, — прошептал он. — О, дорогая моя.

2

Они его поймали, подхватили на руки, уберегли от падения. Стрелка бросило в жар от чувства вины и презрения к себе. Что он такого сделал, чтобы его оберегали с таким рвением? Всего лишь жестоко вырвал из привычной жизни, точно так же, как садовник вырывает с грядок сорняки.

Он попытался сказать им, что с ним все в порядке, что они могут отойти, что он в норме, но ни слова не сорвалось с губ. Этот ужасный вибрирующий звук перенес его в далекое прошлое, в каньон к западу от Хэмбри. Дипейп, Рейнолдс и старый хромоногий Джонас. Но более всего он ненавидел женщину с холма, черной ненавистью, на какую только способен очень молодой мужчина. Да, теперь ему не оставалось ничего другого, он мог только ненавидеть. Тогда у него разбилось сердце. И теперь, по прошествии стольких лет, ему вроде бы открылась истина: разбитые сердца склеиваются вновь, и ничего ужаснее не может выпасть на долю человека.

Моя первая мысль — он лгал в каждом слове, этот страшный калека со злоеющим взглядом...

Чьи слова? Из какого стихотворения?

Он не помнил, но знал, что и женщины тоже могут лгать. Женщины, которые прихрамывали, и улыбались, и видели слишком много за свою долгую жизнь. Не важно, кто написал эти строки, главное — слова эти

соответствовали действительности. Ни Элдред Джонас, ни старая карга с холма не служили Мартену, ни даже Уолтеру... но и они олицетворяли собой зло.

Потом, после... в каньоне к западу от города... этот звук... звук и крики раненых людей и ржание лошадей... и единственный раз на его памяти замолчал даже говорливый Катберт.

Но случилось все это очень давно, в другой реальности. Здесь же вибрирующий звук или пропал, или временно ушел за порог чувствительности человеческого уха. Они его еще услышат. Он знал это точно. Знал и о том, что однажды уже прошел дорогой, ведущей в ад.

Роланд оглядел своих спутников, выдавил из себя улыбку. Они заметили, что уголок рта уже не дрожит, — добрый знак.

— Со мной все в порядке. Но послушайте меня внимательно: мы очень близко от того места, где заканчивается Срединный мир, очень близко от того места, где начинается Крайний мир. Первый этап нашего великого похода окончен. Мы прошли его с честью. Мы запомнили лица наших отцов. Все испытания мы встречали плечом к плечу и не подводили друг друга. Но сейчас мы подошли к червоточине, а потому требуется предельная осторожность.

— Червоточине? — Джейк нервно огляделся.

— Так называется место, где ткань реальности истончается до предела. Их стало больше с тех пор, как Темная Башня начала терять силу. Помнишь, что мы видели под нами, когда выезжали из Лада?

Они мрачно кивнули, вспомнив спекшуюся в черное стекло землю, древние трубы, мерцающие сиреневым ведьминым огнем, бесформенных птиц-мутантов с крыльями, напоминающими большие кожаные паруса. Роланду внезапно стало неважно. Ну что они сгрудились вокруг него и смотрят, как на забулдыгу, которого сшибли с ног в пьяной драке в баре.

Он протянул руки своим друзьям, новым друзьям. Эдди взялся за них и помог, ему подняться. Невероятным усилием воли стрелок заставил себя не покачнуться, твердо встал на ноги.

— Кто такая Сюзан? — спросила Сюзанна. По наморщенному лбу чувствовалось, что она взволнована, и скорее всего не только совпадением имен.

Роланд посмотрел на нее, потом на Эдди, Джейка, присевшего, чтобы почесать Ыша за ухом.

— Я вам расскажу, но сейчас не время, да и место неподходящее.

— Ты постоянно это повторяешь, — заметила Сюзанна. — Опять хочешь отстраниться от нас, так?

Роланд покачал головой.

— Вы услышите мой рассказ... во всяком случае, эту часть... но не на крыше этого металлического гроба.

— Да, — кивнул Джейк. — Мы словно сидим на спине мертвого динозавра. Я все время боюсь, что Блейн оживет и... ну, не знаю, откролит нам головы.

— Звук пропал, — вставил Эдди. — Словно дребезжала гитарная струна.

— Мне это напомнило одного старика, которого я видел в Центральном парке. — добавил Джейк.

— Мужчину с пилой? — спросила Сюзанна. Джейк воззрился на нее, его глаза округлились от изумления. Сюзанна кивнула. — Только он не был стариком, когда я его видела. Здесь не только у географии съехала крыша. Время тут тоже какое-то странное.

Эдди обнял ее за плечи, прижал к себе.

— И слава Богу.

Сюзанна повернулась к Роланду. В ее глазах читался явный вызов.

— Я напомню тебе о твоём обещании, Роланд. Я хочу знать о той девушке, что носила мое имя.

— Ты узнаешь, — повторил Роланд. — А теперь давайте спускаться со спины этого чудища.

3

Сказать оказалось легче, чем сделать. В отличие от Колыбели Лада конечная станция, к которой подкатил Блейн, располагалась на поверхности земли. Вдоль платформы тянулся искореженный розовый рельс. Крышу от бетона отделяли добрых двадцать пять футов. Если и была аварийная лестница вроде той, по которой они выбрались из салона, ее заклинило при столкновении с упорами.

Роланд скинул заплечный мешок, порылся в нем, достал кожаную упряжь, которой они пользовались, чтобы нести Сюзанну, если она не могла проехать на инвалидном кресле. О кресле, однако, они больше могли не беспокоиться, отметил стрелок. Оно осталось в Ладе, его пришлось бросить во время их отчаянной попытки загрузиться в монопоезд.

— Зачем это тебе? — подозрительно спросила Сюзанна. Так ее голос звучал всегда, когда упряжь извлекалась на свет Божий. *Сильнее упряжи я ненавижу только этих хонки на Миссисипи*, как-то сказала она Эдди

голосом Детты Уокер, *но не так чтобы намного, сладенький.*

— Расслабься, Сюзанна Дин, расслабься. — Стрелок чуть улыбнулся и начал разделять и отстегивать ремни, отложив в сторону сиденье, потом связал ремни между собой и с последним куском веревки испытанным шкотовым узлом. Работая, он прислушивался к дребезжанию червоточины... точно так же, как они прислушивались к Божественным барабанам... точно так же, как он и Эдди ждали, когда чудовища-лобстеры начнут задавать свои умные вопросы (Дад-а-чок? Дуб-а-чум?), каждую ночь выползая из волн на берег.

Ка есть колесо, думал он. Или, как говорил Эдди, приходит вертяться и уходит вертяться.

Последней он соорудил петлю на ременной части. Джейк уверенно сунул в нее ногу, одной рукой схватился за веревку, на сгиб второй посадил Ыша. Зверек нервно оглядывался, скулил, вытягивал шею, лизал Джейку лицо.

— Ты не боишься, не так ли? — спросил Джейк ушастика.

— Ишься, — согласился Ыш, но сидел спокойно, пока Роланд и Эдди опускали Джейка вдоль стены поезда. Длины веревки не хватило, чтобы доставить Джейка на землю, но он без труда высвободил ногу и, пролетев последние четыре фута, благополучно приземлился. Опустил Ыша на платформу. Ушастик побегал, понюхал и задрал лапку у угла станционного здания. Не такого роскошного, как в Колыбели Лада, но той старомодной архитектуры, которая так нравилась Роланду. Обшитое выкрашенными белой краской досками, со свесами крыши, высокими узкими окнами, напоминающими бойницы. Над рядом дверей, ведущих в здание, сияли золотом слова:

АТЧИСОН, ТОПИКА, САНТА-ФЕ

Города, предположил Роланд. Последнее название показалось ему знакомым. Вроде бы был город Санта-Фе в феоде Меджис. И мысли его вновь вернулись к Сюзан. Прекрасная Сюзан, стоящая у окна с незаплетенными, падающими на спину волосами, пахнувшая жасмином, розой, жимолостью и сеном, запахами, которые оракул в горах смог воссоздать с большой натяжкой. Сюзан, лежащая на кровати, пристально вглядывающаяся в него, потом улыбающаяся, закидывающая руки за голову, чтобы грудь поднялась, словно ждала прикосновений его рук.

Если ты любишь меня, Роланд, так люби... птички и рыбки, медведи и

зайки...

— ...следующая?

Он повернулся к Эдди, отогнал образ Сюзан Дельгадо. В Топике есть червоточины, все так, причем разного вида.

— Я отвлекся, Эдди. Извини.

— Сюзанна следующая? — повторил вопрос Эдди. Роланд покачал головой.

— Следующий ты, потом Сюзанна. Я — последним.

— Справишься? У тебя же изуродована рука и все такое?

— Справлюсь.

Эдди кивнул и вставил ногу в петлю. Когда Эдди впервые пришел в Срединный мир, Роланд без труда спустил бы его с крыши один, даже без двух пальцев на правой руке. Но Эдди уже несколько месяцев не прикасался к наркотикам и набрал десять или пятнадцать фунтов мышц. Поэтому Роланд с радостью принял помощь Сюзанны, и вдвоем они опустили его на платформу.

— Теперь вы, леди, — улыбнулся Роланд Сюзанне. В Срединном мире, рядом с Джейком, Эдди, Сюзанной, улыбка давалась ему легче.

— Хорошо. — Но мгновение она не двигалась с места, кусая нижнюю губу.

— Что такое?

Ее рука поднялась к животу, потерла его, словно у нее там что-то болело. Он думал, она все объяснит, но Сюзанна лишь качнула головой.

— Ничего.

— Я тебе не верю. Почему ты терла живот? Ты ударилась? Ударилась, когда поезд остановился?

Она тут же убрала руку с живота, словно он внезапно раскалился добела.

— Нет, все нормально.

— Ой ли?

Сюзанна на мгновение задумалась.

— Мы об этом поговорим. Мы это *обсудим*, если так тебе больше нравится. Но, как ты правильно заметил чуть раньше, Роланд... сейчас не время и не место.

— Все четверо или только ты, я и Эдди?

— Только ты и я, Роланд, — ответила она и вставила култышку в петлю. — Только одна курочка и один петушок, во всяком случае, вначале. А теперь, пожалуйста, помоги мне спуститься.

Он помог, хмурясь, надеясь, что его первая мысль, та самая, что

пришла, как только он увидел ее потирающую живот руку, ошибочна. Потому что она побывала в говорящем кольце, и демон, который охранял кольцо, сумел овладеть ею, пока Джейк пробирался из одного мира в другой. Иногда... *очень часто*... контакт с демоном многое менял.

И на памяти Роланда никогда — к лучшему.

Он вытянул веревку наверх после того, как Эдди ухватил Сюзанну за талию и осторожно опустил на платформу. Затем стрелок зашагал к упорам, что торчали над вспоротой крышей, по ходу завязывая на свободном конце веревки петлю особым развязывающимся узлом. Он надел петлю на упор, затянул ее, стараясь не дергать веревку влево, а затем осторожно спустился на платформу, согнувшись вдвое, оставляя следы на розовом борту Блейна Моно.

— Жаль, что мы лишились веревки и упряжи. — вздохнул Эдди после того, как Роланд встал рядом с ними.

— А мне упряжи не жалко. — возразила Сюзанна. — По мне лучше ползти по мостовой, пока я не измажусь в жевательной резинке до локтей.

— Мы ничего не лишились. — Роланд крепко ухватился за петлю на нижнем конце и резко дернул веревку влево. Узел развязался, веревка заскользила вниз, и Роланд свернул ее до того, как она упала на платформу.

— Ловкий фокус! — воскликнул Джейк.

— Кий! Ус! — согласился Ыш.

— Корт? — спросил Эдди.

— Корт, — улыбаясь, кивнул Роланд.

— Инструктор из ада, — добавил Эдди. — Хорошо, что он учил тебя, а не меня, Роланд. Лучше учить тебя, чем меня.

Когда они направились в дверям, ведущим в здание станции, вновь послышался ноющий, вибрирующий звук. Роланд не мог не улыбнуться: все трое его спутников одновременно дернули носами, а уголки их ртов опустились: словно они не только составляли *ка-тет*, но и стали близкими родственниками. Сюзанна указала на парк. Надписи на щитах, что возвышались на деревьях, чуть затуманились, в воздухе повисло марево, как в сильную жару.

— Это от червоточины? — спросил Джейк.

Роланд кивнул.

— Мы сможем ее обойти?

— Да. Червоточины так же опасны, как и болота с трясиными и сейлигами. Вы знаете, о чем я?

— Что такое трясина, мы знаем, — ответил Джейк. — А если сейлиги — такие длинные зеленые твари с большими зубами, то мы знаем и их.

— Они именно такие.

Сюзанна повернулась, чтобы в последний раз взглянуть на Блейна.

— Никаких глупых вопросов и глупых игр. — Она перевела взгляд на Роланда. — Я насчет Берил Эванс, женщины, которая написала «Чарли Чу-Чу». Ты думаешь, она тоже имеет отношение в тому, что происходит вокруг? Что мы даже можем встретиться? Я бы хотела поблагодарить ее. Эдди, конечно, сообразил, что к чему, но без...

— Полагаю, это возможно, — ответил Роланд, — но скорее всего встретиться нам не удастся. Мой мир — это огромный корабль, затонувший у самого берега. Большую часть обломков море вынесло на сушу. Большая часть того, что мы находим, поражает, что-то даже можно использовать, если будет на то согласие *ка*, но в основном это обломки. Бесполезные обломки. — Он огляделся. — Как вот эта станция.

— Я не думаю, что перед нами обломки. — возразил Эдди. — Посмотри на краску на стенах. Кое-где ее попачкал дождь, но она нигде не лупится. — Он подошел к одной из дверей, провел пальцами по стеклу, оставляя на нем чистые полосы. — Пыли хватает, но никаких трещин. Я бы сказал, что это здание осталось без присмотра... в начале лета, не раньше.

Он взглянул на Роланда. Тот пожал плечами и кивнул. Слушал он вполуха, да и голова была занята другим: он думал о червоточине и старался отогнать воспоминания, грозящие захлестнуть его.

— Но Лад разваливался не одно *столетие*, — подала голос Сюзанна. — Это место... уж не знаю, Топика это или не Топика, похоже на один из маленьких, вызывающих ужас городков в «Сумеречной зоне». Вы, парни, возможно, не помните этот телесериал, но...

— Я помню, — в унисон ответили Эдди и Джейк, переглянулись, рассмеялись. Эдди протянул руку, и Джейк шлепнул по ней своей.

— Его все еще показывают по ТВ, — пояснил Джейк.

— Да, постоянно, — добавил Эдди. — Обычно в спонсорах адвокаты, специализирующиеся по банкротствам, похожие на коротко стриженных терьеров. И ты права. Это место *непохоже* на Лад. Да и с чего ему быть похожим? Оно и Лад находятся в разных реальностях. Я не знаю, где мы пересекли границу, но... — Он указал на синий навес над щитом с надписью «АВТОСТРАДА 70», словно щит этот служил абсолютным доказательством его слов.

— Если это Топика, то где люди? — любопытствовала Сюзанна.

Эдди пожал плечами и развел руками: кто знает?

Джейк прижался лбом к стеклу средней двери, с боков прикрыл ладонями глаза, несколько секунд вглядывался в темноту, потом увидел что-то такое, что заставило его отпрянуть.

— О-хо-хо. Неудивительно, что тут так тихо.

Роланд подошел сзади, посмотрел через стекло над головой мальчика, также прикрывая глаза ладонями. Еще до того как прижаться лбом к стеклянной двери, стрелок пришел к двум выводам. Во-первых, хотя они, несомненно, на железнодорожной станции, в действительности это не станция Блейна... во всяком случае, не Колыбель. И во-вторых, станция наверняка принадлежит миру Эдди, Джейка и Сюзанны... но, возможно, параллельной, не их, реальности.

Это червоточина. Мы должны быть предельно осторожны.

На одной из длинных скамеек, что занимали большую часть помещения, прислонились другу к другу два трупа. Морщинистые лица, черные руки; они напоминали гуляк, которые засиделись на вечеринке и опоздали на последний поезд. На стене за скамейками висела доска с надписью «ОТПРАВЛЕНИЯ», а ниже, вертикальным столбцом, названия городов, городков и феонов, куда отправлялись поезда. В первой строке значился ДЕНВЕР, во второй — УИЧИТО, в третьей — ОМАХА. Роланд когда-то знал одноглазого картежника, которого звали Омаха. Он умер с ножом в горле прямо у карточного стола. Шагнул в пустошь с конца тропы с отброшенной назад головой, а его последний выдох забрызгал кровью весь потолок. С потолка в зале ожидания свисали прекрасные часы-куб с четырьмя циферблатами. Стрелки остановились на четырех часах и четырнадцати минутах, и Роланд подумал, что больше они никогда не сдвинутся. Грустная мысль... но он и попал в грустный мир. Других мертвецов он не видел, но опыт подсказывал ему, что они наверняка есть. Если два трупа на виду, то где-то рядом еще четыре, а то и четыре десятка.

— Войдем? — спросил Эдди.

— Зачем? — ответил стрелок вопросом на вопрос. — Делать там нам нечего. Тропа Луча через это здание не проходит.

— Из тебя получился бы отличный экскурсовод, — надулся Эдди. — Все идут сюда, и, пожалуйста, старайтесь не сойти...

Джейк прервал его фразой, смысла которой Роланд не понял.

— У кого-нибудь есть четвертак?

Мальчик смотрел на Эдди и Сюзанну. Стоял он рядом с металлическим ящиком. По нему тянулась синяя надпись:

НИГДЕ ВАМ НЕ УЗНАТЬ СТОЛЬКО О КАНЗАСЕ,

КАК В «ТОПИКА КЭПИТЕЛ-ДЖОРНЕЛ»!

В ВАШЕЙ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ!

ЧИТАЙТЕ ЕЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ!

Эдди, ухмыльнувшись, покачал головой.

— Где-то потерял всю мелочь. Возможно, когда залезал на дерево, аккурат перед тем, как ты присоединился к нам. Очень уж не хотелось становиться закуской робота-медведя. Извини.

— Одну минуту... одну минуту... — Сюзанна открыла сумочку и так сосредоточенно начала в ней рыться, что Роланд не мог не улыбнуться, несмотря на все его грустные мысли. Женщина всегда остается женщиной. Она достала пачку мятых «клинексов», перетрясла салфетки, чтобы убедиться, что в них не завалилась монетка, выудила коробочку с пудрой, подняла крышку, опустила, бросила в сумочку. За пудрой тот же путь повторила расческа...

Поглощенная столь увлекательным занятием, она даже не заметила, как Роланд прошагал мимо нее, достав револьвер из самодельной кобуры, которую он ей соорудил. Выстрелил один раз. Сюзанна вскрикнула, выронила сумочку, сунула руку в пустую кобуру под левой подмышкой.

— Хонки, ты до смерти перепугал меня!

— Тебе надо повнимательнее следить за своим оружием, Сюзанна. А не то в следующий раз дырка появится у тебя между глаз, а не в... как это называется, Джейк? Устройство для сообщения новостей? Или там просто лежит бумага?

— И то и другое, — ответил Джейк. Выстрел напугал и его. А Ыш просто отбежал ярдов на двадцать и теперь недоверчиво смотрел на Роланда. Джейк пошуровал пальцем в дыре, образовавшейся посередине запорного механизма автомата, продающего газеты. Из нее еще вился дымок.

— Чего стоишь. Открывай, — поторопил его Роланд.

Джейк дернул за ручку. Она посопротивлялась, потом в автомате что-то щелкнуло, и дверца открылась. На задней стенке Джейк прочитал:

«ЕСЛИ ГАЗЕТ НЕ ОСТАЛОСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ВОЗЬМИТЕ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР». Джейк снял его с проволочной подставки. Сюзанна, Эдди и Роланд столпились вокруг него.

— Господи, что же это? — в ужасе прошептала Сюзанна. — Что это значит? Что *случилось*?

Под названием газеты, занимавшим добрую четверть первой страницы, черные буквы заголовка кричали:

СУПЕРГРИПП «КАПИТАН ТРИПС»

НЕ ЗНАЕТ ПРЕГРАД

Руководители государства, возможно,

покинули страну

Больницы Топики переполнены больными

и умирающими

Миллионы молят Бога об исцелении

— Прочитай вслух, — попросил Роланд. — Это буквы твоего алфавита, я их не все знаю и не хочу чего-то упустить.

Джейк взглянул на Эдди, тот нетерпеливо кивнул.

Джейк развернул газету, открыв громадный фотоснимок, который поразил их до глубины души: пожар охватил город, стоящий на берегу озера.

КЛИВЛЕНД ГОРИТ. ОГОНЬ ПОБЕЖДАЕТ

— гласила надпись под фотоснимком.

— Читай, парень! — вырвалось у Эдди. Сюзанна ничего не сказала:

она уже читала статью, единственную на первой полосе, заглядывая через плечо. Джейк откашлялся, словно у него запершило в горле, и начал.

— Тут написано, что в статье использованы материалы Джона Коркорана, сотрудников редакции и информация АП. То есть статью готовили много людей, Роланд. Вот что в ней написано: «Величайший кризис Америки, а может, и всего мира за ночь только усилился. Эпидемия супергриппа, который прозвали «Раздутая шея» на Среднем Западе и «Капитан Трипс» в Калифорнии, продолжает распространяться.

Хотя число умерших еще только подсчитывается, медицинские эксперты называют кошмарные цифры. Доктор Моррис Хэкфорд из топикской больницы Святого Франциска полагает, что только на континентальной части США умрет от двадцати до тридцати миллионов. От Лос-Анджелеса, штат Калифорния, до Бостона, штат Массачусетс, тела жгут в крематориях, фабричных топках, на городских свалках.

Здесь, в Топике, заболевших, но еще способных передвигаться, просят прийти умирать в одно из трех мест: мусоросжигательный завод к северу от Окленд-Биллард-парка, шахты около ипподрома в Хартленд-парке и свалка на Юго-Восточной Шестидесят первой улице, к востоку от Форбс-Филда. На свалку следует ехать по Берритон-роуд. Дороги Калифорнии блокированы столкнувшимися автомобилями. Потерпел катастрофу по меньшей мере один транспортный самолет ВВС США».

Джейк испуганно посмотрел на своих друзей, окинул взглядом пустынную железнодорожную станцию и продолжил:

— «Доктор Эприл Монрой из Регионального медицинского центра в Стормонт-Вейл указывает, что высокая смертность, как это ни прискорбно, лишь часть этой ужасной трагедии. «На каждого умершего от этого нового вируса гриппа, — говорит Монрой, — приходится еще шесть, а может, и двенадцать человек, которых свалила болезнь. И пока мы не знаем ни об одном случае выздоровления». Откашлявшись, она добавила: «От себя лично могу сказать, что на предстоящий уик-энд я не строю никаких планов».

Из местных событий отметим:

все пассажирские авиарейсы из Форбса и Филлип-Билларда отменены; компания «Армтрак» приостановила все железнодорожные перевозки не только в Топике, но и по всему Канзасу. Станция «Бульвар Гейджа»

компании «Армтрак» в Топике закрыта до особого распоряжения;

все школы Топики закрыты до особого распоряжения. В том числе в округах 437, 345, 450 (Шони-Хейтс), 372 и 501 (Большая Топика). Закрыты также Лютеранский и Технологический колледжи в Топике и Канзасский университет в Лоренсе;

В ближайшие дни и даже недели жителей Топики ожидают перебои с подачей электроэнергии, а может, и полное ее отключение. Компания «Канзасэнерго» объявила о плановой остановке атомной электростанции «Кау-Ривер» в Уэймего. И хотя в пресс-службе АЭС трубку никто не берет, автоответчик всех успокаивает, утверждая, что никакого ЧП не произошло и остановка станции — предохранительная мера. АЭС снова начнет вырабатывать энергию, сообщает далее автоответчик, «как только разрешится текущий кризис». Однако последняя фраза сообщения настораживает. Не «До свидания» или «Благодарим за звонок», а «Да поможет нам Господь в час испытаний».

Джейк запнулся, переворачивая страницу. Новые фотографии. Сгоревший грузовик на ступенях, ведущих к зданию Канзасского музея естественной истории. Замершие, стоящие бампер к бамперу автомобиля на мосту «Золотые ворота» в Сан-Франциско. Горы трупов на Таймс-сквер. Одно тело, заметила Сюзанна, висело на столбе. Ей сразу вспомнилась безумная гонка к Колыбели Лада после того, как она и Эдди расстались со стрелком. Ластер, Уинстон, Дживс и Мод. *Когда в этот раз загрели священные барабаны, жребий пал на Резвого*, сказала Мод. *И мы дали ему проплясаться*. Только речь, естественно, шла о том, что они его *повесили*. Точно так же, как когда-то вешали людей и в Нью-Йорке. Когда все идет наперекосяк, похоже, всегда находится веревка для линчевания.

Эхо. Везде эхо. Эхо неслось из одного мира в другой, не желая затухать, как звуковое эхо, но набирая силу, сея ужас. *Как священные барабаны*, подумала Сюзанна и содрогнулась всем телом.

— «Все больше людей склоняется к мысли, — продолжил чтение Джейк, — что руководители государства, которые первые дни, когда распространение инфекции еще можно было остановить жесткими карантинными мерами, отрицали само существование супергриппа, скрылись в подземных бункерах, построенных на случай атомной войны и оснащенных всеми мыслимыми средствами защиты как от радиации, так и от смертоносных вирусов. Вице-президент Буш и ключевые министры администрации Рейгана последние сорок восемь часов не показываются на публике. Самого Рейгана последний раз видели в воскресенье утром, когда он посетил службу в методистской церкви Зеленой Долины в Сан-Симеоне.

«Они попрятались по бункерам, как Гитлер и прочие нацистские крысы в конце Второй мировой войны», — сказал преподобный Стив Слоун. На вопрос, не возражает ли он против того, чтобы цитату дали от его имени, член палаты представителей от штата Канзас, республиканец, рассмеялся и ответил: «С чего? Мне бояться нечего. На следующей неделе я превращусь в пыль».

Пожары, причиной которых скорее всего стал поджог, бушуют в Кливленде. Индианаполисе и Терре-Хоте.

Гигантский взрыв произошел в Цинциннати около Риверфрант-стадиум. Первоначальные опасения, что взорвалась атомная бомба, не подтвердились. Причиной взрыва стали оставшиеся без должного контроля подземные хранилища природного газа...

Газета выпала из рук Джейка. Порыв ветра подхватил ее и понес по платформе, разделяя на отдельные листы. Ёш вытянул шею и схватил один, когда тот пролетал мимо. Затрусил к Джейку с листом в пасти, словно собака, несущая брошенную хозяином палку.

— Нет, Ёш, газета мне больше не нужна. — Джейк чуть не плакал, такой юный, такой испуганный.

— По крайней мере теперь мы знаем, куда подевался народ. — Сюзанна наклонилась и взяла остатки газеты, которые принес Ёш: две последние страницы, заполненные некрологами, напечатанными мельчайшим шрифтом. Ни фотографий, ни причин смерти, ни сообщений о похоронах. Такой-то умер: жена, сын, дочь, родственники, друзья скорбят. Все самым мелким шрифтом. Наверное, именно эти некрологи окончательно убедили Сюзанну, что увиденное вокруг не плод ее воображения.

Но они все равно пытались почтить своих мертвых, отлично понимая, что и им жить осталось недолго, подумала она, и к горлу подкатил комок. Они пытались...

Сюзанна посмотрела на последнюю страницу «Кэпител джорнел». Изображение Иисуса Христа, глаза грустные, руки вытянуты вперед, на лбу раны от тернового венца. А ниже три слова, огромными буквами:

МОЛИСЬ ЗА НАС

Она посмотрела на Эдди, во взгляде читалось обвинение. Протянула ему газету, коричневый палец постучал по дате. 24 июня 1986 года. Эдди «извлекли» в мир стрелка из следующего года.

Он долго держал газету одной рукой, пальцы раз за разом скользили по дате, словно от их прикосновений она могла измениться. Потом Эдди оглядел всех, покачал головой.

— Нет. Я не могу объяснить ни происшедшего в этом городе, ни появления этой газеты, ни трупов в зале ожидания. Но в одном могу вас заверить — когда я покидал Нью-Йорк, там все было в полном порядке. Не так ли, Роланд?

Стрелок поморщился.

— Насчет порядка сказать не могу, твой город мне не понравился, но по горожанам никак не чувствовалось, что они пережили такую чуму.

— У нас была какая-то болезнь легионеров, — вставил Эдди. — И, разумеется, СПИД...

— Это венерическое заболевание, так? — спросила Сюзанна, — Распространяемое фруктами и наркоманами?

— Да, только в мое время голубых фруктами уже не звали. — Эдди попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая, и он быстренько стер ее с лица.

— Значит, этого... этого никогда не случилось. — Джейк осторожно прикоснулся к лику Христа на последней странице газеты.

— Сам видишь, что случилось, — возразил ему Роланд. Случилось в июне одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. А мы попали сюда после того, как здесь побывала чума. Эдди, похоже, прав. С той поры как тут похозяйничал этот супергрипп, прошло несколько месяцев. Мы в Топике, штат Канзас, в восемьдесят шестом году двадцатого столетия. То есть со *временем* все ясно. Что же касается *реальности*, то теперь мы знаем, что эта реальность не Эдди. Возможно, твоя, Сюзанна, или твоя, Джейк, потому что вы покинули свой мир до того, как на Америку обрушилась эта напасть. — Он указал на дату выпуска газеты, потом посмотрел на Джейка. — Однажды ты мне кое-что сказал. Я сомневаюсь, что ты это помнишь, но я не забыл. Потому что фраза эта — одна из самых важных, какие мне доводилось слышать: «Тогда иди, есть и другие миры, кроме этого».

— Опять загадки, — нахмурился Эдди.

— Разве не факт, что Джейк Чеймберз однажды умер, а теперь вновь стоит перед нами, живой и невредимый? Или вы сомневаетесь в правдивости моей истории о его смерти в чреве горы? То, что вы иной раз сомневались в моей честности, мне известно. И на то у вас были веские причины.

Эдди обдумал его слова, покачал головой:

— Ты лжешь, когда ложь способствует достижению поставленной тобой цели, но о Джейке ты рассказывал нам в таком состоянии, что мог говорить только правду.

Роланда задели слова Эдди (*Ты лжешь, когда ложь способствует достижению поставленной тобой цели*), но он предпочел на них не реагировать. В конце концов, Эдди не грешил против истины.

— Мы вернулись в заводь времени, — продолжил стрелок, — и вытащили его, прежде чем он успел утонуть.

— Ты его вытащил, — поправил Эдди.

— Ты, между прочим, помогал, хотя бы тем, что без тебя я бы умер, но оставим это. Речь о другом. Миров много, и в них ведет бесконечное число дверей. Сейчас мы в одном из таких миров. Червоточина, которую мы слышим, — одна из дверей... только гораздо больше тех, что мы нашли на берегу океана.

— И каковы ее размеры? — спросил Эдди. — Со складские ворота или с сам склад?

Роланд покачал головой, раскинул руки — *кто знает?*

— Эта червоточина, — подала голос Сюзанна. — Мы не просто рядом с ней, не так ли? Мы проскочили *через нее*. Иначе не попали бы в эту Топику, в реальность, параллельную реальности Эдди.

— Возможно, и проскочили, — признал Роланд. — Кто-нибудь из вас чувствовал что-то странное? Головокружение, тошноту?

Они покачали головами. Даже Ыш, который пристально смотрел на Джейку.

— Не почувствовали. — Похоже, другого ответа Роланд и не ждал. — Но мы все сосредоточились на загадках...

— Сосредоточились на том, как бы избежать смерти, — пробурчал Эдди.

— Да. Возможно, мы проскочили Червоточину, даже не заметив ее. В любом случае червоточины — не естественные явления. Они вроде язв на коже, свидетельства того, что в организме что-то не так. Только организм этот — совокупность всех миров.

— А непорядок исходит от Темной Башни, — добавил Эдди.

Роланд кивнул.

— Даже если это место... эта *реальность*, это *время*... не есть *ка* твоего мира, оно может стать этим *ка*. Супергрипп, да и другие болезни, могут распространяться, проникать из одной реальности в другую. Точно так же, как распространяются червоточины, растут и числом, и размером. Я видел их с полдюжины за все годы поисков Темной Башни, а слышал

порядка двух десятков. Первую... первую я увидел еще совсем молодым. Около города Хэмбри. — Он опять потер щеку ладонью и не удивился, обнаружив не только щетину, но и пот. *Люби меня, Роланд. Если ты любишь меня, люби.*

— С нами что-то случилось, Роланд, и это что-то вышибло нас из твоего мира, — подвел итог Джейк. — Мы соскочили с Луча. Смотри, — он указал на небо.

Облака медленно плыли над ними, но не в том направлении, куда смотрела искореженная «морда» Блейна. Юго-восток по-прежнему оставался юго-востоком, признаки Луча, к которым они уже привыкли, отсутствовали.

— А что такого? — спросил Эдди. — Я хочу сказать... Луч, возможно, и пропал, но Башня-то существует во всех мирах, не так ли?

— Да, — кивнул Роланд, — но не изо всех миров до нее можно добраться.

За год до того, как пристраститься к героину. Эдди короткое время поработал посыльным. Теперь он вспомнил лифты в больших офисных центрах, куда ему случалось что-то привозить, здания, занятые в основном банками и инвестиционными компаниями. На некоторых этажах простым нажатием кнопки лифт не останавливался: требовалось вставить в щель под номером этажа специальную карточку. Когда кабина лифта подходила к одному из таких закрытых этажей, на световом указателе вместо номера этажа выскакивала буква Х.

— Думаю, нам надо снова найти Луч. — Роланд обвел взглядом остальных.

— Я в этом убежден, — кивнул Эдди. — Пошли, чего стоять. — Через пару шагов он остановился, повернулся, посмотрел на Роланда. Одна бровь вопросительно изогнулась.

— Куда идем?

— В том же направлении, в котором ехали. — уверенно ответил Роланд и прошел мимо Эдди в пыльных разбитых сапогах, держа курс на парк.

Глава пятая НА ТРАССЕ

1

Роланд дошагал до конца платформы, сшибая на железнодорожные пути куски розового металла. У лестницы остановился, посмотрел на остальных.

— Опять трупы. Будьте готовы.

— Они не... э... текут? — спросил Джейк.

Роланд нахмурился, потом лоб разгладился: он понял смысл вопроса.

— Не текут. Уже высохли.

— Тогда все в порядке. — облегченно вздохнул Джейк, но тем не менее протянул руку Сюзанне, которую нес Эдди. Она улыбнулась мальчику и крепко сжала его руку.

У подножия лестницы, ведущей на автостоянку, лежали полдюжины трупов. Два женских, три мужских. И ребенка в коляске. Летние солнце, дожди и жара славно потрудились над трупами (не говоря уже о посильной помощи бродячих котов, скунсов и бурундуков). Ребенок превратился в детскую мумию, извлеченную из какой-нибудь инкской пирамиды. Джейк предположил, что это мальчик, по выцветшему синему цвету одежды, но точно, естественно, сказать не мог. Без глаз, без губ, с посеревшей кожей... страх господний... почему мертвый младенец переходит дорогу? Потому что познакомился с супергриппом.

Но младенец все-таки лежал в коляске, а потому сохранился лучше взрослых. От тех остались разве что скелеты с волосами. Кости-пальцы одного из мужчин сжимали ручку чемодана, похожего на те «самсониты», с которыми путешествовали родители Джейка. Как и у младенца (как и у всех остальных), глаза мужчины то ли выклевали птицы, то ли выели звери. И теперь на Джейка смотрели громадные черные глазницы. А под ними два ряда обесцвеченных зубов разошлись в отвратительной ухмылке. *Что же ты так долго не приходил, малыш* — казалось, спрашивал мертвый мужчина, рука которого все сжимала ручку чемодана. *Давно жду тебя, а лето выдалось таким долгим и жарким!*

И куда же вы пойдете, друзья? — гадал Джейк. Где надеетесь найти безопасное прибежище? В Де-Мойне? В Сиукс-Сити? В Фарго На Луне?

Они спустились по лестнице. Роланд первым, остальные следом. Джейк все еще держал Сюзанну за руку, Ыш не отставал от него ни на шаг. Длиннотелый ушастик преодолевал каждую ступеньку в два приема, как трейлер с прицепом переваливает через «лежащего полицейского».

— Притормози, Роланд. — остановил стрелка Эдди. — Я хочу обследовать инвалидные ячейки. Возможно, нам повезет.

— Инвалидные ячейки? — переспросила Сюзанна. — Что это такое?

Джейк пожал плечами. Он не знал. Не знал и Роланд.

Сюзанна повернулась к Эдди.

— Я только потому спрашиваю, сладенький, что звучит это неприятно. Ты понимаешь, все равно что назвать негра черным или голубого фруктом. Я знаю, что я — невежда из далекого тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, но...

— Смотрите сами. — Эдди указал на знаки, маркирующие ближайший к платформе ряд автостоянки. Знаки эти располагались парами на каждом столбе. Верхний — сине-белый, нижний — красно-белый. Когда они подошли ближе, Джейк увидел, что на верхнем знаке изображена инвалидная коляска. Нижний предупреждал: «ЗА СТОЯНКУ В РЯДУ, ОТВЕДЕННОМ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ, ШТРАФ 200 ДОЛЛАРОВ. НАЛАГАТЬ ШТРАФ УПОЛНОМОЧЕНО УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ ГОРОДА ТОПИКИ».

— Вы только посмотрите! — воскликнула Сюзанна. — Им следовало давным-давно это сделать! Да в мое время с этой чертовой коляской ни в одну дверь не сунешься. Черт, считай, тебе повезло, если смогла взобраться на тротуар. А чтобы специальные места на автостоянке? Такого я и во сне не видела!

Автомобили забили стоянку до отказа, но даже в ситуации, когда до конца света оставалось совсем чуть-чуть, в инвалидном ряду оказались только две машины без маленького изображения инвалидного кресла на номерных знаках.

Джейк предположил, что уважение к «инвалидным ячейкам» загадочным образом вошло в число законов, обязательных для исполнения, встав в один ряд с написанием почтового индекса на письме, расчесыванием волос по утрам и чисткой зубов перед завтраком.

— А вот и то, что нам нужно! — воскликнул Эдди. — Думаю, мы сорвали банк!

С Сюзанной, сидящей у него на бедре — еще месяц назад едва ли он смог бы нести ее, — Эдди поспешил к «линкольну». На крыше лежал гоночный велосипед, а из открытого багажника выглядывало складное

инвалидное кресло. Кстати, не единственное. Окинув взглядом ряд «инвалидных ячеек», Джейк насчитал еще четыре, закрепленных на багажнике, засунутых в багажное отделение мини-вэнов и пикапов. Одно, как показалось Джейку, очень уж старое и громоздкое, стояло в кузове небольшого грузовика.

Эдди опустил Сюзанну на асфальт и склонился над багажником, изучая приспособление, удерживающее кресло в неподвижном положении. Множество перекрестных эластичных лент плюс стержень-блокиратор. Эдди вытащил «ругер», который Джейк позаимствовал в отцовском столе.

— Стреляем в дырку, — радостно возвестил он и, прежде чем кто-то успел и глазом моргнуть, нажал на спусковой крючок и вышиб замок блокиратора. Грохот перешел в звенящую тишину. И тут же возобновился вой червоточины, словно выстрел разбудил ее. *Звучит, как гавайская гитара, не так ли?* — вспомнилось Джейку, и его передернуло. Полчаса назад он бы не поверил, что звук может раздражать, как... ну, запах тухлого мяса, но теперь верил. Он посмотрел на щиты. Над деревьями виднелась лишь их небольшая часть, но и этого хватило, чтобы подтвердить его предположение: щиты вновь кутались в марево. *Червоточина генерирует какое-то поле*, подумал Джейк. *Точно так же, как миксеры и пылесосы вызывают помехи в работе радиоприемников и телевизоров. Или как у учеников, подходивших к циклотрону, который мистер Кинджери приносил на урок физики, волосы вставали дыбом.*

Эдди уже отбросил блокиратор и ножом Роланда перерезал эластичные ленты. Потом вытащил инвалидное кресло из багажника, внимательно осмотрел, разложил, зафиксировал шарниры, исключив самопроизвольное складывание кресла.

— Оп-ля! — воскликнул он.

Сюзанна приподнялась на одной руке, Джейк решил, что она очень похожа на женщину, изображенную на картине Эндрю Уайета «Мир Кристины», которая очень ему нравилась. На кресло она смотрела как на чудо.

— Святой Боже, да оно, похоже, легче света.

— Современная технология во всей красе, дорогая, — пояснил Эдди. — Ради этого мы сражались во Вьетнаме. Залезай. — Он наклонился, чтобы помочь ей. Сюзанна не возражала, но лицо ее напряглось, когда Эдди опускал ее на сиденье. Словно она ожидала, что кресло рухнет. Потом провела руками по подлокотникам своего нового транспортного средства и сразу же успокоилась.

Джейк тем временем побрел вдоль ряда автомобилей, проводя

пальцами по капотам, оставляя бороздки в ровном слое пыли. Ыш последовал за ним, остановившись однажды, чтобы поднять ножку и непринужденно оросить колесо, словно у него это давно вошло в привычку.

— Навевает тоску по дому, дорогой? — спросила Сюзанна. — Ты, возможно, думал, что уже никогда не увидишь американского автомобиля, или я не права?

Джейк обдумал ее слова и решил, что она не права. У него не возникало и мысли, что он навсегда останется в мире Роланда, что ему уже не увидеть автомобиля. Его это особо не волновало, но он также не думал, что карты предсказали ему такую судьбу. Пока еще нет. Потому что в реальности, из которой он пришел, в его Нью-Йорке существовал некий пустырь. На углу Второй авеню и Сорок шестой улицы. Когда-то там был магазинчик деликатесов.

«ТОМ И ДЖЕРРИ»

специализируемся на заказах

к банкетам и праздникам.

Теперь лишь груды кирпича, сорняки, осколки стекол и...

...и роза. Одна-единственная роза, растущая на пустыре, где должен вознестись к небу громадный кондоминиум, но Джейк чувствовал, что второй такой розы нет на всей земле. А может, и в тех мирах, которые упоминал Роланд. Идущие к Темной Башне наткнулись бы на розы. Миллионы роз, если верить Эдди, акры и акры, засаженные розами. Такое, во всяком случае, ему приснилось. Однако Джейк подозревал, что эта роза отличается и от тех... и пока ее судьба не решена, ему не заказан путь в мир автомобилей, телевизоров и полицейских, которые хотели бы знать, есть ли у тебя удостоверение личности и как зовут твоих родителей.

Кстати о родителях, подумал Джейк. Возможно, мне еще предстоит увидеться и с ними. И мысль эта породила в его душе как надежду, так и тревогу.

Они остановились, миновав полряда. Джейк смотрел на широкую улицу (как он полагал, бульвар Гейджа), отходящую от стоянки. Роланд и Эдди догнали их.

— Эта крошка покажется тебе пушинкой, после того как ты два месяца

толкала Железную деву, — усмехнулся Эдди. — Готов спорить, ты в ней просто *полетишь*. — Он подул в спинку кресла, желая показать, что и этого хватит, чтобы сдвинуть его с места. Джейк уже хотел сказать Эдди, что они могли бы подобрать и другое кресло, с моторчиком, но потом понял, что Эдди наверняка об этом уже подумал и отказался от этой мысли по одной простой причине: аккумуляторы давно сели, а подзарядить их возможности не было.

Сюзанна пропустила слова Эдди мимо ушей — сейчас ее интересовал только Джейк.

— Ты мне не ответил, сладенький. Эти автомобили разбудили в тебе тоску по дому?

— Нет. Но интересно, все ли модели мне знакомы. Я подумал, может... если этот 1986 год не принадлежит к реальности моего 1977 года, это как-то можно установить. Но пока *не знаю*, как. Все так быстро меняется. И девяти лет достаточно... — Он пожал плечами, взглянул на Эдди. — Может, тебе удастся с этим определиться. Я хочу сказать, ты действительно жил в восемьдесят шестом.

— Жил, но не видел, что происходит вокруг, — пробурчал Эдди. — Торчал большую часть времени. Однако... возможно...

Эдди покатыл Сюзанну дальше по гладкому асфальту стоянки, указывая на один автомобиль за другим.

— «Форд-эксплорер»... «Шевроле-капрайс»... а это старый «понтиак», сразу видно по радиаторной решетке...

— «Понтиак-бонневилл», — уточнил Джейк. Его забавляло изумление, застывшее в глазах Сюзанны: для нее все эти автомобили казались чудесами далекого будущего. *А как воспринимает их Роланд?* — подумал Джейк и оглянулся.

Стрелок не выказывал ни малейшего интереса. Он смотрел на уходящую от автостоянки улицу, парк, далекую автостраду... да только Джейк мог поклясться, что ничего этого Роланд не видит. Потому что тот с головой ушел в собственные мысли. И, судя по выражению его лица, не нашел там ничего хорошего.

— Это один из малолитражных «Крайслеров К», — продолжал Эдди. — А это «субару». «Мерседес SEL-450», классная штука, машина победителей... «Мустанг»... «Крайслер-империал», в хорошем состоянии, но возрастом старше Господа...

— Думай, что говоришь. — сурово оборвала его Сюзанна. — Этот автомобиль я узнала. А вот этот мне в новинку.

— Извини, Сюзи. Я не хотел, правда. Это «когуар»... «шеви»... еще

один... Топика любит «Дженерал моторс», это сюрприз... «хонда-сивик»... «фольксваген»-кролик... «додж»... «форд»... «та...

Эдди запнулся, уставившись на маленький автомобиль, чуть ли не крайний в ряду, белый, с красной полосой.

— «Такуро». — Говорил он, похоже, сам с собой. Обошел автомобиль, чтобы взглянуть на багажник. — Точнее, «такуро-спирит». Слышал о такой модели, Джейк из Нью-Йорка?

Джейк покачал головой.

— Я тоже не слышал. Ни хрена не слышал.

Эдди покатыл Сюзанну к бульвару Гейджа (Роланд повторял все их действия, пребывая в своем внутреннем мире, шел, когда шли они, останавливался, когда останавливались они). У автоматического шлагбаума (СТОЙ! ОПЛАТИ СТОЯНКУ!) Эдди снова замер.

— При такой скорости мы состаримся до того, как доберемся до парка, и умрем, не поднявшись на автостраду, — бросила Сюзанна.

На этот раз Эдди не извинился, вроде бы даже не услышал ее. Он смотрел на наклейку на бампере старого, тронутого ржавчиной «АМС-пейсера». Сине-белая наклейка чем-то напоминала знак, маркирующий инвалидные ячейки. Джейк присел, чтобы получше ее разглядеть. Ыш тут же положил голову на колено Джейку, мальчик рассеянно почесал зверька за ухом. Другой рукой он коснулся наклейки, чтобы убедиться, что она ему не привиделась. «МОНАРХИ КАНЗАС-СИТИ», прочитал он. Букву О в слове монархи заменял бейсбольный мяч.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — заговорил Эдди, — потому что мои знания о бейсболе обрываются на стадионе «Янки», но разве в Канзас-Сити играют не «Короли»? Ты знаешь, Джордж Бретт и все такое.

Джейк кивнул. Он знал «Королей» и знал Бретта, еще молодого игрока во времени Джейка, но, должно быть, гораздо более опытного и известного девять лет спустя, во времени Эдди.

— Вы говорите про «Атлетов Канзас-Сити»? — В голосе Сюзанны слышалось недоумение.

Роланд бейсбольную дискуссию проигнорировал: он все еще парил в личном озоновом слое.

— Мы же говорим о восьмьдесят шестом годе, дорогая, — мягко напомнил Эдди. — К восьмьдесят шестому «Атлеты» уже перебрались в Окленд. — Он перевел взгляд с наклейки на Джейка. — Может, это команда низшей лиги? — спросил он. — Трипл А?

— В Трипл А «Короли» все равно остаются «Королями». — ответил Джейк. — Они играют в Омахе. Хватит об этом, пошли.

Об остальных Джейк сказать не мог, но у него словно отлегло от сердца. Он испытывал безмерное облегчение. Он знал наверняка, что его реальности эта чума не грозит, потому что в ней не было «Монархов Канзас-Сити». Может, на основании этой информации не представлялось возможным делать окончательные выводы, но Джейк чувствовал свою *правоту*. А как же приятно осознавать, что твоим отцу и матери не суждено умереть от болезни, прозванной «Капитан Трипс», и их тела не сожгут на... свалке или где-то еще.

Только полной уверенности в этом не было, даже если этот 1986 год и его 1977-й находились в разных реальностях. Потому что, пусть эта ужасная чума и прокатилась по миру, где ездили автомобили «такуро-спирит» и Джордж Бретт играл за «Монархов Канзас-Сити», Роланд говорил, что катаклизмы могут распространяться... что тот же супергрипп может просочиться через ткань пространства, как электролит просачивается через кусок материи.

Стрелок говорил о водяной заводи, выражение это показалось Джейку таким красивым, романтическим. Но, допустим, вода там застоялась и подернулась ряской. Допустим, эти образования, а-ля Бермудский треугольник, которые Роланд назвал червоточинами, когда-то крайне редкие, стали скорее правилом, чем исключением? Допустим... мысль это ужасная, гарантирующая, что до трех ночи уже не заснуть... что все реальности начнут перемешиваться с нарастанием структурных слабостей Темной Башни? Допустим, ее остов не выдержит, один уровень упадет на следующий... тот на следующий, тот... до тех пор, пока...

Когда Эдди положил ему руку на плечо, Джейку пришлось прикусить язык, чтобы не вскрикнуть.

— Ты вызываешь у себя глюки.

— Что ты об этом знаешь? — Джейк понимал, что грубит, но очень уж он разозлился. Оттого, что испугался, или оттого, что Эдди уловил его состояние? Он не знал. Да и не хотел знать.

— В вопросе глюков я классный специалист. — ответил Эдди. — Я, конечно, не знаю, о чем ты думал, но, что бы это ни было, сейчас самое время больше об этом не думать.

А вот это, решил Джейк, скорее всего дельный совет. Они вместе пересекли улицу. И направились к парку Гейджа, где Джейка ждало одно из самых больших потрясений в его короткой жизни.

Пройдя под металлической аркой с надписью «ПАРК ГЕЙДЖА» (старинные, закругленные буквы), они ступили на вымощенную дорожку, проложенную через английский парк, необратимо превращающийся в эквадорские джунгли. Поскольку в это жаркое лето за парком никто не ухаживал, растения пошли в рост. Осенью тоже никто ничего не подрезал, не выстригал лишние побеги, так что от парка уже осталось одно название. Указатель за аркой извещал о том, что они попали в Рейнский розарий, и действительно, вокруг росли розы. Большинство уже отцвели, кроме нескольких диких. Они напомнили Джейку о розе на пустыре на углу Сорок шестой улицы и Второй авеню, и у него заняло сердце.

По одну руку путники увидели прекрасную старинную карусель, с полосатым шатром и лошадами. Карусель застыла, разноцветные лампочки не горели, музыка замолкла навсегда. По спине Джейка пробежал холодок, когда на шее одной лошади он заметил детскую бейсбольную перчатку, зацепившуюся за сбрую. И сразу отвел глаза.

За каруселью растительность стала гуще, с обеих сторон навалившись на тропу так, что странникам пришлось идти колонной по одному, как потерявшимся детям в сказочном лесу. Шипы разросшихся и неухоженных розовых кустов цеплялись за одежду Джейка. Каким-то образом он оказался в авангарде (возможно, потому, что Роланда не отпускали собственные мысли), поэтому «Чарли Чу-Чу» увидел первым.

Приближаясь к рельсам, пересекавшим тропу, маленьким, чуть больше игрушечных, он вспомнил высказывание стрелка о том, что *ка* — все равно что колесо, всякая точка на котором всегда возвращается в прежнее место. *Нас преследуют розы и поезда*, подумал Джейк. *Почему? Я не знаю. Наверное, это еще одна за...*

Тут он взглянул налево, и с его губ сорвался крик: «Боже ты мой праведный» — все в одно слово. Ноги у него подогнулись, он опустился на землю. Собственный голос донесся до ушей из далекого далека. Сознания он не потерял, но многоцветный мир перед глазами поблек: листва стала серой, совсем как осеннее небо над головой.

— Джейк! Джейк, что случилось?

Эдди. В его голосе Джейк слышал искреннюю озабоченность, но произносил Эдди эти слова на другом континенте. А может, и на другой планете. То ли в Бейруте, то ли на Уране. Джейк почувствовал, как ему на плечо легла рука Роланда.

— Джейк! — Сюзанна. — Что с тобой, сладенький? Что...

Тут она увидела и замолчала. Эдди увидел, больше не сказал ему ни слова. Рука Роланда свалилась с его плеча. Все стояли и смотрели... кроме

Джейка, который смотрел сидя. Он полагал, что со временем ноги у него окрепнут и он сможет встать, но пока они напоминали вареные макароны.

Поезд стоял в пятидесяти футах от них, у игрушечной станции, уменьшенной копии той, на которую они прибыли. На свесах крыши красовался большой щит с надписью «ТОПИКА». А сам поезд будто сошел со страниц книги «Чарли Чу-Чу». Те же вагоны, тот паровоз «Биг-бой-402». И Джейк знал: если б у него хватило сил подняться и подойти к поезду, он бы нашел мышинное семейство, устроившееся на сиденье, где раньше сидел инженер (и его, безусловно, звали Боб Как-его-там). А еще одно семейство, ласточек, примостилось на дымовой трубе.

И черные маслянистые слезы, думал Джейк, глядя на миниатюрный поезд, стоящий у миниатюрной станции, с бегающими по коже мурашками, со скрутившимся в узел желудком. По ночам он плачет черными маслянистыми слезами, и они блестят в ярком свете его прожектора. Но в свое время, Чарли-бой, ты покатал ребятишек, не так ли? Ты ехал по периметру парка Гейджа, а ребятишки смеялись. Все смеялись, за исключением нескольких. Эти-то знали, кто ты такой, и кричали. Как кричал бы я, будь у меня для этого силы.

Но силы к нему возвращались, и когда Эдди подхватил его под одну руку, а Роланд под другую, Джейк сумел подняться. Его качнуло, но он устоял на ногах.

— К твоему сведению, я не думаю, что ты дал слабину. — Голос Эдди звучал мрачно. Мрачным оставалось и его лицо. — У меня тоже такое ощущение, что я сейчас упаду. Это же поезд из твоей книжки. Один к одному.

— Значит, теперь нам понятно, откуда мисс Берил Эванс взяла идею «Чарли Чу-Чу». — вставила Сюзанна. — То ли она жила здесь, то ли до 1942 года, когда эту чертову книгу опубликовали, побывала в Топике...

— ...и увидела игрушечный поезд, который ездит по Рейнскому розарию и вокруг парка Гейджа. — закончил за нее Джейк. Страх уже спал, и он, не только единственный ребенок в семье, но и очень одинокий ребенок, испытывал безграничную любовь и признательность к своим друзьям. Они видели то, что видел он, они понимали причину его испуга. Естественно, все они составляли *ка-тет*.

— Он не будет отвечать на глупые вопросы, не будет играть в глупые игры, — промурлыкал Роланд.

— Ты можешь идти, Джейк?

— Да.

— Ты уверен? — спросил Эдди и после утвердительного кивка Джейка покатил коляску Сюзанны через рельсы. Роланд последовал за ним. Джейк на мгновение задержался, вспомнив сон: он и Ыш пересекают железнодорожные пути, и тут ушастик внезапно поворачивает и бежит по шпалам, отчаянно лая на приближающийся прожектор.

Джейк наклонился, поднял Ыша на руки. Посмотрел на ржавеющий поезд, застывший у станции, темный круг потухшего прожектора, похожего на мертвый глаз.

— Я тебя не боюсь, — прошептал Джейк. — Не боюсь тебя.

Прожектор ожил, коротко сверкнул, как бы говоря: *А я вижу, что боишься. Вижу, маленькая моя, дорогая злючка.*

И погас.

Остальные ничего не заметили. Джейк еще раз посмотрел на поезд, ожидая, что прожектор вспыхнет вновь, может, даже поезд сдвинется с места, чтобы раздавить его, но ничего такого не случилось.

С гулко бьющимся сердцем Джейк устремился вдогонку за своими спутниками.

3

Зоопарк Топики («Всемирно известный зоопарк Топики», если верить вывеске при входе), превратился в кладбище мертвых животных. Некоторые животные, освобожденные из клеток, убежали, другие умерли неподалеку. Большие обезьяны так и остались в обезьяннике, умерли, взявшись за руки. У Эдди на глаза навернулись слезы. С тех пор как остатки героина «выветрились» из организма, он отличался очень бурной эмоциональной реакцией. Прежние друзья подняли бы его на смех.

За обезьянником на дорожке лежал мертвый серый волк. Ыш осторожно приблизился к нему, обнюхал, потом вытянул длинную шею и завыл.

— Заставь его это прекратить, Джейк, слышишь меня? — пробурчал Эдди. Внезапно он понял, что ощущает запах тухлого мяса. Запах очень слабый, поскольку летняя жара уже спала, но к горлу подкатила тошнота, а во рту появился привкус желчи.

— Ыш! Ко мне!

Ыш провыл в последний раз и вернулся к Джейку. Встал у его ног, глядя снизу вверх выпученными глазами с золотистыми ободками. Джейк взял его на руки, по широкой дуге обогнул труп волка, вновь опустил на

вымощенную дорожку.

Она вывела их к крутой лестнице (сорняки уже начали пробиваться в зазорах между брусчаткой. На вершине Роланд оглянулся на зоопарк, розарий, парк. Отсюда они видели весь железнодорожный круг, позволяющий пассажирам «Чарли» объехать парк Гейджа по периметру. А за парком холодный ветер наметал опавшие листья на бульвар Гейджа.

— Так пал лорд Перт, — пробормотал Роланд.

— И земля вздрогнула, — добавил Джейк.

Роланд удивленно глянул на него, как человек, пробудившийся после глубокого сна, затем улыбнулся и обнял Джейка за плечи.

— В свое время мне довелось побывать в шкуре лорда Перта.

— Правда?

— Да. И очень скоро вы об этом узнаете.

4

Далее путь их лежал мимо вольеров с мертвыми экзотическими птицами, закусочной, рекламирующей (в очень, надо сказать, неудачном месте) ЛУЧШИЕ В ТОПИКЕ БИЗОНБУРГЕРЫ. Они прошли под еще одной железной аркой с надписью «ЖДЕМ ВАС СНОВА В ПАРКЕ ГЕЙДЖА». А уж за аркой асфальтированная дорога (только для служебных автомобилей), поднимаясь по насыпи, выводила на автостраду. Теперь они уже ясно видели зеленые щиты, которые заметили еще со станции.

— Опять трассоваться. — едва слышно вымолвил Эдди. — Черт побери, — и тяжело вздохнул.

— Что такое трассоваться, Эдди?

Джейк не ожидал, что Эдди ответит. Когда Сюзанна повернулась к нему, Эдди, крепко сжимая рукоятки ее новой коляски, отвел глаза. Потом посмотрел на Сюзанну, на Джейка.

— Не очень приятная история. Как и вся остальная моя жизнь, пока наш Гэри Купер не перебросил меня через Великий Водораздел.

— Ты можешь не...

— Да ничего особенного. Наша компания, я, мой брат Генри, обычно Бродяга О'Хара, потому что у него был автомобиль, Сандра Корбитт, может, еще Джимми Полио, бросали бумажки с нашими именами в шапку. Тот, чье имя вытягивали, становился... гидом, так звал его Генри. Ему... ей, если выбор падал на Сандру, приходилось блюсти «сухой закон». Во всяком случае, не выходить за рамки. Остальные же торчали как хотели. Потом мы

все набивались в «крайслер» Бродяги и по автостраде 95 уезжали в Коннектикут. Или по Таконик-паркуэй — в штат Нью-Йорк... только мы его звали Кататоник-паркуэй. Ставили в магнитолу кассету с «Криденс», Марвином Гейе или даже с хитами Элвиса.

Ночью нам нравилось ездить больше, чем днем, особенно при полной луне. Мы мчались по автостраде часами, иногда высовывая головы из окон, как обычно высовываются собаки, смотрели на луну, считали падающие звезды. Вот это у нас называлось трассоваться. — Эдди улыбнулся. С видимым усилием. — Чудесная жизнь, господа.

— Звучит весело, — ответил Джейк. — Исключая наркотики. Я хочу сказать, ездить по ночам с друзьями, смотреть на луну, слушать музыку... здорово.

— Так оно и было, — кивнул Эдди. — Хотя иной раз мы так наедались «колес», что могли отлить не в кусты, а в свои башмаки. — Он помолчал. — И это самое ужасное, не так ли?

— Трассоваться. — повторил стрелок. — Что ж, потрассуемся.

И они зашагали по дороге, выводящей на автостраду.

5

Кто-то разрисовал два знака, стоящие перед последним поворотом выезда на автостраду. На одном, с надписью «СЕНТ-ЛУИС 215», кто-то размашисто вывел черной краской:

БЕРЕГИСЬ ХОДЯЩЕГО ТРУПА

На другом, подсказывающем, что до следующей площадки отдыха десять миль, написали уже красной:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ

«Кримсон Кинг»

толстенными буквами, которые так и не выцвели за целое лето. Около каждой надписи красовался нарисованный соответственно черной и

красной красками широко раскрытый глаз.

— Ты знаешь, что это означает, Роланд? — спросила Сюзанна.

Роланд покачал головой, но на его лице отразилась тревога, да так и осталась в глазах.

Они двинулись дальше.

На пересечении выезда и автострады двое мужчин и мальчик сгрудились у новой коляски, на которой восседала Сюзанна. Все смотрели на восток.

Эдди не знал, что будет, когда они выйдут из Топики, но здесь легковушки и грузовики забили все полосы, ведущие как на запад, так и на восток. У большинства машин рессоры прогибались под тяжестью вещей. Многие изрядно проржавели от летних дождей.

Но не о скопище автомобилей думали они, глядя на восток. Город тянулся еще на полмили и в ту, и в другую сторону: они видели шпили церквей, рекламы кафе быстрого обслуживания («Арбиз», «Уэндиз», «Макдоналдс», «Пицца-Хат» и еще одно название, незнакомое Эдди: «Боинг-Боинг бургерс»), автосалонов, зала для боулинга, называющегося «Хертленд лайнз». Впереди они видели съезд с автострады с указателем «ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТОПИКСКАЯ БОЛЬНИЦА». Съезд этот вел к массивному старому зданию из красного кирпича, с маленькими окошками, едва проглядывающими сквозь разросшийся плющ. Эдди решил, что здание это, очень похожее на тюрьму, должно быть, и есть больница, скорее всего муниципальная, где бедняки часами просиживают на дешевых пластиковых стульях, и все ради того, чтобы какой-нибудь врач кое-как осмотрел их. Оно и понятно: кто они, как не дерьмо собачье.

За больницей город резко обрывался, уступая место червоточине.

Эдди она напонила ровную поверхность воды в стоячем болоте. Червоточина с двух сторон облежала насыпь А-70, серебристая и мерцающая. Ее стараниями знаки, рельсы ограждения и застывшие автомобиля дрожали, как миражи. Ноющий, дребезжащий звук накатывал, словно неприятный запах.

Сюзанна закрыла уши руками, уголки ее рта опустились.

— Не знаю, выдержу ли я это. Не хочу показаться неженкой, но меня уже мутит, а я не ела целый день.

Эдди мог подписаться под ее словами. Однако, пусть его и мутило, он

не мог оторвать глаз от червоточины. Словно у ткани пространства появилось... что? Лицо? Нет. Огромное вибрирующее марево не имело лица, он видел скорее антипод лица, но у него появилось тело... форма... *присутствие*.

Да, последнее сравнение, пожалуй, самое лучшее. Ткань пространства проявила себя, как проявил себя демон, появившийся в каменном круге, когда они пытались «извлечь» Джейка.

Роланд тем временем копался в своем кошеле. И добрался до самого дна, прежде чем нашел то, что нужно: пригоршню патронов. Он снял правую руку Сюзанны с подлокотника и положил ей на ладонь два патрона.

Затем взял еще два и сунул в уши, пулями вперед. Сюзанна поначалу вытаращилась на него, потом сомнение исчезло из глаз, и она последовала его примеру. И тут же блаженное облегчение разлилось по ее лицу.

Эдди скинул на асфальт заплечный мешок, достал наполовину пустую коробку с патронами сорок четвертого калибра для Джейкова «ругера». Стрелок покачал головой и протянул руку. На ладони лежали четыре патрона, по два для Эдди и Джейка.

— А эти чем плохи? — Эдди вытряс пару патронов из коробки, которая хранилась в глубине одного из ящиков стола Элмера Чеймберза.

— Они из твоего мира и не смогут блокировать этот звук. Не спрашивай меня, откуда мне это известно. Знаю, и все. Попробуй свои, если хочешь, но они тебе не помогут.

Эдди указал на патроны, лежащие на ладони Роланда.

— Они тоже из нашего мира. Оружейный магазин на углу Седьмой авеню и Сорок девятой улицы. «Клементс», не так ли?

— Они не оттуда. Это мои патроны, Эдди, не раз перезаряженные, но первоначально привезенные из зеленой страны. Из Гилеада.

— Те самые, *мокрые*? — недоверчиво спросил Эдди. — Последние из патронов, попавших в воду на берегу? Которые действительно пропитались водой?

Роланд кивнул.

— Ты же говорил, что стрелять ими уже нельзя! Сколько бы их ни сушить! Что порох... как ты сказал... «Выдохся»?

Роланд вновь кивнул.

— Тогда почему ты их собрал? Зачем тащить с собой бесполезные патроны?

— Что надо говорить после удачной охоты. Эдди? Чтобы и потом не сбиться с прицела.

— Отец, направь мои руки и сердце, чтобы никакая часть зверя не

пропала зря.

Роланд в третий раз кивнул. Джейк взял два патрона, вставил в уши. Эдди достались два последних, но сначала он воспользовался своими, которые вытряхнул из коробки. Они приглушили звук, но он остался, вибрируя в центре лба, заставляя глаза слезиться, как при простуде, а в переносице возникло такое ощущение, что она раздувается и вот-вот взорвется. Эдди вытащил их, заменил более крупными, для древних револьверов Роланда. Вставляя *патроны в уши*, подумал Эдди. *Мама бы обделалась*. Но важно не само действие, а результат. Голос червоточины исчез, во всяком случае, удалился на безопасное расстояние. Повернувшись и заговорив с Роландом, Эдди ожидал, что заглохнет и его голос, как бывало, если вставить в уши затычки, однако себя он услышал более чем хорошо.

— Есть хоть что-нибудь, чего ты не знаешь? — спросил он Роланда.

— Да. — ответил Роланд. — И очень многое.

— Как насчет Ыша? — спросил Джейк.

— Думаю, об Ыше можно не волноваться. В путь, надо пройти побольше до темноты.

На Ыша дребезжащее завывание червоточины действительно не действовало, но он словно прилип к Джейку Чеймберзу, недоверчиво поглядывая на автомобили, запрудившие все полосы движения А-70. И в то же время, отметила Сюзанна, эти машины забили автостраду не полностью. Число их уменьшалось по мере того, как путники удалялись от центра города, но машин все равно хватало. Некоторые сдвигали в одну сторону или другую несколько автомобилей закатали на разделительную полосу, бетонное возвышение в пределах города и полосу травы вне его.

Кто-то поработал ломом, вот что я вам скажу, подумала Сюзанна. Мысль эта несказанно обрадовала ее. Никто не стал бы расчищать тропинку на автостраде в разгар чумы. А если кто-то это сделал, если остались те, кто мог это сделать, значит, чума выкосила не всех. И некрологи в газете — это не вся история.

В некоторых машинах сидели трупы, высохшие, не гниющие, мумии, пристегнутые ремнями безопасности. Но большинство автомобилей пустовало. В большинстве своем водители и пассажиры, попав в пробку, старались покинуть зону заражения на своих двоих, но Сюзанна полагала,

что не только эта причина выгнала их на асфальт.

Сюзанна знала, что, почувствовав симптомы смертельной болезни, она осталась бы за рулем только в том случае, если б ее к нему приковали. Если уж умирать, то на открытом воздухе. Лучше всего на вершине холма, даже на пригорке, сойдет и пшеничное поле. Где угодно, лишь бы последний вдох не пах освежителем воздуха, миниатюрный контейнер которого болтался на зеркале заднего обзора.

Поначалу Сюзанне казалось, что им предстоит увидеть много трупов, но теперь она знала, что избытка не будет. Из-за червотчины. Они подходили к ней все ближе и ближе, и она точно уловила момент контакта. По ее телу пробежала дрожь, заставившая вытянуть вперед культишки ног. Оглянувшись, она увидела, что Роланд, Эдди и Джейк кривятся, согнувшись пополам. Словно у них одновременно схватило живот. Эдди и Роланд выпрямились, Джейк, наоборот, нагнулся, чтобы погладить Ыша, который озабоченно уставился на него.

— С вами все в порядке? — спросило Сюзанна сварливым и одновременно насмешливым голосом Детты Уокер. Она не собиралась воспользоваться голосом этой дамочки, иногда так получалось само собой.

— Да, — ответил Джейк. — Правда, такое ощущение, что в горле застрял пузырь. — Он тревожно оглядывался. Серебристое марево окружило их, весь мир словно превратился в болотистую норфолкскую топь на рассвете. Неподалеку из этого марева торчали деревья, дрожа, словно миражи. Чуть дальше Сюзанна увидела башню элеватора, которая, казалось, плыла над землей. На ней розовели слова «ГЭДДИШ ФИДС». В нормальных условиях они наверняка стали бы красными.

— А у меня, похоже, пузырь в голове, — отозвался Эдди. — Только посмотрите на это гнусное марево.

— Ты ее слышишь? — спросила Сюзанна.

— Да. Но чуть-чуть. Переживу. А ты?

— То же самое. Пошли.

Ощущение такое, что мы летим в открытой кабине самолета сквозь облака, решила Сюзанна. Они все шли и шли в этом гудящем мареве, не похожем ни на туман, ни на воду, иногда какие-то силуэты (амбар, трактор, рекламный щит «У СТАКИ»^[11]) выплывали из него, затем пропадало все, кроме дороги, которая чуть возвышалась над сверкающей поверхностью червотчины.

А потом внезапно она оборвалась. Дребезжащее гудение осталось позади, слабей с каждым их новым шагом. Вроде бы они могли вытащить затычки из ушей, хотя бы до того времени, как им встретится новая

червоточина. Вновь они видели бескрайние просторы...

Нет, слишком уж возвышенно. Канзас под определение «бескрайние просторы» не подпадал. Среди полей тут и там виднелись окрашенные в яркие осенние цвета деревья, отмечающие родник или пруд для коров. Разумеется, ни Большого каньона, ни грохота волн, обрушивающихся на Портлендский маяк, в Канзасе не наблюдалось, но по крайней мере путник мог видеть ниспосланный Богом *горизонт*, и отделаться от неприятного чувства, что ты в могиле. Сюзанна подумала, что лучше всех описал происходящее Джейк, сказав, что они словно добрались до водного миража, которые в жаркие дни видишь далеко впереди на шоссе.

Как ни описывай червоточину, в ее пределах развивается клаустрофобия, потому что окружающий мир исчезает, оставляя лишь две широченные ленты автострады да корпуса автомобилей, похожие на корабли, брошенные в замерзшем океане.

Пожалуйста, помоги нам выбраться отсюда, взмолилась Сюзанна Богу, в которого уже не верила. Во что-то она продолжала верить, но с того момента как очнулась на берегу Западного моря, ее концепция потустороннего мира претерпела значительные изменения. *Пожалуйста, помоги нам вновь найти Луч. Пожалуйста, помоги покинуть этот мир молчания и смерти.*

Теперь они шагали среди обширных полей. Поравнялись с указателем «БИГ-СПРИНГС — 2 МИЛИ». За их спинами катящееся к горизонту солнце выглянуло в прореху между облаками, осветив алым гладкую поверхность червоточины, задние стекла и фонари замерших автомобилей. *Полная Земля пришла и ушла*, думала Сюзанна. *Пришла и ушла Жатва. Год, как говаривал Роланд, закрылся.* От этой мысли по спине пробежал холодок.

— На ночь остановимся здесь, — объявил Роланд, как только они миновали съезд к Биг-Спрингс. Далеко впереди они вновь видели червоточину, оседлавшую дорогу, но до нее оставались мили и мили. Сюзанна отметила, что в восточном Канзасе до горизонта чертовски далеко. — Сможем набрать дров, не подходя слишком близко к червоточине, да и ее «голос» здесь не особо достает. Мы даже сможем спать, не затыкая уши патронами.

Эдди и Джейк перелезли через оградительный рельс, спустились по насыпи, начали собирать сушняк в пересохшем русле безымянной речушки, держась вместе, как и наказал им Роланд. Когда они вернулись, облака вновь закрыли солнце, и серые сумерки начали оттеснять день.

Стрелок наколот щепочек для растопки, соорудил из них деревянную

трубу на самой правой полосе. Эдди вышел на разделительную полосу и застыл, глядя на восток, сунув руки в карманы. Вскоре к нему присоединились Джейк и Ыш.

Роланд тем временем достал кремень и огниво и разжег костерок.

— Роланд! — позвал Эдди. — Сюзи! Подойдите сюда! Посмотрите туда!

Сюзанна катнула коляску к Эдди, потом Роланд, еще раз бросив взгляд на костерок, взялся за рукоятки коляски.

— Куда смотреть? — спросила Сюзанна.

Эдди показал. Поначалу Сюзанна ничего не увидела, кроме автостреды, уходящей за червоточину, до которой они не дошли мили три. Потом... да, что-то там было. Какое-то сооружение на пределе видимости. Тем более в сгущающихся сумерках.

— Это здание? — спросил Джейк. — Черт, похоже, кто-то построил его прямо на дороге.

— Что скажешь, Роланд? — Эдди повернулся к стрелку. — У тебя самые острые глаза во Вселенной.

Какое-то время стрелок молчал, только оторвал взгляд от разделительной полосы, на которой стоял, засунув большие пальцы за ремень.

— Разглядим получше, когда подойдем ближе, — наконец процедил он.

— Да перестань! — не унимался Эдди. — Я серьезно, святое дерьмо! Знаешь ты, что это такое, или нет?

— Разглядим получше, когда подойдем ближе, — повторил стрелок... то есть просто не ответил. Вернулся к костерку, каблуки сапог звонко цокали по асфальту. Сюзанна посмотрела на Джейка и Эдди. Пожала плечами. Пожали плечами и они... а потом Джейк звонко рассмеялся. Обычно, думала Сюзанна, мальчик вел себя скорее как восемнадцатилетний юноша, но, смеясь, превратился в девятилетнего мальчишку. Против чего она нисколько не возражала.

Она взглянула на Ыша. Тот не отрывал от них глаз и поеживался так, словно пожимал плечами.

Они ели кушанье из свернутых листьев с начинкой, которое Эдди обозвал «буррито по-стрелецки», придвинувшись к огню, подкидывая в

костер сушняк по мере того, как ночь становилась все темнее. Где-то на юге вскрикнула птица. Такого кричащего одиночества ему еще не доводилось слышать, подумал Эдди. Никто не отличался говорливостью, но Эдди отметил, что после тяжелого дня редко у кого из них возникало желание почесать языком. Словно переход дня в ночь становился для них чем-то особенным, отрывающим каждого от могучего целого, которое Роланд называл *ка-тет*.

Джейк кормил Ыша маленькими кусочками вяленого мяса из своего последнего буррито. Сюзанна сидела на спальном мешке, прикрыв обрубки ног лапами халата, и мечтательно смотрела в костер. Роланд откинулся назад, опершись на локти, вперившись взглядом в небо, где облака начали таять, открывая звезды. Подняв голову, Эдди увидел, что Старая Звезда и Древняя Матерь исчезли, уступив место Полярной звезде и Большой Медведице. Возможно, это не его реальность, подумал Эдди, с автомобилями «такуро», «Монархами Канзас-Сити» и «Боинг-Боинг бургерами»... но очень уж близкая. *Может, соседняя.*

Когда птица закричала вновь, он повернулся к Роланду:

— Вроде бы ты собирался нам что-то рассказать. Насколько я помню, захватывающую историю своей юности. Сюзан... так звали твою девушку, не правда ли?

Какое-то мгновение стрелок продолжал любоваться небом, теперь Роланд не может найти привычных созвездий, догадался Эдди, потом перевел взгляд на своих друзей. Чувствовалось, что ему не по себе. Он словно хотел извиниться.

— Вы не подумаете, что я уйду от ответа, если попрошу у вас еще один день? Мне нужно о многом подумать. А может, мне нужна ночь, чтобы увидеть все во сне. Случилось это давно, очень давно, но я... — Он беспомощно вскинул руки. — Даже после смерти они не успокаиваются. Их кости взывают из земли.

— Так они — призраки. — В глазах Джейка Эдди увидел отсвет того ужаса, который, должно быть, испытал мальчик в доме на Датч-Хилл. Ужас, который он почувствовал, когда привратник вывалился из стены и потянулся к нему. — Если они призраки, то иногда они возвращаются.

— Да. — кивнул Роланд. — Среди них есть призраки, и иногда они возвращаются.

— Может, лучше не раздумывать об этом, — предложила Сюзанна. — Иной раз, если особенно трудно что-то сказать, лучше сразу вскочить на лошадь, и вперед.

Роланд обдумал ее слова, потом вскинул на нее глаза:

— Завтра вечером, у костра, я расскажу вам о Сюзан. Это я обещаю именем моего отца.

— А нам надо это слышать? — резко спросил Эдди. И просто изумился, осознав, что эти слова произнесены именно им: никто так не интересовался прошлым стрелка, как сам Эдди. — Я хочу сказать, если это действительно больно, Роланд... по-настоящему больно... тогда...

— Я не уверен, что вам надо это услышать, но думаю, мне нужно это рассказать. Наше будущее — Башня, и к ней нельзя идти с разбитым сердцем. Я должен сделать все, что в моих силах, чтобы успокоить мое прошлое. Разумеется, я не смогу рассказать вам все.... мой мир не стоял на месте даже в прошлом, изменяясь во многих аспектах... но против истины я не погрешу.

— Это будет вестерн^[12]? — внезапно спросил Джейк.

Роланд недоумевающе воззрился на него:

— Я не понимаю смысла этого слова, Джейк. Гилеад — феодал в Западном мире, все так, как и Меджис, но...

— Это будет вестерн. — уверенно оборвал его Эдди. — Все Роландовы истории — вестерны, когда дело доходит до главного. — Он лег, натянув на себя одеяло. С запада и востока доносилось ноющее дребезжание червоточин. Он сунул руку в карман, где лежали патроны, которые дал ему Роланд, удовлетворенно кивнул, нащупав их. Эдди полагал, что сможет спать, не затыкая ими уши, но вот завтра без них никак не обойтись. Они еще не сошли с трассы.

Сюзанна наклонилась над ним, чмокнула в кончик носа.

— Пора баиньки, сладенький? Притомился?

— Да. — Эдди закинул руки за голову. — Не каждый день удастся прокатиться на самом быстром в мире поезде, уничтожить самый умный в мире компьютер и обнаружить, что грипп очистил Землю от людей. И все это, заметь, до обеда. От такого дерьма намаешься. — Эдди улыбнулся и закрыл глаза. И продолжал улыбаться, когда сон принял его в свои объятия.

В его сне они все стояли на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы, глядя через невысокий дощатый забор на заросший сорняками пустырь. В одежде Среднего мира — кожаные штаны и старые рубашки, заштопанные и залатанные, — но никто из прохожих, спешащих по Второй авеню, не обращал на них ни малейшего внимания. Никто не замечал ни

ушастика-путаника на руках Джейка, ни их грозного вооружения.

Потому что мы — призраки, подумал Эдди. Мы — призраки и не можем уgomониться.

Забор украшали афиши. Одна сообщала о турне «Секс пистолз» (они решили вновь выступить вместе, и Эдди подумал, что это очень уж забавно: он-то полагал, что «Пистолз» — единственная группа, которая никогда не воссоединится^[13]), вторая приглашала на концерт комика Адама Сандлера, о котором Эдди никогда не слышал, третья расхваливала фильм «Ремесло» — о малолетних колдуньях. А над ней кто-то красной краской написал на заборе:

Вот МЕДВЕДЬ, как он страшен, огромен,
МИР в зрачках его сужен и темен,
ВРЕМЯ мчит, день грядущий, вчерашний,
Впереди очертания БАШНИ.^[14]

— *Вон она, — указал Джейк. — Роза. Видите, как она нас ждет посреди пустыря.*

— *Да, она прекрасна, — воскликнула Сюзанна. А потом увидела объявление на щите, вкопанном рядом с розой. — А это что такое?*

Объявление извещало о том, что две фирмы, «Строительная компания Миллза» и «Риэлтерская контора Сомбра», намереваются возвести на пустыре кондоминиум «Бухта Большой черепахи». Когда? СКОРО — другого ответа на этот вопрос на щите не просматривалось.

— *Я бы об этом не тревожился, — заметил Джейк. — Этот щит стоял здесь и раньше. Он, должно быть, такой же старый, как и...*

В этот момент воздух сотряс рев мощного двигателя. Из-за забора, со стороны Сорок шестой улицы, словно дымовая завеса, поднялись клубы сизого выхлопа, тут же забор рухнул, и в образовавшуюся брешь ворвался огромный красный бульдозер. Даже нож и тот выкрасили в красный цвет. А вот надпись «ДА ЗДРАВСТВУЕТ «КРИМСОН КИНГ» вывели ярко-желтой, бьющей по нервам, как паника, краской. За рычагами, злобно лыбясь на них, сидел мужчина, который похитил Джейка с моста над рекой Сенд... их давний знакомец Гашер. На каске чернела надпись «ЛИТЕЙНАЯ ЛАМЕРКА». А повыше кто-то намалевал один широко раскрытый глаз.

Гашер опустил бульдозерный нож. И по диагонали покатил через пустырь, превращая в пыль куски кирпича, бутылки из-под пива и воды, вышибая искры из булыжников. Надвигался он прямо на розу,

покачивающую грациозным бутоном.

— *Посмотрим, сможете ли вы теперь задавать ваши глупые вопросы!* — прокричал этот незванный призрак. — *Спрашивайте о чем хотите, мои дорогие лапочки, почему нет? Старина Гашер обожает загадки! Только одно вы должны усечь — о чем бы вы меня ни спросили, я раздавлю эту мерзкую розу, размажу по земле, будьте уверены! А потом проеду по ней еще раз, мои дорогие лапочки! Разотру в порошок! Разотру!*

Сюзанна вскрикнула, когда красный нож бульдозера навис над розой. Эдди схватился за забор. Сейчас он перепрыгнет через него, бросится на розу, попытается прикрыть ее своим телом...

...только поздно. И он это знал.

Он взглянул на хихикающего мерзавца, сидящего за рычагами, и увидел, что это не Гашер, а инженер Боб из «Чарли Чу-Чу».

— *Остановись!* — крикнул Эдди. — *Ради Бога, остановись!*

— *Не могу, Эдди. Мир «сдвинулся с места», и я не могу остановиться. Я должен двигаться вместе с ним.*

Тень бульдозера упала на розу, нож срезал один из столбов, на котором держался щит (Эдди увидел, как слово СКОРО сменилось словом ТЕПЕРЬ).

А за рычагами бульдозера сидел уже не инженер Боб.

Роланд.

10

Эдди, тяжело дыша, сидел на крайней правой полосе автострады. Воздух, вырываясь изо рта, сразу обращался в пар, пот уже холодил разгоряченную кожу. Он не сомневался, что кричал во сне, *не мог не кричать*, но Сюзанна спала, из спальника, который она делила с ним, торчала только ее макушка. Джейк тихонько посапывал слева от него, одной рукой обняв Ыша. Спал и ушастик.

А вот Роланд не спал. Роланд сидел по другую сторону потухшего костра, чистил револьверы под звездным светом и смотрел на Эдди.

— Плохой сон, — без вопросительных интонаций.

— Да.

— Визит старшего брата?

Эдди покачал головой.

— Тогда Башня? Розовые поля и Башня? — Лицо Роланда оставалось

бесстрастным, но Эдди уловил то нетерпение, что всегда слышалось в его голосе при упоминании Темной Башни. Эдди как-то сказал, что Башня для стрелка — тот же наркотик, и Роланд не стал этого отрицать.

— На этот раз нет.

— Тогда что?

По телу Эдди пробежала дрожь.

— Холодно.

— Да. Спасибо твоим богам, что хоть нет дождя. Осенний дождь — это зло, которого следует избегать. Так что тебе приснилось?

Эдди, однако, мялся.

— Ты никогда не предашь нас, Роланд?

— Никто не может в этом поклясться, Эдди, и мне не раз довелось побывать в предателях. К моему стыду. Но... я думаю, это все в прошлом. Мы едины, *ка-тет*. Если я предаю одного из вас... даже пушистого приятеля Джейка, я предаю себя. Почему ты спросил?

— И ты никогда не откажешься от нашего общего дела?

— Поисков Башни? Нет, Эдди. Никогда. А теперь перескажи мне свой сон.

Эдди пересказал, ничего не опуская. Когда он закончил, Роланд, хмурясь, смотрел на свои револьверы. Они, казалось, собрались сами, пока Эдди говорил.

— Так что это должно означать? Почему я увидел тебя за рычагами бульдозера? Я все еще не доверяю тебе? Подсознательно я...

— Это и есть психоанализ? Та белиберда, о который ты говорил с Сюзанной?

— Да, похоже на то?

— Дерьмо собачье, — отрезал Роланд. — Мешанины тут быть не может. Сны означают или все, или ничего. Если все — практически на сто процентов это послания... ну, с других уровней Башни. — Он всмотрелся в Эдди. — И не всегда послания эти от наших друзей.

— Кто-то или что-то ковыряется в моей голове? Так тебя понимать?

— Думаю, это возможно. Но ты все равно должен приглядывать за мной. Как ты знаешь, я это терплю.

— Я тебе верю. — И натуга, с которой Эдди выдавил эти слова, придала им искренности. По лицу Роланда чувствовалось, что он тронут, даже потрясен, и Эдди отругал себя за то, что не так давно держал Роланда за бесчувственного робота. Возможно, Роланду не доставало воображения, но с эмоциями у него все было в порядке.

— В твоем сне меня тревожит другое, Эдди.

— Бульдозер?

— Да, машина. Угроза розе.

— Джейк видел розу, Роланд. Во всей красе.

Роланд кивнул.

— В его времени, в конкретный день, роза цвела. Но это не означает, что так будет и дальше. Если начнется строительство, о котором извещало объявление... если появится бульдозер...

— Есть и другие миры, кроме этого. Помнишь?

— Есть и такое, что существует только в одном времени, одной реальности. — Роланд лег, обозрел звездное небо. — Мы должны защищать эту розу. Защищать всеми силами.

— Ты думаешь, это еще одна дверь, не так ли? Та, что открывается в Темную Башню.

Стрелок посмотрел на него глазами, полными звездного блеска.

— Я думаю — это Башня. И если ее уничтожат...

Его глаза закрылись. Больше он ничего не сказал.

А Эдди долго лежал без сна.

11

Новый день выдался ясным, солнечным и холодным. Утренний свет подтвердил то, что Эдди заметил вечером: впереди что-то высилось... но что именно, он сказать не мог. Еще одна загадка, а они ему изрядно поднадоели.

Он стоял прищурившись, ладонью прикрывая глаза от солнца, с Сюзанной с одной стороны и Джейком — с другой. Роланд остался у костра, пакуя то, что он называл их *ганна*, по-простому, пожитки. Загадочное сооружение нисколько его не интересовало. И он, похоже, не знал, что это такое.

Далеко ли оно? В тридцати милях? В пятидесяти? Ответ зависел от того, каков предел видимости на плоской равнине, а Эдди этого не знал. Сомнений у него не было лишь по двум позициям: во-первых, это какое-то здание, во-вторых, расположилось оно точно поперек дороги. Иначе они бы его не увидели. Оно растворилось бы в червоточине... не так ли?

Может, оно стояло на пустоши, какие Сюзанна называла «дыры в облаках». А может, червоточина оборвется до того места, где стоит здание. А может, это чертова галлюцинация. В любом случае какое-то время фантазировать не имело смысла. Сначала предстояло прогуляться

по автостраде.

Однако здание завораживало его. Оно переливалось синим и золотым, словно сошло со страниц «Тысячи и одной ночи», хотя Эдди подозревал, что синевой оно обязано небу, а золотом — лучам утреннего солнца.

— Роланд, подойди на секунду!

Поначалу Эдди думал, что стрелок проигнорирует его слова, но Роланд встал, потер поясницу, потянулся и направился к ним.

— Господи, такое ощущение, что до наших вещей никому, кроме меня, дела нет, — проворчал Роланд.

— Мы тебе поможем, — пообещал Эдди. — Мы всегда помогаем, не так ли? Но сначала посмотри вон туда.

Роланд посмотрел, вернее, коротко взглянул, словно знать не хотел, что ждет их впереди.

— Это стекло, не правда ли? — не отставал Эдди.

Еще один короткий взгляд.

— Как будто.

— В моем времени много стеклянных зданий, но все они — бизнес-центры. А тому, что перед нами, самое место в диснеевском мультфильме. Ты знаешь, что это за здание?

— Нет.

— Тогда почему не хочешь получше его рассмотреть? — спросила Сюзанна.

Роланд опять взглянул на пятнышко отражающегося от стекла света, очень коротко, и отвел глаза.

— Ждать от него можно только беды, и оно стоит у нас на пути. Мы туда еще доберемся. А сейчас нечего думать об этом.

— Мы доберемся туда сегодня? — спросил Джейк.

Роланд пожал плечами, лицо по-прежнему напоминало маску.

— Вода будет, если Бог того пожелает.

— Господи, да тебе прямая дорога в предсказатели, — воскликнул Эдди. Он надеялся увидеть на лице Роланда улыбку, но просчитался. Роланд вернулся к костру, подхватил с асфальта заплочный мешок и кошель. Остальным ничего не оставалось, как последовать его примеру. Разобравшись с вещами, путники двинулись на восток по автостраде 70. Стрелок шел первым, опустив голову, не отрывая глаз от сапог.

За весь день Роланд не произнес и десятка слов, а по мере того как здание приближалось (*ждать от него можно только беды*, оно у нас на пути, сказал он), Сюзанна все более склонялась к мысли, что он не сердится на них, не волнуется из-за тех опасностей, что могут подстергать их впереди. Все его мысли сосредоточены на предстоящем вечере. Думает он об истории, которую пообещал рассказать им. И рассказ этот не просто тревожит его. Пугает.

В полдень, на привале, они уже отчетливо видели здание: дворец с множеством башен, облицованный стеклом. Червоточина расположилась вокруг дворца, но сам он как бы парил над ней, с устремленными к небу башнями. На плоской равнине восточного Канзаса дворец этот казался абсолютно инородным телом, но Сюзанна подумала, что никогда в жизни не видела более красивого здания. Сравнения с ним не выдерживал даже Крайслер-Билдинг^[15], а это что-то да значило.

И по мере того как они приближались ко дворцу, она уже не могла смотреть ни на что другое. Не могла оторвать глаз от отражений облаков, проплывающих по синему стеклу стен и крыши дворца. Она словно смотрела замечательный фильм... однако ощущения, что все это — иллюзия, не было. Трехмерность дворца сомнений не вызывала. Хотя бы потому, что он в отличие от миражей отбрасывал тень. Он существовал, твердо стоя на земле, пусть Сюзанна никак не могла взять в толк, как такое чудо появилось в краю «Стаки» и «Харди»^[16] (не упоминая уже о «Боинг-Боинг бургерсах»). Но оно появилось. И Сюзанна пришла к логичному выводу, что со временем она все узнает.

13

Лагерь они разбили в молчании, молча наблюдали, как Роланд разжигает костер, молча сели у костра, наблюдая, как заходящее солнце обратило лежащий перед ними огромный стеклянный дворец в огненный замок. Башни и крепостные стены поначалу яростно пламенели, потом стали оранжевыми, золотыми и, наконец, охряными, как только над ними поднялась Старая Звезда.

Нет, подумала Сюзанна голосом Детты. *Это не Старая Звезда, детка. Это Северная Звезда*^[17]. *Та самая, что ты видела дома, сидя на коленях у папашки.*

Но неожиданно для себя Сюзанна поняла, что ей хочется видеть над

собой Старую Звезду, Старую Звезду и Древнюю Матерь. К своему изумлению, она осознала, что тоскует по миру Роланда, а потом задалась вопросом: а чему она, собственно, изумляется? В том мире, в конце концов, никто не называл ее гребаной негритоской (по крайней мере пока), в том мире она нашла мужчину, которого полюбила... и добрых друзей. От этой мысли у нее на глаза навернулись слезы, и она прижала к себе Джейка. Джейк не возражал, он улыбался, полузакрыв глаза. А в отдалении тянула свою ноющую песнь червоточина. Звук неприятный, но еще терпимый, даже без затычек-патронов.

Когда же сумерки смыли последние остатки желтого со стен дворца, Роланд приготовил ужин, раздал еду. Поели они в молчании (Сюзанна заметила, что Роланд едва прикоснулся к своей порции). К тому времени как они закончили трапезу, Млечный Путь раскинулся над дворцом во всей красе: звезды отражались от стеклянных стен, как от стоячей воды.

В конце концов молчание нарушил Эдди:

— Ты не обязан. Тебя простили. Или отпустили грехи. Или сделали все, что требуется, для того чтобы стереть это выражение с твоего лица.

Роланд пропустил его слова мимо ушей. Он пил, придерживая бурдюк локтем, как какой-нибудь крестьянин, хлебающий самогон из горла, закинув голову, глазами к звездам. Последний глоток выплюнул на обочину.

— Вода — дар Божий, — буркнул Эдди без тени улыбки.

Роланд ничего не сказал, но его лицо побледнело, словно он увидел призрак. Или услышал его.

14

Стрелок повернулся к Джейку, который пристально смотрел на него.

— Я прошел обряд совершеннолетия и стал мужчиной в четырнадцать лет, самым младшим в моем *ка-тет*... ты бы сказал, в моем классе. Возможно, самым молодым во все времена. Кое-что я тебе рассказывал, Джейк. Ты помнишь?

Ты всем нам что-то рассказывал, подумала Сюзанна, но рта не «раскрыла и взглядом предупредила Эдди, что лучше помолчать. Роланд в то время был не в себе, в его сознании одновременно существовали два Джейка, живой и мертвый, короче, он боролся с безумием.

— Когда мы преследовали Уолтера? — спросил Джейк. — На привале, незадолго до того, как я... как я упал?

— Совершенно верно.

— Кое-что я помню, но смутно. Как помнят сны.

Роланд кивнул.

— Тогда слушай. На этот раз я расскажу больше, Джейк, потому что ты стал старше. Полагаю, и мы тоже.

Сюзанна и во второй раз ловила каждое слово. Роланд обнаружил Мартена, советника отца (и его колдуна) в покоях матери. Разумеется, не по воле случая. Мальчик, проходя мимо двери, ведущей в покои, не удостоил бы ее и взглядом, но Мартен открыл дверь и пригласил его войти. Мартен сказал Роланду, что мать хочет его видеть, но печальная улыбка и опущенные долу глаза подсказали мальчику, что в этот самый момент Габриэль Дискейн меньше всего хотела видеть сына.

Румянец на щеках и отметина от поцелуя на шее сказали ему все.

Результатом стал обряд совершеннолетия, слишком ранний для мальчика его возраста, но выбор оружия, им стал его сокол Давид, оказался сюрпризом для учителя, и Роланд сумел победить Корта, отнял у него палку... и приобрел смертельного врага, Мартена.

Жестоко страдающий, с изорванным в клочья лицом, напоминающим страшную маску гоблина, какую только может представить себе ребенок, Корт нашел в себе силы не потерять сознание и, прежде чем провалиться в темноту, успел дать последний совет самому юному подмастерью^[18] из тех, кого ему доводилось учить: держись подальше от Мартена, во всяком случае, пока.

— Он посоветовал мне подождать, пока история нашего поединка превратится в легенду. — Стрелок обвел взглядом Эдди, Сюзанну и Джейка. — Подождать, пока у моей *тени* на лице вырастет борода и начнет преследовать колдуна в его снах.

— Ты последовал его совету? — спросила Сюзанна.

— Мне не дали, — с печальной, полной душевной боли улыбкой ответил Роланд. — Я хотел подумать над этим, серьезно подумать, но... все изменилось. И очень резко.

— Да, так бывает, — кивнул Эдди. — Уж я-то знаю.

— Я похоронил моего сокола, первое оружие, которое выковал, и, возможно, самое лучшее. Потом... и вот об этом я тебе точно не рассказывал, Джейк... пошел в Нижний город. Летнюю жару охладили грозовые ливни, и в комнатке над одним из борделей, в которых так любил бывать Корт, я впервые лег в постель с женщиной.

Он задумчиво пошебаршил палкой в костре, внезапно до него дошло, сколь точно его движение ассоциируется с последними сказанными им словами, и с кривой усмешкой отбросил палку. Дымясь, она упала около

колеса брошенного «доджа-аспена».

— Мне понравилось. Секс — это хорошо. Конечно, не так хорошо, как мы представляли себе, шепчась об этом между собой, но...

— По-моему, молодые преувеличивают достоинства купленных удовольствий, сладенький, — вставила Сюзанна.

— Я заснул, хотя внизу громко пели под пианино, а в окно бил град. Проснулся наутро в... ну... скажем так, меня разбудил человек, которого я никак не ожидал увидеть в таком месте.

Джейк подбросил в костер сушняка. Он вспыхнул, окрасив багрянцем щеки Роланда, зачернив тени под его бровями, нижней губой. Пока Роланд говорил, Сюзанна буквально видела, что происходило в то давнишнее утро, пахнущее мокрой брусчаткой и пропитанным влагой летним воздухом: что случилось в маленькой комнатенке шлюхи над общим залом в Нижнем городе Гилеада, откуда барон правил Нью-Канааном, маленьким феодалом, затерянным в западных землях Срединного мира.

Мальчик, еще не отошедший от вчерашнего поединка, только что познавший тайны секса. Четырнадцатилетний мальчик, во сне тянувший разве что на двенадцатилетнего, с густой бахромой ресниц, лежащих на щеках, с веками, прикрывающими удивительные синие глаза, с ладонью, охватывающей грудь проститутки, исцарапанным когтями сокола запястьем поверх покрывала. Мальчик, досыпающий последний спокойный сон, мальчик, который вскоре отправится в дальний путь, покатится, как высвободившийся камешек по крутому склону. Камешек, вышибающий второй, третий, четвертый, те камешки в свою очередь вышибают другие, и так до тех пор, пока весь склон не придет в движение и земля не задрожит от грохота несущийся лавины.

Мальчик — камешек на склоне, освободившийся от земных уз и готовый покатиться вниз.

В костре рванула шишка. Где-то в поле взвизгнул зверь. Сюзанна наблюдала, как искры пролетели мимо невероятно древнего лица Роланда, и увидела в этом лице мальчика, мирно спящего летним утром в постели шлюхи. А потом она увидела, как с треском распахнулась дверь, оборвав сон последнего романтика Гилеада.

Мужчина влетел в комнату и широкими шагами пересек ее, прежде чем Роланд успел открыть глаза (прежде чем женщина, лежащая рядом с

ним, начала соображать, что в комнате они не одни). Высокий, стройный, в вылинявших джинсах и пропыленной рубашке из синей шамбре^[19], темно-серой шляпе с лентой из змеиной кожи. По бедрам били выдавшие виды кожаные кобуры. Из них выглядывали отделанные сандаловым деревом рукоятки револьверов, которые мальчику предстояло пронести по землям, каких этот хмурый мужчина с пронзительными синими глазами и представить себе не мог.

Роланд начал действовать, еще не открыв глаз. Скатился влево, сунул руку под кровать. Быстрота его движений завораживала, даже пугала... Сюзанна все видела, видела отчетливо... но мужчина в вылинявших джинсах оказался проворнее. Он схватил мальчика за плечо и дернул, вышвырнув его из постели на пол. Мальчик распластался на досках, рука его вновь метнулась под кровать со скоростью молнии. Но мужчина в джинсах придавил пальцы каблуком, прежде чем они успели добраться до цели.

— Мерзавец! — вырвалось у мальчика. — Ах ты, мер...

Вот тут его глаза открылись, он поднял голову и увидел, что нарушивший их уединение мерзавец — его отец.

Проститутка уже сидела, с припухшими глазами, на ее лице читалось раздражение.

— Эй ты! — воскликнула она. — Какого черта! Сюда нельзя вот так заходить. Нельзя! Если я сейчас закричу...

Не обращая на нее ни малейшего внимания, мужчина вытащил из-под кровати два пояса. Каждый с револьвером в кобуре. Большими револьверами, на диво большими, учитывая, что в этом мире огнестрельное оружие было редкостью, но не такими большими, как торчали из кобур отца Роланда, с рукоятками, инкрустированными деревянными пластинами. Когда шлюха увидела револьверы на бедрах незваного гостя и те, что он держал в руках... те, что болтались на бедрах ее юного клиента до того, как она привела его в свою комнату и лишила всего вооружения, за исключением одного орудия, наиболее ей знакомого, от раздражения на ее лице не осталось и следа. Мгновенно сработал инстинкт самосохранения. Она соскочила с кровати, метнулась к двери и исчезла за ней, сверкнув на солнце голым задом.

Ни отец, стоящий у кровати, ни сын, лежащий голый на полу, даже не взглянули на нее. Мужчина в джинсах поднял пояса с револьверами, которые Роланд накануне взял из арсенала под казармой, отомкнув дверь ключом Корта. Потряс ими перед лицом Роланда, как трясут изгрызанной одеждой перед мордой щенка, у которого режутся зубы. Тряхнул с такой

силой, что один из револьверов выпал из кобуры. Несмотря на то что Роланд еще не пришел в себя от изумления, револьвер он поймал на лету.

— Я думал, ты на западе. В Крессии. Преследуешь Фарсона и его...

Отец Роланда отвесил ему затрещину. Мальчишка отлетел в дальний угол, из уголка рта заструилась кровь. Инстинктивно Роланд подумал о том, что надо поднять револьвер, который он все держал в руке и...

Стивен Дискейн смотрел на него, уперев руки в бока. Мысль сына он прочел до того, как тот ее окончательно сформулировал. И губы Стивена разошлись в безрадостной улыбке, обнажив не только зубы, но и десны.

— Пристрели меня, если сможешь. Почему нет? Доверши начатое. О боги, я сочту это за счастье!

Роланд положил револьвер на пол и отодвинул тыльной стороной ладони. Он не хотел, чтобы его пальцы оказались в непосредственной близости от спускового крючка. Они уже не полностью подчинялись ему, эти пальцы. Он узнал об этом вчера, аккуратно после того, как сломал Кортунос.

— Отец, вчера я выдержал испытание. Я отнял палку Корта. Я победил. Я — мужчина.

— Ты дурак, — ответил отец. Улыбка исчезла. Он разом постарел, осунулся. Тяжело опустился на шлюхиноу кровать. Посмотрел на пояса с кобурами, что держал в руке, выронил их на пол. — Ты — четырнадцатилетний дурак, а это самый худший тип дураков. — Он вскинул голову, вновь пылая яростью, но Роланд не возражал: ярость, она куда лучше, чем покорность судьбе, признак старости. — С того момента как ты научился ходить, я знал, что ты не гений, но до вчерашнего дня не верил, что ты идиот. Позволить ему заманить себя в ловушку, как корову на бойню! Боги! Ты забыл имя своего отца! Скажи это!

Вот тут разозлился и мальчик. Как раз вчера лицо отца ни на секунду не покидало его, оставаясь с ним во всех его деяниях.

— Это неправда! — прокричал он из угла, сидя голой задницей на занозистых досках пола, прижимаясь спиной к стене. Солнечный свет, вливаясь в окно, касался пушка на его не знающей бритвы щеке.

— Это правда, щенок! Глупый щенок! Извиняйся, а не то я спущу с тебя шку...

— Я видел их вместе! — взорвался Роланд. — Твою жену и твоего министра... твоего мага! Я видел отметину его рта на ее шее! *На шее моей матери!* — Он потянулся за револьвером, поднял его, но, даже сгорая от стыда и ярости, не позволил пальцам приблизиться к спусковому крючку. Револьвер подмастерья он держал за металл ствола. — Сегодня я оборву

жизнь этого предателя и соблазнителя, и если у тебя не хватает мужества помочь мне в этом, по крайней мере ты можешь отойти в сторону и не мешать...

Один из револьверов Стивена покинул кобуру на его бедре и оказался в руке, прежде чем глаз Роланда уловил какое-то движение. Единственный выстрел громом прогремел в комнатенке. Прошла минута, прежде чем Роланд вновь начал слышать. Подмастерьевского револьвера у него давно уже не было. Его вышибло из руки, до сих пор дрожащей мелкой дрожью. Он вылетел в окно, превращенный в кусок расплющенного металла, так и не успев послужить новому хозяину.

Роланд изумленно взирал на отца, тот долго молчал, не сводя глаз с сына. Теперь на его лице читались спокойствие и уверенность. Такое лицо Роланд помнил с раннего детства. Усталость и едва сдерживаемая ярость исчезли, как вчерашние раскаты грома. Наконец Стивен заговорил:

— Я сказал неправду и извиняюсь перед тобой. Ты не забыл моего лица, Роланд. Но все-таки ты сглупил, позволил себе поддаться на уловку хитреца, с которым тебе никогда не сравниться. И только благодаря милосердию богов и воле *ка* тебя не послали на запад. И тогда еще одного истинного стрелка смело бы с дороги Мартена... с дороги Джона Фарсона... с дороги, ведущей к существу, которое правит ими. — Он встал, протянул к сыну руки. — Если бы я потерял тебя, Роланд, то умер бы.

Роланд поднялся, голый подошел к отцу, который яростно его обнял. Когда Стивен Дискейн поцеловал Роланда сначала в одну щеку, а потом во вторую, мальчик заплакал. И тут же Стивен Дискейн прошептал на ухо сыну шесть слов.

— Каких? — спросила Сюзанна. — Каких шесть слов?

— «Я знаю об этом два года», — ответил Роланд. — Вот что он прошептал.

— Святой Иисус, — вырвалось у Эдди.

— Он сказал, что во дворец мне возвращаться нельзя, или я не доживу до захода солнца. Он сказал: «Ты рожден для того, чтобы выполнить предназначенное тебе судьбой, и никакие козни Мартена не смогут этому помешать. Однако он поклялся убить тебя, прежде чем ты вырастешь и превратишься в угрозу его планам. И ты все равно должен покинуть Гилеад, хотя и вышел победителем из поединка с Кортм. Только поедешь

ты не за запад, а на восток. Я не могу отослать тебя одного и без цели. — После короткой паузы Стивен добавил: — И с этими жалкими «подмастерьевскими револьверами».

— И какую он поставил перед тобой цель? — спросил Джейк. История захватила его, глаза блестели, как у Ыша. — Кого послал с тобой?

— Все это вам предстоит услышать, — отвечивал Роланд. — И со временем дать мне оценку.

Он глубоко вздохнул, так вздыхают перед тем, как приступить к тяжелой, но нужной работе, подбросил в костер сушняка. А когда разгорелось пламя, отодвинув от костра тени, начал рассказ. Говорил он всю ночь, закончив историю Сюзан Дельгадо, лишь когда на востоке поднялось солнце, залило стеклянный замок ярким светом нового дня и все увидели, что истинный цвет стен, башен и крыши — зеленый.

Часть вторая

СЮЗАН

Глава первая

ПОД ЦЕЛУЮЩЕЙСЯ ЛУНОЙ

1

Идеальный серебряный диск, Целующаяся Луна, как ее звали на Полную Землю, висела над изъеденным ветром, лишенным растительности холмом, что высился в пяти милях к востоку от Хэмбри и в десяти милях к югу от каньона Молнии. Под холмом еще стояла жара позднего лета, удушливая даже через два часа после захода солнца, но на вершине Кооса уже миновала пора жатвы, и резкий ветер бросал в лицо порывы холодного воздуха. Женщине, которая жила на холме в компании старого кота-мутанта и змеи, предстояла долгая ночь.

Она, впрочем, не возражала. Отнюдь. Руки при деле — счастливые руки. Так чего жаловаться.

Женщина подождала, пока стихнет топот лошадей ее ночных гостей, сидя у окна в большой комнате хижины (вторая комната, спальня, размерами лишь не намного превосходила чулан). Масти, шестилапый кот, устроился у нее на плече. На ее колени падал лунный свет.

Три лошади уносили прочь троих мужчин. Больших охотников за гробами, так они называли себя.

Она хмыкнула. Забавные они, эти мужчины, но самое смешное заключалось в том, что они об этом и не подозревали. Мужчины, такие хвастливые, выдумывающие себе грозные прозвища. Мужчины, так гордящиеся своими мускулами, способностью много выпить, много съесть, а особенно своими болтающимися концами. Да, даже в нынешние времена, когда большая их часть годится лишь на то, чтобы зачать детей-уродов, которых следует сразу топить в ближайшем колодце. Но вина, разумеется, лежит не на них, не так ли, дорогая? Нет, всегда виновата женщина: ее чрево — ее вина. Мужчины такие трусы. Улыбающиеся трусы. И эти трое ничем не отличались от остальных. Разве что хромоногого старика следовало остерегаться, его ясных и очень уж любопытных глаз, которые смотрели на нее с его головы, но она не видела в них ничего такого, с чем не смогла бы справиться.

Мужчины! Она не могла понять, почему так много женщин их боится. Разве боги не создали их с наиболее уязвимой частью организма,

болтающейся между ног, как кишка, которой не хватило места в животе? Ударь их туда, и они свернутся в спираль. Поласкай их там, и у них растают мозги. А тому, кто хоть чуть-чуть сомневался в справедливости этого утверждения, достаточно узнать о том деле, что еще ждало ее. Торин! Мэр Хэмбри! Командир гвардии феода! Нет большего дурака, чем старый дурак!

Однако эти мысли лишь пролетали в ее голове и не несли в себе никакой угрозы, по крайней мере пока. Трое мужчин, называвших себя Большими охотниками за гробами, привезли ей чудо из чудес, и женщине не терпелось взглянуть на него. Не просто взглянуть, до дна испить глазами эту чашу. Этим она и собиралась заняться.

Джонас, этот хромоногий, настоял, чтобы она спрятала привезенное ими чудо, ему сказали, что у нее есть такой тайник. Нет, нет, сам он не хотел знать, где находится этот тайник или какой другой, избави Боже (при этих словах Дипейп и Рейнолдс загоготали, как тролли). Она спрятала, но теперь, когда топот копыт растворился в порывах ветра, могла делать все, что ей заблагорассудится. Девушка, грудь которой лишила Харта Торина остатков мозгов, придет не раньше чем через час (старуха настояла, чтобы из города девушка шла пешком, якобы для того, чтобы ее очистил лунный свет: на самом же деле ей хотелось развести во времени две встречи), и этот час она могла использовать по собственному усмотрению.

— О, как ты прекрасен, я в этом уверена, — прошептала она и почувствовала некий жар в том месте, где сходились ноги. Влага проступила в сухом ручье, что прятался там? О боги! Да, даже сквозь ящик, в котором они тебя спрятали, я чувствую твой блеск. Масти, он так же прекрасен, как и ты. — Она сняла кота с плеча, подержала перед собой. Старый кот замурлыкал и потянулся мордочкой к ее лицу. Она поцеловала его в нос. Кот от восторга зажмурился. — Прекрасен, как ты. Да, как ты, как ты! Увидишь сам!

Она опустила кота на пол. Он медленно направился к очагу, где еще горел огонь, «доедая» последнее полено. Хвост Масти, расщепленный на конце, как у дьявола, нарисованного в старинных книгах, мотался из стороны в сторону в освещенном оранжевыми бликами воздухе комнаты. Его лишние лапы, свисая с боков, покачивались в такт шагам. Тень, поднимающаяся с пола на стену, являла собой чудовище: жуткую помесь кота и паука.

Старуха поднялась и направилась в спальню-чулан, где спрятала принесенное Джонасом.

— Если потеряешь, останешься без головы, — предупредил он.

— За меня не беспокойся, мой добрый друг, — ответила она, скупой улыбнувшись через плечо, думая при этом: мужчины! До чего же глупые и самоуверенные существа!

Теперь она подошла к изножию кровати, провела рукой по земляному полу. На, казалось бы, твердой поверхности появились щели. Образовали квадрат. Она сунула пальцы в одну из щелей. Квадрат приподнялся. Она сняла потайную панель (потайную в том смысле, что никто не мог найти ее, кроме старухи). Под ней открылась ниша в два фута глубиной и площадью в квадратный фут. На дне стоял ящик из железного дерева. На его крышке свернулась в клубок зеленая змея. Когда пальцы старухи коснулись змеи, та подняла головку вверх. Пасть раскрылась в безмолвном шипении, открыв четыре пары зубов, две — наверху, две — внизу.

Старуха достала змею из ниши, что-то ей ласково нашептывая. Когда поднесла ее к своему лицу, пасть змеи раскрылась вновь, шипение стало слышимым. Старуха открыла рот, меж серых дряблых губ высунулся желтоватый, дурно пахнущий язык. Две капли яда (достаточная доза, чтобы убить целую компанию, рассевшуюся за праздничным столом, если подмешать ее в пунш) упали на язык. Старуха проглотила яд, чувствуя, как огнем опалило рот, горло, желудок, словно она хлебнула крепкого напитка. На мгновение комната закачалась перед глазами, она слышала голоса, бормочущие в спертom воздухе лачуги, голоса тех, кого она называла «невидимыми друзьями». Из глаз потекли слезы, заполняя борозды, проложенные временем на ее щеках. Потом она выдохнула, и все встало на свои места. Пропали и голоса.

Она поцеловала Эрмота меж лишенных век глаз (*время Целующейся Луны, все так*, подумала старуха), а потом положила на пол. Змея уползла под кровать, откуда, свернувшись в клубок, наблюдала, как хозяйка водит ладонями над крышкой ящика из железного дерева. Старуха чувствовала, как вибрируют бицепсы, а жар между ног усиливается. Уже много лет она не слышала голоса пола, но теперь он прорезался, и причину следовало искать не в Целующейся Луне.

Джонас запер ящик и не оставил ей ключа, но с такими пустяками она справлялась без труда. Жила она долго, многое узнала и имела дело с существами, при виде которых большинство мужчин, при всей их браваде, удрало бы со всех ног. Она протянула руку к замку, выполненному в форме глаза. Поверх замка тянулась надпись на Высоком Слоге (Я ВИЖУ, КТО ОТКРЫВАЕТ МЕНЯ). Убрала руку. Внезапно она ощутила все те запахи, которые при обычных обстоятельствах ее нос более не улавливал: плесени и грязи, засаленного матраса и крошек еды, годами копившихся на кровати,

золы и древних благовоний, старой женщины со слезящимися глазами и сухой (обычно) «киской». Здесь она не могла открыть этот ящик и взглянуть на хранящееся внутри чудо. И решила, что должна вынести его наружу, на свежий воздух, где пахло только шалфеем и мескитовым деревом.

Она должна посмотреть на это чудо при свете Целующейся Луны.

Риа с холма Коос, охнув, вытащила ящик из ямы в земле, с трудом поднялась, сунула ящик под мышку и вышла из спальни.

2

Хижина находилась достаточно далеко от вершины холма, чтобы до нее не долетали порывы холодного ветра, который дул практически постоянно от Первой Жатвы до Широкой Земли. К вершине вела узкая тропа. Под лунным светом она превратилась в серебряную дорожку. Старуха, тяжело дыша, поднималась по ней, седые космы торчали во все стороны, старые бедра ходили из стороны в сторону под черным платьем. Кот держался в ее тени, изредка хрипло мурлыкая.

На вершине ветер подхватил волосы Риа и отбросил к затылку. Он же донес до ее слуха ноющий шепот червоточины, которая добралась до дальнего края каньона Молнии. Этот звук многие старались не замечать, а вот ей он нравился. Риа с Кооса он напоминал колыбельную. Над головой плыла луна, тени на ее сверкающей поверхности складывались в лица целующихся влюбленных... если верить дуракам, что жили внизу. Обычные люди видели разные лица или лицо каждое полнолуние, но старая карга знала, что лицо на луне только одно — лицо демона, лицо смерти.

Она же давно не чувствовала себя такой живой.

— О, мой красавчик, — прошептала она и коснулась замка скрюченными пальцами. Красный отсвет появился под ладонью, что-то щелкнуло. Тяжело дыша, словно ей пришлось долго бежать в гору, Риа поставила ящик на землю и открыла его.

Розовый свет, слабее, чем от Целующейся Луны, но куда как прекраснее, вырвался из ящика. Коснулся старческого лица, склонившегося над ним, и на мгновение превратил его в лицо юной девы.

Масти принюхался, вытянул шею, прижал уши к голове, старые глаза заблестели розовым светом. Риа мгновенно заревновала:

— Отвали, дурашка, таким, как ты, делать тут нечего.

И отпихнула кота. Масти подался назад, зашипел, как закипающий чайник, отошел к скале, торчащей к небу на самой вершине, и уселся в ее тени.

В ящике лежал хрустальный шар. Именно его наполнял розовый свет. И пульсировал, словно биение умиротворенного сердца.

— О, моя прелесть, — прошептала она, поднимая шар. Розовое сияние, как капли дождя, оросило ее лицо. — Как ты прекрасен.

Внезапно розовый цвет внутри шара сменился алым. Она почувствовала, как шар завибрировал в ее руках, словно мощный мотор, ощутила влагу между бедер, ее охватили желания, о которых она и думать забыла.

Вибрация стихла, цвет поблек. И тут из розовой дымки появились три всадника. Поначалу она подумала, что это те самые люди, что привезли ей кристалл, — Джонас и два его спутника. Но нет, эти были моложе, моложе даже Дипейпа, которому не исполнилось и двадцати пяти. У того, что скакал слева на луке седла она видела череп какой-то птицы... как он туда попал? Зачем?

Потом этот всадник и тот, что скакал справа, ушли в тень, так уж распорядился магический кристалл, оставив только одного, центрального. Джинсы и сапоги, широкополая шляпа, скрывающая верхнюю половину лица, уверенность и легкость, с которыми он сидел на лошади, подсказали ей — *стрелок! Скачущий на восток из Внутренних феодов, возможно, из самого Гилеада!* Но, даже не видя верхней половины лица, старуха знала — это же совсем ребенок. Не увидела она и револьверов на его бедрах. Однако предположила, что едва ли он отправился в путь без оружия. Если б она могла все получше рассмотреть...

Она поднесла хрустальный шар к лицу, прошептала:

— Подъезжай поближе, красавчик! Еще ближе!

Она не знала, что за этим последует, скорее всего ничего, но внутри темного круга, образовавшегося в кристалле, фигура надвинулась на нее, очень медленно, словно лошадь и всадник преодолевали сопротивление воды, а не воздуха. Она увидела трепыхание стрел за спиной всадника. А на луке седла место черепа занимал боевой лук. По правую сторону седла, где стрелок вез бы ружье в чехле, она увидела копье. Он не из Древних, она поняла это по его лицу... но и не с Внешней Дуги.

— Так кто же ты, лапочка? — прошептала Риа. — И как мне тебя узнать? Ты так низко надвинул шляпу, что я не вижу твоих божественных глазок. Ну чего ты так низко ее надвинул? Может, по лошади... или по... брысь. Масти! Не мешай мне! Брысь!

Коту надоело сидеть под скалой, и он, мяукая, кружил между ее раздутых артритом лодыжек. Когда старуха дала ему пинка, Масти отступил на шаг... чтобы тут же двинуться к ней, глядя на старуху залитыми лунным светом глазами и все так же протяжно мяукая.

Риа пнула его вновь, без особо результата, как и в первый раз, вновь всмотрелась в хрустальный шар. Лошадь и заинтересовавший ее всадник исчезли. Вместе с розовым светом. Она держала в руках обычную стекляшку, отражающую лишь свет Целующейся Луны.

Налетел ветер, обтянул платьем старушечье тело. Масти, пинки его нисколько не уstraшили, вновь отирал лодыжки своей хозяйки, беспрестанно мяукая.

— Видишь, что ты наделал, блошиный мешок? Свет ушел, ушел в тот самый момент, когда я...

И тут она услышала какие-то звуки, доносящиеся со стороны проселка, ведущего к ее хижине, и поняла, почему встрепенулся Масти. Она слышала пение. Она слышала *девушку*. Та пришла раньше назначенного срока.

Скорчив злобную гримасу (старуха не любила, когда ее заставляли врасплох, и этой крошке предстояло заплатить за доставленные неудобства), она наклонилась и положила хрустальный шар в ящик, выложенный внутри набивным шелком. Шар лег в выемку, как яйцо, поданное на завтрак его светлости, ложится в подставку для яиц. А со склона холма, пусть и от самого подножия (чертов ветер дует не с той стороны, а не то она засекла бы девушку раньше), доносилось пение. И с каждой секундой оно становилось все громче:

*О любовь, о любовь,
беззаботная любовь,
Что ж мне делать теперь,
беззаботная любовь?*

— Я покажу тебе беззаботную любовь, паршивая девственница, — пробормотала старуха. Она чувствовала резкий запах пота под мышками, хотя в другом месте влага уже высохла. — Придется тебе заплатить за то, что являешься к старой Риа раньше времени. Я об этом позабочусь.

Она провела пальцами над замком, но тот не защелкнулся. Должно быть, она слишком торопилась, открывая замок, вот что-то внутри и сломалось. Глаз и девиз, казалось, смеялись над ней: Я ВИЖУ, КТО

ОТКРЫВАЕТ МЕНЯ. Она все могла поправить в мгновение ока, но сейчас у нее не было даже этого мгновения.

— Назойливая сучка! — вырвалось у старухи. Она повернулась на приближающийся голос (уже почти пришла, на сорок пять минут раньше).

Она с силой прижала крышку к ящику. С душевной болью, потому что шар вновь стал оживать, наполняясь розовым светом. Но времени у нее не осталось. Потом, возможно, после того, как уйдет эта девушка, из-за которой совсем потерял голову Торин, этот старый козел.

Но помни, что ты должна сдержаться и не причинить девушке вреда, предупредила она себя. Помни, что та пришла сюда по его требованию, во всяком случае, она не из тех девиц, что слишком широко раздвигали ноги, а теперь удивляются, что парни не выказывают желания жениться. Эту Торин присмотрел для себя, о ней он думает, когда его старая корова-жена засыпает и он может вдоволь подоить себя. Это девица Ториная, а на его стороне и закон, и сила. Более того, то, что лежит в ящике из железного дерева, принадлежит человеку Ториная, а если Джонас узнает, что она заглянула в ящик... что она воспользовалась ма...

Нет, пока опасаться ей нечего. Тем более что ящик находится у нее, не так ли?

Она зажала ящик под мышкой, свободной рукой подобрала юбки и побежала по тропе к хижине. Она еще могла бегать, если возникала такая необходимость, хотя мало кто в это верил.

Масти не отставал он нее ни на шаг, подняв хвост трубой. А лишние лапы болтались из стороны в сторону.

Глава вторая

ПРОВЕРКА НА ЦЕЛОМУДРИЕ

1

Риа, влетев в хижину, сразу направилась в чулан-спальню и остановилась на пороге, приглаживая растрепавшиеся волосы. Снаружи сучка видеть ее не могла: она перестала бы петь или хотя бы запнулась. Это, конечно, хорошо, но проклятый тайник закрылся, а вот это плохо. Открыть его вновь времени у нее не было. Риа подскочила к кровати, опустилась на колени, затолкала ящик в подкроватную темноту.

Да, сойдет и так. До ухода Сюзи вполне сойдет. Улыбаясь правой стороной рта (левую давно парализовало), Риа вернулась в большую комнату, чтобы встретить новую гостью.

2

За ее спиной крышка ящика приподнялась. На дюйм, не больше, но и этого хватило, чтобы под кроватью запульсировало розовое сияние.

3

Сюзан Дельгадо остановилась в сорока ярдах от ведьминой хижины, пот холодил ей подмышки и шею. Видела ли она старуху (несомненно, ту самую, к которой пришла), бегущую к хижине с вершины холма? Похоже, что видела.

Не прекращай петь. Если старая дама так торопится, значит, она не хочет, чтобы ее видели. Если ты замолчишь, она поймет, что ты увидела лишнее.

На мгновение Сюзан подумала, что все равно придется замолчать: память не желала подсказывать ей следующий куплет песни, которую она пела с самого детства. Но потом сжалась, и девушка продолжила (не только песню, но и путь):

*Все тревоги позабыты,
Да, тревоги скрылись вдаль.
И любовь моя пропала,
И на сердце лишь печаль.*

Возможно, неудачная песня для такой ночи, но ее сердце жило своей, отдельной жизнью, не обращая особого внимания на то, о чем думала или чего хотела ее голова. Как всегда. Ее пугала лунная ночь, когда, говорят, вервольфы выходят на охоту, ее пугала миссия, с которой ее послали, ее пугало то, к чему все это могло привести. Однако, когда она миновала Хэмбри и вышла на Великий Тракт, сердце ее захотело пробежаться, и она побежала под Целующейся Луной, задрав юбки выше колен. Поскакала, как пони, а ее тень мчалась следом. Бежала она с милую, а то и больше, пока не заболели все мышцы, а воздух не стал вливаться в легкие как горячая жидкость. И добравшись до уходящего в гору проселка, что вел к хижине, она запела. Потому что того захотело ее сердце. Сюзан решила, что идея не так уж плоха. Уж по меньшей мере пение отгоняло ее страхи. Пусть маленькая, но польза.

И теперь Сюзан подходила к хижине с песней про беззаботную любовь. Когда же ступила в полосу света, отбрасываемого через приоткрытую дверь огнем очага и поднялась на крыльцо, из комнаты донесся сварливый голос:

— Перестань голосить, мисси^[20], от твоего воя у меня сводит скулы.

Сюзан, которой всю жизнь говорили, что у нее прекрасный голос, доставшийся, несомненно, в наследство от бабушки, тут же замолчала, обиделась. Она стояла на крыльце, сложив руки на фартуке. Под фартук она надела не самое лучшее из своих платьев (всего их было два). А под платьем гулко билось ее сердечко.

Кот, отвратительное создание с двумя лишними лапами, торчащими из боков, словно вилки, первым появился в дверном проеме. Посмотрел на нее, словно оценивая, а потом мордочка его скривилась, отобразив вполне человеческое чувство: презрение. Кот зашипел, ретировался.

Что ж, и тебе желаю доброго вечера, подумала Сюзан.

Тут к двери подошла старуха, к которой ее послали. Смерила девушку взглядом, в котором читалось то же презрение, затем отступила назад.

— Заходи. И поплотнее затвори дверь. Как видишь, ветер может ее открыть.

Сюзан переступила порог. Она не хотела запирается в этой дурно

пахнущей комнате с этой старухой, но, когда у тебя нет выбора, промедление — всегда ошибка. Так полагал ее отец, независимо от того, шла ли речь о математических исчислениях или об общении с мальчишками на танцах, когда их руки становились очень уж шаловливыми. Сюзан плотно закрыла дверь и услышала, как что-то щелкнуло.

— А вот и ты. — Старуха изобразила некое подобие приветливой улыбки. Такая улыбка гарантировала, что даже смелая девушка вспомнит об историях, которые слышала в детстве. Долгих зимних историях о старухах с торчащими изо рта клыками и булькающих котлах, в которых кипело зеленое варево. В этой комнате над огнем котел не стоял, да и сам огонь еле тлел, но девушка догадывалась, что случалось и по-другому, и ей не хотелось даже думать о том, что тогда могло вариться в котле. В то, что эта женщина настоящая ведьма, а не старуха, ее изображающая, Сюзан уверовала в тот самый момент, когда увидела, как Риа вбегала в свою хижину, а шестилапый кот наседали ей на пятки. И дух от нее шел ведьмин.

— Да, — улыбнулась Сюзан. Во весь рот, открыто и бесстрашно. — Вот и я.

— И ты пришла рано, моя маленькая конфетка. Рано пришла! Рано!

— Я пробежала часть пути. Наверное, луна взбудоражила мне кровь. Так говорил мой отец.

Отвратительная улыбка старухи стала шире. Сюзан подумала, что так, должно быть, улыбаются угри после смерти и перед тем как попасть в кастрюлю.

— Да, но он мертв, мертв уже пять лет. Пат Дельгадо, с рыжими волосами и рыжей бородой, лишенный жизни его же собственной лошадью, шагнувший в пустошь с конца тропы, слыша хруст своих же ломающихся костей. Так он ушел!

Нервная улыбка слетела с лица Сюзан, словно ей отвесили оплеуху. На глаза навернулись слезы, ей всегда хотелось плакать при упоминании имени отца. Но на этот раз она не дала им пролиться. Не дождется эта бессердечная старуха ее слез, не дождется!

— Давайте перейдем к делу и побыстрее закончим его, — произнесла она сухо, не так, как обычно. Обычно в ее голосе звенели веселые колокольчики. Но она была дочерью Пата Дельгадо, лучшего конюха-объездчика на Западном Спуске, и хорошо помнила лицо своего отца. Если требовалось, могла проявить характер, а сейчас ничего иного просто не оставалось. Старуха-то стремилась поглубже залезть ей в душу и царапнуть там побольнее, но Сюзан твердо решила, что такому не бывать.

Карга тем временем внимательно наблюдала за девушкой, уперев в бока распухшие руки, а кот кружил у ее лодыжек. Глядя в слезящиеся глаза старухи, Сюзан отметила, что они у нее серо-зеленые, такого же цвета, как и у кота, подумала, что такое возможно только благодаря магии. Очень ей хотелось отвести взгляд, но она не поддалась этому желанию. Испытывать страх — это нормально, но иной раз выказывать его — не самый лучший выход.

— Очень уж нагло смотришь ты на меня, мисси, — нарушила затянувшуюся паузу Риа. Улыбка таки сползла с ее лица, брови сошлись у переносицы.

— Нет, старая мать, — ровным голосом ответила Сюзан. — Я смотрю, как человек, желающий по возможности скорее покончить с делом, ради которого пришел. Я пришла сюда по воле моего господина мэра Хэмбри и тети Корделии, сестры моего отца. Моего дорогого отца, о котором я не хочу слышать ничего дурного.

— Я говорю то, что мне хочется. — Слова прозвучали жестко, но в голосе старухи улавливались интонации рабской покорности. Сюзан не обратила на них особого внимания. Да и могла ли она улавливать столь тонкие оттенки, впервые столкнувшись с этой ведьмой? — Я давно живу одна, сама себе хозяйка, и если уж мой язык начинает говорить, неизвестно, чем он закончит.

— Тогда, может, и не давать ему начинать?

Глаза старухи недобро блеснули:

— Придержи язык, девчонка, если не хочешь, чтобы он отсох у тебя во рту. Он будет там гнить, и тогда мэр дважды подумает, прежде чем поцеловать тебя, даже под Целующейся Луной. Такой воня он может и не вытерпеть.

Сердце Сюзан наполнилось тоской и недоумением. Она пришла сюда только с одной целью: как можно быстрее совершить необходимый ритуал, не столько болезненный, сколько позорный. А теперь эта старуха с такой ненавистью смотрит на нее. Откуда такая резкая перемена? Или для ведьм это обычное дело?

— Мы плохо начали наш разговор, госпожа... можем мы вернуться к исходной точке? — неожиданно спросила Сюзан и протянула руку.

Карга явно удивилась, хотя и протянула свою. Морщинистые подушечки ее пальцев на мгновение прикоснулись к пальцам шестнадцатилетней девушки, с подстриженными ногтями, которая стояла перед ней. Лицо со светящейся изнутри, без единого прыщика, кожей, длинные, заплетенные в косы волосы. Сюзан пришлось поднапрячься,

чтобы не скривиться при прикосновении, хоть и очень коротком. Холодные, как у трупа, пальцы старухи Сюзан не удивили. Ей уже приходилось касаться холодных пальцев («Руки холодные — сердце горячее», — не раз слышала она от тети Корд). Неприятно поразили сами пальцы, холодная, губчатая плоть, никак не связанная с костями, словно женщина, которой они принадлежали, утонула и долго пролежала в каком-то пруду.

— Нет, нет, другого начала не будет, но, может, продолжим мы лучше, чем начали. У тебя могущественный друг — мэр, и мне совсем ни к чему такой враг.

По крайней мере она честна, подумала Сюзан и тут же посмеялась над собой. Эта женщина могла быть честной, только когда ее припирали к стенке. В остальных случаях она лгала всегда и обо всем — о погоде, видах на урожай, птичьих налетах на поля перед жатвой.

— Ты появилась раньше, чем я тебя ожидала, вот я и вышла из себя. Но хватит об этом. Ты мне что-то принесла, мисси? Принесла, я знаю! — Глаза ее заблестели вновь, на этот раз не от злобы.

Сюзан сунула руку под фартук (очень глупо надевать фартук, отправляясь в такую глухомань, но того требовал обычай) и в карман. Там, привязанный к резинке, чтоб не потеряться (к примеру, не вылететь из кармана, если молоденькой девушке приспичит пробежаться), лежал мешочек из ткани. Сюзан оборвала резинку и достала мешочек. Положила его на протянутую ладонь, такую старую, что линии на ней практически стерлись. Она не хотела прикасаться к Риа... хотя знала, что старуха прикоснется к ней, и скоро.

— Завывания ветра пугают тебя до дрожи, мисси? — спросила Риа, хотя Сюзан видела, что та не отрывает глаз от мешочка. Старческие пальцы уже дергали концы завязанной на узел тесемки.

— Да, ветра.

— Так и должно быть. Голоса мертвых ты слышишь в ветре, а кричат они потому, что сожалеют... ага!

Узел поддался. Старуха растянула тесемку, и из мешочка на ее ладонь вывалились две золотые монеты. Неровно отлитые, с шероховатой поверхностью — таких не изготавливали уже несколько поколений, — но тяжелые, а в отчеканенных на них орлах чувствовалась власть. Риа поднесла одну ко рту, развела губы, открыв считанные оставшиеся зубы, надкусила монету. Посмотрела, какой на ней остался след, задумалась на несколько мгновений, потом ее пальцы сомкнулись в кулак.

Пока Риа сосредоточилась на монетах. Сюзан удалось бросить короткий взгляд в открытую дверь комнатухи по ее левую руку, как

догадалась девушка, спальню ведьмы. И она увидела нечто странное: свет под кроватью. Розовый, пульсирующий. Вроде бы его источник находился в каком-то ящике, хотя точно...

Ведьма подняла голову и глаза Сюзан торопливо метнулись в угол, где в кошелке, свисающей с крюка, лежали три или четыре странных белых фрукта. Потом, когда старуха шагнула в сторону и ее гигантская тень переместилась вдоль стены, Сюзан увидела, что совсем это не фрукты, а черепа. У нее скрутило живот.

— Надо бы посильнее разжечь огонь, мисси. Обойди дом и принеси охапку дров. Нужны толстые полешки, а не какой-то сушняк. И не жалуйся, что не донесешь. Ты не такая слабенькая, сил тебе хватит!

Насчет непосильности работы по дому Сюзан перестала жаловаться аккуратно в то время, когда перестала дуть в штаны... хотя у нее и возникло желание спросить Риа, всем ли, кто приносит ей золото, она предлагает принести и дрова. С другой стороны, поручение даже обрадовало ее: после вони хижины глоток свежего воздуха что чаша доброго вина.

Она уже добралась до двери, когда нога зацепилась за что-то горячее и податливое. Замяукал кот. Сюзан покачнулась, чуть не упала. А сзади раздались какие-то хриплые, придушенные звуки. Не сразу Сюзан поняла, что это смех.

— Поосторожнее с Масти, сладенькая моя! Он такой проказник! Так и норовит подложить свинью! — И старуха вновь зашлась в приступе смеха.

Кот смотрел на Сюзан снизу вверх. Прижав уши к голове, широко раскрыв серо-зеленые глаза. Зашипел на нее. А Сюзан инстинктивно, не отдавая себе отчета в том, что делает, зашипела в ответ. И вновь на мордочке Масти появилось вполне человеческое выражение, на этот раз изумления. Он повернулся и бросился в спальню Риа, размахивая раздвоенным на конце хвостом. Сюзан открыла дверь, вышла на крыльцо. Ей казалось, что в хижине ведьмы она провела уже тысячу лет, и пройдет еще не меньше тысячи, прежде чем она сможет вернуться домой.

Воздух был сладким, как она и надеялась, может, еще слаще. Несколько мгновений она просто стояла, глубоко дыша, стараясь прочистить легкие... и голову.

После пяти вдохов спустилась с крыльца. Пошла вокруг дома... но не в ту сторону, потому что поленницы не нашла. Зато обнаружила узкое окно-

бойницу, заросшее каким-то вьюном. Поняла, что окно это скорее всего в той клетушке, в которой спала старуха.

Не смотри, что бы ни стояло у нее под кроватью, это не твое дело, а вот если она поймает тебя...

Сюзан подкралась к окну, несмотря на предупреждение внутреннего голоса, заглянула.

Скорее всего Риа не увидела бы Сюзан сквозь густую листву вьюна, даже если бы посмотрела в окно. Но она не посмотрела. Встав на колени, ухватив мешочек зубами, ведьма сунула руки под кровать.

Выдвинула ящик, отбросила уже приоткрытую крышку. Розовый свет залил ее лицо, и Сюзан ахнула. На мгновение оно превратилось в лицо молодой девушки, однако наполненное той же жестокостью, что и теперь. Она видела волевое лицо ребенка, твердо решившего овладеть таинствами зла и употребить их во зло. Возможно, так выглядела в молодости эта старая карга. А исходил свет от стеклянного шара.

Старуха неотрывно, как замороженная, смотрела на шар. Ее губы шевелились, словно она что-то говорила шару, а может, напевала. Маленький мешочек, который Сюзан принесла из города — старуха все еще держала тесемки зубами, — мотался взад-вперед. Потом, как показалось Сюзан, невероятным усилием воли старуха заставила себя закрыть ящик, отсесть розовый свет. Сюзан, к своему удивлению, разом почувствовала облегчение. Светящийся шар ей определенно не нравился.

Одну руку старуха положила на серебряный замок. Из-под пальцев вырвалось алое свечение. Мешочек все свисал у нее изо рта. Затем она поставила ящик на кровать, вновь опустилась на колени, начала водить руками над земляным полом у изножия кровати. Хотя она касалась пола только ладонями, на нем появились линии, словно она держала в руке что-то острое. Линии углублялись, на полу образовался люк.

Дрова. Сюзан! Неси дрова, прежде чем она смекнет, что ты слишком уж долго отсутствуешь! Ради своего отца!

Девушка задрала подол платья чуть ли не до талии, не хотела, чтобы старуха увидела траву и листья на ее одежде при возвращении в дом, не хотела отвечать на вопросы, которые могли вызвать такие улики, и, согнувшись в три погибели, прокралась под окном, сверкая в лунном свете белыми панталонами. А миновав окно, выпрямилась и поспешила мимо крыльца к другой стороне дома. Нашла поленицу под пахнущим гнилью навесом. Выбрала с полдюжины увесистых поленьев и с ними вернулась к крыльцу.

Когда Сюзан вошла, бочком, иначе поленья не пролезли бы в дверь,

старуха уже сидела в большой комнате, уставившись на очаг, в котором едва тлели угли. Мешочек с тесемками она уже куда-то заховала.

— Долго ты копалась, мисси. — Риа все смотрела в камин, не обращая на нее внимания... но одна нога, под грязным подолом платья, притопывала по земляному полу, а брови сердито сошлись у переносицы.

Сюзан пересекла комнату, заглядывая через охапку дров. Поэтому вовремя заметила кота, попытавшегося вновь броситься ей под ноги.

— Я увидела паука, — ответила девушка. — Пришлось прогонять его. Терпеть их не могу.

— Скоро ты увидишь кое-что и похуже паука, — усмехнулась Риа одним уголком рта. — То, что вылезет из-под ночной рубашки старины Торина, твердое, как палка, и красное, как корень ревеня! Ха! Постой, девушка! О Боги, этих дров хватит для ярмарочного костра.

Риа взяла два полешка из принесенных Сюзан, бросила их на угли. Искры взлетели к черному зеву трубы. Ты же *разбросала остатки углей, глупая старуха*, подумала Сюзан. Теперь придется разжигать очаг заново. Но Риа простерла над поленьями руку, пробормотала какое-то слово, и поленья вспыхнули, словно облитые нефтью.

— Остальное положи туда. — Старуха указала на ящик для дров. — И осторожнее, мисси, ничего не раскидывай.

Действительно, а то нарушу здешнюю стерильную чистоту, подумала Сюзан. И прикусила себе щеку, чтобы стереть улыбку, в которую уже начали растягиваться губы.

Риа, однако, прочитала ее мысли. Когда Сюзан выпрямилась, старуха сурово смотрела на нее:

— Хорошо, мисси, теперь давай перейдем к нашему делу. Ты знаешь, зачем ты здесь?

— Я здесь по желанию моего господина мэра Торина, — повторила Сюзан, зная, что это не истинный ответ. Теперь она напугалась, напугалась больше, чем в те мгновения, когда подглядывала через окно за старухой, склонившейся над стеклянным шаром. — Его жена так и оставалась бесплодной, пока у нее не прекратились месячные. Он хочет зачать сына до того, как сам потеряет...

— Послушай, давай обойдемся без красивых слов. Ему нужны сиськи и зад, которые не расползутся под его руками, и шахта, которая обожмет то, что он в нее затолкнет. Если ему есть что заталкивать. Если из этого дела получится сын, отлично, он оставит его тебе, чтобы ты заботилась о нем и воспитывала, пока мальчик не пойдет в школу, а потом ты его больше не увидишь. Если дочь, он скорее всего возьмет ее и отдаст своему новому

прислужнику, хромоту с женскими волосами, чтобы тот утопил ее в ближайшем пруду.

Сюзан вытаращилась на ведьму, потрясенная до глубины души.

А та, заметив взгляд девушки, рассмеялась.

— Не нравится правда, не так ли? Она мало кому нравится, мисси. Но будет именно так, а не иначе. Твоя тетушка — баба ушлая, и уж она-то попользуется Торином и сокровищницей Торина на полную катушку. Какая часть этого золота достанется тебе — не мое дело... но ты не увидишь его вовсе, если будешь хлопать ушами! Так-то! Снимай платье!

Не сниму, едва не выкрикнула Сюзан, но что потом? Ее вышвырнут из этой хижины (хорошо, если вышвырнут такой же, как вошла в нее, а не ящерицей или жабой) и погонят на запад, даже без тех двух золотых монет, которые она принесла старухе. И это только меньшее из двух зол. А большее состояло в том, что она дала слово. Поначалу упиралась, но когда тетя Корд упомянула имя ее отца, сдалась. Как всегда. Действительно, выбора у нее не было. А когда нет выбора, промедление — ошибка.

Она стряхнула с фартука кусочки коры, развязала его и сняла. Сложила, оставила на маленькой грязной кушетке у очага, затем расстегнула платье до талии. Повела плечами, и платье упало к ее ногам. Она сложила и его, положила поверх фартука, стараясь не замечать жадного взгляда, которым Риа с Кооса оглядывала ее при свете очага. Подошел кот, уселся у ног Риа. Снаружи завывал ветер. Очаг давал достаточно тепла, но Сюзан дрожала от холода, словно раздевалась на самом ветру.

— Поторопись, девочка, ради твоего отца!

Сюзан потянула через голову рубашку, положила ее на платье и теперь стояла в одних панталонах, прикрыв грудь сложенными руками. Огонь отбрасывал оранжевые блики на ее бедра.

— Так ты до сих пор не голая! — захохотала ведьма. — Какие мы скромницы! Очень, очень мило! Скидывай панталоны, мисси, и предстань передо мной такой, как выскользнула из матери! Должна же я знать, что так привлекло в тебе Харта Торина, не так ли? Живо!

Сюзан подчинилась, понимая, что деваться-то некуда. Теперь, когда ее «ежик» и «киска» лишились последнего прикрытия, не имело смысла прикрывать и грудь. Она медленно опустила руки.

— Да, неудивительно, что он возжелал тебя! — покивала старуха. — Ты же у нас красавица, это точно! Не так ли, Масти?

Кот мяукнул.

— У тебя на коленях грязь. — Риа разом насторожилась. — Откуда?

Сюзан запаниковала. Она подобрала платье, пробираясь под окном ведьмы... и этим подписала себе смертный приговор. Но девушка тут же нашлась с ответом, и голос ее звучал ровно:

— Когда я увидела вашу хижину, то перепугалась. Встала на колени, чтобы помолиться, и приподняла подол. Не хотела его пачкать.

— Я тронута... ты, значит, хотела явиться ко мне в чистом платье. Приятно это слышать! Ты согласен, Масти?

Кот вновь замаякал и начал вылизывать переднюю лапу.

— Перейдем к делу. — Сюзан не отрывала взгляда от старухи. — Вам заплатили, я сделаю все, что вы мне скажете, но только не надо меня высмеивать.

— Ты знаешь, что я должна сделать, мисси?

— *Нет.* — Слезы вновь навернулись на глаза Сюзан, но она не позволила им вылиться. *Не позволила.* — В общем представляю себе, что это должно быть, но когда спросила тетю Корд, права ли я, она ответила, что вы меня просветите.

— Естественно, где ж ей пачкать грязными словами свой рот. А вот тетя Риа скажет тебе все. У нее в отличие от тети Корделии язык повернется. Я должна убедиться, что ты чиста, физически и духовно, мисси. Проверить твое целомудрие, как говорили древние, и были в этом правы. Такие вот дела. Подойди ко мне.

Два неохотных шага, и пальцы ног Сюзан едва не коснулись шлепанцев старухи, а груди — платья.

— Если дьявол или демон проник в твою душу, а это обязательно скажется на ребенке, он оставил отметину на твоём теле. Чаще всего она похожа на родимое пятно или на засос, но есть и другие... открой рот!

Сюзан открыла, старуха наклонилась к ней. От нее так воняло, что Сюзан едва не вырвало. Она затаила дыхание, надеясь, что скоро все закончится.

— Высуни язык.

Сюзан высунула.

— Теперь дыхни мне в лицо.

Сюзан дыхнула. Риа поймала ее выдох, потом, хвала богам, отвернулась. Ее голова находилась так близко от Сюзан, что та разглядела вошь, ползущую по волосам ведьмы.

— Сладко, — вынесла вердикт старуха. — Да, как хороший десерт. Повернись спиной.

Сюзан повернулась и почувствовала, как пальцы старухи прошли по ее позвоночнику, пояснице, ягодицам. Холодные, как грязь.

— Наклонись и раздвинь ягодицы, мисси. Не стесняйся, Риа на своем веку довелось повидавать многих курочек!

Покраснев, ей казалось, что сердце бьется у нее во лбу и отдает в виски, Сюзан подчинилась. Один из ледяных пальцев залез ей в анус. Она прикусила губу, чтобы не закричать.

К счастью, визит закончился быстро... но Сюзан опасалась, что ее ждет еще один.

— Повернись.

Сюзан повернулась. Старуха провела ладонями по грудям Сюзан, поводила большими пальцами по соскам, внимательно осмотрела нижние полукружья. Затем Риа сунула палец в пупок девушки, подобрала подол своего платья, охнув, опустилась на колени. Провела руками по ногам Сюзан, сначала спереди, потом сзади. Особенно ее интересовали ложбинки под коленями, где проходили сухожилия.

— Подними правую ногу, девочка.

Сюзан подняла и нервно засмеялась, когда Риа провела ногтем большого пальца по стопе от пальцев до, пятки. Потом старуха внимательно осмотрела зазоры между каждым двумя пальцами.

То же самое повторилось и с левой ногой.

— Ты знаешь, что за этим последует? — спросила старуха, не поднимаясь с колен.

— Да, — испуганно вырвалось у Сюзан.

— Стой смирно, мисси. С остальным все в порядке, все чисто, но теперь мы переходим к самому главному, к тому, что особенно заботит Торина. Там действительно доказывается целомудрие. Поэтому стой смирно!

Сюзан закрыла глаза и подумала о лошадях, скачущих вдоль Спуска... номинально они принадлежали феоде, и распоряжались табуном Раймер, канцлер Торина, и министр имущества феода, но лошади-то этого не знали. Они думали, что они свободны, а если ты свободен в своих мыслях, все остальное — ничто.

Позволь мне быть свободной в своих мыслях, как лошади на Спуске, не позволяй ей причинить мне боль. Пожалуйста, не позволяй ей причинить мне боль. А если она причинит, пожалуйста, помоги мне вытерпеть ее молча.

Холодные пальцы раздвинули курчавые волосы под пупком, затем два холодных пальца скользнули внутрь. Боль она почувствовала, но на мгновение и не сильную. Наколотый палец или щиколотка при случайном ударе об угол, если идешь ночью по малой нужде, болели сильнее. Другое

дело, унижение, которое испытывала она от прикосновений старческих пальцев Риа.

— Закупорено как надо! — воскликнула ведьма. — Лучше не бывает! Но Торин об этом позаботится, обязательно! Что же касается тебя, моя девочка, я поделюсь с тобой секретом, которого твоей ханже-тетке с ее длинным носом, толстым кошельком и пупырышками вместо сисек никогда не узнать. Даже целке нет нужды лишать себя удовольствия, если она знает, как это делается!

Пальцы старой карги нежно сомкнулись вокруг маленькой выпуклости в верхней части половой щели Сюзан. На долю секунды Сюзан показалось, что старуха ущипнет ее за это чувствительное местечко, из-за которого у нее, бывало, перехватывало дыхание, если она терлась им о седло во время скачки, но вместо этого пальцы начали поглаживать... потом надавили... и, к своему ужасу, девушка почувствовала, как истома поднимается от низа живота.

— Как маленький шелковый бутончик, — ворковала старуха, а ее шаловливые пальцы задвигались быстрее. Сюзан почувствовала, как ее бедра подались вперед, словно обрели разум и зажили собственной жизнью, потом подумала о жадном, самоуверенном лице старухи, розовом, как лицо шлюхи, купающемся в струящемся из ящика свете, представила себе, как свисал из ее морщинистого рта мешочек с двумя золотыми монетами, и жар, который она испытывала, потух. Вся дрожа, она подалась назад, руки, живот и грудь покрылись мурашками.

— Вы закончили с тем, за что вам уплачено? — сухо, осипшим голосом спросила Сюзан.

Лицо Риа закаменело.

— Не тебе учить меня, что я закончила, а чего — нет, наглая девка! Только я знаю, когда будет поставлена точка, я, Риа, ведьма с Кооса, и...

— Не прикасайся ко мне и встань, если не хочешь после моего пинка оказаться в очаге, нелюдь.

Морщинистые губы старухи разошлись, обнажая в зверином оскале немногие оставшиеся зубы, и Сюзан поняла, что она и эта ведьма вернулись к тому, с чего начали: изготовились выцарапать друг другу глаза.

— Подними на меня руку или ногу, наглая сучка, и ты покинешь мой дом слепой, безрукой и безногой.

— Не сомневаюсь, что тебе это по силам, но только Торин может рассердиться. — Впервые в жизни Сюзан прикрылась именем мужчины. Когда до нее это дошло, ей стало стыдно. Почему, понять она не могла — она же согласилась лечь в его постель и родить ему ребенка, — но стало.

Старуха злобно смотрела на нее, губы беззвучно шевелились, а потом сложились в подобие улыбки, еще более страшной, чем оскал. Тяжело дыша, оперевшись о подлокотник кресла, Риа поднялась. А Сюзан тут же торопливо начала одеваться.

— Да, он может рассердиться. Возможно, тебе все-таки стоит узнать об этом, мисси. Эта ночь для меня необычная, она разбудила во мне, казалось бы, давным-давно уснувшее. Считай это комплиментом твоей чистоте... и твоей красоте. Ты прекрасна, сомнений в этом нет. Твои волосы... когда ты расплетаешь косы, а ты расплетишь их для Торина, это точно, прежде чем лечь с ним в постель... они сияют, как солнце, не так ли?

Сюзан не хотелось снова злить старуху, но и эти глупые похвалы ее не волновали. Тем более что она видела ярость в слезящихся от старости глазах Риа. А тело еще не забыло прикосновения ее отвратительных пальцев. Она ничего не ответила, только натянула платье и стала застегивать пуговицы.

Риа, должно быть, прочитала ее мысли, потому что улыбка увяла, а тон стал более деловым. Сюзан такие перемены только порадовали.

— Ладно, не будем об этом. Твое целомудрие доказано, можешь одеться и уйти. Но Торину о том, что произошло между нами, не говори ни слова. Запомни это! Женские разговоры не должны долетать до уха мужчины, особенно такого влиятельного. — Вот тут Риа не смогла подавить смешок. Возможно, он вырвался у нее подсознательно, она об этом даже не догадывалась. — Мы договорились?

Все, все, что угодно, лишь бы выбраться, отсюда!

— Ты объявляешь меня целомудренной?

— Да, Сюзан, дочь Патрика. Объявляю. Но важны не мои слова. Сейчас... подожди... где-то здесь.

Она порылась на каминной доске, среди треснувших блюдец с огарками, достала сначала керосиновую лампу, потом ручной фонарик на батарейках, несколько секунд смотрела на рисунок молодого человека, прежде чем отложить его в сторону.

— Где... где... *аг-г-г-га...* вот!

Она схватила блокнот с запачканной сажей обложкой (с надписью СИТГО^[21], вытисненной древними золотыми буквами) и огрызок карандаша. Пролистала блокнот чуть ли не до конца, прежде чем нашла чистый лист. Что-то нацарапала на нем, сорвала с металлической спирали, соединяющей все листки и обложку, протянула Сюзан. Та взяла листок, посмотрела на него. Старуха нацарапала слово, которое Сюзан поначалу понять не смогла:

ЦИЛАМУДРЯНАЯ

А под ним нарисованы вилы.

— Что это? — спросила Сюзан, указывая на рисунок.

— Риа, мой знак. Известен в шести окрестных феодах, скопировать его невозможно. Покажешь этот листок своей тете. Потом Торину. Если твоя тетя захочет взять его, чтобы самой показать Торину, знаю я и ее, и ее замашки, скажешь ей — нет, Риа запретила, листок должен быть у тебя, а не у нее.

— А если его захочет взять Торин?

Риа пренебрежительно махнула рукой:

— Пусть хранит его или сожжет, или подотрет им задницу, мне все равно. И тебе тоже, потому что ты знаешь, что чиста. Так?

Сюзан кивнула. Один раз, возвращаясь с танцев, она разрешила парню на мгновение или два залезть рукой ей под юбку, но что такого? Она чиста и она целомудренна, о чем знала и без этой мерзкой старухи.

— Но не потеряй этот листок. Если только не хочешь увидеть меня вновь и заново пройти весь ритуал.

Упаси Боже, подумала Сюзан и с трудом подавила дрожь, грозящую сотрясти все тело. Сунула листок в тот карман, где раньше лежал мешочек с золотыми.

— А теперь шагай к двери, мисси. — Старуха вроде бы хотела схватить Сюзан за руку, но в последний момент передумала. К двери они пошли бок о бок, не касаясь друг друга, глядя прямо перед собой. А вот на крыльце Риа сжала запястье Сюзан. А второй рукой указала на яркий серебристый диск, висящий над вершиной Кооса.

— Целующаяся Луна. Середина лета.

— Да, — кивнула Сюзан.

— Скажешь Торину, что он не должен укладывать тебя в свою постель... или в стог сена... или на пол судомойни при кухне, или куда-то еще... до того, как полная Демоническая Луна поплывет по небу.

— То есть только после Первой Жатвы? — Три месяца для нее — целая жизнь. Сюзан попыталась ничем не выказать свою радость. Она-то думала, что Торин лишит ее девственности еще до следующего восхода луны. Об этом ясно говорили взгляды, которые он бросал на нее.

Риа тем временем смотрела на луну, вроде бы что-то рассчитывала. Ее рука нащупала косу Сюзан, начала ее поглаживать. Сюзан пока терпела, но знала, что ее хватит ненадолго. Риа убрала руку.

— Да, не просто после Первой Жатвы, а после fin de ano — Ярмарочной ночи. Скажем так, он может, взять тебя после праздничного костра. Ты поняла?

— Fin de ano, поняла. — Теперь уже Сюзан не скрывала радости.

— Когда огонь в «Зеленом сердце» догорит и последние угли покроются золой. Только тогда, и *не раньше*. Ты должна ему это сказать.

— Скажу.

Рука вернулась, вновь начала поглаживать волосы. Сюзан терпела. После столь хороших новостей она уже не так злилась на старуху.

— Время до Жатвы используй с толком. То ли думай только о том, как родить мэру мальчика, то ли гуляй по Спуску и собирай последние цветы своей девственности. Ты поняла?

— Да. — Она склонилась в реверансе. — Спасибо сэй.

Риа отмахнулась, словно терпеть не могла лесть.

— Никому не говори о том, что произошло между нами. Это никого, кроме нас, не касается.

— Не скажу. Наши дела закончены?

— Ну... пожалуй... осталась разве что *самая малость*... — Риа улыбнулась, показывая, что это действительно малость, потом резким движением подняла левую руку на уровень глаз Сюзан. С тремя сложенными вместе и одним отставленным пальцем. В зазоре поблескивал серебряный медальон, взявшийся неизвестно откуда. Взгляд девушки тут же остановился на нем. А потом Риа произнесла одно слово.

И глаза Сюзан закрылись.

Риа смотрела на девушку, застывшую на ее крыльце под Целующейся Луной. Медальон она убрала в рукав (ее старые распухшие пальцы при необходимости могли двигаться очень даже быстро). Деловое выражение лица сменилось неприкрытой яростью. *Так это ты грозила дать мне пинка, паскуда, чтобы я упала в очаг? Ты хотела нажаловаться на меня Торину?* Но не угрозы или наглость Сюзан так взбесили ведьму. Особенно достало ее то отвращение, что выказывала девушка при ее прикосновениях.

Она, значит, считает, что Риа недостойна ее! И эта гордячка, несомненно, думает, что она слишком хороша и для Торина. А у нее же ничего нет, кроме шестнадцати лет и прекрасной косы, что болтается за спиной. Торин-то мечтает зарыться в ее волосы лицом. И ничуть не меньше

ему хочется зарыться в другое место, пониже.

Она не могла причинить девушке вреда, хотя ей очень хотелось, да и девушка того заслуживала. В наказание Торин может по меньшей мере отнять у нее хрустальный шар, а вот это было бы совсем нежелательно. Во всяком случае, пока. Значит, причинить вред девушке она не может. Зато может подгадить ему, лишить его того удовольствия, на которое он рассчитывает, хотя бы на какое-то время.

Риа наклонилась к девушке, схватила за длинную косу, вновь начала поглаживать, наслаждаясь шелковистостью волос.

— Сюзан, — прошептала она. — Ты слышишь меня, Сюзан, дочь Патрика?

— Да. — Глаза не открывались.

— Тогда слушай. — Свет Целующейся Луны упал на лицо ведьмы, превратив его в серебряный череп. — Слушай меня внимательно и запоминай. Пусть слова эти останутся в той темной пещере, куда никогда не заходит твое бодрствующее сознание.

— Запомню, — ответила стоящая на крыльце девушка.

— Ага. Ты должна кое-что сделать после того, как он лишит тебя девственности. Ты должна сделать это сразу же, даже не думая об этом. Теперь слушай меня, Сюзан, дочь Патрика, и слушай внимательно. Не упусти ни единого слова.

Все еще поглаживая шелковистые волосы, Риа приложила морщинистые губы к гладкому ушку Сюзан и зашептала. А с небес на них смотрела Целующаяся Луна.

Глава третья

ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ

1

Не было в ее жизни второй такой необычной ночи, поэтому не стоило удивляться тому, что она не слышала цоканья копыт всадника за спиной, пока он практически не настиг ее.

По пути домой ее более всего волновал вновь открывшийся смысл соглашения, которое она заключила. Хорошо, конечно, что она получила передышку, свою часть сделки ей предстояло выполнить не тотчас же, а через несколько месяцев, но суть оставалась прежней: когда по небу поплывет полная Демоническая Луна, мэр Торин, костлявый, дерганый, с венчиком седых волос вокруг обширной лысины на макушке, лишит ее девственности. Мужчина, на которого его собственная жена не могла смотреть без жалости. Харт Торин чувствовал себя как рыба в воде в шумливой толпе, собравшейся, чтобы посмотреть на кулачной бой или турнир, где оружием служили гнилые фрукты, но любая трагическая или жалостливая история вызывала у него недоумение. Похлопать ближнего по плечу, смачно рыгнуть за обедом — это получалось у него мастерски, но при каждом слове он озабоченно поглядывал на своего канцлера, дабы убедиться, что никоим образом не оскорбил Раймера.

Сюзан все это видела не единожды. Ее отец долгие годы занимал пост главного конюха феода и частенько ездил в Дом-на-Набережной по делам. Много раз он брал с собой любимую дочь. И, похоже, зря. За эти годы она многократно видела Харта Торины, но и он видел ее ровно столько же. Отсюда и результат! В итоге в матери своему сыну он выбрал девушку, на пятьдесят лет моложе его самого.

Слишком уж легко она согласилась на сделку... Нет, так, пожалуй, сказать нельзя, это будет несправедливо по отношению к ней... но уж особо не горевала, это точно. Подумала, выслушав доводы тети Корд: *В общем-то невелико дело, учитывая, что удастся снять арест с земель... наконец-то получить во владение участок на Спуске... зафиксировать в документах, один будет храниться в нашем доме, второй — в архивах Раймера, что земля принадлежит нам. Да, и еще лошади. Только три, все так, но на три больше в сравнении с тем, что у нас сейчас есть. А что на*

другой чаше весов? Лечь с ним в постель раз или два, выносить ребенка, как вынашивали до меня миллионы женщин безо всякого ущерба для себя. В конце концов он не мутант и не прокаженный, а всего лишь старик с хрустящими суставами. Это же не навсегда, и, как говорит тетя Корд, я еще смогу выйти замуж, если будет на то согласие времени и ка. Я буду не первой женщиной, которая придет в постель мужа уже матерью. Я же не стану из-за этого шлюхой! Закон гласит, что нет, но закон тут мне не указ. Последнее слово остается за сердцем, а сердце говорит, что ради земли, принадлежащей отцу и трех лошадей, чтобы скакать по ней, можно стать и шлюхой.

Был и другой момент. Тетя Корд сыграла, и теперь Сюзан это понимала, сыграла безжалостно, на невинности младенца. Именно на младенца упирала тетя Корд, маленькую крошку, которая появится у нее. Тетя Корд знала, что Сюзан, только-только расставшаяся с куклами, с энтузиазмом воспримет идею завести собственную живую, говорящую куклу, которую можно кормить и одевать, спать с ней в жаркий летний день.

А вот старуха этой ночью предельно ясно сказала ей то, о чем умолчала Корделия (возможно, в силу своей невинности она об этом не подозревала, но Сюзан как-то в это не верилось): Торин хотел не просто ребенка.

Ему нужны сиськи и зад, которые не расползутся под его руками, и шахта, которая обожмет то, что он в нее затолкнет.

От одного воспоминания об этих словах у нее зарделось лицо. Сюзан шагала в темноте, луна уже зашла. Желания петть или бежать, подобрав подол, не возникало. Она согласилась, предполагая, что все будет, как при спаривании домашнего скота: самца и самку держали вместе, «пока семя не попадало куда надо», а потом разделяли. Но теперь она знала, что Торин может вновь и вновь возжелать ее, мало того, обязательно возжелает, а закон, неукоснительно выполняемый двумя сотнями поколений, прямо указывал, что он будет ложиться с ней в одну постель, пока она, доказавшая свою чистоту и целомудрие, не докажет, что ребенок тоже чист... что это нормальный ребенок, а не мутант. Сюзан наводила справки и знала, что проверка эта обычно проводится на четвертом месяце беременности... когда животик становится виден даже под одеждой. И решение выносить Риа... а Риа ее невзлюбила.

Теперь она не могла дать задний ход... после того как согласилась на формальное предложение канцлера, после того как эта ведьма признала ее чистой и целомудренной. Но сожалела о своем согласии. Думала она о том,

как Торин будет выглядеть без штанов, с костлявыми, в седой поросли ножонками, как у журавля, о том, как захрустят его колени, спина, локти, шея, когда они лягут в постель.

И костяшки пальцев, не забывай о костяшках.

Да, больших костяшках с растущими на них волосами. Сюзан захихикала при этой мысли, так комично они выглядели, но одновременно и теплая слеза скатилась из уголка глаза. Она машинально смахнула ее со щеки, все еще не слыша негромкого цоканья копыт по мягкой дорожной пыли. Мысли ее по-прежнему блуждали далеко-далеко, вернувшись к розовому шару, который она увидела, обойдя дом и заглянув окно старухиной спальни, источаемому им мягкому, довольно приятному свету, выражению лица ведьмы, которая не могла оторвать от этого света глаз...

Когда Сюзан наконец-то поняла, что к ней приближается всадник, она первым делом подумала о том, чтобы метнуться в растущие у дороги кусты и спрятаться там. Едва ли ее догонял припозднившийся горожанин, в Срединном мире настали лихие времена... но убежать было поздно.

Тогда канава. Лечь в нее, распластаться и застыть. Луны нет, авось ее и не заметят...

Но прежде чем она успела двинуться к канаве, всадник, который подкрался к ней незамеченным, спасибо ее печальным мыслям, нарушил тишину:

— Да хранят вас боги, леди, и пусть долгими будут ваши дни на земле.

Сюзан повернулась, подумав: *А что, если это один из новых людей мэра, которые постоянно отираются или в его дворце, или в «Приюте путников». Не самый старый, у того голос более низкий, но один из двух других... может, тот, кого зовут Дипейп...*

— Да хранят боги и вас, — услышала Сюзан свой голос, обращающийся к силуэту всадника. — Пусть и ваши годы будут долгими.

Ее голос не дрожал, во всяком случае, она дрожи не услышала. Девушка уже понимала, что перед ней не Дипейп, не Рейнолдс, но пока различала только шляпу с широкими полями, какие ассоциировались у нее с людьми, приезжавшими из Внутренних феодалов в те дни, когда поездки с востока на запад и наоборот были обычным делом. До нынешних лихих времен, до того, как появился Джон Фарсон, Благодетель, и началась резня.

Когда незнакомец поравнялся с ней, она простила себя за то, что не услышала его издали: если не считать цоканья копыт, двигался он совершенно беззвучно, ничего не звенело, не громыhalo. Настоящий бандит с большой дороги (она подозревала, что Джонас и два его приятеля промышляли этим самым делом, в другие времена и в других феодалах), а

может, даже стрелок. Но у этого человека не было огнестрельного оружия, если только он его не припрятал. Короткий лук, вроде бы копье в чехле, и все. Да и больно молод он для стрелка.

Он натянул поводья, точно так же, как делал ее отец (и, разумеется, она сама), и лошадь остановилась как вкопанная. Когда он перекидывал ногу через седло, легко и непринужденно, Сюзан воскликнула:

— Нет, нет, не утруждай себя, незнакомец, езжай своей дорогой.

Если он и услышал тревогу в ее голосе, то не обратил на это ни малейшего внимания. Соскользнул с лошади, не воспользовавшись стремянем, приземлился рядом с ней, вокруг его сапог с квадратными носками поднялась пыль. Света звезд вполне хватило, чтобы разглядеть его лицо. Действительно, совсем молодой, ее возраста, плюс-минус год-другой. Одежда как у ковбоя, только новая.

— Уилл Диаборн, к вашим услугам. — Он коснулся рукой шляпы, выставил вперед ногу и поклонился по обычаю Внутренних феодов.

Неуместность его учтивых манер посреди дороги, окутанной резким запахом нефтяного поля, расположенного у окраины города, заставила ее забыть о страхе и рассмеяться. Она подумала, что смех оскорбит его, но он улыбнулся. Хорошей улыбкой, честной и открытой.

Она ответила реверансом, придерживая подол платья с одной стороны.

— Сюзан Дельгадо.

Он трижды похлопал по шее правой рукой.

— Спасибо, сэй Сюзан Дельгадо. Надеюсь, мы встретились во благо. Я не хотел пугать вас.

— Но испугали. Немного.

— Да, я так и думал. Извините.

И по выговору чувствовалось, что молодой человек не местный — из Внутренних феодов. Она с интересом оглядела его.

— Нет, извиняться вам не за что, просто я глубоко задумалась. Я заходила к... к подруге... и не замечала, как быстро бежит время, пока не зашла луна. Если вы остановились в тревоге за меня, незнакомец, я вам благодарна, но вы можете продолжить свой путь, как я продолжу мой. Идти-то мне лишь до окраины городка... Хэмбри. До нее совсем ничего.

— У вас такой мелодичный голос, — улыбнулся он. — Но час поздний, вы одна, и я думаю, что остаток пути мы можем пройти вдвоем. Вы ездите верхом, сэй?

— Да, но...

— Тогда подойдите и познакомьтесь с моим другом Быстрым. Последние две мили вы проедете на нем. Он кастрированный и очень

смирный, сэй.

В ее взгляде, брошенном на Диаборна, смешивались удивление и раздражение. *Если он еще раз обратится, ко мне «сэй», подумала она, словно я учительница или его великовозрастная тетушка, я сниму этот идиотский фартук и отхлещу его по физиономии.*

— Я полагаю, что лошадь под седлом не должна быть совсем уж смирной. До самой смерти мой отец объезжал лошадей мэра... а здешний мэр еще и командует гвардией феода. Я ездила верхом всю жизнь.

Она подумала, что он извинится, может, даже начнет что-то лепетать в свою защиту, но он лишь кивнул.

— Тогда ногу в стремя, моя госпожа, и на коня. Я пойду рядом и не стану донимать вас разговорами, если не будет на то вашего желания. Уже поздно, и некоторые говорят, что после захода луны разговоры не в радость.

Она покачала головой, смягчив отказ улыбкой:

— Нет. Благодарю за доброту, но думаю, что негоже, чтобы меня видели на лошади незнакомца глубокой ночью. Вы же знаете, что пятна с репутации женщины ничем не оттираются.

— Увидеть вас тут некому. — В голосе Уилла слышалась железная логика. — А я вижу, что вы устали. Так что, сэй...

— Пожалуйста, не называйте меня так. От этого слова я чувствую себя такой же древней, как... — Она замялась, потому что ей не понравилось слово,

(ведьма)

первым пришедшее на ум. — ...как старуха.

— Тогда мисс Дельгадо? Так вы действительно не хотите ехать на лошади?

— Действительно. В любом случае я не села бы в седло в этом платье, мистер Диаборн... даже если бы вы были моим братом. Это неприлично.

Он поднялся на стремя, потянулся за седло (Быстрый покорно стоял, лишь подрагивая ушами. Сюзан, будь она Быстрым, проделывала бы то же самое, очень уж красивые были уши), затем вновь ступил на землю с каким-то рулоном, перетянутым ремнем, в руках. Сюзан подумала, что это пончо.

— Этим вы можете прикрыть колени и ноги, как накидкой. Длины хватит, это пончо моего отца, а ростом он выше, чем я. — На мгновение он взглянул на западные холмы, и Сюзан отметила, что он очень красив. Она почувствовала легкую дрожь и уже в тысячный раз пожалела о том, что эта мерзкая старуха совала свои руки не только туда, куда следовало. Сюзан не

хотелось смотреть на этого симпатичного незнакомца и вспоминать прикосновения Риа.

— Нет, — мягко ответила она. — Спасибо вам за доброту и заботу, но я вынуждена отказаться.

— Тогда я пойду рядом с вами, а Быстрый будет нашим шапероном, — радостно возвестил Уилл. — Провожу вас хотя бы до окраины, где нет глаз, которые могут подумать что-то плохое о добропорядочной молодой женщине и более-менее добропорядочном молодом человеке. А там я откланяюсь, пожелав вам спокойной ночи.

— Я бы без этого обошлась, честное слово. — Она провела рукой по лбу. — Вам легко говорить, что тут нет никаких глаз, но иногда глаза оказываются там, где их быть просто не может. А я сейчас... в очень деликатном положении.

— Я все равно пойду с вами. — Лицо его стало серьезным. — Времена сейчас не самые лучшие, мисс Дельгадо. Меджис, конечно, далеко от тех краев, где совсем плохо, но у зла длинные щупальца.

Она уже открыла рот, хотела запротестовать, сказать, что дочь Пата Дельгадо сможет постоять за себя, а потом подумала о новых людях мэра, их холодных взглядах, которыми они мерили ее, когда Торин смотрел в другую сторону. Она видела всех троих этой самой ночью, когда направлялась к ведьминой хижине. Их она услышала издали и успела сойти с дороги, чтобы отдохнуть за подвернувшимся деревом (она и в мыслях не допускала, что спряталась). Ехали они в город, и Сюзан полагала, что сейчас они выпивают в «Приюте путников», где и останутся, пока Стенли Руис не закроет бар. Но точно она знать не могла. Вполне возможно, что они вновь объявятся на дороге.

— Раз уж мне не удалось разубедить вас, пусть будет по-вашему. — Она вздохнула, как бы показывая, что смиряется с неизбежным злом, хотя на самом деле не возражала против такой компании. — Но только до почтового ящика миссис Бич. С него начинается город.

Он вновь похлопал себя по шее и отвесил очередной абсурдный поклон: выставил вперед ногу, словно хотел сделать кому-то подножку, уперся в пыль каблуком.

— Благодарю вас, мисс Дельгадо!

По крайней мере он не добавил «сэй», подумала она. Прогресс налицо.

Сюзан думала, что он будет стрекотать, как сорока, несмотря на обещание молчать, потому что так вели себя все парни. Она не питала особых иллюзий насчет своей внешности, но полагала, что девушка она симпатичная, хотя бы потому, что парни постоянно толклись вокруг нее, всегда что-то говорили и переминались с ноги на ногу. А этому сами боги велели задавать вопросы, ответы на которые горожане знали: сколько ей лет, всегда ли она жила в Хэмбри, живы ли ее родители, да еще полсотни таких же скучных. Но все они в итоге сводились к одному: есть ли у нее постоянный ухажер?

Но Уилл Диаборн из Внутренних феодалов не стал расспрашивать ее об учебе, родственниках или друзьях (наиболее простой, как ей казалось, способ выяснить наличие соперников). Уилл Диаборн просто шагнул рядом с ней, взявшись за уздечку Быстрого, глядя на восток, в сторону Чистого моря. Они находились достаточно близко от него, и соленый запах частично забивал нефтяную вонь, хотя ветер дул с юга.

Они проходили мимо СИТГО, и Сюзан радовало присутствие спутника, хотя молчание и начинало раздражать. Нефтяное поле, со скелетами-вышками, всегда пугало ее. Многие из этих вышек давно уже не качали нефть: не было ни запасных частей, ни навыка ремонтных работ, да и потребность в нефти практически отпала. Из двух сотен работали только девятнадцать, и то лишь потому, что никто не знал, как их остановить. Они качали и качали нефть из неиссякаемых кладовых. Какая-то часть использовалась, но очень малая, а в основном нефть утекала в скважины под неработающими вышками. Все меньше машин использовали нефть, и их число уменьшалось с каждым годом. Мир «сдвинулся», а это место напоминало ей кладбище механизмов, где некоторые трупы еще не угомонили...

Что-то холодное и гладкое заелозило по ее пояснице, и она не сумела подавить вскрик. Уилл Диаборн резко повернулся к ней, его руки упали на бедра. Потом он разом расслабился, улыбнулся.

— Быстрый жалуется, что его забыли. Извините, мисс Дельгадо.

Она взглянула на лошадь. Быстрый посмотрел на нее, а потом опустил голову, как бы говоря, что он тоже сожалеет. Пугать ее он не хотел.

А вот это глупость, девушка, слышала она до боли родной голос отца. Он хочет знать, почему ты так выпендриваешься, ничего больше. И я тоже. На тебя это непохоже, так что прекращай.

— Мистер Диаборн, я передумала. Дальше хотелось бы ехать верхом.

Он повернулся к ней спиной, сунув руки в карманы, оглядывая нефтяное поле. Сюзан тем временем положила пончо на заднюю луку седла (простого черного, как у ковбоев, без герба феода или даже знака ранчо), потом вставила ногу в стремя. Подобрала юбку, резко оглянулась, дабы убедиться, что он не подсматривает. Но Уилл по-прежнему стоял к ней спиной. Казалось, его зачаровали ржавые вышки.

И что ты увидел в них такого интересного, красавчик, не без раздражения подумала Сюзан: сказались поздний час и пережитое... Старые железяки, которые стоят здесь уже шесть столетий, а то и больше. Я-то уж досыта нанюхалась их вони.

— Стой смирно, мой мальчик, — обратилась она к Быстрому, одной рукой схватила за поводья, второй — за луку седла. Быстрый подергивал ушами, как бы говоря, что простоит смирно всю ночь, если будет на то ее желание.

Она взлетела верх, сверкнув в звездном свете белизной обнажившегося бедра, испытывая то самое возбуждение, которое всегда охватывало ее, когда она садилась в седло... только в эту ночь чувство было сильнее, острее. Может, из-за силы и красоты Быстрого, может, потому, что видела она его впервые...

А может, подумала она, причину следует искать в другом: хозяин лошади — незнакомец и такой интересный.

Глупости, конечно... но потенциально опасные глупости. Опять же против истины она не грешила. Она развернула пончо и накрыла им ноги. Диаборн начал насвистывать. Мелодию она узнала сразу, испытав не столько изумление, сколько суеверный страх. «Беззаботная любовь»! Та самая песня, которую она пела, поднимаясь к хижине Риа.

Может, это ка, девочка, прошептал голос ее отца.

Отнюдь, мысленно ответила она ему. Я не должна видеть ка в каждом дуновении ветра или пробегающей тени, как это принято у старушек, собирающихся в «Зеленом сердце» летними вечерами. Это старая песня, ее все знают.

Может, будет лучше, если правота окажется на твоей стороне, вернулся голос Пата Дельгадо. Потому что, если это ка, она налетает, как ветер, и шансов у твоих планов устоять перед ней не больше, чем у сарая моего отца выдержать надвигающийся ураган.

Не ка, твердо решила она, ее не собьют с толку темнота, тени, мрачные

силуэты нефтяных вышек. Не *ка*, а всего лишь случайная встреча с милым молодым человеком на пустынной дороге по пути в город.

— Я прикрылась, — сухим, таким непривычным для нее голосом объявила Сюзан. — Если хотите, можете оборачиваться, мистер Диаборн.

Он повернулся, посмотрел на нее. Поначалу молча, но его взгляд оказался красноречивее слов. Сюзан поняла, что и он находит ее красивой. И хотя мысль эта обеспокоила ее, особенно после мелодии, которую он насвистывал, девушка также и обрадовалась. А потом он нарушил затянувшуюся паузу:

— Вы очень хорошо смотрите. Прирожденная наездница.

— И у меня скоро будут свои лошади, — ответила она, подумав: *вот, теперь вопросы обязательно последуют.*

Но он только кивнул, словно уже знал об этом, и зашагал к городу. Чувствуя легкое разочарование, хотя и не понимая его причины, Сюзан повела поводьями и сжала бока Быстрого коленями. Тот тронулся с места, догнав своего хозяина, который ласково потрепал жеребца по морде.

— Как здесь называют это место? — спросил он, указывая на вышки.

— Нефтяное поле? СИТГО. Понятия не имею, почему.

— Некоторые еще качают нефть?

— Да, их не остановить. Никто не знает, как.

— Понятно. — и *ничего* больше. Но он отошел от Быстрого, когда увидел заросшую сорняками дорогу, ведущую к вышкам, посмотреть на старую сторожку охранников. Она помнила, что рядом стоял щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», но его давно сдуло очередным ураганом. Уилл Диаборн постоял у сторожки и легкой походкой вернулся к лошади.

Они вновь двинулись к городу, молодой человек в странной шляпе с широкими полями шагал по дороге, молодая женщина сидела на лошади, прикрыв ноги пончо. Лунный свет падал на них, как на всех молодых мужчин и женщин со времен оных... а подняв голову, Сюзан увидела, как небо прочертил метеор, короткая и яркая оранжевая искорка. Сюзан хотела загадать желание, и внезапно ее охватила паника: она не знала, что себе пожелать. Не знала, и все.

Она молчала, пока расстояние до города не сократилось до мили, а потом задала вопрос, который давно вертелся у нее в голове. Она

намеревалась задать его, ответив на заданный им, и ей никак не хотелось брать инициативу на себя, но в конце концов любопытство взяло верх.

— Откуда вы приехали, мистер Диаборн, и что привело вас в этот забытый богами уголок Срединного мира... надеюсь, вас не раздражают мои вопросы?

— Отнюдь. — Он с улыбкой посмотрел на девушку. — Мне хотелось поговорить с вами, но я не знал, как начать. В разговорах я не силен. — *Тогда в чем же, Уилл Диаборн?* спросила она себя. Да, этот вопрос очень ее интересовал, потому что, устраиваясь поудобнее в седле, она положила руку на свернутое одеяло, притороченное к седлу сзади, и нащупала что-то твердое. Очень похожее на револьвер. Разумеется, она могла и ошибаться, но хорошо помнила, как его руки автоматически метнулись к поясу и бедрам, когда лошадь ткнулась в нее мордой и она вскрикнула от неожиданности.

— Я прибыл из Привходящего мира, о чем вы, наверное, уже догадались. У нас особый выговор.

— Да. А из какого, позвольте спросить, феода?

— Нью-Канаан.

Сюзан разом оживилась. Нью-Канаан! Инициатор создания Альянса! Возможно, это ничего не значило, но...

— Из Гилеада? — В голосе явственно слышался девичий восторг.

— Нет, — хохотнул Уилл. — Ничего похожего. Из Хемпхилла, городка, расположенного на сорок колес к западу. Думаю, он поменьше Хэмбри.

Колес, подумала она наслаждаясь звучанием этого древнего слова. *Он сказал колес*.

— А что тогда привело вас в Хэмбри? Если вы можете говорить об этом.

— Почему нет? Я приехал с двумя друзьями, мистером Ричардом Стокуортом из Пеннилта, городка в Нью-Канаане, и мистером Артуром Хитом, веселым молодым человеком из самого Гилеада. Мы здесь по приказу Альянса, и приехали как счетоводы.

— Счетоводы чего?

— Всех и всего, что может пригодиться Альянсу в ближайшие годы, — добавил он, и легкая ирония покинула его голос. — Ситуация с Благодетелем приобретает очень серьезный оборот.

— Неужели? Новости с дальнего юга или востока до нас доходят с большим опозданием, а то и не доходят вовсе.

Он кивнул.

— Удаленность этого феода — главная причина нашего появления

здесь. Меджис всегда сохранял верность Альянсу и если нам потребуются какие-то здешние ресурсы, они будут посланы. Вопрос лишь в том, на что и в каких объемах может рассчитывать Альянс.

— На что и в каких объемах?

— Да, — согласился он, словно в ее фразе не прозвучало вопросительных интонаций. — На что и в каких объемах.

— Вы так говорите, словно Благодетель — реальная угроза. Разве он не обычный бандит, прикрывающий убийства и грабежи разглагольствованиями о «демократии» и «равенстве»?

Диаборн пожал плечами, и Сюзан уже подумала, что других комментариев не последует, но юноша, пусть и с неохотой, заговорил:

— Когда-то, возможно, так и было. Но времена изменились. В какой-то момент этот бандит стал генералом, а теперь генерал превращается в правителя, который выступает от лица людей. — Он помолчал, потом с грустью добавил: — Северные и западные феодалы в огне, леди.

— Но они отстоят на тысячи миль! — Этот разговор пугал ее, но одновременно и возбуждал своей экзотичностью. По-другому и быть не могло. Ведь в Хэмбри по три дня судачили о чьем-то пересохшем колодце!

— Да. — Его выговор по-прежнему казался странным для ее слуха. — Но ветер дует в этом направлении. — Он повернулся к Сюзан, и его губы разошлись в улыбке. Суровые черты смягчились, он стал похож на мальчика, которого давно ждала постель. — И я не думаю, что сегодня мы увидим Джона Фарсона. Вы со мной согласны?

Она улыбнулась в ответ:

— Если и увидим, мистер Диаборн, вы сумеете защитить меня от него?

— Несомненно, — он все улыбался. — но я защищал бы вас с куда большим рвением, если бы вы позволили называть вас по имени, которое дал вам ваш отец.

— Разрешаю, в интересах собственной безопасности. И полагаю, исходя из тех же интересов, я должна называть тебя Уилл.

— Совершенно справедливо и так изящно высказано. — Теперь он улыбался во весь рот. — Я... — И тут новый приятель Сюзан, который уже не мог оторвать от нее глаз, но продолжал идти, зацепился ногой за булыжник, выпирающий из пыли, и чуть не упал. Быстрый тихонько заржал и подался назад. Сюзан весело рассмеялась. Пончо сдвинулось, обнажив голую ножку, но она выдержала паузу, прежде чем поправить его. Он ей нравился, это точно. И не было в этом ничего дурного. Он всего лишь мальчик, не так ли? Когда он улыбался, она ясно видела, что он

только год или два как перестал прыгать на стогах сена (мысль о том, что и она лишь недавно переросла эту игру, почему-то ее не посетила).

— Обычно я не столь неуклюж, — попытался оправдаться он. — Надеюсь, я тебя не испугал.

Отнюдь, Уилл, мальчишки в моем присутствии сбивают себе пальцы ног с тех пор, как у меня выросла грудь.

— Отнюдь. — Она вернула разговор в прежнее русло. Уж очень заинтересовала ее тема. — Так ты и твои друзья приехали по воле Альянса, чтобы определить, чем мы богаты, так?

— Да. И я уделил столько внимания нефтяному полю только потому, что среди прочего нам поручено сосчитать работающие нефтяные вышки.

— От этой обязанности я могу тебя освободить. Их девятнадцать.

Он кивнул.

— Я у тебя в долгу. Но мы также должны определить... если сможем... сколько нефти выкачивают эти девятнадцать насосов.

— Неужели в Нью-Канаане так много нефтесжигающих машин, что эта величина имеет значение? И у вас еще есть алхимия, позволяющая превратить нефть в продукт, который используется в этих машинах?

— Этот агрегат называется не алхимией, а нефтеперегонной установкой, если я не ошибаюсь, и, по-моему, одна из них все еще работает. Но нет, избытка работающих машин у нас нет, однако в Зале Предков в Гилеаде еще горят лампы накаливания.

— Это же надо! — воскликнула Сюзан. Лампы накаливания и электрическую иллюминацию она видела только на картинках, но не живую. В Хэмбри (в здешних краях они назывались «искрянки», но Сюзан полагала, что это те же лампы накаливания) последние уже два поколения как перегорели.

— Ты упомянула, что твой отец до самой смерти работал главным конюхом. Его звали Патрик Дельгадо? Ведь так?

Она пристально посмотрела на него, вопрос разом вернул ее к настоящему.

— Откуда ты знаешь?

— Его имя прозвучало на инструктаже. Нам поручено сосчитать коров, овец, свиней, быков... и лошадей. Из всей живности наиболее важны лошади. И все вопросы, касающиеся лошадей, нам порекомендовали задавать именно ему. Мне очень жаль, что он ушел в пустошь, пройдя тропу до конца, Сюзан. Ты примешь мои соболезнования?

— Да, и с благодарностью.

— Несчастный случай?

— Да. — Она надеялась, что в голосе ясно звучало ее желание: *давай оставим эту тему, больше не спрашивай.*

— Позволь мне быть с тобой откровенным. — Вот тут Сюзан показалось, что впервые она уловила фальшь в его голосе. А может, разыгралось ее воображение. Она не так много и знала, на что тетя Корд указывала ей чуть ли не ежедневно, но ей представлялось, что те, кто говорит: *Позволь мне быть с тобой откровенным*, могут не моргнув глазом заявить, что дождь падает с земли на небо, деньги растут на деревьях, а детей приносит аист.

— Конечно, Уилл Диаборн, — чуть суше, чем раньше, ответила она. — Некоторые утверждают, что честность — лучшая политика.

Он с сомнением посмотрел на Сюзан, потом улыбнулся. Опасная у него улыбка, подумала Сюзан. Как трясина. Зайти легко, выйти — куда как труднее.

— Идеи объединения в эти дни не очень популярны в тех феодах, которые входят в Альянс. В этом одна из причин того, что с Фарсоном еще не покончили. Потому-то и возросли его устремления. Он прошел долгий путь, и уже не тот грабитель, что орудовал на дорогах Горлана и Десоя. И он пойдет еще дальше, если вера в Альянс не возродится. Может, доберется и до Меджиса.

Она и представить себе не могла, с какой стати Благодетелю может понадобиться ее маленький сонный городок в захолустном феоде, граничащем с Чистым морем, но предпочла промолчать.

— Но дело в том, что нас послал не Альянс, — продолжил Уилл. — И мы проделали столь долгий путь не для того, чтобы считать коров, нефтяные вышки и гектары обрабатываемой земли.

Он помолчал, глядя себе под ноги, словно боялся вновь споткнуться, рассеянно поглаживая длинную морду Быстрого. Она подумала, что он смутился, что ему стыдно.

— Нас послали наши отцы.

— Ваши... — тут она все поняла. Шалопай, вот кто они такие, их отослали с надуманным поручением, по существу, отправили в ссылку. Она догадалась, что настоящая работа у них в Хэмбри одна — восстановить запятнанную репутацию. *Что ж, подумала Сюзан, этим и объясняется его опасная улыбка, не так ли? Остерегайся его, Сюзан. Он из тех, кто сжигает мосты и переворачивает почтовые телеги, чтобы потом продолжать развлекаться как ни в чем не бывало. И толкает его на это не злоба, а мальчишеская беззаботность.*

Тут ей на ум вновь пришла старая песня, которую она пела, а он

насвистывал.

— Да, наши отцы.

Сюзан Дельгадо в свое время тоже откалывала номера (один, два, а может, и две дюжины), так что слова Уилла Диаборна вызвали у нее не только настороженность, но и сочувствие. А также интерес. Плохиши обычно забавны... до определенной степени. Вопрос в том, насколько плохи Уилл и его дружки.

— Набедокурили? — спросила она.

— Набедокурили, — согласился он мрачным голосом, но глаза у него посветлели. — Нас предупреждали. Да, еще как предупреждали. Но... мы слишком много пили.

И лапали девок той рукой, что не держала кружку пива? Этот вопрос не могла задать в лоб ни одна добропорядочная девушка, но он не мог не прийти в голову.

Теперь улыбка, которая затеплилась в уголках рта, исчезла.

— Мы перегнули палку, и веселье закончилось. Только дураки доходят до такого. Как-то ночью мы устроили скачки. *Безлунной* ночью. После полуночи. Все мы крепко выпили. Одна из лошадей угодила копытом в норку суслика и сломала ногу. Ее пришлось пристрелить.

Сюзан передернуло. Не самое плохое, о чем она могла подумать, но все-таки. Но худшее Уилл приберег на потом.

— Лошадь была чистокровной, одной из трех принадлежащих отцу моего друга Ричарда, человека далеко не богатого. Каждому из нас дома закатали жуткий скандал, о котором я не хочу даже вспоминать, не то что говорить. Короче, после долгих разговоров и перебора различных наказаний нас отправили сюда с этим поручением. Идея эта принадлежала отцу Артура. Я думаю, отец Артура всегда был в ужасе от своего сыночка. Естественно, все эти качества Артур унаследовал не по линии Джорджа Хита.

Сюзан не могла не улыбнуться, потому что вспомнила, как тетя Корделия не раз говорила: «Это у нее не от нас, — имея в виду Патрика Дельгадо и себя. А затем после театральной паузы следовало: — Ее тетка по материнской линии сошла с ума... вы этого не знали? Да! Зажгла на себе одежду и металась по Спуску. В год кометы».

— В общем, мистер Хит напутствовал нас словами: «В чистилище есть смысл поразмыслить о содеянном». И вот мы здесь.

— Хэмбри — далеко не чистилище.

Он вновь отвесил Сюзан забавный поклон.

— Если б тут и было чистилище, многие хотели бы вести себя дурно

ради того, чтобы приезжать сюда и знакомиться с местными красавицами.

— Этот комплимент тебе надо бы подшлифовать, — сухо отрезала Сюзан. — Боюсь, он еще грубоват. Может...

Она оборвала фразу на полуслове, потому что ее осенило: ей придется уговорить этого парня действовать с ней заодно. Иначе ее ждут неприятности.

— Сюзан?

— Извини, задумалась. Вас тут еще нет, не так ли, Уилл? Я хочу сказать, официально?

— Нет, — Уилл сразу понял, о чем она. И, вероятно, догадался, что за этим последует. Соображал он быстро. — Мы прибыли в феод во второй половине дня, и ты — первый человек, с кем мы разговаривали... если, конечно, Ричард и Артур не встретили кого-нибудь из местных. Я не мог уснуть, поэтому поехал прогуляться и кое-что обдумать. Мы расположились вон там. — Он указал направо. — На пологом склоне, который сбегает к самому морю.

— Да, это Спуск, так мы его называем. — Она подумала, что Уилл и его друзья, возможно, разбили лагерь на том самом участке земли, который в недалеком будущем отойдет ей. Мысль эта забавляла, возбуждала... и немного пугала.

— Завтра мы приедем в город и засвидетельствуем наше почтение господину мэру, Харту Торину. Если исходить из того, что нам рассказали о нем перед отъездом, ума у него небогато.

— Вам действительно так сказали? — Сюзан изогнула одну бровь.

— Да. Хвастун, большой любитель выпить и очень охоч до молоденьких девушек. Как, по-твоему, все правда?

— Думаю, тебе лучше судить самому, — ответила Сюзан с вымученной улыбкой.

— В любом случае мы должны также посетить достопочтенного Кимбу Раймера, канцлера Торина, а он, насколько мне известно, свое дело знает. И умеет считать деньги.

— Торин пригласит вас на обед в свой дворец. Может, не завтрашним вечером, но уж послезавтра — точно.

— Званный обед в Хэмбри, — улыбнулся Уилл, поглаживая нос Быстрого. — О боги, я весь в нетерпении.

— Прикуси язычок и послушай, если хочешь быть моим другом. Это важно.

Улыбка исчезла, и вновь она увидела не мальчика — мужа: в одно мгновение Уилл перепрыгнул через несколько лет. Закаменевшее лицо,

твердый взгляд, безжалостный рот. Пугающее лицо, однако то местечко, которого коснулась ведьма, полыхнуло огнем, и она не могла оторвать глаз от своего невольного попутчика. А какие у него волосы под этой дурацкой шляпой?

— Говори, Сюзан.

— Если тебя и твоих друзей пригласят за стол мэра, вы, возможно, увидите меня. Если ты увидишь меня, Уилл, пусть это будет наша первая встреча. Ты познакомишься с мисс Дельгадо, а я — с мистером Диаборном. Ты понял, что я хочу сказать?

— До последней буквы. — Он задумчиво смотрел на Сюзан. — Разве ты прислуга? Если твой отец был главным конюхом феода, ты...

— Что я делаю, а чего — нет, значения не имеет. Обещай, что наша встреча в Доме-на-Набережной, если она произойдет, будет первой.

— Обещаю. Но...

— Больше никаких вопросов. Мы уже подходим к тому месту, где должны расстаться, и я хочу тебя кое о чем предупредить... расплатиться за поездку на твоём великолепном скакуне. Если вы будете обедать с Торинем и Раймером, то за его столом кроме вас будут и другие чужестранцы. Скорее всего трое мужчин, которых Торин нанял охранять его и дворец.

— Не помощники шерифа?

— Нет. Они подчиняются только Торину... и, возможно, Раймеру. Зовут их Джонас, Дипейп и Рейнолдс. Мне кажется, парни они крутые... хотя молодость Джонаса осталась в столь далеком прошлом, что он, возможно, и не помнит, а была ли она у него.

— Джонас — главный?

— Да. Он хромает, волосы падают на плечи, как у женщины, голос дрожит, как у старика... но я думаю, он опаснее остальных. Я полагаю, за этой троицей числится многое из того, что ты и твои друзья даже представить себе не можете.

А почему она ему об этом сказала? На этот вопрос Сюзан ответить не могла. Может, из благодарности. Он же пообещал сохранить в секрете их ночную встречу, а по нему чувствовалось, что слово свое он держит.

— Я это учту. Спасибо за предупреждение. — Они поднимались по длинному пологому склону. В небе неистово горела Древняя Матерь. — Телохранители. Телохранители в сонном маленьком Хэмбри. Странные настали времена, Сюзан. Очень странные.

— Да. — Она сама не раз задумывалась насчет Джонаса, Дипейпа и Рейнолдса, но не могла найти причины, обуславливающей их присутствие в городке. Они прибыли по просьбе Раймера, по его решению? Скорее

всего... Торин не из тех, кто мог додуматься о приглашении телохранителей. Главный шериф и его люди вполне устраивали мэра... однако... почему?

Они поднялись на холм. Внизу сбились в кучку дома — город Хэмбри. Горели лишь несколько огней. Самые яркие — в «Приюте путников». Даже сюда теплый ветер доносил мелодию «Эй, Джуд», исполняемую на разбитом пианино, и нестройный хор пьяных голосов. А вот трое мужчин, о которых она предупреждала Уилла Диаборна, наверняка не пели: стояли у стойки бара, наблюдая за остальными холодными глазами. Они не из певцов, эта троица. Каждый с вытатуированным на правой руке маленьким синим гробом, одним торцом «сваливающимся» в выемку между большим и указательным пальцем. Она хотела рассказать об этом Уиллу, но решила, что скоро он все увидит собственными глазами. Вместо этого она указала на темный предмет, висящий на цепи чуть ниже вершины.

— Видишь?

— Да. — Он тяжело вздохнул. — Не его ли мне надобно остерегаться, как никакого другого? Ужели это ужасный почтовый ящик миссис Бич?

— Да. И здесь мы должны расстаться.

— Если ты так говоришь, то расстанемся. Однако мне хотелось бы... — В этот самый момент ветер переменился, как иногда случается летом, и с силой подул с запада. Запах морской соли мгновенно исчез вместе с пьяными голосами. А заменил их звук несравненно более мрачный, от которого по спине Сюзан всегда бежали мурашки. Низкий, атональный, вой сирены, включенной человеком, которому больше не хочется жить.

Уилл отступил на шаг, глаза его широко раскрылись, вновь она заметила, как руки метнулись к поясу, словно хотели что-то схватить.

— Во имя богов, что это?

— Это червоточина, — тихо ответила она. — Из каньона Молнии. Никогда о них не слышал?

— О них слышал, саму — никогда. Господи, да как это можно выносить? Она словно *живая*?

Таких мыслей у Сюзан раньше не возникало, но теперь она подумала, что Уилл, похоже, прав. Словно некий занемогший фрагмент ночи обрел голос и пытается петь.

По телу Сюзан пробежала дрожь. Быстрый почувствовал усилившееся давление ее колен и тихонько заржал, выгнув шею, чтобы посмотреть на нее.

— В это время года мы не часто слышим ее так отчетливо. Осенью

люди сжигают ее, чтобы она угомонилась.

— Я не понимаю.

А кто понимал? Кто что понимал? О боги, да они даже не могли отключить те несколько насосов в СИТГО, что еще качали нефть, хотя половина из них визжали, как свиньи на бойне. В эти дни любой работающий механизм считался за благо.

— Летом, когда есть время, конюхи и ковбои свозят обрубленные сучья в каньон Молнии. Как высохшие, так и еще зеленые. Последние даже лучше, потому что нужен дым, по возможности густой. Каньон Молнии очень короткий, с отвесными стенами. Похож на трубу, лежащую на боку, понимаешь?

— Да.

— По традиции сучья жгут в утро Жатвы — на следующий день после Ярмарки, пира и праздничного костра.

— В первый день зимы.

— Да, хотя в этих местах до зимы еще далеко. Случается, что от традиции отходят, если ветры очень уж разгуливаются или этот звук становится чересчур сильным. Он воздействует на домашний скот: коровы перестают доиться, никто не может уснуть.

— Наверное, иначе и быть не может. — Уилл все смотрел на север, и сильный порыв ветра сдул с него шляпу. Она свалилась ему на спину, открыв чуть длинноватые, черные как вороново крыло волосы, кожаная лямка обтянула шею. У Сюзан возникло безотчетное желание пробежаться рукой по этим волосам. Какие они на ощупь — жесткие, мягкие, шелковистые? Какой от них идет запах? Вновь пупочка под животом полыхнула жаром. Он повернулся к Сюзан, словно читая ее мысли, и та густо покраснела. К счастью, ночь позаботилась о том, чтобы он этого не заметил.

— И давно она здесь?

— Появилась до того, как я родилась, но уже при жизни моего отца. Он говорил, что ее появлению предшествовало землетрясение. Некоторые говорят, что землетрясение вынесло ее на поверхность, другие заявляют, что это предрассудки. Я помню ее с самого детства. От дыма она затихает, как затихает улей или осиное гнездо, но потом звук вновь усиливается. Сучья, сваленные в устье каньона, не пускают туда скотину... иногда их так и тянет туда. Никто не знает почему. Но если корова или овца попадает в каньон, после того как старый хворост сожжен, а нового еще не набралось, она никогда не возвращается. Видать, червоточина сжирает ее.

Сюзан откинула пончо, перебрала правую ногу через седло, не задев

его, и ловко соскользнула с Быстрого. Все в едином движении. Трюк этот надлежало проделывать в штанах, а не в платье: по еще больше округлившимся глазам Уилла она поняла, что увидел он более чем достаточно... но желания отмыться от его взгляда у нее не возникло, так почему бы и нет? Что же касается самого трюка, она частенько его проделывала, если хотела преподнести себя в лучшем виде.

— Красота! — воскликнул Уилл.

— Я научилась этому от моего отца. — Она предпочла наиболее невинную трактовку комплимента. Однако улыбка, с которой она протянула Уиллу поводья, ясно указывала на то, что другое толкование не вызовет у нее возражений.

— Сюзан? Ты когда-нибудь видела червоточину?

— Да, раз или два. Сверху.

— И как она выглядит?

— Мерзко, — без запинки ответила девушка. До этой ночи, когда ей пришлось лицезреть улыбку Риа, почувствовать на себе ее гадкие пальцы, Сюзан думала, что ничего более отвратительного быть не может. — Она похожа на медленно горящий торфяник и в то же время на болото с вонючей зеленой водой. Над ней всегда стоит туман. Иногда похожий на длинные, костлявые руки. С пальцами на концах.

— Она растет?

— Да, так говорят. Все червоточины растут, но эта растет медленно. При нас ей не вылезти из каньона Молнии.

Она подняла голову, увидела, что за время их разговора созвездия проделали по небосводу немалый путь. Она чувствовала, что может проговорить с ним всю ночь, о червоточине, о СИТГО, о тетушке, о чем угодно, и мысль эта повергла ее в смятение. О Боги, почему это случилось с ней именно сегодня? Три года она отвергала ухаживания местных парней, так почему именно в эту ночь она встретила юношу, который так заинтересовал ее? Почему жизнь так несправедлива?

И более ранняя мысль, произнесенная голосом отца, вернулась к ней: *Если это ка, она налетает как ветер, и твои планы не устоят перед ней, как не устоит сарай перед циклоном.*

Но нет. Нет и нет. Она приняла решение, обдуманно, не с бухты-барахты. И не отступится от него. Это не сарай — это ее *жизнь!*

Сюзан протянула руку, коснулась ржавой жести почтового ящика миссис Бич, словно боялась потерять равновесие. Ее надежды и мечты, наверное, ничего не значили, но отец учил ее мерить себя по способности держать данное слово, и она не желала забывать его советы только потому,

что встретила симпатичного юношу в тот самый момент, когда ее тело и чувства пребывали в смятении.

— Я оставлю тебя здесь. Ты можешь вернуться к друзьям или продолжить путь. — Суровость собственного голоса опечалила Сюзан, но то была суровость взрослой женщины. — И помни о своем обещании, Уилл: если ты увидишь меня в Доме-на-Набережной и если ты мне друг, это будет наша первая встреча. Как будто я впервые вижу тебя.

Он кивнул, и Сюзан заметила, что ее серьезность теперь отражалась и на его лице. А также печаль.

— Я никогда не приглашал девушку на конную прогулку, и ни одна девушка не приглашала меня в гости. Но я бы пригласил тебя. Сюзан, дочь Патрика... Если я принесу тебе цветы, чтобы увеличить свои шансы... думаю, ничего хорошего из этого не выйдет.

Она покачала головой.

— Нет. Не выйдет.

— Ты обещала кому-то, что выйдешь за него? Понимаю, вопрос бестактный, но я не желаю тебе ничего дурного.

— Знаю, что не желаю, но предпочла бы не отвечать на твой вопрос. Как я тебе и говорила, положение у меня сейчас очень деликатное. Кроме того, уже поздно. Здесь мы расстанемся, Уилл. Но подожди.... один момент...

Она сунула руку в карман фартука и достала половину булочки, завернутую в зеленый лист. Вторую половину она съела по пути на Коос... в другой, как ей теперь казалось, половине ее жизни. Оставшуюся она протянула Быстрому, который понюхал булочку, а съев, ткнулся мордой в ладонь Сюзан. Она улыбнулась:

— Хороший ты у нас конь, очень хороший.

Посмотрела на Уилла Диаборна, который стоял на дороге, переминаясь с ноги на ногу, печально взирая на нее. Лицо его вновь стало совсем молодым.

— Хорошо, что мы встретились, не так ли? — спросил он.

Она шагнула к нему и, прежде чем успела подумать о том, что делает, положила руки ему на плечи, поднялась на цыпочки и поцеловала в губы. Коротким, но не сестринским поцелуем.

— Да, я рада, что мы встретились.

А когда он потянулся к ней, как цветок тянется к солнцу, чтобы продолжить начатое, Сюзан мягко, но решительно отстранилась.

— Нет, это всего лишь благодарность; джентльмен должен понимать, что на этом надо остановиться. Шагай с миром своим путем, Уилл.

Он взялся за поводья, словно во сне, какие-то мгновения смотрел на них, не понимая, что это такое, затем перевел взгляд на нее. Она видела, как он пытается взять себя в руки, обуздать взрыв эмоций, которые вызвал в нем этот короткий поцелуй. Этим он ей понравился еще больше. И она похвалила себя за то, что поцеловала его.

— А ты — своим. — Он запрыгнул в седло. — С нетерпением жду нашей первой встречи.

Он улыбнулся Сюзан, и она увидела в его улыбке огонь желания. Затем развернул Быстрого и поскакал в том направлении, откуда они пришли... возможно, вновь хотел взглянуть на нефтяное поле. Сюзан осталась у почтового ящика миссис Бич, надеясь, что он обернется и помашет ей рукой и она сможет еще раз увидеть его лицо. Она не сомневалась, что он обернется... а он все не оборачивался. А когда она уже собралась спускаться с холма, все-таки обернулся, и его вскинутая рука запорхала в темноте, как мотылек.

Сюзан в ответ подняла руку и двинулась вниз, счастливая и несчастная одновременно. Однако — и возможно, ничего важнее на тот момент для нее не было — она больше не чувствовала себя вывалянной в грязи. Когда она коснулась губ юноши, ее кожа очистилась от прикосновений Риа. Как по мановению волшебной палочки, чему она могла только порадоваться.

Шла она улыбаясь, и гораздо чаще, чем обычно, если ей доводилось выходить из дома ночью, поглядывая на звезды.

Глава четвертая

ЛУНА ДАВНО ЗАШЛА

1

Два часа он мотался вдоль пологого склона, который она назвала Спуском, ограничиваясь рысью, не переводя могучего коня в галоп, хотя очень хотелось мчаться под звездами. Наконец его кровь начала остывать.

Она сразу остынет, если ты начнешь думать о собственной персоне, сказал он себе, да и напрасно ты так разгорячился. Только дураки абсолютно уверены в том, что все будет так, как им того хочется. Древняя поговорка вызвала воспоминания о покрытом шрамами кривоногом мужчине, учившем его жизни, и юноша улыбнулся.

В конце концов он свернул с дороги и направился вдоль ручья, против течения. Проехал полторы мили (миновав несколько табунов лошадей, которые с интересом посмотрели на Быстрого), держа курс на ивовую рощу. Оттуда донеслось тихое ржание. Быстрый тут же ответил на него, стукнув копытом о землю и замотав головой.

Его всадник наклонил голову, чтобы не задеть ветви, и внезапно увидел перед собой узкое, белое, нечеловеческое лицо, верхнюю часть которого, за исключением черных, лишенных зрачков глаз, поглотила тьма.

Руки всадника метнулись к револьверам, третий раз за ночь, и в третий раз ухватили пустоту. Впрочем, он уже понял, что оружие ему не понадобится: перед ним на тонкой веревке висел этот идиотский грачиный череп.

Молодой человек, в настоящее время называющий себя Артур Хит, снял его с седла (ему нравилось называть череп «наш дозорный», «пусть он уродлив, как старая карга, зато есть не просит») и повесил на дереве, чтобы поприветствовать дорогого друга. Ох уж этот «Артур» и его шутки! Всадник Быстрого оттолкнул череп в сторону с такой силой, что веревка разорвалась, а череп улетел в темноту.

— Фи, Роланд, — донесся мужской голос. В нем слышался упрек, из-за которого так и рвался смех... как, собственно, и всегда. С Катбертом они дружили с раннего детства, следы их первых зубов остались на одних и тех же игрушках, но Роланд иной раз совершенно не понимал своего друга. И не только его шутки. Однажды, довольно-таки давно, в тот день, когда

собирались повесить дворцового повара, оказавшегося предателем, Катберт не находил себе места от ужаса и угрызений совести. Он сказал Роланду, что не останется, не сможет смотреть на казнь... в результате и остался, и смотрел. Потому что ни глупые шутки, ни выставляемые напоказ чувства не показывали миру истинного Катберта Олгуда.

Когда Роланд выехал на поляну посреди рощи, темная тень отделилась от дерева. А выйдя на середину поляны, превратилась в высокого узкобедрого юношу, босоногого, с голой грудью, одетого лишь в джинсы. В одной руке он держал огромный старинный револьвер, такие еще называли «пивная бочка» из-за размеров барабана.

— Фи, — повторил Катберт, словно ему нравился звук, соответствующий этому слову, не позабытому разве что в таких медвежьих углах, как Меджис. — Негоже так обходиться с часовым, ударить беднягу по лицу, да еще с такой силой, что он чуть-чуть не долетел до моря!

— Если б у меня был револьвер, я бы разнес его на куски и перебудил всю округу.

— Я знал, что ты не будешь разъезжать с оружием в руках, — ответил Катберт. — Ты ужасный хулиган, Роланд, сын Стивена, но далеко не дурак, хотя еще и не перешагнул через старикивские пятнадцать лет.

— Я думал, мы решили пользоваться только новыми именами. Даже в своем кругу.

Катберт выставил вперед одну ногу, уперся голой пяткой в дерн, поклонился, широко раскинув руки, вывернув их в запястьях так, что кончики пальцев смотрели в землю, имитируя многоопытного придворного, для которого поклон — неременный атрибут бытия. Он также напомнил Роланду стоящую на болоте цаплю, и у него вырвался короткий смешок. Потом Роланд коснулся левой ладонью лба, словно хотел убедиться, что у него температура. В голове у него все пылало, это точно, но кожа повыше глаз оставалась совершенно холодной.

— Приношу свои извинения, стрелок. — Катберт не поднимал глаз, застыв в поклоне.

Улыбка сползла с лица Роланда.

— Не называй меня так, Катберт. Пожалуйста. Ни сейчас, ни потом. Если я тебе дорог.

Катберт тут же выпрямился, подошел к сидящему на коне Роланду. Выражение его лица ясно говорило о том, что он чувствует себя виноватым.

— Роланд... Уилл... извини.

Роланд хлопнул его по плечу.

— Ерунда. Главное, помни о нашем уговоре. Меджис, возможно, на

краю мира... но это все еще наш мир. А где Ален?

— В смысле, Дик? А где ему, по-твоему, быть? — Катберт указал на темный силуэт на дальнем конце поляны, то ли храпящий, то ли медленно задыхающийся.

— Вот он. Проспит и землетрясение. — Но ты услышал меня и проснулся.

— Да. — Катберт так пристально вглядывался в лицо Роланда, что тому стало не по себе. — С тобой что-то случилось? Ты изменился.

— Неужели?

— Да. Какой-то возбужденный. Взъерошенный.

Если уж рассказывать Катберту о Сюзан, то сейчас самое время, подумал Роланд. Но решил, спонтанно, не раздумывая (именно так принималось большинство его решений, и уж точно все самые лучшие), не говорить ни слова. Если он встретит Сюзан в доме мэра, пусть Катберт и Ален думают, что это их первая встреча. Хуже от этого никому не будет.

— Я отлично прогулялся, увидел много интересного. — Он спрыгнул на землю, начал снимать седло.

— Неужели? Так говори, открой сердце своему ближайшему другу.

— Подождем до утра, пока проснется этот медведь. Тогда мне не придется повторять все дважды. Кроме того, я устал. Одно, правда, я тебе скажу: здесь слишком много лошадей, даже для феода, славящегося их разведением. Слишком много.

И прежде чем Катберт задал следующий вопрос, Роланд снял седло со спины Быстрого и положил его рядом с тремя маленькими проволочными клетками, связанными ремнем. Внутри сидели три почтовых голубя с белыми кольцами на шее. Один поднял голову, сонно посмотрел на Роланда, а затем вновь сунул ее под крыло.

— Они в порядке? — спросил Роланд.

— В полном. Жрут и гадят в свое удовольствие. У них сейчас не жизнь, а лафа. Но что ты...

— Завтра, — оборвал его Роланд, и Катберт, уяснив, что решение окончательно, отправился на поиски костлявого дозорного.

Двадцать минут спустя Быстрый, освобожденный от ноши и стреноженный, щипал травку вместе с Оленьей Шкурой и Банным Листом (Катберт даже лошадь не мог назвать по-человечески), а Роланд лежал на спальнике и смотрел на звезды. Катберт заснул так же быстро, как и проснулся от шагов Быстрого, но Роланду спать совершенно не хотелось.

Его мысли вернулись в недалекое прошлое: прошел всего лишь месяц с того утра, когда его отец сидел на кровати проститутки, в комнате

проститутки, и смотрел, как он одевается. Слова, произнесенные отцом (*Я знаю об этом два года*), набатом отдавались в голове Роланда. Он чувствовал, что они останутся с ним на всю жизнь.

Но его отец сказал ему и многое другое. О Мартене. О матери Роланда, которая, возможно, согрешила помимо своей воли. О грабителях, которые называли себя патриотами. И о Джоне Фарсоне, который действительно побывал в Крессии и отбыл неизвестно куда... исчез, как он умел это делать, растаял, как дым на ветру. А перед тем как уйти, он и его люди дотла сожгли Индри, столицу феода. Убитые исчислялись сотнями, поэтому не стоило удивляться, что после этого Крессия вышла из Альянса и переметнулась на сторону Благодетеля. Головы губернатора феода, мэра Индри и главного шерифа в тот летний день расстались с телами и переместились на стену над городскими воротами. Как указал Стивен Дискейн: «Это очень убедительные аргументы».

Это в игре в «Замки» обе армии выходили из-за своих Укрытий, чтобы сойтись в решительной битве, отметил отец Роланда, а тут, как случилось со многими революциями, игра могла окончиться до того, как многие в феодах Срединного мира начали бы осознавать, что Джон Фарсон — серьезная угроза. Или, если ты относился к тем, кто искренне верил в его видение демократии и стремление положить конец «классовому рабству и древним сказочкам», — вестник существенных перемен.

К изумлению Роланда, отец и его *ка-тет* стрелков не воспринимали Фарсона ни так и ни эдак. На него смотрели как на мелкую сошку. Если уж на то пошло, и сам Альянс стрелки воспринимали как мелкую сошку.

Я собираюсь отослать тебя отсюда, твердо заявил Стивен, усаживаясь на кровать и пристально глядя на своего единственного сына. *Безопасных мест в Срединном мире не осталось, но феодал Меджис у Чистого моря, пожалуй, безопасней всех... поэтому ты поедешь туда с двумя друзьями. Я полагаю, одним будет Ален. И заклинаю тебя, не бери с собой этого насмешника. Лучше уж лающего пса.*

Роланд, который в любой другой день с радостью бы ухватился за возможность повидать мир, горячо запротестовал. Если наступал час решительных боев с Благодетелем, он хотел принять в них участие на стороне отца. В конце концов, он уже стрелок, пусть только и подмастерье, и...

Его отец покачал головой, медленно, но решительно. *Нет, Роланд. Ты не понимаешь. Но со временем поймешь. Очень надеюсь, что поймешь.*

Потом они вдвоем шагали по крепостной стене, окружающей последний город Срединного мира, зеленый и процветающий Гилеад,

купающийся в лучах утреннего солнца, с развевающимися флагами, с торговцами, снующими по улицам Старого квартала, и лошадьми, гарцующими на дорожках, сходящихся ко дворцу. Его отец многое рассказал ему (но не все), он сам многое понял (опять же далеко не все — всего не понимал и отец). Темная Башня не упоминалась ни одним, но мысль эта уже засела в голове Роланда, как грозное облако, появившееся на горизонте.

Неужели все дело в Башне? Не в бандите, который решил покорить Срединный мир, не в колдуне, зачаровавшем его мать, не в хрустальном шаре, который Стивен со товарищи надеялись найти в Крессии... но в Темной Башне?

Он не спрашивал.

Он *не решался* спросить.

Роланд повернулся на бок, закрыл глаза и тут же увидел лицо девушки, почувствовал ее губы, прижавшиеся к его, ощутил аромат ее кожи. Верхнюю часть тела, от головы до копчика, бросило в жар, нижнюю, от копчика до пальцев ног, — в холод. Потом он вспомнил, как сверкнули в темноте ее ноги, когда она соскальзывала с Быстрого (заметил он и ее панталоны под вскинувшимся платьем), и холодная и горячая половины поменялись местами.

Шлюха лишила его девственности, но не поцеловала. Отворачивалась, когда он пытался поцеловать ее. Она предоставила в его распоряжение все тело, но не губы. Тогда его это разочаровало, теперь — радовало.

Его мысленный юношеский взор, мятущийся, но ясный, сосредоточился на девичьей косе, достающей до талии, ямочках в уголках рта при улыбке, милом провинциальном выговоре. Он думал о том, как ее руки легли ему на плечи, когда она приподнималась на цыпочки, чтобы поцеловать его, о том, что он готов отдать все на свете, лишь бы вновь насладиться их прикосновением, легким, но решительным.

Будь осторожен, Роланд... не давай своим чувствам взять верх. И потом, она несвободна... она сама сказала об этом. Она не замужем, но связана какими-то обязательствами.

Роланду предстояло пройти еще долгий путь, чтобы стать тем безжалостным созданием, каким он в конце концов стал, но семена той безжалостности уже проросли в нем... маленькие, хрупкие, которым требовалось время, чтобы превратиться в деревья с мощными корнями... и горькими плодами. И вот тут одно из них раскрылось и пустило первый побег.

Данное кому-либо слово можно взять обратно, любую договоренность

можно отменить. Ничего невозможного нет... а я ее хочу.

Да. Вот это он знал наверняка, точно так же, как знал лицо своего отца, он ее хотел. Не так, как хотел шлюху, когда она, раздвинув ноги, голая лежала на кровати и смотрела на него из-под полуприкрытых век, но так, как голодный хочет есть, а жаждущий — пить. Точно так же, решил Роланд, он хотел протащить по Главной дороге Гилеада привязанное к лошади тело Мартена, в наказание за содеянное колдуном с его матерью.

Он ее хотел, он хотел Сюзан.

Роланд повернулся на другой бок, вновь закрыл глаза и заснул. Спал беспокойно, видел сны, которые видят только юноши, сны, в которых причудливо переплетаются сексуальные утехы и романтическая любовь. В этих снах Сюзан Дельгадо вновь и вновь клала руки ему на плечи, вновь и вновь целовала его, вновь и вновь призывала встретиться с ней в первый раз, побыть с ней в первый раз, узнать ее в первый раз, узнать, как никто другой...

2

А в пяти милях от того места, где Роланд видел свои сны, Сюзан Дельгадо лежала в кровати и через окно наблюдала, как Старая Звезда начала бледнеть с приближением зари. Сон не шел, а между ног пульсировала та пупочка, к которой прикоснулась старуха. Пульсация эта мешала сосредоточиться, но уже не вызывала отрицательных эмоций, поскольку ассоциировалась с юношей, которого Сюзан встретила на дороге и импульсивно поцеловала. Всякий раз, когда она шевелила ногами, пупочка вспыхивала язычком пламени.

Когда она вернулась домой, тетя Корд (обычно она ложилась часом раньше) сидела в кресле-качалке у камина, холодного и вычищенного от золы: кто пользуется камином летом? На коленях у нее лежали кружева, которые она плела с фантастической скоростью. Она даже не подняла голову, когда открылась дверь и в гостиную вошла племянница.

— Я ждала тебя часом раньше. — Тетя Корд и не думала отрываться от своего занятия. А потом добавила, хотя по голосу этого и не чувствовалось: — Я волновалась.

— Да? — только и ответила Сюзан. Она подумала, что в любую другую ночь начала бы сбивчиво оправдываться (оправдания эти и для нее самой звучали лживо), такой страх вселяла в нее тетя Корд, но эта ночь выбивалась из ряда. Никогда в жизни не было у нее такой ночи. И она

никак не могла выкинуть из головы Уилла Диаборна.

Тетя Корд наконец-то подняла голову, ее глазки-бусинки, близко посаженные к длинному узкому носу, повернулись к Сюзан. И тут выяснилось, что далеко не все изменилось с тех пор, как она отправилась на Коос. Сюзан по-прежнему чувствовала взгляд тетушки, пробегающий по лицу и телу, словно сороконожка с остренькими коготками.

— Что тебя задержало? — спросила тетя Корд. — Возникли осложнения?

— Никаких осложнений, — ответила Сюзан и на мгновение вспомнила, как ведьма стояла рядом с ней на крыльце, поглаживая ее косу. Она хотела уйти и спросила Риа, закончены ли их дела.

Ну... пожалуй... осталась разве что самая малость, ответила старуха... или что-то в этом роде. Но что это за малость? Сюзан ничего не могла вспомнить. И какое это имело значение? О Риа она может забыть до тех пор, пока у нее не начнет расти живот... а если она могла лечь в постель Торина только после ярмарки Жатвы... значит, на холм Коос ей идти только зимой. Впереди у нее целая вечность! Которая продлится еще дольше, если забеременеет она не сразу...

— Домой я шла медленно, тетя. Ничего больше.

— А почему у тебя такое странное лицо? — спросила тетя Корд, брови ее сошлись к вертикальной морщине, прорезающей лоб.

— Странное? — Сюзан сняла фартук, завязала тесемки, повесила его на крючок за дверь на кухню.

— Что-то ты очень разругалась. И глаза так и играют.

Сюзан чуть не рассмеялась. Тетя Корд знала о мужчинах не больше, чем она — о звездах и планетах, однако тут попала в точку. В ней все играло, не только глаза.

— Наверное, от ночного воздуха. И я видела метеор, тетя. И слышала червоточину. Ночью звук особенно сильный.

— Да? — безо всякого интереса спросила тетя Корд, затем вернулась к более важному. — Было больно?

— Чуть-чуть.

— Ты плакала?

Сюзан покачала головой.

— Хорошо. Лучше не плакать. Всегда лучше. Я слышала, ее хлебом не корми, только дай посмотреть на их слезы. А теперь, Сью... она тебе что-то дала? Старая ведьма что-то тебе дала?

— Да. — Она сунула руку в карман и достала листок бумаги со словом

написанным детским почерком Риа и с изображением вил. Протянула его, и тетка жадно схватила листок. Последний месяц или около того Корделия во всем потакала племяннице, но теперь, добившись желаемого (Сюзан зашла слишком далеко и пообещала слишком многое, чтобы дать задний ход), вновь превратилась в склочную, злобную, подозрительную женщину, какой Сюзан знала ее всю жизнь. Ту самую, что едва ли не каждую неделю выводила из себя своего флегматичного, добродушного брата. Пожалуй, обратная перемена только радовала Сюзан. Тетя Корд, изо дня в день изображающая Сибиллу-Добродетельницу, сводила ее с ума.

— Да, да, это ее знак. — Тетушка провела пальцами по вилам. — Некоторые говорят, дьявольская отметина, но что нам до этого, не так ли, Сью? Отвратительная, ужасная личность, но с ее помощью две женщины смогут чуть дольше просуществовать в этом мире. И тебе придется увидеться с ней еще только раз, наверное, под зиму, когда у тебя округлится живот.

— Позже. — ответила ей Сюзан. — Я могу лечь с ним, когда взойдет Демоническая Луна. После ярмарки Жатвы и праздничного костра.

У тети Корд округлились глаза, рот приоткрылся.

— Она так сказала?

Уж не считаешь ли ты меня лгуньей, тетя? — подумала Сюзан с несвойственной ей резкостью. Характером она скорее пошла в отца.

— Да.

— Но почему? Почему так долго?

Тетя Корд, безусловно, расстроилась, на ее лице отразилось разочарование. Пока эта затея принесла восемь серебряных и четыре золотые монеты, благополучно запрятанные туда, где тетя Корд хранила свои денежки (а Сюзан подозревала, что их там предостаточно, хотя Корделия и обожала при каждом удобном случае жаловаться на нищету). Удвоенная сумма причиталась ей в то самое утро, когда запачканная кровью простыня отправится в прачечную Дома-на-Набережной. Столько же обещали заплатить в тот день, когда Риа подтвердит, что ребенок в чреве Сюзан нормальный и развивается как положено. Большие деньги. Очень большие, для такого маленького городка и таких маленьких людей, как они. А теперь оплата откладывается на столь длительный срок...

Вот тут и настал тот миг, о котором Сюзан не раз молила богов (хотя без особого усердия) перед сном: ей нравилось, когда тетя Корд выглядела

так, будто ее жестоко обманули, обвели вокруг пальца. Все лучше маски лицемерного смирения, в которой тетушка появлялась на людях.

— *Почему так долго?* — повторила она.

— Полагаю, тебе надо сходить на Коос и спросить ее.

Губы Корделии Дельгадо, всегда тонкие, сжались с такой силой, что практически исчезли.

— Ты мне грубишь, мисси? Ты мне грубишь?

— Вовсе нет. Я слишком устала, чтобы грубить. Я хочу помыться... все еще ощущаю на себе ее руки... и лечь спать.

— Так иди. Может, утром мы это обсудим в более спокойной обстановке. И мы, разумеется, должны поставить в известность Харта. — Она сложила листок, который Риа дала Сюзан, улыбнулась при мысли о предстоящем визите к Харту Торину, рука ее двинулась к карману.

— Нет. — Голос Сюзан прозвучал как удар хлыста: рука тетушки замерла в воздухе. Корделия изумленно воззрилась на племянницу. Сюзан смутилась, но не отвела глаз, а ее протянутая рука не дрожала.

— Этот листок должен храниться у меня, тетя.

— И кто так решил? — Голос тети Корд звенел от ярости, напомнив Сюзан о том звуке, что шел от червоточины. — Кто научил тебя сказать такое женщине, воспитавшей девочку, оставшуюся без матери? Сестре бедного отца этой девочки?

— Ты знаешь, кто. — Руку она не опускала. — Я должна держать этот листок при себе, и я должна отдать его мэру Торину. Она сказала, что ей без разницы, что случится потом. Он может даже им подтереться (румянец, выступивший на лице тетушки, доставил Сюзан немалое удовольствие), но пока листок должен храниться у меня.

— Я никогда не слышала ничего подобного. — пробурчала тетя Корделия, но вернула грязный листок. — Чтобы столь важный документ хранился у такой молоденькой девушки? Не понимаю.

Однако я достаточно взрослая, чтобы стать наложницей мэра, не так ли? Лежать под ним, слушать, как хрустят его кости, принять в себя его семя и, возможно, выносить его ребенка.

Теперь она смотрела на карман, в который засовывала листок, не хотела, чтобы тетя Корд увидела переполняющее ее взгляд возмущение.

— Иди к себе — Тетя Корд сбросила кружева с колен в корзинку. — А когда будешь умываться, удели особое внимание рту. Очисти его от дерзости и неуважения по отношению к тем, кто положил столько сил ради его хозяйки.

Сюзан молча повернулась, с трудом удержавшись от резкого ответа,

благо вариантов хватало и направилась к лестнице. Когда она поднималась по ступенькам, в ней, как это часто случалось, боролись обида и стыд.

И вот теперь она лежала в постели и не спала, хотя уже начали меркнуть звезды и на горизонте просветлело небо. События ночи пролетали перед ее мысленным взором, она словно тасовала карточную колоду, открывая разные карты. Но одна появлялась гораздо чаще остальных: с лицом Уилла Диаборна. Она думала, каким суровым это лицо может быть в один момент и каким мягким уже в следующий. И как красиво это лицо. Да, очень красиво. Во всяком случае, на ее вкус.

Я никогда не приглашал девушку на конную прогулку, и ни одна девушка не приглашала меня в гости. Но я бы пригласил тебя, Сюзан, дочь Патрика...

Почему сейчас? Почему я встретила его именно сейчас, когда ничего путного из этого не выйдет?

Если это ка, она налетает как ветер. Как ураган.

Она ворочалась с боку на бок, наконец перекатилась на спину. В эту ночь ей уже не уснуть, продумала Сюзан. Может, встать и пойти на Спуск, полюбоваться восходом солнца?

Однако она осталась в постели, испытывая какое-то недомогание и абсолютно здоровая одновременно, глядя на тени, вслушиваясь в пение первых утренних птах, думая о его губах, слившихся с ее, зубах, скрытых этими губами, запахе кожи, грубой материи рубашки под ее ладонями.

Теперь она положила эти ладони на груди. Соски уже затвердели, превратившись в маленькие камешки. А когда она провела по ним пальцами, у нее между ног полыхнуло огнем.

Я усну, подумала Сюзан. *Усну, если справлюсь с этим огнем. Знать бы как...*

Но ведь она знала. Старуха показала ей. *Даже целке нет нужды лишать себя удовольствия, если она знает, как это делается... Маленький шелковый бутончик.*

Сюзан сунула руку под простыню. Вышвырнула из сознания яркие глаза и провалившиеся щеки старухи (поняла, что невелик труд, если настроишься) и заменила их лицом юноши, который ехал на большом мерине в глупой плоской шляпе с широкими полями. На мгновение видение это стало таким ясным и таким сладким, что вся остальная ее жизнь показалась черно-белым сном. Он целовал ее жарче и жарче, губы их расходились все шире, языки соприкасались, когда он выдыхал, она ловила его дыхание.

Она вспыхнула. Вспыхнула в постели, словно факел. А когда солнце

наконец-то поднялось над горизонтом, по прошествии короткого времени, Сюзан крепко спала. С улыбкой на устах. А ее волосы золотой бахромой разметало по подушке.

В последний предрассветный час в общем зале «Приюта путников» царили тишина и покой. Газовые рожки, которые превращали люстру в сверкающий бриллиант, в два ночи или чуть позже переводили на минимальный режим, и они едва горели синим пламенем, погружая в тень сильно вытянутый в длину, с высоким потолком салун.

В одном углу лежали остатки двух стульев — результат короткой, но отчаянной схватки двух почитателей игры «Следи за мной». Сами драчуны уже отдыхали в тюремных камерах, находящихся в ведении Главного шерифа. В другом подсыхала достаточно большая лужа блевотины. На возвышении в восточном торце стояло издававшее виды пианино. На скамье лежала дубинка из железного дерева, принадлежащая Крикуну, местному вышибале, большому любителю помахать кулаками. Сам Крикун, с голой волосатой грудью, в холщовых штанах храпел под скамьей. В одной руке он сжимал игральную карту: двойку бубен.

Западный торец занимали карточные столы. За одним, уткнувшись в зеленое сукно, спали двое пьяниц, соприкасаясь вытянутыми руками. Над ними на стене висела картина, изображающая Артура, великого короля Эльда, верхом на белом жеребце. Подпись (странная смесь низкого наречия и Высокого Слога) гласила: В ИГРЕ КАРТАМИ ЖИЗНИ ОБХОДИСЬ ТЕМИ, ЧТО У ТЕБЯ НА РУКАХ.

Стену за стойкой бара, что тянулась вдоль салуна, украшал чудовищный охотничий трофей с переплетением рогов и четырьмя сверкающими глазами. Местные завсегдатаи «Приюта» называли его Сорви-Голова. Никто не мог сказать, почему. Какой-то остряк натянул на пару роговых отростков презервативы. На стойке, аккуратно под Сорви-Головой, лежала Красотуля, одна из танцовщиц и проституток «Приюта». Юные годы Красотули остались в далеком прошлом, и со дня на день она могла потерять место работы: вместо того чтобы ублажать мужчин в комнатках наверху, ей предстояло проделывать то же самое снаружи, в темном проулке за «Приютом». Она развалила свои пухлые ляжки, одна нога свешивалась по одну сторону стойки, другая — по вторую. Между ними стойку вытирала ее грязная юбка. Красотуля сладко посапывала,

изредка у нее подергивались ноги и толстые пальцы рук. Если не считать храпа, сопения и посвиста горячего летнего ветра, в салуне слышался только один негромкий звук — шелест переворачиваемых карт.

У дверей, выводящих на Главную улицу Хэмбри, стоял отдельный маленький столик. Именно за ним сидела Корал Торин, хозяйка «Приюта путников» (и сестра мэра), когда покидала свой люкс, чтобы «погулять в компании». Если она и спускалась в салун, то рано, когда заказывали больше стейков, чем виски... и возвращалась к себе, когда Шеб, пианист, начинал наяривать на своем расстроенном инструменте. Мэр никогда не появлялся в салуне, хотя все знали, что ему принадлежит не менее половины капитала «Приюта». Клану Торинов нравились деньги, которые приносило это заведение. Чего они не любили, так это лицезреть его после полуночи, когда насыпанные на пол опилки начинали намокать от разлитого пива и разбрызганной крови. В Корал, однако, еще сохранялась та жилка, за которую двадцать лет назад ее прозвали «бесенком». Была она помоложе своего брата-политика, не такая тощая, с большими красивыми глазами. Никто не смел сесть за ее столик в часы работы салуна. Крикун тут же разбирался с теми, у кого возникало такое желание, но салун давно закрылся, поздние посетители или разошлись, или поднялись наверх, Шеб свернулся калачиком и уснул у стены за пианино. Мальчик-дебил, который прибирался в салуне, отбыл в два часа ночи (под оскорбительные крики и брошенные вслед пивные кружки; так его провожали всегда: почему-то парня особенно невзлюбил Рой Дипейп), чтобы вернуться в девять утра и готовить салун к следующей веселой ночи. А пока салун находился в полном распоряжении мужчины, сидевшего за столиком госпожи Торин.

Он уже разложил пасьянс и теперь, держа в левой руке остатки колоды, переворачивал карты, укладывая красные на черные, черные на красные, чтобы в итоге получить «Придворный квадрат». Когда он брал карты, по одной, татуировка на его правой руке приходила в движение. Казалось, что гроб дышит, его крышка приподнимается и опускается. Раскладывал пасьянс мужчина в возрасте, поплотнее мэра или его сестры, но не толстый. Длинные седые волосы падали ему на плечи. Лицом он сильно загорел, а вот шея, похоже, солнца не терпела: кожа там лезла и шелушилась. Кончики длинных седых усов свисали чуть ли не до подбородка. Псевдострелецкие усы, так называли их многие, но только не в присутствии Элдредэ Джонаса. Носил он белую шелковую рубашку, а револьвер с черной ручкой покоился у него на бедре. С первого взгляда его большие красноватые глаза казались грустными. Второй, более пристальный, показывал, что они чуть слезятся. А вот эмоций в них было

не больше, чем в глазах Сорви-Головы.

Он открыл туза треф. Который никуда не ложился.

— Черт бы тебя побрал. — Голос его дрожал, как у человека, который вот-вот расплачется. Голос идеальным образом соответствовал покрасневшим влажным глазам. Мужчина смешал карты.

Прежде чем он успел перемешать колоду, наверху открылась и мягко закрылась дверь. Джонас положил карты на стол, его рука легла на рукоятку револьвера. Потом, узнав звук шагов Рейнолдса, идущего по галерее, он разжал пальцы и вместо револьвера вытащил из-за пояса табачный кисет. На ступенях появилась пола плаща, с которым не расставался Рейнолдс, а потом и он сам. Рейнолдс только что умылся, и его рыжие волосы курчавились над ушами. Мистер Рейнолдс придавал немалое значение собственной внешности, но почему нет? Столько жарких пещер, в которых побывал его «молодец», Джонас не видел за всю свою жизнь, а ведь он был вдвое старше Рейнолдса.

Рейнолдс прошел мимо стойки, на ходу ущипнул Красотулю за пухлую ляжку, потом направился к столику, за которым Джонас раскладывал пасьянс.

— Добрый вечер, Элдред.

— Доброе утро, Клей. — Он раскрыл кисет, достал бумажку, насыпал на нее табак. — Покуришь?

— С удовольствием.

Рейнолдс выдвинул стул, развернул его, сел, положив руки на спинку. Когда Джонас протянул ему сигарету, Рейнолдс покрутил ее тыльной стороной пальцев, старый трюк стрелков. Большие охотники за гробами знали множество подобных трюков.

— Где Рой? С Ее святейшеством? — В Хэмбри они жили уже второй месяц, и за это время Дипейп проникся страстью к пятнадцатилетней проститутке, которую звали Дебора. Ее кривые ноги и привычка щуриться, когда она смотрела вдаль, навели Джонаса на мысль, что в предках у нее одни ковбои, но выяснилось, что вела она себя, как аристократка. Вот Клей и начал называть ее то Ваше святейшество, то Ваше величество, а иногда, в сильном подпитии, Коронованной шлюшкой Роя.

Рейнолдс кивнул.

— Он от нее пьянеет.

— Ничего страшного, он не облюет нас из-за маленькой говнюшки с прыщами на сиськах. Она же абсолютно неграмотная, не знает даже, какие буквы в слове «кот». В таком простейшем слове! Я спрашивал.

Джонас свернул вторую сигарету, извлек серную спичку, зажег ее о

ноготь. Дал прикурить Рейнолдсу, потом прикурил сам.

Маленький щенок пролез под дверьми салуна. Мужчины курили, наблюдая за ним. Щенок пересек зал, понюхал блевотину в углу, начал есть. Пока он закусывал, обрубок хвоста мотался взад-вперед.

Рейнолдс кивнул на живой пример того, что в жизни надо обходиться теми картами, что у тебя на руках.

— Должен сказать, щенок это понимает.

— Едва ли, — пожал плечами Джонас. — Собака — она и есть собака. Неразумная тварь. Двадцать минут назад кто-то прискакал. Потом ускакал. Один из нанятых нами соглядатаев?

— А ты ничего не упускаешь, не так ли?

— Нет смысла упускать, нет смысла. Я не ошибся?

— Нет. Парень работает на одного из арендаторов в восточном конце Спуска. Он видел, как они приехали. Трое. Молодые. Совсем дети. — Рейнолдс произнес это слово на манер северных феодалов, затянув среднюю согласную: *дет-ти*. — Беспокоиться не о чем.

— Постой, постой, вот этого мы как раз не знаем. — Голос Джонаса старчески дрожал. — Не зря говорят, что у молодых зоркий глаз.

— Молодые видят то, на что им указывают, — возразил Рейнолдс. Щенок, облизываясь, затрусил мимо. Рейнолдс пинком помог ему побыстрее оказаться за дверью. Щенок отчаянно завизжал, чуть не разбудив Крикуна. Пальцы его разжались, из них выпала игральная карта.

— Может, да, может, нет, — не согласился с ним Джонас. — Во всяком случае, они из Альянса, сыновья владельцев больших поместий чуть ли не из Нью-Канаана, если Раймер и этот болван, у которого он работает, ничего не перепутали. Сие означает, что нам нужно соблюдать предельную осторожность. Ходить тихонечко, как по яичной скорлупе. Нам предстоит пробыть здесь никак не меньше трех месяцев. И этот молодняк, возможно, будет постоянно тереться рядом, пересчитывая то, другое, третье и записывая все на бумагу. Счетоводы нам совершенно ни к чему. Тем, кто занимается снабжением, они только мешают.

— Да перестань! Это же просто ширма. Наказание за шалопайство. Их папашки...

— Их папашки знают, что Фарсон захватил весь юго-восток и сейчас на коне. Скорее всего известно это и мальчишкам. Они понимают, что речь идет о выживании как Альянса, так и его гребанных венценосцев. Не знаю, Клей, как все повернется. С такими, как эти, никогда не знаешь, какой фортель они могут выкинуть. По меньшей мере они могут серьезно отнестись к поручению, чтобы загладить свою вину перед родителями. Мы

многое пойдем, когда увидим их, но одно я могу сказать тебе прямо сейчас: мы не сможем приставить дуло револьвера к их головам и покончить с ними, как со сломавшей ногу лошадей, если они увидят лишнее. Их папашки, возможно, сердятся на них, пока они живы, но, думаю, к мертвым вспыхнут самой нежной любовью. Так уж устроены отцы. Мы не можем допустить, чтобы на нас пала хоть тень подозрения. Ни в коем разе.

— Тогда надо выводить из игры Дипейпа.

— Рой будет держаться молодцом, — дрожащим голосом возразил Джонас. Бросил окуроч на пол, раздавил каблуком. Посмотрел в стеклянные глаза Сорви-Головы, сощурился, словно что-то подсчитывая. — Твой приятель сказал — сегодня? Они прибыли сегодня, эти мальчишки?

— Да.

— Значит, завтра они заявятся к Эвери. — Он имел в виду Херка Эвери, Главного шерифа и Старшего констебля Хэмбри, крупного мужчину с толстенным животом.

— Похоже на то, — кивнул Клей Рейнолдс.

— Чтобы показать свои документы.

— Да, сэр, именно для этого. Поздороваться, значит, и познакомиться.

Рейнолдс предпочел промолчать. Он часто не понимал Джонаса, но сопровождал его с пятнадцати лет и знал, что дополнительных вопросов лучше не задавать. Потому что вопросы эти могли закончиться выслушиванием длинной лекции о других мирах, которые этот старикан посетил, проникнув через, как он говорил, «особые двери». По разумению Рейнолдса, ему до конца жизни хватило бы и обычных дверей, недостатка которых в мире не ощущалось.

— Я поговорю с Раймером, а Раймер поговорит с шерифом насчет того, где им стоит остановиться, — продолжил Джонас. — Я думаю о бункере на ранчо «Полоса К». Ты знаешь, про что я?

Рейнолдс знал. В таком феоде, как Меджис, сориентироваться на местности не составляло большого труда. «Полоса К» — участок брошенной земли к северо-западу от города, неподалеку от говорящего каньона. В устье каньона каждую осень сжигали сучья, но шесть или семь лет назад ветер переменялся, и стена огня пошла на «Полосу К». Сгорело все — дом, конюшни, амбары. Остался только бункер. Рейнолдс решил, что поселить там троицу из Внутренних феофов — отличная идея. Подальше от Спуска, подальше от нефтяного поля.

— Тебе нравится, не так ли? — Джонас заговорил с сильным хэмбрийским акцентом. — Да, тебе очень нравится, я это вижу, мой милый. Знаешь, как говорят в Крессии? Если хочешь украсть серебро из столовой,

прежде всего запри собаку в кладовке.

Рейнолдс кивнул. Дельный совет.

— А эти грузовики. Как ты там их называешь, цистерны?

— Им хорошо и на нынешнем месте. Да и не можем мы перевезти их в другое, не привлекая внимания, не так ли? Ты и Рой отправитесь туда и прикроете их ветками. Нарубите побольше. Займетесь этим послезавтра.

— А где будешь ты, пока мы будем корячиться в СИТГО?

— Днем? Готовиться к обеду в доме мэра, недогадливый ты мой... обеда, который даст Торин, чтобы представить гостей из Большого мира местному обществу. — Джонас занялся очередной сигаретой. Взгляд его при этом не отрывался от Сорви-Головы, но табака не просыпалось ни крошки. — Приму ванну, побреюсь, уложу волосы... может, даже напوماжу усы. Как думаешь, Клей, стоит?

— Не перетрудишься, Элдред.

Джонас рассмеялся. От этих визгливых звуков Крикун что-то пробормотал, а Красотуля дернулась на стойке.

— Значит, Роя и меня на обед не пригласят?

— Обязательно пригласят, будут настойчиво просить прийти. — Джонас протянул Рейнолдсу новую сигарету и принялся вертеть еще одну, для себя. — Я извинюсь за вас. Будьте уверены, доводы приведу очень убедительные. Вы будете мной гордиться. Крепкие мужчины всплакнут, услышав причины вашего отсутствия.

— Значит, мы сможем провести целый день в этой грязи и вони, забрасывая ветками эти цистерны. Ты очень добр, Джонас.

— Я буду задавать вопросы, — мечтательно продолжил Джонас. — Переходить от одной группы гостей к другой... красивый, нарядный, благоухающий восковицей... Я знаю парней, занимающихся тем же делом, что и мы, которые, в первую очередь находят толстого весельчака, который может поделиться с ними местными сплетнями... хозяина салуна или бармена, может, владельца конюшни или одного из тех типов, что всегда вертятся около тюрьмы или здания суда, засунув большие пальцы рук в карманы жилетки. Что же касается меня, Клей, я полагаю, что лучший источник информации — женщина, особенно если она худа как палка, а нос у нее больше сисек. При этом она не красит губы и зачесывает волосы назад.

— У тебя есть конкретная кандидатура?

— Да. Звать ее Корделия Дельгадо.

— Дельгадо?

— Ты знаешь эту фамилию, она на устах у всех. Сюзан Дельгадо

вскорости суждено стать наложницей мэра. Корделия — ее тетка. Я подметил одну особенность человеческой натуры: люди предпочитают говорить с теми, кто не высовывается, а не с шумливыми весельчаками, которые всегда готовы угостить тебя выпивкой. На обеде я собираюсь сесть с ней рядом, отметить аромат ее духов, которых, готов спорить, не будет и в помине, и следить за тем, чтобы ее стакан для вина не пустовал. Как тебе мой план?

— План чего? Вот что хотелось бы узнать.

— Для игры в «Замки», в которую нам предстоит сыграть, — ответил Джонас, и веселость исчезла из его голоса. — Мы должны убедиться, что эти парни посланы сюда в наказание за провинность, а не для того, чтобы выполнять данное им поручение. Звучит, конечно, правдоподобно. Мне многое довелось повидать, так что я могу судить о правдоподобности той или иной версии. Я верю им до трех часов ночи, а потом у меня возникают сомнения. И знаешь, что я тебе скажу, Клей?

Рейнолдс покачал головой.

— Я *прав* в своих сомнениях. Точно так же, как оказался прав, когда пошел с Раймером к старине Торину и убедил его, что кристалл Фарсона лучше всего хранить у ведьмы. Она запрячет кристалл туда, где его не найти даже *стрелку*, не говоря уж о молокососах, которые еще не попробовали женщину. Необычные у нас времена. Надвигается ураган. А когда знаешь, что должен задуть ветер, паруса лучше убрать заранее.

Он посмотрел на сигарету, которую только что свернул. Она плясала на тыльной стороне его пальцев, как недавно у Рейнолдса. Джонас откинул прядь длинных волос и засунул сигарету за ухо.

— Не хочу курить. — Он встал, потянулся. В спине у него что-то захрустело. — Я, наверное, сошел сума, раз курю в такой час. В моем возрасте лишняя сигарета гарантирует бессонницу.

Он направился к лестнице, по пути не забыв ущипнуть Красотулю за голую ляжку, последовав примеру Рейнолдса. У первой ступеньки обернулся.

— Я не хочу убивать их. Ситуация и так достаточно щекотливая. Даже если я почувствую, что они не так просты, как кажется на первый взгляд, я не шевельну и пальцем... не шевельну ни одним пальцем. Но... я постараюсь, чтобы они четко знали свое место в общем раскладе.

— Нагонишь на них страха.

Джонас просиял.

— Да, партнер, именно так, нагоню на них страха. Чтобы в следующий раз они подумали дважды, прежде чем связываться с Большими

охотниками за гробами. Чтобы они делали широкий круг, завидев нас на дороге. Да, сэр, вот о чем стоит подумать. Еще как стоит.

Он начал подниматься по лестнице, поххатывая, заметно прихрамывая... по ночам хромота проявлялась сильнее. Корт, старый учитель Роланда, узнал бы эту хромоту, ибо Корт видел удар, после которого Джонас охромел на всю жизнь. А нанес его отец Корта палкой из железного дерева, сломав ногу Элдрета Джонаса на лужайке за Большим залом Гилеада, перед тем как забрать оружие мальчика и отослать его на запад, без оружия, в изгнание.

В конце концов мужчина, в которого вырос этот мальчик, нашел оружие: изгнанники всегда его находили, если искали как следует. Конечно, оружие это не шло ни в какое сравнение с большими револьверами с рукояткой из сандалового дерева, о которых они могли только мечтать, но в этом мире желающий обрести оружие не оставался без оногo.

Рейнолдс проводил Джонаса взглядом, повернулся к столу Корал Торин, перетасовал карты и принялся раскладывать пасьянс, не законченный Джонасом.

Снаружи из-за горизонта выглянуло солнце.

Глава пятая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГОРОД

1

Спустя две ночи после прибытия в феод Меджис Роланд, Катберт и Ален проехали на своих лошадях под аркой из саманного кирпича, с надписью «ВХОДИТЕ С МИРОМ». За аркой расстился вымощенный брусчаткой двор, освещенный факелами. В смолу, горевшую в факелах, вводились особые добавки, окрашивающие пламя в разные цвета: зеленый, оранжевый, розовый. Многоцветье факелов напоминало Роланду фейерверк. Он слышал перезвон гитар, голоса, женский смех. Воздух наполняли запахи, которые теперь прочно ассоциировались с Меджисом: морской соли, нефти и сосны.

— Не знаю, получится ли у меня. — пробормотал Ален, крупный парень с гривой светлых волос, выбивающихся из-под ковбойской шляпы. Он чисто вымылся, Катберт и Роланд тоже, но Ален и в лучшие времена сторонился светских раутов, поэтому едва дышал от страха. Катберт выглядел получше, но Роланд понимал: броня его давнего друга не так уж крепка. Так что лидерство ему предстояло взять на себя.

— Все будет хорошо, — заверил он Алена. — Только...

— Да, и *выглядишь* ты прекрасно. — Катберт нервно хохотнул. Они уже пересекали двор. За ним расположился дворец мэра, разлапистая, со многими флигелями гасиенда, сложенная из того же саманного кирпича, каждым окном излучающая свет и веселье. — Белый как полотно, уродливый, как...

— Заткнись, — резко вмешался Роланд, и насмешливая улыбка слетела с лица Катберта. Роланд это отметил, вновь повернулся к Алену: — Только не пей ничего спиртного. Ты знаешь, что надо говорить в таких случаях. Всегда помни нашу легенду. Улыбайся. Старайся расположить к себе людей. Пользуйся своим социальным статусом. Не забывай, что шериф разве что не выпрыгивал из штанов, лишь бы встретить нас порадушнее.

Ален кивнул, слова Роланда вселили в него малую толику уверенности.

— Насчет социального статуса, — вставил Катберт. — У них-то его нет никакого, то есть мы выше их как минимум на голову.

Роланд кивнул, потом заметил, что на седельной луке Катберта вновь появился грачиный череп.

— А вот это убери!

С обидой на лице Катберт засунул «дозорного» в переметную суму. Двое мужчин в белых куртках, белых штанах и сандалиях выступили вперед, кланяясь и улыбаясь.

— Выше головы, — негромко бросил Роланд своим друзьям. — Помните, кто вы. И помните лица ваших отцов. — Он хлопнул Алена, на лице которого еще отражалась тревога, по плечу. Потом повернулся к грмам: — Добрый вечер, джентльмены. Пусть будут долгими ваши дни на земле.

Оба заулыбались, сверкнув зубами в разноцветном свете факелов. Старший поклонился...

— И ваши тоже, молодые господа. Добро пожаловать во дворец мэра.

2

Главный шериф встретил их днем раньше, с такой же радостью, как и грумы.

Пока все приветствовали их от всей души, даже возникшие повозок, которые встречались им по пути в город, и одного этого вполне хватило, чтобы Роланд насторожился. Он убеждал себя, что скорее всего его подозрения напрасны, местные жители и должны питать к ним самые теплые чувства, иначе их бы сюда не послали. Во-первых, Меджис находится далеко от эпицентра событий, во-вторых, он верен Альянсу. Роланд понимал, что перегибает палку, но предпочитал не терять бдительности. Быть начеку. В конце концов, они еще недавно были детьми, и, если попадут в беду, то лишь потому, что принимали желаемое за действительное.

Служебные апартаменты шерифа и тюрьма феода занимали одно здание, расположенное на Холмовой улице, откуда открывался прекрасный вид на бухту. Роланд не мог знать этого наверняка, но догадывался, что ни в одном другом феоде пьяницы и драчуны не просыпались утром, чтобы увидеть столь живописную картину: к югу тянулся ряд разноцветных эллингов, доки располагались внизу, там старики и мальчишки ловили удочками рыбу, а женщины чинили сети и паруса. А чуть дальше по сверкающей голубизне бухты сновали туда-сюда рыбацкие баркасы: утром ставили сети, во второй половине дня вытаскивали их.

Большинство зданий на Главной улице были выстроены из саманного кирпича, здесь же, на улице, проходящей над деловым центром Хэмбри, предпочтение отдавалось красному кирпичу, как и в Старом квартале Гилеада. Ухоженные дома, кованые решетки ворот, чисто выметенные дорожки, оранжевая черепица крыш, ставни, защищающие от солнца. На этой тихой улочке просто не верилось, что северо-западная часть Альянса, древняя земля Эльда, Артурова королевства, пылает в огне и вот-вот рухнет.

Тюрьма в большей степени напоминало почтовое отделение, в меньшей — городской Зал собраний. Разумеется, при отсутствии решеток на окнах, выходящих на бухту.

Шериф Херк Эвери в одежде отдавал предпочтение хаки. Должно быть, он наблюдал за их приближением через глазок, потому что парадная, с коваными железными пластинами дверь тюрьмы распахнулась, прежде чем Роланд успел потянуться к колотушке-звонку. Шериф Эвери появился на крыльце. Впрочем, первым появился его живот, точно так же, как в зал суда сначала входит бейлиф, а уж потом сам судья. Эвери широко раскинул руки, всем своим видом выказывая переполняющую его радость.

Он низко поклонился (как сказал потом Катберт, ему стало страшно при мысли, что живот может перевесить и свалить шерифа с крыльца, а там, глядишь, тот мог укатиться и в море), несколько раз пожелал им доброго утра, как сумасшедший, молотил по ключице. Широкая улыбка едва не разорвала лицо пополам. Три помощника, по виду в недалеком прошлом фермеры, как и шериф, одетые в хаки, толпились в дверях за спиной Эвери и таращились на новоприбывших. Именно таращились: в глазах стояло неприкрытое любопытство.

Эвери пожал руку каждому юноше, продолжая кланяться, и робкие попытки Роланда остановить его успехом не увенчались. Наконец уgomонившись, он пригласил гостей в дом. В кабинете царила прохлада, хотя солнце уже пекло немилосердно. Разумеется, потому-то дома и строили из красного кирпича. Такого просторного и светлого кабинета главного шерифа Роланду видеть не доводилось, а он за последние три года побывал в пяти или шести, сопровождая отца в нескольких коротких и одной достаточно продолжительной инспекционных поездках.

В центре стояло бюро с убирающейся крышкой, у двери висела доска с объявлениями (на листках писали, зачеркивали, снова писали: бумага в Срединном мире была в дефиците), дальний угол занимала подставка с двумя винтовками. Такими древними, что Роланд засомневался, а есть ли к ним патроны. Слева от подставки открытая дверь вела непосредственно в

тюрьму, с тремя камерами по каждую сторону короткого коридора и идущим из двери сильным запахом щелочного мыла.

Они все почистили к нашему приезду, подумал Роланд. Его это удивило, тронуло... и насторожило. Почистили, словно готовились к встрече конников одного из Внутренних феодалов — солдат-профессионалов, присланных с заданием провести серьезную проверку, а не трех подростков, наказанных за прегрешения.

Но должно ли это восприниматься как странное гипертрофированное стремление местного руководства встретить гостей на высшем уровне? В конце концов, прибыли они из Нью-Канаана, и вполне возможно, что жители этого медвежьего угла смотрят на них как на особ королевской крови.

Шериф Эвери представил своих помощников. Роланд пожал руки всем, даже не пытаясь запомнить имена. Обязанность запоминать их лежала на Катберте, и забывал он хоть какое-то крайне редко. Третий помощник, с обширной лысиной и болтающимся на ленте моноклем, опустился перед ними на одно колено.

— Вот это ни к чему, идиот! — воскликнул Эвери, схватил помощника за шкуру, рывком поднял на ноги. — Они же подумают, что мы за деревенщины. Кроме того, ты их смущаешь, неужели тебе это не понятно?

— Все нормально. — (Роланд действительно смутился, но старался не подавать виду.) — Не такие уж мы особенные, знаете ли...

— Не такие уж особенные! — Эвери расхохотался. А вот его живот, как отметил Роланд, трясся совсем не так, как мог бы: жира в нем было меньше, чем казалось на первый взгляд. Возможно, подумал юноша, и шериф не так уж прост. — Он говорит, не такие особенные! Вы проскакали пятьсот миль, прибыли из Привходящего мира, наши первые официальные представители Альянса, с тех пор как четыре года назад по Великому Тракту проехал стрелок, а он говорит, что не такие они особенные! Не присесть ли вам, дорогие мои? У меня есть грэф, но час еще ранний, да, может, вы вообще не захотите его пить, учитывая ваш возраст. Уж извините меня, но ваша юность бросается в глаза, тем более что стыдиться юности нечего, мы все были молодыми. Еще у меня есть белый ледяной чай, который я вам очень рекомендую. Жена Дейва готовит его просто бесподобно.

Роланд взглянул на Катберта, Алена, который кивнул и улыбнулся (стараясь совсем не смотреть на море), и вновь повернулся к шерифу Эвери:

— Белый чай — подарок пересохшему горлу.

Один из помощников отправился за чаем. Другие принесли стулья, поставили их перед столом-бюро шерифа, и последний перевел разговор в деловое русло.

— Вы знаете, кто вы и откуда приехали, и я знаю то же самое, — начал шериф, усаживаясь в кресло, жалобно застонавшее под его весом. — Я слышу Привходящий мир в ваших голосах, а главное, вижу его в ваших лицах.

Однако здесь, в Хэмбри, мы придерживаемся стародавних законов. Что поделаешь, жизнь у нас неспешная, деревенская. Но мы не торопимся ее менять и помним лица наших отцов. Разумеется, я не собираюсь надолго отрывать вас от ваших неотложных дел, но, если вы простите меня за доставленные неудобства, хотел бы взглянуть на те бумаги и документы, которые вы, возможно, привезли с собой в город.

В город они привезли с собой все бумаги и документы, и Роланд не сомневался, что шериф Эвери прекрасно об этом знал. Он изучил их досконально, словно забыв о том, что обещал не задерживать посетителей надолго, пройдясь по каждой строчке пухлым пальцем, шевеля губами (процент льна в бумаге был столь высок, что листы больше напоминали куски материи). Время от времени палец его возвращался к началу строки, и он перечитывал ее заново. Два помощника стояли сзади, уставившись на документы через широкие плечи Эвери. Роланд предположил, что грамоте они не обучены.

Уильям Диаборн. Сын конюха.

Ричард Стокуорт. Сын ранчера.

Артур Хит. Сын конезаводчика.

На каждом идентификационном удостоверении стояла подпись поверенного: Джеймса Рида (из Хемпхилла) — на документе Диаборна, Пайета Рейвенхида (из Пеннилта) — Стокуорта. Лукаса Риверса (из Гилеада) — Хита. Оформление не вызвало никаких нареканий, указанные приметы полностью соответствовали оригиналам. Эвери вернул удостоверения, многословно выразив благодарность и глубокую признательность. Затем Роланд протянул Эвери письмо, которое с превеликим почтением достал из кошелька. Точно так же отнесся к письму и Эвери. А когда развернул и увидел подпись, его глаза чуть не вылезли из орбит.

— Господи, спаси мою душу! Парни, да ведь его подписал стрелок!

— Да, это же надо. — В голосе Катберта слышался неподдельный восторг. Роланд пнул его в щиколотку, сильно, не отрывая почтительного взгляда от лица Эвери.

Автором письма бы некий Стивен Дискейн из Гилеада, стрелок (иначе говоря, рыцарь, сквайр, миротворец и барон — последний титул не имел никакого веса в нынешнее время, пусть Джон Фарсон и утверждал обратное), потомок в двадцать восьмом колене Артура из Эльда, по боковой линии (другими словами, ведущий свой род от одной из многочисленных наложниц Артура). Адресовалось оно мэру Хартуэллу Торину, канцлеру Кимбе Раймеру и главному шерифу Херкимеру Эвери. Стрелок слал всем троим свои наилучшие пожелания и поручал их заботам троих молодых людей, которые привезут письмо: мастеров Диаборна, Стокуорта и Хита. В Меджис их направили по поручению Альянса со специальной миссией: взять на контроль все материальные ресурсы, которые могли бы поступить в Альянс в случае необходимости (слово «война» в письме отсутствовало, но легко прочитывалось между строк). Стивен Дискейн от лица Альянса феонов просил мастеров Торина, Раймера и Эвери оказывать всяческое содействие курьерам Альянса в выполнении их миссии, обратив особое внимание на поголовье скота, имеющиеся в наличии запасы продовольствия и транспортные средства. Диаборн, Стокуорт и Хит, писал Дискейн, пробудут в Меджисе не меньше трех месяцев, может, даже и год. В конце документа вышеозначенным официальным адресатам предлагалось «писать нам о достижениях молодых людей и прогрессе в выполнении порученного им дела со всеми подробностями, которые могут нас заинтересовать». И «ничего не скрывать, если вы нас любите».

Другими словами, докладывать, ведут ли они себя как должно. Пошел ли на пользу полученный ими урок.

Помощник с моноклем вернулся, когда главный шериф дочитывал письмо Дискейна. Он принес поднос с четырьмя стаканами белого чая и склонился с ним, как дворецкий. Роланд поблагодарил его и роздал стаканы. Последний взял себе, поднес к губам и увидел, что Ален пристально смотрит на него. Его синие глаза ярко блестели на закаменевшем лице.

Ален чуть качнул стакан, чтобы зазвякали кубики льда, и Роланд ответил коротким кивком. Он ожидал, что ему принесут холодный чай, налитый из кувшина, опущенного в ближайший колодец, но в стаканах звякал лед. Лед в разгар лета. Интересно.

Чай, как и обещали, оказался отменным.

Эвери дочитал письмо и протянул Роланду с таким видом, словно возвращал святую реликвию.

— Вы хотите держать его при себе, Уилл Диаборн... чтобы с ним ничего не случилось.

— Да, сэр. — Роланд вернул письмо и идентификационное удостоверение в кошель. Его друзья «Ричард» и «Артур» поступили со своими удостоверениями точно так же.

— Превосходный белый чай, — подал голос Ален. — Никогда не пробовал лучшего.

— Да. — Эвери отпил из своего стакана. — Наверное, все дело в меде. Так, Дейв?

Помощник с моноклем, стоявший вместе с остальными у доски объявлений, улыбнулся.

— Думаю, что да, но Джуди не любит говорить об этом. Этот рецепт она получила от своей матери.

— Да, мы должны помнить и лица наших матерей, должны помнить. — На лице шерифа появилось сентиментальное выражение, но Роланд мог поклясться, что перед мысленным взором Эвери сейчас стоит отнюдь не материнский лик. Шериф повернулся к Алену, и сентиментальность бесследно исчезла: — Вас удивил лед, мастер Стокуорт.

Ален вздрогнул.

— Ну, я...

— Полагаю, вы не ожидали, что такое возможно в захолустном Хэмбри? — И хотя голос Эвери звучал весело, подтекст Роланд уловил четко.

Мы ему не нравимся. Ему не нравятся наши «городские манеры». Он нас совсем не знает, он не знает, какие у нас манеры, есть ли они у нас вообще, но он нас заранее не любит. Он думает, что мы снобы, что мы видим в нем и в остальных жителях Хэмбри неотесанных мужланов.

— Не только в Хэмбри, — ровным голосом ответил Ален. — В нынешние времена лед — редкость и на Внутренней дуге, шериф Эвери. В детстве я видел его только по особым случаям, скажем, на днях рождения.

— Лед всегда был на День солнца, — добавил Катберт. На этот раз в его голосе не звучали столь характерные иронические нотки. — Если не считать фейерверков, мы его любили больше всего.

— Что вы говорите, что вы говорите. — В каждом слове молодых людей шерифу Эвери словно открывались все новые и новые чудеса. Эвери, похоже, не нравилось, что они приехали в город, не нравилось, что ему придется уделить им, как бы он сказал, «половину чертова утра», не нравилась их одежда, их подробные идентификационные бумаги, их акцент или их юность. Вот юность вызывала наибольшее негодование. Роланд это понимал, но задавался вопросом, а нет ли другой причины. А если есть, то в чем она заключается?

— В городском Зале собраний есть газовые холодильник и плита, — пояснил Эвери. — Оба работают. А уж подземного газа на СИТГО хватает. Это нефтяное поле к востоку от города. Вы его проезжали.

Они кивнули.

— Плита нынче — музейный экспонат, ее показывают школьникам на уроках истории, а вот холодильник используется, иной раз он очень даже полезен. — Эвери поднял стакан, всмотрелся в его содержимое. — Особенно летом. — Он отпил чаю, вытер губы и улыбнулся Алену: — Видите? Никаких загадок.

— Я удивлен, что вы не нашли применения всей нефти, — подал голос Роланд. — В городе нет генераторов?

— Есть, четыре или пять, — ответил Эвери. — Самый большой на ранчо «Рокинг Б» Френсиса Ленджилла, и он вроде бы исправен. ХОНДА. Это слово вам что-нибудь говорит, парни? ХОНДА?

— Я видел его раз или два, — кивнул Роланд. — На старых велосипедах с мотором.

— Да? В любом случае эти генераторы не могут работать на нефти с СИТГО. Она слишком густая. В ней много дегтя. А вот перегонных установок у нас нет.

— Понятно. — Теперь заговорил Ален. — Но все равно лед летом — это роскошь. Каким бы путем он ни попал в стакан. — Он засосал один кубик и с хрустом раздробил зубами.

Эвери какое-то мгновение смотрел на него, дабы убедиться, что тема исчерпана, потом повернулся к Роланду. Его толстое лицо вновь осветила широкая, но не заслуживающая доверия улыбка.

— Мэр Торин попросил меня передать вам самый горячий привет и извиниться перед вами за то, что не смог лично засвидетельствовать вам свое почтение... Мэр у нас человек занятой, очень занятой. Но завтра вечером он дает обед в своем дворце... всех он ждет в семь часов, вас, молодежь, — в восемь... чтобы устроить вам, как я понимаю, торжественную встречу, для, я бы сказал, драматического эффекта. И мне нет нужды говорить вам — для вас, должно быть, званый вечер что для меня горячий обед, — о необходимости прибыть точно в назначенный час.

— В парадном костюме? — озабоченно спросил Катберт. — Мы проехали долгий путь, почти четыреста колес, и не взяли с собой ни нарядной одежды, ни кушаков.

Эвери хохотнул, на этот раз поискреннее. Роланд догадался почему: «Артур» позволил себе проявить наивность и неуверенность.

— Нет, юный мастер, Торин понимает, что вы прибыли по делу...

работать, как те же ковбои! Смотрите, как бы вас не заставили вытаскивать сети из бухты!

В углу захохотал Дейв, обладатель монокля. Возможно, это шутка, понятная только местным, подумал Роланд.

— Наденьте лучшее, что у вас есть, и все будет в порядке. В кушаках все равно никого не будет, в Хэмбри это не принято. — Вновь Роланд отметил подчеркнутое пренебрежение к родному городу и феоде... и обиду на чужаков, которая под этим скрывалась.

— В любом случае отдыхать и развлекаться вам завтра вечером не придется. Харт пригласил всех крупных ранчеров, конезаводчиков, скотоводов этой части феода... их не так уж и много, вы понимаете, учитывая, что к западу от Спуска начинается пустыня. Но все, кто хоть что-то да значит в наших краях, там будут, и вы найдете в них верных союзников Альянса, всегда готовых помочь. Френсис Ленджилл с «Рокинг Б»... Джон Кройдон с «Пиано»... Генри Уэртнер, ему доверены породистые лошади феода, но у него есть и свои... Хэш Ренфрю, ему принадлежит ранчо «Ленивая Сюзан» с самым большим табуном в феоде... и многие другие. Раймер вам всех представит, а потом вы познакомитесь с ними поближе.

Роланд кивнул и повернулся к Катберту:

— Завтра тебе придется попотеть.

Катберт кивнул в ответ:

— Не волнуйся за меня, Уилл, я их всех запомню.

Эвери пил чай, добродушно поглядывая на них. Но от фальши этого добродушия Роланда чуть не перекосило.

— У большинства из них дочери на выданье, и они их приведут. Вам будет на кого посмотреть.

Роланд решил, что для одного утра чаю и лицемерия они получили с избытком. Кивнул, опорожнил стакан, улыбнулся (надеясь, что его улыбка искренностью превосходила улыбку Эвери) и встал. Катберт и Ален намек поняли и последовали его примеру.

— Благодарим за чай и теплый прием. — Роланд улыбнулся еще шире. — Пожалуйста, поблагодарите от нас мэра Торина за его радушие и передайте ему, что он увидит нас завтра, ровно в восемь вечера.

— Хорошо. Обязательно передам.

Роланд повернулся к Дейву. Тот так удивился, что о его существовании вспомнили, что подался назад и чуть не ударился головой о доску объявлений.

— И, пожалуйста, поблагодарите вашу жену за восхитительный чай.

— Поблагодарю. Спасибо, сэй.

Они вышли за ними. Главный шериф Эвери выступал следом, как верный ожиревший сторожевой пес.

— Насчет того, где вы расположитесь... — начал он, когда они уже спустились с крыльца и зашагали по дорожке. Как только они вышли из дома, шериф начал потеть.

— Действительно, как же я забыл спросить об этом, — хлопнул себя по лбу Роланд. — Мы разбили лагерь на том длинном склоне, где пасется много лошадей, вы, конечно, знаете, о чем я...

— Да, на Спуске.

— ...но без разрешения, потому что не знали, у кого спросить.

— Это земля Джона Кройдона, и я уверен, что он возражать не будет, но мы хотим устроить вас поудобнее. К северо-западу отсюда есть пустующий участок земли, «Полоса К». Он принадлежал семье Гарбер, но они продали его после пожара. Теперь им владеет Ассоциация конезаводчиков — группа местных фермеров и ранчеров. Я говорил о вас с Френсисом Ленджиллом, он сейчас президент Ассоциации... и он сказал: «Мы поселим их на ранчо Гарберов, почему нет?»

— Действительно, почему нет? — промурлыкал Катберт. Роланд резко повернулся к нему, но Катберт смотрел на бухту, где сновали взад-вперед маленькие рыбацьи лодки, напоминая водяных жуков.

— Да, именно так я и ответил: «Действительно, почему нет?» Дом сгорел дотла, но бункер остался в целости и сохранности. Вместе с конюшней и летней кухней. По приказу мэра Торина я позволил себе завезти продукты и прибраться в бункере. Вы, возможно, найдете там каких-нибудь насекомых, но не жалящих или кусающих... а вот змей точно не будет, если только они не живут в подполе, а если и живут, пусть там и остаются, вот что я всегда говорю. Так, парни? Пусть они там остаются.

— Пусть там остаются, аккуратно под полом, где они довольны и счастливы, — согласился Катберт, который, сложив руки на груди, по-прежнему любовался бухтой.

Эвери коротко взглянул на него, улыбка чуть поблекла. Потом вновь повернулся к Роланду, теперь уже улыбаясь во весь рот.

— Крыша не течет, так что, если пойдет дождь, вы не промокнете. Что вы об этом скажете? Вас это устроит?

— Более чем. Я думаю, что вы очень деятельный человек, а мэр Торин слишком добр к нам. — Он действительно так думал. Только не мог сказать, почему городские власти так расстарались. — И мы благодарим его за заботу о нас. Не так ли, парни?

Катберт и Ален энергично кивнули.

— И мы с благодарностью принимаем ваше предложение.

Кивнул и Эвери.

— Я ему передам. Езжайте с миром, ребята.

Они подошли к коновязи. Эвери вновь пожал каждому руку, на этот раз уделив особое внимание лошадям молодых людей.

— Значит, до завтрашнего вечера, молодые джентльмены?

— Да завтрашнего вечера. — согласился Роланд.

— Как думаете, сумеете найти «Полосу К» самостоятельно?

Опять Роланда удивило сквозившее в голосе презрение. А может, оно и к лучшему. Если Главный шериф держит их за недоумков, кто знает, какую выгоду можно из этого извлечь?

— Мы его найдем, — ответил Катберт, вскакивая на лошадь. Эвери подозрительно уставился на грачиный череп, красующийся на луке седла. Катберт заметил этот взгляд, но сдержался и оставил свои мысли при себе. Роланда такая реакция друга и удивила, и обрадовала. — Счастливо оставаться, шериф.

— А вам, парни, счастливого пути.

Он стоял у коновязи, крупный мужчина в хаки, с пятнами пота, расползающимися из-под мышек, черных сапогах, слишком уж начищенных для шерифа, дни и ночи не слезающего с седла. *И где взять такую лошадь, которая сможет целый день таскать на себе такую тушу,* подумал Роланд. *Хотел бы посмотреть на это чудо.*

Эвери помахал им вслед рукой. Его помощники тоже спустились с крыльца. Дейв — первым. И они проводили юношей взмахами рук.

3

Как только Альянсова молодежь, рассевшись на дорогах лошадей, скрылась за поворотом, держа курс на Главную улицу, шериф и его помощники опустили руки. Эвери повернулся к Дейву, тупое лицо которого враз превратилось в куда как умное.

— Что думаешь, Дейв?

Дейв сунул монокль в рот и начал покусывать латунную оправу. Шериф Эвери давно уже отказался отучивать его от этой привычки. Сдалась даже жена Дейва, Джуди, а Джуди Холлис, в девичестве Джуди Уэртнер, обычно добивалась того, чего хотела.

— Мягкие, — ответил Дейв. — Мягкие, как скорлупа яиц, только что

выскочивших из куриной задницы.

— Возможно. — Эвери засунул за пояс большие пальцы, покачался на пятках, — Но тот, что говорил больше всех, в плоской шляпе, *не думает*, что он мягкий.

— Не важно, что он *думает*. — Дейв все грыз монокль. — Сейчас он в Хэмбри. И ему, возможно, придется сменить свою точку зрения на нашу.

За его спиной заржали другие помощники. Даже Эвери улыбнулся. Они должны оставить этих богатеньких сосунков в покое, если богатенькие сосунки не будут докучать им... такой приказ поступил из дворца мэра... но Эвери не мог не признать, что не прочь общипать им перышки, очень даже не прочь. А особенно ему хотелось врезать сапогом по яйцам тому, кто насадил на луку седла этот идиотский птичий череп... он же все время стоял и изгалялся над ним в полной уверенности, что такая деревенщина, как Херк Эвери, не заметит, чем он занимается... но настоящее удовольствие шериф бы получил, стерев этот ледяной взгляд с глаз парня в плоской миссионерской шляпе, увидев, как поднимается в них страх по мере того, как мистер Уилл Диаборн из Хемпхилла осознает, что Нью-Канаан далеко и его богатый папашка ничем не сможет ему помочь.

— Да. — Он хлопнул Дейва по плечу, — может, ему придется переходить на наш образ мышления. — Он вновь улыбнулся... совсем другой улыбкой, не из тех, которыми щедро одаривал счетоводов Альянса. — Может, им всем придется.

4

Трое юношей проехали вереницей мимо «Приюта путников» (молодой и, несомненно, слабоумный парень с торчащими во все стороны темными волосами, который изо всех сил скреб кирпичное крыльцо, поднял голову и помахал им рукой. Они ответили тем же). Затем перестроились в ряд, с Роландом посередине.

— И что вы думаете о нашем новом друге, Главном шерифе? — спросил Роланд.

— Нет у меня никакого мнения. — радостно заявил Катберт. — Абсолютно никакого. Мнение — это политика, а политика — зло, из-за которого многих вздергивают на сук, когда они еще молоды и красивы. — Он наклонился вперед, побарабанил пальцами по грачиному черепу. — Дозорному, правда, он не глянулся. Сожалею, что приходится говорить об этом, но дозорный держит шерифа Эвери за мешок с жиром, в котором нет

ни одной заслуживающей доверия кости.

Роланд повернулся к Алену:

— А что скажешь ты, молодой мастер Стокуорт?

Ален ответил не сразу, такая уж у него была привычка, пожевывая травинку, которую сорвал, наклонившись над газоном:

— Если бы, проходя мимо, он заметил, что мы горим, думаю, он бы не остановился, чтобы пописать на нас.

Катберт расхохотался.

— А ты, Уилл? Что скажешь ты, дорогой капитан?

— Он-то меня не заинтересовал... за исключением одной фразы. Учитывая, что пастбище для лошадей, которое они зовут Спуском, тянется на тридцать колес вдоль моря и уходит в глубину на пять-шесть, там уже начинается пустыня, откуда, по-вашему, шериф Эвери узнал, что мы разбили лагерь на земле Кройдона, на его ранчо «Пиано»?

Они посмотрели на него, сначала удивленно, потом раздумчиво. Катберт вновь наклонился и постучал пальцами по грачиному черепу.

— За нами следили, а ты ничего об этом не сказал? Останешься без ужина, сэр, а если такое повторится, прямая тебе дорога на каторгу!

Но прежде чем они двинулись дальше, мысли о шерифе Эвери покинули голову Роланда, уступив место более приятным — о Сюзан Дельгадо. Он несколько не сомневался, что увидит ее следующим вечером. Интересно, распустит ли она волосы?

Он с нетерпением ждал ответа на свой вопрос.

5

И вот они подъехали к дворцу мэра. *Пусть начинается игра*, подумал Роланд, не представляя себе, откуда ему на ум пришла эта фраза, уж конечно, не думая о «Замках»... во всяком случае, тогда.

Грумы увели лошадей, и какое-то время они втроем стояли у лестницы, сбившись в кучку, почти как лошади в плохую погоду. Разноцветные факелы освещали их безбородые лица. Из дома доносились перезвон гитар, голоса, веселый смех.

— Постучимся? — спросил Катберт. — Или просто откроем двери и войдем?

Отвечать Роланду не пришлось. Парадные двери гасиенды распахнулись, и на пороге появились две женщины, обе в длинных, с белыми воротниками платьях, напомнивших юношам туалеты, в которых

щеголяли жены купцов в их родном феоде. В свете факелов в волосах у женщин заблестели крохотные бриллиантики.

Более полная шагнула вперед, улыбнулась, присела в глубоком реверансе. Ее серьги, крупные кубы-рубины, буквально светились изнутри.

— А вот и наши молодые люди из Альянса. Добро пожаловать, добро пожаловать. С приездом, сэры, и да будут долгими ваши дни на земле.

Все трое поклонились в унисон, выставив вперед одну ногу, нестройным хором поблагодарили женщину, отчего она засмеялась и хлопнула в ладоши. Вторая женщина одарила их сухой, как и ее тело, улыбкой.

— Я — Олив Торин. — представилась пухленькая. — жена мэра. А это сестра моего мужа, Корал.

Корал Торин, все так же сухо улыбаясь (улыбка изогнула губы, но до глаз так и не добралась), изобразила намек на реверанс. Роланд, Катберт и Ален вновь поклонились, выставив одну ногу.

— Рада приветствовать вас в Доме-на-Набережной. — Олив Торин сияла искренней улыбкой. Гости из Привходящего мира — это ли не повод для радости. — Мой дом — ваш дом. Говорю это от всего сердца.

— Почтем за честь, мадам, — ответил Роланд. — Ваши теплые слова осчастливили нас.

Он взял ее руку, поднес к губам и поцеловал. А ее журчащий смех вызвал у него улыбку. Олив Торин сразу расположила его к себе, возможно, потому, что он предчувствовал, что в тот вечер не увидит никого (за исключением Сюзан Дельгадо), кто мог бы ему понравиться, кому он мог бы доверять.

Даже ветер с моря не мог остудить жару, поэтому гардеробщик в холле, собирающий плащи и накидки гостей, стоял там разве что для мебели. Роланд не очень и удивился, узнав в нем помощника шерифа Дейва, смазанные чем-то блестящим остатки волос которого прилипли к голове, а монокль уютно устроился в кармане ливреи. Роланд кивнул ему. Дейв, заложив руки за спину, ответил тем же.

Двое мужчин, шериф Эвери и пожилой джентльмен, худой, как старый доктор Смерть из книжки комиксов, направились к ним. За их спинами, в просторном зале, куда вели распахнутые настежь двойные двери, многочисленные гости стояли с хрустальными стаканами пунша в руках,

беседовали или брали закуски, с подносов снующих по залу слуг.

Роланд успел лишь бросить короткий взгляд на Катберта: *Все. Каждое имя, каждое лицо... каждую мелочь. Особенно мелочи.*

Катберт изогнул бровь, сие иной раз означало у него кивок, и Роланда затащил званый прием, его первая вахта в должности стрелка. Которая оказалась едва ли не самой трудной в его жизни.

Старого доктора Смерть звали Кимба Раймер. Он занимал посты канцлера и министра имущества (последний, подозревал Роланд, учредили специально к их приезду). Над Роландом он возвышался на добрых пять дюймов, хотя в Гилеаде юноша считался высоким, а кожа его цветов напоминала свечной воск. Цвет этот указывал, что со здоровьем у канцлера далеко не все в порядке. Седые волосы обрамляли обширную лысину. На переносице притулилось пенсне.

— Мои мальчики! — воскликнул он после того, как закончилась церемония представления. Бархатный, искренний голос, необходимый как политику, так и владельцу похоронного бюро. — Добро пожаловать в Меджис! В Хэмбри! И в Дом-на-Набережной, скромное обиталище нашего мэра.

— Если это скромное обиталище, хотел бы я взглянуть на дворец, который вы можете построить, — ответил Роланд. Эта фраза тянула скорее на комплимент, чем на остроумное замечание (остроты обычно проходили по ведомству Катберта), но канцлер Раймер расхохотался. Как и шериф Эвери.

— Пойдемте, друзья! — Раймер, отсмеявшись, указал на распахнутые двери. — Я уверен, мэр с нетерпением ожидает вас.

— Да, — послышался за их спинами тихий голос. Костлявая сестра мэра, Корал, ретировалась, но Олив Торин осталась и теперь смотрела на новоприбывших, сложив руки на том месте, где когда-то была талия, губы ее разошлись в доброй улыбке. — Харт ждет вас с нетерпением, очень ждет. Мне проводить их, Кимба, или...

— Нет, нет, не стоит тебе так утруждать себя, ты же должна уделить внимание другим гостям, благо их хватает, — ответил Раймер.

— Наверное, ты прав, — ответила Олив, в последний раз сделав реверанс Роланду и его спутникам.

Она по-прежнему улыбалась, и улыбка эта казалась Роланду совершенно искренней, но он подумал: *Однако она несчастлива. Что-то ее очень гнетет..*

— Джентльмены? — Огромные зубы Раймера обнажились в улыбке. — Не соблаговолите ли пройти?

И повел их мимо дыбющегося шерифа в зал приемов.

Зал не произвел на Роланда особого впечатления, в конце концов, ему доводилось бывать в Большом зале Гилеада, Зале Предков, как его иногда называли, смотреть с галереи на большой прием. Танец Пасхи, отмечающий окончание Широкой Земли и приближение Первого Сева. Большой зал Гилеада освещали пять люстр вместо одной, и горели в них электрические лампы, а не масляные. Наряды гостей (многие из них, юноши и девушки из богатых семей, не проработали и дня, о чем при каждой возможности твердил Джон Фарсон) были богаче, музыка громче, а гуляли они под недремлющим оком короля Артура из Эльда, изображенного на белом коне с объединяющим мечом.

Однако жизнь бурлила и здесь. И этого шума, экспансивности, пожалуй, не доставало Гилеаду, и не только на Танце Пасхи. Настроение, которое он ощутил, едва переступив порог зала, относилось к неуловимым флюидам души, отметил Роланд, их исчезновение сразу можно и не заметить, потому что ускользали они тихо и безболезненно. Как уходит кровь из вены в ванну, наполненную горячей водой.

Забранные деревом стены круглой комнаты (на зал помещение не тянуло) украшали портреты (в большинстве своем плохие) бывших мэров. На возвышении справа от дверей, что вели в обеденный зал, четыре улыбающихся во весь рот гитариста в сомбреро играли нечто похожее на быстрый вальс. Середину комнаты занимал стол, на котором стояли две стеклянные чаши для пунша, одна большая, красивая, вторая — меньше и проще. Разливал пунш еще один помощник Эвери, также весь в белом.

Хотя шериф днем раньше и утверждал обратное, некоторые мужчины повязали талии разноцветными кушаками, но Роланд в белой шелковой рубашке, черном узком галстуке и прямых черных брюках нисколько не портил картины. На каждого мужчину с кушаком приходилось трое в коротких пиджаках, а вот более молодые обходились только рубашкой и брюками. Некоторые дамы носили украшения, но не столь роскошные, как рубиновые серьги супруги мэра, две-три выглядели так, словно недоедали уже много дней, но наряды разнообразием не отличались: длинные платья с круглым воротником, выглядывающие из-под них разноцветные кружева нижней юбки, темные туфли на низком каблуке, сеточки на волосах (в большинстве сверкающие алмазной пылью, как у Корал Торин).

И тут он увидел женщину, которая разительно отличалась от остальных.

Сюзан Дельгадо, ослепительно красивую в небесно-голубом шелковом платье с высокой талией и квадратным декольте, открывающем верхние полукружия ее груди. А в сравнении с ее сапфировым ожерельем серьги Олив Торин казались стекляшками. Она стояла рядом с мужчиной, повязавшим талию кушаком цвета углей в горящем костре. Оранжево-красный цвет присутствовал в гербе феода, и Роланд предположил, что этот мужчина и есть хозяин Дома-на-Набережной, но мысли эти тут же вылетали у него из головы. Собственно, он уже и не видел никого, кроме Сюзан Дельгадо: голубое платье, загорелая кожа, треугольники румянца на щеках и волосы, золотым дождем падающие на спину. Огонь желания поглотил его, заставив забыть обо всем. Кроме нее, для Роланда более ничего не существовало.

Она повернулась и тут же заметила его. Ее глаза (серые) раскрылись на самую малость. Он подумал, что румянец стал ярче, губы, те самые губы, что на ночной дороге коснулись его губ, во что ему до сих пор верилось с трудом, чуть разошлись. А потом мужчина, стоявший рядом с Торинем (тоже высокий, худощавый, усатый, с длинными седыми волосами, падающими на плечи черного пиджака) что-то сказал, и она посмотрела на него. Мгновение спустя все, стоявшие вокруг Торина, смеялись, включая Сюзан. А вот седовласый не засмеялся, лишь сухо улыбнулся.

Роланда (сердце его стучало, как паровой молот, но он надеялся, что по лицу этого не видно) повели к этой самой группе, расположившейся в непосредственной близости от чаш с пуншем. Он почувствовал, как пальцы Раймера сжали ему руку повыше локтя. До него долетали ароматы духов, запахи горящего в лампах масла, морской соли. А в голове билась одна непонятно откуда взявшаяся мысль: *О, я умираю, я умираю.*

Возьми себя в руки, Роланд из Гилеада. Перестань валять дурака, ради твоего отца. Возьми себя в руки!

Он попытался... в какой-то степени ему это удалось... и он знал, что все старания пойдут прахом, как только она вновь взглянет на него. Все дело в ее глазах. В другую ночь, в темноте, он не мог видеть ее глаз цвета плотного тумана. *Я не знал, как мне тогда повезло*, обреченно подумал он.

— Мэр Торин? — подал голос Раймер. — Позвольте представить вам наших гостей из Внутренних феодов?

Торин отвернулся от седовласого мужчины и женщины, что стояла слева от него, радостно улыбнулся. Ростом пониже канцлера, такой же тощий, но с необычной фигурой: короткий торс с узкими плечами покоился

на невероятно длинных и худосочных ногах. Роланд подумал, что мэр очень похож на птиц, которые на заре расхаживают по болоту, выискивая лягушку на завтрак.

— Да, конечно, позволю! — воскликнул Торин. Голос сильный, пронзительный. — Скорее представляй, мы с таким нетерпением ждали этого момента! Наконец-то мы встретились, наконец-то! Добро пожаловать, добро пожаловать! Пусть ваш вечер в этом доме, в котором я временно поставлен хозяином, будет счастливым, а ваши дни на земле — долгими!

Роланд пожал протянутую костлявую руку, почувствовал, как хрустнули костяшки пальцев, обеспокоился, что мэр скорчит гримасу, выражая неудовольствие. Но его тревоги оказались напрасными. И он низко поклонился, выставив вперед ногу.

— Уильям Диаборн, мэр Торин, к вашим услугам. Благодарю вас за теплый прием, и пусть ваши дни на земле будут долгими.

Вторым представился Артур Хит, третьим — Ричард Стокуорт. При каждом глубоком поклоне улыбка мэра становилась шире. Сиял и Раймер, но чувствовалось, что улыбаться он не привык. Седовласый мужчина взял стакан с пуншем, передал его своей даме и продолжал улыбаться одними губами. Роланд видел, что все гости, числом не меньше пятидесяти, смотрят на них, но чувствовал на себе лишь ее взгляд, легкий, как пушинка. Боковым зрением он видел голубой шелк ее платья, но не решался повернуться к ней.

— Поездка выдалась трудной? — спрашивал Торин. — Выпали на вашу долю приключения, сталкивались вы с опасностью? За обедом мы надеемся услышать от вас все подробности. В эти дни гости с Внутренней дуги — большая редкость. — Улыбка его поблекла, кустистые брови сошлись у переносицы. — Патрулей Фарсона вы не видели?

— Нет, ваше превосходительство. Мы...

— Нет, юноша, нет... никаких превосходительств, так не пойдет, рыбаки и ковбои, которым я служу, этого не потерпят. Просто мэр Торин, к вашим услугам.

— Благодарю вас, мы видели в пути много необычного, мэр Торин, но только не добрых людей^[22].

— Добрые люди! — воскликнул Раймер, его верхняя губа приподнялась, отчего улыбка напоминала скорее собачий оскал. — Добрые люди, однако!

— Мы хотим услышать все, каждое слово, — продолжил Торин. — Но в своем нетерпении я что-то совсем позабыл о долге хозяина, молодые джентльмены. Позвольте представить вам моих гостей. С Кимбой вы уже

познакомились. Этот грозный мужчина, что стоит слева от меня, — Элдред Джонас, начальник моей только что образованной службы безопасности. — Торин чуть поморщился. — Я не убежден, что мне нужна дополнительная охрана, шериф Эвери поддерживал порядок в этом уголке мира, но Кимба настаивал. А когда Кимба настаивает, мэру не остается ничего другого, как соглашаться.

— Очень мудрая мысль, сэр, — поклонился Раймер.

Все рассмеялись, за исключением Джонаса, который все так же скупой улыбался, а потом кивнул:

— Рад познакомиться с вами, джентльмены.

Голос его дрожал. Всем троим он пожелал долгих дней на земле, потом пожал три руки, последнюю — Роланда. Рука у него была сухая и крепкая, в ней в отличие от голоса ничего не дрожало. Заметил Роланд и странную синюю татуировку на правой руке Джонаса, между большим и указательным пальцами. Вроде бы гроб.

— Долгих дней, приятных ночей, — внезапно вырвалось у Роланда. Приветствие его детства, и только потом до него дошло, что ассоциируется оно с Гилеадом, а не с маленьким сонным городком вроде Хемпхилла. Маленький прокол, но он начал думать, что такие проколы будут случаться гораздо чаще, чем предполагал его отец, посылая Роланда сюда, подальше от щупалец Мартена.

— И вам тоже, — ответил Джонас. Он оценивающе смотрел на Роланда, не выпуская его руки. Потом отпустил ее и отступил на шаг.

— Корделия Дельгадо. — Мэр Торин поклонился женщине, которая только что разговаривала с Джонасом. Кланяясь ей, Роланд отметил определенное фамильное сходство... только в случае Сюзан природа расщедрилась, а вот с Корделией явно пожадничала. Недоложила там, убавила здесь. Роланд догадался, что Корделия не мать Сюзан — слишком молода.

— И наша близкая подруга, мисс Сюзан Дельгадо, — закончил Торин, голос его восторженно зазвенел (Роланд решил, что аура Сюзан одинаково воздействует на всех мужчин, как молодых, так и старых). Торин подтянул ее к себе, кивая, улыбаясь во весь рот, его костлявая рука легла ей на талию, и Роланд почувствовал укол ревности. Естественно, зря, учитывая возраст мэра и его пухленькую миловидную жену, но ревность уколола его. Как жало пчелы, сказал бы Корт.

Ее лицо возникло перед ним, теперь он смотрел ей в глаза. В каком-то стихотворении или романе он читал о том, что в глазах женщины можно утонуть, но полагал сие нелепостью. Мнение свое он не изменил, но понял,

что такое очень даже возможно. И она это знала. Потому что в ее глазах он видел озабоченность, может, даже страх.

Пообещай мне, что наша встреча во дворце мэра будет нашей первой встречей.

Воспоминание это отрезвило его, вернуло к действительности. Он даже заметил, что женщина, которой его только что представили, чем-то похожая на Сюзан, смотрела на девушку с удивлением и тревогой.

Он низко поклонился, но лишь прикоснулся к протянутой, без единого кольца, руке. Но и этого хватило, чтобы почувствовать искру, проскочившую между их пальцами. По ее мгновенно раскрывшимся глазам он понял, что искра эта ударила и ее.

— Приятно познакомиться с вами, сэй, — выдавил он из себя. Голос его звучал фальшиво даже для него самого. Но все смотрели на него (*на них*), так ему, во всяком случае, казалось, поэтому не оставалось ничего иного, как продолжать. Он трижды похлопал себя по шее. — Пусть будут долгими ваши дни...

— Как и ваши, мистер Диаборн. Благодарю, сэй.

Она повернулась к Алену с быстротой, смахивающей на грубость, потом к Катберту, который поклонился, похлопал себя по шее и спросил, очень серьезно, без тени иронии в голосе:

— Позвольте прилечь у ваших ног, мисс? Вы так красивы, что колени у меня подгибаются. Я уверен, что несколько мгновений на холодном полу приведут меня в чувство.

Рассмеялись все, даже Джонас и мисс Корделия. Сюзан кокетливо зарделась и шлепнула Катберта по руке. Вот тут Роланд просто благословил неумемное шутовство приятеля.

Еще один мужчина присоединился к группе у стола с чашами для пунша. Широкоплечий, крепкого сложения, с обветренными щеками, светлыми глазами, прячущимися в паутине морщинок. Ранчер. В поездках с отцом Роланду часто доводилось с ними встречаться.

— С вами, парни, хотят познакомиться многие девушки. — На его губах играла дружелюбная улыбка. — Если утратите бдительность, как бы вам не утонуть в духах. Но я хотел бы представиться вам до того, как они примутся за вас. Френ Ленджилл, к вашим услугам.

Сильное и быстрое рукопожатие. И никаких дурацких поклонов.

— Мне принадлежит «Рокинг Б»... или я принадлежу ему, в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. Я также босс Ассоциации конезаводчиков, пока они меня не уволят. «Полоса К» — моя идея. Надеюсь, там все нормально?

— Идеально, сэр, — ответил Ален. — Чисто, сухо и места хватит на двадцать человек. Благодарим вас. Вы очень добры.

— Ерунда, — отмахнулся Ленджилл, отправляя в рот содержимое стакана с пуншем, но по голосу чувствовалось, что он доволен. — Мы все в одной лодке, юноша. Джон Фарсон сегодня не более чем один из сорняков. Мир сдвинулся, как говорят в народе. Да, похоже на правду, и сдвинулся ближе к концу той самой дороги, что ведет в ад. Наша забота — держать сено подальше от огня, насколько у нас хватит сил. Скорее ради наших детей, а не отцов.

— Ну хватит, хватит, — прервал его монолог Торин, почувствовав, что заботами Ленджилла от веселья может не остаться и следа. Роланд заметил, что тощий старикан ухватился за руку Сюзан (девушка вроде бы этого и не чувствовала, пристально вглядываясь в Ленджилла), и внезапно его осенило: мэр — то ли ее дядя, то ли кузен, словом, близкий родственник. Ленджилл словно и не услышал мэра, он переводил взгляд с одного юноши на другого, пока не остановился на Роланде.

— Если кто-нибудь из нас может чем-то помочь, юноша, только попроси... меня, Джона Кройдона, Хэша Ренфрю, Джейка Уайта, Генри Уэртнера. Этим вечером вы познакомитесь с ними, а также с их женами, сыновьями и дочерьми. Мы, возможно, живем очень далеко от Нью-Канаана, но все как один стоим за Альянс. Да, все как один.

— Хорошо сказано, — кивнул Раймер.

— А теперь поднимем стаканы за наших дорогих гостей. Похоже, вы заждались, пока вам нальют пунша. Должно быть, в горле у вас совсем пересохло.

Он повернулся к столу и потянулся за черпаком в большой красивой чаше, знаком давая понять помощнику шерифа, что сам хочет обслужить юношей.

— Мистер Ленджилл. — Роланд говорил тихо, но в его голосе слышались командные нотки.

Френ Ленджилл повернулся.

— В маленькой чаше пунш безалкогольный, не так ли?

Поначалу Ленджилл его не понял. Потом его брови взметнулись вверх. Видать, до него дошло, что Роланд и его спутники не просто живые символы Альянса и Внутренних феодалов, но живые человеческие существа. И очень юные. По существу, мальчишки.

— Да.

— Если вас не затруднит, налейте нам из нее. — Он чувствовал на себе взгляды собравшихся. Особенно ее взгляд. Сам он смотрел прямо на

ранчера, но периферийное зрение его не подвело, и он заметил ухмылку Джонаса. Джонас уже знал, что стоит за его просьбой. Роланд предположил, что об этом известно и Торину, и Раймеру. Сельские мышки много чего знают. Гораздо больше, чем следует. И об этом на досуге предстояло крепко подумать. Но сейчас его волновало совсем другое.

— Мы забыли лица наших отцов, что и послужило одной из причин нашей поездки в Хэмбри. — Роланд понял, что произносит речь, хотел он этого или нет. К счастью, обращался он не ко всем гостям, а лишь к маленькой группке, собравшейся вокруг мэра. Однако ему не оставалось ничего другого, как закончить: один берег он покинул, до другого еще не доплыл. — Мне нет нужды вдаваться в подробности... я знаю, вы и не ждете их от меня... но должен сказать, что мы пообещали не притрагиваться к спиртному, пока будем здесь. Как видите, искупаем грехи.

Ее взгляд. Он чувствовал его кожей.

Какое-то время слушатели молчали. Первым заговорил Ленджилл:

— Ваш отец гордился бы, услышав, как откровенно вы говорите, Уилл Диаборн... да, гордился бы. А какой мальчишка по молодости не выкидывает фортели? — Он хлопнул Роланда по плечу. И хотя улыбка его казалась искренней, глаза Ленджилла словно подернуло туманом, они чуть поблескивали в сети морщинок. — На его месте я мог бы гордиться, не так ли?

— Надеюсь. — улыбнулся в ответ Роланд. — И благодарю вас за теплые слова.

— И я, — добавил Катберт.

— И я, — присоединился к ним Ален, принимая стакан безалкогольного пунша и кланяясь Ленджиллу.

Ленджилл быстро наполнял и раздавал стаканы. Те, кто уже держал стаканы с пуншем, ставили их на стол и брали другие, с безалкогольным напитком. Когда все получили по стакану, Ленджилл повернулся к юношам, вероятно, намереваясь произнести тост. Но Раймер похлопал его по плечу, чуть качнул головой и стрельнул взглядом в сторону мэра. Тот смотрел на них, с чуть выпученными глазами, отвисшей челюстью. Роланду он напомнил театрального зрителя, сидящего в глубине зала, на самых дешевых местах. Чего ему не хватало, так это апельсиновой кожуры на коленях. Ленджилл проследил за взглядом Раймера, кивнул.

Раймер тем временем поймал взгляд одного из гитаристов. Тот перестал играть, его примеру последовали и остальные. Гости повернулись сначала к музыкантам, потом к группе в центре зала. Торин начал говорить. Это он умел.

— Леди и джентльмены, друзья. Я хочу попросить вас помочь мне и поприветствовать троицу моих новых друзей... молодых людей из Внутренних феонов, прекрасных молодых людей, которые бесстрашно преодолели огромное расстояние ради благополучия Альянса, служа порядку и миру.

Сюзан Дельгадо поставила свой стакан на стол, высвободила (не без труда) вторую руку из цепких пальцев дядюшки и захлопала. К ней присоединились остальные. Хлопали недолго, но очень тепло. Эддред Джонас, заметил Роланд, не выпустил стакана из руки, чтобы последовать общему примеру.

Торин, улыбаясь, повернулся к Роланду. Поднял стакан.

— Могу я начать с тебя, Уилл Дйаборн?

— Да, конечно, буду вам очень признателен.

Слово «да» он произнес с местным выговором, заслужив смех и новую порцию аплодисментов^[23].

Торин еще выше поднял свой стакан. Все поступили точно так же. Хрусталь засверкал в свете люстры.

— Дамы и господа, представляю вам Уилла Дйаборна из Хемпхилла, Ричарда Стокуорта из Пеннилта и Артура Хита из Гилеада.

При последнем слове шепоток и ахи пробежали по залу, словно мэр представил Артура Хита с Небес.

— Примите их хорошо, всячески помогайте им, пусть жизнь в Меджисе покажется им медом, а воспоминания о проведенных здесь днях останутся на всю жизнь. Содействуйте им во всем, ибо служат они тем идеям, которые нам так дороги. И пусть долгими будут их дни на земле. Так говорит ваш мэр.

— *ТАК ГОВОРИМ МЫ ВСЕ!* — хором откликнулись гости.

Торин выпил, остальные от него не отстали. Вновь загремели аплодисменты. Роланд повернулся, не в силах сдержаться, и сразу же поймал взгляд Сюзан. Мгновение они смотрели друг другу в глаза, и Роланд понял, что она потрясена не меньше, чем он. Потом женщина, похожая на нее, но старше по возрасту, наклонилась к ней и что-то прошептала на ухо. Сюзан отвернулась, ее лицо застыло, как маска... но он увидел в глазах девушки ее отношение к нему. И вновь подумал, что данное кому-то слово можно взять обратно, а любой договор — отменить. Ибо ничего нет невозможного...

Когда гости потянулись в обеденный зал, где в этот вечер накрыли четыре длинных стола и свободного места практически не осталось, Корделия дернула племянницу за руку и оттащила от мэра и Джонаса, которые о чем-то беседовали с Френом Ленджиллом.

— Почему ты так смотрела на него, мисс? — яростно прошептала Корделия. Вертикальная морщина прорезала ее лоб. Глубокая, как окоп. — Что взбрело в твою красивую, но бестолковую голову?

Сюзан уже по первому слову поняла, что тетя вся кипит.

— Смотрела на кого? И как? — Она надеялась, что голос у нее звучит как должно, но что творилось у нее в сердце...

Пальцы Корделии впились в ее запястье.

— Не пытайся обмануть меня, мисс Красотка! Видела ты этого молодца раньше? Говори правду!

— Нет, откуда? Тетя, мне больно.

Тетя Корд хищно улыбнулась и еще сильнее сдавила руку Сюзан.

— Маленькая боль сегодня лучше, чем большая завтра. Умерь свое бесстыдство. И прекрати строить глазки.

— Тетя, я не понимаю, о чем ты...

— А я думаю, что понимаешь, — оборвала ее Корделия и придавила к деревянной обшивке стены, чтобы не мешать проходящим в обеденный зал гостям. Когда ранчер, элинг которого находился по соседству от их, поздоровался с ними, тетя Корделия тепло ему улыбнулась и пожелала долгих дней на земле, прежде чем вновь вперить свой взор в Сюзан.

— Слушай меня, Сюзан, и слушай внимательно. Если я видела твои коровьи глаза, считай, их видела половина компании. Ладно, что сделано, то сделано, но на этом надо ставить точку. Твое время для детских игр ушло. Ты понимаешь?

Сюзан молчала, лицо ее застыло маской упрямства, которую Корделия ненавидела больше всего. В такие моменты ей всегда хотелось отвесить твердолобой племяннице с дюжину оплеух, чтобы из носа у нее полилась кровь, а из больших серых глаз — слезы.

— Ты дала слово и заключила контракт. Бумаги подписаны, ведьма вынесла свой вердикт, деньги перешли из рук в руки. *Ты пообещала.* Если для тебя это ничего не значит, девочка, помни, что значило данное слово для твоего отца.

Слезы вновь сверкнули в глазах Сюзан, к вящей радости Корделии. В жизни толку от ее брата не было никакого, разве что поучаствовал в появлении на свет этой красотки... но хоть после смерти приносит пользу.

— А теперь пообещай, что будешь смотреть только себе под ноги, а

если увидишь, что к тебе приближается этот мальчик, пойдешь другой дорогой.

— Обещаю, тетя. — прошептала Сюзан. — Обещаю.

Корделия улыбнулась. Улыбка делала ее красивой.

— Вот и хорошо. Тогда пойдём. На нас уже смотрят. Возьми меня за руку, дитя!

Сюзан схватилась за напудренную тетушкину руку. Бок о бок, шурша платьями, они вошли в обеденный зал. На груди Сюзан поблескивало сапфировое ожерелье. Многие отметили, как похожи тетя и племянница и как гордился бы ими бедный Пат Дельгадо, если бы мог их сейчас увидеть.

9

Роланд сидел за центральным столом, между Хэшем Ренфрю (ранчером, еще более широкоплечим и высоким, чем Ленджилл) и худосочной сестрой мэра Торина, Корал. Ренфрю уже крепко приложился к пуншу. А теперь, когда на стол поставили суп, отдавал должное элю.

Говорил он о рыболовстве («не то что я этим занимаюсь, юноша, но мутантов они вытаскивают все реже, а это благо»), фермерстве («растет тут что угодно, но предпочтение отдается пшенице и фасоли») и, наконец, о более близком и родном: лошадях. Дела у них шли как обычно, да, как обычно, хотя последние сорок лет выдались трудными для феодалов, расположенных на прибрежных равнинах.

— Разве здесь не очищают породу? — спросил Роланд. Там, откуда он приехал, этим уже начали заниматься.

— Да, — согласился Ренфрю, проигнорировав картофельный суп и взявшись за обжаренное мясо. Куски он хватал прямо рукой и отправлял в рот, обильно заливая их элем. — Да, молодой мастер, с очищением породы дела идут неплохо, трое из пяти жеребят рождаются нормальными, их можно использовать и дальше для воспроизводства, четвертый годится только в качестве тягловой силы. И лишь один из пяти рождается мутантом, с дополнительными ногами, глазами или внутренностями, торчащими из живота. Это, конечно, хорошо. А вот рождаемость падает. У жеребцов вроде бы все стоит, но семя теряет силу.

Прошу извинить, мэм. — Ренфрю, чуть наклонившись вперед, обратился к Корал Торин. Та сухо улыбнулась (*совсем как Джонас*, подумал Роланд), зачерпнула ложку супа и ничего не сказала. Ренфрю опустошил кружку с элем, смачно чмокнул и протянул ее слуге. Как только ее

наполнили, вновь повернулся к Роланду.

— Ситуация не так хороша, но могла быть и хуже. *Могла бы* быть хуже, если бы этот негодяй Фарсон добился своего. — На этот раз он не счел нужным извиняться перед сэй Торин. — Они все должны держаться друг за друга, богатые и бедные, великие и малые, в стремлении сделать жизнь лучше.

Тут он повторил слова Ленджилла, сказав Роланду, если ему и его друзьям что-то нужно, чего-то им не хватает, достаточно просто обратиться к нему.

— Нам необходима информация. — ответил Роланд. — Цифры.

— Естественно, счетоводу без цифр никуда, — согласился Ренфрю и расхохотался. По левую руку Роланда Корал Торин поклевала салат (к мясу она даже не притронулась), снова чуть улыбнулась и окунула ложку в тарелку с супом. Роланд догадывался, что со слухом у нее все в порядке, а потому ее братец получит полный отчет о застольном разговоре. Или, возможно, Раймер. Потому что у Роланда начало складываться ощущение, хотя наверняка знать этого он не мог, что реальная сила в феоде — Раймер. Возможно, в компании с сэй Джонасом.

— К примеру, о каком количестве верховых лошадей, имеющих в наличии, мы можем сообщить Альянсу?

— Общем количестве или том, что мы может отправить Альянсу?

— Общем.

Ренфрю поставил кружку, вроде бы начал что-то подсчитывать. Роланд тем временем посмотрел через стол и заметил, как быстро переглянулись Ленджилл и Генри Уэртнер, конезаводчик феода. Они все слышали. Когда же он вновь повернулся к соседу, не укрылся от его внимания и еще один нюанс: Хэш Ренфрю, конечно, выпил, но не перебрал меры, в чем ему очень хотелось убедить юного Уилла Диаборна.

— Общем, говоришь... не тех лошадях, которые мы задолжали Альянсу и можем отправить хоть сейчас.

— Да.

— Давай поглядим, молодой сэй. У Френа сто сорок голов. У Джона Кройдона около сотни. У Генри Уэртнера сорок своих и шестьдесят принадлежащих феоду. Государственные лошади, мистер Диаборн.

Роланд улыбнулся:

— Это я понимаю. Разбитые копыта, короткие шеи, низкая скорость, бездонные животы.

Ренфрю загоготал, согласно кивая... но у Роланда остались сомнения, а так ли тому весело. В Хэмбри движение поверхностных и глубинных

слоев воды не совпадало.

— Меня же последние десять или двенадцать лет преследуют напасти: песочные глаза, мозговая лихорадка, копытная гниль. Одно время по Спуску скакали двести лошадей с тавром «Ленивой Сюзан». Сейчас наберется не больше восьмидесяти.

Роланд кивнул.

— Значит, мы говорим о четырехстах двадцати головах.

— Нет, это еще не все, — хохотнул Ренфрю. Потянулся к кружке с элем, но вместо того чтобы поднять, неловко задел рукой и перевернул. Выругался, все-таки поднял, потом обругал слугу, который замешкался и не сразу наполнил ее.

— Не все? — Роланд вернулся к прерванному разговору, когда Ренфрю успокоил себя, ополовинив кружку.

— Вы должны помнить, мистер Диаборн, что мы не только разводим лошадей, но и ловим рыбу. Мы, конечно, подтруниваем друг над другом, мы и рыбаки, но многие из них держат лошадку-другую у дома или в конюшне феода, если у их лошадей нет крыши над головой. Как держал там своих лошадей ее бедный отец.

Ренфрю кивнул на Сюзан, которая сидела по другую сторону стола на три стула ближе к голове, чем Роланд... первой по свою сторону, рядом с мэром, который, естественно, занимал место в торце. Роланда это удивляло, потому что жена мэра сидела чуть ли не у дальнего конца, между Катбертом и ранчером, с которым его еще не познакомили.

Вроде бы Роланд понимал, что такому старику, как Торин, приятно видеть рядом с собой юное лицо родственницы, радующее глаз, но не мог его одобрить. Ведь мэр публично оскорблял собственную жену. Если ему надоела ее болтовня, почему не посадить ее во главе другого стола?

У них свои обычаи, вот и все, а обычаи чужой страны тебя не касаются. Что тебя касается, так это количество лошадей, пасущихся в этой стране.

— Так сколько, вы говорите, у них лошадей? — спросил он Ренфрю. — В общем?

Ренфрю пристально посмотрел на Роланда.

— Честный ответ мне не повредит, не так ли, сынок? Я стою за Альянс... всей душой... на моем могильном камне выбьют Эскалибур^[24]... но я не хочу, чтобы Хэмбри и Меджис лишили всех богатств.

— Этого не случится, сэй. Разве мы можем силой заставить вас отдать то, с чем вы не захотите расстаться? Такие силы, конечно, у нас есть, но они направлены на север и запад, против Благодетеля.

Ренфрю обдумал его слова, кивнул.

— И не могли бы вы называть меня Уилл?

Ренфрю просиял, опять кивнул, второй раз предложил Роланду руку и расплылся в улыбке, когда Роланд сжал ее двумя руками, снизу и сверху, и потряс, как принято у конюхов и ковбоев.

— Мы живем в плохие времена, Уилл, а они порождают дурные манеры. Думаю, в Меджисе есть еще не меньше ста пятидесяти лошадей. Я про хороших.

— На которых не стыдно показаться на людях.

Ренфрю кивнул, хлопнул Роланда по спине, отхлебнул эля.

— Именно так.

А от головы стола донесся взрыв хохота. Должно быть, Джонас рассказал что-то забавное. Сюзан смеялась, откинув голову, сцепив руки под сапфировым ожерельем. Корделия, сидевшая между девушкой и Джонасом, тоже смеялась, но более сдержанно. А Торина просто трясло, он качался взад-вперед, вытирая глаза салфеткой.

— Красивая она девочка. — В голосе Ренфрю слышался отеческий восторг. А вот с другой стороны вроде бы донеслось пренебрежительное фырканье. Роланд покосился на Корал, но та по-прежнему возила ложкой в супе. Он вновь посмотрел на мэра и его юную родственницу.

— Мэр — ее дядя или, может, кузен? — спросил Роланд.

Случившееся потом отпечаталось в его памяти с предельной ясностью, словно кто-то отключил все звуки и обесцветил все краски окружающего мира. Корал Торин захохотала так громко, что не могла не привлечь внимание всего стола. Роланду показалось, что все разговоры оборвались, все взгляды сосредоточились на ней... на самом деле на Корал посмотрели только Ренфрю да два ранчера, сидевшие напротив.

— Ее дядя! — Первые слова, произнесенные Корал за столом. — Ее дядя. Это хорошо. Что скажешь, Ренни?

Ренфрю ничего не сказал, отодвинул кружку из-под эля и наконец-то начал есть суп.

— Вы меня удивили, молодой человек, очень удивили. Вы, возможно, приехали из Привходящего мира, но, о боги, тот, кто учил вас реальной жизни, той, что существует вне книг и карт, дал маху. Она — его... — Последнее слово Роланд не понял, наверное, существовало оно только в местном диалекте. То ли суррогатка, то ли суррогавка.

— Простите? — Он еще улыбался, но улыбка эта и ему казалась фальшивой. Желудок у него скрутило, словно суп и один кусочек мяса, который он съел скорее из вежливости, кто-то щедро сдобрил ядом. Ты

служишь, спрашивал он ее, имея в виду, прислуживает ли она за столом. Может, она таки *служила*, но не в обеденном зале, а в другом, более уединенном. Внезапно он понял, что больше не хочет слышать ни слова. И значение слова, которое произнесла сестра мэра последним, нисколько его не интересует.

А во главе стола вновь рассмеялись. Сюзан откинула голову щеки ее горели, глаза сверкали. Одна бретелька платья сползла, обнажив нежную ямочку у плеча. Под его взглядом, а сердце Роланда переполняли страх и желание, она ладонью небрежно вернула бретельку на место.

— Это означает, тихая, спокойная женщина, — пояснил Ренфрю. Чувствовалось, что ему не по себе. — Старый термин, сейчас его практически не употребляют...

— Прекрати, Ренни. — оборвала его Корал и обратилась к Роланду. — Он — старый ковбой и разгребает конский навоз, даже когда его отрывают от его любимых лошадей. *Суррогатка* — это суррогатная жена^[25]. Во времена моей прабабушки так называли шлюх... но шлюх особого рода. — Она посмотрела на Сюзан, которая пила эль, вновь повернулась к Роланду. И злобный блеск ее глаз очень ему не понравился. — Шлюх, услуги которых не оплачиваются на месте деньгами, шлюх, которые слишком хороши, чтобы обслуживать простой люд.

— Она — его наложница? — спросил Роланд разом одеревеневшими губами.

— Да, — кивнула Корал. — Он еще не накачал ее, не накачает до праздника Жатвы, о чем мой дорогой брат очень скорбит, но все куплено и оплачено, как в добрые старые времена. Так что она — наложница. Ее отец умер бы еще раз, теперь от стыда, если б увидел ее.

— Не думаю, что мы должны так строго судить нашего мэра. — Ренфрю попытался разрядить накалившуюся атмосферу.

Корал его проигнорировала. Она не отрывала глаз от лица Сюзан, полукружий грудей над платьем, рассыпанных по плечам волос. Губы ее уже не кривились ироничной улыбкой. В глазах читалось откровенное презрение.

Перед мысленным взором Роланда внезапно возникло видение: руки мэра, с торчащими из костяшек пальцев островками седых волос, стягивают бретельки платья Сюзан, ползают по обнаженным плечам, забираются под волосы, как белые крабы в пещеру. Он отвернулся к дальнему концу стола, но и там не увидел ничего радостного. Потому что взгляд его упал на Олив Торин... Олив, сосланную подальше от мужа. Олив, не отрывающей глаз от смеющихся во главе стола, от своего мужа,

поменявшего ее на юную красотку и подарившего этой красотке ожерелье, в сравнении с которым ее рубиновые серьги смотрелись дешевой подделкой. Но на ее лице он не увидел ни ненависти, ни злобы, ни презрения, прописанных на лице Корал. Только в глазах стояли надежда и печаль. Теперь Роланд понимал, почему Олив показалась ему грустной. Для того у нее имелись все основания.

Компания мэра все смеялась. Раймер наклонился со своего места во главе другого стола, чтобы внести в поток остроумия и свою лепту. Должно быть, ему это удалось. На этот раз рассмеялся даже Джонас. Сюзан прижала руку к груди, потом взяла салфетку, поднесла к лицу, чтобы вытереть слезу, покотившуюся из уголка глаза. Торин накрыл вторую ее руку своей. Она посмотрела на Роланда и встретила его взгляд, все еще смеясь. Он подумал об Олив Торин, сидящей в дальнем конце над нетронутой тарелкой супа, с несчастной улыбкой на лице. Сидящей там, где ее могла видеть и эта девица. И подумал о том, что, будь при нем револьверы, он бы поднял один и пустил бы пулю в холодное и блудливое маленькое сердце Сюзан Дельгадо.

Но тут же пришла другая мысль: *Кому ты дуришь голову?*

Подошел слуга, поставил перед ним тарелку с рыбой. Роланд подумал, что никогда еще он не испытывал такого отвращения к пище... но понял, что будет есть, будет, хотя бы ради того, чтобы вернуться к тем вопросам, что возникли у него в разговоре с Хэшем Ренфрю, владельцем ранчо «Ленивая Сюзан». Он не собирался забывать лица своего отца.

Да, я буду хорошо его помнить, думал Роланд. Если бы только я мог забыть другое лицо, над сапфировым ожерельем.

Обед тянулся бесконечно, но на нем прием не закончился. Стол в зале приемов убрали, и гости, выплеснувшись из обеденного зала, встали в два соприкасающихся в одном месте хоровода, мужской и женский, следуя указаниям очень подвижного, невысокого росточка, рыжеволосого мужчины, как потом выяснилось со слов Катберта, министра развлечений при дворе мэра Торина. В хороводы народ собрался со смехом и не без труда (Роланд догадался, что две трети гостей уже крепко набрались), и тут же гитаристы заиграли какую-то незамысловатую мелодию. Хороводы двинулись в противоположных направлениях. И не останавливались, пока музыка не оборвалась. Та пара, что оказалась в точке соприкосновения

хороводов, прошла в женский круг и начала танцевать под аплодисменты и радостные крики остальных.

Руководитель оркестра прекрасно знал местные нравы, а потому музыка смолкала в тот самый момент, когда в точке соприкосновения оказывалась самая нелепая пара: высокая женщина — коротышка-мужчина, толстая женщина — худой мужчина, старая женщина — молодой мужчина (Катберту досталась дама, по возрасту годящаяся ему в бабушки, с ней он и станцевал под хихиканье и одобрительные вопли).

И вот, когда Роланд думал, что эти глупые танцы никогда не закончатся, музыка смолкла, и он оказался лицом к лицу с Сюзан Дельгадо.

Какое-то мгновение он лишь смотрел на нее, чувствуя, что его глаза вылезают из орбит, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Потом она подняла руки, зазвучала музыка, хоровод (в котором стояли и мэр Торин, и сухо улыбающийся Джонас) заплодировал, и Роланд повел Сюзан в танце.

Поначалу, в первом пируэте (ноги его, онемевшие или нет, двигались как положено), ему казалось, что тело его стало стеклянным. А потом, когда их тела соприкоснулись, когда он услышал шуршание ее платья, все человеческие чувства и эмоции вновь вернулись к нему.

На мгновение она прижалась к Роланду, и когда заговорила, от ее дыхания у него защекотало в ухе. Могла ли женщина свести мужчину с ума, так просто взять и свести? До этого вечера он бы в такое не поверил, но этот вечер все перевернул.

— Спасибо тебе за твои благоразумие и порядочность, — прошептала она.

Он чуть отстранился, кружа ее в танце, его рука лежала на ее пояснице — ладонь на прохладном шелке платья, пальцы касались теплой кожи. Ее ноги синхронно повторяли все его движения. Она нисколько не опасалась, что его тяжелые сапоги отдавят изящные туфельки.

— Я могу быть благоразумным, сэй, — ответил он. — А насчет порядочности... Я изумлен, что вы знаете это слово.

Она вскинула глаза на его закаменевшее лицо, улыбка поблекла. Он увидел, как глаза заливают злость, но прежде в них промелькнула боль, словно он ударил ее. И он одновременно почувствовал радость и печаль.

— Почему ты так говоришь со мной? — прошептала она.

Музыка смолкла, прежде чем он успел ответить... хотя и понятия не имел, что мог сказать в ответ. Она сделала реверанс, он поклонился, под аплодисменты и свист ^[26] гостей. Они вернулись на прежние места в своих хороводах, вновь заиграли гитары. Роланд почувствовал, как его схватили за руки с обеих сторон: хоровод двинулся дальше.

Смех. Крики. Хлопки в такт музыке. Чувствуя спиной ее присутствие, он ничем не выделялся среди остальных. И гадал, ужели ей, так же, как и ему, хочется вырваться отсюда в темноту, где бы он мог скинуть перед ней маску, чтобы она увидела его истинное лицо, пылающее любовью.

Глава шестая

ШИМИ

1

Около десяти вечера трое молодых людей из Внутренних феодов поблагодарили хозяйку и хозяина за гостеприимство и откланялись, выскользнув в теплую, напоенную ароматами цветов летнюю ночь. Корделия Дельгадо, которая в этот момент стояла рядом с Генри Уэртнером, конезаводчиком феода, заметила, что они, должно быть, устали. Уэртнер расхохотался и не преминул возразить:

— Нет, мэм, в этом возрасте они понятия не имеют, что такое усталость. И пройдет не один час, прежде чем койки в «Полосе К» увидят их.

Олив Торин покинула гостей вскоре после юношей, сославшись на головную боль. Бледность лица как бы подтверждала правоту ее слов.

К одиннадцати мэр, его канцлер и начальник вновь организованной службы безопасности переместились в кабинет мэра в компании нескольких оставшихся гостей (исключительно ранчеров, членов Ассоциации конезаводчиков). Последовал короткий, но интенсивный обмен мнениями. Некоторые ранчеры порадовались тому, что эмиссары Альянса столь молоды. Элдред Джонас ничего на это не сказал, лишь улыбался, разглядывая длинные пальцы своих рук.

К полуночи Сюзан добралась до дома и уже разделась. О сохранности сапфирового ожерелья ей тревожиться не пришлось: оно принадлежало феоде и отправилось в сейф до того, как Сюзан покинула дворец мэра, что бы там ни думал мистер Вы-нам-не-пара Уилл Диаборн. Мэр Торин (не могла она называть его Харт, хотя он настоятельно просил об этом... не могла даже в мыслях) самолично снял с нее ожерелье. В коридорчике рядом с залом приемов, под гобеленом, на котором король Артур доставал из пирамиды захороненный в ней меч. И он (Торин, не Артур) воспользовался моментом, чтобы поцеловать ее в губы и облапать грудь, ту часть, что оставалась наиболее обнаженной на протяжении этого бесконечного вечера.

— Я сгораю в ожидании Жатвы, — страстно прошептал он ей на ухо. От него разило бренди. — Каждый летний день тянется, как год.

Теперь, в своей комнате, расчесав волосы и глядя на плывущую по небу луну, Сюзан думала, что никогда в жизни не испытывала такой злости, как в это самое мгновение: она злилась на Торина, злилась на тетю Корд, а уж этого самодовольного ханжу Уилла Диаборна просто разорвала бы на куски. Но больше всего, однако, она злилась на себя.

«Из любой ситуации есть три выхода, — как-то сказал ей отец. — Ты можешь принять решение что-то сделать, можешь принять решение ничего не делать... а можешь решить не принимать никакого решения». От последнего, указывал отец, ничего хорошего не жди, это выбор слабого и дурака. Она пообещала себе, что с ней такого никогда не случится... и в итоге оказалась именно в таком положении. Выбирать было не из чего, она сама себя загнала в тупик...

В своей комнате во дворце мэра (она не делила спальню с Хартом уже лет десять, а постель, пусть и не часто, — пять), Олив сидела в ночной рубашке из простой, нерасшитой белой хлопчатобумажной ткани и тоже смотрела на луну. Уединившись в своем убежище, она поплакала... но слезы быстро иссякли. И теперь она сидела с сухими глазами, опустошенная, без эмоций, не женщина — сухое дерево.

А самое ужасное состояло в том, что Харт ничего не понимал. Не понимал, что унижает не только ее. Весь вечер он раздувал щеки и хорохорился (не забывая при каждом удобном случае заглянуть в вырез на груди сэй Дельгадо), не замечая, что люди, включая его собственного канцлера, смеются за его спиной. Они, конечно, перестанут смеяться, если девушка вернется к тетке с большим животом, но произойдет это не скоро. Ведьма об этом позаботилась. А если девушка забеременеет не сразу? Но больше всего унижало ее другое. Она, Олив, дочь Джона Хаверти, все еще любила своего мужа. Тщеславного, самовлюбленного, надменного. Любила, и все.

Однако тревожила Олив не только юношеская влюбленность Харта в эту красотку. Она чувствовала, что за его спиной плетется какая-то интрига, опасная и бесчестная. Она догадывалась, что Харт знал об этом совсем ничего, ровно столько, сколько *позволяли* ему знать Кимба Раймер и этот отвратительный хромоногий мужчина.

А ведь было время, и не так давно, когда Харт не позволил бы Кимбе Раймеру водить себя за нос, когда ему хватило бы одного взгляда на Элдреда Джонаса и его друзей, чтобы выслать их на запад. Но все это было до того, как Харт потерял голову от серых глаз, высокой груди и плоского живота сэй Дельгадо.

Олив притушила лампу, задула фитиль и залезла в кровать, где и

пролежала без сна чуть ли не до рассвета.

К часу ночи в зале приемов и, обеденном зале дворца мэра не осталось ни души, за исключением квартета уборщиц, которые молчаливо (и нервно) занимались своим делом под недремлющим оком Элдредэ Джонаса. Когда одна подняла голову и увидела, что он покинул подоконник, где сидел и курил, то тут же известила об этом остальных, и те чуть расслабились. Но они не смели ни петь, ни смеяться. Il spectro^[27], мужчина с синим гробом на руке, мог лишь отступить в тень. Возможно, он все еще приглядывал за ними.

К двум часам ушли и уборщицы. В это время прием в Гилеаде только выходил бы на пик, веселье достигало максимума, но Гилеад был далеко, не только в другом феоде, но в другом мире. А высший свет Внешней Дуги ложился спать рано.

В «Приют путников» представители высшего света не заходили, а простой люд гулял под немигающим взглядом Сорви-Головы.

2

В одном конце салуна рыбаки в сапогах с завернутыми голенищами пили и играли по маленькой в «Следи за мной». Справа от них пустовал покерный столик, зато слева горластые мужики, в основном ковбои с ранчо, облепили «Аллею Сатаны», наблюдая, как кости скачут по бархату. В другом конце салуна Шеб Маккарди наяривал на своем инструменте, руки летали, пот градом катился по бледным щекам и шее. Рядом с ним, встав на скамью, трясла огромной грудью подвыпившая Красотуля и во весь голос горланила песню:

*Давай иди ко мне, дружок,
Иди скорее.
Амбар не заперт на замок,
Вперед смелее.
В амбаре курочка живет
И петушка весь вечер ждет,
Ко мне скорее...*

Шими остановился у пианино, с «верблюжьим» ведром в одной руке, улыбнулся Красотуле, попытался подпеть. Она, не сбившись с ритма, дала

ему пинка, и Шими двинулся дальше, смеясь своим особенным смехом, пронзительным, но тем не менее не противным.

У стены играли в дартс. В кабинке шлюха, именовавшая себя графиней Джулией (особа королевской крови, изгнанная из Горлана, это вам не хухры-мухры), одновременно гоняла шкурку двум клиентам и при этом курила трубку. У стойки бара выпивали бродяги, погонщики, конюхи, возницы, плотники, бондари, рыбаки...

И еще двое мужчин, с револьверами на боку, оккупировавшие дальний конец стойки. Никто не решался составить им компанию, даже сесть вплотную. И не только потому, что из кобур грозно торчали рукоятки револьверов. Стрелковое оружие встречалось в Меджисе редко, но особо его не боялись. Да только по этой парочке чувствовалось, что весь день они провели за тяжелой работой, выполнять которую им очень не хотелось... и теперь искали малейшего повода затеять драку и снять накопившееся напряжение, отправив к праотцам какого-нибудь мужа новоиспеченной вдовы.

Бармен Стенли ставил им одну порцию виски за другой, не пытаясь завязать разговор, обходясь без дежурных фраз вроде «Жаркий выдался денек, не правда ли?». Он них несло потом, руки потемнели от сосновой смолы. Но смола не скрывала синие гробы, вытатуированные на правой руке каждого. Их приятель, хромоногий старик с женской прической, однако отсутствовал. По мнению Стенли, из трех Больших охотников за гробами Джонас был самым худшим, но и от этих двоих он не ждал ничего хорошего, поэтому старался держаться от них подальше. Вроде бы и остальные следовали его примеру. И при удаче все могло обойтись: парочка слишком устала, чтобы засиживаться допоздна.

Рейнолдс и Дипейп действительно устали, они провели весь день в СИТГО, маскируя цистерны с ничего не значащими для них словами ТЕКСАКО, СИТГО, САНОКО, ЭКССОН, выписанными на бортах. Они нарубили миллион сосновых ветвей и перетащили их с одного места на другое, но вот отправляться на боковую не собирались. Дипейп, возможно, и отправился, в компании Ее святейшества, но юную Красотулю (звали ее Герт Моггинс) выписали на пару ночей на ранчо.

— И она останется там на неделю, если будут хорошо платить, — мрачно изрек Дипейп, поправив очки.

— К черту ее, — буркнул Рейнолдс.

— Именно туда я бы ее и отправил, если б смог, но не могу.

— Пожалуй, пора перекусить, раз уж забесплатно. — Рейнолдс указал на другой конец стойки, куда поставили только что принесенную из кухни

оловянную миску с дымящимися моллюсками. — Хочешь?

— Они похожи на улиток и так же медленно сползают в живот. Принеси мне лучше жареного мяса.

— Как скажешь, партнер. — И Рейнолдс двинулся к другому концу стойки. Люди широко расступались, давая ему пройти. Его плащ с шелковой подкладкой и то никого не задел.

Дипейп пребывал в особенно мрачном настроении: мало того что пахал как вол, так еще и Ее святейшество ублажала сейчас ковбоев на ранчо «Пиано». Он осушил стакан, поморщился от запаха сосновой смолы, которым пропахли его руки, протянул стакан Стенли Руису.

— Наполни, да побыстрее, собака! — гаркнул он. Пастуха, привалившегося к стойке спиной и задницей, от рыка Дипейпа бросило вперед. С этого все и началось.

Шими шел вдоль стойки, с «верблюжьим» ведром в руках. В более поздний час, когда народ начинал расходиться, в его обязанности входила уборка. А до того он кружил по залу с ведром, сливая все недопитое из стаканов. Этот коктейль выливался в кувшин, который Стенли держал за стойкой. Надпись на кувшине в достаточной мере соответствовала его содержимому — «ВЕРБЛЮЖЬЯ МОЧА». Двойная порция этого пойла стоила три пенни. Пили его лишь самые бедные да те, у кого еще горела душа, а на другое денег уже не осталось, однако каждый вечер желающих хватало. И у Стенли не возникало проблем с опорожнением кувшина. Иной раз на дне что-то и оставалось, но один вечер всегда сменялся другим. А с ним прибывали и новые жаждущие.

Но в этот раз Шими не удалось добраться до кувшина с «верблюжьей мочой», что стоял за стойкой. Он споткнулся о ногу пастуха, когда тот отпрянул от стойки, и, удивленно вскрикнув, упал на колени. Содержимое ведра выплеснулось вперед и, следуя Первому зловредному закону Сатаны (если какая-то неприятность может случиться, от нее никуда не денешься), окатило ноги Дипейпа, от колен и ниже, ядреным коктейлем из пива, графа и белой молнии.

Разговоры за стойкой разом стихли, замолчали и мужчины у стола, где шла игра в кости. Шеб повернулся, увидел Шими, стоящего на коленях перед Дипейпом, и перестал играть. Красотуля, которая, закрыв глаза, вкладывала в песню всю душу, проорала еще пару строк, прежде чем до нее дошло, что в салуне неестественно тихо, тут она перестала петь и открыла глаза. Потому что такая тишина предвещала только одно: сейчас кого-то убьют. И уж она, конечно, не хотела пропустить этого захватывающего события.

Дипейп застыл, вдыхая поднимающиеся алкогольные пары. Запах неприязни не вызывал, все лучше, чем сосновая смола. И мокрые, прилипшие к ногам штаны особенно не смущали: другое дело, если б сок жизни налился в сапоги, но этого не произошло.

Его рука упала на рукоятку револьвера. Слава богам, наконец-то у него появился повод забыть о липких руках и уехавшей шлюхе. Да еще немного поразвлечься.

Теперь затих весь салун. Стенли вытянулся за стойкой, как солдат, нервно подергивая подтяжки. С другого конца стойки Рейнолдс с интересом взирал на своего партнера. Он взял раковину из дымящейся миски и раздавил ее о край стойки, как сваренное вкрутую яйцо. У ног Дипейпа Шими поднял голову, в его округлившихся глазах застыл страх. Черные волосы торчали во все стороны. Он попытался улыбнуться.

— Ну, — процедил Дипейп. — Ты меня всего облил, парень.

— Премного извиняюсь, здоровяк, я споткнулся. — Шими указал за спину. Несколько капелек «верблюжьей мочи» слетело с пальцев. Кто-то нервно откашлялся. Все взгляды скрестились на Шими и Дипейпе, а тишина стояла такая, что слышался шелест листвы под ветром да шум волн, разбивающихся о скалы Хэмбри-Пойнта, в двух милях от «Приюта».

— Черта с два. — подал голос пастух, отпрянувший от стойки. Лет двадцати, внезапно испугавшийся, что ему больше не увидать мать. — Не пытайся переложить вину на меня, паршивый недоумок.

— Мне без разницы, как это произошло. — Дипейп отдавал себе отчет, что играет для зрителей, а у зрителей, как известно, цель одна — увидеть зрелище. И сэй Р.Б. Дипейп не мог отказать им в маленьком удовольствии.

Ох ухватился за штаны повыше колен и подтянул их повыше, открыв носки сапогов. Блестящие и мокрые.

— Смотри сюда. Видишь, что ты сделал с моими сапогами.

Шими, однако, не отрывал глаз от его лица, перепуганный, с прилипшей к лицу идиотской улыбкой.

Стенли Руис решил, что должен попытаться предотвратить трагедию. Он знал Долорес Шимер, мать мальчика, возможно, сам был его отцом. И потом, он любил Шими. Дурачок, но с добрым сердцем, не пил, работал отменно. Опять же, мог улыбнуться тебе в самый холодный и мрачный зимний день. Этого таланта не доставало куда как многим нормальным людям.

— Сэй Дипейп. — Он приблизился на шаг, заговорил тихо и почтительно. — Я очень сожалею о случившемся. Я с радостью оплачу вашу выпивку этим вечером, если вы сможете забыть это печальное...

Дипейп отреагировал мгновенно, движение его руки мало кто успел уловить, но завсегдатаев «Приюта» это не удивило: они и так знали, что подручный Джонаса должен иметь отменные рефлексy. Удивило их другое: *он даже не повернулся, чтобы определить местоположение цели.* Ему вполне хватило голоса Стенли.

Дипейп выхватил револьвер, и его рука описала широкую поднимающуюся дугу. Он попал Стенли Руису точно в рот. Раскровив губы и выбив три зуба. Кровь брызнула за зеркало, тянущееся за баром. Несколько капель попали на левый нос Сорви-Головы. Стенли вскрикнул, прижал руки к лицу, откинулся на полку за его спиной. В тишине отчетливо зазвенели бутылки.

У другого конца стойки Рейнолдс раздавил еще одну ракушку, с интересом наблюдая за происходящим. Цирк, да и только.

Дипейп все смотрел на стоящего на коленях юношу.

— Почисти мне сапоги.

На лице Шими отразилось облегчение. Почистить ему сапоги! Конечно! С удовольствием! Немедленно! Он вытащил тряпку из заднего кармана. Совсем даже не грязную. Во всяком случае, не очень.

— Нет, — вкрадчивым голосом остановил Дипейп. Шими вновь поднял голову, в изумлении воззрился на него. — Эту рвань убери туда, где она лежала... я не хочу даже смотреть на нее.

Шими тут же засунул тряпку в задний карман.

— Вылижи их, — так же вкрадчиво продолжил Дипейп. — Вот что я от тебя хочу. Ты будешь вылизывать мои сапоги, пока они не высохнут и не станут такими чистыми, что ты сможешь увидеть в них свою идиотскую образину.

Шими мялся, словно не понимал, что от него требовалось. Возможно, слова Дипейпа дошли до него не сразу.

— Я бы не спорил, — подал голос Крикун Каллахэн из-за пианино Шеба, он полагал, что это безопасное место. — Если ты хочешь увидеть завтрашний восход, надо это сделать.

Дипейп уже решил, что завтрашнего восхода этому придурку не увидеть, по крайней мере в этом мире, но держал свои мысли при себе. Ему никогда не вылизывали сапоги. Он хотел знать, что будет при этом испытывать. Если это ему понравится... а то и возбудит... он заставит повторить эксперимент Ее святейшество.

— Я должен это делать? — Глаза Шими наполнились слезами. — Я не могу просто извиниться и начистить их до блеска?

— *Вылизывай, слабоумный осел,* — отрезал Дипейп.

Волосы Шими упали на лоб. Язык показался между губ. А когда он наклонился к сапогам Дипейпа, первая слеза упала на пол.

— Прекрати, прекрати, прекрати, — остановил его голос. Все аж подпрыгнули. Не потому, что голос так внезапно разорвал тишину. Не потому, что голос переполняла злость. Нет, поразило всех другое — звучащая в голосе откровенная насмешка. — Я просто не могу этого допустить. Нет. Хотел бы, но не могу. Кто знает, какие болезни могут распространяться таким способом? Разум пасует! Предугадать последствия абсолютно невозможно!

В дверях стоял автор этой идиотской и потенциально опасной тирады, молодой человек среднего роста со сдвинутой за затылок шляпой, из-под которой торчали каштановые волосы. Только до *молодого человека* он не дорос, подумал Дипейп. *Молодой человек* — это перебор. В дверях стоял мальчишка. А на шее у него, только боги знали зачем, висел птичий череп, словно огромный кулон. Висел на цепи, пропущенной через глазницы. И в руках он держал не револьвер (*да где этому молокососу взять револьвер?* — подумал Дипейп), а чертову рогатку. Дипейп расхохотался.

Засмеялся и мальчишка, закивал, словно понимая, как нелепо все это выглядит, сколь нелепы произнесенные им слова. Смех его оказался заразительным. Захихикала и стоящая на скамье Красотуля, но тут же заткнула рот руками.

— Таким мальчикам делать тут нечего. — Пятизарядный револьвер Дипейпа все еще лежал на стойке, с прицела капала кровь Стенли Руиса. Дипейп, не поднимая руки с железного дерева, чуть повернул револьвер. — Те, кто ходит в такие места, могут плохо кончить, малец. К примеру, умереть совсем молодыми. Поэтому я даю тебе один шанс. Убирайся отсюда.

— Благодарю вас, сэр. Я ценю вашу заботу. — Слова эти он произнес с подкупающей искренностью... но не двинулся с места. Стоял у самых дверей, растянув широкую резинку рогатки. Дипейп не мог понять, что зажато между пальцами, сжимающими резинку. Это что-то блестело в свете газовых рожков. Возможно, металлический шарик.

— И что ты хочешь этим сказать? — прорычал Дипейп. Малец его достал.

— Я знаю, что я — как прострел в шее... не упоминая уже о геморрое в заднице и молочной капельке, повисшей на заболевшем конце... но, если для вас это все одно, мой дорогой друг, я бы хотел дать этот шанс тому молодому человеку, что стоит перед вами на коленях. Позвольте ему извиниться, позвольте начистить ваши сапоги тряпкой, пока они не

заблестят, как солнце, но и позвольте ему прожить свою жизнь до конца.

Одобрительный рокот донесся из того угла, где сидели картежники. Дипейпу эти звуки определенно не нравились, а потому он быстро принял решение. С мальцом надо кончать. Тот говнюк, что облил ему штаны, — недоумок. А этот просто наглец. И небось полагает себя остряком.

Уголкем глаза Дипейп заметил, что Рейнолдс заходит мальцу с фланга, неслышно, как тень. Дипейп оценил поддержку, но ему не верилось, что он сам не справится с этим стрелком из рогатки.

— Мальчик, я думаю, ты допустил ошибку, — по-отечески пожурил он мальчика, стоявшего в дверях. — Я считаю... — Рука, сжимавшая резинку рогатки, чуть опустилась... или Дипейпу это привиделось. И он перешел от слов к делу.

3

О том, что произошло потом, в Хэмбри говорили тридцать лет. Через три десятилетия после падения Гилеада и крушения Альянса об этом все еще говорили. К тому времени уже добрых пятьсот стариков заявляли, что в тот вечер пили пиво в «Приюте» и все видели своими глазами.

Пусть и молодой, Дипейп в быстроте мог поспорить со змеей. Однако он не успел прицелиться, не то чтобы выстрелить в Катберта Оллгуда. Зазвенела резинка, металлический шарик прорезал заполняющий салон табачный дым, и Дипейп закричал. Его револьвер полетел на пол, чья-то нога отшвырнула его подальше (пока Большие охотники за гробами находились в Хэмбри, никто не признавался, что именно его нога отшвырнула револьвер, после их отъезда число героев перевалило за сотню). Все еще крича, он не переносил боли, Дипейп поднес окровавленную руку к вылезающим из орбит глазам. Надо сказать, ему повезло. Шарик Катберта попал в кончик указательного пальца и лишь вырвал ноготь. Чуть ниже, и Дипейп смог бы пускать дымовые кольца через собственную ладонь.

Катберт тем временем уже перезарядил рогатку и вновь растянул резинку.

— А теперь, если вы уделите мне капельку внимания, добрый сэр...

— Я не могу говорить за него, — раздался за его спиной голос Рейнолдса, — но считай, что я тебе внимание уделю, партнер. Не знаю, то ли тебе повезло, то ли ты действительно умеешь управляться с этой хреновиной, но в любом случае ты отстрелялся. Ослабь резинку и положи

рогатку. Думаю, ей самое место на столике, что стоит перед тобой.

— Какой же я слепец, — печально вздохнул Катберт. — Вот к чему приводит тяжелое детство.

— Я ничего не знаю о твоём тяжелом детстве, братец, но тебе следовало быть осмотрительнее, все так, — согласился Рейнолдс. Он стоял сзади и чуть левее Катберта, а тут вытянул руку, пока юноша не почувствовал упершееся ему в затылок дуло револьвера. Затем Рейнолдс взвел курок. В могильной тишине «Приюта» звук этот прозвучал очень громко. — Теперь клади рогатку на стол.

— Премного сожалею, добрый сэр, но я вынужден отклонить ваше предложение.

— *Что?*

— Видите ли, моя рогатка нацелена на голову вашего милого приятеля... — начал Катберт. Дипейп тут же дернулся, но юноша осадил его: — *Стой смирно! Только шевельнись, и ты — труп!*

Дипейп застыл, прижав окровавленный палец к вымазанной в сосновой смоле рубашке. Впервые он выглядел испуганным, и впервые за эту ночь... впервые за все то время, что Рейнолдс провел под началом Джонаса... он почувствовал, что ситуация выходит из-под его контроля... только как такое остряку и приставить револьвер к его голове? Сейчас он покончит с этими шутками раз и навсегда.

А Катберт, понизив голос, продолжил:

— Если вы выстрелите в меня, шарик вылетит, и ваш друг тоже умрет.

— Я в это не верю. — ответил Рейнолдс, но ему не понравился собственный голос. В нем отчетливо слышалось сомнение. — Никто на такое не способен.

— А почему бы не предоставить решать вашему другу? — В голосе Катберта зазвучала добродушная смешинка. — Эй, мистер Очки! Вы хотите, чтобы ваш друг пристрелил меня?

— Нет! — панически взвизгнул Дипейп. — Нет, Клей! Не стреляй!

— Значит, ситуация патовая, — вырвалось у Рейнолдса. Недоумение, которое сквозило в его голосе, в следующее мгновение сменилось ужасом, потому что он почувствовал, как лезвие очень большого ножа надавило ему на адамово яблоко.

— Отнюдь, — возразил ему Ален. — Опусти револьвер, друг мой, а не то я перережу тебе горло.

Стоя за вращающимися, чуть выше пояса дверями, прибыв очень вовремя, Джонас наблюдал за этим шоу сначала с улыбкой, потом с презрением и, наконец, с ужасом. Сначала один из альянсовых поганцев разбирается с Дипейпом, а когда Рейнолдс вроде бы прижимает его к стенке, второй парнишка, с круглым лицом и широкими плечами дровосека, приставляет нож к горлу Рейнолдса. Оба не старше пятнадцати и без стрелкового оружия. Великолепно. Зрелище почище бродячего цирка, если б не проблемы, которые могли возникнуть, если не направить события в нужное русло. Смогут ли они завершить начатое в Хэмбри, если окажется, что его громилы боятся детей, а не наоборот?

Возможно, еще есть время остановиться и предотвратить убийства. Если ты этого хочешь. А хочешь ли?

Джонас решил, что да. Они еще могут выйти из этой стычки победителями, если предпримут правильные шаги. Но он также решил, что альянсово отродье не покинет феод Меджис живыми. Спасти их могло только чудовищное везение.

Но где еще один? Диаборн?

Хороший вопрос. Важный вопрос. Не хотелось бы попадать в то самое положение, в каком оказались сейчас Рой и Клей. Только публичного унижения им и не хватало.

В салуне Диаборна не было, это точно. Джонас повернулся, оглядывая Южную Главную улицу в обеих направлениях. Целующаяся Луна (с полнолуния прошло только два дня) освещала ее как днем. Никого ни на мостовой, ни на дальней стороне, рядом с магазином продовольственных товаров. А на крыльце магазина только тотемы, изображающие хранителей Луча: медведя, черепаху, рыбу, орла, льва, летучую мышь и волка. Семь из двенадцати, в лунном свете яркие, как мраморные, и, несомненно, дети от них в восторге. Только тотемы, никаких мужчин. Хорошо. Отлично.

Джонас всмотрелся в темный проулок между продовольственным магазином и лавкой мясника, заметил движущуюся среди каких-то коробок тень, напрягся, тут же расслабился, увидев зеленые кошачьи глаза. Кивнул и вновь повернулся к дверям салуна, открыл левую и, переступив порог, вошел в «Приют путников». Ален услышал скрип петли, но револьвер Джонаса уперся ему в висок, прежде чем он начал поворачиваться.

— Сынок, если ты только не брадобрей, я думаю, что тебе следует опустить этот ножичек. Второго предупреждения не будет.

— Нет. — ответил Ален.

Джонас, который ожидал, что ему тут же подчинятся, и не рассматривал никаких других вариантов, остолбенел.

— Что?

— Вы меня слышали. — ответил Ален. — Я сказал нет.

После того как трое юношей поблагодарили хозяев Дома-на-Набережной и, попрощавшись, отбыли. Роланд предложил своим друзьям поразвлечься самостоятельно (он резонно рассудил, что в итоге они забредут в «Приют путников», но надолго там не задержатся и не попадут ни в какую передрагу: денег на карточные игры у них не было, а с холодного чая не разбушуешься). Сам же он въехал в город по другой дороге, привязал коня у общественной коновязи на нижнем из двух рынков города (Быстрый только раз ткнулся в него мордой, более ничем не выразив обиду) и отправился бродить по пустым спящим улочкам, низко надвинув на глаза шляпу и заложив руки за спину.

В голове его роились вопросы... по всему выходило, что ситуация ужасная. Поначалу он думал, что у него разыгралось воображение: детям везде чудятся опасности и заговоры, благо этому способствуют прочитанные книги. Но после разговора с «Ренни» Ренфрю он понял, что воображение тут ни при чем. Концы с концами явно не сходились, вопросы оставались, а более всего Роланда бесило другое: он не мог сосредоточиться на этих вопросах, не говоря уже о том, чтобы попытаться найти ответы. Потому что при каждой попытке перед его мысленным взором возникало лицо Сюзан Дельгадо... ее лицо, ее ниспадающие на плечи волосы... даже бесстрашное движение ее туфелек, синхронно следующих за его сапогами. Вновь и вновь в ушах отдавались его последние фразы, произнесенные высокомерным, самодовольным тоном проповедника. Он отдал бы все, что угодно, чтобы эти слова и этот тон остались при нем. После праздника Жатвы она ляжет на подушку Торина и еще до первого снега будет носить под сердцем его ребенка, может, наследника, но что тут такого? Богачи, знаменитости, аристократы заводили наложниц с незапамятных времен. У самого Артура из Эльда их было не меньше сорока, если верить легендам. Так какое, собственно, ему до этого дело?

Я думаю, что влюбился в нее. Вот почему это и мое дело.

Неприятная мысль, но не из тех, от которых можно отмахнуться: он хорошо знал свое сердце. Он любил ее, это точно, но какая-то его часть ее ненавидела и напомнила о той чудовищной мысли, что пришла к нему за

столом: он прострелил бы Сюзан Дельгадо сердце, если бы пришел вооруженным. Олив Торин... с какой грустной улыбкой сидела она в конце стола... напрямую ассоциировалась у него с матерью. Разве не те же грусть и печаль увидел он в глазах матери в тот день, когда советник отца зазвал его в ее комнату. Мартен в рубашке с открытым воротом, Габриэль в просторном домашнем платье, воздух, пропахший тем, чем они занимались все жаркое утро.

Он в ужасе отогнал от себя возникший образ. И его тут же сменил другой: Сюзан Дельгадо, серые глаза и золотистые волосы. Он увидел ее смеющейся, с откинутой головой, с руками, сцепленными под сапфирами, подаренными ей Торином.

Роланд решил, что может простить ей согласие пойти в наложницы. Чего он не мог простить, несмотря на тягу к Сюзан, так это ужасную улыбку на лице Олив, когда та смотрела на девушку, сидевшую на месте, принадлежащем ей. Сидевшую на ее месте и смеющуюся.

Такие вот мысли не выходили у него из головы, пока он отмеривал ярд за ярдом по пустынным улицам. Вроде бы они не имели к нему никакого отношения, он приехал сюда не из-за Сюзан Дельгадо, что ему мэр с хрустящими суставами и его несчастная жена... но он не мог отделаться от них и заняться порученным ему делом. Он забыл лицо своего отца и, шагая в лунном свете, надеялся вновь увидеть его.

В конце концов он добрался до Главной улицы, по которой и побрел с севера на юг, думая о том, что, может, стоит пропустить с Катбертом и Аленом по стаканчику и бросить пару раз кости на Аллее Сатаны, прежде чем вернуться к Быстрому и отправиться спать. И тут, взглянув в сторону «Приюта», он заметил Джонаса: высокий рост и длинные, падающие на плечи волосы не позволяли спутать его ни с кем другим, который стоял у дверей салуна, вглядываясь в происходящее внутри. Рука его, лежащая на рукоятке револьвера, и напрягшееся тело тут же заставили Роланда забыть обо всем другом. В салуне что-то происходило: если Берт и Ален там, вдруг им не удалось остаться в стороне. В городе они посторонние, вполне возможно, даже вероятно, что не все в Хэмбри любят Альянс, хотя за обеденным столом утверждалось обратное. А может, в сложном положении оказались друзья Джонаса. Во всяком случае, в салуне заварилась каша.

Инстинктивно, еще не зная, почему он это делает, Роланд мягко взбежал на крыльцо продовольственного магазина, где в ряд стояли вырезанные из дерева животные (возможно, приколотые к полу, чтобы разгулявшиеся клиенты салуна не утащили их, распевая детские песенки). Роланд шагнул за последнего в ряду, медведя, присел, чтобы шляпа не

торчала над головой зверя, и сам застыл как изваяние. Он увидел, как Джонас повернулся, оглядел улицу, затем всмотрелся во что-то по левую руку от него...

Роланд с большим трудом уловил: «Мяу! мяу!»

Кот. В проулке между домами.

Джонас постоял еще мгновение, а потом шагнул в «Приют». Роланд тут же покинул свое укрытие, слетел по ступеням и пересек улицу. Он не обладал чутьем Алена, умеющего появиться в нужном месте и в нужное время, но тут интуиция подсказала ему, что надо спешить.

А над его головой Целующаяся Луна прикрылась облаком.

6

Красотуля все еще стояла на скамье, но уже совсем не пьяная, желание петь исчезло без следа. Она едва верила своим глазам: Джонас приставил револьвер к виску мальчика, тот прижал нож к горлу Рейнолдса, а тот целился в голову *другого* мальчика (с птичьим черепом на шее, висящим на цепи, продетой в глазницы), который держал на прицеле Роя Дипейпа. И, кстати, успел пролить кровь Роя Дипейпа. А когда Джонас предложил мальчику-здоровяку опустить нож, прижатый к горлу Рейнолдса, *мальчик-здоровяк отказался.*

Теперь меня можно бить по голове и отсылать в пустошь на конце тропы, подумала Красотуля, *потому что я увидела все, что мне суждено увидеть.* Она решила, что со скамьи ей стоило бы слезть... стрельба могла начаться в любую секунду, и одним выстрелом дело бы не закончилось, но иногда, мысленно сказала она себе, можно и рискнуть.

Потому что такого зрелища второй раз уже не увидеть.

7

— Мы в городе по поручению Альянса, — продолжил Алэн. Одной рукой он зарылся в мокрые от пота волосы Рейнолдса, вторая с той же силой прижимала нож к его горлу: кожа под лезвием промялась, но пока оставалась невредимой. — Если вы причините нам вред, Альянс этого так не оставит. И наши отцы тоже. За вами будут охотиться, как за собаками, а когда поймают — повесят головой вниз.

— Сынок, до ближайшего патруля Альянса двести колес, может, и все

триста, — ответил Джонас, — а я бы плевать на него хотел, даже если бы он притаился за ближайшим холмом. И ваши отцы меня не пугают. Опустите нож, а не то я вышибу твои гребаные мозги.

— Нет.

— Дальнейшее развитие событий, несомненно, заинтересует присутствующих, — весело воскликнул Катберт... хотя в голосе и зазвучали нервные нотки. Не страх, просто *волнение*. А ведь парни хоть куда, мрачно подумал Джонас. Недооценил он их, принял за молокососов, это точно. — Вы стреляете в Ричарда. Ричард перерезает горло мистеру Плащу аккуратно в тот момент, когда мистер Плащ вышибает мне мозги, а мои бедные умирающие пальцы высвобождают резинку, и стальной шарик пробивает голову мистеру Очки. Вы, правда, уйдете живым и невредимым, но едва ли сие утешит ваших мертвых друзей.

— Предлагаю ничью, — обратился Ален к мужчине, который держал револьвер у его виска. — Мы все опускаем оружие и расходимся.

— Нет, сынок, — голос Джонаса звучал спокойно, он надеялся, что злости в нем не слышалось, хотя сам уже начал заводиться. Боги, чтобы над ним взяли верх, пусть и временно! — Никому не дозволено угрожать Большим охотникам за гробами. Это твой последний шанс. Или...

Что-то твердое и острое, ну очень похожее на острие ножа, уперлось в рубашку Джонаса, точно промеж лопаток. Он понял, что это и кто стоит за его спиной, понял, что игра проиграна, но никак не мог взять в толк, каким образом события могли принять столь безумный оборот.

— Револьвер в кобуру, — приказал голос человека, вдавившего острие ножа ему в спину. Не просто спокойный, а лишенный всяких эмоций. — Быстро, не то нож дойдет до сердца. И довольно разговоров. Наговорились. Или револьвер в кобуру, или смерть.

В голосе Джонас уловил два момента: юность и искренность. Он убрал револьвер.

— Теперь ты, с черными волосами. Вынь револьвер из уха моего друга и убри в кобуру. Быстро.

Клей Рейнолдс не заставил просить себя дважды и шумно выдохнул, когда Ален убрал нож и отступил на шаг. Катберт не оглянулся, все так же стоял, растянув резинку.

— Теперь ты, у бара, — продолжил Роланд. — Револьвер в кобуру.

Револьвер нашли, отдали Дипейпу, тот сунул его в кобуру, скривившись от боли: задел раненым пальцем ремень. Только после того, как его рука оторвалась от рукоятки, Катберт ослабил натяжение резинки, и металлический шарик перекочевал к нему в ладонь.

О том, кто послужил причиной переполоха, напрочь забыли в круговерти последующих событий. Теперь же Шими вскочил и через весь зал бросился к Катберту, с мокрыми от слез щеками. Схватил его за руку, несколько раз поцеловал (смачно, с чмоканьем, в другой ситуации кто-то мог бы и засмеяться), на мгновение прижал его руку к щеке. Потом проскочил мимо Рейнолдса, толкнул правую дверку и оказался в объятиях сонного, еще не протрезвевшего шерифа. Эвери притащил Шеб. Шерифа феода он нашел в одной из тюремных камер, где тот сладко спал, плотно закусив и крепко выпив на торжественном обеде в Доме-на-Набережной.

— Веселенькая история, не так ли?

Вопрос задал Эвери. Никто не ответил. Впрочем, он и не ожидал, что они ответят: кто-кто, а эти молодцы понимали, что в данный момент молчание — золото.

Маленький кабинет шерифа, примыкающий к тюрьме, не мог вместить столько народу: троих мужчин, троих юношей, еще не ставших мужчинами, и одного толстяка шерифа, поэтому Эвери повел всю компанию в городской Зал собраний, в котором в столь поздний час слышалось воркование голубей, гнездящихся под крышей, да тиканье старинных часов, стоящих на сцене.

В этот простой, без изысков, зал горожане и землевладельцы феода приходили уже сотни лет, чтобы принять важные решения, утвердить или отклонить законы, иной раз выслать особо несносного человека на запад. И зал, чуть подсвеченный луной, настраивал на серьезный лад. Роланд подумал, что даже Джонас это почувствовал. И, пожалуй, только в этом зале шериф Херк Эвери мог если не употребить власть, то хотя бы показать, что он ею облечен.

Зал заполняли дубовые скамьи, без обивки на сиденьях или спинках. Всего шестьдесят, по тридцать с каждой стороны широкого центрального прохода. Джонас, Дипейп и Рейнолдс сидели на первой скамье слева от прохода. Роланд, Катберт и Ален — справа. Рейнолдс и Дипейп надулись, чувствовалось, что им не по себе. Джонас ушел в себя. Команда Уилла Диаборна излучала спокойствие. Роланд одарил Катберта одним взглядом и надеялся, что тот истолкует его правильно: *Одна острота, и я прямо сейчас отрежу тебе язык.* Роланд подумал, что послание дошло до адресата. Берт убрал своего идиотского «дозорного» — добрый знак.

— Веселенькая история, — повторил Эвери, шумно выдохнув и окатив всех волной винного перегара. Сидел он на краю сцены, коротенькие ножки болтались в воздухе, в его взгляде читалось как недовольство, так и изумление.

Боковая дверь открылась, вошел помощник шерифа Дейв, сменивший белый наряд лакея на более привычные рубашку и штаны цвета хаки. Его монокль торчал из нагрудного кармана. В одной руке он держал кружку, в другой, как показалось Роланду, кусочки березовой коры.

— Ты все прокипятит, Дэвид? — спросил Эвери. Теперь на его лице читалась тоска.

— Да.

— Дважды довел до кипения?

— Да.

— Как она говорила?

— Да, — смиренно ответил Дейв. Протянул шерифу кружку, а когда тот взял ее, бросил в нее кусочки коры.

Эвери поболтал жидкость, посмотрел на нее, оттягивая неизбежное, потом выпил. Скривился.

— Ну и гадость! Что она туда намешала?

— А что это? — спросил Джонас.

— Лекарство от головной боли. Вернее, от *похмелья*. От старой ведьмы. Той, что живет на Коосе. Знаешь, о ком я? — Эвери многозначительно посмотрел на Джонаса. Хромоногий прикинулся, что не заметил этого взгляда, но Роланд решил, что заметил. И что означал этот взгляд? Еще одна загадка.

Дипейп вскинул голову при упоминании Кооса, потом вновь принялся сосать палец. Рейнолдс, завернувшись в плащ, мрачно смотрел на свои колени.

— Помогает? — осведомился Роланд.

— Да, юноша, но за лекарство ведьмы приходится платить. Запомни: всегда приходится платить. Вот это снимает головную боль, которая обязательно появляется, если перепьешь чертова пунша мэра Торина, но зато весь день будешь дристать. И пердеть!.. — Он помахал рукой перед лицом, показывая, каково будет окружающим, глотнул еще ведьмино зелья, поставил кружку рядом с собой. Лицо его вновь стало важным и суровым, но атмосфера в зале чуть разрядилась, они все это почувствовали. — Так что нам теперь делать со всей этой историей?

Херк Эвери медленно обвел взглядом всю компанию, от Рейнолдса, сидевшего правым с краю, до Алена... «Ричарда Стокуорта», крайнего

слева.

— А, парни? С одной стороны у нас люди мэра, с другой... Альянса... шесть человек едва не перебили друг друга, а? И по какому поводу? Из-за придурка и расплескавшейся «верблюжьей мочи». — Он ткнул пальцем сначала в Больших охотников за гробами, потом — в счетоводов Альянса. — Две пороховые бочки и один толстый шериф посередине. — Так кто что думает? Высказывайтесь, не стесняйтесь, вы же не стеснялись к борделю Корал, нечего стесняться и здесь!

Все молчали. Эвери отпил еще глоток, вновь поставил кружку, решительно оглядел всех. И прозвучавшие следом слова не удивили Роланда (что еще мог сказать такой человек, как Эвери?), равно как и тон, каким он произнес эти слова: говорил муж, умеющий принимать важные решения, если по воле богов возникала такая необходимость.

— Я вам скажу, что мы с этим сделаем: мы обо всем забудем.

Он ожидал ликования и уже приготовился удержать эмоции в приемлемых рамках. Когда же никто не произнес ни слова, даже не шевельнулся, на его лице отразилась растерянность. Однако от него требовалось разрешить конфликт, а ночь грозила смениться новым днем. Шериф расправил плечи и ринулся в атаку:

— Я не могу провести следующие три или четыре месяца в ожидании, что кто-то кого-то убьет. Нет! И не хочу оказаться в таком положении, что из-за вашей глупой ссоры все шишки посыплются на меня.

Я взываю к вашему здравому смыслу, парни, когда говорю, что во время вашего пребывания здесь могу быть и вашим другом, и вашим врагом... но будет неправильно, если я не скажу, что взываю также и к вашему благородству, которого, я уверен, у вас с избытком.

Шериф попытался говорить высокопарно, но, по мнению Роланда, в этом не преуспел. Теперь Эвери сосредоточился на Джонасе.

— Сэй, я не могу поверить, что вы и дальше будете жить на ножах с этими тремя молодыми людьми, присланными Альянсом... Альянсом, который для нас уже пятьдесят поколений молоко матери и защита отца. Не можете же вы проявить такое неуважение, не так ли?

Джонас покачал головой, сухо улыбнувшись. Эвери кивнул, как бы говоря, что движутся они в правильном направлении.

— У каждого из вас есть важные дела, и вы не хотите, чтобы это недоразумение помешало их выполнению, не так ли?

На этот раз кивнули все.

— Вот я и хочу, чтобы вы встали, повернулись лицом друг к другу, пожали руки и извинились. Если вы этого не сделаете, лучше вам всем до

рассвета уехать из города на запад.

Он поднял кружку и отхлебнул варева. Роланд увидел, что рука Эвери подрагивает, но нисколько не удивился. Шериф, конечно, блефовал. Он понял, что Джонас, Рейнолдс и Дипейп ему не по зубам, как только увидел синие гробы на их руках. А после этой ночи он испытывал те же чувства и в отношении Диаборна, Стокуорта и Хита. Он мог лишь надеяться, что его предложение соответствует интересам обеих сторон. Роланд рассудил, что так оно и есть. Вероятно, к такому же выводу пришел и Джонас, поднявшийся со скамьи одновременно с Роландом.

Эвери чуть подался назад, словно ожидая, что Джонас схватится за револьвер, а Диаборн — за нож, тот самый, что упирался в спину Джонаса, когда запыхавшийся Эвери добрался до салуна.

Но ни револьвера, ни ножа не появилось. Джонас повернулся к Роланду и протянул руку.

— Он прав, юноша. — Голос Джонаса, как обычно, дрожал.

— Да.

— Вы подадите руку старику и согласитесь начать все сначала?

— Да. — Роланд протянул руку.

Джонас ее пожал.

— Приношу свои извинения.

— Приношу свои извинения, мистер Джонас. — И Роланд похлопал левой рукой по шее, как требовал обычай при обращении к старшему.

Когда они сели, поднялись Ален и Рейнолдс, церемония повторилась. Последними встали Катберт и Дипейп. Роланд почти не сомневался, что вот тут дурашливость Катберта вновь проявится, выскочит, как джинн из бутылки, этот идиот просто не мог себя контролировать, хотя и понимал, что в эту ночь не стоит выставлять Дипейпа на посмешище.

— Приношу свои извинения. — Берту все-таки удалось изгнать смех из голоса.

— Приношу свои, — пробубнил Дипейп, протягивая запачканную кровью руку. Роланду на миг привиделось, что сейчас Берт изо всей силы сожмет ее, чтобы рыжеволосый завопил, как сова на горячей плите, но рукопожатие Берта оказалось таким же сдержанным, как и голос.

Эвери все сидел на сцене, свесив короткие ножки, наблюдая демонстративное дружелюбие. Улыбался даже помощник шерифа Дейв.

— А теперь я хотел бы пожать вам всем руки, чтобы более вас не задерживать. Час поздний, а завтра у меня, как обычно, долгий день. Так что без сна мне никак не обойтись. — Он хохотнул, опять немного растерялся, поскольку никто его не поддержал. Но слез со сцены и начал

пожимать всем руки с энтузиазмом священника, которому наконец-то удалось обвенчать упрямую парочку, долго тянувшую с решительным шагом.

9

Когда они вышли на улицу, луна уже зашла, а над горизонтом за Чистым морем начало светлеть небо.

— Может, мы еще встретимся, сэй, — нарушил тишину Джонас.

— Может, и встретимся, — ответил Роланд, запрыгивая в седло.

10

Большие охотники за гробами обосновались в сторожке в миле к югу от Дома-на-Набережной, в пяти милях от города.

На полпути к сторожке Джонас остановил лошадь в том месте, где от дороги берег круто скатывался к морю.

— Спешивайся. — Смотрел он на Дипейпа.

— Джонас... Джонас, я...

— Спешивайся.

Нервно кусая губы, Дипейп подчинился.

— Сними очки.

— Джонас, зачем? Я...

— Если хочешь, чтобы они разбились, оставь. Мне без разницы.

Еще сильнее прикусив губу, Дипейп снял очки в золотой оправе. Едва они оказались у него в руке, Джонас врезал ему по лицу. Дипейп вскрикнул и покатился к откосу. Лошадь Джонаса прыгнула вперед, буквально в последний момент Джонас успел ухватить его за рубашку и дернул на себя. Он тяжело дышал, на него пахло сосновой смолой и потом Дипейпа.

— Мне следовало сбросить тебя с откоса, — прорычал он. — Знаешь, сколько ты причинил вреда?

— Я... Джонас, я не... думал немного поразвлечься... кто знал, что они...

Хватка Джонаса медленно ослабла. Последние слова попали в цель. Действительно, кто знал... А если бы не эта стычка, они бы так ничего и не знали. Если посмотреть с этой стороны, Дипейп оказал им услугу. Дьявол, которого знаешь в лицо, лучше затаившегося дьявола. Однако пойдут

разговоры, люди начнут смеяться. Хотя это, может, и ничего. В должное время смех прекратится.

— Джонас, извини меня.

— Заткнись, — бросил Джонас. На востоке заалел горизонт, еще немного, и первые лучи осветят этот мир тягот и печали. — Я не собираюсь сбрасывать тебя в море, потому что тогда мне пришлось бы следом сбросить Клея, а потом последовать за вами самому. Они же хотели убить не только тебя, но и нас, не так ли?

Дипейп хотел было согласиться, но подумал, что подавать голос опасно. И предпочел промолчать.

— Иди сюда, Клей.

Клей спрыгнул с лошади.

— Присядем.

Все трое кружком присели на корточки. Джонас сорвал травинку, сунул в рот.

— У нас не было оснований сомневаться в том, что нам говорили об этом альянсовом отребье. Нашкодившие сосунки, которых отослали в Меджис, захолустный феодал у Чистого моря, с надуманным поручением, которое скорее следовало рассматривать как наказание. Так нам говорили?

Рейнолдс и Дипейп кивнули.

— Вы в это верите после сегодняшнего вечера?

Дипейп покачал головой. Как и Клей.

— Они, возможно, сынки богатых родителей, — первым заговорил Дипейп. — Но судя по тому, как они себя сегодня вели... они... — Он замолчал, не желая озвучивать свою мысль. Абсурдную мысль.

А вот Джонас озвучил:

— Они действовали, как стрелки.

Поначалу ни Дипейп, ни Рейнолдс не отреагировали.

— Они слишком молоды, Элдред, — нарушил затянувшуюся паузу Клей Рейнолдс. — Таких молодых стрелков не бывает.

— Для подмастерьев они немолоды. В любом случае мы должны это выяснить. — Он повернулся к Дипейпу. — Тебе предстоит дальняя поездка, красавчик.

— Но, Джонас!

— Никто из нас сегодня не покрыл себя славой, но кашу заварил именно ты. — Он смотрел на Дипейпа, а тот не решался поднять глаз, уставившись в землю. — Ты поедешь той дорогой, которой они приехали, Рой, и будешь задавать вопросы до тех пор, пока не получишь ответы, которые утолят мое любопытство. Клей и я будем ждать. И наблюдать.

Играть с ними в «Замки», если хочешь. А когда я почувствую, что мы можем нанести внезапный удар, возможно, мы так и поступим.

Он перекусил травинку. Кончик остался во рту, большая часть упала между его сапог.

— Знаете, почему я пожал его руку? Паршивую руку этого Диаборна? Потому что мы не можем раскачивать лодку, парни. Особенно теперь, когда показалась гавань. Латиго и его люди, которых мы ждем, скоро появятся здесь. Пока они не доберутся до Меджиса, в наших же интересах поддерживать мир. Но вот что я вам скажу. Никто, приставив нож к спине Джонаса, не остается после этого в живых. Слушай меня внимательно, Рой. Не заставляй повторять что-либо дважды.

Джонас заговорил, чуть наклонившись вперед. Дипейп слушал. Вскоре начал кивать. Собственно, он даже приветствовал возможность уехать. Ненадолго. После сегодняшнего конфуза в «Приюте путников» перемена обстановки не могла не пойти ему на пользу.

11

Юноши уже подъезжали к «Полосе К», и солнцу оставалось совсем немного, чтобы подняться над горизонтом, когда Катберт нарушил долгое молчание:

— Так что? Интересный и познавательный выдался вечерок, не так ли? — Ни Роланд, ни Ален не ответили, поэтому Катберт наклонился к грачиному черепу, который вернулся на привычное место — луку седла. — А что скажешь ты, старый друг? Нам понравился наш вечер? Обед, танцы по кругу, а в итоге нас едва не убили. Ты в восторге, не так ли?

Дозорный смотрел прямо перед собой мертвыми пустыми глазами.

— Он говорит, что слишком устал для разговоров, — Катберт зевнул. — Я, кстати, тоже. — Он повернулся к Роланду. — Я заглянул в глаза мистеру Джонасу после того, как он пожал тебе руку, Уилл. Он намерен убить тебя.

Роланд кивнул.

— Они намерены убить нас всех, — уточнил Ален.

Роланд вновь кивнул.

— Легко мы им не дадимся, но теперь они знают о нас больше, чем до этого вечера. Теперь нам не удастся зайти им за спину.

Он остановил коня, точно так же как остановил коня Джонас, в трех милях от того места, где находились сейчас юноши. Только смотрели

Роланд и его друзья не на Чистое море, а на пологую ширь Спуска. Табун лошадей неспешно тянулся с запада на восток, едва различимые силуэты в предрассветной тьме.

— Что ты увидел, Роланд? — спросил Ален.

— Беду, — ответил Роланд. — И у нас на пути.

Он тронул Быстрого с места. И тут же мысли его вернулись к Сюзан. А через пять минут после того, как положил голову на подушку, она ему уже снилась.

Глава седьмая НА СПУСКЕ

1

Три недели прошло со званого обеда в Доме-на-Набережной и стычки в «Приюте путников». Более никаких трений между *ка-тетам* Роланда и Джонаса не возникало. В ночном небе Целующаяся Луна завершила свой путь, появилась новая луна, Мешочная. Дни стояли ясные и теплые, даже старожилы не помнили такого чудесного лета.

Одним прекрасным летним утром Сюзан Дельгадо галопом неслась по Спуску на двухлетнем буланом жеребце Пилоне. Ветер осушил слезы на ее щеках и растрепал волосы. Она сжала бока Пилона сапогами, понуждая его прибавить скорости. Пилон прибавил. Уши его прижались к голове, хвост встал трубой. Сюзан, в джинсах и старой, чересчур большой для нее рубашке цвета хаки (одной из отцовских), которая и послужила причиной этой бешеной скачки, наклонилась вперед, чуть приподнявшись над седлом. Одной рукой она держалась за рог передней луки, второй поглаживала сильную шелковистую шею жеребца.

— Еще! — прошептала она. — Быстрее! Прибавь, мальчик!

Пилон подчинился. Она даже не подозревала, что он может развить такую скорость.

Они мчались вдоль верхней границы Спуска, и она видела его изумрудно-золотой простор, далеко-далеко переходящий в голубизну Чистого моря. В другой день этот великолепный вид и пахнущий морской солью ветерок подняли бы ей настроение. Сегодня ей хотелось слышать лишь топот копыт Пилона и чувствовать, как перекачиваются под ногами его мышцы. Сегодня ей хотелось убежать от собственных мыслей.

И все потому, что она спустилась вниз в старой отцовской рубашке.

2

Тетя Корд стояла у плиты в домашнем халате, но с уже уложенными волосами. Она сварила себе овсяную кашу; наполнила тарелку и понесла к столу. Едва тетя повернулась к ней с тарелкой в руках, Сюзан поняла, что

без очередной ссоры не обойтись, губы Корделии пренебрежительно дернулись, она неодобрительно глянула на апельсин, который чистила Сюзан. Тетя все еще злилась из-за серебряных и золотых монет, которые уже могла бы держать в руке, если б не эта идиотка-ведьма, объявившая, что Сюзан до осени должна ходить в девственницах.

Но главная причина заключалась в другом. Проще говоря, они до смерти надоели друг другу. Деньги стали не единственным разочарованием тети Корд. Она-то рассчитывала, что еще этим летом станет полноправной хозяйкой домика на Спуске... разве что согласится иногда делить его с мистером Элдредом Джонасом, к которому Корделия воспылала самыми теплыми чувствами. А вместо этого они по-прежнему проживали в городском доме вдвоем, женщина, которой осталось совсем немного времени, чтобы распрощаться с месячными, тощая, с постной улыбкой на постном лице и крошечной грудью, едва заметной в платьях под горло с высоким воротником (шея, как часто говорила она Сюзан, первым делом выдает возраст), волосами, теряющими каштановый блеск под напором седины, и юная девушка, умная, пышущая здоровьем, выходящая на пик своей красоты. Они терлись друг о друга, как кремень и огниво, каждое слово могло вызвать искру. Удивляться этому не приходилось: мужчина, сила любви которого заставляла их любить друг друга, ушел.

— Ты собралась покататься на этой лошади? — спросила, тетя Корд, ставя тарелку на стол и усаживаясь в полосе солнечного света, падающего через окно. При мистере Джонасе она никогда бы так не села. Сильный свет превращал ее лицо в маску. В уголке рта вылезла лихорадка. Они всегда вылезали у тети Корд, если та плохо спала.

— Да, — ответила Сюзан.

— Тогда тебе надо поплотнее позавтракать. Ты же не вернешься раньше девяти часов.

— Мне этого хватит. — Сюзан принялась быстрее закидывать в рот апельсиновые дольки. Она уже чувствовала, куда дует ветер, видела осуждающий взгляд тети и хотела встать из-за стола до того, как разразится скандал.

— Почему бы тебе не съесть тарелку каши? — спросила тетя Корд и помешала ложкой овсянку. Сюзан этот звук напомнил поступь лошадиных копыт по грязи... или дерьму... и у нее скрутило живот. — Ты не проголодаешься до ленча, если вдруг удержишься на Спуске. Я думаю, что такой красивой юной леди нет дела до домашних дел...

— Я уже все сделала. — *И ты знаешь, что я все сделала. Я убрала, весь дом, пока ты сидела у зеркала и прижигала лихорадку.*

Тетя Корд бросила в кашу кусочек сливочного масла... Сюзан не понимала, как этой женщине удавалось остаться тощей, абсолютно не понимала... и смотрела, как он медленно тает. На какой-то момент Сюзан решила, что завтрак может закончиться достаточно мирно.

Но тут речь зашла о рубашке.

— Прежде чем ты выйдешь из дома, Сюзан, я хочу, чтобы ты сняла тряпку, что сейчас на тебе, и надела одну из новых блуз для верховой езды, которые прислал тебе Торин на прошлой неделе. По крайней мере ты можешь показать ему...

Последующие слова растворились во вспышке ярости, хотя Сюзан и не прерывала тетку. Она провела рукой по рукаву, наслаждаясь мягкостью ткани, после стольких стирок напоминавшей бархат.

— Эта *тряпка* принадлежала моему отцу!

— Да, Пату, — фыркнула тетя Корд. — Она слишком велика для тебя, выношена, и ходить в ней просто неприлично. Молодым девушкам еще можно надевать мужские рубашки с пуговицами до воротника, но тем, у кого развилась грудь...

Блузы для верховой езды висели на плечиках в углу. Висели уже четыре дня, но Сюзан так и не собралась отнести их наверх, в свою комнату. Три: красная, зеленая и синяя, все шелковые, каждая, несомненно, стоила больших денег. Сюзан ненавидела всю эту роскошь, показуху. Широкие рукава, раздуваемые ветром, красивые отложные воротники и, ну как же без этого, вырез на груди, чтобы было куда посмотреть Торину, если он встретит ее в такой блузе. Но такого подарка он от нее не дожидается, твердо решила Сюзан.

— Моя «развитая грудь», как ты называешь, меня не интересует и не должна интересовать кого бы то ни было, когда я скачу на лошади, — отрезала она.

— Возможно, что нет. Но если один из конезаводчиков феода, к примеру, Ренни, он постоянно на Спуске, как ты знаешь, увидит тебя, будет совсем неплохо, если он упомянет при Торине, что ты скакала в блузе, которую подарил тебе мэр. Об этом ты не думаешь? Почему ты такая упрямая, девочка? Почему никогда не прислушаешься к доброму совету?

— А тебе что до этого? — спросила Сюзан. — Ты же получила деньги, не так ли? И получишь еще. После того как он меня оттрахает.

Корделия с побледневшим, перекошенным от злобы лицом перегнулась через стол и отвесила Сюзан оплеуху.

— Как ты посмела произнести это слово в моем доме, шалава? Как ты посмела?

Вот тут из глаз Сюзан брызнули слезы... после того, как тетя Корд назвала этот дом своим.

— Это дом моего *отца!* Его и мой! А у тебя дома нет вовсе! Разве что казарма, если тебя туда возьмут. Наверняка возьмут. *Почему нет, тетя?*

Последние две апельсиновые дольки она еще держала в руке. И швырнула их тетке в лицо, а потом с такой силой откинулась от стола, что вместе со стулом повалилась на пол. Когда на нее легла тень тетки, Сюзан лихорадочно поползла в сторону. Волосы висели патлами, в щеке пульсировала боль, слезы жгли глаза, в горле пересохло. Наконец ей удалось подняться.

— Ты неблагодарная девчонка. — Вкрадчивый голос Корделии сочился ядом. — После всего того, что я для тебя сделала, после всего того, что сделал для тебя Торин. В конце концов, и тот жеребец, на котором ты скачешь каждое утро, его подарок...

— *ПИЛОН БЫЛ НАШИМ!* — выкрикнула Сюзан, едва не обезумев от ярости. — *ВСЕ БЫЛО НАШИМ! ЛОШАДИ, ЗЕМЛЯ... ВСЕ ПРИНАДЛЕЖАЛО НАМ!*

— Орать не обязательно.

Сюзан глубоко вздохнула, попыталась взять себя в руки. Отбросила волосы с лица, открыв красный отпечаток пятерни тети Корд на щеке. Увидев его, Корделия поморщилась.

— Мой отец никогда бы такого не допустил. — Сюзан заговорила тише. — Он никогда не разрешил бы мне идти в наложницы к Харту Торину. Пусть он уважал бы Харта как мэра... или своего босса... он никогда бы такого не разрешил. И *ты* это знаешь. Знаешь.

Тетя Корд закатила глаза, потом покрутила пальцем у виска, показывая, что Сюзан совсем спятила.

— Ты согласилась на это сама, мисс Юная Красавица. Да, ты согласилась. И теперь уже нечего махать...

— Да, — кивнула Сюзан, — я согласилась на эту сделку, все так. После того, как ты доставала меня день и ночь, после того, как приходила ко мне со слезами...

— Никогда не приходила! — взвизгнула Корделия.

— Неужели у тебя такая короткая память, тетушка? Да, наверное. Вечером ты уже забудешь, что за завтраком отвесила мне оплеуху. А вот я не забыла. Ты плакала, плакала и говорила, что боишься, как бы нас не выбросили на улицу, поскольку у нас нет законного права на эту землю, и тогда нам придется побираться. Ты плакала и говорила...

— *Прекрати!* — оборвала ее тетя Корд. — Надоели мне твои глупые

жалобы! Хватит! Ты вроде бы собралась на прогулку. Вот и убирайся!

Но Сюзан не прекратила. Ярость прорвала плотину, и поток сметал все на своем пути.

— Ты плакала и говорила, что нас выгонят, вышлют на запад, что мы никогда не увидим ни дома моего отца, ни Хэмбри вообще... а потом, нагнав на меня страху, ты заговорила о младенце, который у меня появится. Земле, нашей земле, которую вновь отдадут нам. Лошадях, которые тоже вновь станут нашими. В знак признательности мэра я получила от него лошадь, которой *сама же помогала появиться на свет!* Что я такого сделала, чтобы получить все то, что и так стало бы моим, если б не потеря одной-единственной бумажки? Что я такого сделала, чтобы он давал мне деньги? Что я такого сделала, кроме как пообещала потрахаться с ним, пока его сорокалетняя жена будет спать за стенкой?

— Так, значит, ты хочешь денег? — зловеще усмехнулась тетя Корд. — Хочешь денег, не так ли? Тогда ты их получишь. Бери их, храни, трать, скорми свиньям, мне без разницы!

Она бросилась к своему кошельку, висевшему на крючке у плиты. Начала в нем рыться, но ее движения как-то сразу потеряли быстроту и убедительность. Слева от кухонной двери висело овальное зеркало, и в нем Сюзан поймало отражение лица тети Корд. От увиденного, а на лице Корделии смешались ненависть, отвращение, алчность, Сюзан стало нехорошо.

— Не суетись, тетя. Вижу, как тяжело тебе расставаться с ними, да я их и не возьму. Это грязные деньги.

Тетя Корд повернулась к ней, разом забыв про кошелек, замахала руками.

— Никакой грязи здесь нет, что ты несешь. Разве ты не знаешь, что некоторые величайшие женщины в истории становились наложницами. А сколько великих людей родили наложницы! *Это не грязь!*

Сюзан сорвала с плечиков красную шелковую блузу и потрясла перед собой. Материя облегла ее грудь, словно только и мечтала к ней припасть.

— Тогда почему он присылает мне одежду шлюх?

— Сюзан! — Слезы брызнули из глаз Корделии. Сюзан швырнула в нее блузу, как чуть раньше — дольки апельсина. Она упала на туфли Корделии.

— Подними ее и носи сама, если она тебе так нравится. Можешь заодно раздвинуть перед ним ноги, если тебе того хочется.

Сюзан развернулась и выскочила за дверь. А вслед неся истерический крик Корделии:

— Нельзя тебе выходить из дома с такими глупыми мыслями. Сюзан! Глупые мысли ведут к глупым поступкам, а что-то менять уже поздно! Ты согласилась!

Она это знала. И как бы быстро ни гнала Пилона вдоль Спуска, от своей судьбы Сюзан убежать не могла. Она согласилась, и Пат Дельгадо мог ужаснуться принятому ею решению, но все равно сказал бы ей: *Ты дала слово, а слово надо держать. Тем, кто его не держит, прямая дорога в ад.*

3

Сюзан придержала Пилона, хотя тот еще совсем не выдохся. Оглянувшись, увидела, что отмахала никак не меньше мили, вновь снизила скорость, пустила коня легким галопом, рысью, наконец перешла на быстрый шаг. Глубоко вдохнула, шумно выдохнула. И впервые за утро отметила красоту начинающегося дня... чайки, лениво кружащие в воздухе, высокая трава и цветы, цветы, цветы: васильки и люпин, флоксы и ее любимые, нежные голубые, незабудки. Со всех сторон доносилось монотонное жужжание пчел. Звук этот успокаивал, высокий прилив эмоций пошел на спад, она смогла признаться себе... признать, а потом и озвучить причину своей нервозности.

— Уилл Диаборн. — Она задрожала всем телом, едва эти слова сорвались с губ, хотя услышать ее могли только пчелы да Пилон. Повторила их вновь, а потом резко поднесла ко рту запястье и поцеловала там, где пульс бился под самой кожей. Движение это шокировало ее, потому что она не знала, что должно за этим последовать, но еще больше шокировало другое: вкус собственных кожи и пота мгновенно возбудил ее. Она почувствовала неодолимое желание «остудиться», как уже «остужала» себя в постели после первой их встречи. Судя по ее состоянию, много времени на это бы не ушло.

Но вместо этого Сюзан прорычала любимую присказку отца: «Да пошли вы все!» — и сплюнула мимо сапога. Именно Уилл Диаборн нес ответственность за то, что последние три недели перевернули всю ее жизнь, Уилл Диаборн с его синими глазами, шапкой темных волос, высокомерный, присвоивший себе право судить других. *Я могу быть благоразумным, сэй. Что же касается, порядочности... Я изумлен, что вы знаете это слово.*

Всякий раз, когда она вспоминала его слова, кровь у нее закипала от

злости и стыда. Больше от злости. Как он посмел судить ее? Он, выросший в роскоши, несомненно, окруженный слугами, готовыми выполнить любую его причуду, не знающий недостатка ни в золоте, ни в серебре. То, что он хотел, он получал бесплатно, полагая, что иначе и быть не может. Что этот мальчишка — а кто он такой, как не мальчишка? — мог знать, какой кровью далось ей это решение? Разве мистер Уилл Диаборн из Хемпхилла мог понять, что выбора у нее практически не было? Что ее подвели к этому решению, как кошка-мать приносит расшалившегося котенка к коробке, где ему положено сидеть, — за шкуру.

Однако он не выходил у нее из головы. Она знала в отличие от тети Корд, что именно он, невидимый, присутствовал в их доме во время утренней ссоры.

Знала она и кое-что еще, то самое, что могло бесконечно расстроить ее тетюшку.

Уилл Диаборн тоже не мог ее забыть.

4

Примерно через неделю после званого обеда и тех ужасных слов, что бросил ей в лицо Диаборн, у дома, в котором жили Сюзан и тетя Корделия, появился слабоумный служка из «Приюта путников», Шими, как все его называли. Он принес большой букет, в основном из луговых цветов, которые росли на Спуске, с несколькими алыми вкраплениями диких роз. Широко улыбаясь, юноша отворил калитку, не дожидаясь приглашения войти.

Сюзан как раз подметала дорожку, а тетя Корделия возилась в саду: в последние дни они почитали за лучшее держаться друг от друга подальше.

Сюзан смотрела на приближающегося Шими с удивлением и ужасом. А над букетом сияла его улыбка.

— Добрый день, Сюзан Дельгадо, дочь Пата, — радостно поздоровался Шими. — Я пришел к тебе с поручением и извиняюсь, если в чем-то помешал, да, потому что я вечно всем мешаю и знаю это не хуже других. Это тебе. Вот.

— Сюзан? — раздался из-за угла голос тети Корд... приближающийся голос. — Сюзан, вроде бы скрипнула калитка?

— Да, тетя! — ответила Сюзан. Черт бы побрал острый слух тети Корд! Сюзан выхватила конверт, торчащий между флоксов и маргариток. Он тут же исчез в кармане ее платья.

— Они от моего третьего лучшего друга, — пояснил Шими. — Теперь у меня трое разных друзей. Вот сколько. — Он поднял два пальца, нахмурился, добавил еще два и вновь улыбнулся во весь рот. — Артур Хит мой первый лучший друг. Дик Стокуорт — мой второй лучший друг. Мой третий лучший друг...

— Ш-ш-ш! — яростно прошипела Сюзан, отчего улыбка Шими сразу поблекла. — Ни слова о трех твоих друзьях.

Кровь бросилась ей в лицо, раскрасив щеки, а потом ушла вниз, сначала на шею, потом в ноги. В прошедшие дни в Хэмбри много говорили о трех новых друзьях Шими, собственно, не говорили ни о чем другом. Истории она слышала фантастические, но если они не соответствовали действительности, почему варианты, которые излагали многочисленные свидетели, расходились только в мелких деталях?

Сюзан все еще пыталась прийти в себя, когда из-за угла выплыла тетя Корд. Увидев ее, Шими отступил на шаг, недоумение на его лице сменилось растерянностью. Пчелиные укусы вызывали у Корделии аллергию, поэтому от полей соломенного сомбреро до подола старого халата она закуталась в марлю, отчего стала похожа на призрак. Да еще держала в руке запачканный грязью секатор.

Увидев букет, Корделия устремилась к нему с секатором наперевес. Подойдя к племяннице, сунула секатор за пояс (как показалось Сюзан, с большой неохотой), раздвинула марлю у лица.

— Кто тебе их послал?

— Не знаю, тетя. — Голос Сюзан звучал спокойно, а вот сердце билось отчаянно. — Этот молодой человек из гостиницы...

— Гостиницы! — фыркнула тетя Корд.

— Он вроде бы не знает, кто его послал, — продолжила Сюзан. Если бы только она могла избавиться от него! — Он, ну, полагаю, ты скажешь...

— Он — дурак: да, я это знаю. — тетя Корд раздраженно глянула на Сюзан, вновь повернулась к Шими. Глядя ему в лицо, прокричала: — *КТО ...ПРИСЛАЛ... ЭТИ... ЦВЕТЫ... МОЛОДОЙ... ЧЕЛОВЕК?*

Края марли, которые она недавно раздвинула, вновь сошлись перед ее лицом. Шими отступил еще на шаг. В его глазах застыл страх.

— *МОЖЕТ... БУКЕТ... ОТ... КОГО-ТО... ИЗ... ДОМА... НА... НАБЕРЕЖНОЙ?... ОТ... МЭРА... ТОРИНА?... СКАЖИ... МНЕ... И... Я... ДАМ... ТЕБЕ... ПЕННИ!*

У Сюзан упало сердце, она не сомневалась, что он скажет, у него не хватило бы мозгов, чтобы понять, какую беду он на нее навлечет. И на Уилла.

Но Шими только покачал головой.

— Не помню. У меня вместо мозгов опилки, сэй. Стенли говорит, что я недоумок.

Он вновь заулыбался, демонстрируя великолепные, белоснежные ровные зубы. Тетя Корд скорчила гримаску.

— Болван! Тогда уходи. Возвращайся в город... нечего тут болтаться, ничего тебе не обломится. Если ты ничего не помнишь, пенни ты не заслуживаешь! И больше не появляйся здесь, кто бы ни просил тебя отнести цветы для молодой сэй. Ты меня слышишь?

Шими энергично закивал. А потом внезапно спросил:

— Сэй?

Тетя Корд сурово глянула на него. Вертикальная морщина над переносицей стала глубже.

— Почему вы покрыты паутиной, сэй?

— Убирайся отсюда, наглец! — заорала тетя Корд. Если она хотела, то умела возвысить голос.

Шими аж подпрыгнул и скоренько ретировался. Когда тетя Корд убедилась, что он идет по Главной улице к центру города и не собирается возвращаться к их дому в надежде на чаевые, она повернулась к Сюзан:

— Поставь цветы в воду, пока они не засохли, мисс Юная Красавица. Не стой столбом, гадая, кто этот таинственный воздыхатель.

Потом тетя Корд улыбнулась. Настоящей улыбкой. Более всего Сюзан обижало, сбивало с толку осознание того, что тетя Корд не какая-то старая карга, не ведьма вроде Риа с Кооса. Не чудовище, а всего лишь старая дева, жаждущая признания в обществе, обожающая золото и серебро, опасаящаяся остаться наедине с миром без гроша в кармане.

— Для таких, как мы, милая Сюзан, — говорила она искренне, — лучше заниматься домашними делами, а мечты оставить тем, кто может себе это позволить.

Сюзан не сомневалась, что цветы от Уилла, и не ошиблась. Записку писала крепкая и уверенная рука.

Дорогая Сюзан Дельгадо!

*В тот вечер я наговорил лишнего и прошу извинить меня. Могу я увидеться с тобой и поговорить? Наедине. **Вопрос очень***

важный. Если ты согласна повидаться со мной, отправь записку с юношей, который принес цветы. Ему можно доверять.

Уилл Диаборн

Вопрос очень важный. Подчеркнуто. Ей не терпелось узнать, что же для него так важно, но она одернула себя: не делай глупостей. Может, он попытается воспользоваться ее доверчивостью... а если так, на кого возложат вину? Кто говорил с ним, ехал на его лошади, демонстрировал ему свои ножки? Кто клал руки ему на плечи и целовал в губы?

При этой мысли щеки и лоб вспыхнули, а пах обдало жаром. Она не могла сказать, что сожалеет о том поцелуе, но, сожалея не сожалея, это была ошибка. А вновь увидеться с ним — ошибка куда более грубая.

Однако она жаждала новой встречи и в глубине души уже знала, что готова простить его. Но она дала слово.

Согласилась стать наложницей Торина.

Ночью она лежала без сна, ворочаясь с боку на бок, поначалу думая, что избрала верный путь, наиболее достойный, не реагировать на его просьбу... потом появились другие мысли... более фривольные, подталкивающие к авантюре.

Услышав, как колокол отбил полночь, возвещая о завершении одного дня и приходе следующего, Сюзан решила, что с нее довольно. Вскочила с кровати, подкралась к двери, приоткрыла ее, высунулась в коридор. Услышав сладкое посапывание тети Корд, закрыла дверь, подошла к столу у окна, зажгла лампу. Достала из верхнего ящика лист бумаги, разорвала пополам (в Хэмбри бумага ценилась чуть ли не наравне с породистыми лошадьми), затем быстро написала несколько слов, чувствуя, что малейшее колебание выльется в несколько часов нерешительности. Подписываться она не рискнула.

*Я не могу встречаться с тобой.
Это неприлично.*

Она несколько раз сложила листок, задула лампу, вернулась в постель, сунула записку под подушку. И через две минуты уже спала. Наутро, отправившись, в город за покупками, она завернула в «Приют путников», который в одиннадцать часов напоминал путника, умершего на дороге не своей смертью.

Шими она нашла во дворе салуна, квадратном участке утоптанной

земли. Он катил тачку вдоль коновязи и собирал оставшийся с вечера конский навоз. На голову он надел смешное розовое сомбреро и пел «Золотые шлепанцы». Сюзан сомневалась, что хоть кто-то из завсегдатаев «Приюта» поднимался по утрам в столь хорошем настроении... но, с другой стороны, с головой у него было не очень.

Сюзан огляделась, дабы убедиться, что на нее никто не смотрит, подошла к Шими, похлопала по плечу. На его лице отразился испуг, и Сюзан это не удивило.... если верить тому, что она слышала, Дипейп, приятель Джонаса, едва не убил беднягу за то, что тот обрызгал его сапоги.

И тут же Шими узнал ее.

— Привет, Сюзан Дельгадо с окраины города, — поздоровался он. — Доброго тебе дня, сэй.

Он поклонился, на удивление точно симитировав поклон Внутренних феофов, которому научился от своих новых друзей. Улыбнувшись в ответ, Сюзан сделала реверанс (в город она пошла в джинсах, поэтому вместо юбки ухватила за воздух, но женщины Меджиса привыкли к тому, что юбки на них воображаемые).

— Видишь мои цветы, сэй? — Он указал на некрашеную стену «Приюта». То, что она там увидела, глубоко тронуло Сюзан: полоска земли, засаженная незабудками. Они смело покачивались под легким ветерком, единственное светлое пятно в этом грязном загаженном дворе, примыкающем к обшарпанному борделю.

— Ты их вырастил. Шими?

— Да, я. А мистер Артур Хит из Гилеада обещал прислать мне желтые.

— Никогда не видела желтых незабудок.

— Да, я тоже не видел, но мистер Артур Хит говорит, что в Гилеаде они есть. — Лицо его стало серьезным, лопату он держал наперевес, как солдат держит винтовку или пику. — Мистер Артур Хит спас мне жизнь. Для него я готов на все.

— Правда, Шими?

— Кроме того, у него есть дозорный! Это птичий череп! И знаешь, как я смеюсь, когда он притворяется, будто разговаривает с ним? До колик в животе, просто сгибаюсь пополам.

Сюзан вновь огляделась, чтобы убедиться, что никто за ними не наблюдает за исключением тотемов по другую сторону улицы, достала из кармана джинсов сложенную в несколько раз записку.

— Ты сможешь передать вот это мистеру Диаборну? От меня. Он тоже твой друг, не так ли?

— Уилл? Да! — Шими взял записку и аккуратно засунул ее в карман.

— И никому не говори.

— Ш-ш-ш-ш! — согласился он и прижал палец к губам. Его глаза округлились под смешной розовой женской шляпкой. — Как в тот раз, когда я принес тебе цветы. Никому!

— Правильно, никому. Доброго тебе дня, Шими.

— И тебе, Сюзан Дельгадо.

Он вновь принялся собирать конский навоз. Сюзан все смотрела на него, внезапно ей стало не по себе. Теперь, когда записка переключалась в карман Шими, ее так и подмывало забрать ее, зачеркнуть написанное и пообещать встретиться с Уиллом. Как же ей захотелось вновь увидеть его синие глаза, не отрывающиеся от ее лица.

Но тут другой приятель Джонаса, тот, что всегда носил плащ, вышел из продовольственного магазина. Ее он не видел, смотрел под ноги и сворачивал сигарету, но Сюзан решила не испытывать судьбу. Рейнолдс скажет Джонасу. Джонас (только этого и не хватало) — тете Корд. А если тетя Корд услышит, что она общается с парнем, который приносил ей цветы, вопросов не избежать. Тех самых, отвечать на которые ей ой как не хотелось.

Все это уже в прошлом, Сюзан... вода, которая утекла под мостом. Лучше не думать о том, чего не вернуть.

Она остановила Пилон, окинула взглядом пасущихся на Спуске лошадей. Что-то их очень уж много.

Но о лошадях подумать не удалось. Мысли ее вновь возвратились к Уиллу Диаборну.

Ну до чего же ей не повезло! Если бы не эта случайная встреча по пути с Кооса, она примирилась бы с неизбежным... девушка она практичная, в конце концов, а обещание есть обещание. Уж конечно, она не стала бы рвать на себе волосы из-за потери девственности, а перспектива выносить и родить ребеночка вдохновляла.

Но Уилл Диаборн все переменял: он проник в ее голову и поселился там, жилец, не прислушивающийся к просьбам хозяйки освободить помещение. Слова, которые он бросил ей в лицо во время танца, по-прежнему звучали в ушах, хотя она их и ненавидела. Такие жестокие, высокомерные... но разве не правдивые? И Риа видела Харта Торина насквозь, теперь Сюзан в этом нисколько не сомневалась. Насчет

сладострастности мэра ведьма нисколько не ошибалась. Неприятная мысль, но никуда от нее не уйти.

Именно Уилл Черт-Бы-Тебя-Побрал Диаборн стал причиной того, что она уже не могла со смирением принять уготованное ей судьбой, он завлек ее в спор, в котором едва слышался ее слабенький голос, он являлся к ней в снах... в снах, где обнимал ее и целовал, целовал, целовал...

Сюзан спешила и пошла вниз по пологому склону, зажав поводья в руке. Пилон с готовностью последовал за ней, а когда она остановилась, чтобы посмотреть на синее марево на юго-западе, наклонил голову и вновь начал щипать травку.

Она решила, что ей все-таки необходимо еще раз встретиться с Уиллом Диаборном, хотя бы для того, чтобы дать шанс врожденной практичности восстановить свой контроль над разумом и сердцем. Увидеть его наяву, таким, каков он есть на самом деле. Не того Диаборна, которого рисовало ее воображение, который являлся к ней в горячечных снах. Как только она это сделает, все встанет на свои места и жизнь вернется в привычное русло. Может, именно поэтому она выбрала для прогулки этот участок Спуска... как вчера, и позавчера, и днем раньше. Его здесь видели. Об этом она слышала на нижнем рынке.

Она отвернулась от Спуска, внезапно почувствовав, что сейчас он появится, словно ее мысли позвали его... или ее *ка*.

Но увидела Сюзан лишь синее небо да низкие холмы, силуэт которых напоминал линию ноги, бедра, талии женщины, лежащей на боку в кровати. Горькое разочарование охватило ее. Горечь эту она почувствовала даже во рту, словно его набили мокрыми чайными листочками.

Сюзан шагнула к Пилону, решив вернуться домой и извиниться перед теткой. И чем быстрее, тем лучше. Уже вставила ногу в стремя, и тут из-за горизонта вынырнул, всадник, на том самом месте, где изгиб холмов казался ей женским бедром. Она видела лишь силуэт, но все равно сразу узнала его.

Беги! — приказала она себе: ее охватила паника. На коня и в галоп! Быстро! Прежде чем случится что-то ужасное... прежде чем ка, если это действительно ка, налетит словно ураган и унесет тебя далеко-далеко!

Она не убежала. Стояла рядом с Пилоном и что-то зашептала ему, когда жеребец поднял голову и заржал, приветствуя спускающегося с холма гнедого мерина.

А потом Уилл оказался рядом. Сначала смотрел на нее сверху вниз, потом в одно мгновение спешил. На этот раз он не выставлял вперед

ногу, упираясь каблуком в землю, не кланялся. Просто пристально смотрел на нее, без тени улыбки на лице.

Их взгляды встретились, Роланда из Гилеада и Сюзан из Меджиса. Они стояли посреди раздолья Спуска, и она почувствовала, как в сердце у нее поднимается ураган. В равной мере желанный и пугающий.

— Доброе утро, Сюзан. Я так рад, что снова увидел тебя.

Она молчала, ждала и смотрела на него. Слышал ли он, как бьется ее сердце? Разумеется, нет. Это все романтические выдумки. Однако ее не оставляла мысль о том, что удары эти слышны в радиусе пятидесяти ярдов.

Уилл шагнул к ней. Она отступила на шаг, недоверчиво глядя на него. На мгновение он опустил голову, вновь посмотрел на нее, с решимостью в глазах.

— Я извиняюсь.

— Правда? — Голос ее звучал холодно.

— В тот вечер я обвинил тебя необоснованно.

Тут она разозлилась.

— Обоснованно или нет — мне без разницы. Меня задела несправедливость твоих слов. Очень обидела.

Слеза выкатилась из ее левого глаза и поползла по щеке. Значит, она еще не выплакала все слезы.

Она думала, что от ее слов его охватит стыд, но хотя на щеках и появился легкий румянец, глаза Уилла не отрывались от ее лица.

— Я влюбился в тебя. Вот почему сказал такое. Думаю, случилось это даже до того, как ты меня поцеловала.

Она засмеялась... но искренность его признания... смех звучал фальшиво даже для ее ушей.

— Мистер Диаборн...

— Уилл. Пожалуйста.

— Мистер Диаборн, — настойчиво повторила Сюзан, как учительница, что-то втолковывающая туповатому ученику, — это нелепо. После одной-единственной встречи? После одного поцелуя? *Сестринского поцелуя*? — Тут зарделась она, но быстро продолжила: — Такое случается в книгах, но в реальной жизни? Думаю, что нет.

Но глаза его по-прежнему вглядывались в нее, и в них она видела веские аргументы: романтичность натуры, накрепко впечатанная в гранит

его практичности. Он принял любовь как жизненный факт, а не дуновение ветерка или цветок, и полагал, что теперь им обоим никуда от нее не деться.

— Я извиняюсь, — повторил он. Упрямство, звучащее в его голосе, раздражало, забавляло и пугало одновременно. — Я не прошу тебя ответить мне любовью, не поэтому я так говорил. Ты сказала, что положение у тебя деликатное... — Теперь он отвел глаза, оглядел Спуск, даже хохотнул. — Я назвал его дураком, не так ли? При тебе. Так кто в конце концов дурак?

Она улыбнулась. Не могла сдержаться.

— Ты также сказал, что, по слухам, он любит выпить и охоч до молоденьких девушек.

Роланд ударил себя по лбу ребром ладони. Если б нечто подобное проделал Артур Хит, его приятель, она бы подумала, что этот жест — насмешка. С Уиллом таких мыслей не возникло. Она видела, что ему сейчас не до шуток.

Они замолчали, но на этот раз молчание их не тяготило. Лошади, Быстрый и Пилон, бок о бок пощипывали травку. *Будь мы лошадьми, все получилось бы куда проще*, подумала Сюзан и едва не захихикала.

— Мистер Диаборн, вы понимаете, что мне пришлось согласиться на поставленные условия?

— Да. — Слово это он произнес с хэмпбрийским выговором, отчего у Сюзан удивленно взлетели брови. — Это не насмешка. Просто... вошло в привычку.

— Кто рассказал тебе о моих делах?

— Сестра мэра.

— А, Корал. — Она скорчила гримаску и решила, что удивляться тут нечему. И потом, другие могли охарактеризовать положение, в котором она оказалась, куда более грубыми словами. К примеру Джонас. Или Риа с Кооса. Лучше об этом не думать. — Тогда, если ты все понимаешь, если не собираешься просить меня ответить тебе... теми же чувствами, которые вроде бы испытываешь ты... почему мы сейчас разговариваем? Почему ты ищешь встречи со мной? Думаю, это может доставить тебе некоторые неудобства...

— Да, — кивнул он, — доставляет, и еще какие. Глядя на тебя, я боюсь потерять голову.

— Так, может, лучше не смотреть, не говорить, не думать! — Голос звучал резко, но при этом чуть дрожал. Как он посмел говорить ей такое, резать правду-матку прямо в глаза. — Почему ты послал мне букет и

записку? Разве ты не понимал, какими мне это грозило неприятностями? Если б ты знал мою тетку! Она уже заводила разговор о тебе, а если бы нашла записку... или увидела нас вместе...

Она огляделась, чтобы удостовериться, что за ними не подсматривают. Нет, судя по всему, они одни. Он протянул руку, коснулся ее плеча. Она посмотрела на него, и он отдернул пальцы, словно положил их на что-то горячее.

— Я сказал все это, чтобы ты меня поняла. И точка. Причина моих чувств только во мне, ты не несешь за них никакой ответственности.

Но я несу, подумала Сюзан. Я его поцеловала. Думаю, на мне лежит немалая ответственность за все то, что мы оба чувствуем, Уилл.

— Я всем сердцем сожалею о том, что сказал тебе, когда мы танцевали. Ты меня прощаешь?

— Да, — ответила Сюзан, и если бы в этот момент он заключил ее в объятия, она бы не возражала, наплевав на последствия. Но он только сдернул с головы шляпу и церемонно поклонился. Ветерок в сердце стих.

— Спасибо, сэй.

— Не зови меня так. Ненавижу такое обращение. Мое имя — Сюзан.

— А ты будешь называть меня Уиллом?

Она кивнула.

— Хорошо, Сюзан, я хочу тебя кое о чем спросить... не как человек, который оскорбил тебя и обидел, потому что приревновал. Вопрос совсем из другой области. Можно?

— Да, конечно, — осторожно ответила она.

— Ты стоишь за Альянс?

Она вытаращилась на него, словно громом пораженная. Такого вопроса она никак не ожидала... но он пристально смотрел на нее, всем своим видом показывая: это не шутка.

— Я знаю, что ты и твои друзья должны пересчитать коров, ружья, копья, рыбацкие лодки и еще Бог знает что, но не думала, что вы будете пересчитывать и сторонников Альянса.

Она увидела мелькнувшее в его глазах удивление, в уголках рта появилась улыбка. С такой улыбкой он выглядел старше своих лет. Сюзан поначалу не поняла, что она такого сказала, потом догадалась, что поразило его: слово «вы» она произнесла даже не на хэмбрийском диалекте, а на архаичном, давно вышедшем из обихода языке. Она рассмеялась.

— Моя тетя обожает такие словечки^[28]. Пользовался ими и мой отец. Все это идет от общества стариков, которые называют себя «Друзья».

— Я знаю. Это общество есть и в наших краях.

— Правда?

— Да. Если уж ты этого коснулась, мне тоже нравится, как они говорят. Слова звучат красиво.

— Только не в устах моей тетушки. — Сюзан вспомнила последнюю ссору из-за рубашки. — Отвечаю на твой вопрос, да... я за Альянс. Потому что за него стоял мой отец. Если же ты спросишь, очень ли мне дорог Альянс... Наверное, нет. В последнее время мы практически ничего не знаем о тамошних делах. До нас доходят только слухи и истории, которые приносят бродяги и торговцы. Теперь, когда нет железной дороги... — Она пожала плечами.

— Большинство простых людей, с кем я говорил, высказывают те же мысли. Однако твой мэр Торин...

— Он *не мой* мэр Торин, — пожалуй, слишком резко возразила Сюзан.

— Тем не менее мэр *феода* Торин предоставил в наше распоряжение все, что мы просили... и даже то, о чем не просили. Мне достаточно щелкнуть пальцами, и Кимба Раймер подбегает ко мне.

— Тогда не щелкай ими. — Сюзан инстинктивно огляделась. Попыталась улыбнуться, показать, что это шутка, но у нее не получилось.

— Горожане, рыбаки, фермеры, пастухи... все отзываются об Альянсе хорошо, но сдержанно. А вот мэр, канцлер, члены Ассоциации конезаводчиков, Ленджилл, Гарбер, Рен...

— Я их знаю, — оборвала его Сюзан.

— Тут энтузиазм просто не знает границ. Упомяни об Альянсе шерифу Эвери, и он разве что не пускается в пляс. На каждом ранчо нам предлагают выпить за Альянс из кружки с гербом Эльда.

— Выпить что? — подозрительно спросила она. — Пива? Эля? Грэфа?

— А также вина, виски и самогона. — На улыбку он не отреагировал. — Они словно хотят, чтобы мы забыли о данном нами обещании. Тебе это не кажется странным?

— Да, немного... а может, это всего лишь хэмбрийское гостеприимство. В здешних краях, если молодой человек заявляет, что он не пьет, люди постарше расценивают это как шутку.

— А их безудержное восхваление Альянса? Что ты можешь сказать по этому поводу?

— Странно все это.

И она говорила искренне. По своей работе Пат Дельгадо чуть ли не ежедневно виделся со многими землевладельцами и конезаводчиками. Он часто брал ее с собой, так что она их навидалась. И считала их более чем хладнокровными, сдержанными, себе на уме. Не могла она представить

себе Джона Кройдона или Джейка Уайта, поднимающего кружку с гербом Артура из Эльда, чтобы произнести сентиментальный тост... особенно в разгар дня, когда работы непочатый край.

Уилл пожирал ее глазами, словно читал эти мысли.

— Но ты, наверное, не встречаешься с этими здоровяками так часто, как раньше, — вставил он. — Я хочу сказать, до того, как умер твой отец.

— Возможно... но разве ушастика-путаника можно научить говорить слова наоборот?

Теперь он улыбнулся во весь рот. И улыбка осветила его лицо. Боги, какой же он красивый!

— Думаю, что нет. Как кошку не научить менять свои любимые места. А Торин не говорит о нас... обо мне и моих друзьях... когда вы вдвоем? Или я не имею права задавать этот вопрос? Пожалуй, не имею.

— О чем речь. — Она вскинула голову, отчего коса закачалась из стороны в сторону. — Я же мало что понимаю в приличиях, о чем мне не так давно и напомнили. — Но она не испытала радости, увидев, как он опустил глаза и покраснел, хотя и ожидала именно такой реакции. Она знала девушек, которые обожали не только флиртовать, но и доводить своих кавалеров, однако себя к таковым не относил. И уж конечно, не хотела добивать его. Потому и продолжила тихим голосом: — В любом случае, наедине с ним я не бываю.

Ну и лгунья же ты, тут же подумала Сюзан, вспомнив, как Торин прихватил ее в коридоре после званого обеда, как впился в грудь, словно ребенок, дорвавшийся до шоколадного батончика, как сказал, что сгорает от нетерпения. Ох и лгунья.

— В любом случае, Уилл, мнение Харта о тебе и твоих друзьях вас не касается, не так ли? У вас есть работа, и это главное. Если он помогает вам, почему с благодарностью не принять его помощь?

— Потому что здесь что-то не так, — ответил он с такой серьезностью, что ей даже стало страшно.

— Не так? С мэром? С Ассоциацией конезаводчиков? О ком ты говоришь?

Он долго смотрел на нее, словно принимая важное решение.

— Я хочу довериться тебе, Сюзан.

— Не уверена, что твое доверие нужно мне больше, чем твоя любовь.

Он кивнул.

— Пока не уверена, но, чтобы выполнить порученное мне дело, я должен кому-то довериться. Можешь ты это понять?

Она заглянула ему в глаза, кивнула. Он шагнул к ней, встал так близко,

что она, казалось, ощущала тепло его кожи.

— Посмотри. — Он указал на склон, уходящий к морю. — Скажи, что ты видишь.

Она посмотрела. Пожала плечами.

— Спуск. Такой же, как всегда. — Она чуть улыбнулась. — И очень красивый. Он навсегда останется для меня самым лучшим местом в мире.

— Да, красиво, все так. А что еще ты видишь?

— Лебедей-лошадей. — Она вновь улыбнулась, показывая, что это шутка (так шутил еще ее отец), но ответной улыбки не дождалась. Он, конечно, красивый, очень смелый, если верить историям, гуляющим по городу, умный, но вот с чувством юмора у него не очень. Впрочем, это не самый плохой недостаток. Некоторые вот хватают девушек за грудь.

— Лошадей. Да. Но что мы можешь сказать насчет их числа? Ты всю жизнь видела лошадей на Спуске, и такой же эксперт в этом вопросе, как и любой конезаводчик.

— А ты им не доверяешь?

— Они дают нам все, что мы просим, и они дружелюбны, как собаки под обеденным столом, но... нет у меня к ним доверия.

— Однако ты доверяешь мне.

Он посмотрел в ее прекрасные и испуганные глаза, серые, еще не обесцвеченные бесконечной чередой дней.

— Я должен кому-то довериться, — повторил он.

Она опустила взор, словно он отверг ее. Он протянул руку, мягко подsunул пальбы под подбородок, поднял ей голову.

— Их всегда столько же? Хорошенько подумай!

Но теперь, когда он точно сформулировал вопрос, ответить на него она могла без запинки. Какое-то время она уже замечала перемены, но, растянутые во времени, они не привлекали особого внимания.

— Нет. Столько их быть не должно.

— А сколько должно? Больше или меньше?

Она помолчала. Глубоко вдохнула, шумно выдохнула.

— Их много. Слишком много.

Уилл Диаборн, сжав кулаки, вскинул руки, потряс ими. Его синие глаза сияли, как электрические лампочки, о которых рассказывал ей дед.

— Я это знал. *Знал!*

— Сколько здесь обычно бывает лошадей? — спросил он.

— Под нами? Или на всем Спуске?

— Под нами.

Она огляделась, не пытаясь пересчитать их по головам: все равно не получилось бы, только сбило со счета. Увидела Сюзан четыре табуна примерно по двадцать голов, медленно плывущих по зеленому лугу, точно так же как в небе парят птицы. И девять табунов поменьше, от восьми до четырех голов... несколько пар (они напомнили Сюзан влюбленных, но сегодня ей напоминало об этом все вокруг)... скачущих одиночек... несомненно, молодых жеребцов...

— Сто шестьдесят? — осторожно спросил он.

Она в изумлении воззрилась на него.

— Да. Сто шестьдесят. Именно это число я и хотела тебе назвать.

— А какую часть Спуска мы видим? Четверть? Треть?

— Гораздо меньше. — Она улыбнулась. — О чем ты и сам знаешь. Не больше одной шестой.

— Если на каждой шестой части пасется сто шестьдесят лошадей, всего выходит...

Она подождала, пока он скажет «девятьсот шестьдесят», а потом кивнула. Он опустил голову, а потом вскрикнул от неожиданности, когда Быстрый ткнулся мордой ему в поясницу. Сюзан поднесла руку ко рту чтобы подавить смешок. По нетерпеливому взмаху руки, которым он оттолкнул лошадиную морду, она поняла, что ему сейчас не до веселья.

— А сколько лошадей в конюшнях, тренировочных лагерях, на различных работах?

— Одна на каждые три пасущиеся здесь. Приблизительно.

— То есть мы говорим о тысяче двухстах головах. Все лошади породистые, никаких мутантов.

Тут она бросила на него удивленный взгляд:

— Да. Мутантов в Меджисе практически не рождается... и в других Внешних феодах тоже.

— То есть из пяти жеребят нормальными рождается не три, а больше?

— Нормальными рождаются все пять! Разумеется, время от времени попадает уродец, которого приходится забивать, но...

— Не один мутант из каждых пяти новорожденных? Один из пяти, рождающийся... как это сказал Ренфрю... с лишними ногами или внутренностями снаружи?

Для ответа хватило бы и изумления, отразившегося на ее лице.

— Кто мог тебе такое сказать?

— Ренфрю. Он также сказал, что в Меджисе не больше пятисот семидесяти породистых лошадей.

— Да это же... — У нее вырвался смешок. — Глупость какая-то! Если бы мой отец был здесь...

— Но его нет, — сухо оборвал ее Роланд. — Он мертв.

Поначалу она не поняла, что тон его изменился. А потом в голове словно что-то щелкнуло. Сюзан сразу помрачнела.

— Смерть моего отца — несчастный случай. Ты это понимаешь, Уилл Диаборн? *Несчастный случай*. Ужасное дело, но иногда бывает и такое. Лошадь разможила ему голову копытом. Океанская Пена. Френ говорит, что Пена увидела змею в траве и потеряла контроль над собой.

— Френ Ленджилл?

— Да. — Сюзан побледнела, лишь на щеках остались пятна румянца, совсем как розы в том букете, что он прислал ей с Шими. — Френ отъездил с отцом многие мили. Они не были большими друзьями, относились к разным сословиям, но часто ездили вместе. У меня есть шапочка, которую первая жена Френа сшила для моего крещения. Они объездили Спуск вдоль и поперек. Я не могу поверить, чтобы Френ Ленджилл сказал неправду о смерти моего отца, не говоря уж о том, что он... имел к ней какое-то отношение.

Однако она с сомнением смотрела на пасущихся лошадей. Очень много. *Слишком много*. Ее отец это бы увидел. И задался бы тем же самым вопросом, что сейчас возник у нее: а чье тавро стоит на лишних лошадях?

— Так уж вышло, что Френ Ленджилл и мой друг Стокуорт побеседовали о лошадях. — Голос Уилла звучал буднично, но на лице отражалась тревога. — За стаканами родниковой воды, после того как мой друг отказался от пива. Примерно о том же я говорил с Ренфрю на обеде у мэра Торина. Когда Ричард спросил, сколько лошадей Меджис может поставить под седло, Ленджилл ответил: порядка четырех сотен.

— Безумие.

— Похоже на то, — согласился Уилл. — Разве они не понимают, что лошади находятся там, где вы можете их увидеть?

— Они знают, что мы только приступили к работе и начали с рыбаков. До Спуска мы доберемся только через месяц, и я уверен, что за это время они придумают, куда деть лишних лошадей. И пока они относятся к нам... как бы это сказать? Хотя какая разница. Я не силен в словах, а вот мой друг Артур называет их отношение «откровенным презрением». Они оставляют лошадей у нас на виду в полной уверенности, что мы не знаем, на что смотрим. Или надеясь, что не поверим увиденному. Я очень рад, что

встретил тебя здесь.

Только потому, что я назвала тебе точное число пасущихся лошадей? Или есть другая причина?

— Но вам *придется* пересчитывать лошадей. От этого не уйти. Как я понимаю, лошади Альянсу нужны.

Он как-то странно посмотрел на нее, словно она упустила очевидное. Ей сразу стало не по себе.

— Что? О чем ты?

— Может, они рассчитывают, что лишние лошади отбудут к тому моменту, когда мы займемся Спуском.

— Отбудут куда?

— Не знаю. Но мне это не нравится. Сюзан, этот разговор останется между нами, хорошо?

Она кивнула. Даже в страшном сне она не могла представить себе, что рассказывает кому-то не о разговоре — о встрече с Уиллом Диаборном на Спуске, наедине, под надзором одних лишь Пилона и Быстрого.

— Может, за этим ничего не стоит. Но если предположить обратное, знать об этом опасно.

Мысли Сюзан вернулись к отцу. Ленджилл сказал ей и тете Корд, что Океанская Пена сбросила Пата на землю, а потом размозжила ему голову копытом. У них не было оснований ему не верить. Но Френ Ленджилл сказал другу Уилла, что в Меджисе только четыреста породистых лошадей, а вот это наглая ложь.

Уилл повернулся к Быстрому, чему она только порадовалась.

С одной стороны, она хотела, чтобы он остался, стоял рядом с ней под плывущими по траве длинными тенями облаков... но они слишком долго пробыли вместе. Впрочем, едва ли кто мог увидеть их, очень уж далеко они забрались, но мысль эта не успокаивала, а, наоборот, будоражила еще больше.

Он поправил стремя, висевшее пониже упрятанного в чехол копыа (шея Быстрого подрагивала, как бы говоря: пора в путь), снова повернулся к Сюзан. Она едва не лишилась чувств, почувствовав на себе его взгляд: это *ка*, сомнений быть не могло. Сюзан, однако, попыталась сказать себе, что за *ка* она принимает дим^[29] — ощущение того, что с ней такое уже было, но быстро поняла, что обманываться не стоит. Это не дим. Она вышла на дорогу, и ей не оставалось ничего другого, как пройти ее до конца.

— Мне бы хотелось сказать тебе кое-что еще. Не хочу возвращаться к началу, но должен.

— Нет, — выдохнула Сюзан. — Мы уже поставили точку.

— Я сказал, что полюбил тебя и меня охватила ревность. — Впервые голос у него чуть дрогнул. В ужасе она увидела, что его глаза наполнились слезами. — Но это еще не все. Не все.

— Уилл, я не хочу... — Она ткнулась лицом в бок лошади. Он взял ее за плечо, развернул к себе. Мягко, потому что она в общем-то и не сопротивлялась. Она беспомощно смотрела ему в лицо, видела, какой он еще юный, как далеко он от родного дома, и внезапно осознала, что ей перед ним не устоять. Она хотела его всей душой, жаждала его. И с радостью отдала бы год жизни, чтобы прикоснуться к его щекам и ощутить ладонями его кожу.

— Тебе недостает отца, Сюзан?

— Да, — прошептала она. — У меня до сих пор щемит сердце.

— Точно так же мне недостает матери. — Теперь обе его руки лежали у нее на плечах. Один глаз он прищурил. Слезинка прокладывала серебристую дорожку по его щеке.

— Она умерла?

— Нет, но что-то случилось. С ней. По отношению к ней. Черт! Как я могу об этом говорить, если даже не знаю, что и думать? В определенном смысле она умерла. Для меня.

— Уилл, это же ужасно.

Он кивнул.

— В последний раз, когда мы виделись, она так посмотрела на меня, что этот взгляд останется со мной до гробовой доски. Стыд, любовь, надежда, все смешалось в нем. Стыд, потому что я все видел и знал. Надежда, что я пойму и прощу... — Он глубоко вздохнул. — В тот вечер, когда обед подходил к концу, Раймер сказал что-то забавное. Все рассмеялись...

— Если я и смеялась, то лишь потому, чтобы не выделяться среди остальных, — вставила Сюзан. — Мне он не нравится. Я думаю, он все время плетет какие-то заговоры.

— Вы все смеялись, а я посмотрел в дальний конец стола. На Олив Торин. И на мгновение... только на мгновение... подумал, что она — моя мать. То же лицо. Лицо, которое увидел я однажды утром, открыв не ту дверь не в тот час и столкнувшись с матерью и ее...

— Замолчи! — Она подалась назад, подальше от его рук. Внутри у нее все пришло в движение. Все запоры, стены, плотины, которые она с таким упорством возводила, рухнули в один миг. — Замолчи, просто замолчи, не хочу я о ней слушать.

Она схватила поводья Пилона, но мир подернулся пеленой слез. Сюзан

зарыдала. Почувствовала на плечах его руки, разворачивающие ее к себе, сопротивляться не стала.

— Мне так стыдно, — пробормотала она. — Мне стыдно, и я напугана. Я забыла лицо моего отца и... и...

И я никогда не смогу его найти, хотела сказать она, но говорить ей не пришлось вовсе. Он закрыл ей рот поцелуями. Поначалу она только позволяла себя целовать... а потом уже целовала сама, яростно и отчаянно. Большими пальцами осторожно стирала влагу из-под его глаз, потом, как и хотела, прикоснулась к щекам ладонями. И испытала ни с чем не сравнимые ощущения: еще мягкая, не знающая бритвы щетина наэлектризовала все ее тело. Она обхватила его шею руками, их губы слились, они целовались и целовались меж двух лошадей, которые переглянулись и опять принялись щипать траву.

То были лучшие поцелуи в его жизни, не забывающиеся никогда: мягкая податливость ее губ, подпирающие их изнутри ровные и твердые зубы. Страстные поцелуи, без тени застенчивости. Остались в памяти и аромат ее дыхания, и упругость тела. Его рука скользнула к ее левой груди, легонько сжала, почувствовала, как бьется ее сердце. Вторая рука поднялась выше и зарылась в волосы. Их шелковистость он запомнил навсегда.

А потом она отпрянула, с горящим от страсти лицом, одна рука коснулась губ, которые распухли от его поцелуев. Из уголка нижней текла маленькая струйка крови. Ее глаза, широко раскрытые, не отрывались от его глаз. Грудь вздымалась и опадала, словно после долгого забега. А между ними пробежали волны, которых ему больше не довелось испытать.

— Хватит. — Голос ее дрожал. — Пожалуйста, хватит. Если ты действительно любишь меня, не дай мне потерять честь. Я дала слово. Потом может быть что угодно, после выполнения обещания... если ты все еще захочешь меня...

— Я готов ждать вечно, — ответил он, — и сделать для тебя что угодно, но не отойду в сторону, чтобы смотреть, как ты уходишь с другим мужчиной.

— Тогда, если ты меня любишь, держись от меня подальше. Пожалуйста, Уилл!

— Еще один поцелуй.

Она тут же шагнула к нему, доверчиво подняла голову, и он понял, что может делать с ней все, что хочет. Она, по крайней мере в тот момент, не принадлежала себе, она признавала его власть над ней. Он мог сделать то, что Мартен сделал с его матерью, возникни у него такое желание.

Мысль эта охладила страсть, превратила жаркий костер в раскиданные угли, едва тлеющие в темноте. Смирение его отца,

(Я знаю об этом два года)

пожалуй, более потрясло Роланда. Как он мог влюбиться в эту девушку (любую девушку!) в мире, где выживают только жестокие сердца? Как он мог пойти по пути Мартена? Однако он любил ее.

И вместо страстного поцелуя он легонько коснулся уголка рта, откуда вытекала струйка крови, почувствовал губами соль, по вкусу не отличимую от его слез, закрыл глаза и задрожал, когда ее рука погладила ему волосы на затылке.

— Я не хотела причинять боль Олив Торин, — прошептала Сюзан. — Так же, как и тебе, Уилл. Я многого не понимала, но теперь поздно что-либо исправлять. Но благодарю тебя... ты не взял то, что мог бы. И я всегда буду тебя помнить. Твои поцелуи. Ничего лучше я не знала. Словно небо и земля слились воедино.

— Я тоже запомню. — Он наблюдал, как она садится на лошадь, вспомнил ее обнаженные ноги, мелькнувшие в темноте в ту ночь, когда они впервые встретились. И внезапно понял, что не может отпустить ее. Протянул руку, коснулся ее сапога.

— Сюзан...

— Нет, — покачала она головой. — Пожалуйста.

Он отступил. Не зная, как ему это удалось.

— Это наша тайна. Да?

— Да.

Она улыбнулась... но очень уж грустно.

— Держись от меня подальше, Уилл. Пожалуйста. И я буду держаться подальше от тебя.

Он обдумал ее слова.

— Если сможем.

— Мы должны, Уилл. Должны.

Умчалась она галопом. Роланд стоял рядом с Быстрым, провожая ее взглядом. Стоял и когда она скрылась из виду.

Шериф Эвери и его помощники Дейв и Джордж Риггинс сидели на крыльце дома, в котором разместились кабинет шерифа и тюрьма, когда мистер Стокуорт и мистер Хит (у последнего на седле по-прежнему торчал этот идиотский птичий череп) проехали мимо. Колокол только пятнадцать минут как отбил полдень, и шериф решил, что юноши отправились на ленч, может, в «Молочный берег», может, в «Приют», где днем предлагали легкую закуску. Сам Эвери отдавал предпочтение более плотной трапезе: половине курицы или хорошему куску мяса.

Мистер Хит помахал им рукой и улыбнулся:

— Доброго дня, джентльмены! Долгой жизни! Прохладного бриза! Приятной сиесты!

Молодые люди помахали руками и поулыбались в ответ.

— Они провели все утро на пристанях, — заметил Дейв, когда юноши скрылись из виду. — Считали сети. Сети! Можете вы в это поверить?

— Да, сэр. — Шериф Эвери приподнял одну гигантскую ягодицу и пустил шумного «голубка». — Да, сэр, я могу. Да.

— Если бы не та история с парнями Джонаса, я бы подумал, что они болваны, — добавил Джордж.

— А они бы не возражали. — Эвери посмотрел на Дейва, который крутил в руке монокль и все смотрел вслед юношам. В городе прибывшую из Альянса троицу уже начали называть Маленькими охотниками за гробами. Эвери так и не решил для себя, как ему их воспринимать. Да, он загасил искры, вспыхнувшие между ними и телохранителями Торина, заработал похвалу и золотую монету от Раймера, но... как ему их воспринимать?

— Когда они появились здесь, — он смотрел на Дейва, — ты подумал, что они совсем мягкие. Что ты скажешь теперь?

— Теперь? — Дейв в последний раз крутанул монокль, потом вставил в глаз и уже через него посмотрел на шерифа. — Теперь я скажу, что они чуть покруче, чем я думал поначалу.

Пожалуй, так оно и есть, решил Эвери. Но крутые не значит умные, хвала богам. Да, восхвалим за это богов.

— Я голоден, как бык, вот что я вам скажу. — Шериф наклонился, уперся руками в колени, приподнимаясь, вновь громко пукнул. Дейв и Джордж переглянулись. Джордж помахал рукой перед лицом. Херкимер Эвери, шериф феода, выпрямился. — Вот и внутри место освободилось. Пошли, парни. Пора и подзаправиться.

Даже закат не мог улучшить вида, открывающегося с крыльца бункера на ранчо «Полоса К». Только этот наполовину врытый в землю домишко, если не считать летней кухни и конюшни, и остался на месте усадьбы, построенной буквой L, с крыльцом, примыкающим к внутренней стороне короткой части. Места на крыльце хватало как раз для троих: два деревянных кресла-качалки и ящик, к которому вместо спинки прибили доску.

В тот вечер Ален сидел в одном из кресел, а Катберт обосновался на ящике, который очень ему нравился. На парапете, вглядываясь в земляной двор и сгоревший остов дома Герберов, лежал дозорный.

Ален вымотался донельзя. Они искупались в соседнем ручье, но ему казалось, что он по-прежнему благоухает запахами рыбы и водорослей. Целый день они считали сети. Он никогда не бегал от тяжелой работы, даже монотонной, но чего он терпеть не мог, так это работы бессмысленной. Которой им и приходилось заниматься. Хэмбри делился надвое: рыбаки и конезаводчики. У рыбаков они не могли найти ничего подозрительного, за три недели все трое в этом убедились. Ответы лежали на Спуске, на который они не смели даже взглянуть. По приказу Роланда.

Налетел порыв ветра и донес до них ноющий, дребезжащий «голос» червоточины.

— Как же я ненавижу этот звук, — вырвалось у Алена.

Катберт, непривычно молчаливый в этот вечер, кивнул:

— Да.

Слово это, да и многие другие, они произносили уже как местные. Ален подозревал, что хэмбрийский выговор останется с ними надолго после того, как они сотрут пыль Меджиса со своих сапог.

Из бункера до них доносился куда более приятный звук — воркование голубей. И тут же к ним из-за стены прибавился третий, который молодые люди пытались уловить, сидя на крыльце и наблюдая за закатом: топот копыт.

Роланд появился из-за угла, как всегда, легко и непринужденно, держась в седле, и в тот же момент произошло событие, которое Ален расценил... как дурной знак. Затрепыхались крылышки, темный объект возник в воздухе, и внезапно птица спикировала на плечо Роланда.

Он не подпрыгнул от неожиданности, просто повернул голову. Подъехал к коновязи, остановил Быстрого, вытянул руку.

— Алле, — мягко приказал он, и голубь перелетел на открытую ладонь.

Роланд увидел привязанную к лапке капсулу, взял ее, открыл, достал плотно свернутый листок бумаги. Вновь вытянул руку с сидящим на ней голубем.

Вытянул руку и Ален.

— Алле.

Голубь перелетел к нему. Пока Роланд спешил, Ален унес голубя в бункер, где под раскрытым окном стояли клетки. Открыл центральную и поднес к дверце голубя. Голубь, который только что прилетел, нырнул в клетку. Голубь из клетки перебрался на ладонь Алена. Он закрыл дверку на задвижку, пересек комнату, сунул свободную руку под подушку Берта. Достал матерчатый конверт, в котором лежали полоски бумаги, и дорожную ручку. Взял одну полоску и ручку, в корпусе которой находилась емкость с чернилами и ее не приходилось всякий раз макать в чернильницу. Вышел на крыльцо. Роланд и Катберт изучали развернутую полоску бумаги, которую голубь доставил из Гилеада. Всю ее покрывали крохотные геометрические фигурки.

— Что пишут? — спросил Ален.

Код не отличался сложностью, но в отличие от Катберта и Роланда Ален не мог читать его с листа. Алена отличали другие таланты: умение быстро находить след, в минуту опасности чувствовать невидимое глазу.

— «Фарсон двинулся на восток, — читал Катберт. — Силы разделились на большой и маленький отряды. Вы видите что-либо необычное?» — Он воззрился на Роланда. — Что-либо необычное, как это понимать?

Роланд покачал головой. Он не знал. И сомневался, что это знали люди, отправившие послание, и среди них, безусловно, его отец.

Ален протянул Катберту полоску бумаги и ручку. Одним пальцем Берт погладил по головке воркующего голубя. Он уже расправлял крылья, готовясь к долгому полету на запад.

— Что мне написать? — спросил Катберт. — Как обычно?

Роланд кивнул.

— Но мы *видели* много необычного! — воскликнул Ален. — И знаем, что здесь многое не так! Лошади... и это маленькое ранчо к югу... не могу вспомнить названия...

Катберт вспомнил.

— «Рокинг Аш».

— Да, «Рокинг Аш». Мы же обнаружили там *волов*. Волон! Боги, да

раньше я их видел только на картинках!

На лице Роланда отразилась тревога:

— Кто-нибудь знает, что вы их видели?

Ален нетерпеливо пожал плечами:

— Думаю, что нет. Там были скотники... трое, может, четверо...

— Да, четверо, — подтвердил Катберт. — ...но они не обращали на нас внимания. Даже когда мы что-то видим, они думают, что мы слепцы.

— Пусть думают так и дальше. — Взгляд Роланда скользил по ним, но отсутствующее выражение лица показывало, что мыслями он далеко. А когда Роланд повернулся к заходящему солнцу, Ален заметил что-то лишнее у него на воротнике. И ловко ухватил это что-то: Роланд его движения не заметил. *Берту такого ни в жизнь не сделать*, с гордостью подумал Ален.

— Да, но...

— Текст тот же, — поставил точку Роланд. Сел на верхнюю ступеньку крыльца и всмотрелся в багрянец заката. — Терпение, мистер Ричард Стокуорт и мистер Артур Хит. Что-то мы знаем наверняка, а о чем-то только догадываемся. Но разве Джон Фарсон пойдет сюда только для того, чтобы разжиться лошадьми? Я так не думаю. Не уверен. Лошади представляют собой немалую ценность, кто ж спорит... но я не уверен. Поэтому подождем.

— Хорошо, хорошо, тот же текст. — Катберт положил листок на парапет, заполнил его чередой символов. Это послание Ален мог прочесть: оно повторялось несколько раз со времени их прибытия в Хэмбри: «Сообщение получено. Мы в порядке. Докладывать нечего».

Записку свернули, уложили в капсулу и закрепили ее на ножке голубя. Ален спустился с крыльца, остановился рядом с Быстрым (тот терпеливо ждал, пока его расседлают), поднял птицу к тающему закату.

— Алле!

Голубь поднялся в воздух и замахал крыльями. Вскоре он превратился в маленькую точку на фоне быстро темнеющего неба.

Роланд сидел, глядя ему вслед. С его лица не сходило мечтательное выражение. Ален задался вопросом, а правильное ли решение принял Роланд в этот вечер. Никогда раньше не возникало у него таких мыслей. Он и не ожидал, что возникнет.

— Роланд?

— М-м-м? — Он словно крепко спал и еще окончательно не проснулся.

— Если хочешь, я расседлаю его. — Ален кивнул на Быстрого. — И

оботру.

Ответа не последовало. Ален уже хотел повторить свое предложение, когда Роланд заговорил:

— Нет. Я все сделаю сам. Через минуту или две. — И он продолжал смотреть на запад.

Ален поднялся на крыльцо, сел в кресло-качалку. Берт опустился на деревянный ящик. Теперь они находились за спиной Роланда, и Берт, посмотрев на Алена, вскинул брови. Указал на Роланда, вновь взглянул на Алена.

Ален передал Берту то, что снял с воротника Роланда. У Берта были глаза стрелка, поэтому даже в наступающей темноте он увидел, что ему передают.

Длинный волос цвета золота. По выражению лица Берта Ален понял, что тот знает, с чьей головы упал этот волос. По прибытии в Хэмбри они встретили только одну девушку с длинными золотистыми волосами. В глазах Берта Ален прочитал тревогу и смех.

Катберт Оллгуд поднес указательный палец к виску и надавил на воображаемый курок.

Ален кивнул.

Сидя на крыльце, спиной к друзьям. Роланд затуманенным взором смотрел на умирающий закат.

Глава восьмая

ПОД МЕШОЧНОЙ ЛУНОЙ

1

Городок Ритзи находился в четырехстах милях к западу от Меджиса, а больше сказать о нем, пожалуй, было нечего. Рой Дипейп добрался до него за три ночи до того, как Мешочная Луна (так некоторые называли последнюю луну лета) полностью округлилась, а уехал на следующий день.

Располагался Ритзи, занюханное шахтерское поселение, на восточном склоне гор Ви-Кастис, в пятидесяти милях от Ви-Кастис-Кат. Единственную улицу Ритзи изрыли колеи от железных колес телег, а три дня осенних дождей превращали ее в грязевое озеро. В городке был «Магазин Медведя и Черепахи», в котором «Ви-Кастис компани» запрещала отовариваться шахтерам, и лавка компании, обслуживающая только своих. Тюрьма и Зал собраний помещались в одном доме, из развлекательных заведений предлагались на выбор шесть баров, один грязнее и опаснее другого.

Ритзи напоминал голову, упрятанную между двух огромных вздыбленных плеч — гор. На южной стояли бараки, в которых компания селила шахтеров, каждый порыв ветра окатывал город вонью из их выгребных ям. На северной находились шахты, штольни, уходящие под землю на пятьдесят футов, а потом разбегающиеся вырубками. Добывали там золото, серебро, медь, иной раз попадались и огненные камни. Снаружи шахты казались дырами в голой скалистой земле, дыры эти пилились в небо, как незрячие глаза, около каждой громоздились кучи мусора.

Когда-то здесь работали старатели, но они давно ушли, изгнанные «Ви-Кастис компани». Дипейп это хорошо знал, потому что в свое время Большим охотникам за гробами довелось поработать на компанию. Случилось это вскоре после того, как он связал свою судьбу с Джонасом и Рейнолдсом. Да и сами гробы они вытатуировали неподалеку, в пятидесяти милях отсюда, в городе Ветреном, еще более мерзком, чем Ритзи. Как давно это было? Точно он не помнил, хотя ему казалось, что должен помнить. Когда речь заходила о прошлом, Дипейп терялся. Он даже не мог сказать, сколько ему лет. Потому что мир «сдвинулся», а время изменилось.

Помягчело.

Вот одно он вспоминал без труда... воспоминания освежались всякий раз, когда он морщился от боли, задевая за что-нибудь раненым пальцем. Одно он твердо себе пообещал: он увидит, как трупы Диаборна, Стокуорта и Хита лежат рядом, взявшись за руки, как детские куклы, достанет ту часть своего тела, которую последние три недели мечтал вставить в Ее святейшество, и опорожнит ее на их лица. Причем большую часть «святой воды» прибережет для Артура Хита из Гилеада, города в Нью-Канаане. Этому насмешнику отольется по полной программе.

Миновав восточный край единственной улицы Ритзи, Дипейп поднялся на холм, на секунду оглянулся, бросив на городок прощальный взгляд. Прошлой ночью, когда он говорил со старым козлом, зайдя за «Хэттиген», Ритзи бурлил. А вот в семь утра напоминал город-призрак, такой же мертвый, как и Мешочная Луна, все еще висящая в небе над изъеденными ветром, дождем и снегом горами. Впрочем, он слышал грохот доносящийся из шахт Естественно. Шахты работали семь дней в неделю. Нечестивым же нет мира^[30]... К последним он относил и себя. Резко дернув за узду, Дипейп ударил по бокам лошади сапогами и поскакал на восток, думая о старом козле. Он полагал, что обошелся с ним по справедливости. Обещал вознаграждение и заплатил за полученную информацию.

— Да, — вырвалось у Дипейпа, его очки блеснули в лучах восходящего солнца (этим утром он не мучился от похмелья, что случалось крайне редко, а потому пребывал в превосходном расположении духа). — Старикану жаловаться не на что.

Дипейп без труда шел по следу юношей: они ехали на восток по Великому Тракту, похоже, от самого Нью-Канаана, и их замечали в каждом городе. Замечали, даже если они всего лишь проезжали через город. А чего не заметить? Молодые люди на хороших лошадях, лица без шрамов, руки без татуировок, которые так жаловали регуляторы, добротная одежда, дорогие шляпы. Особенно хорошо их запоминали в салунах и гостиницах, где они останавливались, чтобы подкрепиться. Запоминали потому, что они не пили ничего спиртного. Даже пива или грэфа. Да, их запомнили. Мальчишки, отправившиеся в дальнейшее путешествие, но такие чистенькие, опрятные. Словно пришельцы из более раннего, лучшего времени.

Обдую им физиономии, думал Дипейп, подгоняя коня. Одну за другой. А на конец оставляю мистера Артура — ха-ха — Хита. Припасу для него столько, что он мог бы утонуть в моче, если б раньше не ступил в пустошь с конца тропы.

Они не остались незамеченными, все так, но этого было мало. Если б он вернулся в Хэмбри с такой малостью. Джонас отстрелил бы ему нос. И по заслугам. Они, возможно, из богатых семей, но это еще не все. Сам Дипейп это и сказал. Вопрос в том, а кто же они? И наконец в провонявшем серой и дерьмом Ритзи он нашел ответ. Пусть не полный, но достаточный для того, чтобы развернуть лошадь и не скакать до самого Нью-Канаана.

Он побывал уже в двух салунах и в каждом выпил разбавленного пива, прежде чем закатился в «Хэттиген». Заказал пива и уже собрался пообщаться с барменом. Но прежде чем успел тряхнуть дерево, яблоко само упало ему в руку.

Его внимание привлек старческий голос (голос старого козла), который что-то вещал, уверенно и безапелляционно. Все старые козлы полагали себя истиной в последней инстанции. Говорил он о прежних днях (о чем еще могут говорить старые козлы?), о времени, когда мир еще не «сдвинулся», о том, как хорошо жилось всем в дни его детства. А вот от следующих фраз Дипейп разом подобрался: старикан заявил, что прежние времена могут и вернуться, потому что совсем недавно, не прошло и двух месяцев, он видел трех молодых лордов, проехавших через Ритзи, и даже поставил одному выпивку, правда, не спиртное, а лимонад.

— Ты не отличишь молодого лорда от молодой жабы, — заявила юная мисс, в очаровательном ротике которой осталось только четыре зуба.

Все расхохотались. Старый козел обиделся.

— Еще как отличу. Я забыл больше, чем вы когда-либо узнаете, вот так-то. Один из них — прямой потомок Эльда, ибо я увидел в нем лицо его отца... так же ясно, как я вижу твои обвисшие сиськи, Джоулен. — И тут старый козел поразил Дипейпа: оттянул ворот блузы салунной шлюхи и вылил за него остатки пива из своей кружки. Даже раскаты хохота и аплодисменты не смогли полностью заглушить яростный вопль проститутки и крики старика, которого она тут же начала молотить по лицу и плечам. Поначалу негодующие, они сменились криками боли, когда девица схватила кружку старого козла и разбила ее о его голову. Кровь с остатками пива потекли по лицу старика.

— Выметайся отсюда! — Шлюха толкнула его к двери. Несколько пинков шахтеров (которые меняли союзников так же легко, как ветер — направление) помогли старому козлу набрать крейсерскую скорость. — И не смей сюда возвращаться! Я почувствовала запах травы в твоем дыхании, старый членосос! Убирайся вместе со своими сказочками о прежних временах и юных лордах!

Старый козел проследовал мимо трубача в сбитой на затылок шляпе

(он развлекал посетителей «Хэттигена»), который приложился сапогом к заднице старика, продолжая выводить «Играйте, дамы, играйте», миновал распахнувшиеся под его напором двери и упал вниз лицом на землю.

Дипейп вышел из салуна следом, помог старику подняться. При этом уловил в его дыхании горьковатый запах, не пива, заметил, что уголки рта позеленели. Трава, все точно. Старый козел, должно быть, совсем недавно пристрастился к ней (по понятной причине: дьявольская трава росла на окрестных холмах — протягивай руку и бери, а пиво и виски отпускали только за деньги), но тех, кто начал, ждал скорый конец.

— Нет у них уважения к старшим, — пробубнил старый козел. — Ничего-то они не понимают.

— Да, не понимают, — покивал Дипейп. В голосе его слышался хэмбрийский акцент, который прилипал, как банный лист.

Старый козел покачнулся, тупо уставился на Дипейпа, попытался без особого результата стереть с лица кровь, текущую из пореза на черепе.

— Сынок, есть у тебя деньги на кружку пива? Вспомни лицо своего отца и купи старику кружку пива!

— Милостыню я не подаю, старина, — ответил Дипейп, — но, может, ты и заработаешь на пиво. Пройдем в мой кабинет и поговорим.

Он увлек старого козла подальше от входа в салун, подождал, пока мимо пройдут трое подвыпивших шахтеров, горланящих песню про любимую женщину с буферами что пушечные ядра, а потом затолкал в темный проулок между «Хэттигеном» и соседним зданием, которое занимало похоронное бюро. Некоторые посетители салуна, решил Дипейп, прямоком попадали к соседям: один стакан, одна пуля и еще один покойник.

— Твой кабинет, — хохотнул старый козел, когда Дипейп подвел его к деревянному забору с наваленными рядом кучами мусора. Ветер нес запахи серы и карболки. Из «Хэттигена» доносились пьяные крики. — Ничего себе кабинет.

— Да, кабинет.

Старик всмотрелся в него в свете луны, которая плыла над проулком.

— Ты из Меджиса? Или Тепачи?

— Может, оттуда, может, откуда-то еще.

— Я тебя знаю? — Говнюк пристально вглядывался в него, приподнявшись на цыпочки, словно собрался с ним целоваться.

Дипейп оттолкнул его.

— Не так близко, старина. — Не нравился ему этот пристальный взгляд. Он, Джонас и Рейнолдс уже *бывали* здесь, и если бы старик помнил

его лицо, то не стал бы чесать языком, как в салуне. — Расскажи мне о трех молодых лордах, которых видел не так давно.

Старый козел оценивающе оглядел его:

— Может, ты расплатишься металлом?

— Да, — кивнул Дипейп. — Если расскажешь то, что я хочу слышать, металл тебе гарантирован.

— Золото?

— Скажи мне, и посмотрим.

— Нет, сэр. Сначала дела, потом разговоры.

Дипейп схватил его за руку, завернул за спину к самым лопаткам.

— Вякни еще, старина, и мы начнем с твоей сломанной руки.

— Отпусти меня! — выдохнул старый козел. — Отпусти меня, я полагаюсь на твою щедрость, молодой сэр, ибо у тебя великодушное лицо! Да! Да, великодушное!

Дипейп отпустил его, и старый козел робко взглянул на него, потирая плечо. В лунном свете запекшаяся на щеках кровь стала черной.

— Их было трое. Юноши из хороших семей.

— Юноши или лорды? Точнее, старина.

Старый козел обдумал вопрос. Удар по голове, ночной воздух, заломленная рука хотя бы временно прочистили ему мозги от паров спиртного.

— И то и другое. Один точно лорд, пусть мне здесь никто и не верит. Ибо я видел его отца, вооруженного револьверами. Не такими дешевками, как у тебя... извини, я понимаю, что в эти дни лучших не достать, но *настоящими* револьверами, из каких стреляли в те времена, когда мой отец был мальчишкой. Большие, с рукоятками из сандалового дерева.

Дипейп смотрел на старика, чувствуя, что получил нужные ему ответы. *Они ведут себя как стрелки*, отметил Джонас. А когда Рейнолдс засомневался, резонно указав, что они слишком молоды, Джонас сказал, что они, возможно, подмастерья. Теперь по всему выходило, что босс попал в десятку.

— *Из сандалового дерева*, — повторил Дипейп. — говоришь, из сандалового дерева, старина?

— Да. — Старик видел, как загорелись глаза Дипейпа, понял, что ему поверили. И расправил грудь. — Да.

— То есть стрелок. Отец одного из этих юношей — стрелок.

— Да, стрелок. Один из последних властителей. Их род угасает, но мой отец знал его хорошо. Стивен Дискейн из Гилеада. Стивен, сын Генри.

— И тот, кого ты недавно видел...

— Его сын, внук Генри Высокого. Остальные тоже высокого происхождения, тоже из лордов, но этот ведет свой род от самого Артура из Эльда, пусть и по боковой линии. В этом можно не сомневаться. Так же верно, как и то, что ты ходишь на двух ногах. Так я заработал металл?

Дипейп уже собрался кивнуть, но тут вспомнил, что не спросил старого козла, а про какого из трех щенков идет речь.

— Трое молодых людей, — промурлыкал он. — Трое высокорожденных. Революеры у них были?

— На виду — нет. — Старикан мерзко рассмеялся. — Но были наверняка. Аккуратно запрятанные в одеяла. Готов поспорить на что угодно.

— Ясно, — кивнул Дипейп. — Думаю, ты выиграешь. *Трое* молодых людей, один из них сын властителя, *стрелка*. Как ты думаешь, Стивена Дискейна из Гилеада. — Вроде бы он уже слышал эту фамилию.

— Стивена Дискейна, именно так.

— А как представился тебе этот молодой лорд?

Старый козел насупил брови, пытаясь припомнить:

— Дирфилд? Дирстайн? Не помню...

— Ничего, я знаю, о ком ты говоришь. И ты заработал свой металл.

— Правда? — Старый козел придвинулся,дохнул на него горьковатым запахом травы. — Золото или серебро? Что я получу, друг мой?

— Свинец. — Дипейп выхватил револьвер и дважды выстрелил старику в грудь. Можно сказать, оказал ему услугу.

А теперь Дипейп скакал в Меджис... обратный путь, полагал он, займет куда меньше времени: нет нужды останавливаться в каждом занюханном городке и задавать вопросы.

Над его головой что-то пролетело. Голубь, темно-серый, с белым колечком на шее, опустился на скалу чуть впереди, чтобы передохнуть. Любопытная птичка, подумал Дипейп. Не дикий голубь. Улетел из клетки? Он сомневался, что в здешних местах кто-то будет держать домашнюю зверушку, разве что полудикого пса, чтобы отпугивать грабителя (хотя едва ли он смог ответить на вопрос, а что можно украсть у местных жителей), но всякое случается. Во всяком случае, поджаренный на костре голубь — не самый плохой ужин. Дипейп вытащил револьвер, но прежде чем взвел курок, голубь снялся со скалы и полетел на восток. Дипейп все равно выстрелил вслед. На этот раз ему не повезло. Голубь пошел было вниз, но выровнялся, вновь набрал высоту и исчез в том направлении, в котором следовал и Дипейп. Какое-то время он посидел, думая о том, что Джонас будет доволен результатами его поисков, а потом двинул лошадь вперед, к

Меджису, где находились мальчишки, с которыми он еще не посчитался. Возможно, они лорды, возможно, сыновья стрелков, но в нынешние времена умирают и такие, как они. Как убедительно доказал старый козел, мир «сдвинулся».

Через три дня после того, как Рой Дипейп выехал из Ритзи и направился к Меджису, ближе к вечеру Роланд, Катберт и Ален двинулись на северо-запад от Хэмбри. Сначала ехали вдоль Спуска, потом повернули в полосу зарослей, которую местные называли Плохая Трава, и, наконец, углубились в пустыню. Впереди торчали лишь иззубренные скалы, посреди которых, они это знали, в земле темнела щель, образовавшаяся словно от удара топора, которым в ярости маханул какой-то разгневанный бог.

Границу Спуска и скалы разделяло миль шесть. Путь их проходил по равнине. Лишь в одном месте они увидели торчащую из плоской земли скалу, похожую на палец, согнутый в первой фаланге. Под скалой зеленела полянка, формой напоминающая бумеранг. Когда Катберт заулюлюкал, чтобы услышать, как его голос эхом отражается от скал, стайка ушастиков-путаников сорвалась с полянки и умчалась на юго-восток, к Спуску.

— Это Скала Висельников, — пояснил Роланд. — У основания бьет ключ... говорят, единственный в этих местах.

То были первые слова, произнесенные Роландом с того момента, как они отправились в путь, но Катберт и Ален, следующие за Роландом, облегченно переглянулись. Последние три летние недели дались им нелегко. Роланд сказал, что они должны выжидать, обращать особое внимание на пустяки, а главное, подмечать уголком глаза, но ни Катберт, ни Ален не доверяли тому ореолу мечтательности, которым окутал себя в эти дни Роланд, найдя для себя особую модель плаща Клея Рейнолдса. Между собой они об этом не говорили: не было нужды. Оба знали — начни Роланд приударять за красоткой, которую мэр Торин определил себе в наложницы (а кому еще мог принадлежать длинный золотистый волос?), их ждут очень большие неприятности. Но с девушкой Роланд вроде бы не общался, во всяком случае, новых волосков на его рубашках они не находили, а сегодня он стал самим собой, отбросив этот воображаемый плащ. Временно, наверное. А если им повезет, то и навсегда. Им оставалось только ждать и надеяться. В конце концов *ка* скажет свое слово. Так было всегда.

В миле от скал сильный морской бриз, всю дорогу дувший им в спину,

внезапно пропал, и они услышали низкий атональный вой, исходящий из щели в земле, которую называли каньон Молнии. Ален натянул поводья, лицо его сморщилось, словно он надкусил какой-то очень уж кислый фрукт. Подумал он о сильной руке, перебирающей пригоршню острых камешков. Канюки кружили над каньоном, словно их притягивал этот звук.

— Дозорному это не нравится, Уилл. — Пальцы Катберта забарабанили по птичьему черепу. — И мне тоже. Чего мы сюда подались?

— Считать, — ответил Роланд. — Нам поручили все сосчитать и все увидеть, и мы здесь, чтобы считать и смотреть.

— Да, конечно. — Катберт успокаивающе похлопал лошадь по шее, низкий ноющий вой червоточины тревожил ее. — Тысяча шестьсот четырнадцать рыболовных сетей, семьсот маленьких рыбацких лодок, двести сорок баркасов, семьдесят волов, существование которых никто не признает, и, к северу от города, одна червоточина. Что бы сие означало?

— Это мы и собираемся выяснить, — ответил ему Роланд.

Они двинулись на звук, и, хотя никому из них он не нравился, никто не предложил повернуть назад. Во-первых, они почти у цели, а во-вторых, Роланд прав... это их работа. А кроме того, их разбирало любопытство.

Устье каньона завалили срубленными ветками, как и предупреждала Сюзан. К осени на большинстве листва бы засохла, но пока листья оставались зелеными и закрывали вид на каньон. По центру вниз уходила тропа, но слишком узкая для лошадей (они могли заартачиться и не пойти). Да и сумерки уже начали сгущаться.

— Мы пойдем вниз? — спросил Катберт. — Пусть ангел-регистратор отметит, что я против, хотя это и не мятеж.

Роланд не собирался вести их через груды нарубленных веток к источнику звука. Во всяком случае сейчас, когда он понятия не имел, что собой представляет червоточина. За последние несколько недель он не раз спрашивал о ней, но вразумительных ответов не получал. «Я бы держался подальше», — посоветовал ему шериф Эвери. Так что больше всего о червоточине рассказала ему Сюзан в ночь их первой встречи.

— Расслабься, Берт. Вниз мы не пойдем.

— Хорошо, — выдохнул Ален, и Роланд улыбнулся.

По западному краю каньона тянулась тропа, крутая и узкая, но при должной осторожности вполне проходима. По ней они и направились гуськом, остановившись один раз, чтобы разобрать завал, сбрасывая куски сланцевой глины и камни в воющую пропасть справа от себя. Когда они расчистили тропу и уже собрались сесть на коней, большая птица поднялась над краем каньона, отчаянно замахав крыльями. Роланд

схватился за револьверы, увидел, что Катберт и Ален повторили его движение. Забавно, конечно, учитывая, что револьверы, аккуратно завернутые в промасленную ткань, хранились под половицами в бункере «Полосы К».

Они переглянулись, ничего друг другу не сказали (словами, поскольку взгляды были более чем красноречивы) и поехали дальше. Роланд обнаружил, что воздействие червоточины со временем усиливается — к такому звуку привыкания не возникало. Наоборот, чем дольше ты находился в непосредственной близости от каньона Молнии, тем глубже проникал звук в твой мозг. Не только в мозг, но и в зубы, в уши. От него начинали вибрировать нервные окончания, слезиться глаза. Но больше всего звук воздействовал на сознание, говоря, что все самое страшное, чего ты всегда боялся, поджидает за следующим поворотом тропы или за грудой камней, чтобы выскочить оттуда и наброситься на тебя.

Наконец тропа вывела их на ровный, лишенный растительности участок земли. Настроение у них улучшилось, но уже наступила ночь, и когда они спешили и подошли к обрыву, то внизу не увидели ничего, кроме тьмы.

— Зря старались, — покачал головой Катберт. — Надо было выезжать раньше. Роланд... я хотел сказать, Уилл. Какую мы сморозили глупость!

— Если хочешь, здесь я могу быть для тебя и Роландом. И мы увидим то, что приехали сосчитать. Как ты говорил, одну червоточину. Надо немного подождать.

Они подождали, и не прошло и двадцати минут: как из-за горизонта поднялась Мешочная Луна... идеальная летняя луна, огромная и оранжевая. Она величественно плыла по темно-фиолетовому бархату неба. А на ее поверхности отчетливо виднелся Мешочник, который только что вылез из Нонеса с мешком, набитым верещащими душами. Они ясно видели его согбенную фигуру с заброшенным на плечо мешком. А лунный диск, казалось, окрашивался отсветами адского пламени.

— Да, — процедил Катберт, — мало нам этого воя, так еще этот видок.

Однако они не сдвинулись с места, хотя лошади периодически дергали поводья, как бы говоря, что постояли и будет — пора в путь. Луна поднималась и поднималась, чуть уменьшившись в размере, сменив оранжевый цвет на серебряный. И вскоре ее лучи упали в каньон Молнии. Трое юношей посмотрели вниз. Ни один не произнес ни слова. Роланд не мог отвечать за своих друзей, но он сам, наверное, не раскрыл бы рта, даже если бы к нему обратились.

Замкнутый каньон, очень короткий и с отвесными стенами, сказала

Сюзан. Теперь Роланд видел, что ее слова соответствовали действительности. Она также говорила, что каньон Молнии похож на трубу, лежащую на боку. Роланд соглашался и с этим при условии, что труба при падении переломилась пополам, одна часть лежала ровно, а вторая ушла вбок и чуть вниз.

До перелома дно каньона выглядело обыденно: не удивляли даже белевшие внизу кости. Многим животным, забредшим в замкнутые каньоны, не хватало ума выбраться из них, а устье каньона Молнии еще и заваливали ветками. Крутые стены вскарабкаться не позволяли, за исключением, возможно, одного места, рядом с переломом. Там Роланд увидел поднимающуюся под крутым углом расщелину, заросшую лианами и кустами, за которые при необходимости можно было и схватиться. Отметил он это без всякой на то причины, автоматически: он всю жизнь отмечал потенциальные пути отхода.

А вот ниже перелома они увидели... даже через несколько часов, вернувшись на «Полосу К», они пришли к выводу, что не могут точно описать открывшееся их глазам. Нижнюю часть каньона Молнии закрывало нечто похожее на озерцо серебристой жидкости, над которой поднимались рукава — струи пара или тумана. Поверхность озерца тяжело двигалась, ударяясь о стены каньона. Потом они узнали, что и жидкость, и туман светло-зеленого цвета. Но под луной казались серебряными.

Пока они смотрели на червоточину, что-то темное, возможно, та самая птица, что взлетела чуть ли не у них из-под ног, спикировала к червоточине. Что-то схватила на лету, может, мышку, может, пташку поменьше, и уже начала набирать высоту. Но не успела. Серебряная жидкая рука поднялась над поверхностью. Ноющий звук на мгновение усилился, стал чуть ли не голосом. Рука дернула птицу вниз. На поверхности червоточины полыхнула зеленоватая вспышка, и птица бесследно исчезла.

Трое юношей переглянулись, в глазах застыл испуг.

Прыгай, стрелок, неожиданно позвал Роланда голос. Голос червоточины, голос его отца, но также голос Мартена-колдуна. Мартена-обольстителя. А самое ужасное — его собственный голос.

Прыгай и позабудь о всех тревогах. Здесь не надо волноваться из-за любви к девушкам, не надо грустить о потерянной матери. Отсюда прямой путь к пещере мироздания, тут только розовая сладость гниющей плоти.

Давай, стрелок. Стань частью червоточины.

С затуманенным лицом, пустыми глазами Ален двинулся к краю обрыва, сбитые его сапогом камешки уже полетели вниз. Но не прошел он

и пяти шагов, как Роланд схватил его за руку и с силой дернул назад.

— Куда это ты направился?

Ален уставился на него глазами лунатика. Медленно, очень медленно они начали проясняться.

— Я... не знаю, Роланд.

А под ними ныла, стонала, пела червоточина. Отвратительный звук все глубже проникал в их сознание.

— А я знаю, — подал голос Катберт. — Знаю, куда мы сейчас направимся. Назад, к «Полосе К». Пошли, тут ловить нечего. — Он умоляюще посмотрел на Роланда. — Пожалуйста. Это же кошмар.

— Хорошо.

Но прежде чем увести их на тропу, он подошел к обрыву и посмотрел вниз, на курящуюся серебристую поверхность.

— Сосчитано, — изрек он. — Сосчитана одна червоточина. — И добавил, понизив голос: — Будь ты проклята.

3

По пути назад смятение, поселившееся в их душах, исчезло: соленый ветер, дующий в лицо, позволил быстро забыть про тлен и безысходность каньона и червоточины.

Спуск они пересекали по диагонали, чтобы не так утомлять лошадей.

— Что теперь, Роланд? — спросил Ален. — Ты знаешь?

— Нет. Честно признаюсь, нет.

— Неплохо бы начать с ужина, — радостным голосом внес предложение Катберт и постучал пальцами по грачиному черепу.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Да, — согласился Катберт, — и вот что я тебе скажу, Роланд...

— Пожалуйста, Уилл. Раз мы вернулись на Спуск, я для тебя Уилл.

— Да, конечно. Так вот что я тебе скажу, Уилл: мы не можем до бесконечности пересчитывать сети, лодки, бочки и железные обручи. Всю ерунду мы практически пересчитали. А насколько я понимаю, прикидываться дураками будет гораздо сложнее, как только мы перейдем к лошадям.

— Да. — Роланд остановил Быстрого, огляделся. Лошади, везде лошади, скачущие и пасущиеся под луной на серебристой траве. — Но я вновь повторяю вам, *дело не только в лошадях*. Нужны они Фарсону? Да, возможно. Так же как и Альянсу. И волы тоже. Но лошади есть везде, пусть

и не такие хорошие, как эти, однако, как говорят, в шторм сгодится любая гавань. А если не лошади, тогда что? Пока мы этого не узнаем или не придем к выводу, что нам этого никогда не узнать, будем вести себя как прежде.

Часть ответа ожидала их в «Полосе К». На перилах крыльца сидел голубь и чистил хвост. Когда он перелетел на руку Роланда, тот заметил, что у него то ли ободрано, то ли опалено крыло. Должно быть, какой-то кот сумел подобраться слишком быстро, подумал Роланд.

Голубь принес очень короткую записку, но она объяснила многое из того, чего они не понимали.

Я должен увидеться с ней вновь, подумал Роланд, прочитав записку, и волна радости захлестнула его. Сердце учащенно забилось, а губы разошлись в улыбке под холодным светом Мешочной Луны.

Глава девятая

СИТГО

1

Мешочная Луна пошла на убыль. И вместе с собой забирала летнюю жару. После полнолуния миновало четыре дня, когда старый музыкант из дворца мэра (Мигуэль играл там задолго до того, как Торина избрали на эту должность, и скорее всего продолжал играть и после возвращения Торина на его ранчо) показался у дома, в котором жили Сюзан и ее тетка. С собой он привел роскошную гнедую кобылу, вторую из трех обещанных лошадей, и Сюзан сразу же узнала Фелицию. Одну из своих любимых.

Сюзан обняла Мигуэля и покрыла его заросшие бородой щеки поцелуями. Старик улыбался всеми оставшимися зубами.

— Gracias, gracias^[31]. Тысяча благодарностей, старый отец.

— Da nada^[32], — ответил он, передавая ей поводья. — Это подарок мэра.

Она провожала старика взглядом, а улыбка медленно сползала с ее лица. Фелиция покорно стояла рядом, ее темно-коричневая шерсть блестела на солнце. Иметь такую лошадь — мечта многих. Вот и Сюзан поначалу казалось, что обломилось счастье. Но теперь она понимала, что эта лошадь — еще одна приманка, загоняющая ее в ловушку. Она доказала свою «чистоту». Теперь богатый человек слал ей подарки. Хотя... Фелиция никакой не подарок, так же как и Пилон. Мэр просто выполнял условия контракта. Тетя Корд могла изображать ужас, но Сюзан смотрела правде в глаза: она согласилась продать себя, как обычная шлюха, и нечего искать оправдания.

Тетя Корд высунулась из окна кухни, когда Сюзан вела подарок (по ее разумению, возвращенную собственность) в конюшню. Крикнула, что лошадь красивая и забота о ней отвлечет Сюзан от ненужных мыслей. Сюзан уже собралась ответить резкой репликой, но сдержалась. После ссоры из-за рубашки в их отношениях установилось хрупкое перемирие, и Сюзан не хотелось нарушать его первой. Ей и без того хватало забот. Еще одна ссора с теткой, и она просто сломается, как сухая ветка под сапогом. *Потому что молчание — золото*, как-то ответил ей отец на вопрос, почему

он зачастую предпочитает промолчать. Тогда ответ озадачил ее, теперь было понятно, что он хотел ей сказать.

Фелицию она поставила рядом с Пилоном, обтерла, задала корм. Пока кобыла жевала овес, Сюзан осмотрела ее копыта. Подковы ей не понравились, поэтому она сняла с крюка отцовскую кожаную сумку для подков, подогнала длину ремня под себя, повесила сумку на плечо и отшагала две мили до конюшни и постоянного двора Хуки. Сумка живо напомнила ей об отце, и Сюзан чуть не расплакалась. Она думала, что он пришел бы в ужас, узнав, что с ней стало, может, даже отвернулся бы от нее. И ему понравился бы Уилл Диаборн, в этом она не сомневалась. Уилл бы отцу понравился, и он бы сказал, что лучшего кавалера ей и не надо. То была последняя капля.

2

Она с детства умела подковывать лошадей, и ей это даже нравилось, особенно если настроение соответствовало. Работа несложная, но всегда существовала возможность получить славный удар копытом, который разом прогнал бы скуку и вернул девушку к реальности. А вот об изготовлении подков она ничего не знала, да и не хотела знать. Брайан Хуки делал их в кузне, занимающей дальний конец сарая на постоянном дворе. Сюзан без труда подобрала четыре новые подковы нужного ей размера, наслаждаясь запахами лошадей и свежего сена. И свежей краски. Конюшня, сарай, постоянный двор Хуки выглядели прекрасно. И в крыше она не увидела ни единой дыры. Похоже, для Хуки наступили хорошие времена.

Он написал «четыре подковы» на столбе, прищурив один глаз. Когда Сюзан заикнулась об оплате, рассмеялся, сказал, что торопиться некуда, он знает, со временем она рассчитается. «Опять же лошади с моими подковами никуда не денутся, не так ли?» С тем он быстренько выставил ее сначала из кузни, а потом из сарая, где так хорошо пахло сеном и лошадьми. Год назад он не проявил бы подобной беззаботности, когда речь шла о деньгах, но нынче мэр Торин приблизил ее к себе, и все изменилось.

После сарая Хуки солнечный свет показался ей особенно ярким, и она на мгновение зажмурилась, застыв с кожаной сумкой, в которой звякали подковы. И еще не открыла глаза, когда почувствовала надвигающуюся на нее тень, а потом кто-то с такой силой врезался в нее, что зубы лязгнули. Она бы упала, но сильные руки схватили ее за плечи и удержали. Когда же

глаза окончательно приспособились к яркому свету, она, к своему удивлению, увидела, что с ног ее едва не сбил один из друзей Уилла — Ричард Стокуорт.

— О, сэй, примите мои извинения! — Он стряхнул пыль с рукавов платья, словно вывалял ее в пыли. — С вами все в порядке? Все хорошо?

— Все нормально, — улыбнулась она. — Пожалуйста, не извиняйтесь. — Ее так и подмывало приподняться на цыпочки и поцеловать его в губы со словами: *Пожалуйста, предайте мой поцелуй Уиллу и скажите, чтобы он не обращал внимания на то, что я говорила! Скажите, что таких поцелуев у меня тысячи, пусть приходит и забирает их все!*

И тут же перед ее мысленным взором возник комичный образ: Ричард Стокуорт, целующий Уилла в губы и говорящий, что это ему от Сюзан Дельгадо. Она хихикнула. Прижала руку к губам, но продолжала смеяться. Сэй Стокуорт улыбался... похоже, не знал, как себя вести. *Наверное, он думает, что я спятила... так и есть! Я спятила!*

— Доброго вам дня, мистер Стокуорт. — Она проследовала дальше, чтобы больше не позориться.

— И вам доброго дня, Сюзан Дельгадо, — крикнул он вслед.

Оглянулась она только раз, отшагав пятьдесят ярдов, но он уже исчез из виду. К Хуки он не зашел, в этом она не сомневалась. И вообще, каким ветром занесло мистера Стокуорта в эту часть города?

Полчаса спустя, вытаскивая из сумки новые подковы, она получила ответ. Между двумя обнаружилась свернутая бумажка, и, еще не развернув ее, Сюзан поняла, что столкнулся с ней мистер Стокуорт не по воле случая.

Почерк Уилла она узнала сразу: та же рука писала записку, присланную с букетом.

Сюзан!

Сможешь ты встретиться со мной у СИТГО сегодня или завтра вечером? Очень важно. Имеет отношение к тому, что мы обсуждали раньше. Пожалуйста.

У.

P.S. Записку лучше сожги

Сюзан сожгла ее тотчас же и, наблюдая за язычками пламени, вновь и вновь повторяла слово, которое более всего удивило ее: *пожалуйста*.

Корделия и Сюзан поужинали супом с хлебом, разговор за столом не вязался, а потом Сюзан оседлала Фелицию и поскакала на Спуск, посмотреть, как заходит солнце. В этот вечер она встречаться с ним не собиралась, увольте. Импульсивные, бездумные поступки и так приносили ей массу неприятностей. Но завтра?

И почему СИТГО?

Имеет отношение к тому, что мы обсуждали раньше.

Да, возможно. Она не сомневалась в его чести, хотя уже не раз задумывалась, а те ли он и его друзья, за кого себя выдают? Он, возможно, действительно хочет видеть ее по какой-то причине, связанной с порученным ему делом (хотя каким боком нефтяное поле может быть связано с числом лошадей на Спуске, она понять не могла), но между ними уже возникла связь, сладостная и опасная. Они могли начать с разговоров, но последние скорее всего закончились бы поцелуями... а поцелуи стали бы исходной точкой для всего остального. Она отдавала себе в этом отчет, но все равно хотела повидаться с ним. Жаждала повидаться.

Вот Сюзан и сидела на своей новой лошади, очередном из авансовых платежей Торина за ее девственность, и смотрела, как солнце наливается багрянцем, катясь к западу. Вслушивалась в едва слышное дребезжание червоточины и впервые за шестнадцать лет пребывала в нерешительности. Желания шли вразрез с понятиями о чести, и конфликт рвал ее на части. Да еще идея неизбежности *ка* подавляла сознание. Однако переступить через честь по этой причине очень даже легко, не так ли? Расстаться с честью по воле *ка* — лучшего предлога не сыскать. Однако так могут рассуждать только слабаки.

Сюзан словно ослепла, как в тот самый момент, когда вышла из сарая Хуки на яркий солнечный свет. В какой-то момент она даже заплакала от бессилия, потому что любые ее попытки трезво взвесить все «за» и «против» расшибались о желание поцеловать Уилла вновь и ощутить на своей груди его нежную руку.

Ее не отличала религиозность, она не верила в непонятных богов Срединного мира, поэтому, когда солнце зашло и небо из багряного стало лиловым, Сюзан попыталась помолиться отцу. И ответ пришел, хотя откуда, от него или из ее сердца, он не знала.

Нечего потакать ка, прозвучал голос в ее мозгу. Ка свое возьмет, по-другому не бывает. Если тебе на роду написано лишиться чести, значит,

быть тому. А пока, Сюзан, думай только о себе и ни о ком больше. Пусть ка пытается вынудить тебя отказаться от твоего обещания. Посмотрим, удастся ли.

— Хорошо, — вырвалось у Сюзан. В положении, в котором она оказалась, любое решение, даже если цена его — отказ от еще одной встречи с Уиллом, приносила облегчение. — Я буду держать слово. А до ка мне никакого дела нет.

В сгущающихся сумерках она повернула Фелицию к дому.

4

На следующий день выпало воскресенье, традиционный день отдыха у ковбоев. Команда Роланда тоже решила отдохнуть. «Разумеется, мы должны отдохнуть, — обосновывал принятое решение Катберт, — все равно ведь понятия не имеем, чем занимаемся».

В это воскресенье, шестое после их прибытия в Хэмбри, Катберт отправился на верхний рынок (нижний был дешевле, но его мутило от запаха рыбы), искал пончо яркой раскраски и старался не заплакать. Ибо его мать обожала пончо и иногда, когда она скакала на лошади, пончо развевалось на ветру. У него защемило сердце — так захотелось домой. «Артур Хит», Роландов *ка-мей*, до такой степени затосковал по маме, что у него влагой заблестели глаза. Да, шутка, достойная Катберта Оллгуда.

Он стоял, рассматривая длинный ряд пончо и пледов, заложив руки за спину, как зритель в картинной галерее (при этом глотая слезы), когда его легонько похлопали по плечу. Обернувшись, Катберт оказался лицом к лицу со светловолосой девушкой.

Катберта не удивляло, что Роланд по уши влюбился в нее. От одного взгляда на нее, даже одетую в джинсы и мужскую рубашку, захватывало дух. Волосы она забрала несколькими кожаными заколками, а таких ярко-серых глаз Катберту видеть еще не доводилось. Катберт подумал, что остается только гадать, как это Роланд умудряется вообще что-то делать, к примеру, чистить зубы. И уж конечно, девушка эта просто спасла Катберта: сентиментальные мысли о матери как ветром сдуло.

— Сэй. — Большого ему вымолвить не удалось.

Она кивнула и протянула ему некий предмет, который жители Меджиса называли «маленький карман», точнее — кошелек. Шили их из кожи, места в них хватало лишь на несколько монет, и пользовались ими по большей части женщины, но не возбранялось носить в карманах и

мужчинам.

— Вы это уронили.

— Нет, благодарю вас, сэй. — Кошелек, несомненно, мужской, черный, без вышивки, но он никогда раньше его не видел. И вообще не пользовался кошельками.

— Он ваш. — Она так пристально посмотрела на него, что Катберт испугался, а не прожжет ли ее взгляд кожу. Ему следовало все понять сразу, но его ослепило ее внезапное появление. А также, приходилось признавать, ее ум. Почему-то от красавиц ничего умного не ждешь. Как правило, красавицы далеко не умны. Большого, чем проснуться утром, по разумению Берта, от них и не требовалось. — Ваш.

— Да, конечно. — Он буквально выхватил у нее кошелек. Почувствовал глупую улыбку, расплзшуюся по лицу. — Теперь, когда вы сказали об этом, сэй...

— Сюзан. — Губы ее улыбались, но глаза оставались серьезными. — Прошу вас, зовите меня Сюзан.

— С удовольствием, примите мои извинения, Сюзан, дело в том, что мои мозги и память, осознав, что сегодня воскресенье, взяли за руки и отправились отдохнуть, убежали, можно сказать, временно оставив меня без царя в голове.

Так он мог бы тараторить еще целый час (раньше тараторил, Роланд и Алэн могли подтвердить), но Сюзан строго, как старшая сестра, осадила его:

— Мне нетрудно поверить, что вы лишились контроля над вашими мозгами, мистер Хит, или языком, что болтается под ними... но надеюсь, в будущем вы будете более внимательно приглядывать за вашим кошельком. Доброго вам дня. — И она ушла, прежде чем Катберт успел произнести хоть слово.

Берт нашел Роланда там, где тот часто бывал в последнее время: на участке Спуска, который местные называли Смотровой Площадкой, поскольку с нее открывался прекрасный вид на Хэмбри, дремлющий в синеватом мареве теплого воскресного дня. Впрочем, Катберт сомневался, что на Смотровую Площадку его закадычного друга влекли красоты Хэмбри. Ларчик открывался проще: Роланда интересовал только один дом, в котором проживала сэй Дельгадо.

В тот день Роланда сопровождал Ален. Оба молчали. Катберт, конечно, знал, что некоторые люди могут достаточно длительные периоды обходиться без слов, но *понять* этого никак не мог.

Он подскочил к ним, сунул руку за пазуху, достал кошелек.

— От Сюзан Дельгадо. Она дала мне его на верхнем рынке. Она не только прекрасна, но и хитра, как змея. Я в полном восторге.

Роланд просиял. Кошелек, брошенный Катбертом, он поймал одной рукой, зубами развязал тесемку. Внутри, где путешественник держит несколько монет, лежал сложенный листок бумаги. Роланд быстро прочитал записку, свет ушел из его глаз, улыбка сползла с лица.

— Что там? — спросил Ален.

Роланд протянул ему записку и снова повернулся к Спуску. И лишь увидев, каким отчаянием наполнились глаза Роланда, Катберт осознал, сколь глубоко запала в душу и вошла в жизнь Роланда, а следовательно, и в их жизни Сюзан Дельгадо.

Ален протянул ему записку. Одна строчка, два предложения:

Нам лучше не встречаться. Извини.

Катберт прочитал ее дважды, словно повторное прочтение могло изменить смысл написанного, вернул Роланду. Тот засунул записку в кошелек, затянул тесемки, убрал маленький кошелек в карман рубашки.

Молчание Катберт ненавидел больше опасности (для его мозга именно молчание представляло собой опасность), но никак не мог завязать разговор: от взгляда на лицо Роланда слова умирали прямо на языке. Роланда словно отравили. Мысль о том, что эта юная красавица будет лежать под старым костлявым мэром Хэмбри, вызывала у Катберта отвращение, но лицо Роланда будило более сильные эмоции. За такое он мог возненавидеть ее.

Первым заговорил Ален:

— И что теперь, Роланд? Пойдем на нефтяное поле без нее?

Катберт разве что не заплотировал. При первой встрече многие люди не принимали Алена Джонса всерьез, полагая его чуть ли не тупицей. Сие далеко не соответствовало действительности. Вот и теперь, очень дипломатично, Катберт признавал, что тут Ален мог дать ему сто очков вперед, последний указал, что первая, пусть и безответная, любовь Роланда не освобождает его от ответственности за порученное дело.

И Роланд отреагировал, выпрямившись в седле, расправив плечи. Яркий летний свет изменил его лицо, на мгновение в нем проступил

призрак мужчины, которым предстояло стать Роланду. Катберт увидел этот призрак, и у него по телу пробежала дрожь — что он увидел, он не знал, но лик сей был ужасен.

— Большие охотники за гробами. — Роланд оглядел друзей. — Вы видели их в городе?

— Джонаса и Рейнолдса, — ответил Катберт. — Дипейпа по-прежнему нет. Я думаю, Джонас задушил его и сбросил со скал в море. В приступе ярости после той ночи в баре.

Роланд покачал головой.

— Джонасу нужны доверенные люди, разбрасываться ими он не станет. Он тоже идет по тонкому льду, как и мы. Нет, Дипейп уехал.

— Куда? — спросил Ален.

— Туда, где ему придется справлять нужду в кустах и спать под дождем в плохую погоду. — Роланд невесело рассмеялся. — Джонас послал Дипейпа по нашему следу, куда же еще?

Ален удивленно вскинул на него глаза, потом понял, что удивляться тут нечему. А Роланд вновь оглядывал просторы Спуска, пасущихся на нем лошадей, подсознательно поглаживая лежащий в кармане кошелек. Наконец он вновь повернулся к Алену и Катберту:

— Мы еще немного подождем. Может, она передумает.

— Роланд... — начал Ален.

Роланд поднял руку, прежде чем он продолжил.

— Не спорь со мной, Ален. Я говорю как сын своего отца.

— Хорошо. — Ален протянул руку, сжал плечо Роланда.

Что же касается Катберта, у него остались сомнения. Возможно, Роланд вел себя как сын своего отца, а возможно, и нет. Катберт предполагал, что едва ли Роланд может сейчас разобраться со своими чувствами.

— Ты помнишь, в чем видел Корт главную слабость молодых? — спросил Роланд, улыбаясь одними губами.

— «Вы несетесь сломя голову и падаете в яму», — процитировал Ален, так здорово симитировав интонации Корта, что Катберт расхохотался.

Улыбка Роланда стала шире.

— Да. И эти слова надо помнить всегда, парни. Я не хочу ворошить этот муравейник... если только у нас не останется иного выхода. Сюзан пока не определилась, ей нужно время, чтобы подумать. Я уверен, что она уже согласилась бы на встречу со мной, если бы... речь шла только о деле.

Он замолчал. Затянувшуюся паузу в конце концов нарушил Ален.

— Лучше бы наши отцы не посылали нас сюда. — Все трое прекрасно знали, что решение принимал отец *Роланда*. — Мы слишком молоды для такого. Более чем молоды.

— В «Приюте» мы выступили неплохо, — заметил Катберт.

— Мы с детства готовились к подобным стычкам, а они не воспринимали нас всерьез. Второй раз не получится.

— Они не послали бы нас... ни мой отец, ни ваши... если бы знали, с чем мы тут столкнемся. — ответил Алену Роланд. — Но мы столкнулись, и мы здесь. Значит, будем бороться?

Ален и Катберт кивнули. Конечно, какие тут могут быть сомнения.

— В любом случае волноваться об этом поздно. Мы подождем и будем надеяться, что Сюзан откликнется. Я бы не приближался к СИТГО без кого-то из местных... но, когда Дипейп вернется, нам придется рискнуть. Бог знает, что мы можем там найти и что он выдумает, чтобы ублажить Джонаса, или какое решение примет Джонас после того, как они будут держать совет. Может, пойдет на нас в открытую.

— Мы столько ползали на пузе, что я бы не возражал... — вставил Катберт.

— Ты пошлешь ей новую записку, Уилл Диаборн? — спросил Ален.

Роланд задумался. Катберт мысленно поставил на то, что ответ будет положительный, и проиграл.

— Нет. Мы должны дать ей время, хотя его у нас в обрез. Будем надеяться, что любопытство приведет ее к нам.

С тем он развернул Быстрого и поскакал к бункеру, который служил им домом. Катберт и Ален последовали за ним.

Остаток воскресенья Сюзан работала не разгибаясь, чистила стойла, носила воду, мыла крыльцо. Тетя Корд молча наблюдала за ней, не зная, как расценить трудовой энтузиазм племянницы. Сюзан же не обращала внимания на ее взгляды: ей хотелось вымотаться донельзя, чтобы избежать еще одной бессонной ночи. Все кончено. Уилл теперь это знает, но и к лучшему. Что было, то прошло.

— Ты сошла с ума, девочка? — спросила тетя Корд, когда Сюзан вылила с кухонного крыльца последнее ведро грязной воды. — Сегодня же воскресенье.

— Не сошла, — коротко ответила она, не оборачиваясь.

Первую половину поставленной задачи она выполнила, повалилась в кровать после восхода луны, сама не своя от усталости: болели руки и ноги, ныла натруженная спина... но сон не шел. Она лежала с широко открытыми глазами, глубоко несчастная. Текли часы, луна покинула небосвод, а Сюзан все не могла уснуть. Смотрела в темноту и думала, а существовала ли вероятность, хоть малейшая, того, что ее отца убили. Чтобы заткнуть ему рот, закрыть глаза.

И наконец пришла к выводу, уже очевидному для Роланда: если бы ее не влекли его глаза, если б она не жаждала прикосновений его губ и рук, она бы давно согласилась на встречу. Хотя бы ради того, чтобы найти ответ на будоражащие ее вопросы.

Едва Сюзан открылась истина, она сразу успокоилась и тут же заснула.

7

Во второй половине следующего дня, когда Роланд и его друзья перекусывали в «Приюте» (сэндвичи с мясом плюс много-много холодного белого чая, не такого вкусного, как у жены помощника шерифа Дейва, но удобоваримого), в зал со двора, где он поливал свои цветы, вошел Шими. В розовом сомбреро и с широкой улыбкой. В руке он что-то держал.

— Приветствую вас, Маленькие охотники за гробами, — весело воскликнул он, отвесив глубокий, на удивление точный Гилеадский поклон. Катберт просто млея, глядя, как Шими проделывает все это в садовых сандалиях. — Как поживаете? Надеюсь, хорошо, очень надеюсь!

— Все живы и здоровы, — ответил Катберт, — но прозвище «Маленькие охотники за гробами» никому из нас не по душе, так что, может, ты постарайся обходиться без него? Не возражаешь?

— Конечно, — так же весело согласился Шими. — Конечно, мистер Артур Хит, добрый человек, спасший мою жизнь! — Он замолчал, на его лице отразилось недоумение, словно он забыл, а зачем, собственно, подошел к юношам. Затем глаза его прояснились, улыбка засияла вновь, и он протянул то, что принес, Роланду. — Это тебе, Уилл Диаборн.

— Правда? А что это?

— Семена! Что же еще?

— От тебя, Шими?

— О нет.

Роланд взял сложенный и запечатанный конверт без единой надписи. И под подушечками пальцев семена явно не прощупывались.

— Тогда от кого?

— Не могу вспомнить, — отвел взгляд Шими. С головой у него далеко не все в порядке, отметил Роланд, поэтому он не мог подолгу грустить, а вот врать совсем не умел. Потом Шими поднял глаза на Роланда. — Зато я помню, что должен тебе сказать.

— Правда? Так говори, Шими.

Слова эти он произнес, как мучительно заученную строку из стихотворения.

— Это семена, которые ты рассыпал на Спуске.

Глаза Роланда так яростно блеснули, что Шими отступил на шаг, поправил сомбреро, повернулся и поспешил к своим цветочкам. Ему нравились Уилл Диаборн и друзья Уилла (особенно мистер Артур Хит, который иногда так смешил Шими, что того сгибало пополам), но в этот момент увиденное в глазах сэй Уилла насмерть перепугало его. В этот момент он понял, что Уилл — такой же убийца, как и тот, в плаще, как и тот, кто хотел, чтобы Шими вылизывал ему сапоги, как и седоволосый Джонас с дребезжащим голосом.

Такой же, как они, а то и еще более страшный.

8

Роланд сунул «пакет с семенами» в карман и не вскрывал его, пока все трое не вернулись в «Полосу К» и не поднялись на крыльцо бункера. Вдалеке ныла червоточина, отчего лошади нервно подергивали ушами.

— Так что там? — первым не выдержал Катберт.

Роланд достал конверт, разорвал. Думал он о том, как точно удалось Сюзан подобрать слова. И как ловко она все проделала.

Ален навис над его левым плечом, Катберт — над правым, когда он развернул клочок бумаги. Тот же аккуратный почерк, слов чуть больше, но смысл совершенно иной.

В миле от города в сторону СИТГО есть апельсиновая роща. Встречай меня там на восходе луны. Приходи один. С.

А ниже, прописными буквами:

ЗАПИСКУ СОЖГИ.

— Мы будем страховать тебя, — вырвалось у Алена.

Роланд кивнул.

— Да. Только держитесь подальше.

И сжег записку.

К апельсиновой роще, ухоженному прямоугольнику с двенадцатью рядами апельсиновых деревьев, вели полузаросшие травой колеи от тележных колес. Роланд прибыл с наступлением темноты, но за полчаса до того, как быстро убывающая Мешочная Луна в очередной раз всплыла над горизонтом.

И пока Роланд бродил вдоль одного из рядов, прислушиваясь к механическим звукам, доносящимся с севера (что-то скрежетало, грохотало, ухало), его охватила острая тоска по дому. Возможно, вызвал ее тонкий апельсиновый аромат, едва прорывающийся сквозь густую вонь нефти. Эта карликовая роща вроде бы ничем не напоминала громадные сады Нью-Канаана... да только напоминала. Создавала ощущение покоя и неспешности, указывала, что цивилизация складывается не только из крайних необходимостей. Вот и в данном случае он подозревал, что толку от этой рощи — чуть. Вырастающие так далеко к северу апельсины по кислоте наверняка могли соперничать с лимоном. Однако когда ветерок пролетал меж деревьев, аромат напоминал ему о Гилеаде, и, наверное, впервые он подумал о том, что, возможно, никогда не увидит родного дома... станет странником, таким же, как Мешочник на последней летней луне.

Роланд услышал ее, когда она подошла практически вплотную... будь она врагом, а не другом, он бы успел выхватить револьвер и выстрелить, но она оставила ему лишь несколько секунд. Глаза его вспыхнули от счастья, когда он увидел ее, сердце учащенно забилося.

Она остановилась, когда он повернулся, и просто смотрела на него, по-детски сложив руки на животе. Он шагнул к ней, и руки поднялись, как ему показалось, в испуге. Роланд остановился, ничего не понимая. Но он лишь неправильно истолковал ее жест. Она тоже могла остановиться, но приняла другое решение. Шагнула к нему, высокая юная женщина в юбке-брюках и черных сапогах. Сомбреро висело за спиной, прижатое к толстой косе.

— Уилл Диаборн, мы встретились на счастье и на горе, — успела сказать она дрожащим голосом, а потом он закрыл ей рот поцелуем, и они

жадно припали друг к другу под оставшейся четвертушкой Мешочной Луны.

В своей одинокой хижине на Коосе Риа сидела за кухонным столом, склонившись над магическим кристаллом, который полтора месяца назад привезли ей Большие охотники за гробами. Лицо ее купалось в розовом сиянии, но теперь никто не принял бы его за лицо молоденькой девушки. Невероятная жизненная сила (лишь несколько долгожителей Хэмбри хотя бы приблизительно представляли себе, как стара Риа с Кооса) позволила отмерить ей не один жизненный срок, отпущенный обычным людям, но теперь она иссякала: хрустальный шар высасывал ее, как вампир — кровь. За ее спиной комната стала еще более грязной и захлавленной. В эти дни у нее не находилось времени на уборку: шар не отпускал ее от себя. Если она не смотрела в него, то думала о том, чтобы посмотреть... О да! Чего она только не увидела!

Эрмот обвился вокруг ее худых ног, возбужденно шипя, но она словно и не замечала его. Склонилась еще ниже над хрустальным шаром, зачарованная тем, что видела в нем.

Девушку, которая приходила к ней и которую она признала чистой и непорочной. И юношу, которого она увидела, впервые взглянув в шар. Того самого, которого приняла за стрелка, прежде чем поняла, что он слишком молод.

Глупая девчонка, которая пришла к Риа, напевая какую-то дурацкую песенку, зато ушла молча, как рыба. Непорочная тогда и, возможно, непорочная до сих пор (во всяком случае, она целовалась и обжималась с юношей с жадностью и скромностью девственницы), но вряд ли она останется таковой, если они и дальше будут заниматься тем, чем занимались сейчас. Похоже, Харта Торина будет ждать неприятный сюрприз, когда он уложит свою вроде бы невинную молодую наложницу в постель. Конечно, есть способы обмануть мужчину (мужчины просто молили о том, чтобы их обманули), к примеру, очень кстати может оказаться пузырек с кровью поросенка, но девчонка об этом не знает. И поделом ей! Подумать только, она сможет увидеть, как эта заносчивая нахалка расстанется с честью. Прямо отсюда, с помощью этого чудесного кристалла! Великолепно! Замечательно!

Риа едва не ткнулась носом в хрустальный шар, запавшие глазницы

залил розовый огонь. Эрмот, чувствуя, что на него внимания не обратят, уполз от стола в поисках какой-нибудь живности. Масти отпрянул от змея, выплевывая кошачьи ругательства, шестиногая уродливая тень заплясала по стене.

Роланд почувствовал, что сейчас эмоции возьмут верх над рассудком. Но каким-то образом ему удалось отступить на шаг. Отступила и Сюзан, с широко раскрытыми глазами, покрасневшими щеками. Он видел заливший их багрянец даже в слабом свете месяца. Низ живота у него так и налился свинцом.

Сюзан повернулась вполоборота, и он увидел, что сомбреро съехало набок. Протянул дрожащую руку, поправил его. Она сжала его пальцы, потом наклонилась, чтобы поднять перчатки для верховой езды, которые сбросила, потому что хотела ощущать под ладонями его кожу. Когда разогнулась, кровь отхлынула от головы, и Сюзан покачнулась. И упала бы, если б не его руки, ухватившие ее за плечи. Когда она повернулась к нему, в глазах у нее застыла тревога.

— Что же нам делать? Уилл, что же нам делать?

— То, что считаем достойным. Как мы всегда делали. Как учили нас наши отцы.

— Это безумие.

Роланд, который не находил в происходящем ничего безумного, предпочел промолчать.

— Ты знаешь, как это опасно? — спросила она и продолжила, прежде чем он успел ответить: — Да, ты знаешь. Я вижу, что знаешь. Если нас увидят вместе, последствия будут серьезными. Если нас увидят...

По ее телу пробежала дрожь. Роланд протянул руки, чтобы привлечь ее к себе, но она отпрянула назад.

— Лучше не надо, Уилл. Если ты обнимешь меня, мы так и будем целоваться. Или таковы и были твои намерения?

— Ты знаешь, что нет.

Она кивнула.

— Твои друзья нас охраняют?

— Да. — Тут его лицо неожиданно осветила улыбка, которая так ей нравилась. — Но они достаточно далеко и не видят нас.

— Возблагодарим за это богов. — Она рассмеялась, потом

приблизилась к нему вплотную, и ему с большим трудом удалось подавить желание прижать ее к себе. Сюзан же пристально смотрела ему в глаза.

— Кто ты на самом деле, Уилл?

— Практически тот, за кого себя выдаю. В этом-то все и дело, Сюзан. Меня и моих друзей послали сюда не потому, что мы пили и дебоширили, но нас посылали и не с тем, чтобы мы раскрывали вражеские заговоры. Мы — обычные мальчишки, которых в минуту опасности отправили в более спокойные места. Все, что произошло потом... — Роланд покачал головой, показывая, что тут он бессилен, а Сюзан вновь вспомнила слова отца о том, что *ка* — тот же ветер, ураган. Налетая, он может унести твоих кур, твой дом, твой амбар. Даже твою жизнь.

— А Уилл Диаборн — настоящие имя и фамилия?

Он пожал плечами.

— Одно имя ничем не отличается от другого, если сердце подсказывает, что обмана нет. Сюзан, сегодня ты побывала во дворце мэра. Мой друг Ричард видел, как ты скакала...

— Да, на примерке. В этом году я выбрана Девушкой Жатвы... это выбор Харта, я тут ни при чем. Глупость, конечно, и переживания для Олив, но ничего не поделаешь.

— Ты будешь самой прекрасной Девушкой Жатвы. На все времена. — Голос его звучал абсолютно искренне, и Сюзан вновь зарделась. На этот раз от удовольствия. Между обедом в полдень и праздничным костром с фейерверками в сумерках Девушке Жатвы предстояло появиться на людях в пяти костюмах, один красивее другого (в Гилеаде костюмов было девять, так что Сюзан не знала, что ей, можно сказать, повезло), и она с радостью надела бы все пять для Уилла, будь он Юношей Жатвы. Но в этот год в юноши определили Джейми Макканна, бледного и некрасивого подростка, заменившего Харта Торуна, который явно не проходил по возрасту. А еще с большей радостью она надела бы для него шестой костюм — серебристую рубашонку на тонких бретельках и подолом, едва прикрывающим бедра. Этот костюм предназначался для глаз Марии, ее служанки, Кончетты, портнихи, да самого Харта Торуна. В этом костюме ей, наложнице, предстояло возлечь на ложе старика после завершения праздника.

— Когда ты была там, ты видела мужчин, которые называют себя Большими охотниками за гробами?

— Я видела, как Джонас и еще один, в плаще, разговаривали во дворе.

— А Дипейпа не видела? Рыжеволосого?

Она покачала головой.

— Ты знаешь игру в «Замки», Сюзан?

— Да. В детстве отец показывал мне, как в нее играть.

— Тогда ты знаешь, что красные фигуры устанавливаются на одном краю доски, а белые — на другом. Как они обходят Холмы или Укрепления и, маскируясь, подкрадываются друг к другу. В Хэмбри происходит то же самое. Как и в игре, теперь главный вопрос — кто первым обнаружит себя. Ты понимаешь?

Она тут же кивнула.

— В игре тот, кто первым высунулся из-за Укреплений, подставляется под удар.

— В жизни тоже. Всегда. Но иногда оставаться в Укрытии очень трудно. Я и мои друзья пересчитали все, что мы решились пересчитать. Считать остальное...

— К примеру, лошадей на Спуске.

— Да, именно так. Считать лошадей все равно что высунуться из-за Укрытия. Или волов, которые, как нам известно...

Ее брови взлетели вверх.

— В Хэмбри нет волов. Вы, должно быть, ошиблись.

— Ошибки нет.

— Где?

— На «Рокинг Аш».

Брови опустились, сошлись у переносицы.

— Это ранчо Ласло Раймера.

— Да... брата Кимбы. Но в Хэмбри в эти дни можно найти и другие сокровища, припрятанные по разным углам. Лишние фургоны, лишняя упряжь, лишние мешки и бочки с провиантом. Чего только не распахано по амбарам и сараям членов Ассоциации конезаводчиков...

— Уилл, *нет!*

— Да. И это еще не все. Но начать их считать — значит *высунуться*. Подставиться, обречь себя на поражение. Последние дни стали для нас сущим кошмаром... мы пытаемся изображать бурную деятельность, лишь бы не перейти на Спуск, где таится главная опасность. Но не смотреть туда нам все труднее и труднее. А недавно мы получили сообщение...

— Сообщение? Как? От кого?

— Думаю, тебе об этом лучше не знать. Но из сообщения мы поняли, что некоторые из ответов, которые мы ищем, могут обнаружиться на СИТГО.

— Уилл, ты думаешь, эти ответы помогут мне узнать, что случилось с моим отцом?

— Точно не знаю. Возможно и помогут, но уверенности в этом у меня

нет. Одно мне понятно: так я смогу сосчитать нечто важное, не боясь, что меня застукают за этим занятием. — Кровь его достаточно остыла, и теперь он мог держать ее за руку. И Сюзан уже пришла в себя. Но на всякий случай надела перчатки. Береженого Бог бережет.

— Пошли. Я знаю тропу.

12

В слабом свете луны Сюзан вывела его из апельсиновой рощи, и они направились к скрипу и грохоту нефтяного поля. От этих звуков по спине Роланда побежал холодок. Он пожалел, что не взял с собой один из револьверов, запрятанных под половицами бункера «Полосы К».

— Ты можешь доверять мне, Уилл, но это не значит, что я могу тебе помочь, — говорила Сюзан еле слышно. — Всю жизнь я прожила неподалеку от нефтяного поля, но бывала там считанные разы. Поначалу в детстве, с мальчишками.

— А потом?

— С отцом. Его всегда интересовали Древние, и тетя Корд говорила, что он плохо кончит, если будет совать нос в их наследство. — Сюзан шумно сглотнула. — И он действительно плохо кончил, хотя я сомневаюсь, что Древние имели к этому хоть малейшее отношение. Бедный отец.

Они подошли к проволочному ограждению. За ним, как часовые, высились нефтяные вышки, огромные, как лорд Перт. Сколько из них работает, подумал Роланд. Вроде бы она говорила, девятнадцать. А какие ужасные звуки они издавали! Словно кто-то душил жутких чудовищ. Разумеется, дети могли пойти сюда, только выпендриваясь друг перед другом. Это же царство призраков.

Он раздвинул две проволоки, чтобы она могла проскользнуть между ними, потом она проделала то же самое для него. Оказавшись по другую сторону забора, Роланд увидел на ближайшем столбе ряд белых фарфоровых цилиндров. По одному на каждую проволоку.

— Ты понимаешь, для чего они? — спросил он Сюзан, постучав по одному из цилиндров.

— Да, когда-то по проволоке пропускали электрический ток. Чтобы сюда не приходили посторонние. — Она помолчала, потом добавила: — Когда ты прикасаешься ко мне, по мне тоже пробегает электрический ток.

Он поцеловал ее в шею, пониже уха. Она задрожала всем телом, прижалась к нему, тут же отстранилась.

— Надеюсь, твои друзья хорошо нас охраняют.
— Можешь не сомневаться.
— Какой сигнал опасности?
— Крик ночного ястреба. Я очень бы хотел, чтобы мы его не услышали.
— Я тоже. — Они взяли за руки и двинулись дальше.

13

Когда впереди первый раз полыхнул выброс попутного газа, Уилл едва слышно выругался (так эмоционально на памяти Сюзан ругался только ее отец), а его свободная рука цапанула бедро.

— Успокойся! Это всего лишь свечка! Газовая труба!

Он заметно расслабился.

— Его они и используют, так?

— Да. На газе работает несколько машин... все равно что игрушки. Одна делает лед.

— При встрече шериф угостил нас чаем со льдом.

На второй выброс, ярко-желтый, с синим отливом. Роланд никак не отреагировал. Разве что без особого интереса взглянул на три газовые емкости позади устройства, которое жители Хэмбри называли «свечкой». Рядом лежала груда ржавых баллонов, в которые, должно быть, закачивали газ перед отправкой заказчику.

— Ты видел это раньше? — спросила Сюзан. Он кивнул.

— Наверное, Внутренние феоды странные и удивительные. — Голос ее звучал застенчиво.

— Я начинаю думать, что на Внешней Дуге странностей ничуть не меньше. — Он повернулся, вытянул руку. — Что это за сооружение? Осталось от Древних?

— Да.

В восточной части СИТГО земля резко уходила вниз. Склон зарос лесом, но его прорезала широкая просека. Внизу Роланд увидел полуразрушенное здание, окруженное грудami битого кирпича и обвалившимися дымовыми трубами, которые связывала сложная система трубопроводов. Роланд догадался об этом по одной устоявшей дымовой трубе. Что бы ни делали там Древние, при этом вырабатывалось много дыма.

— Там находили немало полезного, когда мой отец был еще

ребенком, — пояснила Сюзан. — Бумагу и даже самопишущие ручки. Они еще писали... немного, если их хорошенько трясти. — Она указала на участок слева от здания, квадратную площадку, на которой ржавели несколько остовов необычных, безлошадных фургонов Древних. — Когда-то там стояли и другие, похожие на баллоны для газа, только гораздо, гораздо больше. Огромные серебристые сосиски. И они не ржавели, как те, что мы сейчас видим. Не знаю, что с ними стало, может, кто-то приспособил их для хранения воды. Я бы этого делать не стала. Они принесут беду, даже если и не отравлены.

Сюзан повернулась к нему, и Роланд поцеловал ее в губы.

— Уилл, как это ужасно для тебя.

— Как это ужасно для нас обоих. — И тут их соединил долгий, полный душевной муки взгляд, на который способны только юные. Наконец они разорвали его и двинулись дальше, залитые лунным светом.

Она не могла сказать, что пугает ее больше — несколько вышек, что еще качали нефть, или те, что стояли застывшими памятниками. Одно она знала наверняка: никакая сила на свете не могла заставить ее забраться на нефтяное поле в одиночку, не ощущая рядом плеча близкого друга. Насосы визжали, то и дело надсадно скрипели цилиндры, через определенные интервалы «свечка» выстреливала языком пламени, и их фигуры отбрасывали на землю длинные тени. Сюзан жадно ловила крик ночного ястреба, но слышала лишь механический грохот.

Они вышли к широкой полосе, на которой не росло ни травинки (когда-то это была дорога для технического обслуживания нефтепровода), разделявшей нефтяное поле пополам. Посередине тянулась металлическая труба с заржавевшими швами. Она лежала в бетонной канаве, и над уровнем земли возвышалась только малая ее часть.

— Что это? — спросил он.

— Труба, по которой нефть поступала в здание внизу. Когда-то. Она давно уже стоит сухая.

Роланд присел, осторожно просунул руку между ржавой поверхностью трубы и бетоном. Сюзан нервно наблюдала за ним, кусая губу, чтобы не сказать что-нибудь очень женское, выдать охвативший ее страх. Вдруг его укусит паук? А если рука застрянет? Что им тогда делать?

О последнем она волновалась напрасно, потому что руку он вытащил. Черную, блестящую от нефти.

— Сухая, говоришь? — Он улыбался.

Она лишь могла покачать головой, не веря своим глазам.

Вдоль трубы они дошли до свалившихся на дорогу ворот. Труба (теперь, даже в слабом свете луны. Сюзан видела нефть, сочившуюся из швов) выныривала по другую сторону ворот. Они же прошли по ним. Всякий раз, когда Роланд брал ее за руку, чтобы помочь, у нее замирало сердце. *Если он это не прекратит, я взорвусь как свечка*, подумала Сюзан и рассмеялась.

— Сюзан.

— Не обращай внимания, Уилл, это нервы.

И, миновав ворота, они вновь обменялись долгими взглядами, а потом двинулись вниз по склону. Она обратила внимание на обрубленные нижние ветви сосен. Наплывы смолы на обрубках белели в лунном свете. И рубили ветви не так уж давно. Она указала на это Уиллу, который кивнул, но ничего не сказал.

У подножия холма труба отрывалась от земли и вползала на ряд металлических колонн. Длина эстакады составляла примерно семьдесят ярдов. Далее труба загибалась вниз и резко, как отрезанная, обрывалась. Под открытым торцом трубы чернело озерцо засыхающей нефти. Сюзан поняла, что засыхает нефть довольно-таки давно: об этом говорили трупы птиц, которые садились на нефть, чтобы посмотреть, а что это такое, залипали и умирали медленной, мучительной смертью.

Она смотрела на озерцо и погибших птиц широко раскрытыми, ничего не понимающими глазами, пока Уилл не похлопал ее по ноге. Он-то уже сидел на корточках. Присела и она, проследив за движением его пальца. И придя в полное замешательство. Уилл показывал ей на следы. Очень большие следы. Они могли принадлежать только...

— Волы, — выдохнула Сюзан.

— Да. И шли они оттуда. — он указал на срез трубы, — ...и туда, — он развернулся на корточках и ткнул пальцем в сторону заросшего лесом склона. Теперь она видела то, что ей, дочери лошадника, следовало разглядеть с самого начала. Кто-то предпринял неуклюжую попытку замаскировать следы. Их где разровняли, где присыпали землей, но они, конечно же, остались. Она даже подумала, что знает, какую ношу тянули волы, и по лицу Уилла поняла, что для него это тоже не тайна.

Следы уходили от трубы двумя широкими дугами. Сюзан и Уилл Диаборн пошли вдоль правой. Она не удивилась, увидев, что кое-где на следы волов накладываются колеи. Неглубокие — лето выдалось сухим, и

земля превратилась в камень, но все-таки заметные. То есть груз перевозили тяжелый. Естественно, иначе зачем связываться с волами?

— Смотри. — Они подошли к опушке, и Уилл указал на землю. В конце концов она увидела то, что привлекло его внимание, но для этого ей пришлось присесть на корточки. До чего же острые у него глаза, подумала Сюзан. Прямо-таки нечеловеческие. Следы от сапог. Не свежие, но не отпечаткам копыт волов и колеям.

— Вот эти оставил тот, что ходит в плаще, — добавил Уилл, указав на два особенно четких следа. — Рейнолдс.

— Уилл! Ты не можешь этого знать!

Он в изумлении уставился на нее, потом рассмеялся.

— Конечно, могу. Он ходит, чуть подворачивая ногу... левую. Это же видно. — Он провел пальцем над следом, вновь рассмеялся, увидев, как она смотрит на него. — Это не волшебство, Сюзан, дочь Патрика, только умение читать следы.

— Откуда ты так много знаешь? Такой молодой? — спросила она. — Кто ты, Уилл?

Он поднялся и заглянул ей в глаза. Девушка была высокая, так что ему не пришлось сильно наклонять голову.

— Меня зовут не Уилл, а Роланд. И теперь я вверил свою жизнь тебе в руки. Тут у меня возражений нет, но, возможно, теперь я рискую и твоей жизнью. Ты должна хранить этот секрет. Он смертельно опасен.

— Роланд, — она словно пробовала имя на язык.

— Да. Какое имя тебе нравится больше?

— Настоящее, — без запинки ответила она. — Это благородное имя, сомнений тут быть не может.

Он с облегчением улыбнулся и с этой улыбкой стал совсем юным.

Сюзан поднялась на цыпочки, притронулась губами к его губам. Поцелуй, поначалу такой целомудренный, расцвел, как цветок: губы медленно раскрывались, наливаясь жаром. Она почувствовала, как его язык коснулся ее нижней губы, и встретила его своим, сначала застенчиво, потом более решительно. Его руки обняли ее за спину, потом сместились вперед. Осторожно легли на нижние полукружья, двинулись к соскам. Она застонала от удовольствия, не отрываясь от его губ. А когда он прижал ее к себе и начал целовать в шею, она почувствовала каменную твердость пониже ремня, как раз напротив той части ее тела, что таяла, как масло на сковороде. Эти два органа предназначались один для другого, она — для него, он — для нее. *Ка* проявила себя в чистом виде, налетев, как ветер, и она покорно согнулась под ним, забыв про честь и обещания.

Она раскрыла рот, чтобы сказать ему об этом, и тут ее охватило странное, но удивительно сильное чувство: за ними наблюдают. Нелепо, такого просто быть не могло, но она знала, что наблюдают. Она отступила от Роланда, пошатнулась, но удержалась на ногах.

— Убирайся, старая сука, — выдохнула Сюзан. — Если ты шпионишь за нами, уж не знаю, как тебе это удастся, *убирайся немедленно!*

15

На холме Коос Риа отпрянула от хрустального шара, изрыгая проклятия низким и скрипучим голосом, шипя словно змея. Она не знала, что сказала Сюзан, звуки магический кристалл не доносил, только изображение, но поняла, что девушка почувствовала ее присутствие. А как только это произошло, изображение пропало. Хрустальный шар еще раз блеснул розовым и потух, а потом никакие ее потуги не смогли его оживить.

— Ладно, пусть будет так. — Ведьма наконец сдалась. Она помнила эту наглуую жеманную девицу (со своим молодым человеком она не жеманничала, не так ли?), которую загипнотизировала на крыльце, помнила, что приказала ей сделать, когда та потеряет девственность, и заулыбалась. К ней вновь вернулось хорошее настроение. Ибо, если ее лишит девственности этот бродяга, а не Харт Торин, его высокопревосходительство мэр Хэмбри, смеха будет еще больше, не так ли?

Риа сидела в своей вонючей хижине и мерзко хихикала.

16

Роланд, широко раскрыв глаза, смотрел на Сюзан, пока та рассказывала о визите к Риа (последние манипуляции, связанные с «доказательством чистоты», она опустила). Страсть его остывала, он снова смог обрести контроль над собой. Страсть эта, которой он дал волю, грозила не столько ему или его друзьям (в этом он, во всяком случае, старался убедить себя), а Сюзан. Ее положению в Хэмбри, ее чести.

— По-моему, у тебя разыгралось воображение, — изрек он, когда Сюзан выговорила.

— А я думаю, что нет, — с нажимом ответила она.

— Или в тебе заговорила совесть.
Она опустила глаза и не ответила.
— Сюзан, я ни за что в жизни не причиню тебе вреда.
— И ты меня любишь? — Глаз она не поднимала.
— Да, люблю.
— Тогда больше не ласкай меня и не целуй... этой ночью. Я просто не выдержу.

Он молча кивнул и протянул руку. Она ее взяла, и они двинулись в том направлении, в котором и шли, когда неожиданно отвлеклись от дела.

Еще в десяти ярдах от первых деревьев они увидели блеск металла, несмотря на густую растительность. *Слишком густую*, подумала Сюзан. *Такой густой она быть не может.*

Естественно, густоты добавили ветви, срубленные нижние ветви сосен, мимо которых они проходили. Их использовали, чтобы замаскировать большие серебристые цистерны, которые раньше стояли на площадке. Серебристые цистерны перетаскивали под деревья, судя по всему, с помощью волов... а затем закрыли ветвями. Но зачем?

Роланд пригляделся к зеленой изгороди, потом снял несколько ветвей. Образовался напоминающий дверь проход, и он предложил Сюзан войти.

— Будь повнимательнее, — предупредил он. — Я сомневаюсь, что они поставили ловушки или растяжки, но осторожность не повредит.

За зеленой изгородью цистерны стояли в ряд, как игрушечные солдатики на плацу, и Сюзан сразу поняла, почему потребовалась маскировка: их оснастили новыми колесами из дуба, высотой ей по грудь. Каждое по ободу аккуратно обили железной полосой. Колеса сделали совсем недавно, так же как и кованые ступицы. Сюзан знала, что во всем феоде только одному кузнецу под силу такая сложная работа — Брайану Хуки, к которому она ходила за новыми подковами для Фелиции. Брайану Хуки, который улыбался и хлопал ее по плечу, как близкого друга, когда она пришла с отцовской сумкой на плече. Брайану, одному из лучших друзей Пата Дельгадо.

Она вспомнила, как оглядывалась, и думала, что для Брайана настали хорошие времена. Разумеется, в этом она не ошиблась. Ему пришлось поработать. Хуки изготовил немало ступиц и ободов, за что ему кто-то заплатил. Возможно, Элдред Джонас. А скорее всего Кимба Раймер. Харт? Она не могла в это поверить. Харта в это лето занимали совсем другие проблемы.

За цистернами тянулась тропа. Роланд медленно пошел по ней, заложив руки за спину, как проповедник, читая непонятные слова,

выведенные на серебристом металле: СИТГО, САНОКО, ЭККСОН, КОНОКО. Один раз остановился, прочитал:

— «Чистое топливо для лучшего завтра», — фыркнул: — Насчет лучшего они погорячились. *Вот оно, это завтра.*

— Роланд... я хочу сказать, Уилл... кому они нужны?

Он ответил не сразу, повернулся и зашагал назад. Четырнадцать цистерн стояли по одну сторону внезапно ожившей нефтяной трубы и, Сюзан догадалась, столько же по другую. По ходу Роланд постучал пальцами по одной цистерне. Ему ответил глухой звук. В цистерны залили ни на что не годную нефть с СИТГО.

— Как я понимаю, наполнили их достаточно давно, — наконец заговорил Роланд. — И я сомневаюсь, что Большие охотники за гробами проделали все это сами, но несомненно, они контролировали ход работ. Сначала установку новых колес взамен сгнивших резиновых, потом заливку. Они использовали волов, чтобы перекачать их сюда, к подножию холма, потому что им это удобно. Точно так же, как удобно пасти лишних лошадей на Спуске. Потом, когда появились мы, они замаскировали цистерны. На всякий случай. Мы, конечно, глупые дети, но вдруг озадачимся вопросом, а чего это на нефтяном поле стоят двадцать восемь доверху наполненных цистерн с новыми колесами. Поэтому они пришли и замаскировали цистерны.

— Джонас, Рейнолдс и Дипейп.

— Да.

— Но почему? — Она взяла Роланда за руку и повторила вопрос. — Кому они нужны?

— Фарсону, — ответил Роланд с тем спокойствием, которого не чувствовал. — Благодетелю. Или Доброму Человеку, как ни назови. Альянсу известно, что он нашел боевые машины. Они остались то-ли от Древних, то ли еще от кого-то. Однако Альянс их не боится, потому что они не работают. Стоят, как памятники. Некоторые думают, что Фарсон сошел с ума, если полагается на сломанную технику, но...

— Но, может, они и не сломаны. Может, им просто не хватает нефти. И, может, Фарсон это знает.

Роланд кивнул.

Она прикоснулась к одной из цистерн. Пальцы покрыла масляная пленка. Она потерла их друг о друга, понюхала, потом наклонилась, сорвала клоч травы, чтобы вытереть руки.

— В наших машинах нефть не работает. Такие попытки предпринимались. Она их забивает.

Роланд вновь кивнул.

— Мой от... во Внутренних феодах об этом известно. На это там и рассчитывают. Но если Фарсон пошел на крайние средства... отправил сюда часть своих людей, чтобы они привезли цистерны, значит, или он знает, как разжижить нефть, или думает, что знает. Если он сможет навязать силам Альянса битву в таком месте, где быстрое отступление невозможно, и сумеет использовать боевые машины вроде тех, что передвигаются на гусеницах, он выиграет не просто сражение. Он уничтожит десять тысяч всадников и победит в войне.

— Но ваши отцы знают о?..

Роланд раздраженно мотнул головой. Как много известно их отцам — это один вопрос. Как они воспользуются имеющимися у них сведениями — другой. Какие силы движут ими... насущная необходимость, страх, фантастическая гордость, которая также передавалась от отца к сыну, из поколения в поколение, от самого Артура из Эльда — третий. Он мог высказать лишь свои предположения.

— Я думаю, они больше не могут тянуть с решающим ударом по Фарсону. Если протянут, Альянс может развалиться сам по себе. А вместе с ним погибнет и немалая часть Срединного мира.

— Но... — Она замолчала, прикусила губу, покачала головой. — Фарсон же должен это знать... понимать... — Она посмотрела на Роланда широко раскрытыми глазами. — Древние шли дорогой смерти. Все это знают.

Роланд из Гилеада вспомнил повара Хакса, болтающегося на веревке, и грачей, подбирающих хлебные крошки под ногами мертвеца. Хакс умер за Фарсона. А до того травил детей по поручению Фарсона.

— Джон Фарсон — это смерть, — мрачно ответил он.

Они вернулись в апельсиновую рощу.

Влюбленным казалось, что прошли часы, хотя на самом деле по СИТГО они бродили чуть больше сорока пяти минут. Последняя луна лета, от которой осталась яркая четвертушка, продолжала сиять над их головами.

Она повела его к тому ряду, где привязала коня. Пилон покивал и тихонько заржал, приветствуя Роланда.

Тот повернулся к Сюзан.

Кто сможет вспомнить радости и горести юных лет? Мы помним нашу

первую любовь не более отчетливо, чем видения, которые посещают нас в горячечном бреде. Нет нужды говорить, что в ту ночь, под тающей луной, Роланд Дискейн и Сюзан Дельгадо изнемогали от желания. Но они изо всех сил боролись с собой, полагая, что им должно вести себя именно так, а не иначе.

Они сошлись вплотную, отпрянули, обменялись отчаянными взглядами, вновь сошлись, опять отпрянули, замерли. Она вспомнила произнесенные им слова о том, что он ради нее готов на все, но не разделит ее с другим мужчиной. Она не хотела, а может, *не могла* нарушить обещание, данное мэру Торину, и, похоже, Роланд не хотел (или не мог) нарушить это обещание за нее. В этом и заключался весь ужас: *ка* — все равно что ветер, ураган, но честь и обещания брали верх.

— Что же нам теперь делать? — спросила она пересохшими губами.

— Не знаю. Я должен подумать, подумать с друзьями. С теткой у тебя проблем не будет? Она не захочет знать, где и с кем ты была?

— Ты тревожишься из-за меня, Уилл, или из-за себя и своих планов?

Он не ответил, только посмотрел на нее. Мгновение спустя Сюзан отвела взгляд.

— Извини, я причинила тебе боль. Нет, приставать ко мне она не будет. Я часто езжу по ночам, хотя и не так далеко от дома.

— Но она не знает, как далеко ты сегодня заехала?

— Нет. В эти дни мы стараемся избегать друг друга. Мы сейчас что две пороховые бочки в одном доме. — Она протянула к нему руки. Перчатки еще раньше засунула за пояс, и ее холодные пальцы сомкнулись на его. — Такое расставание не из лучших.

— Не говори так, Сюзан.

— Говорю. Должна. Как бы все ни обернулось, я люблю тебя, Роланд.

Он обнял ее и поцеловал, а когда освободил ее губы, она наклонила его голову и прошептала в самое ухо:

— Если ты любишь меня, так люби. Заставь меня нарушить данное мною обещание.

Долго-долго у нее не билось сердце: он не отвечал, и она продолжала надеяться. Потом он качнул головой. Один раз, но решительно.

— Сюзан, я не могу.

— Для тебя честь выше любви ко мне? Да? Что ж, пусть так и будет. — Она высвободилась из его объятий, заплакала, не пожелала заметить руки, которая легла на ее сапог, когда она запрыгнула в седло, — безмолвной просьбы не жечь мосты. Отвязала Пилона и толкнула его ногой в бок. Роланд окликнул ее чуть громче, но она бросила Пилона в галоп и

умчалась до того, как спала поднявшаяся в ней волна белой ярости. Он не хотел брать ее после другого мужчины, а когда она давала обещание Торину, то понятия не имела о существовании Роланда. А если так, как он смел настаивать на том, что ответственность за потерю чести и последующий стыд должны лечь только на нее? Потом, лежа без сна в кровати. Сюзан осознала, что он ни на чем и не настаивал. И она еще не успела выехать из апельсиновой рощи, когда коснулась лица мокрой рукой и поняла, что он тоже плакал.

Роланд ехал по пустынной дороге, пытаясь взять под контроль бушующие в нем чувства. Он пытался заставить себя думать о том, как использовать новые сведения, добытые в СИТГО, но мысли его тут же переключались на Сюзан. Дурак ли он, если не взял то, что она сама предлагала? Не разделив то, что она хотела с ним разделить? *Если ты любишь меня, так люби.* Однако в глубине своего сердца, в той глубине, где особенно ясно звучал голос его отца, он знал, что поступил правильно. И дело тут было не в чести, что бы она там ни думала. Но пусть думает, если хочет. Пусть даже возненавидит его, а потом поймет, сколь велика грозящая им опасность.

Примерно в три часа ночи, уже собираясь повернуть к «Полосе К», Роланд услышал топот копыт, несущийся с запада. Не думая, автоматически, Роланд свернул с дороги и остановил Быстрого за небольшой рощицей. В тишине ночи звуки разносились далеко, так что прошло еще десять минут, прежде чем Роланд увидел всадника, несущегося к Хэмбри за два часа до рассвета. И он узнал этого всадника. Хотя луна давно зашла, ему не составило труда опознать Роя Дипейпа. Рассвет Большие охотники за гробами встретят вместе, подумал Роланд.

Повернул Быстрого и поскакал к своим друзьям.

Глава десятая

ПТИЧКИ И РЫБКИ, МЕДВЕДИ И ЗАЙКИ

1

Самый важный день в жизни Сюзан Дельгадо, день, когда жизнь ее круто переменялась, настал примерно через две недели после того, как они с Роландом гуляли под луной по нефтяному полю. С того момента она видела его от силы пять-шесть раз, всегда издали, и они разве что вскидывали в приветствии руки, знакомые, случайно попавшие на глаза друг другу. Но при каждой встрече ее пронзала острая боль, словно кто-то втыкал в нее нож. Она, однако, надеялась, что он испытывает то же самое. Эти безрадостные две недели запомнились ей только одним светлым пятном: пропал страх, что по городу может поползти сплетня о ее романе с Уиллом Диаборном. Сплетня? Да о чем тут сплетничать!

А потом, когда Мешочная Луна уже покинула небо, а Охотничья еще не появилась, *ка* сказала свое веское слово, налетела, как ураган, и унесла. Началось все со стука в дверь.

2

Сюзан как раз закончила уборку, невелик труд, в доме всего две женщины, когда в дверь постучали.

— Если это какой-нибудь лоточник — гони его прочь. — крикнула тетя Корд из другой комнаты, где она перестилала постель.

Но стучал не лоточник, а Мария, ее служанка из Дома-на-Набережной. Пришла она с печальной вестью. Второе платье для праздника Жатвы, шелковое, в котором Сюзан предстояло появиться на ленче во дворце мэра, а потом на Собрании, безнадежно испорчено, и вину за это могут возложить на нее, Марию. В результате ее могут выгнать с работы, а она — единственная опора отца и матери. Это ужасно, ужасно, ужасно. Не сможет ли Сюзан прийти в Дом-на-Набережной? Пожалуйста?

Сюзан смогла, и с радостью. В эти дни она пошла бы куда угодно, лишь бы не находиться с теткой в одном доме, не слышать ее пронзительного, пилящего голоса. Чем меньше времени оставалось до

праздника Жатвы, тем меньше она и тетя Корд могли выносить друг друга.

Она оседлала Пилона, который отнюдь не возражал против того, чтобы нести по утренней прохладе двух девушек, и по пути Мария рассказала о случившемся. Сюзан сразу поняла, что с работы выгонять Марию никто не собирается: маленькая черноволосая служанка обожала драматизировать самые прозаические события.

Второе платье для праздника (его Сюзан классифицировала как Синее платье с бисером, первое, для завтрака — Белое платье с высокой талией и рукавами с буфами) держали отдельно от остальных: с ним еще было много работы. Каким-то образом платье оставили на ночь в примерочной на первом этаже, и там его изжевали чуть ли не в лохмотья. Если б в этом наряде ей предстояло появиться у праздничного костра или на танцах после фейерверка, дело действительно бы приняло серьезный оборот. Но Синее платье с бисером предназначалось всего лишь для ленча, и за два месяца, остающихся до праздника, его вполне могли сшить заново. Только два месяца! Когда-то... в ту ночь, когда старая ведьма признала ее непорочной, ей казалось, что до Жатвы еще целая вечность. И вот осталось только два месяца! Два месяца, и ей предстоит лечь в постель мэра. От этой мысли по телу пробежала дрожь.

— Мамик? — спросила Мария. Сюзан не разрешила обращаться к ней «сэй», по имени Мария называть ее не решалась, поэтому девушки достигли компромисса. Сюзан находила такое обращение забавным, учитывая, что ей едва перевалило за шестнадцать, а Мария была лишь на два-три года старше. — Мамик, с тобой все в порядке?

— Прострелило спину, Мария, ничего больше.

— У меня тоже такое бывает. Может плохо кончиться. У меня три тетки умерли от чахотки, а начиналось-то все с болей в спине. И я всегда боюсь...

— Кто сжевал Синее платье? Ты знаешь?

Мария наклонилась поближе к хозяйке и зашептала ей на ухо, словно находились они на людном рынке, а не пустынной дороге к Дому-на-Набережной.

— Ходят разговоры, что сжевал его енот, забравшийся в примерочную через окно, которое мы открыли в самую жару и забыли закрыть на ночь, но я заходила туда утром и знаю, чем там пахнет. Знает и Кимба Раймер, который приходил взглянуть на платье, перед тем как послать меня за тобой.

— И что ты унюхала?

Мария вновь наклонилась к ней и едва слышно прошептала, хотя ее

никто бы не услышал, говори она и в полный голос:

— Запах псины.

Последовала долгая пауза, а потом Сюзан расхохоталась. Смеялась до колик в животе, до слез, которые покатались у нее по щекам.

— Ты хочешь сказать, что В-в-волк... пес м-м-мэра, проник в примерочную и сжевал мое платье для... — Закончить фразу она не смогла. Смех не позволил.

— Да, — ответила Мария. В смехе Сюзан она не находила ничего необычного. Она вообще мало чему удивлялась, чем и нравилась Сюзан. — Но его-то винить нельзя, собака следует естественным инстинктам, если ее никто не останавливает. Это служанки первого этажа... — У нее перехватило дыхание. — Я надеюсь, мамик, ты не скажешь об этом мэру или Кимбе Раймеру?

— Мария, что ты несешь? За кого ты меня принимаешь?

— Нет, мамик, я тебя очень ценю и люблю, но лучше подстраховаться. Вот что я хочу сказать. В жаркие дни служанки иногда перекусывают в примерочной. Она находится в тени сторожевой башни, это самая прохладная комната в доме, прохладнее даже зала приемов.

— Я помню. — Она представила себя за ленчем в изжеванном Волком платье и вновь захихикала. — Продолжай.

— Добавить больше нечего, мамик. — По тону Марии чувствовалось, что остальное она полагает слишком уж очевидным. — После себя служанки оставляют крошки. Я полагаю. Волк их учуял, а на этот раз дверь оставили открытой. Покончив с крошками, он принялся за платье. Устроил себе ужин из двух блюд.

Тут они рассмеялись вместе.

Но она не смеялась, вернувшись домой.

Корделия Дельгадо, которая пребывала в полной уверенности, что счастливейшим днем ее жизни станет тот, когда она наконец выпроводит доставляющую столько хлопот племянницу за дверь и в процессе дефлорации будет поставлена жирная точка, вскочила со стула и метнулась к окну, как только услышала, приближающийся топот копыт. Сюзан вместе со служанкой уже два часа как отбыла для примерки одного из платьев. Корделия не сомневалась, что Сюзан возвращается, и могла дать руку на отсечение, что возвращение это не сулит ничего хорошего. В обычной

ситуации эта особа в жаркий день не пустила бы любимую лошадь галопом.

Она наблюдала, нервно потирая руки, как Сюзан рывком остановила Пилона, по-мужски прыгнула на землю. Коса у нее расплелась, золотистые волосы, ее гордость (и проклятие) торчали во все стороны. Лицо побледнело, за исключением двух пятен румянца на скулах. Корделия это очень не понравилось. На тех же местах вспыхивал румянец и у Пата, когда он чего-то боялся или злился.

Корделия стояла у раковины, кусая губы, все также потирая руки. Скорее бы, скорее выпроводить тебя из дома, думала она. «Ты еще не набедокурила, не так ли? — прошептала она, когда Сюзан сняла с Пилона седло и повела жеребца в конюшню. — Не стоит тебе бедокурить, мисс Юная Красотка. Особенно сейчас, когда осталось совсем немного времени. Ой, не стоит».

4

Когда Сюзан двадцать минут спустя вошла в дом, от злости и раздражения тетушки не осталось и следа: Корделия запрятала их подальше, на самую верхнюю полку шкафа, как прячут опасное оружие, к примеру, револьвер. Она сидела в кресле-качалке, вязала, и на ее лице, когда она повернулась к Сюзан, не отражалось никаких эмоций. Она наблюдала, как девушка подошла к раковине, умылась холодной водой. А вместо того чтобы вытереться полотенцем, выглянула в окно. И выражение ее лица напугало Корделию. Девушке было явно не по себе, она буквально не находила себе места. Корделия же относилась все на счет детских капризов.

— Хорошо, Сюзан, — заговорила она ровным, выдержанным голосом. Эта девчонка и представить себе не могла, какими усилиями давался ей этот тон. Для этого надо самой столкнуться со своевольным подростком. — Что тебя гложет?

Сюзан повернулась к ней. Корделия Дельгадо восседала в кресле-качалке, спокойная, как скала. В тот момент у Сюзан возникло жгучее желание броситься на тетку и в кровь изодрать это тощее лицемерное лицо, крича: «Это твоя вина! Твоя! Только твоя!» Ее словно вымазали в грязи, более того, она сама стала грязью, а ведь ничегошеньки не произошло. Вот что повергало ее в ужас. По-настоящему ничего и не было.

— Это заметно? — выдавила она из себя.

— Разумеется, заметно. — ответила Корделия. — А теперь рассказывай, девочка. Он полез на тебя?

— Да... нет... нет.

Тетя Корд все вязала, лишь ее брови поднялись: она ожидала продолжения.

И Сюзан рассказала ей, что произошло, бесстрастным голосом, задрожавшим только в самом конце. А тетя Корд начала успокаиваться. Может, она волнуется напрасно, может, причина для тревоги только в том, что девочка чересчур нервничает.

Новое платье, естественно, еще не закончили: хватало других дел. Мария с рук на руки передала Сюзан плосколицой Кончетте Моргенштерн, главной портнихе, которая без лишних слов увела ее в примерочную на первом этаже: если бы произнесенные слова оборачивались золотом, думала Сюзан, то Кончетта могла бы помериться богатством с сестрой мэра, о состоянии которой ходили легенды.

Синее платье с бисером висело на безголовом манекене. Местами пожеванный подол и дыра на спине не показались Сюзан катастрофой. Она-то думала, что от платья остались одни лохмотья.

— Разве его нельзя спасти? — спросила она.

— Нет, — ответила, как отрубил, Кончетта. — Вылезай из этих брюк, девочка. И из рубашки.

Сюзан подчинилась и теперь стояла босиком на холодном полу, скрестив руки на груди, хотя Кончетта не проявляла ни малейшего интереса к ее прелестям, спереди или сзади, сверху или снизу.

Как поняла Сюзан, Синее платье с бисером решили заменить на Розовое с аппликацией. Сюзан надела его и терпеливо ждала, пока Кончетта что-то замеряла, закалывала, записывала на черной грифельной доске, хватала кусок материи и прикладывала к ее бедру или груди, поглядывая на зеркало, занимающее всю дальнюю стену. Как всегда во время примерки, Сюзан мыслями уходила далеко-далеко, отпуская сознание в свободный полет. В эти дни сознание обычно предпочитало Спуск. Она и Роланд бок о бок мчались на лошадях, а потом сворачивали к ивовой роще на берегу Хэмбри-Крик.

— Стой смирно, — приказала Кончетта. — Я сейчас вернусь.

Сюзан и не заметила ее ухода. Забыла она и о том, что находится во дворце мэра. Душа ее перенеслась в ивовую рощу, к Роланду. Она ощущала сладковато-горький запах листвы, слышала журчание воды. Они лежали лицом к лицу на траве, его ладонь погладила ей волосы перед тем, как он обнял ее...

И так сильно углубилась Сюзан в свои грезы, что поначалу отреагировала на руки, которые сзади обняли ее за талию, изогнула спину, когда они, поласкав живот, поднялись, чтобы охватить ее груди. А потом услышала свистящее дыхание, почувствовала запах табака и поняла, что происходит. Не Роланд касался ее груди, а длинные костлявые пальцы Харта Торины. Она взглянула в зеркало и увидела, что он навис над ее левым плечом, как инкуб. С выпученными глазами, с градинами пота на лбу, несмотря на прохладу примерочной. А язык просто вывалился изо рта, как у собаки в жаркий день. К горлу Сюзан подкатила тошнота. Она попыталась вырваться, но руки Торины усилили хватку, прижимая ее к нему. Костяшки пальцев поскрипывали, и теперь она чувствовала, как в нее упирается что-то твердое.

За последние несколько недель Сюзан не раз тешила себя надеждой, что в решающий момент у Торины ничего не выйдет, инструмент его подведет. Она слышала, что такое часто случается с мужчинами в возрасте. Но твердая палка, трущаяся о ее ягодицы, быстро развеяла все иллюзии.

Она взялась руками за руки Торины и попыталась стянуть их вниз, вместо того чтобы вырваться самой (Корделия, хотя на ее лице ничего и не отразилось, одобрила этот маневр).

— Мэр Торин... Харт... ну нельзя же так... здесь не место, да и время еще не подошло... Риа сказала...

— Плевать мне на нее и на всех ведьм! — Его рафинированный язык политика исчез, уступив место выговору жителя медвежьего угла вроде Оннис-Форда. — Должен я что-нибудь получить, хоть какую-то конфетку, должен. На хрен всех ведьм, говорю я! — Запах табака окутал Сюзан. Она подумала, что ее сейчас вырвет, если придется и дальше вдыхать его. — Ты просто стой, девочка. Спокойно стой, искушение мое. Не шевелись.

Она стояла, куда ж деваться. А какая-то часть ее сознания, та самая, что называют инстинктом самосохранения, надеялась, что сотрясающую ее дрожь отвращения он может принять за девичье возбуждение. Он крепко прижимал ее к себе, руки мяти груди, воздух из раскрытого рта врвался в ухо. Она стояла, закрыв глаза, глотая слезы.

Много времени это не заняло. Он терся о нее своим концом, постанывая, словно от боли в животе. Один раз лизнул ее мочку, и Сюзан подумала, что в этом месте у нее начала слезать кожа. Наконец, слава труду, она почувствовала его извергающееся семя.

— Да, выходи, выходи, чертов яд! — просипел мэр и так сильно подался с ней вперед, что она впечаталась бы лицом в стену, если б не выставила руки. А потом отступил на шаг.

Сюзан еще мгновение упиралась ладонями в стену. В зеркало она видела отражение Торина, а в его образе — уготованную ей судьбу: конец молодости, конец романтике, конец грезам, в которых она и Роланд лежали вместе в ивовой роще, соприкасаясь лбами. Этот мужчина в зеркале чем-то сам напоминал юношу, юношу, который замыслил что-то такое, о чем он никогда не сказал бы матери. Высокого костлявого юношу с седыми волосами, узкими плечами и мокрым пятном на брюках. Харт Торин словно не сознавал, где находится. Сладострастие на какое-то время покинуло его лицо, уступив место... пустоте. Казалось, у него не голова, а ведро с дырявым дном: сколько ни заливай в него воды, она утечет, не оставив ни капли.

А ведь одним разом от него не отделаешься, подумала Сюзан, и безмерная усталость навалилась ей на плечи. *Теперь при каждом удобном случае он будет проделывать то же самое. Теперь он будет всякий раз насакивать на меня. Теперь это будет как... ну...*

Как «Замки». Как игра в «Замки».

Торин все смотрел на нее. Медленно, словно во сне, он вытащил из брюк подол рубашки и прикрыл им мокрое пятно. Его подбородок блеснул: от возбуждения он пускал слюни. Мэр это почувствовал и вытер слюну ладонью. Взгляд его по-прежнему оставался пустым. Наконец в глазах мелькнуло что-то осмысленное, и Торин без единого слова повернулся и вышел из примерочной.

Из коридора донесся глухой удар, словно он с кем-то столкнулся. Сюзан услышала, как он пробормотал: «Извините! Извините!» (перед ней-то он вообще не извинялся), и на пороге появилась Кончетта. Отрез материи, за которым она ходила, лежал на плечах, словно шаль. Портниха сразу заметила и бледное лицо Сюзан, и дорожки от слез на щеках. *Она ничего не скажет,* подумала Сюзан. *Никто из них ничего не скажет, как никто и пальцем не шевельнет, чтобы помочь ей выбраться из клоаки, в которую она сама себя загнала. «Ты сама этого хотела, шлюха», — скажут они в ответ на просьбу о помощи. И этим будут оправдывать свое бездействие.*

Но Кончетта ее удивила.

— Жизнь тяжела, мисси, так уж вышло. Пора тебе к этому привыкать.

Сюзан, выговорившись до конца, замолчала. Тетя Корд отложила

вязание в сторону, поднялась, поставила на плиту чайник.

— Ты все драматизируешь, Сюзан. — Она хотела, чтобы в голосе зазвучали нотки доброты и мудрости, но ничего у нее не вышло. — Это в тебе со стороны Манчестеров... половина из них мнила себя поэтами, другая половина — художниками, но все они каждый вечер напивались до поросячьего визга. Он полапал твои титьки и потерялся о тебя, ничего больше. И расстраиваться тут не от чего. Тем более не из-за чего лишаться сна.

— Откуда ты это знаешь? — фыркнула Сюзан.

Она знала, что вопрос грубый, но ее это уже не волновало. Более она не желала выслушивать теткин нравоучения. Сейчас они жалили, как оса.

Корделия изогнула бровь, а когда заговорила, в голосе ее не слышалось злобы:

— Вижу, этот вопрос доставил тебе удовольствие! Тетя Корд, сухая палка. Тетя Корд — старая дева. Тетя Корд — седеющая девственница. Да? Так вот, мисс Юная Красотка, пусть я и девственница, но в молодости кавалеры у меня были... до того, как мир «сдвинулся». Может, среди них и великий Френ Ленджилл.

А может, и нет, подумала Сюзан. Френ Ленджилл старше тетки минимум на пятнадцать лет, а то и на все двадцать пять.

— Пару раз я чувствовала боком старину Тома, Сюзан. И передом тоже.

— Твоим кавалерам тоже было под шестьдесят? Изо ртов у них дурно пахло, а суставы хрустели, когда они лапали твои титьки? Кто-нибудь пытался вдавить тебя в стену, когда старина Том начинал трясти бородой и говорить бла-бла-бла?

Всплеска ярости, на который рассчитывала Сюзан, не последовало. Вместо этого она увидела, как затуманились глаза Корделии и стали такими же пустыми, как у отражения Торина в зеркале.

— Дело сделано, Сюзан. — Улыбка, короткая и ужасная, блеснула на худом лице тетки. — Дело сделано, да.

— Мой отец возненавидел бы эту сделку! — закричала Сюзан. — *Возненавидел бы!* И возненавидел бы тебя за то, что ты допустила такое! Мало того, немало этому *способствовала*.

— Возможно. — Ужасная улыбка вновь пробежала по лицу тети Корд. — Может, и так. А знаешь, что бы он возненавидел еще больше? Бесчестие нарушенного слова, позор безотцовщины. Он бы хотел, чтобы этого не случилось. Если ты помнишь его лицо, то *не должна* этого допускать.

Сюзан не отрывала от нее взгляда, губы ее дрожали, глаза наполнились слезами. *Я встретила человека, которого полюбила!* Вот что она сказала бы тетке, если б смогла. *Неужели ты не понимаешь, что это все меняет?* *Я встретила человека, которого полюбила!* Но если бы тетя Корд относилась к тем людям, кому Сюзан могла сказать такое, девушка едва ли оказалась бы в таком безвыходном положении. Поэтому Сюзан повернулась и молча вышла из дома. По щекам катились слезы. Перед глазами все расплывалось.

Она скакала незнамо куда, однако какая-то часть сознания, должно быть, заранее определилась с маршрутом, потому что через сорок минут после того, как она покинула дом, Сюзан увидела перед собой ту самую ивовую рощу, о которой грезил, когда Торин подкрался к ней сзади, как злодей-эльф из бабушкиных сказок.

Под ивами царил божественная прохлада. Сюзан привязала поводья Фелиции к ветви (она умчалась, не заседлав лошадь) и медленно пошла к маленькой полянке в центре рощи, где протекал ручей; здесь она села на пружинистый мох, которым заросла полянка. Конечно же, она не могла не прийти сюда. Именно на эту полянку она приходила со всеми радостями и горестями с тех пор, как отыскивала ее в восемь или девять лет. Именно сюда время от времени приходила она после смерти отца, когда ей казалось, что весь мир, ее мир, ушел вместе с Патом Дельгадо. Только эта полянка узнала истинную глубину ее горя. Ручью она рассказывала о своих чувствах, ручей и уносил ее слова.

Слезы вновь подступили к глазам. Она положила голову на колени и зарыдала в голос. В тот момент она отдала бы что угодно, лишь бы на минуту к ней вернулся отец и она могла спросить его, что же ей делать.

Она еще плакала, когда услышала треск сломанной неподалеку ветки, в страхе оглянулась. Здесь было ее тайное убежище, и она не хотела, чтобы кто-то застал ее в этой роще, да еще всю заплаканную, словно ребенка, который упал и больно ушибся. Треснула еще одна ветка. В роще появился кто-то еще, в самый неподходящий момент:

— Уходи! — закричала она, едва узнавая свой осипший от слез голос. — Уходи, кто бы ты ни был, и оставь меня одну.

Но человек, теперь она видела его сквозь листву, приближался. А когда она узнала его, то поначалу решила что направляющийся к ней Уилл

Диаборн (*Роланд*, мысленно поправились она, *его зовут Роланд*) — плод ее разгоряченного воображения. И не могла поверить, что видит его наяву, пока он не опустился на колени и не обнял ее. Она тут же прижалась к его груди.

— Откуда ты узнал, что я...

— Увидел, как ты скакала по Спуску. У меня есть одно место, куда я иногда прихожу подумать, вот я и увидел тебя. Я бы не последовал за тобой, но ты скакала без седла. Я подумал, что-то не так.

— Все не так.

Не закрывая глаз, сосредоточенно, он начал покрывать ее лицо поцелуями. И Сюзан не сразу поняла, что он целовывает ее слезы. А потом взял за плечи и чуть отстранил, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Скажи это еще раз, Сюзан, и я все сделаю. Не знаю, обещание это или предупреждение, или и то и другое, но... скажи, и я сделаю.

Ей не пришлось спрашивать, о чем он. Она почувствовала, как земля двинулась у нее под ногами, и потом часто говорила себе, что то был первый и единственный раз, когда *ка* явилась к ней ветром пришедшим не с неба, а из земли. *Она настигла меня в конце концов*, решила Сюзан. *Моя ка, хорошо это или плохо.*

— Роланд!

— Да, Сюзан.

Она опустила руку пониже пряжки ремня, ухватилась за то, что нащупала там, не отрывая взгляда от его глаз.

— Если ты любишь меня, тогда люби.

— Да, леди. Я готов.

Он расстегнул пуговицы рубашки, сшитой в той части Срединного мира, которую Сюзан так и не удалось увидеть, и вновь обнял ее.

Ка.

Они помогли друг другу раздеться. Обнаженные, легли, обнявшись, на летний мох, мягкий, как лучший козий пух. Они лежали, соприкасаясь лбами, как в ее сне наяву, а когда он вошел в нее, она почувствовала, как боль перетопилась в сладость, сладость некоего дикого и экзотического растения, попробовать которое удастся раз в жизни. Она держалась за эту сладость сколько могла, но потом сдалась, с громкими протяжными стонами, крепко обнимая его за шею. Они любили друг друга в ивовой

роще, отринув само понятие чести, забыв о данных кому бы то ни было обещаниях, и наконец Сюзан открыла для себя, что сладость — еще не все, что она сменяется блаженством, поднимающимся от того места, что раскрылось перед ним, как цветок, и заполняющим все тело. Она вскрикивала снова и снова, думая, что не может быть столько наслаждения в мире смертных. Она просто захлебывалась в счастье. Голос Роланда вторил ей. А с ними сливалось журчание ручья. Она буквально вдавила его в себя, лодыжками обхватив колени, покрывая лицо жаркими поцелуями, и он не уступал ей в своей страсти. Они любили друг друга в феоде Меджис, на исходе последнего великого века, и зеленый мох под тем местом, где сходились ее бедра, окрасился красным, свидетельствуя о том, что она лишилась девственности. Они слились воедино и таким образом предопределили свою судьбу.

Ка.

8

Они лежали в объятиях друг друга, нежно целуясь под равнодушным взглядом Фелиции, и Роланд почувствовал, что засыпает. Удивляться не приходилось — в это лето напряжение не отпускало его, и спал он плохо. Тогда он еще не знал, что бессонница будет преследовать его до конца жизни.

— Роланд? — Ее голос, очень далекий. И нежный.

— Да.

— Ты позаботишься обо мне?

— Да.

— Я не смогу прийти к нему, когда настанет время. Я вытерплю его прикосновения, его выходки, вытерплю, если у меня будешь ты, но я не смогу прийти к нему в ночь праздника Жатвы. Не знаю, забыла я лицо моего отца или нет, но я не смогу лечь в постель Харта Торина. Думаю, есть способы скрыть потерю девственности, но я не хочу к ним прибегать. Я просто не смогу лечь в его постель.

— Ладно, хорошо. — И тут, когда ее глаза широко раскрылись, он приподнялся, огляделся. Никого не увидел. Вновь посмотрел на Сюзан, окончательно проснувшись: — Что? Что такое?

— Я, возможно, уже ношу твоего ребенка. Ты думал об этом?

Раньше — нет. Теперь — да. Еще одно звено в цепи, протянувшейся в далекое прошлое, где Артур из Эльда вел на битву своих стрелков, с

великим Эскалибуром в руке и короной Всех Миров на челе. Но дело-то не в Артуре. Что подумает его отец? Или Габриэль, узнав, что она скоро станет бабушкой?

Уголки его губ начали изгибаться в улыбке, но мысль о матери отогнала ее. Он подумал о любовной отметине на шее Габриэль. В эти дни, когда он вспоминал мать, он всегда думал о любовной отметине, которую увидел на шее, когда неожиданно появился в ее покоях. И печальной улыбке на губах.

— Если ты носишь моего ребенка, значит, мне очень повезло.

— И мне. — Теперь она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась грустная. — Мы еще такие молодые. Почти что дети.

Он перекатился на спину, уставился в синее небо. Она, возможно, сказала правду, но это не имело никакого значения. Правда иной раз расходилась с реальностью — то была одна из аксиом, которые хранились в сокровенных глубинах его сознания, там, где соединялись две половинки, сумма которых и являла собой его личность. Сознательный бросок в омут романтической любви — это пришло к нему от матери. Все остальное в его натуре не признавало ни юмора, ни даже метафор. Они слишком молоды, чтобы стать родителями? Что из того? Если он посадил семя, оно должно вырасти.

— Что бы ни ждало нас впереди, мы сделаем то, что должны. И я буду всегда любить тебя.

Она улыбнулась. Он говорил тем тоном, каким принято излагать прописные истины: небо над головой, земля под ногами, вода течет на юг.

— Роланд, сколько тебе лет? — У нее иногда возникала мысль, что при всей ее молодости Роланд еще моложе. Когда он сосредоточивался на чем-то, лицо его становилось таким суровым, что пугало ее. А когда улыбался, то превращался не в ее возлюбленного, а в младшего братика.

— Я теперь старше того Роланда, что приехал сюда. Гораздо старше. А если проведу еще шесть месяцев в компании Джонаса и его подручных, то превращусь в старика, который не сможет без доброго пинка под зад сесть на лошадь.

Сюзан при этих словах заулыбалась, а он поцеловал ее в нос.

— И ты позаботишься обо мне?

— Да. — Он широко ей улыбнулся, Сюзан кивнула и откинулась на спину. Так они и лежали, бедро к бедру, глядя на небо. Она взяла его руку, положила себе на грудь. Сосок, который он погладил большим пальцем, ожил, набух, затвердел, от него побежали искорки. И очень быстро добрались до местечка между ее ног, которое продолжало тлеть. Она сжала

бедра, но жар только усилился.

— Ты должен позаботиться обо мне. — прошептала Сюзан. — Я рассчитываю только на тебя. Все остальное — побоку.

— Я сделаю все, что в моих силах. Не сомневайся. Но пока, Сюзан, мы должны вести себя так, словно ничего не изменилось. Должно пройти какое-то время. Я это знаю, потому что Дипейп вернулся и рассказал о своих находках, но они не выступили против нас. Джонас все еще думает, что выжидание — в его интересах. Он, конечно, постарается выбрать для удара самый подходящий, с его точки зрения, момент. Так что пока игра в «Замки» продолжается.

— Но после праздничного костра на Жатву... Торин...

— В его постель тебе ложиться не придется. Можешь не сомневаться. Это я тебе гарантирую.

Удивляясь собственной смелости, она положила руку ему на живот и двинулась ниже.

— Подтверди свои гарантии. Если хочешь.

Он захотел. И смог. И подтвердил.

Когда любовный костер погас (для Роланда второй раз показался слаще первого), он спросил Сюзан:

— То чувство, которые ты испытала в СИТГО, Сюзан... что за нами наблюдают. Сейчас у тебя его нет?

Она ответила долгим задумчивым взглядом.

— Не знаю. Голова у меня была занята другим, ты понимаешь? — Она нежно коснулась его «игрунчика», рассмеялась, когда Роланд подпрыгнул: полуопавшая штучка, которую поглаживала ее ладонь, оказалась очень чувствительной к прикосновениям.

Сюзан убрала руку, посмотрела на круг синего неба над полянкой.

— Как тут красиво, — пробормотала она и закрыла глаза.

Роланда тоже начал смаривать сон. Сегодня она не почувствовала, что за ними наблюдают... а он почувствовал, когда они слились во второй раз. Однако он мог поклясться, что в роще, кроме них, никого нет.

Не важно. Чувство это, истинное или ложное, ушло. Он взял Сюзан за руку, ее пальцы переплелись с его.

Он закрыл глаза.

Все это Риа видела в магическом кристалле, и очень интересное ей

открылось зрелище, да, действительно, очень интересное. Но совокупление она лицезрела и раньше... иной раз три, четыре, а то и больше людей занимались этим одновременно (случалось, что не все живые), так что в столь преклонном возрасте сам процесс ее не увлекал. Ей хотелось увидеть, что за ним последует.

Наши дела закончены? — спросила девушка.

Да, кроме одной мелочи, ответила Риа, а затем она сказала этой наглой особе, что та должна сделать.

Да, она дала девушке четкие указания, когда они стояли на крыльце под Целующейся Луной. Сюзан Дельгадо, заснувшая неестественным сном, и Риа, поглаживающая ей косу и нашептывающая в ухо инструкции. Теперь пришла пора их выполнять... и вот это она хотела увидеть, а не двух молокососов, вообразивших, что они первые люди на Земле, которые узнали, как это делается.

Дважды они повторили эксперимент практически без паузы (об этой паузе она наслушалась от тех, кто прибегал к ее помощи), но Риа это не удивило. Она полагала, что этот молодой жеребец мог неделю гонять девку без передыха, а судя по реакции этой молодой шлюшки, она такой оборот только приветствовала бы. Некоторые, распробовав это дело, не хотели ничего другого. К таким Риа отнесла и Сюзан.

Но давай посмотрим, будешь ли ты также мечтать о сексе через несколько минут, паршивая сучка, думала Риа, все ниже склоняясь к пульсирующему розовым светом хрустальному шару. Иногда она чувствовала, как от света начинали ныть кости лица... но эта боль ей нравилась. Да, приятная боль.

Наконец они уgomонились... на какое-то время. Взялись за руки и заснули.

— Давай, — прошептала Риа. — Давай, моя маленькая. Будь хорошей девочкой и сделай то, что тебе велели.

Словно услышав ее, Сюзан открыла глаза... но они остались пустыми. И проснулись, и все еще спали. Риа увидела, как Сюзан осторожно освободила руку, села. Подтянула голые ноги к голой груди, огляделась. Встала.

И в этот момент Масти, шестипалый кот, запрыгнул на колени Риа и замяукал, требуя то ли еды, то ли ласки. Старуха от неожиданности вскрикнула, и магический кристалл тут же потемнел... словно порыв ветра задул пламя свечи.

Риа вскрикнула вновь, на этот раз от ярости, и схватила кота, прежде чем тот успел удрать. Швырнула его через комнату в очаг. Естественно,

летом его не разжигали, но Риа простерла к нему костлявую руку, и единственное недогоревшее полено полыхнуло желтым огнем. Масти дико завизжал и вылетел из очага с выпученными глазами и дымящимся раздвоенным хвостом.

— Беги, беги! — плюнула ему вслед Риа. — Поделом тебе, мерзкая тварь.

Она повернулась к хрустальному шару и поднесла к нему руки. Сконцентрировалась на нем, изгнав из сердца ярость, но все ее усилия пошли прахом. Ей удалось вернуть шару розовое свечение, но не более того. Никакие образы не появились. И ей ничего не удавалось с этим поделать. Впрочем, результат она могла увидеть и собственными глазами, правда, для этого ей пришлось бы пойти в город.

Впрочем, результат смогут увидеть и *остальные*.

Настроение у Риа сразу улучшилось. Чуть ли не напевая, она упрятала хрустальный шар в тайник.

10

За мгновение до того, как провалиться в глубокий сон, Роланд услышал звякнувший в голове колокольчик. Возможно, он почувствовал, что ее рука выскользнула из его, возможно, сработала интуиция. Он мог бы игнорировать этот колокольчик. Наверное, так бы и произошло, если б не сказались годы подготовки. Сон сопротивлялся, но постепенно отступал. А тревога с каждым мгновением нарастала.

Он открыл глаза и посмотрел налево. Сюзан нет. Он сел, посмотрел направо, в сторону ручья. Никого. Однако он чувствовал, что она пошла туда, к ручью.

— Сюзан?

Никакого ответа. Он встал, посмотрел на штаны, и Корт, вот уж этого гостя он никак не ожидал, пробурчал у него в голове: нет времени, червяк.

Обнаженный, он вышел на берег и посмотрел вниз. Сюзан он увидел у воды, тоже в чем мать родила. Она расплела косу. Волосы золотым дождем падали до бедер. Прохладный воздух, поднимающийся от воды, шевелил кончики.

Она опустилась на колени, одна рука ушла под воду. Похоже, она что-то искала.

— Сюзан!

Никакого ответа. Страшная мысль осенила его: *в нее вселился демон*.

Пока я спал, в нее вселился демон. Однако он в это не верил. Окажись в роще демон, он бы его почувствовал. Скорее всего они бы оба его почувствовали. И лошади тоже. Но с ней происходило нечто странное.

Сюзан что-то нашарила на дне, вытащила из воды, поднесла к глазам. Камень. Она внимательно его оглядела, выбросила — буль. Вновь полезла под воду, намочила несколько прядей волос.

— Сюзан!

Никакого ответа. Она достала со дна другой камень. Треугольный кусок белого кварца, похожий на наконечник дротика. Сюзан склонила голову налево, взяла в руку прядь волос, словно собралась их расчесать. Но в другой руке она держала не расческу, а камень с острой кромкой. На мгновение Роланд остолбенел, в полной уверенности, что сейчас она перережет себе горло, сокрушенная стыдом и чувством вины за содеянное. И потом не одну неделю его преследовала мысль: если б она собиралась перерезать себе горло, он бы не сумел ей помешать.

А потом оцепенение прошло, и он бросился вниз, не замечая острых камешков, впивающихся в ступни. Но прежде чем он добежал до Сюзан, она уже отрезала часть золотой пряди, что держала в руке.

Роланд схватил ее за запястье, оттянул в сторону. Теперь он ясно видел лицо девушки. С берега ему казалось, что оно спокойное, теперь на нем читалась пустота.

Когда он схватил Сюзан за руку, лицо перекосило, губы задрожали, словно она почувствовала боль, она словно попыталась возразить, но слова произнести не смогла, только одну букву: «Н-н-н-н-н-н...»

Несколько волосинок лежали на бедре, словно золотая проволока, большую часть унесло течением. Сюзан тащила руку, перехваченную Роландом, назад, к волосам, чтобы продолжить эту безумную стрижку. Они словно сошлись в поединке по армрестлингу. И Сюзан брала верх. Конечно, в обычной жизни Роланд был куда сильнее, но чары все переменили. Мало-помалу белый треугольник кварца приближался к волосам. А этот пугающий звук... н-н-н-н-н-н... продолжал рваться с губ.

— Сюзан! Прекрати! Проснись!

— Н-н-н-н-н...

Ее рука вибрировала от напряжения, мускулы стали твердыми, как камни. А расстояние между куском кварца и волосами, щекой, глазом сокращалось и сокращалось.

Не думая, что он делает — все наилучшие решения Роланд всегда принимал на подсознательном уровне, — он наклонился к Сюзан, кварц разом приблизился на четыре дюйма, приник губами к ушной раковине и

громко цокнул языком.

Сюзан отпрянула, звук этот, должно быть, пронзил ее голову, как стрела. Веки задергались, рука ослабела. Он воспользовался моментом и вывернул ей запястье.

— Ой! О-о-о-й!

Кварц выпал у нее из пальцев и плюхнулся в воду. Сюзан уставилась на Роланда, окончательно проснувшись, глаза наполнились слезами. Она терла запястье. Роланду показалось, что оно начало распухать.

— Мне же больно, Роланд! Зачем ты...

Она замолчала, огляделась. Не только ее лицо, но и все тело выражало недоумение. Она уже хотела прикрыться, но поняла, что они по-прежнему одни, и опустила руки. Оглянулась на следы, которые вели к воде с невысокого откоса.

— Как я сюда попала? — спросила она. — Ты принес меня после того, как я заснула? И почему ты причинил мне боль? О, Роланд, я же тебя люблю... почему ты причинил мне боль?

Он снял с бедра золотые волоски, показал Сюзан.

— Ты достала из воды камень с острой кромкой. Пыталась обрить им себя и не реагировала на слова. Просто счастье, что я не сломал тебе руку... надеюсь, что не сломал.

Роланд взял ее за кисть, осторожно покрутил, прислушиваясь, не трещат ли тонкие косточки.

Ничего не услышал, кисть легко вращалась в запястье. Сюзан все так же ничего не понимала. Он же поднес ее руку к губам и поцеловал холодную ладонь.

11

Роланд оставил Быстрого среди ив, чтобы проезжающий мимо не увидел могучего мерина.

— Постой еще немного. — Роланд похлопал его по шее. — Еще немного, дорогой.

Быстрый покивал, постукал копытом по земле, словно показывая, что готов стоять до скончания веков, если возникнет такая необходимость.

Из седельной сумки Роланд достал стальную посудину, которая, в зависимости от обстоятельств, служила сковородкой или кастрюлей. Уже двинулся к Сюзан, но вернулся. Он собирался ночевать на Спуске, чтобы в тишине многое обдумать, поэтому постель захватил с собой. Ослабив

ремень, порылся в одеялах и достал маленькую металлическую коробочку. Открывалась она ключом, который Роланд носил на груди. В коробочке лежал квадратный серебряный медальон (с портретом матери внутри) и запасные патроны... не больше десятка. Он достал один, зажал его в кулаке и вернулся к Сюзан. Она встретила его испуганным взглядом.

— Я ничего не помню после того, как мы второй раз занимались любовью. Я посмотрела на небо, подумала, как мне хорошо, и заснула. Роланд, это ужасно?

— Мне кажется, что нет, но ты сейчас все увидишь сама.

Он набрал в посудину воды и поставил ее на землю. С тяжелым чувством Сюзан наклонилась над ней, расстелив волосы левой стороны по предплечью. Сразу нашла место, где отрезала прядь, вздохнула, скорее облегченно, чем печально.

— Замаскирую. Если заплести косу, никто ничего не заметит. В конце концов, это только волосы... всего лишь дань женскому тщеславию. Моя тетя не раз говорила мне об этом. Но, Роланд, почему? Почему я это сделала?

Роланд полагал, что знает ответ. Если волосы льстили женскому тщеславию, то обритые волосы несли иную смысловую нагрузку — указывали на то, что их обладательница не отличается пристойным поведением. Мужчина, конечно, до такого бы не додумался. Жена мэра, ее проделки? Он сомневался. Скорее всего к этому приложила руку Риа, с вершины Кооса обзирающая Плохую Траву, Скалу Висельников и каньон Молнии. Она могла устроить так, чтобы наутро после праздника Жатвы мэр Торин проснулся в сильном похмелье и рядом с обритой наголо наложницей.

— Сюзан, ты мне позволишь кое-что попробовать?

Она улыбнулась:

— Что-то такое, чего мы еще не пробовали? Да, конечно.

— Речь пойдет о другом. — Он разжал руку, показал ей патрон. — Я хочу попытаться выяснить, кто сделал такое с тобой и почему. — И не только это. Пока он не знал, что именно.

Она посмотрела на патрон. Рука Роланда заплесала у нее перед глазами. Пальцы сгибались и разгибались. Сюзан с детским интересом наблюдала за всеми манипуляциями.

— Где ты этому научился?

— Дома. Это не важно.

— Ты хочешь загипнотизировать меня?

— Да... и я думаю, что тебя уже гипнотизировали. — Патрон двигался

все быстрее, как и пальцы. — Разрешаешь?

— Да, — ответила Сюзан. — Если сможешь.

Он, конечно, смог, а быстрота погружения Сюзан в транс только подтвердила догадку Роланда о том, что Сюзан уже гипнотизировали, и недавно. Однако он не мог добиться от нее того, чего хотел. Вроде бы она во всем шла ему навстречу (контактный гипнотик, как сказал бы Корд), но дальше определенного уровня он, пробиться не мог. Не то чтобы Сюзан пыталась что-то скрыть: монотонным, бесстрастным голосом она рассказала об унижительной процедуре осмотра у старухи, о том, как Риа попыталась «разогреть» ее (тут кулаки Роланда сжались с такой силой, что ногти впились в ладони). А потом наступал момент, после которого Сюзан ничего не помнила.

Она и Риа вышли на крыльцо, говорила Сюзан, постояли под Целующейся Луной, свет которой падал на их лица. Старуха гладила ее косу. Сюзан это помнила. Прикосновение это вызывало у нее отвращение, особенно после того, что ведьма проделывала с ней раньше, но Сюзан ничего не могла с этим поделать. Руки стали такими тяжелыми, что не поднимались, язык не ворочался. Она могла только стоять, а старуха что-то нашептывала ей на ухо.

— Что? — спросил Роланд. — Что она нашептывала?

— Я не знаю. Остальное теряется в розовом.

— Розовом? О чем ты?

— *Розовом*, — повторила она. В голосе звучали нотки удивления, словно ей казалось, что Роланд валяет дурака, прикидываясь, что не понимает ее. — Она говорит: «Да, дорогая, сделай так, ты хорошая девочка», — а потом все становится розовым. Розовым и ярким.

— Ярким.

— Да, как луна. А потом... — Сюзан помолчала. — Потом я думаю, что розовое и *стало* луной. Целующейся Луной. Яркой розовой Целующейся Луной, круглой, как грейпфрут.

Он попытался пробраться в ее память другими тропами, но безуспешно, всякий раз натываясь на розовое сияние, поначалу заслоняющее ее воспоминания, а потом преобразующееся в полную луну. У Роланда никаких ассоциаций слова Сюзан не вызывали. О синих лунах он слышал, о розовых — никогда. Не сомневался он только в одном — Сюзан

получила от старухи мощный сигнал: все забыть.

Он подумал о том, чтобы проникнуть глубже в ее сознание, она бы на это пошла, но не решился. Опыта он набирался только на занятиях, гипнотизируя своих одноклассников, и далеко не всегда эти попытки проходили гладко. Но в классе всегда присутствовали Корт или Ванней, которые могли вмешаться, если ситуация начнет выходить из-под контроля. Здесь же учителей не было, так что ученики, плохо это или хорошо, могли рассчитывать только на себя. Что, если он уведет ее очень далеко, а потом не сможет вернуть назад? И ему говорили, что в глубинах подсознания обитают демоны. И если ты проникаешь слишком глубоко, они иной раз выходят из пещер, чтобы встретить тебя...

А помимо прочего дело-то шло к вечеру. Они и так провели вместе слишком много времени.

— Сюзан, ты меня слышишь?

— Да, Роланд, я очень хорошо тебя слышу.

— Я собираюсь прочитать тебе стишок. Ты проснешься, как только я прочитаю его. А проснувшись, вспомнишь все, о чем мы говорили. Ты меня поняла?

— Да.

— Слушай:

*Птички и рыбки, медведи и зайки,
Слоны, черепахи и прочее зверье
Исполнят любое желанье твое.*

Просыпаясь, она порадовала его самой прекрасной улыбкой на свете. Потянулась, а потом обняла его за шею и покрыла лицо поцелуями.

— Ты, ты, ты и ты. Ты — мое желание. Роланд. Единственное желание. Ты, *и только ты*, навеки и навсегда.

Они слились воедино прямо на берегу, сжимая друг друга изо всех сил. *Ты, ты, ты, ты.*

Двадцать минут спустя он посадил ее на круп Фелиции, Сюзан наклонилась, громко чмокнула его в губы.

— Когда мы снова увидимся? — спросила она.

— Скоро. Но мы должны соблюдать осторожность.

— Да, я думаю, любовникам осторожность не помешает. Слава Богу, ты у нас умный, что-нибудь придумаешь.

— Мы сможем использовать Шими, только не очень часто.

— Да. И еще... Роланд, ты знаешь павильон в «Зеленом сердце»? Рядом с тем местом, где в хорошую погоду подают чай, булочки, пирожные?

Роланд знал. «Зеленым сердцем» назывался парк на Холмовой улице, в пятидесяти ярдах от тюрьмы и городского Зала собраний, одно из красивейших мест Хэмбри, с извилистыми дорожками, столиками под солнцезащитными зонтами, увитым плющом павильоном для танцев и зверинцем.

— Там есть стена, сложенная из камней. В дальней части, между павильоном и зверинцем. Если я срочно понадобится тебе...

— Ты мне уже срочно нужна.

Сюзан улыбнулась.

— В нижних рядах есть красноватый камень. Ты сразу его увидишь. Я и моя подруга Эми в детстве оставляли там друг другу записки. Я буду заглядывать туда. И ты заглядывай.

— Хорошо.

Шими на какое-то время обеспечит им связь, если они будут осторожны. Красный камень какое-то время послужит почтовым ящиком, если они будут осторожны. Но, как бы они ни были осторожны, в какой-то момент они выдадут себя, потому что Большие охотники за гробами, возможно, знали о Роланде и его друзьях больше, чем хотелось бы Роланду. Но он должен видаться с ней, несмотря на риск. Иначе, думал Роланд, он просто умрет. И ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что она испытывает те же чувства.

— Особенно берегись Джонаса и двух его подручных.

— Хорошо. Еще поцелуй, если не возражаешь.

Он с радостью поцеловал ее и еще с большей радостью стащил бы с лошади, чтобы в четвертый раз... но пришло время вернуться с небес на землю и вспомнить об осторожности.

— Счастливого пути, Сюзан. Я тебя люблю. — Он улыбнулся. — Очень люблю.

— А я — тебя, Роланд. Мое сердце полностью принадлежит тебе.

У нее большое сердце, думал он, провожая ее взглядом. Подождал, пока она уедет. Потом пошел к Быстрому и поскакал в другом направлении, отдавая себе отчет, что игра перешла в новую и опасную фазу.

Вскоре после того, как Сюзан и Роланд расстались, Корделия Дельгадо вышла из продовольственного магазина Хэмбри с полной сумкой и тревожными мыслями. Тревожилась она из-за Сюзан, исключительно из-за Сюзан. Боялась, что девчонка выкинет какой-нибудь фортель до праздника Жатвы.

Мысли эти выскочили у нее из головы аккурат в тот момент, когда руки, сильные руки, вырвали у нее сумку с продуктами. Корделия в изумлении отпрянула, прикрыла глаза от солнца и увидела Элдреда Джонаса, который стоял между тотемами Медведя и Черепахи, улыбаясь во весь рот. Его волосы, длинные и седые (а по ее мнению, и прекрасные), падали на плечи. У Корделии учащенно забилося сердце. Ей всегда нравились такие мужчины, как Джонас, подтянутые, уверенные в себе, с игривой, многообещающей улыбкой.

— Я вас испугал. Извините меня, Корделия.

— Нет... — У нее перехватило дыхание. — Просто солнце... оно сейчас такое яркое...

— Я бы мог вам помочь, если вы, конечно, позволите. По Главной я иду только до угла, потом мне надо на Холмовую, но пока нам по пути, я могу нести сумку.

— Буду вам благодарна. — Они спустились по ступенькам на тротуар, Корделия все поглядывала по сторонам: видит ли кто, что она идет рядом с таким интересным мужчиной, как сэй Джонас, который, кстати, несет ее сумку с продуктами. К ее полному удовольствию, зевак хватало. К примеру, Миллисент Ортега, которая таращилась на нее через витрину магазина женской одежды.

— Надеюсь, вы не возражаете, что я называю вас Корделией. — Джонас легко перебросил сумку из руки в руку, тогда как она чуть ли не сгибалась под ее тяжестью. — После того обеда у мэра Торина у меня создалось впечатление, что я давно вас знаю.

— Какие тут могут быть возражения. Мне нравится мое имя.

— Может, и я стану для вас Элдредом?

— Думаю, чуть рановато, — ответила она и одарила его, как ей казалось, кокетливой улыбкой. Сердце ее билось все чаще (ей и в голову не приходило, что в семье Дельгадо глупая гусыня отнюдь не Сюзан).

— Как скажете. — Разочарование в его голосе вызвало у Корделии смех. — А как ваша племянница? У нее все в порядке?

— Вполне, спасибо, что спросили. Иногда с ней, конечно, трудно...

— С шестнадцатилетними по-другому не бывает. — Пожалуй, вы правы.

— Тем более что у вас этой осенью добавится забот. Я сомневаюсь, что она это понимает.

Корделия помолчала — зачем выносить сор из избы? — но многозначительно посмотрела на Джонаса.

— Пожалуйста, передайте ей мои наилучшие пожелания.

— Обязательно передам. — Но ничего передавать она не собиралась. Сюзан испытывала стойкую (по мнению Корделии, ничем не обоснованную) неприязнь к регуляторам мэра Торина. И попытки разубедить ее успеха не имели: молоденькие девушки полагали, что всегда правы. Она взглянула на звезду шерифа, выглядывающую из-под жилетки Джонаса. — Как я понимаю, вы взвалили на себя дополнительные обязанности, сэй Джонас.

— Да, помогаю шерифу Эвери, — кивнул он. Голос его чуть подрагивал и этим очень нравился Корделии. — Один из его помощников, Клейпул, имя не помню...

— Френк Клейпул.

— ...выпал из лодки и сломал ногу. Вы бы могли выпасть из лодки и сломать ногу, Корделия?

Она весело рассмеялась (мысль о том, что весь Хэмбри наблюдает за ними, грела душу) и ответила, что вряд ли.

Джонас остановился на углу Главной и Камино Вега, печально вздохнул.

— Здесь я должен поворачивать. — Он протянул ей сумку. — Вы сможете донести ее? Время у меня есть, я готов сопровождать вас до вашего...

— Нет-нет. Благодарю. Спасибо вам, Элдред. — Шея и щеки Корделии залились румянцем, но ее вознаградила улыбка Джонаса. Он отсалютовал ей двумя пальцами и свернул с Главной улицы, направившись к тюрьме.

Корделия зашагала домой. Сумка, которую она едва вынесла из магазина, превратилась в пушинку. Правда, через полмили она здорово прибавила в весе, а когда впереди показался ее дом, у Корделии уже отваливались руки, а по бокам тек пот. Слава богам, лето заканчивалось... и не Сюзан ли это заводила кобылу в ворота?

— Сюзан! — раздраженно, забыв о встрече с Элдредом, позвала она. — Подойди и помоги мне, прежде чем сумка выпадет у меня из рук.

Сюзан подошла, оставив Фелицию щипать травку в переднем дворе.

Десятью минутами раньше Корделия не обратила бы внимания на облик девушки — ее мысли занимал Элдред Джонас. Но горячее солнце выжгло романтические мысли из головы и вернуло ее на землю. И когда Сюзан взяла у нее из рук сумку (управлялась она с ней так же легко, как и Джонас). Корделия подумала, что девочка заметно переменялась. Если умчалась она чуть ли не в истерике, то вернулась очень спокойная, со счастливыми глазами. Такой Сюзан была и раньше... до этой истории с мэром Торином. Других признаков перемен Корделия поначалу не находила, а потом...

Нашла. Она протянула руку и схватилась за косу девушки, слишком уж растрепанную, чего Сюзан обычно не допускала. Разумеется, она ездила на лошади, ветер мог растрепать косу. Но почему волосы так потемнели, совсем не сверкали на солнце. И она подпрыгнула, словно чувствуя за собой вину, от прикосновения Корделии. Что бы это значило?

— У тебя влажные волосы, Сюзан. Ты где-то плавала?

— Нет! Когда возвращалась, сунула голову под колонку у конюшни Хуки. Он не возражал, воды у него хватает. Сегодня очень жарко. Может, еще пойдет дождь. Я на это надеюсь. Дала напиться и Фелиции.

Девушка не отводила глаз, чистых и искренних, но Корделия все равно насторожилась. Что-то тут не так, решила она. Но не могла понять, что. Мысль о том, что Сюзан могла скрывать от нее что-то серьезное и важное, еще не пришла к ней в голову. Она пребывала в полной уверенности, что ее племянница не умеет хранить секреты, если только они не касаются подарка на день рождения... да и то ее хватит на день или два. Однако что-то беспокоило Корделию. Она провела пальцем по воротнику рубашки.

— А воротник сухой.

— Я старалась не забрызгать его. — Она по-прежнему смотрела в глаза Корделии. — К мокрой рубашке прилипает пыль. Ты сама меня этому учила, тетя.

— Ты дернулась, когда я прикоснулась к твоим волосам, Сюзан.

— Да, дернулась, — признала Сюзан. — Ведьма прикасалась к ним точно так же. С тех пор мне это не нравится. Могу я теперь занести продукты в дом и увести лошадь с солнцепека?

— Не груби мне, Сюзан. — Однако резкость в голосе племянницы успокоила ее. Ощущение, что Сюзан изменилась... непонятно в чем, но изменилась... начало сходить на нет.

— Тогда не надоедай мне.

— Сюзан! Немедленно извинись!

Сюзан глубоко вдохнула, задержала дыхание, выдохнула.

— Да, тетя. Извиняюсь. Но тут слишком жарко.

— Да. Оставь продукты в кладовой. Спасибо за помощь.

Сюзан двинулась к дому с сумкой в руке. Корделия последовала за ней, отстав на несколько шагов. Глупо, конечно, подозрения явно беспочвенные, навеянные легким флиртом с Элдредом, но девушка в опасном возрасте, и многое зависело от ее поведения в последующие семь недель. Потом заботы о ней лягут на Торуна, но пока за нее полностью отвечала Корделия. Она практически не сомневалась в том, что от своего слова Сюзан не отступится, но полагала, что до праздника Жатвы за ней нужен глаз да глаз. В таких вопросах, как девичья невинность, лучше перебдеть.

Интерлюдия

КАНЗАС: ГДЕ-ТО, КОГДА-ТО

Эдди шевельнулся. Вокруг: как надоевшая теща, ныла червоточина. Над ними сияли звезды, яркие, словно новые надежды... или дурные намерения. Он посмотрел на Сюзанну, которая сидела, подобрав под себя култышки, на Джейка, тот дожевывал буррито, на Ыша, положившего голову на щиколотку Джейка и не отрывавшего глаз от лица мальчика. Во взгляде зверька читалось обожание.

Костерок понемногу догорал. То же можно было сказать и о Демонической Луне, скатившейся к самому горизонту.

— Роланд. — Голос у Эдди скрипел, как несмазанное колесо.

Стрелок, который прервал рассказ, чтобы выпить глоток воды, взглянул на него, приподняв брови.

— Откуда ты знаешь все подробности этой истории?

Роланд заулыбался:

— Едва ли тебя это действительно интересует, Эдди.

Тут он был прав, этот старый высокий изуродованный человек практически всегда был прав. И Эдди, надо сказать, сие частенько раздражало.

— Ладно. А как долго ты говоришь, хотел бы я знать.

— Ты устал? Хочешь лечь спать?

Да он смеется надо мной, подумал Эдди... но даже когда эта мысль только вспыхнула у него в голове, он знал: это не так. К тому же он не устал. Мышцы не затекли, хотя он сидел скрестив ноги с того самого момента, как Роланд повел свой рассказ о Риа и хрустальном шаре. И по нужде, малой или большой, ему не хотелось. И голода он не испытывал. Джейк дожевывал последний оставшийся кусок, но, возможно, по той же причине, что побуждает людей подниматься на Эверест... потому что он был. И с чего ему испытывать голод или желание облегчиться? Костер не догорел, луна не зашла.

Он посмотрел в смеющиеся глаза Роланда и понял, что стрелок читает его мысли.

— Нет, спать я не хочу. Ты знаешь, что не хочу. Но, Роланд... ты же рассказывал очень долго. — Он помолчал, посмотрел на свои руки, вновь поднял голову, выдавил из себя неуверенную улыбку. — Я бы сказал, не

один день.

— Но время здесь другое. Я же тебе говорил. Теперь ты сам это видишь. Не все ночи одинаковы. Дни — тоже... но ход времени мы особенно замечаем ночами, не так ли? Да, в этом я уверен.

— Червоточина растягивает время? — Теперь, упомянув о ней, Эдди еще отчетливее услышал ее неприятный голос, словно над ухом вился настырный комар.

— Возможно, и растягивает, но скорее всего так уж устроен мой мир.

Сюзанна шевельнулась, словно пробуждаясь от захватившего ее сна. Нетерпеливо глянула на Эдди:

— Не мешай ему говорить.

— Да, — кивнул Джейк. — Пусть рассказывает.

— А. Усть, — откликнулся и Ыш, не поднимая морды с щиколотки Джейка.

— Хорошо, — согласился Эдди. — Нет проблем.

Роланд обвел всех взглядом.

— Вы уверены? Остальное... — Он не смог договорить, и Эдди понял, что Роланд боится.

— Продолжай, — мягко заметил он. — Расскажи все, как было. Как было. — Он огляделся. Канзас. Они в Канзасе. В непонятной реальности. В непонятное время. Да только он чувствовал, что Меджис и все эти люди, которых он никогда не видел... Корделия и Сюзан, Джонас и Брайан Хуки, Шими и Красотуля, Катберт Оллгуд и Ален... где-то рядом. И потерянная Роландом Сюзан тоже рядом. Потому что ткань пространства тут истончалась... как истончается материя на старых джинсах. Эдди сомневался, что Роланд замечал окружающую их темноту. С чего? По разумению Эдди, в сознании Роланда давно воцарилась ночь... и до зари ой как не скоро.

Он протянул руку и коснулся мозолистой ладони киллера. Коснулся нежно, с любовью.

— Продолжай, Роланд. Расскажи нам свою историю. До самого конца.

— До самого конца, — мечтательно повторила Сюзанна. — Вскрой нарыв. — Ее глаза наполнял лунный свет.

— До самого конца. — присоединился к ним Джейк.

— Онца, — прошептал Ыш.

Роланд на мгновение сжал руку Эдди, потом отпустил. Уставился в угасающий костерок, какое-то время молчал, и Эдди почувствовал, что он ищет слова. Пробует двери, одну за другой, ищет ту, что откроется. А когда дверь открылась, и Роланд увидел, какие за ней прячутся слова, он

улыбнулся и посмотрел на Эдди:

— Настоящая любовь скучна.

— *Что?*

— Настоящая любовь скучна, — повторил Роланд. — Скучна, как любой другой тяжелый наркотик, к которому развивается привыкание. И как любой другой наркотик...

Часть третья
ПРИХОДИ, ЖАТВА

Глава первая

ПОД ОХОТНИЧЬЕЙ ЛУНОЙ

1

Настоящая любовь, как любой другой тяжелый наркотик, к которому развивается привыкание, скучна... как только открытие сделано, поцелуи быстро плесневеют, а ласки надоедают... Разумеется, речь идет не о тех, кто разделяет эти поцелуи, кому предназначены эти ласки, от которых окружающий мир становится красивее и ярче. Как и в случае с тяжелым наркотиком, настоящая первая любовь по большому счету интересна только ее пленникам.

И как любой тяжелый наркотик, к которому развивается привыкание, настоящая первая любовь опасна.

2

Некоторые называли Охотничьей последнюю луну лета, другие считали ее первой луной осени. Как бы то ни было, восход Охотничьей Луны воспринимался как сигнал к переменам в размеренной жизни феода. Мужчины, выходя в море, поддевали свитер под непромокаемые куртки, потому что ветер свежел и становился гораздо холоднее. В больших яблоневых садах феода к северу от Хэмбри (и в маленьких садах, принадлежащих Джону Кройдону, Генри Уэртнеру, Джейку Уайту и замкнутой, но богатой Корал Торин) появлялись сборщики яблок со своими лесенками. За ними следовали телеги, уставленные пустыми бочонками. Заработали яблочные прессы и давилни, особенно самая большая, в миле от Дома-на-Набережной, окутались сладковатым запахом. Вдали от берега Чистого моря дни по-прежнему стояли теплые, небо оставалось безоблачным, но настоящая летняя жара ушла вместе с Мешочной Луной. Последний укус начался и закончился на одной неделе. Как всегда, сена он дал совсем ничего, и ранчеры и арендаторы дружно ругали его, чесали в затылке и задавались вопросом, а стоило ли корячиться... но знали, что стоило, потому что в конце концов приходил холодный, дождливый март, когда сеновалы и амбары быстро пустели. В огородах феода, больших — на

ранчо, маленьких — у арендаторов, крохотных клочках земли — у горожан, появлялись мужчины, женщины и дети в старой одежде, сапогах, сомбреро. Штанины они крепко завязывали у щиколоток, потому что в пору Охотничьей Луны начинался исход скорпионов и змей из пустыни на восток. И к тому времени как начинал расти полумесяц Демонической Луны, убитые гремучие змеи рядом висели на коновязи как у «Приюта путников», так и напротив, у продовольственного магазина. Другие заведения тоже украшали коновязи змеями, но приз за максимальное число шкур, который вручали на празднике Жатвы, всегда доставался «Приюту» или магазину. В полях и садах женщины, которые повязывали головы платками и носили на груди амулеты, обеспечивающие щедрый урожай, наполняли корзину за корзиной. Убрали последний помидор, потом огурец, кукурузу, наконец, минго. За ними, по мере того как дни становились короче и приближались осенние дожди, подходила пора кабачков, моркови, тыкв и картофеля. В Меджисе сбор урожая начался, когда Охотничья Луна превратилась в полумесяц, который каждую звездную ночь поглядывал кончиками на восток, за бескрайнее море, где не бывали ни один мужчина, ни одна женщина Срединного мира.

Те, кто попал в сети тяжелых наркотиков, будь то героин, дьявольская трава, настоящая любовь, зачастую пытаются сохранить шаткое равновесие между секретностью и экстазом, шагая по канату жизни. Сохранить равновесие, удержаться на канате сложно даже при ясной голове, а уж в состоянии эйфории практически невозможно. И уж совершенно невозможно, если речь идет о длительном промежутке времени.

Роланд и Сюзан пребывали в эйфории. Спасало их лишь одно: они знали об этом. Да и секрет этот им предстояло хранить не вечно, а лишь до ярмарки Жатвы. А то и меньше, если Большие охотники за гробами перейдут к решительным действиям раньше. Первый ход могли сделать и другие игроки, думал Роланд, но при любом раскладе не обошлось бы без Джонаса и его людей. И они представляли собой наибольшую опасность для юношей из Привходящего мира.

Роланд и Сюзан соблюдали осторожность, максимальную осторожность, на которую способны пребывающие в эйфории юноша и девушка. Никогда не встречались в одном месте дважды кряду, никогда не таились, направляясь на встречу. В Хэмбри всадники считались частью

пейзажа, но вот прячущихся, крадущихся замечали сразу. Сюзан никогда не пыталась сказать, что едет на прогулку с подругой (хотя у нее и были подружки, которые прикрыли бы ее): тем, кому нужно алиби, есть что скрывать. Она чувствовала, что тетю Корд тревожат ее частые отлучки, особенно ранним вечером, но пока та принимала часто повторяемое объяснение Сюзан: ей нужно время, чтобы побыть в одиночестве, подумать о своем обещании и сжиться с ответственностью, которую она взвалила на себя. Ирония судьбы, но именно такой совет ей дала ведьма с Кооса.

Они встречались в ивовой роще, в пустующих сараях на северной оконечности бухты, в хижине овцевода неподалеку от Кооса, в заброшенной лачуге сквоттера^[33] в Плохой Траве. В грязных, вонючих помещениях, ничем не отличающихся от притонов, в которых собираются наркоманы, чтобы предаться пороку, но Сюзан и Роланд не замечали ни прогнивших досок стен лачуги, ни дыр в крыше хижины, ни запаха сетей, брошенных в угол лодочного сарая. Они обезумели от любви, и для них всякий шрам на лице мира обретал неземную красоту.

Дважды в эти горячечные недели они использовали красный камень за павильоном, чтобы уговориться о встрече, а потом внутренний голос предупредил Роланда, что делать этого больше не стоит: камень хорош для детей, играющих в секреты, а он и его любовь — уже не дети. Если их накроют, то изгнание будет для них самым мягким наказанием. Красный камень уж очень заметен, а перехваченная записка — пусть неподписанная и вроде бы ни о чем — смертельно опасна.

Оба решили, что целесообразнее прибегнуть к помощи Шими. Под глупой улыбкой, не сходящей с его лица, скрывалось удивительное... да, благоразумие. Роланд долго размышлял над этим и не смог подобрать более точного слова. Умение молчать объяснялось не хитростью. Хитрость не имела к Шими ни малейшего отношения. Кто мог назвать хитрым человека, который не умел солгать, не отведя глаз?

Услугами Шими они воспользовались шесть раз, три — чтобы назначить встречу, два — чтобы переменить место, один — отменить: Сюзан заметила всадников с ранчо «Пиано», собирающих табун неподалеку от лачуги в Плохой Траве.

Внутренний голос, предупредивший Роланда о том, что красный камень опасен, ничего не говорил о Шими... но заговорила совесть, и когда он наконец поделился своими сомнениями с Сюзан (завернувшись в одеяло, голые, они лежали в объятиях друг друга), выяснилось, что и ее совесть неспокойна. Они поступали несправедливо, подставляя парня под удар. Придя к этому выводу, Роланд и Сюзан решили договариваться о

встречах без посредников. Если она не может встретиться с ним, сказала Сюзан, на ее подоконнике будет сохнуть красная рубашка. Если он не сможет приехать, то оставит белый камень в северо-восточном углу двора по другую сторону улицы напротив конюшни Хуки. На крайний случай у них оставался красный камень за павильоном. Рискованный способ, все так, но лучше, чем подвергать опасности Шими.

Поначалу Катберт и Ален не верили своим глазам, наблюдая за превращением Роланда в «наркомана». Но в итоге недоумение, зависть, удивление сменились ужасом. Их послали в тихое, безопасное место, они же угодили в самое сердце заговора. Приехали в феод, где вся верхушка переметнулась на сторону злейшего врага Альянса. Их личными врагами стали три крутых парня, на счету которых не один и не два десятка покойников. Однако они не падали духом и чувствовали себя более чем уверенно, потому что ими командовал их друг, которого они почитали за полубога после того, как он победил Корта (выбрав оружием сокола!) и стал стрелком в неслыханно юном возрасте — в четырнадцать лет. Тот факт, что им выдали оружие, наполнял их гордостью при отъезде из Гилеада, но ничего не значил теперь, когда они начали осознать, какие силы противостоят им в Хэмбри и Меджисе. Они могли рассчитывать только на Роланда. И теперь...

— Он словно револьвер, брошенный в воду! — воскликнул как-то вечером Катберт, вскоре после отъезда Роланда на встречу с Сюзан. Над крыльцом бункера висела четвертушка набирающей силу Охотничьей Луны. — Только богам известно, выстрелит ли он вновь, даже если его вытащат из воды и просушат.

— Не гони лошадей. — Ален посмотрел на обнесенное перилами крыльцо и, чтобы развеселить Катберта (при обычных обстоятельствах для этого не требовалось никаких усилий), спросил: — А где дозорный? Пораньше отправился на боковую?

Однако этот вопрос еще больше разозлил Катберта. Грачиный череп он не видел несколько дней, сколько именно, он сказать не мог и воспринимал его пропажу как дурной знак.

— Отправился, но не спать. — Катберт бросил злобный взгляд на запад, куда умчался на своем большом мерине Роланд. — Видно, я его потерял. Как некоторые теряют разум, сердце и здравый смысл.

— С ним все будет в порядке. — Голосу Алена недоставало уверенности. — Ты знаешь его так же хорошо, как и я, Берт... знаешь всю жизнь, мы оба знаем. С ним все будет в порядке.

Когда Катберт ответил, в голосе не слышалось свойственной ему

смешливости:

— Сейчас я не могу сказать, что знаю его.

Они оба пытались поговорить с Роландом, каждый по-своему. В обоих случаях реакция была одинаковой, точнее, она напрочь отсутствовала. Мечтательный (с легким оттенком тревоги) отсутствующий взгляд, который появлялся в глазах Роланда в ходе этих односторонних дискуссий, хорошо знал любой, кто пытался воззвать к здравому смыслу наркомана. Взгляд этот говорил о том, что для Роланда не существовало ничего, кроме лица Сюзан, запаха кожи Сюзан, упругости тела Сюзан под его руками. Окружающий Роланда мир уменьшился до размеров Сюзан.

— Я даже немного ненавижу ее за то, что она с ним сделала, — продолжил Катберт, и Ален услышал в его голосе то, чего никогда раньше не было: ревность, раздражение, страх. — Пожалуй, немного — мягко сказано.

— Как ты можешь? — Слова друга шокировали Алена. — Она не несет ответственности за...

— Ой ли? Она ходила с ним в СИТГО. Она видела то, что видел он. Бог знает, что он ей рассказывает после того, как они перестают изображать чудовище о двух спинах. И она далеко не глупа. Ты посмотри, как ловко она все устраивает. — Ален догадался, что Берт говорит о трюке с кошельком. — Она должна знать, что стала помехой в достижении нами цели. Должна *знать!*

Горечь его выплеснулась наружу. *Он ревнует ее за то, что она увела его лучшего друга*, подумал Ален. *Он ревнует и своего лучшего друга, потому что ему досталась самая прекрасная девушка из тех, кого ему доводилось видеть.*

Ален наклонился и схватил Катберта за плечо. Когда Берт повернулся, его поразила суровость лица Алена.

— Это ка.

Катберт пренебрежительно фыркнул:

— Если бы мне подавали горячий обед всякий раз, когда кто-то возлагал вину за воровство, сладострастие или прочие человеческие слабости на ка...

Пальцы Алена сжались сильнее, причиняя боль. Катберт мог бы вырваться, но не стал. Он не отрывал глаз от лица Алена. Шут, хотя бы на время, исчез.

— Чего мы не можем себе позволить, так это винить их в чем-либо, — возразил Ален. — Неужели ты этого не понимаешь? Если *ка* унесла их, они в этом не виноваты. Не можем мы их винить. Мы должны это осознавать.

Он нам нужен. И, возможно, нужна и она.

Долго-долго смотрел Катберт в глаза Алена. Ален видел, как злость Берта борется со здравым смыслом. Наконец (возможно, ненадолго) здравый смысл победил.

— Хорошо, согласен. Это *ка* — любимый всеми козел отпущения. Для того и существует великий невидимый мир, не так ли? Иначе на кого бы мы могли возложить ответственность за проявление собственной глупости? А теперь отпусти меня, Ал, если только не хочешь сломать мне плечо.

Ален убрал руку, сел. На душе у него полегчало.

— Теперь бы только понять, что нам делать со Спуском. Если мы в самое ближайшее время не начнем пересчитывать...

— Есть у меня одна идея, — прервал его Катберт. — Правда, она требует доработки. Я уверен, Роланд сможет помочь... если кому-то из нас удастся на несколько минут завладеть его вниманием.

Они помолчали, оглядывая двор. В бункере уютно ворковали голуби. Ален свернул самокрутку. Времени на это ушло немало, конечный продукт мог вызвать у заядлого курильщика разве что улыбку, но она не развалилась, когда Ален раскурил ее.

— Твой отец содрал бы с тебя шкуру, если б увидел у тебя в руке сигарету. — В голосе Катберта слышалось восхищение. А вот годом позже, когда Охотничья Луна вновь поплыла по небосводу, уже все трое стали заядлыми курильщиками, обожженные солнцем молодые люди, оставившие позади свою юность.

Ален кивнул. От крепкого табака Внешней Дуги у него голова шла кругом и першило в горле, но сигарета успокаивала нервы, а именно сейчас его нервы нуждались в успокоительном. Насчет Берта он ничего сказать не мог, но сам чувствовал в ветре запах крови. Возможно, и той, что предстояло пролить им. Его это не пугало, во всяком случае, пока, но не могло не тревожить.

Хотя Катберта и Алена с детских лет учили воевать, они, как и огромное большинство подростков их возраста, свято верили, что старшие все делают лучше их, особенно если речь шла о стратегическом планировании. Они также полагали, что взрослые всегда знали, что делают. Роланд, даже ослепленный любовью, воспринимал взрослых куда более прагматично, но его друзья забыли, что в игре в «Замки» обе стороны не

ведают о маневрах противника. И они бы очень удивились, узнав, что по крайней мере двое из трех Больших охотников за гробами очень нервничают из-за юной троицы из Привходящего мира и крайне издерганы выжиданием, взятым на вооружение обеими сторонами.

Как-то ранним утром, когда в небе еще светила половина Охотничьей Луны, Рейнолдс и Дипейп спустились вместе со второго этажа «Приюта путников». В большом зале царила тишина, прерываемая разве что всхрапываниями. В самом большом салуне Хэмбри веселье закончилось до следующего вечера.

Джонас в компании молчаливого гостя раскладывал пасьянс «Канцлер» на столике Корал слева от дверей. В это утро он надел плащ: дыхание легким парком вырывалось изо рта, когда он наклонялся над картами. До утренних заморозков дело еще не дошло, но они были явно не за горами. Об этом свидетельствовал холодный воздух.

Курилось и дыхание гостя Джонаса. Кимба пришел в толстом сером, с крошечными оранжевыми крапинками, пончо. Они как раз собрались обсудить интересующие их вопросы, когда Рой и Клей (*Пинч и Джилли*, подумал Раймер) показались на лестнице. И их ночь, проведенная у шлюх на втором этаже, закончилась.

— Элдред, — поздоровался Рейнолдс. — Сэй Раймер.

Раймер кивнул, чуть поморщился, переводя взгляд с Рейнолдса на Дипейпа:

— Долгих вам дней и приятных ночей, джентльмены. — Разумеется, мир сдвинулся, подумал он. И доказательство тому — эти две темные личности, играющие столь важные роли во всей этой истории. Впрочем, и сам Джонас не намного их лучше.

— Можем мы перекинуться с тобой парой слов, Элдред? — спросил Клей Рейнолдс. — Мы с Роем поговорили и...

— Напрасно, — дребезжащим, как всегда, голосом ответил Джонас. Раймер не удивился бы, если б такой голос оказался у Ангела смерти. — Разговоры ведут к мыслям, а мысли для таких, как вы, парни, опасны. Все равно что ковырять в носу патронами.

Дипейп загоготал, словно не понял, что смеются-то над ним.

— Джонас, послушай, — начал Рейнолдс и в нерешительности посмотрел на Раймера.

— Ты можешь говорить при сэй Раймере. — Джонас выложил новый ряд карт. — Он, в конце концов, наш основной работодатель. Я раскладываю пасьянс «Канцлер» в его честь.

На лице Рейнолдса отразилось недоумение.

— Я думал... то есть мне казалось, что мэр Торин...

— Мэра Торина не интересуют детали нашего договора с Благодетелем, — ответил Раймер. — Он вполне доволен той долей прибыли, что причитается ему в этой сделке, мистер Рейнолдс. Сейчас главная забота мэра — приближающаяся ярмарка Жатвы. Он хочет, чтобы все прошло гладко, дабы потом... материализовать договоренности, достигнутые с известной тебе юной леди.

— Ох уж эти дипломатические обороты, — покачал головой Джонас. — Сейчас, Рой, я тебе все растолкую. В эти дни мэр Торин главным образом гоняет шкурку, мечтая о том, как его червячок залезет в персик Сюзан Дельгадо. Готов поспорить, что в тот момент, когда раковина откроется и он увидит перед собой жемчужину, ему не удастся добраться до нее. Сердце у него разорвется от возбуждения, и он замертво рухнет на юную красотку. Да, так и будет!

Дипейп опять загоготал, локтем ткнув Рейнолдса в бок:

— Он прав, не так ли, Клей? Так и будет!

Рейнолдс улыбнулся, но в глазах его оставалась тревога. Улыбка, холодная, как ноябрьский лед, изогнула и губы Раймера. Он указал на семерку, которая выскочила из колоды.

— Красное на черное, мой дорогой Джонас.

— Никакой я тебе не дорогой, — Джонас положил семерку бубен на восьмерку пик, — и советую это запомнить. — Потом обратился к Рейнолдсу и Дипейпу: — Так что вам, парни, нужно? Мы с Раймером как раз собрались держать совет.

— Может, нам всем есть что обсудить. — Рейнолдс положил руку на спинку стула. — Посмотреть, не совпадают ли наши мысли.

— Думаю, что нет. — Джонас смешал карты. На его лице проступило раздражение, и Клей Рейнолдс торопливо убрал руку со спинки стула. — Говори, что ты хотел сказать, и покончим с этим.

— Мы подумали, что пора прогуляться к «Полосе К», — все же заговорил Дипейп. — Посмотреть, что к чему. Поискать подтверждение тем словам, которые я услышал от старика в Ритзи.

— И выяснить, что у них за душой, — вставил Рейнолдс. — Развязка близится, Элдред, и рисковать мы не можем. У них, возможно...

— Что? Револьверы? Электрические лампочки? Феи в бутылках? Кто знает? Я подумаю над этим, Клей.

— Но...

— Я же сказал, что подумаю над этим. А теперь отправляйтесь наверх, оба, к своим феям.

Рейнолдс и Дипейп посмотрели на него, переглянулись, затем попятились от стола. Раймер продолжал улыбаться одними губами.

У лестницы Рейнолдс обернулся. Джонас, перемешивая колоду, посмотрел на него, кустистые брови вопросительно поднялись.

— Однажды мы недооценили их, и они выставили нас на посмешище. Мне бы не хотелось, чтобы история повторилась. Ничего больше.

— У тебя все еще свербит в заднице, не так ли? Что ж, у меня тоже. И я повторяю тебе: они за это заплатят. Счет я подготовлю и, когда придет время, представлю его со всеми набежавшими процентами. А пока они не заставят меня высунуться первым. Время на нашей стороне — не на их. Ты это понимаешь?

— Да.

— Постараешься это запомнить?

— Да, — повторил Рейнолдс.

Логика Джонаса, похоже, убедила его.

— Рой? Ты мне доверяешь?

— Да, Элдред. На все сто. — Джонас похвалил его за результаты, полученные в Ритзи, и Дипейп не находил себе места от радости.

— Тогда поднимайтесь вверх и дайте мне обсудить с боссом то, что требует обсуждения. Стар я уже для бессонных ночей.

Когда они ушли, Джонас разложил карты по столу, оглядел зал. Человек двенадцать, включая пианиста Шеба и вышибалу Крикуна, спали на полу и скамьях. Ни один не мог подслушать разговор двух мужчин, сидящих за столиком у двери, даже если бы кто-то из этих алкашей только притворялся, что спит. Джонас положил красную даму на черного валета, потом посмотрел на Раймера:

— Говори, что хотел сказать.

— Эти двое сказали все за меня. Сэй Дипейп не страдает избытком мозгов, но Рейнолдс достаточно умен, не так ли?

— Клей у нас молодец, когда светит луна, а он чисто выбрит, — согласился Джонас. — Неужели ты приехал из Дома-на-Набережной специально для того, чтобы сказать мне, что эти три юнца требуют пристального наблюдения?

Раймер пожал плечами:

— Может, и требуют, и тогда заниматься этим положено мне... все так. Но что мы там найдем? Заранее сказать трудно. — Раймер постучал по одной из карт Джонаса. — Это канцлер.

— Да. Почти такой же урод, как и тот, с которым я сейчас сию. — Джонас положил канцлера... Павла... повыше ряда карт. Вторым он

вытащил Луку, который лег рядом с Павлом. Оставались Петр и Матфей. Джонас всмотрелся в Раймера: — Свои эмоции ты контролируешь лучше моих приятелей, но нервничаешь не меньше, чем они. Хочешь знать, что таится в бункере? Я тебе скажу: запасные сапоги, фотографии мамочек, стоячие носки, заскорузлые простыни, поскольку этим мальчикам вдолбили, что негоже гоняться за овцами... и револьверы, где-нибудь спрятанные, скорее всего под половицей.

— Ты действительно думаешь, что они вооружены?

— Да, Рой все выяснил, сомнений быть не может. Они из Гилеада, похоже, ведут свой род от Артура из Эльда или людей, которые полагают Артура своим предком. Вероятно, они подмастерья или ученики, но им дали револьверы, которых они еще не заслужили. Впрочем, один, высокий, у которого в глазах написано а-мне-на-все-наплевать, возможно, уже стрелок, но я в этом очень сомневаюсь. Слишком молод. Даже если он и стрелок, в открытом поединке я возьму над ним верх. Я это знаю, да и он, пожалуй, тоже.

— Тогда почему их послали сюда?

— Не потому, что во Внутренних феодах заподозрили вашу измену, сэй Раймер... на этот счет можешь не волноваться.

Раймер выпрямился, его длинная шея вылезла из пончо:

— Как ты посмел назвать меня изменником? Как ты *посмел*?

Элдред Джонас одарил министра имущества Хэмбри неприятной улыбкой, придававшей ему сходство с росомахой:

— Я привык называть вещи своими именами и не собираюсь перестраиваться. Тем более что для тебя куда важнее еще одна моя привычка — я никогда не меняю работодателя.

— Если бы я не верил в идеи...

— Какая разница, во что ты веришь? Уже поздно, и я хочу спать. В Нью-Канаане и Гилеаде не имеют ни малейшего понятия о том, что происходит или не происходит во Внешних феодах. Мало кто из тамошних правителей побывал здесь. У них слишком много хлопот, чтобы тратить время на путешествия. Нет, о Внешних феодах они знают только то, что когда-то прочитали в книгах: счастливые ковбои скачут меж табунов, счастливые рыбаки вытаскивают из моря полные сети, счастливые фермеры набивают амбары зерном, а потом все радостно пьют грэф в павильоне «Зеленого сердца». Ради Человека Иисуса, Раймер, не усложняй мне жизнь... Завтрашние проблемы будем решать завтра.

— Они видят Меджис оазисом спокойствия и безопасности.

— Да, деревенскую идиллию, именно так, сомнений тут нет. Они

знают, что их образ жизни... аристократическая иерархия, рыцарство, почитание предков.... горит синим пламенем. Решающая битва может произойти в двух сотнях колес к северо-западу от их границ, но после того как Фарсон использует свои огненные машины и роботов, чтобы уничтожить их армию, его войска покатаются на юг. Во Внутренних феодах есть люди, которые уже лет двадцать ожидают подобного исхода. Они послали этих мальцов не для того, чтобы выведывать твои секреты, Раймер. Такие не посылают своих детей в горнило. Они послали их в безопасное место, только и всего. Естественно, сие не означает, что эти парни слепы или глупы, но ради богов, не будем раздувать из мухи слона. *Они еще дети.*

— Что еще ты можешь там найти, если уж пойдешь?

— Какое-нибудь средство для передачи сообщений. Скорее всего гелиограф. А за карьером Молнии живет пастух или арендатор, которого они подкупили и научили передавать дальше полученное сообщение или относить его в условленное место. Но особого толку от этих сообщений не будет, не так ли? Ответные меры запоздают.

— Возможно, но пока еще не поздно их предпринять. И ты прав. Дети они или нет, но я волнуюсь.

— Говорю тебе, на то нет причины. Скоро я буду богат, а ты — просто купаться в золоте. Если захочешь, станешь мэром. Кто сможет остановить тебя? Торин? Он ничтожество. Корал? Она поможет тебе вздернуть его на суку. А может, тебе захочется стать бароном, если возродятся эти титулы? — Он увидел, как блеснули глаза Раймера, и рассмеялся. Из колоды появился Матфей, и Джонас положил его рядом с двумя канцлерами. — Да, я вижу, тебе именно этого хочется. Драгоценные камни и золото — это хорошо, но до чего приятно, когда люди отбивают тебе поклоны, так?

— Им давно следовало заняться лошадьми. — Раймер не хотел уклоняться от темы.

Руки Джонаса застыли над разложенными картами. Эта мысль не раз приходила ему в голову, особенно в последние две недели.

— Как долго, по-твоему, можно считать сети, лодки и уловы? — спросил Раймер. — Им давно пора перебраться на Спуск, пересчитывать коров и лошадей, заглядывать в амбары, изучать книги учета. Они уже две недели как должны перейти туда. Если только они уже не знают, что там найдут.

Джонас понимал, на что намекает Раймер, но отказывался в это верить. *Не мог поверить.* Откуда такая скрытность в мальчишках, которые брились

раз в неделю?

— Нет. В тебе говорит чувство вины. Просто они боятся что-либо упустить, а потому ползут, как полуослепшие старики. Скоро они появятся на Спуске, и тогда счет пойдет на их сердца.

— А если нет?

Хороший вопрос. Наверное, придется избавиться от них, предположил Джонас. Устроить засаду. Три выстрела, и деток больше нет. Конечно, город будет скорбеть, мальчишек здесь полюбили, но до праздника Жатвы Раймер сможет удержать ситуацию под контролем, а потом хоть трава не расти. Однако...

— Я загляну на «Полосу К», — наконец выдавил из себя Джонас. — Один... не хочу, чтобы Клей и Рой тащились со мной.

— Отлично.

— Может, ты захочешь составить мне компанию?

Ледяная улыбка вновь искривила губы Кимбы Раймера:

— Думаю, что нет.

Джонас кивнул и вновь начал тасовать карты. Осмотр «Полосы К» — мероприятие рискованное, но особых трудностей он не ждал... особенно если пойдет один. В конце концов, они всего лишь *мальчишки*, да и уезжали обычно на целый день.

— Когда я могу получить полный отчет, сэй Джонас?

— Когда у меня будет что сказать. Подгонять меня не надо.

Раймер вскинул руки:

— Прошу меня извинить, сэй.

Джонас кивнул, удовлетворенный ответом Раймера. Вскрыл карту. Петр, канцлер-ключник. Он положил карту в верхний ряд и долго смотрел на нее, поглаживая пальцами длинные седые волосы. Когда же он перевел взгляд с лежащих на столе карт на Раймера, у того брови изумленно взлетели вверх:

— Ты улыбаешься.

— Да! — Джонас вновь начал тасовать карты. — Я счастлив! Все четыре канцлера вскрыты. Думаю, что из этой игры я выйду победителем.

Риа Охотничья Луна принесла только раздражение. Планы ее не осуществились, а благодаря прыжку шестилапой твари она так и не узнала, в чем причина. Этот молодой жеребчик, который скушал вишенку Сюзан

Дельгадо, каким-то образом не позволил ей обрить голову. Но каким именно? И кто он на самом деле? Риа все чаще задумывалась об этом, и любопытство ее нарастало вместе с яростью. Риа с Кооса не привыкла к тому, чтобы ее оставляли с носом.

Она посмотрела на Масти. Кот лежал у противоположной стены и не сводил с нее глаз. Обычно он предпочитал камин (ему нравился холодный ветерок, которым тянуло из трубы), но после того как она подпалила ему шкуру, перебрался к ящику для дров. И, наверное, правильно сделал, учитывая настроение Риа.

— Тебе повезло, что ты еще жив, ворлок, — пробурчала старуха.

Она повернулась к хрустальному шару, начала водить над ним руками, но он лишь светился розовым — образы внутри не появлялись. Наконец Риа поднялась, подошла к двери, распахнула ее, посмотрела на ночное небо. Светилась уже большая часть луны, и на яркой поверхности четко проступала Охотница. Ей-то и достался поток ругательств, который Риа не рискнула выплеснуть на магический кристалл (кто знает, что таится у него внутри и как он отреагирует на такие слова). Дважды она ударила кулаком по двери, вывалив весь ругательный запас, не забыв даже те словечки, которыми обменивалась малышня, играя в дворовой пыли. Никогда еще ее не охватывала такая злость. Она отдала девушке приказ, а та, не важно, по каким причинам, не повиновалась. Пойдя против Риа с Кооса, эта сука заслужила смерть.

— Но не сейчас, — прошептала старуха. — Сначала ее вываляют в грязи, потом с головой искупают в моче, чтобы ею пропитались эти светлые волосы, которыми она так гордится. Унизят... оскорбят... оплюют...

Она вновь ударила кулаком об дверь, на этот раз с такой силой, что до крови ободрала костяшки пальцев. Злилась ведьма не только потому, что девушка не повиновалась приказу, полученному под гипнозом. Из-за этого Риа не находила себе места и в таком состоянии не могла использовать хрустальный шар на полную катушку. Он «включался» лишь на непродолжительные периоды времени. Пассы и заклинания не помогали. Она прекрасно знала, что слова и жесты — лишь способ концентрации воли. Именно на это реагировал магический кристалл — на сконцентрированную волю. А мысли об этой шлюхе и ее молодом любовнике отвлекали Риа, злили, не давали сосредоточиться на главном. Вот розовый туман внутри шара и не рассеивался. Злость мешала ей увидеть сокрытое туманом.

— Как я смогу заставить его открыться? — спросила Риа женщину на

луне. — Скажи мне! *Скажи!*

Но Охотница ничего ей не сказала, и Риа ушла в хижину, посасывая кровоточащие костяшки пальцев.

Масти увидел ее и забился в зазор между трубой и ящиком для дров.

Глава вторая

ДЕВУШКА У ОКНА

1

Охотница начала «набивать живот», как говорили старожилы: даже в полдень луна виднелась в небе, поблескивая в ярком осеннем свете. Перед различными заведениями вроде «Приюта путников» и на открытых верандах хозяйских домов на больших ранчо вроде «Рокинг Б» Ленджилла или «Ленивой Сюзан» Ренфрю начали появляться одетые в лохмотья пугала с набитыми соломой головами. Обязательно в сомбреро и с корзиной, наполненной дарами нового урожая в руках. Каждое пугало смотрело на пустеющие поля белыми, вышитыми стежками глазами.

Телеги с кабачками забили дороги. Ярко-оранжевые тыквы и мешки с морковью перекачивали в сараи. На полях полным ходом убирали картофель. Деревянные фигуры Хранителей на крыльце продовольственного магазина в Хэмбри украсили «урожайные» амулеты.

По всему Меджису девушки шили праздничные наряды для ночи Жатвы (и плакали над ними, если что-то не получалось), мечтая о юношах, с которыми они будут танцевать в павильоне «Зеленого сердца». Их младшие братья с трудом засыпали, думая о тех играх, развлечениях и призах, которые сулил им карнавал. Даже родители иногда лежали без сна, несмотря на гудящие руки и ноющие от тяжелой работы спины, предвкушая радости ярмарки Жатвы.

Лето ушло, взмахнув напоследок зеленым подолом: пришла пора сбора урожая.

2

Риа плевать хотела на праздничные танцы и карнавальные игры, но спалось ей не лучше тех, кто никак не мог дожидаться ярмарки Жатвы. Чуть ли не каждую ночь она до рассвета лежала без сна, голова ее гудела от ярости. Незадолго до той ночи, когда Джонас держал совет с канцлером Раймером, она решила напиться, дабы спиртное принесло желанное забытие. И настроение у нее отнюдь не улучшилось, когда она обнаружила,

что бочонок с грэфом практически пуст: воздух вновь огласили ругательства.

Она уже собралась выдать новую порцию, когда ее осенила идея. Изумительная идея. *Блестящая* идея. Она хотела, чтобы Сюзан Дельгадо отрезала себе волосы. Не отрезала, хотя Риа по-прежнему не понимала, в чем причина. Зато она узнала о девушке *кое-что* интересное, не так ли? Кое-что интересное, нет, очень интересное, более чем.

Риа не собиралась идти с имеющимися у нее сведениями к мэру Торину: почему-то она надеялась, глупо, по-детски, что мэр забыл и о ее существовании, и о том, что вручил ей на хранение чудесный хрустальный шар. А вот насчет девушкиной тетки... Допустим, Корделия узнает, что ее племянница не только потеряла невинность, но и все более уподобляется шлюхе? Риа не думала, что Корделия помчится к мэру... женщина эта, конечно, ханжа, но далеко не дура... однако неплохо запустить кота в голубятню, не так ли?

— Мяу!

Масти, стоявший в полоске лунного света, словно понял, что хозяйка думает о кошках. Он смотрел на нее с надеждой и недоверием. Риа, отвратительно улыбаясь, раскрыла ему объятия:

— Иди ко мне, мой драгоценный! Иди ко мне, мой сладенький!

Масти, поняв, что все обиды забыты, поспешил на руки Риа, громко замурлыкав, когда Риа начала вылизывать его мордочку старым желтоватым языком. В ту ночь ведьма с Кооса впервые за неделю крепко спала, а когда утром взяла в руки магический кристалл, розовый туман сразу рассеялся. И весь день она не отрывала от него глаз, шпионя за людьми, которых ненавидела, ничего не ела, изредка прикладываясь к кружке с водой. А на закате Риа вышла из транса, вспомнив, что еще не приступила к реализации осенившей ее идеи. Впрочем, это ее не огорчило. Она уже знала, что надо делать... а теперь *могла* увидеть в хрустальном шаре результаты своих трудов! Все крики и упреки! И слезы Сюзан. Более всего ей хотелось увидеть слезы униженной Сюзан.

— У меня будет своя жатва, — сказала она Эрмоту, который взбирался по ноге Риа, подбираясь к тому местечку, где ей и хотелось его видеть. Мало кто из мужчин может улаживать тебя так, как Эрмот, подумала она, очень мало. И Риа радостно засмеялась.

— Помни о своем обещании, — нервно бросил Ален Катберту, когда они услышали приближающийся топор копыт. — Держи себя в руках.

— Я помню, — ответил Катберт, но сомнения его не рассеялись. И когда Роланд, обогнув бункер, въехал во двор, отбрасывая длинную тень в закатных лучах, нервно сжал кулаки. Потом велел пальцам разжаться, что они и сделали. А когда Роланд спешился, вновь сжались, впившись ногтями в ладони.

Еще одна стычка, подумал Катберт. О боги, как меня от них тошнит. Смертельно тошнит.

В прошлый вечер они схлестнулись из-за голубей... опять. Катберт хотел послать на запад сообщение о цистернах с нефтью, Роланд — нет. Они поспорили. Да только (и это раздражало Катберта ничуть не меньше постоянного ноющего шепота червоточины) Роланд не спорил. В эти дни Роланд ни с кем не спорил. Смотрел на них отсутствующим взглядом, будто в бункере находилось только его тело. А все остальное, разум, душа, ка, пребывали с Сюзан Дельгадо.

— Нет, — просто сказал он. — Сообщать об этом поздно.

— Откуда ты знаешь? — заспорил Катберт. — И даже если поздно ждать помощи из Гилеада, совсем не поздно получить оттуда совет. Неужели ты так слеп, что не видишь этого?

— Какой совет они могут нам дать? — Роланд, похоже, не замечал резких ноток в голосе Катберта. Его голос оставался ровным и спокойным. И совершенно неадекватным, по мнению Катберта, сложившейся критической ситуации.

— Если б мы знали, нам не пришлось бы гадать об этом, не так ли, Роланд?

— Мы можем только ждать и остановить их, когда они перейдут к действиям. Ты ищешь покоя, Катберт, а не совета.

Ты готов ждать, пока можешь трахать ее сколько хочется и куда хочется, подумал Катберт. Снизу, сверху, сзади или спереди.

— По-моему, у тебя нет четкого представления о происходящем вокруг, — холодно бросил Катберт. Услышал, как ахнул Ален. Никогда раньше ни один из них не позволял себе сказать такое Роланду, но слово вылетело, и он ожидал взрыва. Которого не последовало.

— Есть, — ответил Роланд и прошел в бункер. И вот теперь, наблюдая, как Роланд снимает с Быстрого седло, Катберт подумал: *нет, и ты это знаешь. Но тебе пора прочистить мозги. Клянусь богами, давно пора.*

— Хайл, — приветствовал он Роланда, когда тот принес седло к крыльцу и положил на ступеньку. — Вторую половину дня провел в трудах

и заботах? — Ален пнул его в щиколотку, но Катберт не отреагировал.

— Я виделся с Сюзан, — ответил Роланд, не считая необходимым что-то выдумывать.

На мгновение перед мысленным взором Катберта возникла четкая и ясная картинка: Роланд и Сюзан в какой-то хижине, лучи послеполуденного солнца проникают в дыры крыши и освещают их. Она наверху, оседлав его, как жеребца. Катберт видел ее колени, упирающиеся в старые, полусгнившие доски, напрягшиеся бедра. Видел, какие у нее загорелые руки, какой белый живот. Видел ладони Роланда, охватывающие чаши ее налитых грудей, сжимающие их, когда ее тело ходило взад-вперед, видел, как солнце зажигает золотым огнем ее волосы.

Почему ты всегда первый? — мысленно крикнул он Роланду. *Почему именно ты? Пусть поберут тебя боги, Роланд! Пусть поберут!*

— Мы провели день в порту, — продолжил Катберт. — Считали рыбацкое снаряжение и буи. Интересное занятие, не так ли, Ален?

— Вы хотите, чтобы я вам в этом помогал? — Роланд вернулся к Быстрому, снял потник. — Поэтому ты так зол?

— Если я злюсь, то лишь потому, что рыбаки смеются за нашими спинами. Мы приходим и проходим. Роланд, они думают, что мы дураки.

Роланд кивнул:

— Это хорошо.

— Возможно, — согласился Ален, — но Раймер не считает нас дураками... это видно по его глазам, когда мы проходим мимо него. Не считает и Джонас. А если для них мы не дураки, за кого они нас держат?

Роланд стоял на второй ступеньке, забыв о попоне, которую держал в руках. На мгновение мы удостоились его внимания, подумал Катберт. Видать, и в наше время есть место чудесам.

— Они думают, что мы избегаем Спуска, потому что уже знаем, что там найдем, — ответил Роланд. — А если еще так не думают, то скоро к этому придут.

— У Катберта есть план.

Взгляд Роланда, уже более осмысленный, заинтересованный, сместился на Катберта. Катберта-шута. Катберта-подмастерье, у которого не было ни единого шанса заслужить револьвер, с которым его отправили на восток на Внешнюю Дугу. Катберта-девственника и вечно второго. *Боги, я не хочу его ненавидеть. Я не хочу, но как это легко.*

— Завтра утром мы с тобой заглянем к шерифу Эвери. Обставим все как визит вежливости. Мы уже зарекомендовали себя учтивыми, хоть и слегка придурковатыми молодыми людьми, не так ли?

— Есть такое, — с улыбкой согласился Роланд.

— Мы скажем, что наконец-то покончили с береговым сектором Хэмбри и теперь надеемся так же скрупулезно осмотреть каждую ферму и ранчо. Но мы не хотим доставлять лишних хлопот и путаться под ногами. В конце концов время сейчас самое жаркое как для ранчеров, так и для фермеров — уборка урожая, и это понимают даже такие городские олухи, как мы. Вот мы и хотим передать доброму шерифу список...

Глаза Роланда вспыхнули. От швырнул потник на перила, схватил Катберта за плечи, крепко обнял. Катберт уловил запах лилий на воротнике Роланда и ощутил безумное желание сдавить пальцами его шею и задушить. Вместо этого он лишь похлопал Роланда по спине.

Роланд отпрянул, губы его разошлись в широкой ухмылке.

— Список ранчо, которые мы хотим посетить, — воскликнул он. — Да! Чтобы они могли перегнать лошадей, которых нам видеть не следует, на соседние ранчо. Перенести лишнее продовольствие, упряжь... Великолепно, Катберт! Ты — гений!

— Отнюдь, — ответил Катберт. — Возможно, я уделил чуть больше времени проблеме, касающейся нас всех. Касающейся, возможно, всего Альянса. Думать нам надо. Ты согласен?

Алена передернуло. Но Роланд шпильки словно и не заметил. Он по-прежнему ухмылялся. Даже в четырнадцать лет его ухмылка вызывала тревогу. Ухмыляясь, Роланд чем-то смахивал на безумца.

— Знаешь, возможно, они даже соберут для нас какое-то количество мутантов, чтобы мы продолжали верить, что с чистотой породы у них большие трудности. — Он помолчал, вроде бы задумавшись, потом добавил: — Почему бы тебе не поехать к шерифу с Аленом, Берт? Я думаю, так будет лучше.

В этот момент Катберт едва не набросился на Роланда с кулаками. Из груди уже рвался крик: *Действительно, почему? Тогда ты смог бы долбить ее не только во второй половине дня, но и утром! Ты идиот! Ошалевший от любви идиот!*

Спас его Эл... возможно, спас их всех.

— Не говори ерунды, — резко бросил он, и Роланд в удивлении повернулся к нему. От Алена он такого не ожидал. — Ты у нас главный, Роланд. Это признают и Торин, и Эвери, и горожане. Да и мы тоже.

— Никто меня не уполномочивал...

— Никто и не должен! — вмешался Катберт. — Ты заслужил револьверы! Местные едва ли в это поверят... я сам до сих пор верю с трудом... но ты *стрелок*! Ты должен идти! Это же ясно как божий день! Не

важно, кто будет сопровождать тебя, но ты должен ехать! — Он мог бы сказать больше, много больше, но если бы сказал, к чему бы это привело? Или он хотел поставить жирную точку на их дружбе? Поэтому он крепко сцепил зубы, на этот раз даже без пинка Алена... и вновь стал ждать взрыва. Которого вновь не последовало.

— Хорошо. — И говорил Роланд иначе, не так, как раньше, когда Катберту хотелось укунить его, чтобы разбудить. — Завтра утром. Ты, Берт, и я. Восемь часов тебя устроит?

— Вполне. — Теперь, по завершении дискуссии, сердце его бешено билось, а ноги стали ватными. То же самое испытывал он и после стычки с Большими охотниками за гробами.

— Мы предстанем в лучшем виде, — продолжил Роланд. — Милые мальчики из Внутренних феонов, с наилучшими намерениями, но без избытка мозгов. Отлично. — И он прошел в бункер: ухмылка (к удовольствию Алена и Катберта) уступила место легкой улыбке.

Катберт и Ален переглянулись и шумно выдохнули. Катберт кивнул в сторону двора и спустился по ступенькам. Ален последовал за ним, и они вышли на середину прямоугольного расчищенного участка земли, встали спиной к бункеру. На востоке из-за облаков выплывала луна.

— Она его зачаровала, — прошептал Катберт. — Хочет она этого или нет, но в итоге она всех нас погубит. Скорее да, чем нет.

— Не следует такого говорить, даже в шутку.

— Ладно, возложит на нас корону Эльда, и мы будем жить вечно.

— Тебе надо перестать злиться на него, Берт. Надо.

Катберт повернулся к Алену:

— Не могу.

До сезона дождей оставался еще месяц, но следующее утро выдалось пасмурным. В воздухе висела морось. Роланд и Катберт закутались в пончо и поскакали в город, оставив Алена прибираться по дому. За пояс Роланд заткнул список ферм и ранчо, которые им хотелось осмотреть, начав с трех маленьких, принадлежащих феоду. Список они составили накануне вечером. Спешка не предусматривалась: график растянулся до Нового года и в точности соответствовал темпу, которого они придерживались при работе в порту.

По пути в город оба молчали, занятые своими мыслями. Когда они

проезжали мимо домика Дельгадо, Роланд вскинул голову и увидел Сюзан, сидящую у окна, яркое пятно в сером утреннем свете. Сердце его подпрыгнуло, и хотя тогда он этого не знал, видение это осталось с ним навсегда: очаровательная Сюзан, девушка у окна. Так мы проскакиваем мимо призраков, которые потом всю жизнь преследуют нас. Они сидят у дороги, словно смиренные нищие, и мы видим их только уголком глаза, если вообще замечаем. Мысль о том, что они могут поджидать нас, даже не приходит в голову. Однако они ждут, а когда мы проносимся мимо, собирают свои пожитки и бросаются за нами, идя по нашему следу и мало-помалу настигая нас.

Роланд вскинул руку, приветствуя ее. Рука двинулась ко рту, чтобы послать воздушный поцелуй, но в последнее мгновение он опомнился. И рука проследовала мимо губ ко лбу, отдавая Сюзан честь.

Сюзан улыбнулась и помахала рукой в ответ. Никто из них не видел Корделию, которая вышла в дождь, чтобы собрать последние кабачки и морковь. Тетка Сюзан стояла в нахлобученном на голову сомбреро, наполовину скрытая пугалом, охраняющим грядку с тыквами. Она наблюдала, как мимо проехали Роланд и Катберт (Катберт ее несколько не интересовал в отличие от его спутника), потом перевела взгляд на Сюзан, сидящую у окна, прекрасную, как райская птица в золоченой клетке.

И тут Корделию прямо в сердце кольнула игла подозрения. Очень уж резко изменилось поведение Сюзан: чередующиеся приступы печали и ярости уступили место смирению с неизбежным. А может, за смирение она принимала что-то иное?

— Ты сошла с ума, — прошептала Корделия себе под нос, но пальцы ее по-прежнему крепко сжимали мачете. Она опустилась на колени на мокрую землю и продолжила прерванное занятие: отрубала морковную ботву. — Между ними ничего нет, я бы знала. Подростки в таком возрасте ничего не могут скрыть... как... как пьяницы в «Приюте».

Но как они улыбались. Как они улыбались друг другу.

— Совершенно нормально, — ответила на свой же вопрос Корделия, продолжая рубить и отбрасывать ботву, рубить и отбрасывать. Шептать она начала недавно, поскольку с приближением праздника Жатвы общение с дочерью брата давалось ей все труднее. — Люди часто улыбаются друг другу, обычное дело.

То же самое относилось и к вскинутой в приветствии руке, и ответной реакции Сюзан. Симпатичный кавалер салютует красивой девушке. Девушка, довольная тем, что ее красота не осталась незамеченной, машет ему рукой. Все естественно. Однако...

Его взгляд... и ее взгляд.

Ерунда, конечно. Но...

Но она заметила кое-что еще.

Да, возможно. На мгновение ей показалось, что Роланд хотел послать Сюзан воздушный поцелуй... потом сообразил, чем это чревато, и в последний момент вскинул руку выше, отдав честь.

Даже если ей это не привиделось, не следует делать далеко идущих выводов. Юные кавалеры горазды на фривольности, особенно вырвавшись из-под надзора отцов. А за этой троицей тянется шлейф прегрешений.

Однако все доводы не выдернули из сердца леденящую иглу подозрения.

5

На стук Роланда дверь открыл Джонас. На его груди красовалась звезда помощника шерифа, он окинул их бесстрастным взглядом:

— Добрый день. Заходите, на улице очень уж сыро.

Он отступил в сторону, давая им пройти. Его хромота в этот день особенно бросалась в глаза: Роланд решил, что причиной тому — погода.

Роланд и Катберт переступили порог. В углу горел газовый обогреватель, несомненно, наполненный от «свечки» в СИТГО, и большая комната, такая прохладная в жаркий день, встретила их приятным теплом. В трех камерах сидели пятеро забулдыг: четверо мужчин, по двое, и одна женщина в камере посередине. Женщина привалилась к стене, широко развалив ноги и демонстрируя красные панталоны. Роланд подумал, что если она чуть дальше засунет палец в нос, то уже не сможет его вытащить. Клей Рейнолдс подпирал плечом доску объявлений, ковыряя в зубах соломинкой. За столом сидел помощник шерифа Дейв, поглаживая подбородок и хмуро глядя сквозь монокль на доску. Роланда несколько не удивило, что их появление прервало игру в «Замки».

— Посмотри, кто к нам пришел, Элдред! — подал голос Рейнолдс. — Это же мальчики из Привходящего мира! Ваши мамочки знают, что вы в такую погоду вышли из дома?

— Знают, — весело ответил Катберт. — А вы хорошо выглядите, сэй Рейнолдс. От дождя у вас разглаживаются оспины на лице, не так ли?

Не взглянув на Берта и продолжая улыбаться, Роланд ткнул его локтем в бок.

— Извините моего друга, сэй. Его чувство юмора частенько

перехлестывает границы хорошего тона. Он ничего не может с этим поделать. Нам нет нужды цапаться друг с другом... мы же решили не поминать прошлое, не так ли?

— Да, конечно, тот случай — не более чем недоразумение. — Джонас захромал к столу и игровой доске. Когда он садился, улыбка сменилась болезненной гримасой. — Я хуже старого пса. Пора отправить меня на покой. Земля холодна, зато ничего не болит, так, парни?

Он посмотрел на доску и двинул пешку в обход Укрепления. Он начинал атаку, опасный маневр... хотя в данном конкретном случае и не очень, подумал Роланд. Помощник шерифа Дейв на сильного соперника не тянул.

— Я вижу, вы теперь работаете на благо феода. — Роланд указал на звезду на рубашке Джонаса.

— Приходится, — вздохнул Джонас. — Один из помощников Эвери сломал ногу. Я его замещаю, ничего больше.

— А сэй Рейнолдс? Сэй Дипейп? Они тоже?

— Пожалуй, что да... Как ваша работа с рыбаками? Я слышал, движется медленно?

— Уже закончена. Дело не в медлительности. Нас отправили сюда в наказание, вот мы и хотим уехать с гордо поднятыми головами. Поэтому и старались. Не зря говорят: тише едешь — дальше будешь.

— Говорят, — согласился Джонас. — Правда, не знаю, кто.

Из глубины здания донесся звук спускаемой воды. *Однако шериф Хэмбри привык у удобствам*, подумал Роланд. За шумом воды слышались тяжелые шаги, спускающиеся по лестнице, и несколько минут спустя появился Херк Эвери. Одной рукой он застегивал пояс, другой вытирал пот с широкого потного лба.

— Уф! — воскликнул шериф. — Эта фасоль, которую я съел вчера вечером, нашла короткий путь, доложу я вам. — Он посмотрел на Роланда, на Катберта, вновь на Роланда: — Что, мальчишки? В дождь считать сети неохота, так?

— Сэй Диаборн как раз сказал, что все сети они пересчитали. — Джонас пробежался пальцами по длинным седым волосам. За его спиной Клей Рейнолдс вновь привалился плечом к доске объявлений, глядя на Роланда и Катберта с откровенной неприязнью.

— Да? Вот и отлично, вот и отлично. Что теперь, молодежь? Можем мы вам чем-нибудь помочь? Мы сделаем все, что в наших силах, всегда протянем руку помощи. Только скажите.

— Помочь нам вы *можете*. — Роланд достал из-за пояса список. —

Мы должны перебраться на Спуск, но не хотим никому мешать.

Широко улыбаясь, помощник шерифа Дейв вывел рыцаря из-за своего Укрепления. Джонас тут же атаковал, вскрыв весь левый фланг Дейва. Улыбка сползла с лица Дейва, уступив место безмерному изумлению.

— Как это тебе удалось?

— Легко, — улыбнулся Джонас и отодвинулся от доски, чтобы разделить с остальными свой успех. — Ты должен помнить, Дейв, что я играю только на выигрыш. Ничего не могу с собой поделаться, это у меня в крови. — Он повернулся к Роланду. Улыбка стала шире. — Как сказал скорпион умирающей девушке: «Ты знала, что я ядовитый, когда брала меня в руки».

6

Покормив скотину и вернувшись в дом, Сюзан направилась напрямиком в кладовую за соком. Она не заметила тетку, которая стояла у трубы и наблюдала за ней. Поэтому вздрогнула, когда Корделия к ней обратилась. Поразил ее не столько внезапно раздавшийся голос, сколько ледяной тон:

— Ты его знаешь?

Кувшин с соком выскользнул из пальцев Сюзан, и она едва успела подхватить его снизу второй рукой. Апельсиновый сок стоил немало, особенно в это время года. Она повернулась и увидела Корделию, стоящую у ящика с дровами. Сомбреро та повесила на крюк у двери, но еще не сняла пончо и замызганные сапоги. Мачете с прилипшей к лезвию морковной ботвой лежало на ящике с дровами. Голос ее источал лед, зато глаза горели огнем подозрительности.

Но паники Сюзан не почувствовала. Наоборот, ей открылась единственно верная линия поведения.

Скажи нет, и ты обречена, подумала она. Спроси кто, и результат будет тем же. Остается только...

— Я знаю их обоих, — буднично ответила она. — Я познакомилась с ними на приеме у мэра. Так же, как и ты. Ты испугала меня, тетя.

— Почему он отсалютовал тебе?

— Откуда мне знать? Наверное, захотелось.

Тетка рванулась к ней, поскользнувшись, но удержалась на ногах и схватила Сюзан за руки.

— Не наглей со мной, девочка! Умерь свой пыл, мисс Юная Красавица, или...

Сюзан с такой силой вырвала руки, что Корделию качнуло и она вновь могла бы упасть, если б не ухватила за оказавшийся под рукой стол. От двери за ней по чистому полу кухни тянулась цепочка грязных следов.

— Еще раз назови меня так, и я... я ударю тебя! — выкрикнула Сюзан. — Вот увидишь, ударю!

Губы Корделии растянулись, обнажив в яростной ухмылке зубы.

— Ты ударишь единственную родственницу отца? Неужели ты дойдешь до такого?

— Почему нет? Разве ты не била меня, тетя?

Глаза Корделии чуть притухли, ухмылка исчезла.

— Сюзан! Что ты говоришь? Не больше пяти-шести раз с тех пор, как ты научилась ходить. И лишь когда ты тянулась к кастрюле с кипящей водой или...

— В эти дни ты чаще бьешь меня своим ртом, — согласилась Сюзан. — Я это терпела, такая уж я дура, но с меня хватит. Больше этого не будет. Если я достаточно взрослая, чтобы меня за деньги укладывали в постель к мужчине, значит, я уже в том возрасте, когда ты должна придерживать язык, разговаривая со мной.

Корделия открыла было рот, чтобы вступить за себя... атака Сюзан застала ее врасплох, как и обвинения... но тут же поняла, как ловко уводят ее от первоначальной темы: парней. Или парня.

— Ты знакома с ним только по вечеринке, Сюзан? Я про Диаборна, — а я думаю, что с тех пор ты узнала его куда лучше.

— Я видела его и в городе. — Сюзан смотрела тетке прямо в глаза, хотя это стоило ей немалых усилий: ложь обычно следует за полуправдой, как ночь — за сумерками. — В городе я видела всех троих. Ты довольна?

Нет, Сюзан это видела, тетку такое объяснение не устроило.

— Ты поклянешься мне, Сюзан... поклянешься мне именем своего отца... что ты не встречаешься с этим Диаборном?

Все прогулки верхом под вечер, думала Сюзан. Все отговорки. Все попытки сохранить наши отношения в тайне. А теперь наши усилия идут прахом из-за одного беспечного взмаха рукой в дождливое утро. Вот как велик риск. А разве мы думали, что будет иначе? Неужели мы были такими глупцами?

Да... и нет. Они были не глупцами — безумцами. Такими и оставались.

Сюзан вспомнились глаза отца в тех редких случаях, когда он ловил ее на лжи. В них читалось разочарование. Ее ложь, пусть и невинная, причиняла ему боль, как царапина от шипа.

— Ни в чем я тебе клясться не собираюсь, — отрезала Сюзан. — Ты не имеешь права просить меня об этом.

— Клянись! — взвизгнула Корделия и опять ухватилась за стол, словно ища опоры. — Клянись! Клянись! Это тебе не игрушки! Ты уже не ребенок! Клянись! Клянись, что ты все еще девственница!

— Не буду. — И Сюзан повернулась, чтобы уйти. — Сердце ее колотилось в бешеном ритме. В кухонном окне, выходящем на Спуск, она увидела отражение тети Корд, направляющейся к ней с поднятой рукой, с сжавшимися в кулак пальцами. Не поворачиваясь, Сюзан предупреждающе вскинула руку: — Не смей поднимать на меня руку. Не смей, сука.

Она увидела, как у отражения женщины широко раскрылись глаза. Увидела, как отражение-кулак разжался, отражение-рука упала вниз.

— Сюзан. — В голосе Корделии слышались боль и обида. — Как ты можешь так обзывать меня? Что случилось с твоим языком и твоим отношением ко мне?

Сюзан молча покинула кухню и прошла в конюшню. Здесь ее встретили знакомые с детства запахи: лошадей, сена, упряжи. И она попыталась вернуться туда, забыв о сегодняшнем дне. Пилон повернулся, чтобы посмотреть на нее, тихонько заржал. Сюзан положила голову ему на шею и заплакала.

— Ну вот! — воскликнул шериф Эвери, когда сэй Диаборн и сэй Хит ушли. — Как ты и говорил, они такие медлительные только потому, что хотят все сделать как надо. — Он еще раз просмотрел список и довольно хохотнул: — Ты только взгляни! Какая прелесть! Ура! Мы успеем заранее убрать все то, что видеть им ни к чему.

— Они дураки, — добавил Рейнолдс... но он все равно хотел еще раз встретиться с ними на узкой дорожке. Если Диаборн думал, что прошлое позабыто и в той истории в «Приюте путников» поставлена точка, то он не просто дурак, а полный идиот.

Помощник шерифа Дейв не сказал ничего. Сквозь монокль он взирал на игровую доску, на которой Джонас в шесть ходов сокрушил всю его белую армию. Силы Джонаса обрушились на нее, как потоп, не оставив Дейву ни малейшего шанса на благополучный исход.

— Мне просто не терпится одеться потеплее и отвезти эту бумагу в Дом-на-Набережной. — Эвери все смотрел на список ферм и ранчо с

предлагаемыми датами инспекции. До Нового года и позже. О боги!

— Действительно, почему бы тебе не съездить туда. — Джонас поднялся. Боль молнией прострелила сломанную ногу.

— Еще партию, сэй Джонас? — предложил Дейв, начав расставлять на доске фигуры.

— Жаль терять на тебя время, — ответил Джонас и усмехнулся, увидев, как Дейв залился краской. Прохромал к двери, открыл ее и вышел на крыльцо. Морось перешла в дождь. На пустынной Холмовой улице блестела мокрая брусчатка. Рейнолдс последовал за боссом.

— Элдред...

— Уйди, — не поворачиваясь, бросил Джонас.

Клей помялся, потом вернулся в комнату, закрыл дверь.

Что с тобой такое? — спросил себя Джонас.

Вроде бы ему следовало радоваться, что эти два щенка принесли свой список... как обрадовался Эвери, как обрадуется Раймер, когда услышит об этом утреннем визите. В конце концов, не он ли сказал Раймеру три дня назад, что эти мальчишки скоро перейдут на Спуск? Да, сказал. Тогда почему ему так тревожно? Почему он не находит себе места? Только потому, что нет никаких известий от посланца Фарсона, Латиго? Потому что Рейнолдс вернулся с пустыми руками от Скалы Висельников, а потом никого не нашел там и Дипейп? Конечно же, нет. Латиго придет вместе со своим отрядом, но так скоро они подойти не могли, и Джонас это знал. До праздника Жатвы еще почти месяц.

Значит, все дело в плохой погоде, которая действует на твою ногу, бередя старую рану, отчего у тебя портится настроение?

Нет. Нога, конечно, болела, но бывало, когда она болела куда как сильнее. А тревога шла от головы. Джонас привалился к стойке, поддерживающей навес над крыльцом, прислушиваясь к шуму дождя, барабанищего по черепице, думая о том, как в игре в «Замки» умелый игрок, выглянув из-за Укрытия, тут же ретируется. Вот и тут он, похоже, столкнулся с той же ситуацией: слишком уж все выходило гладко. Безумная идея, но не такая уж безумная, если присмотреться повнимательнее.

— Уж не пытаешься ли ты играть со мной в «Замки», пацан? — пробормотал Джонас. — Если так, ты скоро будешь сожалеть о том, что не остался у своей мамочки. Еще как будешь сожалеть.

Роланд и Катберт возвращались на «Полосу К» вдоль Спуска — сегодня они ничего считать не собирались. Поначалу, несмотря на дождь и низкие серые облака, к Катберту вернулась свойственная ему веселость.

— Ты видел их лица? — засмеялся он. — Видел, Роланд... извини, Уилл? Они заглотнули наживку, не так ли? Заглотнули не поперхнувшись.

— Да.

— Что нам теперь делать? Каков наш следующий ход?

Роланд тупо взглянул на него, словно вопрос Катберта вырвал его из дремы:

— Следующий ход их. Мы считаем. И ждем.

Хорошее настроение Катберта лопнуло как мыльный пузырь, и вновь ему пришлось сдерживать закипающее раздражение. А закипало оно по двум причинам: во-первых, по его разумению, Роланд манкировал своими обязанностями, чтобы предаваться любовным утехам в объятиях известной молодой дамы, во-вторых, и эту причину он полагал гораздо более важной, Роланд потерял хватку именно в тот момент, когда Срединный мир более всего в ней нуждался.

Только какими обязанностями Роланд манкировал? И откуда у него такая уверенность в профессиональной непригодности Роланда? Она основана на логике? Интуиции? Или обычной ревности (читай — зависти)? Катберт вспомнил о том, с какой легкостью Джонас разгромил армию Дейва, когда помощник шерифа слишком рано высунулся из-за Укрепления. Но жизнь не игра в «Замки»... или игра? Однозначный ответ Катберт дать не мог. Но одно он знал точно, в этом его союзницей была интуиция: Роланд гребет не туда. А они плывут вместе с ним.

Проснись, мысленно взмолился Катберт. Пожалуйста, Роланд, проснись, пока не поздно.

Глава третья

ИГРА В ЗАМКИ

1

На следующей неделе погода словно советовала людям укладываться в кровать после ленча и не вылезать из нее до обеда, а из дома выходить лишь по крайней на то надобности. Конечно, дождь не лил как из ведра, но превратил сбор яблок в опасное занятие (несколько человек сломали ноги, а в Семимильном саду молодая женщина, упав с верхней перекладки лестницы, серьезно повредила позвоночник), а уборку картофеля — в пытку: большая часть времени уходила на то, чтобы вытягивать из грязи телеги. В «Зеленом сердце» праздничные гирлянды, развешанные к ярмарке Жатвы, намокли, и их пришлось убрать. Добровольцы-оформители со всевозрастающим нетерпением ждали, когда же погода улучшится и они смогут вновь приняться за работу.

Неудачной выдалась погода и для молодых людей, задача которых состояла в том, чтобы сосчитать все и вся, но по крайней мере они могли начать заглядывать в коровники, свинарники и конюшни и считать поголовье коров, свиней, лошадей. А вот молодой мужчина и молодая женщина, только что открывшие для себя радости плотской любви, на погоду не жаловались, однако за время дождей Роланд и Сюзан встретились лишь дважды. Опасность того, что тайное станет явным, буквально висела в воздухе.

Первый раз — в покинутом сарае на Прибрежной дороге. Второй — в полуразрушенном здании в восточной части СИТГО. Там они яростно любили друг друга на одеяле, расстеленном на полу бывшего кафетерия. Кончая, Сюзан раз за разом выкрикивала имя Роланда, пугая голубей, обосновавшихся в полутемных комнатах.

2

И уже когда казалось, что моросящий дождь никогда не прекратится, а ноющий вой червоточины сведет всех жителей Хэмбри с ума, сильный ветер, чуть ли не ураган, подул с океана и унес облака прочь. И утром город

проснулся под ярко-синим небом и солнцем, окрасившим бухту золотом, а в полдень залившим ее белым огнем. Сонливость горожан как рукой сняло. По картофельным полям покатались телеги. В «Зеленом сердце» армия женщин принялась украшать сцену, на которой Джейми Макканну и Сюзан Дельгадо предстояло стать Юношей и Девушкой Жатвы.

На той части Спуска, что прилегала к дворцу мэра, Роланд, Катберт и Ален принялись пересчитывать лошадей с тавром феода на боку. Чистое небо и свежий ветер вдохнули в них энергию, и три или четыре дня они с гиканьем, смехом, веселыми криками носились по Спуску, такие же дружные, как и в день приезда в Меджис.

В один из этих солнечных дней Элдред Джонас вышел из кабинета шерифа и по Холмовой улице направился к «Зеленому сердцу». Дипейп и Рейнолдс рано утром поскакали к Скале Висельников в надежде встретить там посланца Латиго. Джонас же собирался посидеть в павильоне с кружкой пива в руке, наблюдая за приготовлением к празднику. А готовились к нему основательно: рыли канавы, над которыми собирались жарить мясо, укладывали вязанки хвороста для праздничного костра, жарко спорили о том, где поставить мортиры для фейерверка. Но самое приятное зрелище представляли собой женщины, занятые украшением сцены. Может, думал Джонас, он даже пригласит какую-нибудь симпатичную цветочницу провести с ним часок-другой. Проституток салуна он оставлял Рою и Клею, его они не привлекали, но вот свеженькая семнадцатилетняя цветочница — совсем другое дело.

Боль в ноге ушла вместе со слякотью. Теперь он лишь чуть прихрамывал, не испытывая никаких неудобств. Возможно, он ограничится одним или двумя стаканами пива, но мысль о семнадцатилетней молодке не выходила из головы. Юной, с чистой кожей, высокой грудью. Сладким, свежим дыханием. Сочными, сладкими губами...

— Мистер Джонас? Элдред?

Он повернулся, улыбаясь, к обладательнице голоса. Не свеженькой, с капельками росы цветочнице с большими глазами и влажными, чуть приоткрытыми губками, но худосочной женщине в последнем приступе молодости, с плоской грудью, плоским задом, тонкими бледными губами, волосами, стянутыми на затылке в тугую узел. Образу его мечты соответствовали только широко открытые глаза. *Видать, я прострелил даме сердце*, с сарказмом подумал Джонас.

— О, Корделия! — Он взял ее руку в свои. — Какая ты сегодня очаровательная!

Щечки Корделии покраснели, она захихикала, как девочка. В это

мгновение она выглядела на сорок пять, а не на шестьдесят. *Но ей же не шестьдесят*, отметил про себя Джонас. *Эти морщины у рта и тени под глазами... появились недавно.*

— Ты очень добр ко мне, но я знаю, что это не так. Я не сплю, а когда женщина моего возраста не спит, она стареет на глазах.

— Прискорбно слышать, что ты плохо спишь, — посочувствовал Джонас. — Но теперь погода переменялась и...

— Дело не в погоде. Могу я поговорить с тобой, Элдред? Я все думала и думала, но ты единственный, к кому я могу обратиться за советом.

Улыбка Джонаса стала шире. Он подхватил Корделию под локоток, тут уж она зарделась как маков цвет. Джонас решил, что с таким приливом крови к голове она сможет говорить часами. И каждое ее слово обещало быть интересным.

3

Наиболее эффективным средством для развязывания языка женщинам определенного возраста и темперамента является чай. Поэтому Джонас, не колеблясь ни секунды, оставил свои планы выпить кружку пива (и, возможно, поближе познакомиться с очаровательной цветочницей). Вместо этого он усадил сэй Дельгадо в освещенной солнцем части павильона (не так далеко от красного камня, хорошо знакомого Роланду и Сюзан) и заказал большой чайник и пирожные. Ожидая выполнения заказа, они наблюдали за приготовлениями к ярмарке Жатвы. В парке стучали топоры, визжали пилы, то и дело раздавались взрывы хохота.

— Все ярмарки приятны, но именно ярмарка Жатвы вновь превращает нас в детей, не так ли? — спросила Корделия.

— Да, конечно, — ответил Джонас, который и в детстве не ощущал себя ребенком.

— А больше всего мне до сих пор нравится костер. — Она смотрела на огромную поленницу, которую укладывали в дальнем конце парка. Похожую на большой деревянный вигвам. — Мне нравится смотреть, как горожане приносят соломенные пугала и бросают их в огонь. Варварское зрелище, но от него у меня по коже бежит такая приятная дрожь.

— Да, — кивнул Джонас, гадая, а побежит ли у нее по телу та самая дрожь, если она узнает, что на этот раз от трех чучел, брошенных в костер в ночь Жатвы, будет идти запах паленого мяса, а орать они будут, как гарпии. А если удача останется с ним, один из них будет орать дольше других, тот,

что со светло-синими глазами.

Принесли чай и пирожные, но Джонас лишь мельком взглянул на высокую грудь прислуживающей им девушки. Сегодня его глаза видели только очаровательную сэй Дельгадо, нервно потирающую ручонки, с написанным на лице отчаянием.

Когда девушка отошла, Джонас разлил чай, вернул чайник на треногу и накрыл руку Корделии своей.

— Я вижу, тебя что-то гнетет, Корделия, — проворковал он. — Облегчи душу. Откройся своему другу Элдреду.

Губы ее сжались с такой силой, что практически исчезли, но даже таким усилием ей не удалось унять их дрожь. Глаза налились слезами, водохранилища переполнились, слезы потекли по щекам. Джонас взял салфетку и, перегнувшись через стол, вытер их.

— Расскажи мне. — Голос его переполняла нежность.

— Расскажу. Я должна кому-нибудь рассказать или сойду с ума. Но ты должен дать мне одно обещание, Элдред.

— Разумеется, милая. — Он увидел, как вновь вспыхнуло ее лицо, и сжал ей руку. — Все, что угодно.

— Ты не должен говорить Харту. И этому пауку — канцлеру, но главное — мэр ничего не должен знать. Если я права в моих подозрениях и он об этом узнает, он может отправить ее на запад! — Она уже не говорила, а стонала, словно речь шла не о подозрениях, а о свершившемся. — Он может сослать на запад нас *обеих*!

Джонас, улыбаясь, сочувственно покивал.

— Ни слова мэру Торину, ни слова Кимбе Раймеру. Обещаю.

Какие-то мгновения он думал, что она не заговорит... не сможет. Но потом ей удалось вымолвить, нет — выплюнуть единственное слово:

— Диаборн.

Он почувствовал, как его сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Улыбаться он продолжал, но не смог удержаться от того, чтобы не сжать ее руку, заставив Корделию сморщиться от боли.

— Извини. Просто ты меня удивила. Диаборн... о нем отзываются хорошо, но я не уверен, можно ли ему доверять.

— Я боюсь, что он был с моей Сюзан. — Теперь пришла ее очередь сжимать руку, но Джонас этого пожатия и не почувствовал. Он все улыбался, надеясь, что внешне его изумление никак не проявилось. — Я боюсь, он был с ней... как мужчина с женщиной. О, как это все ужасно!

И она вновь заплакала, бросая по сторонам короткие взгляды, чтобы убедиться, что за ними не наблюдают. Джонасу случалось видеть, как точно

так же оглядывались койоты и дикие собаки, урвав что-нибудь из еды. Он дал ей выплакаться — ему хотелось, чтобы она успокоилась, иначе связного рассказа у нее бы не получилось. Когда Джонас увидел, что поток слез начал иссякать, он протянул Корделии чашку чаю:

— Выпей.

— Да. Благодарю.

Еще горячий чай она выпила чуть ли не залпом. *Да у нее луженая глотка*, подумал Джонас. Корделия поставила чашку и, пока он вновь наполнял ее, воспользовалась кружевным *pañuelo*^[34], чтобы вытереть со щек слезы.

— Мне он не нравится, — продолжила Корделия. — Мне он не нравится, я ему не доверяю, как и всем троим, приехавшим из Привходящего мира, с их поклонами и наглыми глазами, но особенно этому. Однако если между ними что-то произошло (а я опасаясь, что так оно и есть), аукнется это ей, не так ли? Именно женщина в конце концов должна противостоять плотским желаниям.

Он наклонился вперед, глаза его излучали сочувствие:

— Расскажи мне все, Корделия.

Она рассказала.

4

В хрустальном шаре Риа нравилось все, но особый восторг вызывало у нее его умение показать всю человеческую мерзость. Никогда розовые глубины не открывали ей одного ребенка, который успокаивал бы другого, упавшего во время игры, или усталого мужа, который положил голову на колени жены, или стариков, мирно ужинавших на исходе дня, все это не представляло для магического кристалла никакого интереса, да и для Риа тоже.

Вместо этого она видела отцов, трахающих дочерей, матерей, избивающих детей, мужей, учащих жизни жен. Она видела банду малолеток (Риа посмеялась бы, узнав, что эти восьмилетние сосунки называли себя Большими охотниками за гробами), которые подманивали костью собак, а потом ради забавы отрезали им хвосты. Она видела ограбления и по меньшей мере одно убийство: бродяга заколол своего спутника вилами после мелкой ссоры. Случилось это в первую ночь непогоды. Тело все еще лежало в канаве у Великого Тракта к западу от Хэмбри, прикрытое соломой и сорняками. Его могли найти еще в этом году,

до сезона дождей. Могли и не найти.

Она также видела Корделию Дельгадо и этого бандита, Джонаса, сидящих на солнце за столиком в «Зеленом сердце» и беседующих о... разумеется, она не могла знать о чем. Но она видела взгляд старой девы. Втрескалась в Джонаса по уши, краснела при каждом слове. Небось вся вспотела, возжелав этого не выдержавшего испытание стрелка. Зрелище это вызывало смех, и Риа надеялась, что время от времени кристалл позволит ей поглядывать на сладкую парочку.

Показав ей Корделию и Джонаса, хрустальный шар затуманился. Риа убрала его в ящик с глазом-замком. Увидев Корделию, старуха вспомнила о незаконченном деле, имеющем самое прямое отношение к блудливой племяннице Корделии. Дело это она не довела до конца по более чем прозаической причине: как только Риа решила, как ей поступить с юной нахалкой, внутренняя буря поутихла и магический кристалл вновь открыл ей свои глубины. Увиденное завораживало, и Риа начисто забыла о существовании Сюзан Дельгадо. Теперь, однако, она вспомнила о своем плане. Пустить кота в голубятню. А уж если речь зашла о котах...

— Масти! Кис-кис. Масти, где ты?

Кот появился из-за сложенных у очага дров, блестя глазами в полумраке хижины (как только погода наладилась, Риа вновь закрыла окна ставнями), помахивая раздвоенным хвостом. Прыгнул ей на колени.

— У меня есть для тебя поручение. — Она наклонилась, лизнула кота в нос, вдыхая запах кошачьей шерсти.

Масти замурлыкал, выгнул спину. Шестилапый кот-мутант радовался жизни.

Джонас избавился от Корделии при первой возможности... хотя представилась она не так скоро, как ему хотелось бы. Старушку пришлось умасливать по первому разряду. Он понимал, что она ему еще пригодится. В итоге он даже поцеловал ее в уголок рта (бедняжка так покраснела, что Джонас испугался, а не хватит ли ее удар) и сказал, что обязательно выяснит, так ли основательны ее подозрения.

— Но только потихоньку! — обеспокоилась Корделия.

Да, заверил ее Джонас (они уже шли к дому Корделии), по-другому и быть не может. Кто-кто, а он умеет хранить тайны. Он знал, что Корделия не успокоится, не сможет успокоиться, не получив убедительных

доказательств то ли своей правоты, то ли беспочвенности подозрений, но сам полагал, что все это вздор. Молодые любят драму, не так ли? И если молодая кошечка видит, что ее тетка чего-то опасается, она будет умело подкармливать тетушкины страхи, вместо того чтобы свести их на нет.

Корделия остановилась у выкрашенного белой краской забора из штакетника, отделявшего огород от дороги, на ее лице читалось облегчение. Джонас подумал, что она очень похожа на мула, которому чешут спину.

— Ну, я никогда не думала, что так... однако это возможно, не правда ли?

— Вполне возможно, — согласился Джонас, — но я все проверю самым тщательным образом. Тут нельзя ошибиться, чтобы потом не сожалеть об этом. — Он вновь поцеловал ее в уголок рта. — И ни слова обитателям Дома-на-Набережной. Обещаю. Даже ни единого намека.

— Спасибо тебе, Элдред! Большое спасибо! — И она прильнула к нему, прежде чем убежать в дом, ее маленькие грудки, как камешки, прижались к его рубашке. — Может, этой ночью я усну! Очень на это надеюсь!

Она, может, и уснет, подумал Джонас, а вот я вряд ли.

К конюшне Хуки, где он держал свою лошадь, Джонас шагал с опущенной головой, заложив руки за спину. Стайка мальчишек бежала по другой стороне улицы. Двое размахивали собачьими хвостами с запекшейся на концах кровью.

— Охотники за гробами! Мы — Большие охотники за гробами, как и ты! — крикнул ему один из мальчишек.

Джонас выхватил револьвер и навел его на них... Произошло это мгновенно, и перепуганные мальчишки увидели, с кем имеют дело: со сверкающими глазами, ощерившимся ртом Джонас более всего напоминал волка-альбиноса в человеческом одеянии.

— Брысь отсюда, маленькие паршивцы! — рявкнул он. — Пошли прочь, а не то я вышибу вам мозги, чтобы порадовать ваших отцов!

Они застыли, а потом бросились врассыпную. Один оставил свой трофей: собачий хвост лежал на тротуаре, как грязная тряпка. Джонас поморщился, глянув на него, убрал револьвер в кобуру, заложил руки за спину и продолжил свой путь, напоминая священника, поглощенного мыслями о богах. Что, во имя богов, с ним случилось? Наставлять револьвер на детей!

От переживаний, подумал он. Волнения.

Да, он волновался. Подозрения этой плоской вековухи очень

взволновали его. Не из-за Торина (даже если бы Диаборн оттрахал эту девицу на городской площади на празднике Жатвы, Джонаса бы это не взволновало)... но потому, что Диаборн (если подозрения не беспочвенны) и тут обвел его вокруг пальца.

Однажды он сумел зайти тебе в тыл, и ты поклялся, что больше этого не случится. Но если он дрочит эту девку, значит, случилось. Не так ли?

Похоже на то. Если у парня хватило наглости закрутить любовь с будущей наложницей мэра, да так скрытно, что об этом до сих пор никто, кроме тетки Сюзан, не догадывается, как это соотносится с его, Джонаса, мнением о трех молокососах из Привходящего мира? Не он ли считает, что они с трудом найдут собственные задницы, чтобы потереться?

Однажды мы недооценили их, и они выставили нас обезьянами, так вроде бы сказал Клей. Я не хочу, чтобы такое повторилось.

Так повторилось или нет? Что в действительности известно Диаборну и его друзьям? Что они выяснили? И кому сказали? Если Диаборн сумел незамеченным подкатиться к избраннице мэра... и этого не заметил ни Элдред Джонас... ни кто-либо еще...

— Добрый день, сэй Джонас. — Кузнец Брайан Хуки широко улыбался, разве что не кланялся, прижав сомбреро к широкой груди. — Не желаете ли свежего грэфа, сэй? Только что отжал первую порцию, и...

— Мне нужна моя лошадь, — оборвал его Джонас. — Быстро приведи ее и перестань кудахтать.

— Да, сейчас приведу, с радостью, спасибо сэй. — И Хуки поспешил в конюшню, по пути обернувшись, чтобы убедиться, что не получит пулю в спину.

Десять минут спустя Джонас скакал на запад по Великому Тракту. Испытывая при этом нелепое, но очень сильное желание пустить лошадь галопом и раз навсегда забыть об этой глупой истории: о Торине, поседевшем любвеобильном козле, Роланде и Сюзан с их юношеским увлечением, которому, он в этом не сомневался, еще очень далеко до плотской любви. Рое и Клее с их быстрыми руками и медлительными мозгами, Раймере с его честолубием, Корделии Дельгадо, которая, должно быть, уже представляла себе, как они вдвоем лежат в постели, он читает ей стихи, а она плетет из цветов венки, чтобы возложить на его чело.

В прошлом уже случалось, когда он вот так уезжал, доверяя своей интуиции. Да только на сей раз уехать не мог. Он поклялся отомстить этим молокососам и всегда выполнял данное себе слово, хотя многократно нарушал обещания, которые слышали от него другие люди.

Не стоило забывать и про Джона Фарсона. Джонас никогда не разговаривал с Благодетелем (да и не очень-то хотел, поговаривали, что Фарсон — безумец, способный отчудить все, что угодно), но не раз имел дело с Джорджем Латиго, который скорее всего и будет возглавлять отряд, ожидаемый со дня на день. Именно Латиго нанял Больших охотников за гробами, заплатив огромный задаток (которым Джонас еще не поделился с Рейнолдсом и Дипейпом), и пообещал куда большее вознаграждение, если основные силы Альянса будут уничтожены в окрестностях Лысых гор.

Латиго, конечно, сила, все так, но сущая козявка в сравнении с той силой, что стояла у него за спиной. И потом, большие деньги без риска не заработать. Если они доставят лошадей, волов, повозки со свежими овощами, нефть, магический кристалл, прежде всего магический кристалл, все будет хорошо. Если нет, Фарсон и его помощники сыграют их головами в поло. Такое могло случиться, и Джонас это знал. Более того, не сомневался, что в конце концов *так оно и будет*. Но Джонас мог гарантировать, что развод его головы с телом произойдет не по милости таких червяков, как Диаборн и его друзья, какого бы они ни были высокого происхождения.

Однако если у него роман с избранницей Торина... если он сумел сохранить все в секрете, какие еще секреты известны ему? Может, он играет с тобой в «Замки»?

Если так, игра надолго не затянется. Как только юный мистер Диаборн высунет нос из-за Укрепления, Джонас тут же отстрелит его.

Сейчас требовалось найти ответ на один вопрос: с чего начать? Отправиться на ранчо «Полоса К», благо он давно собирался взглянуть, как устроились мальчишки? Почему нет? Они скорее — всего на Спуске, считают лошадей. Но лошади нисколько его не волновали. Нет, лошади — пустячок, если подумать о тех задачах, что поставил перед ними Благодетель.

И Джонас поскакал к СИТГО.

Первым делом он проверил цистерны. Нашел их в целости и сохранности: они стояли рядком, на новых колесах, готовые в нужное время двинуться в путь, укрытые нарубленными ветками. Некоторые ветви пожелтели на концах, но прошедшие дожди освежили их. Джонас убедился, что к веткам никто не прикасался.

Потом он поднялся на холм, прошелся вдоль трубы, все чаще и чаще останавливаясь, чтобы передохнуть. Когда он добрался до проржавевших ворот, отделявших склон от нефтяного поля, сломанная нога разболелась не на шутку. Он внимательно изучил ворота, нахмурился, заметив пятна на их верхней части. Возможно, они ничего не значили, но Джонас подумал, что кто-то перелез через ворота, не рискнув их открыть из опасения, что они вывалятся из петель.

Следующий час он провел между вышек, уделяя особое внимание тем, что еще работали, пытаясь обнаружить следы постороннего присутствия. Он нашел множество следов, но идентифицировать их (особенно после прошедших дождей) не представлялось возможным. Молокососы из Привходящего мира могли побывать здесь; городская мелкота могла побывать здесь; Артур из Эльда и все его рыцари могли побывать здесь. Неопределенность ситуации действовала Джонасу на нервы, портила ему настроение (как и любая другая неопределенность, за исключением той, что возникала на доске при игре в «Замки»).

Он уже двинулся назад, решив спуститься с холма, сесть на лошадь и вернуться в город. Нога горела огнем, и только хороший глоток спиртного мог успокоить боль. Визит на «Полосу К» откладывался на другой день.

Он уже миновал полпути до ворот, когда увидел заросшую проселочную дорогу, по существу, две колеи, тянущиеся от СИТГО к Великому Тракту, и тяжело вздохнул. Что он мог увидеть на этой тропинке, но, раз он все равно сюда пришел, работу следовало довести до конца.

Работа не волк, в лес не убежит, мне бы сейчас выпить.

Но не только у Роланда желания зачастую отступали перед чувством долга. Джонас вздохнул, помассировал больную ногу и двинулся по проселочной дороге, где, как это ни странно, и нашел то, что искал.

В той самой колее, в дюжине шагов от того места, где заросшая травой дорога сливалась в Великом Трактом. Поначалу он решил, что белый кругляшок, проглядывающий сквозь траву, — камень. А потом увидел черную круглую дыру — глазницу. И понял, что в траве лежит не камень, а череп.

Кряхтя, Джонас нагнулся и поднял с земли грачиный череп. Который уже видел прежде. Как, впрочем, и весь город. С черепом не расставался этот шут, Артур Хит... как и всем шутам, ему требовались атрибуты его профессии.

— Он называл этот череп дозорным, — пробормотал Джонас. — Иногда насаживал на луку седла. Иногда носил на груди, как медальон. Да. Череп болтался у него на груди в ту ночь, когда в «Приюте путников»...

Джонас повернул череп. Внутри что-то звякнуло. Джонас потряс череп, подставив ладонь, и на нее выпали несколько звеньев золотой цепочки. Вот, значит, на чем держался череп. В какой-то момент цепочка порвалась, череп упал в траву, и сэй Хит не удосужился отыскать его. Мысль о том, что череп найдет кто-то другой, не приходила ему в голову. Мальчишки беззаботны. Просто удивительно, что им удается вырастать в мужчин.

Лицо Джонаса оставалось спокойным, но внутри все бушевало. Они тут побывали, сомнений в этом не было, хотя еще вчера он бы высмеял любого, кто заикнулся бы об этом. Приходилось признать, что они видели и цистерны с нефтью, пусть и надежно укрытые ветвями. Если бы не грачиный череп, он не узнал бы об этом.

— Когда я покончу с ними, их глазницы будут такими же пустыми, как и твои, сэр Грач, — пообещал он. — Я лично их вычищу.

Он уже замахнулся, чтобы выбросить череп, но передумал: а вдруг пригодится. С черепом в руке Джонас направился к тому месту, где оставил лошадь.

Корал Торин шагала по Травной улице к «Приюту путников». Во рту у нее пересохло, голова гудела. Она встала лишь час тому назад, а похмелье уже совсем ее замучило. В последнее время она слишком много пила и знала об этом. Практически каждый вечер, хотя на людях ограничивала себя одним-двумя стаканчиками. Пока, полагала она, никто не подозревал о ее дурной привычке. А раз никто не подозревал, она рассчитывала и дальше сохранить все в тайне. Но как еще она могла переносить своего идиота брата? Этот идиотский город? И, разумеется, тот заговор, в котором участвуют вся Ассоциация конезаводчиков и по крайней мере половина крупных фермеров.

— К черту Альянс, — прошептала Корал. — Лучше синица в руке.

Но держала ли она синицу в руке? Или кто-то из них? Сдержит ли Фарсон свои обещания? Обещания, полученные от человека по фамилии Латиго и озвученные Кимбой Раймером? Корал терзали сомнения. У деспотов вошло в привычку забывать о своих обещаниях, а синицы в руке клевали тебя в пальцы, гадили в ладонь, а потом улетали. Впрочем, все эти рассуждения не стоили и выеденного яйца — со своей позицией она уже определилась. Опять же люди всегда хотят есть, пить, гулять и играть, кто в

карты, кто в кости, независимо от того, перед кем они гнут спины и от чьего имени собираются налоги.

А когда старый демон совести обретал голос, пара-тройка стаканчиков помогала лишить его дара речи.

Корал остановилась напротив похоронного бюро Крайвена. Смеющиеся парни, стоя на лесенках, развешивали бумажные фонарики. Им предстояло зажечься в ночь Жатвы, осветив Главную улицу нежным, мягким светом.

Корал вспомнила, с каким восторгом в детстве смотрела она на эти фонарики из цветной бумаги, вслушиваясь в треск фейерверков, радостные крики горожан, звуки музыки, доносящиеся из «Зеленого сердца». За одну руку ее держал отец, за другую — старший брат Харт. Он как раз надел первую пару брюк.

Ностальгия захлестнула ее, но сладость воспоминаний быстро сменилась горечью. Ребенок вырос с худосочную женщину, которой принадлежал салун и бордель (не говоря уже о значительном куске Спуска), женщину, чьим последним сексуальным партнером стал канцлер ее брата, женщиной, которая уже не могла не думать о бутылке. Как такое могло случиться? Ребенок, каким она была, меньше всего на свете хотел превратиться в такую женщину.

— Где я ошиблась? — спросила она себя и рассмеялась. — О, дорогой Человек Иисус, где ошибся тот безгрешный ребенок? Можешь сказать «аллилуйя». — Она спародировала странствующую женщину-проповедника, которая появилась в городе годом раньше, Питтстон ее звали, Сильвия Питтстон, и рассмеялась вновь, более естественно. Вновь двинулась к «Приюту», уже в лучшем настроении.

Шими ухаживал за своими цветами. Помахал ей рукой, она ответила тем же. Хороший парень этот Шими. Она без труда нашла бы ему замену, но радовалась тому, что Дипейп не убил его.

Прибранный бар пустовал, но горели все газовые рожки. Шими вычистил все пепельницы, но Корал знала, что основная уборка лежала на толстушке, которая стояла сейчас за стойкой. Косметика не могла скрыть болезненной бледности ее лица и черных кругов под глазами, и шея вся пошла складками (Корал прекрасно знала, что возраст женщины прежде всего сказывается на шее).

В баре, под стеклянным взглядом Сорви-Головы, хозяйничала Красотуля, и если б ей разрешили, стояла бы за стойкой до прихода Стенли. Красотуля ничего не говорила Корал (понимала, что слова могут привести к обратному результату), но ясно давала понять, чего хочет. В проститутках

ее больше держать не могли, вот она и хотела встать за стойку. Такое уже случалось, Корал знала, что женщина-бармен работает в «Лесной чаше». Была и еще одна, в «Гленкоув», но она умерла от оспы. Красотуля отказывалась понять другое: Стенли Руис еще молод и здоровье у него куда лучше, чем у нее. И он будет наполнять стаканы под Сорви-Головой после того, как Красотуля сгниет в могиле.

— Добрый вечер, сэй Торин, — поздоровалась Красотуля, и прежде чем Корал успела открыть рот, шлюха поставила на стойку стопку и наполнила ее виски.

Корал с тоской взглянула на стопку. Так они все знают?

— Мне этого не надо, — нервно бросила она. — С чего мне пить виски, во имя Эльда? Солнце и то еще не зашло! Вылей виски в бутылку, ради твоего отца, и убирайся отсюда. Кого ты собралась обслуживать в пять часов? Призраков?

У Красотули вытянулось лицо. Толстый слой штукатурки потрескался. Она достала из-под стойки воронку, вставила в горлышко бутылки, вылила в нее виски. Несколько капель упали на стойку, так тряслись ее пухлые руки (уже без колец, кольца она давно обменяла в продуктовом магазине на еду).

— Извините, сэй. Извините. Я только хотела как...

— Мне без разницы, что ты там хотела. — Тут Корал заметила, что Шеб, который листал за пианино ноты, повернулся к стойке и смотрит на нее. — А ты чего вылупился, жаба?

— Ничего, сэй Торин. Я...

— Тогда смотри куда-нибудь еще. И заberi с собой эту свинью. Почему бы тебе не трахнуть ее, а? Ей это только на пользу пойдет. Да и тебе хуже не будет.

— Я...

— Вон! Или вы оглохли? Оба!

Красотуля и Шеб поспешили не к лестнице, ведущей на второй этаж, а к двери кухни, но Корал это не волновало. Хоть в ад, лишь бы не маячили перед глазами. Куда угодно, но чтоб она их не видела.

Она зашла за стойку, огляделась. Двое мужчин в дальнем углу играли в карты. Рейнолдс наблюдал за ними, потягивая пиво. Еще один мужчина сидел у стойки, устремив взгляд в никуда, затерянный в собственных мыслях. Никто не обращал внимания на сэй Корал Торин, и велика важность, если б и обращали? Если знала Красотуля, знали и остальные.

Она провела пальцем по лужице виски на стойке, облизнула его, провела снова, вновь облизнула. Схватила бутылку, но, прежде чем успела

налить себе виски, паукообразное чудище с серо-зелеными глазами, шипя, запрыгнуло на стойку. Корал вскрикнула и отшатнулась, выронив бутылку. Она упала между ее ног, но, о чудо, не разбилась. На мгновение Корал решила, что у нее расколется голова: прилившая к мозгу кровь разорвет череп, как яичную скорлупу. С грохотом упал стол: картежники перевернули его, вставая. Рейнолдс выхватил револьвер.

— Ничего страшного. — Она едва узнала свой голос, так он дрожал. Глаза пульсировали, сердце чуть не выскакивало из груди. А ведь человек *может* умереть от страха, подумала она. — Ничего страшного, джентльмены. Все в порядке.

Шестилапый кот, стоявший на стойке, вновь зашипел.

Корал наклонилась (когда ее голова опустилась ниже талии, она вновь почувствовала, что мозг хочет разорвать череп), подняла бутылку, увидела, что та еще на четверть полна, и отхлебнула прямо из горлышка. Плевать она хотела, кто ее видит и что при этом подумает.

Словно услышав ее мысли, Масти зашипел в третий раз. На нем красовался красный ошейник, из-под которого торчал клочок бумаги.

— Хочешь, чтобы я пристрелил его? — любопытствовал дребезжащий голос. — Только скажи, я с удовольствием. Один выстрел, и от него останутся одни когти. — У дверей стоял Джонас. Выглядел он так себе, но Корал чувствовала, что ему действительно хватит одного выстрела.

— Нет. Старая сука превратит нас в саранчу, если мы убьем ее любимца.

— Какая сука? — спросил Джонас, пересекая зал.

— Риа Дубативо. Риа с Кооса, как она себя называет.

— А! Не сука, а ведьма.

— Как ни скажи — все про нее.

Джонас погладил кота. Тот не возражал, даже чуть изогнул спину. Шерсть у Масти была влажной, неприятной на ощупь.

— Как насчет того, чтобы поделиться? — спросил Джонас, указывая на бутылку. — Еще, конечно, рано, но нога болит, как дьявол, уставший грешить.

— Твоя нога, моя голова, рано или поздно. За счет заведения.

Джонас изогнул седые брови.

— Благодарить будешь потом, сейчас пей, дорогой.

Корал протянула руку к коту. Масти зашипел, но позволил ей вытащить записку. Корал развернула ее и прочитала несколько слов, написанных корявым почерком Риа:

ВСЕ ВЫПИЛА. ПРИШЛИ ПАРНЯ.

— Позволишь взглянуть? — спросил Джонас. После первого глотка жизнь окрасилась в более радужные тона.

— Почему нет? — Корал протянула ему записку.

Джонас прочитал ее, вернул. Про Риа он и думать забыл, а напрасно. Но всего и не упомнишь, не так ли? В последнее время Джонас ощущал себя не наемным телохранителем, а поваром, который пытается одновременно приготовить девять блюд для торжественного обеда. К счастью, старая карга напомнила о себе. Благословим богов за ее жажду. И его тоже, иначе он не оказался бы в нужном месте в нужное время.

— Шими! — проорала Корал. Виски подействовало и на нее: она почувствовала, что вновь становится человеком. Даже подумала о том, а не захочет ли Элдред Джонас провести вечерок с сестрой мэра... которая знала, как использовать время с толком.

Появился Шими, с грязными руками, с розовым сомбреро, болтающимся на спине.

— Да, Корал Торин! Я здесь!

Она смотрела мимо него, на небо. Сегодня не получится, даже для Риа. С наступлением темноты Шими на дороге делать нечего, он просто не доберется до города.

— Ничего. — Голос у нее помягчел. — Возвращайся к своим цветам и хорошенько укрой их. Ночью может подморозить.

Она положила записку на стойку и нацарапала на ней единственное слово:

ЗАВТРА.

Сложила записку, протянула Джонасу.

— Засунь ее под этот вонючий ошейник, а? Не хочу прикасаться к нему.

Джонас выполнил ее просьбу. Кот одарил их еще одним диким взглядом зеленых глаз, спрыгнул со стойки и исчез за дверьми.

— Время дорого. — Корал сама не очень-то понимала, что хотела этим сказать, но Джонас согласно кивнул: ее слова не вызвали у него возражений. — Не хочешь подняться наверх? Внешне я не очень, но ноги могу раздвинуть как надо. И не буду лежать как бревно.

Джонас задумался, потом кивнул. Глаза его заблестели. Эта так же худа, как Корделия Дельгадо... но разница чувствуется, да? И еще какая

разница!

— Хорошо.

— Я, случается, говорю всякие гадости... предупреждаю заранее.

— Милая леди, постараюсь не пропустить ни одной.

Корал улыбнулась. Головная боль прошла.

— Да. Готова спорить, не пропустишь.

— Дай мне только одну минуту. Я сейчас. — И он направился к Рейнолдсу.

— Бери стул, Элдред.

— Не могу. Дама ждет.

Взгляд Рейнолдса метнулся к стойке:

— Ты шутишь.

— Насчет женщин я никогда не шучу. А теперь слушай меня.

Рейнолдс шагнул к Джонасу. Хорошо, что это не Дипейп, подумал тот. Рой тоже все сделает как надо, но лишь после того, как ему десять раз скажут, что нужно делать.

— Поедешь к Ленджиллу. Скажешь ему, чтобы направил на нефтяное поле дюжину человек, минимум десять. Хороших людей, которые умеют не высовываться и не испугаются драки, если придется драться. Командиром пусть поставит Брайана Хуки. У него голова работает как надо, чего не скажешь про большинство остальных.

Глаза Рейнолдса радостно блеснули:

— Ты ждешь этих засранцев?

— Они там побывали, может, заявятся еще раз. Если так, их надо поймать на мушку и расстрелять. Сразу и без предупреждения. Ты понял?

— Да. А что мы потом скажем?

— Как что? Нефть и цистерны — их проделки. Они хотели доставить ее Фарсону. Да нас будут носить по городу на руках. Прославлять как спасителей отечества, уничтоживших предателей. Где Рой?

— Поскакал к Скале Висельников. Я видел его в полдень. Он говорит, что они идут, Элдред. Когда ветер дует с востока, он слышит ржание лошадей.

— Может, он слышит то, что ему хочется слышать. — Но Джонас полагал, что Дипейп скорее всего прав. С того момента как Джонас вошел в салун, настроение его куда как улучшилось.

— Скоро мы начнем перегонять цистерны в другое место, независимо от того, появятся там мальчишки или нет. По ночам. Но часть мы оставим, так? Они заменят сыр в мышеловке, — хохотнул Джонас.

— А если мышь не придет?

Джонас пожал плечами:

— Мы с ними разберемся, так или иначе. Завтра я немного надавлю на них. Хочу, чтобы они злились, хочу спутать им карты. А теперь отправляйся. Меня ждет дама.

— Хорошо, что она ждет тебя, а не меня, Элдред.

Джонас кивнул. Он предчувствовал, что через полчаса начисто забудет о боли в ноге.

— Именно так. Тебя бы она слопала с потрохами.

Он вернулся к бару, где Корал стояла, сложив руки на груди. Теперь она опустила их, взяла Джонаса за руки. Правую положила на свою левую грудь. Он почувствовал закаменевший сосок. Указательный палец левой сунула в рот и легонько прикусила.

— Бутылку возьмем с собой? — спросил Джонас.

— Почему нет? — ответила Корал Торин.

8

Если бы она заснула пьяная, как в последние месяцы у нее вошло в привычку, то не проснулась бы от скрипа пружин... ее не разбудил бы и взрыв бомбы. Хотя они и принесли с собой бутылку, она так и стояла на столике в спальне, которую Корал занимала в «Приюте» (размером как три клетушки шлюх), виски в ней не убавилось.

Джонас стоял у окна, глядя на серый рассвет, и надевал штаны. Его спину покрывали перекрестные шрамы. Она хотела спросить, кто его так жестоко высек и как он выжил, но решила, что с такими вопросами лучше повременить.

— Куда ты собрался?

— Сначала мне надо найти краску, любого цвета, и дворового пса, которому еще не отрубили хвост. А что я буду делать потом, сэй, тебе лучше не знать.

— Очень хорошо. — Она вновь легла, натянув простыню до подбородка. Она чувствовала, что могла проспать неделю.

Джонас натянул сапоги и двинулся к двери, на ходу застегивая пояс с кобурой. Повернулся, взявшись за ручку. Она посмотрела на него, ее серые глаза уже наполовину закрылись.

— Лучшая ночь в моей жизни.

Корал улыбнулась:

— И в моей тоже.

Глава четвертая

РОЛАНД И КАТБЕРТ

1

Роланд, Катберт и Алан вышли на крыльцо бункера на ранчо «Полоса К» почти через два часа после того, как Джонас покинул комнату Корал в «Приюте путников». К тому времени солнце уже достаточно высоко поднялось над горизонтом. Они не относились к тем, кто любит поспать по утрам, но, как резонно указал Катберт: «Мы должны поддерживать имидж Привходящего мира. Негоже нам вставать с первыми петухами».

Роланд потянулся, выбросив руки к небу. Потом наклонился, достал пальцами носки сапог. Позвоночник затрещал.

— Ненавижу я этот шум, — пробормотал Ален. Но в действительности его тревожили странные сны, которые донимали его всю ночь. Из всех троих снились они только ему. Из-за дара, возможно, только его природа наградила шестым чувством.

— Потому-то эта дрянь и шумит. — Катберт хлопнул Алена по плечу. — Не кисни, старина. Ты слишком красив, чтобы ходить с вытянутой физиономией.

Роланд выпрямился, и втроем они направились к конюшне через пыльный двор. На полпути Роланд так резко остановился, что Ален чуть не ткнулся ему в спину. Роланд смотрел на восток.

— О, — только и сказал он. И чуть улыбнулся.

— О? — эхом отозвался Катберт. — Что, о, великий вождь? О радость, я вновь увижу надушенную даму, или о ужас, мне придется весь день горбатиться рядом с моими провонявшими потом собратьями по труду?

Ален опустил голову, уставился на свои сапоги. Новенькие и неудобные при отъезде из Гилеада, теперь, со стершимися каблуками, ободранные, они облевали ноги, как домашние тапочки. И смотреть на них лучше, чем на друзей. В последнее время в подшучивании Катберта постоянно слышалась резкая нотка. И шутки из веселых становились все более злыми. Ален после каждой ждал, что Роланд взорвется и от души врежет Катберту, уложив его на землю. Откровенно говоря, Ален этого даже хотел. Обстановка могла и разрядиться.

Но в то утро ничего подобного не произошло.

— Просто, — ответил Роланд и двинулся дальше.

— Прости уж меня, я знаю, что ты не хочешь этого слышать, но я вновь хочу вернуться к разговору о голубях, — нарушил молчание Катберт, когда они седлали коней. — Я по-прежнему полагаю, что надо...

— Я готов дать тебе обещание, — улыбнулся Роланд.

Катберт недоверчиво посмотрел на него:

— Какое?

— Если завтра утром у тебя еще останется желание воспользоваться голубиной почтой, я возражать не буду. Отправим любого в Гилеад с посланием, закрепленным на его ножке. Что скажешь, Артур Хит? Тебя это устроит?

Подозрительность не исчезла из глаз Катберта, отчего у Алена защемило сердце. Наконец Катберт тоже улыбнулся:

— Устроит. Спасибо тебе.

А от ответа Роланда по коже Алена просто побежали мурашки.

— Рано еще меня благодарить.

2

— Я не хочу идти туда, сэй Торин. — На обычно веселом лице Шими отразилась тревога. — Я ужасно боюсь эту женщину. Она такая страшная. И бородавка у нее на носу, вот здесь. — Он коснулся кончика своего гладкого носа.

Корал, которая вчера оторвала бы ему голову, если б он позволил себе вот так препираться с ней, сегодня проявила ангельское терпение.

— Все так. Но, Шими, она просила прислать именно тебя. И она дает чаевые. Ты же знаешь, дает, и хорошие чаевые.

— Мне это не поможет, если она захочет превратить меня в жука, — стоял на своем Шими. — Жуку медяки не нужны.

Тем не менее Корал удалось подвести его к стоящему у коновязи мулу Капризному. Крикун уже нагрузил мула двумя бочонками. Одним — с песком, для равновесия. Вторым — с грэфом, к которому давно уже прирастилась Риа.

— Скоро Ярмарка, — весело журчал голос Корал. — До нее осталось меньше трех недель.

— Да, — заулыбался Шими. Ярмарки он страсть как любил. Фонарики, фейерверки, танцы, игры, смех. В день Ярмарки все улыбались и никто не ругался.

— В день Ярмарки молодому человеку не помешают лишние медяки, — резонно заметила Корал.

— Это правда, сэй Торин. — По голосу Шими чувствовалось, что ему открылась одна из основополагающих истин. — Да, это правда.

Корал вложила веревочные поводья Капризного в руку Шими.

— Доброго тебе пути, юноша. И будь повежливее со старой вороной, пониже поклонись ей... и постарайся вернуться до наступления темноты.

— Вернусь гораздо раньше. — При мысли о том, что ночь застанет его на Коосе, Шими бросило в дрожь. — Гораздо раньше, будьте уверены.

— Хороший мальчик. — Корал проводила его взглядом. Он уже нахлобучил на голову розовое сомбреро и вел старого мула за веревку. — Хороший мальчик, — повторила она, когда Шими перевалил вершину первого холма.

3

После отъезда молокососов Джонас еще час простоял на склоне холма. А когда поднялся на вершину, то едва разглядел их — три точки на Спуске в четырех милях от него. Отправились на работу. И никаких признаков того, что они что-то заподозрили. Они, конечно, умнее, чем он поначалу думал... но далеко не так умны, как казалось им самим.

Джонас двинул лошадь к ранчо «Полоса К», от которого остался только бункер да конюшня. Обгорелый остов дома чернел на ярком осеннем солнце. Лошадь Джонас привязал к тополи, одному из тех, что росли у родника. Здесь мальчишки оставили для просушки выстиранное белье. Джонас скинул штаны и рубашки с нижних веток на землю, собрал в кучу, помочился на нее, потом повернулся к лошади.

Животное энергично ударило копытом по земле, когда Джонас достал из переметной сумы собачий хвост, как бы говоря, что решение принято правильное. Джонаса тоже радовало скорое избавление от хвоста. Очень уж сильная шла от него вонь. Из другой сумки Джонас достал маленькую стеклянную банку с красной краской и кисть. И то и другое он приобрел у старшего сына Брайана Хуки, который теперь управлялся с конюшней. Сам сэй Брайан, несомненно, пребывал в СИТГО.

Джонас зашагал к бункеру открыто, не прячась... впрочем, прятаться было негде. Да и не от кого — мальчишки-то уехали.

Один из них оставил книгу, настоящую книгу («Наставления и размышления» Мерсера). В Срединном мире книги давно уже стали

редкостью, особенно в столь удаленных от центра феодах. Собственно, в Меджисе, если не считать нескольких, что хранились в Доме-на-Набережной, Джонас видел книгу впервые. Он раскрыл ее. На первой странице увидел надпись, сделанную твердым женским почерком: «*Моему дорогому сыну от любящей МАТЕРИ*». Джонас вырвал эту страницу, открыл банку с краской, окунул в нее кончики пальцев. Подушечкой среднего замазал слово МАТЕРИ, ногтем мизинца сверху печатными буквами написал ШЛЮХИ. Листок повесил на ржавый гвоздь, где его не могли не заметить, потом разорвал книгу в клочки. Кому она принадлежала? Он надеялся, что Диаборну, но особого значения сие не имело.

Войдя в бункер, Джонас прежде всего заметил голубей, воркующих в клетках. Он-то думал, что они пользуются гелиографом для отправки сообщений, а вот мысль о голубях даже не приходила ему в голову. Круто, однако!

— Через несколько минут я вами займусь, — пообещал он. — Будьте покойны, милые мои. Кушайте и какайте, пока можете.

Он с любопытством огляделся. Голуби все ворковали и ворковали. Обычные юноши или лорды? Такой вопрос Рой задал старику в Ритзи. Старик однозначного ответа не дал. Аккуратные юноши, подумал Джонас, если судить по царящему здесь порядку. Хорошо вымуштрованные. Три койки, все прибранные. В изножье каждой по стопке вещей, аккуратно сложенных. На каждой стопке фотография матери, на одной — обоих родителей. Он надеялся найти фамилии, может, даже документы (к примеру, любовные письма от девушки), но напрасно. Эти юноши или лорды об этом позаботились. Джонас вытащил фотографии из рамок и порвал их в мелкие клочки. Вещи разбросал по комнате, что мог, уничтожил. Найдя носовой платок в кармане каких-то брюк, от души высморкался в него, а потом аккуратно расстелил на сапогах, с зеленой соплей на самом виду. Это ж приятно, целый день считать коров и лошадей, а вернувшись, обнаружить чью-то соплю на своем носовом платке. Если что-то и могло вывести их из себя, так эта сопля.

Голуби заволновались. Попытались забиться в дальние углы, когда он открыл дверцы. Пользы им это не принесло. Джонас переловил всех и свернул им головы. Потом положил по одному под подушки каждого из юношей.

Под одной из подушек он нашел маленький подарок: полоски бумаги и ручку, заполненную чернилами, которой, несомненно, и писались все послания. Ручку он сломал, обломки бросил на пол и растоптал. А полоски

бумаги положил в карман — вещь нужная.

Теперь ему не мешало воркование голубей. Он медленно ходил взад-вперед по деревянному полу, склонив голову, прислушиваясь.

Когда Ален галопом подскакал к Роланду, тот предпочел не заметить его побледневшего лица и горящих, испуганных глаз.

— Я насчитал тридцать одну лошадь, все с тавром феода, короной и мечом. А ты?

— Мы должны возвращаться, — воскликнул Ален. — Что-то не так. Это дар. Никогда я не ощущал его так ясно.

— Сколько ты насчитал? — вновь спросил Роланд. Иной раз, как в этот, шестое чувство Алена скорее мешало, чем помогало.

— Сорок. Или сорок одну. Не помню. Какая разница? Они угнали тех лошадей, которых мы не должны пересчитывать. Роланд, ты меня не слышал? Мы должны возвращаться! *Что-то не так! У нас в доме беда!*

Роланд посмотрел на Берта, спокойно считающего лошадей в пятистах ярдах от них. Вновь на Алена, его брови вопросительно изогнулись.

— Берт? Дара у него нет и никогда не было... ты это знаешь. А у меня есть! И это ты тоже знаешь! Роланд, пожалуйста! Тот, кто сейчас в бункере, увидит голубей! Может, даже найдет наши *револьверы!* — Обычно флегматичный Ален не находил себе места от волнения. — Если не хочешь ехать со мной, отпусти меня одного! Отпусти меня, Роланд, ради блага твоего отца!

— Ради блага *твоего* отца я тебя не отпускаю, — отрезал Роланд. — Я насчитал тридцать одну лошадь. Ты — сорок. Да, мы запишем сорок. Сорок — хорошее число, не хуже любого другого. А теперь мы с тобой поменяемся местами.

— Что с тобой? — Ален не говорил — шептал. И смотрел на Роланда как на безумца.

— Ничего.

— Ты *знал!* Знал еще утром, когда мы только уезжали.

— Ну, может, я что-то и видел, — не стал отрицать Роланд. — Может, какой-то блик, но... ты мне веришь, Эл? Я думаю, вот что самое важное. Ты мне веришь или думаешь, что я лишился ума, потеряв сердце? Как думает он? — Роланд мотнул головой в сторону Катберта.

Роланд смотрел на Алена с легкой улыбкой, но глаза оставались

безжалостными и затуманенными. Такое с Роландом случилось. В этот момент ему открывалось недоступное другим. Видела ли Сюзан Дельгадо этот взгляд, подумал Ален, и как она его истолковала?

— Я тебе верю. — В тот момент в голове у Алена все смешалось, и он не мог утверждать, правда это или ложь.

— Хорошо. Тогда давай поменяемся местами. Не забудь, по моим подсчетам, здесь тридцать одна лошадь.

— Тридцать одна, — повторил Ален, поднял руки, потом опустил их, хлопнув по бедрам с такой силой, что его обычно спокойный жеребец прижал уши и отпрыгнул в сторону. — Тридцать одна.

— Я думаю, сегодня мы вернемся домой пораньше, раз уж ты так волнуешься.

С тем Роланд и ускакал. Ален проводил его взглядом. Ему всегда хотелось знать, что творится у Роланда в голове, но в тот момент особенно.

5

Скрип. Скрип-скрип.

Джонас уже собирался сдаться, когда нашел то, что искал. Он-то полагал, что без труда отыщет тайник, но молокососы заставили его попотеть, это точно.

Он опустился на колено, лезвием ножа приподнял скрипящую половицу. Под ней оказались три свертка, обмотанные тканью. Влажные на ощупь, пахнущие ружейным маслом. Джонас развернул все, желая посмотреть, какое оружие привезли с собой эти мальчишки. Ничего необычного он не обнаружил. В двух лежали по одному пятизарядному револьверу. В третьем — два шестизарядных, качеством повыше. На какое-то мгновение Джонас даже подумал, что нашел большие револьверы стрелка, со стальным вороненым стволом, рукояткой, отделанной сандаловым деревом, громадной мушкой. Эти револьверы он бы увез с собой, невзирая ни на что. И облегченно выдохнул, увидел обычные стальные рукоятки. Пусть его постигло разочарование, зато прочистились мозги.

Он завернул револьверы и вернул их в тайник. Поставил на место и половицу. Банда городских мальчишек могла забраться в бункер, перевернуть все вверх дном, свернуть шеи голубям, но найти этот тайник? Нет уж. Ни в коем разе.

По-твоему, они поверят, что тут побывали городские мальчишки?

Могут и поверить. Из-за того, что он недооценил их раньше, не стоило переоценивать их теперь. А с другой стороны, не имело значения, поверят они или нет. В любом случае он выведет их из себя. Разозлит до такой степени, что они высунутся из-за Укрепления. Забудут об осторожности... и попадут в смерч.

Собачий хвост Джонас сунул в одну из клеток для голубей, чтобы он высовывался оттуда, как большое перо. Краской намалевал на стенах очаровательные детские слоганы:

ПОСОСИТЕ МОЙ ЧЛЕН

и

УБИРАЙТЕСЬ ДОМОЙ,

ГРЕБАНЫЕ БОГАЧИ!

Потом вышел из бункера, постоял на крыльце, дабы убедиться, что на ранчо «Полоса К», кроме него, по-прежнему никого нет. Разумеется, не было. Однако на мгновение-другое ему стало как-то не по себе, он словно почувствовал, что его засекли. Может, с помощью какого-то неведомого ему шестого чувства.

Оно существует, ты это знаешь. Дар, так оно называется.

Да, но обладают им стрелки, артисты и сумасшедшие. А не какие-то молокососы, лорды они или нет.

Однако к лошади Джонас чуть ли не побежал, вскочил на нее и умчался прочь. Развязка близилась, и предстояло еще многое сделать до того, как по небу поплывет полная Демоническая Луна.

Хижина Риа, с каменными стенами и поросшей мхом крышей, притулилась у вершины последнего холма Кооса. С нее открывался прекрасный вид на северо-западную равнину: Плохую Траву, пустыню, Скалу Висельников, каньон Молнии... но Шими, когда он осторожно завел

старого Капризного во двор Риа, было не до зрелищ. Последние час или два живот его урчал от голода, но тут он обо всем забыл. Место это он ненавидел больше всего на свете, даже больше СИТГО с торчащими вышками и нескончаемым громоуханием.

— Сэй? — позвал он. Капи уперся копытами в землю, не желая приближаться к хижине, но подчинился, когда Шими дернул за веревку. О чем Шими даже пожалел. — Мэм? Милая старая леди, которая и мухи не обидит? Вы здесь? Ваш добрый Шими привез вам грэф. — Он улыбался, выставив перед собой свободную руку, всем своим видом показывая, что он абсолютно безвредный, но из хижины не доносилось ни звука. Шими почувствовал, что у него скрутило кишки. На мгновение подумал, что сейчас обделается, чего не случалось с ним с детства. Потом пустил «голубка», и ему полегчало. По крайней мере кишки больше не крутило.

Он двинулся к крыльцу. Каждый шаг давался ему с огромным трудом. Между камнями во дворе торчали пожелтевшие сорняки, словно они вяли и засыхали от прикосновений обитательницы дома. Шими видел, что урожай в огороде — тыквы, морковь, кабачки — так и не собран. Затем заметил пугало. Жуткого мутанта с двумя головами и рукой в женской перчатке, торчащей из груди.

Сэй Торин больше не уговорит меня прийти сюда, подумал Шими. Ни за какие пенни.

Дверь хижины была открыта. Шими она напоминала раззявленную пасть. Из хижины шел неприятный запах гнили.

В пятнадцати шагах от хижины Шими остановился, и тут Капи мордой ткнулся ему в задницу, как бы спрашивая, а что они тут делают. От неожиданности юноша вскрикнул. Крик этот до смерти испугал его самого. Лишь невероятным усилием воли ему удалось заставить себя остаться на месте, не броситься бежать. По-прежнему стоял ясный день, но здесь, на холме, солнце словно и не светило. Не первый раз приходил сюда Шими, холм Риа всегда пугал его, но сегодня что-то изменилось, и в худшую сторону. Душа его словно выворачивалась наизнанку: такое случалось, когда ночью он просыпался от дребезжащего воя червоточины. Словно что-то ужасное надвигалось на него — с безумными глазами и огромными красными когтями.

— С-с-сэй? Есть тут кто-нибудь? Ес...

— Подойди ближе. — Через открытую дверь до него долетел голос. — Встань так, чтобы я могла видеть тебя, идиот.

Сдерживая крик-стон, Шими подчинился. Он уже точно знал, что с холма ему не спуститься. Капризный, возможно, спустится, но не он.

Бедному Шими одна дорога: в котел. Отбивная — на сегодняшний обед, бульон — на завтра, копченое мясо — до Нового года. Вот какая его ждала судьба.

На ватных ногах он подошел к крыльцу Риа... если бы его колени соприкасались, они стучали бы, как кастаньеты. Даже голос у Риа изменился.

— С-сэй? Я б-боюсь. Я т-так б-боюсь.

— Так и должно, — заверил его голос, vyplывающий на солнечный свет, словно клуб вонючего дыма. — Не важно все это... делай, что я тебе говорю. Подойди ближе, Шими, сын Стенли.

Шими подошел, едва живой от ужаса. Мул, опустив голову, следовал за ним. Капи, поднимаясь на холм, постоянно ржал, ржал без перерыва... а тут замолчал.

— А теперь остановись, — приказал голос. — Замри, где стоишь.

Она вышла на крыльцо, щурясь от солнечного света. С пустым бочонком из-под грэфа в руках. На шее, как ожерелье, свернулся Эрмот.

Шими видел змею раньше, и всякий раз задавался вопросом, через какие страдания придется ему пройти перед тем как умереть, если она укусит его. Сегодня таких мыслей у него не возникло. В сравнении с Риа Эрмот казался безобидным домашним зверьком. Щеки старухи провалились, кожа обтянула кости, превратив голову в череп. Коричневые пятна проглядывали сквозь поредевшие волосы, заполонили подбородок, словно армия насекомых. Под левым глазом пламенела открытая язва, при усмешке губы обнажали несколько оставшихся зубов.

— Не нравится, как я выгляжу, да? — спросила она. — Холодеет сердце, не так ли?

— Н-нет. — ответил Шими, но тут же понял, что ответ нехорош. — Да-да! — Но, боги, получилось еще хуже. — Вы прекрасны, сэй! — выпалил он.

Риа зашлась беззвучным смехом, сунула Шими в руки пустой бочонок с такой силой, что тот едва не плюхнулся на задницу. От прикосновения ее пальцев, пусть и короткого, Шими покрылся гусиной кожей.

— Повеселил ты меня! Нашел, значит, красавицу? Ладно, мне это подходит. А теперь к делу. Принеси мне грэф, идиот.

— Да, сэй! Как скажете, сэй! — Он отнес пустой бочонок к мулу, поставил на землю, затем взялся за ремень, затянутый на маленьком бочонке с грэфом. Шими знал, что она наблюдает за ним, отчего руки отказывались его слушаться, но в конце концов он сумел распустить ремень и освободить бочонок. Он едва не выпал из рук Шими, который уже

представил себе, как бочонок падает на каменистый двор и разбивается, но в последнюю секунду юноша сумел его удержать. Понес бочонок к старухе и внезапно осознал, что змеи-ожерелья уже нет. А секунду спустя почувствовал, как что-то ползет у него по сапогам. Эрмот смотрел на него снизу вверх и шипел, обнажив две пары ядовитых зубов.

— Обходись без резких движений, мой мальчик. И дергаться не советую — Эрмот сегодня не в духах. Поставь бочонок за порогом, вот сюда. Для меня он слишком тяжел. В последнее время я иной раз забывала про еду.

Шими перегнулся пополам, наклоняясь вперед (*пониже поклонись ей*, сказала сэй Торин, именно это он и делал), скорчил гримасу, терпя боль в пояснице и не решаясь двинуть ногами, потому что змея все еще сидела на них. Когда он выпрямился, Риа держала в руке старый грязный конверт, запечатанный красным воском. Шими боялся подумать о том, какой компонент придал воску такой цвет.

— Возьми этот конверт и передай его Корделии Дельгадо. Ты ее знаешь?

— Д-да, — сумел выдавить из себя Шими. — Т-тетя сэй Сюзан.

— Совершенно верно. — Шими потянулся за конвертом, но Риа отдернула руку. — Ты ведь не умеешь читать, не так ли, идиот?

— Нет, написанные буквы и слова не держатся у меня в голове.

— Хорошо. И не вздумай показать письмо тому, кто умеет, иначе однажды ночью ты найдешь Эрмота у себя под подушкой. Я вижу далеко, учти это, Шими. *Очень далеко.*

Она дала ему всего лишь конверт, но Шими он показался очень тяжелым, словно лежала в нем не бумага, а металлическая пластина. И что за письмо могла посылать Риа Корделии Дельгадо? Шими вспомнил тот день, когда увидел лицо сэй Дельгадо, покрытое паутиной, и задрожал всем телом. Ужасная тварь, что ползала по его ногам у порога ведьминой хижины, могла сплести ту самую паутину.

— Потеряешь письмо — я об этом узнаю, — прошептала Риа. — Покажешь кому — тоже узнаю. Запомни, сын Стенли, я вижу далеко.

— Я буду осторожен, сэй. — Шими чувствовал, что лучше потерять письмо, чем доставить адресату, но знал, что не решится пойти против воли Риа. С умом у него, конечно, было не очень, все об этом говорили, но он тем не менее понял, зачем его позвали на холм: не для того, чтобы привезти бочонок графа, но взять письмо и передать его кому следует.

— Не желаешь зайти на минуточку? — прошептала Риа, затем указала на его промежность. — Если я дам тебе съесть маленький кусочек одного

гриба... известного только мне... я действительно превращусь для тебя в красавицу.

— О, я не могу. — Он прикрыл руками свое хозяйство, улыбаясь во весь рот идиотской улыбкой. — Эта штучка отвалилась у меня на прошлой неделе, отвалилась, и все.

Какое-то мгновение Риа таращилась на него, искренне изумившись, что случалось с ней считанные разы, а потом расхохоталась. Схватила руками за живот, качаясь из стороны в сторону. Эрмот, удивленный столь странным поведением хозяйки, уполз в дом. Из темноты донеслось шипение кота.

— Иди. — Риа все смеялась. Потом наклонилась вперед и бросила три или четыре пенни в нагрудный карман рубашки Шими. — Убирайся отсюда, живо. И по пути не заглядывайся на цветы!

— Нет, сэй...

Больше он ничего сказать не успел, потому как дверь захлопнулась с такой силой, что из щелей между досками полетела пыль.

7

Роланд удивил Катберта, предложив в два часа дня вернуться на «Полосу К». На вопрос Катберта почему, Роланд только пожал плечами, обойдясь без слов. Берт посмотрел на Алена, но не нашел ответа на его задумчивом лице.

Когда они подъезжали к ранчо, предчувствие беды захлестнуло Катберта. А уж когда поднялись на холм, стало ясно, что возникло оно не на пустом месте: бункер встречал их распахнутой дверью.

— Роланд! — закричал Алел, указывая на рожицу тополей над родником. Их выстиранная одежда, которую они аккуратно развесили для сушки, кучей валялась на земле.

Катберт спешил и подбежал к роднику. Поднял рубашку, понюхал, бросил на землю.

— Обоссано! — негодуя крикнул он.

— Пошли. — Роланд тронул коня. — Подсчитаем урон.

8

Урон им нанесли значительный. *Как ты и ожидал*, подумал Катберт,

злобно глянув на Роланда. А переведя взгляд на Алена, мрачного, но не особо удивленного увиденным, мысленно поправился. *Как вы оба ожидали.*

Роланд наклонился над одним из мертвых голубей, что-то поднял, Катберт поначалу не разобрал, что именно. Затем Роланд выпрямился и показал находку своим друзьям. Волос. Очень длинный, очень белый. Он развел большой и указательный пальцы, и волос упал на пол. И остался лежать между клочками фотографии отца и матери Катберта Оллгуда.

— Если ты знал, что этот старый козел здесь, почему мы не вернулись и не оборвали его дыхание? — услышал Катберт свой голос.

— Потому что время еще не пришло, — ровным голосом ответил Роланд.

— А он бы это сделал, если б один из нас проник в его жилище, уничтожая его вещи.

— Мы не такие, как он. — ровным голосом ответил Роланд.

— Я собираюсь его найти и вышибить ему все зубы.

— Ни в коем случае, — ровным голосом ответил Роланд.

Катберт понял: еще одно слово, произнесенное этим бесстрастным тоном, как бы подчеркивающим, что ничего особенного не произошло, и он сойдет с ума. Все мысли о дружбе и *ка-тете* ушли в глубины подсознания, вытесненные слепой, раскаленной добела яростью. Джонас побывал здесь. Джонас мочился на их одежду, называл мать Алена шлюхой, порвал дорогие их сердцам фотографии, разрисовал гадостями стены, убил их голубей. Роланд это знал... но ничего не сделал... намеревался и *далее* ничего не делать. Кроме как трахать эту девку-наложницу. И трахать в свое удовольствие, потому что больше ему просто ничего не нужно.

Но ей не понравится твоя физиономия, когда она увидит тебя в следующий раз, подумал Катберт. *Я об этом позабочусь.*

И он поднял кулак. Ален перехватил его руку. Роланд отвернулся и начал собирать разбросанные по полу одеяла, словно перекошенное от ярости лицо Катберта и его вскинутый кулак не имели к нему ни малейшего отношения.

Катберт сжал в кулак вторую руку, чтобы отделаться от Алена, но одного взгляда на круглое и открытое лицо друга, теперь такое встревоженное, даже испуганное, хватило, чтобы померить его ярость. Ален все-таки ни при чем. Катберт не сомневался, что Ален знал о том, что творится в бункере, но понимал он и другое: Роланд настоял, чтобы Ален ничего не предпринимал до отъезда Джонаса.

— Пойдем со мной. — прошептал Ален, обнимая Катберта за

плечи. — На свежий воздух. Ради твоего отца, пойдем. Тебе надо остыть. Сейчас не время выяснять отношения.

— Сейчас не время и для нашего лидера думать не головой, а членом. — Катберт и не думал понижать голоса. Но когда Ален второй раз подтолкнул его к двери, упираться не стал.

Я сдерживаюсь последний раз, сказал он себе. *Думаю, нет, знаю, на большее меня не хватит. И попрошу Алена сказать ему об этом.*

Сама идея использовать Алена в качестве посредника между ним и его лучшим другом (он представить себе не мог, что они дойдут до такого) вызвала вспышку ярости. В дверях он обернулся.

— *Она превратила тебя в труса*, — произнес он Высоким Слогом. И у Алена, уже стоявшего на крыльце, перехватило дыхание.

Роланд замер, словно превратившись в статую, спиной к ним, с одеялами в руках. В тот момент Катберт почувствовал, что сейчас Роланд повернется и бросится на него. Они схлестнутся и будут драться до тех пор, пока один из них не упадет мертвым, ослепшим или потерявшим сознание. Катберт отдавал себе отчет, что скорее всего упадет он, но это его уже не волновало.

Но Роланд не повернулся. Лишь ответил тем же Высоким Слогом: *Он приходил, чтобы украсть наши хитрость и здравомыслие. С тобой ему это удалось.*

— Нет. — Катберт перешел на низкое наречие. — Я знаю, какая-то твоя часть в это верит, но это не так. Истина в том, что ты потерял ориентировку. Твоя беззаботная любовь привела к тому, что ты лишился чувства ответственности и...

— Ради богов, *пошли!* — прорычал Ален и буквально вышвырнул его за дверь.

Во дворе Катберт уже ничего не мог с собой поделать — его ярость выплеснулась на Алена. Они стояли друг против друга, залитые солнцем. Ален — несчастный и печальный, Катберт — сжав пальцы в кулаки с такой силой, что они вибрировали.

— Почему ты всегда оправдываешь его? Почему?

— На Спуске он спросил, доверяю ли я ему. Я ответил, что да. Доверяю и теперь.

— Тогда ты дурак.

— А он — стрелок. Если он говорит, что мы должны ждать, значит, мы должны.

— Стрелком он стал благодаря случаю! Урод! Мутант!

Ален от изумления лишился дара речи.

— Пойдем со мной, Ален. Пора поставить точку в этой безумной игре. Мы найдем Джонаса и убьем его. Наш *ка-тет* порушен. Мы создадим новый, ты и я.

— Он не порушен. А если порушится, вина будет твоя. И за это я тебя никогда не прощу.

Теперь пришла пора помолчать Катберту.

— Почему бы тебе не отправиться на прогулку? Прошвырнись по Спуску. С возвращением не торопись. Дай себе время остыть. Слишком многое зависит от нашей дружбы...

— Скажи об этом ему!

— Нет, я говорю тебе. Джонас обозвал мою мать грязным словом. Ты думаешь, я не поехал бы с тобой, чтобы отомстить, если б не считал, что Роланд прав? Что именно этого и добивается Джонас? Хочет, чтобы мы забыли о благоразумии и, не думая о последствиях, выскочили из-за Укрепления.

— Все это правильно, но и неверно тоже, — ответил Катберт. Однако кулаки его медленно разжались. — Ты этого не видишь, а у меня нет слов, чтобы объяснить. Если я скажу, что Сюзан отравила колодец нашего *ка-тета*, ты ответишь, что я ревную. Однако я думаю, что отравила, возможно, сама о том не ведая. Она отравила его мозг и открыла дверь в ад. Роланд чувствует идущий из двери жар, но думает, что это его чувства к ней... но мы должны это изменить, Эл. Должны *найти способ* это изменить. Ради него, ради нас и наших отцов.

— Ты полагаешь ее нашим врагом?

— Нет! С врагом-то справиться проще. — Он глубоко вдохнул, выдохнул, второй раз, третий. С каждым выдохом он становился спокойнее, все более похожим на самого себя. — Не важно. Сейчас ничего больше я сказать не могу. Твой совет хорош... Проедусь. Вернусь не скоро.

Берт шагнул к лошади, потом повернулся:

— Скажи ему, что он неправ. Скажи ему, что он прав насчет выжидания, да только причины, из которых он исходит, не те, а потому в целом он не прав. — Катберт помялся. — Скажи ему насчет двери в ад. Скажи, что в этом проявилось мое шестое чувство. Скажешь ему?

— Да. Держись подальше от Джонаса, Берт.

Катберт уселся в седло.

— Я ничего не обещаю.
— Ты не мужчина. — В голосе Алена слышалась печаль, он чуть не плакал. — Мы все не мужчины.
— В этом тебе лучше бы ошибиться, — ответил Катберт, — потому что нас ждет мужская работа.
Развернул лошадь и ускакал галопом.

10

Ускакал он далеко, по Прибрежной дороге, поначалу стараясь ни о чем не думать. На собственном опыте он убедился, что в голову иной раз забредают интересные мысли, безо всяких усилий с его стороны: лишь бы дверь оставалась открытой. Зачастую полезные мысли.

Но в этот день такого не случилось. Сбитый с толку, несчастный, понятия не имея, что предпринять, на чем остановиться, Берт повернул к Хэмбри. Из конца в конец проехал Главную улицу, голосом или взмахом руки приветствуя тех, кто приветствовал его. Они встретили здесь много хороших людей. Некоторых он считал друзьями, чувствуя, что простой люд Хэмбри принял их за своих, молодых людей, уехавших так далеко от дома и семьи. И чем ближе знакомился Берт с простыми людьми, тем больше крепло его убеждение в том, что они не принимают никакого участия в заговоре Раймера и Джонаса. Не потому ли Благодетель и выбрал Хэмбри для осуществления своих черных замыслов, что горожане, действительно верные Альянсу, как стеной прикрывали грязные игры канцлера и его людей?

На улице толпился народ. Фермеры бойко распродавали свой товар, покупатели осаждали лотки, дети смеялись на кукольном представлении «Питч и Джилли» (сейчас Джилли гоняла бедолагу Питча метлой), город прихорашивался ко дню Ярмарки. Однако приближение Ярмарки Катберта нисколько не радовало. Только потому, что Ярмарку эту он встречал не в Гилеаде? Возможно... но скорее из-за той тяжести, что легла на ум и сердце. Нет, в таком настроении встречать Ярмарку решительно не хотелось.

Он выехал из города, океан остался далеко позади, солнце светило в лицо, тень становилась все длиннее. Катберт уже подумывал над тем, чтобы свернуть с Великого Тракта и через Спуск направиться к «Полосе К». Но прежде чем перешел от мыслей к делу, увидел впереди своего закадычного друга Шими, ведущего за собой мула. Шел Шими, опустив

голову с поникшими плечами, в надвинутом на лоб розовом сомбреро, в запылившихся сапогах. Катберту показалось, что идет он аж с края земли.

— Шими! — воскликнул Катберт, предвкушая широкую ответную улыбку юноши. — Длинных тебе дней и приятных ночей! Как...

Шими поднял голову, и как только из-под кромки сомбреро появилось его лицо, Катберт замолчал. Потому что на лице юноши читался не страх — ужас. Щеки побледнели, глаза ввалились, губы дрожали.

11

Будь на то его желание, Шими добрался бы до дома Дельгадо двумя часами раньше, но он плелся со скоростью черепахи, лежащее за пазухой письмо так и придавливало его к земле. Ужасное, ужасное письмо. Он не мог даже думать о нем, потому что боги обделили его разумом, но знал, что письмо принесет много горя.

Катберт молнией соскочил с лошади, подбежал к Шими, положил руки ему на плечи.

— Что не так? Расскажи своему верному другу. Он не будет смеяться, даже не улыбнется.

Услышав добрый голос Артура Хита, увидев его озабоченное лицо, Шими расплакался. Приказание Риа никому ничего не говорить вылетело у него из головы. Глотая слезы, он рассказал обо всем, что пришлось ему пережить в этот день. Дважды Катберту пришлось просить его не торопиться, чуть успокоиться, и когда Берт, обняв Шими, увел его в тень дерева, где они и присели, юношу наконец-то покинул страх. Катберт слушал со всевозрастающей тревогой. Закончив печальное повествование, Шими достал из-за пазухи конверт.

Когда Катберт сорвал печать и прочитал записку Риа, у него округлились глаза.

12

Рой Дипейп поджидал Джонаса в «Приюте путников», куда тот в отличном расположении духа и возвратился из поездки на «Полосу К». Посланец таки прибыл, объявил Дипейп, улучшив и без того прекрасное настроение Джонаса. Однако Рой почему-то не лучился счастьем, как ожидал Джонас. Скорее наоборот.

— Посланец поехал в Дом-на-Набережной, где, как я полагаю, его ждут, — продолжил Дипейп. — Он хочет, чтобы ты прибыл туда немедленно. На твоём месте я бы не задерживался ни на секунду, не стал бы далее есть. И пить не советую. С этим типом можно иметь дело только на ясную голову.

— Что-то ты сегодня рассоветовался, а, Рой? — Голос Джонаса сочился сарказмом, однако когда Красотуля принесла ему стопку виски, он качнул головой и послал ее за стаканом воды. Рой-то сам не свой, решил Джонас. Бледно выглядит старина Рой. А когда Шеб сел за пианино и прошелся по клавишам, Рой вздрогнул, как от удара, и схватился за револьвер. Интересно. Но настораживало.

— Выкладывай, сынок... отчего волосы у тебя встали дыбом?

Рой покачал головой.

— Точно не знаю.

— Как зовут посланца?

— Я не спрашивал, он не представился. Показал мне пайдзу Фарсона. Ты знаешь, — Дипейп понизил голос. — Глаз.

Джонас знал, все так. Он ненавидел этот широко раскрытый глаз, не мог представить себе, что заставило Фарсона остановиться на таком символе. Почему не поднятый кулак? Скрещенные мечи? Птица? К примеру, сокол... сокол отлично смотрелся бы на пайдзе. Но этот глаз...

— Хорошо. — Джонас допил воду. Она пошла лучше, чем виски... от поездки по солнцу в горле пересохло. — Остальное выясню сам.

У дверей Джонаса остановил голос Дипейпа:

— Элдред?

Джонас обернулся.

— Выглядит он, как разные люди.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю. — По лицу Дипейпа чувствовалось, что он в полном замешательстве и действительно не понимает, с кем свела его судьба. — Мы говорили не больше пяти минут, но в какой-то момент я посмотрел на него и подумал, что он — тот старый козел из Ритзи, которого я пристрелил. Чуть позже посмотрел еще раз и чуть не вскрикнул: «Адов огонь, да это же мой папашка». А потом он стал самим собой.

— И как он выглядит?

— Увидишь сам. Впрочем, не думаю, что он тебе глянется.

Открыв одну дверцу, Джонас повернулся вновь:

— Рой, надеюсь, это не сам Фарсон? Переодевшийся Благодетель?

Дипейп, хмурясь, задумался, потом покачал головой:

— Нет.

— Ты уверен? Мы видели его только раз, помнишь, и издалека. — Латиго показал им Фарсона. Шестнадцать месяцев назад плюс-минус несколько дней.

— Я уверен. Ты же помнишь, какой он огромный?

Джонас кивнул. Конечно, не лорд Перт, но ростом повыше шести футов и поперек себя шире.

— Этот человек ростом с Клея, а то и ниже. И рост у него не меняется, какое бы обличье он ни принял. — Дипейп помялся, прежде чем добавить: — А смеется он, как мертвец. От этого смеха меня бросило в дрожь.

— Что значит, как мертвец?

Рой Дипейп покачал головой:

— Объяснить не могу.

13

Двадцатью минутами позже Элдред Джонас миновал арку со словами «ВХОДИТЕ С МИРОМ» и оказался на вымощенном дворе Дома-на-Набережной. На душе у него кошки скребли. Он ожидал, что приедет Латиго... а приехал, если Рой слишком уж не ошибся, кто-то другой.

Мигуэль, широко улыбаясь, поспешил к нему. Взял поводья из рук Джонаса.

— Reconocimiento^[35].

— Por nada, jefe^[36].

Джонас вошел в дом, увидел Олив Торин, в одиночестве сидевшую в гостиной, кивнул ей. Она кивнула в ответ, чуть улыбнулась.

— Сэй Джонас, как хорошо вы выглядите. Если вы хотите увидеть Харта...

— Прошу меня извинить, леди, но я приехал к канцлеру. — И Джонас быстро поднялся по лестнице, ведущей в апартаменты канцлера, прошел узким длинным коридором, освещенным (не очень ярко) газовыми рожками.

Постучал в массивную, из дуба, инкрустированную медью дверь. К красивым женщинам вроде Сюзан Дельгадо Раймер проявлял полное равнодушие, зато атрибуты власти и роскошь любил.

— Заходите, мой друг, — ответил голос — не Раймера. А за словами последовал смешок, от которого по коже Джонаса поползли мурашки. Он

смеется, как мертвец, вспомнилось ему предупреждение Роя.

Джонас толкнул дверь и вошел. К благовониям Раймер относился с безразличием, точно так же как к бедрам и губам женщин, но сейчас в кабинете курились благовония, и их запах напомнил Джонасу о Зале Предков в Гилеаде. Газовые рожки горели на полную мощность. Шторы из пурпурного бархата (королевский цвет, его Раймер выделял среди всех) колыхались от морского бриза, залетавшего через открытые окна. Раймера Джонас не увидел. Как и обладателя голоса, пригласившего его войти. К кабинету примыкал небольшой балкончик, но через открытые двери Джонас видел, что там никого нет.

Джонас двинулся дальше, бросил взгляд в зеркало в золоченой раме, дабы убедиться, что никого нет и у него за спиной. Никого и не было. Впереди и слева стоял столик, накрытый на двоих, на нем — тарелки с холодными закусками, но стулья пустовали. Однако кто-то с ним говорил. Кто-то пригласил его войти, находясь по другую сторону двери.

Джонас выхватил револьвер.

— Да перестаньте, — слышался тот самый голос. Из-за левого плеча Джонаса. — Незачем прибегать к оружию, мы же все друзья. Сами знаете, находимся по одну сторону баррикад.

Джонас развернулся на каблуках, внезапно ощутив себя медлительным стариком. Перед ним стоял мужчина среднего роста, плотного сложения, с блестящими синими глазами и румянцем во всю щеку, свидетельствующим то ли об отменном здоровье, то ли о выпитом вине. Его улыбающиеся губы открывали маленькие зубки, спиленные на острие... конечно же, природа не могла наделить человека такими острыми зубами. Одет он был в черную сутану, в каких ходили святые люди, с отброшенным на спину капюшоном. Поначалу Джонас подумал, что мужчина лысый, но потом понял, что ошибся. Волосы он не стриг — брил.

— Уберите вашу пукалку, — продолжил мужчина в черном. — Мы все друзья, говорю я вам... рука руку моет. Мы преломим хлеб и поговорим о многом... волах, и цистернах с нефтью, и о том, что Фрэнк Синатра как шансонье превосходил Элвиса Пресли.

— Кто? Кого превосходил?

— Вы их не знаете, да это и не важно, — вновь затараторил мужчина в черном.

Не нравился Джонасу его голос, определенно не нравился. Такие голоса, подумал он, доносятся через забранные решетками окна психушки.

Он повернулся. Посмотрел в зеркало и увидел в нем мужчину в черном, который все так же радостно улыбался ему. Боги, да видел ли он

его живьем?

Да, но ты не мог его видеть, пока он этого не захотел. Я не знаю, колдун ли он, но с магией точно знаком. А может, это маг Фарсона?

Джонас повернулся к мужчине в черном. Улыбка осталась, а вот заостренных зубов как не бывало. Но они же были. Джонас мог в этом поклясться.

— Где Раймер?

— Я послал его к юной сэй Дельгадо, порепетировать ее выступление на празднике Жатвы, — ответил мужчина в черном, обнял Джонаса за плечи и увлек к столу. — Подумал, что лучше нам держать совет вдвоем.

Джонас не хотел оскорблять посланца Фарсона, но прикосновение этой руки вызывало отвращение. Он не мог объяснить чем, но вызывало. Словно к нему прикоснулось что-то мерзкое и склизкое. Он стряхнул руку и двинулся к одному из стульев, стараясь унять дрожь. Неудивительно, что Дипейп вернулся от Скалы Висельников таким бледным. Абсолютно его это не удивляло.

Вместо того чтобы оскорбиться, мужчина в черном захихикал. (Да, подумал Джонас, *он смеется, как мертвец, именно так он и смеется.*) На мгновение Джонасу привиделось, что перед ним Фапло, отец Корта, тот самый человек, который послал его на запад столько лет назад, и он вновь потянулся за револьвером. Но перед ним стоял лишь мужчина в черном, с прилипшей к лицу улыбкой всезнайки, с синими глазами, поблескивающими в свете газовых рожков.

— Увидели что-то интересное, сэй Джонас?

— Да. — Джонас сел. — Поедим. — Он отломил кусок хлеба, сунул в рот. Хлеб прилип к пересохшему языку, но Джонас продолжал его жевать.

— Хороший мальчик. — Мужчина в черном тоже сел, разлил вино, первым наполнив стакан Джонаса. — Теперь, мой друг, расскажите обо всем, что вы сделали после того, как прибыли эти мальчишки, обо всем, что вы знаете, и о всех ваших планах на будущее. Не упускайте ни единой мелочи.

— Сначала покажите мне вашу пайдзу.

— Разумеется. Какой вы, однако, недоверчивый.

Мужчина в черном сунул руку под сутану и вытащил металлическую пластинку. Серебро, догадался Джонас. Бросил ее на стол, и, подпрыгивая, она заскользила к тарелке Джонаса. На пластинке Джонас увидел то, что и ожидал: выгравированный огромный, таращившийся на него глаз.

— Удовлетворены?

Джонас кивнул.

— А теперь пододвиньте ее ко мне.

Джонас протянул руку, и впервые она напоминала его дрожащий голос. Он посмотрел на свои трясущиеся пальцы, положил руку на стол.

— Я... я не хочу.

Да. Он не хотел. Внезапно он осознал, что, коснись он пластинки, выгравированный серебряный глаз повернется... и посмотрит прямо на него.

Мужчина в черном захихикал и шевельнул пальцами. Серебряная пряжка, Джонас решил, что это скорее пряжка, чем пластинка, заскользила к нему и исчезла в рукаве сутаны.

— Абрадакадабрама! Оп-ля-ля! Финиш! — Мужчина в черном отпил вина. — Если мы покончили с этими утомительными формальностями...

— Осталась одна, — ответил Джонас. — Вы знаете мое имя. Я хотел бы знать ваше.

— Зовите меня Уолтер, — ответил человек в черном, и улыбка слетела с его губ. — Старый добрый Уолтер — это я. А теперь давайте поглядим, где мы и куда идем. Короче, будем держать совет.

14

Когда Катберт вернулся на «Полосу К», спустилась ночь. Роланд и Ален играли в карты. Бункер они как могли привели в порядок. Даже от надписей, спасибо скипидару, найденному в чулане при конюшне, остались только розовые разводы, а теперь друзья сражались в Casa Fuerte, или «Свежее пятно», как называли эту игру в Гилеаде. Так или иначе, игра эта представляла собой разновидность «Следи за мной», карточной игры, в которую рубились в салунах и у походных костров испокон веку.

Роланд бросил короткий взгляд на Берта, стараясь понять, в каком он прибыл настроении. Лицо Роланда, как обычно, оставалось бесстрастным, но душу его терзали боль и нерешительность. Ален пересказал ему разговор с Катбертом, и ужасные слова последнего поразили его, пусть и услышанные через вторые руки. А более всего не давала ему покоя последняя фраза Катберта, брошенная перед тем, как он вышел из бункера: «Твоя беззаботная любовь привела к тому, что ты лишился чувства ответственности». Так ли это? Вновь и вновь он убеждал себя, что нет, что путь, которым он вел их, трудный, но единственно верный. И крики Катберта — не более чем злой ветер, который подняли его расшатавшиеся нервы... и его ярость, обусловленная надругательством над их жилищем.

Однако...

Скажи ему, что он прав насчет выжидания, да только причины, из которых он исходит, не те, а потому в целом он не прав.

Такого быть не могло.

Или могло?

Катберт улыбался, и щеки его покраснелись, словно весь обратный путь он промчался галопом. Выглядел он таким юным, красивым, энергичным. Более того, счастливым, тем самым Катбертом, которого Роланд знал в недалеком прошлом — долдонящим всякую чушь грачиному черепу, пока кто-нибудь не попросит его заткнуться.

Но Роланд не доверял тому, что видели его глаза. В улыбке чувствовалась фальшь, румянец могла вызвать злость — не быстрая скачка, искорки в глазах вспыхивали яростью, а не юмором. Мысли Роланда не отразились на его лице, но сердце упало. Он надеялся, что буря по прошествии времени утихнет, но этого не произошло. Роланд искоса глянул на Алена, и увидел, что Ален думает о том же.

Катберт, через три недели все закончится. Если бы только я мог сказать тебе об этом.

И тут же в его голове возникла другая мысль, потрясающая в своей простоте: *А почему не можешь?*

И Роланд понял, что ответа у него нет. Почему он держал все при себе, не советуясь с друзьями? С какой целью? Или он действительно ослеп? Боги, неужели ослеп?

— Привет, Берт, — первым заговорил он. — Ты хорошо про...

— Да, очень хорошо, отлично проехался, очень познавательная получилась прогулка. Выйди во двор. Я хочу тебе кое-что показать.

Роланду все меньше и меньше нравился лихорадочный блеск глаз Катберта, но он положил карты рубашками вверх и встал.

Ален дернул его за рукав.

— Нет, — В голосе его слышалась паника. — Разве ты не видишь, какой у него взгляд?

— Вижу — ответил Роланд. Смятение захлестнуло его.

И, шагая к другу который уже мог перестать быть таковым, Роланд впервые подумал, что принимал решения в состоянии, близком к пьяному сну. И принимал ли он решения вообще? Уверенности в этом уже не было.

— Что ты хочешь мне показать, Берт?

— Что-то удивительное, — рассмеялся Берт. В смехе отчетливо слышалась ненависть. Может, даже желание убить. — Тебе захочется на это посмотреть. Я знаю, что захочется.

— Берт, что с тобой? — спросил Ален.

— Со мной? Ничего, я в полном порядке, Эл... счастлив, как жаворонок на заре, как пчела над цветком, как рыбка в океане. — Он повернулся и, смеясь, вышел за дверь.

— Не ходи туда, — взмолился Ален. — Он же свихнулся.

— Если наша дружба порушена, у нас нет ни единого шанса выбраться из Меджиса, — ответил Роланд. — Если так, я предпочту умереть от руки друга, а не врага.

Он вышел из бункера. После короткого колебания Ален последовал за ним. С печатью глубокой печали на лице.

15

Охотничья Луна ушла. Демоническая еще не показала своего лица, но небо сияло яркими звездами, так что света хватало. Лошадь Катберта, еще оседланная, стояла у крыльца, привязанная к перилам. За ней поблескивал серебром квадрат пыльного двора.

— Где оно? — спросил Роланд. Все они были без оружия. К счастью для них. — То, что ты хочешь мне показать?

— Здесь. — Катберт остановился между бункером и обугленными остатками особняка, ткнул пальцем в землю. Ткнул уверенно, но Роланд не видел там ничего особенного. Подошел к Катберту посмотрел вниз.

— Я не...

Яркий свет, в тысячу раз ярче звездного, вспыхнул у него в голове, когда кулак Катберта врезался ему в подбородок. Впервые, если не считать детских игр, Берт ударил его. Сознания Роланд не потерял, но лишился контроля за руками и ногами. Они вроде бы были, но отказывались служить ему, словно конечности тряпичной куклы. Он упал на спину, подняв пыль. Звезды пришли в движение, медленно кружились, таща за собой молочный хвост. В ушах звенело.

Из далекого далека донесся крик Алена:

— Идиот! Что ты наделал, идиот?

Невероятным усилием Роланд сумел повернуть голову. Увидел спешащего к нему Алена. Увидел Катберта, более не улыбающегося, который оттолкнул Алена.

— Это касается только нас двоих, Эл. Не вмешивайся.

— Ты же ударил его исподтишка, негодяй! — Ален заводился медленно, но теперь в нем разгоралась ярость, не сулящая Катберту ничего

хорошего.

Я должен встать, подумал Роланд. *Должен подняться и встать между ними, пока не произошло непоправимое.* Его руки и ноги заелозили по пыли.

— Да... именно так он поступил с нами. — ответил Катберт. — Я лишь вернул ему должок. — Он посмотрел вниз. — Именно это я и хотел показать тебе, Роланд. Этот кусок земли. Это облако пыли, в котором ты сейчас лежишь. Попробуй ее на вкус. Может, это тебя разбудит.

Теперь уж и в Роланде закипела злость. Он почувствовал, как холодная ненависть заползает в голову, попытался бороться с ней, понял, что проигрывает. Джонас уже перестал существовать для него. Цистерны с нефтью, которые они нашли в СИТГО, перестали существовать. Весь раскрытый ими заговор постигла та же участь. Еще немного, и он забыл бы про Альянс и *ка-тет*, который они всеми силами пытались сохранить.

Ноги и руки вновь начали подчиняться ему. Он сел. Посмотрел на Берта, опираясь руками о землю. С закаменевшим лицом. От звездного света болели глаза.

— Я люблю тебя, Катберт, но больше не потерплю нарушения субординации и приступов ревности. Если я отплачу тебе сполна, наверное, от тебя останется мокрое место, поэтому ты получишь лишь за удар, нанесенный тайком, когда я этого не ожидал.

— Насчет того, что ты можешь оставить от меня мокрое место, я не сомневаюсь. Но сначала хочу, чтобы ты взглянул вот на это. — Чуть ли не с презрением Берт швырнул сложенный листок. Он ударился Роланду в грудь и упал на колени.

Роланд взял листок в руки и почувствовал, как опадает высоко поднявшаяся волна ярости.

— Что это?

— Разверни и посмотри. Чтобы прочесть, света достаточно.

Медленно, непослушными пальцами Роланд развернул листок и прочитал записку Риа:

УЖЕ НЕ ЧИСТА!

ОН ЗАЛЕЗ ВО ВСЕ ЕЕ ДЫРКИ, УИЛЛ ДИАБОРН!

КАК ТЕБЕ ЭТО НРАВИТСЯ?

Роланд прочитал записку дважды. Второй раз дался ему с трудом, потому что руки начали дрожать. Перед его мысленным взором возникли все места, где они встречались с Сюзан: эллинг, хижина, лачуга... и все

встречи он увидел в новом свете, зная теперь, что за ними наблюдали. А как они были уверены, что встречи эти — тайна за семью печатями. Однако кто-то подсматривал за ними. Сюзан не ошиблась. Кто-то их видел.

Я подставил все под удар. Ее жизнь и наши жизни.

Передай ему мои слова о двери в ад.

И голос Сюзан: *Ка — как ветер... если любишь, тогда люби меня.*

Так он и поступил, в юношеской наглости уверовав, что все обойдется. Не сомневаясь, что *ка* не отвернется от них, всегда им поможет.

— Каким же я был дураком. — Голос его дрожал, как и руки.

— Да, действительно, — покивал Катберт. — Все так. — Он упал на колени в пыль перед Роландом. — Если хочешь ударить меня, ударь. Изо всей силы, и бей сколько хочешь. Я не подниму руки. У меня была одна цель — разбудить твоё чувство ответственности. Если оно по-прежнему спит, бей. Как ты ни поступишь, я все равно тебя люблю. — Берт положил руки Роланду на плечи и поцеловал его в щеку.

Роланд заплакал. То были слезы благодарности, смешанные со слезами стыда и смущения: потому что какая-то самая темная часть его существа возненавидела Катберта, и ненависть эта осталась с ним навсегда. Часть эта возненавидела Катберта именно за поцелуй, а не внезапный удар в челюсть. За прощение, а не желание разбудить.

Он поднялся, держа письмо в одной руке, второй вытирая щеки, отчего на них оставались грязные разводы. Его шатнуло, и Катберт протянул руку, чтобы поддержать своего друга. Роланд с такой силой оттолкнул ее, что Катберт сам упал бы, не схвати его Ален за плечи.

Затем медленно Роланд опустился на колени перед Катбертом, воздев руки, поникнув головой.

— Роланд, нет! — воскликнул Катберт.

— Да, — ответил Роланд. — Я забыл лицо моего отца и прошу у тебя прощения.

— Прощаю, конечно, ради богов, да. — По голосу чувствовалось, что Катберт сам едва сдерживает слезы. — Только... пожалуйста, встань! У меня разрывается сердце, когда я вижу тебя таким!

Мое тоже, думал Роланд. Претерпеть такое унижение! Но я сам навлек это на себя, не так ли? Этот темный двор, трещащая голова, сердце, переполненное стыдом и страхом. Все это мое, за все заплачено.

Они помогли ему встать, и на этот раз Роланд принял их помощь.

— Удар левой у тебя поставлен, Берт, — уже нормальным голосом заметил он.

— Он хорош только в одном случае — когда о нем не подозревают. —

ответил Катберт.

— Это письмо... как оно к тебе попало?

Катберт рассказал о встрече с Шими, который никак не мог донести письмо до адресата, словно ждал вмешательства *ка...* и *ка* вмешалось, приняв облик Артура Хита.

— От ведьмы, — промурлыкал Роланд. — Да, но как она узнала? Она никогда не покидает Коос, так говорила Сюзан.

— Ничего не могу сказать. Да и важно не это. Главное, чтобы Шими не пострадал из-за того, что отдал мне письмо. А еще лучше позаботиться о том, чтобы эта старая ведьма не предприняла второй попытки связаться с Корделией Дельгадо или с кем-то еще и рассказать о том, что знает.

— Я допустил одну ужасную ошибку, — медленно проговорил Роланд, но я не считаю любовь к Сюзан другой ошибкой, тут я ничего не могу изменить. Как и она. Вы в это верите?

— Да, — без запинки ответил Ален.

— Да, Роланд, — пусть и с неохотой, но вымолвил Катберт.

— Я показал себя самонадеянным глупцом. Если бы эта записка попала к ее тетке, Сюзан отправили бы в ссылку.

— А нас — к дьяволу, на концах веревки, — сухо добавил Катберт. — Хотя я знаю, что в сравнении с Сюзан мы для тебя ничто.

— Так как насчет ведьмы? — спросил Ален. — Что нам с ней делать?

Роланд улыбнулся одними губами, посмотрел на северо-запад:

— Риа. Не знаю, какая она ведьма, но хлопот от нее не оберешься, не так ли? Пожалуй, надо с ней разобраться.

И, наклонив голову, двинулся к бункеру. Катберт посмотрел на Алена, увидел, что и у Эла подозрительно блестят глаза. Протянул руку. Ален взглянул на нее, потом кивнул, скорее себе, чем Катберту, и пожал.

— Ты поступил как должно, — вырвалось у Алена. — Поначалу я в этом сомневался, но не теперь.

Катберт шумно выдохнул:

— Как должно, говоришь. Если б я не застал его врасплох...

— ...он бы раскрасил тебя в синий и черный цвета.

— Не только, — возразил Катберт. — Я бы стал похож на радугу.

— Даже Колдовскую радугу — уточнил Ален. — В обычной цветов не хватило бы.

Катберт рассмеялся. Вдвоем они зашагали к бункеру где Роланд расседлывал лошадь Берта.

Катберт хотел ему помочь, но Ален остановил его.

— Пусть побудет один. Это наилучший вариант.

Они вошли в бункер, а когда Роланд появился там десять минут спустя, он увидел, что Катберт играет его картами. И выигрывает.

— Берт.

Катберт поднял голову.

— Завтра нам с тобой предстоит деловая поездка. На Коос.

— Мы собираемся убить ее?

Роланд глубоко задумался, прикусил губу:

— Следовало бы.

— Да. Следовало бы. Но мы ее не убьем?

— Нет, если только она нас к этому не вынудит. — Потом он раскаивался в этом решении... если это было решение, горько раскаивался, но все же полностью отдавал себе отчет, почему принял его. В дни падения Меджиса он был мальчишкой, чуть старше Джейка Чеймберса, а мальчишкам убийство всегда дается с трудом. — Если только она нас к этому не вынудит.

— Может, будет лучше, если вынудит. — Катберт ответил, как и положено стрелку, но в голосе его слышалась тревога.

— Да. Возможно. Но это маловероятно, она слишком хитра. Встать придется пораньше.

— Хорошо. Карты тебе отдать?

— Когда ты вот-вот разделаешься с ним? Нет уж.

Роланд прошел к своей койке. Сел, уставившись на лежащие на коленях руки. Возможно, он молился. Возможно, о чем-то глубоко задумался. Катберт пристально посмотрел на него, а потом уткнулся в карты.

Солнце только поднялось над горизонтом, когда Роланд и Катберт двинулись в путь. Спуск, еще влажный от утренней росы, полыхал оранжевым огнем первых солнечных лучей. Дыхание всадников и лошадей парком вилось в воздухе. Утро это осталось у них в памяти навсегда. Впервые в жизни они выехали с револьверами в кобурах. Впервые предстали перед миром стрелками.

Катберт не произнес ни слова, он знал, что, начав, уже не сможет остановиться, будет нести привычную околесицу... а Роланд всегда отличался молчаливостью. И за всю дорогу лишь раз они обменялись несколькими фразами.

— Я сказал, что допустил очень серьезную ошибку. — Разговор затеял Роланд. — Ту, что открылась мне благодаря этому письму. — Он похлопал по нагрудному карману. — Ты знаешь, в чем заключалась эта ошибка?

— Не в том, что ты полюбил ее... не в том, — ответил Катберт. — Это *ка*, тут никуда не денешься. — Катберт испытывал огромное облегчение: он мог не только произнести эти слова, он в них верил. Такой он мог принять Сюзан: не возлюбленной лучшего друга, девушкой, которую он сам возжелал при первой же встрече, но посланцем судьбы.

— Полюбить — это не ошибка, неверно думать, что любовь можно как-то изолировать от всего остального. Пребывать в уверенности, что я смогу жить двумя жизнями, одной — с тобой и Элом, нашей работой, а второй — с ней. Я думал, эта любовь поднимет меня над *ка* точно так же, как крылья поднимают птицу над теми, кто может убить и съесть ее. Ты понимаешь?

— Любовь ослепила тебя, — с необычайной мягкостью ответил Катберт. Куда только подевалась злость, снедавшая его последние два месяца.

— Да, — с грустью признал Роланд. — Она ослепила меня... но теперь я прозрел. Прибавим ходу. Я хочу покончить с этим как можно быстрее.

Они поднимались по проселочной дороге, где не так уж давно Сюзан (Сюзан, которая знала гораздо меньше как о происходящем в окружающем мире, так и о его устройстве) распевала «Беззаботную любовь» под светом Целующейся Луны. Там, где дорога уперлась во двор Риа, они остановились.

— Прекрасный вид, — пробормотал Роланд. — Отсюда видна вся пустыня.

— А вот то, что ближе, мне определенно не нравится, — возразил Катберт, сказав чистую правду. Они видели неубранный огород с овощами-мутантами и торчащее над ним двухголовое пугало. Во дворе росло одно дерево, листья которого уже пожелтели и свернулись в трубочки. За деревом стояла хижина, сложенная из неотесанных камней, над крышей торчала закопченная труба с нарисованным на ней ярко-желтым шестигранником. У одной стены под хлипким навесом лежали дрова.

Роланд видел много таких хижин, по крайней мере три они миновали

по дороге из Гилеада, но только эта прямо-таки излучала зло. Он никого не видел, но чувствовал, что на них смотрят, за ними наблюдают.

Почувствовал это и Катберт.

— Надо ли нам приближаться к хижине? — Он шумно сглотнул слюну. — Въезжать во двор? Потому что... Роланд, дверь открыта. Ты видишь?

Он видел. Она словно ждала их. Словно приглашала войти, хотела, чтобы они сели с ней за стол и позавтракали в ее компании.

— Оставайся здесь. — Он двинул Быстрого вперед.

— Нет. Я с тобой!

— Нет, прикрой мне спину. Если придется входить в хижину, я тебя позову... но если мне придется войти, старуха, что живет здесь, испустит дух. Как ты и говорил, может, оно и к лучшему.

При каждом шаге Быстрого исходящее от хижины зло все сильнее давило на сердце и рассудок Роланда. Да и запах стоял отвратительный — тухлого мяса и гниющих помидоров. И шел этот запах как от хижины, так и от земли, на которой она стояла. С каждым шагом усиливался вой червоточины, словно воздух вокруг хижины играл роль усилителя.

Сюзан приходила сюда одна, в темноте, думал Роланд. Я не уверен, что решился бы подняться сюда ночью, даже с друзьями.

Он остановился под деревом, всмотрелся в открытую дверь, от которой его отделяли двадцать шагов. Вроде бы разглядел часть кухни: ножки стола, спинку стула, закопченный очаг. Хозяйки он не увидел. Но она была в доме. Роланд чувствовал, как ее взгляд ползает по нему, словно вошь.

Я не могу ее видеть, потому что она прикрывается колдовскими чарами... но она здесь.

А может, он видел ее. Воздух как-то странно мерцал справа от двери, словно подогретый. Роланду говорили, как бороться с этим трюком: повернуть голову и посмотреть уголком глаза, боковым зрением. Что он и сделал.

— Роланд? — позвал его Катберт.

— Пока все нормально, Берт. — Что он говорил, значения сейчас не имело, потому что... да! Мерцание исчезло, он увидел силуэт женщины. Может, это игра воображения, но...

В тот самый момент, словно поняв, что тайное становится явным, мерцание сдвинулось дальше, в тень. Взгляд Роланда ухватил подол старого черного платья, потом исчез и он.

Не важно. Он пришел не для того, чтобы смотреть на нее. Он пришел,

чтобы дать ей единственное и последнее предупреждение... без которого, несомненно, обошелся бы любой из их отцов.

— Риа! — Суровый, командный тон. Два желтых листка, словно сбитые сотрясениями воздуха, упали на его черные волосы. Хижина молчала, если не считать ответом протяжное кошачье мяуканье. — Риа, ничья дочь! Я принес то, что принадлежит тебе, женщина! То, что ты, должно быть, потеряла! — Он достал из кармана сложенное письмо и швырнул на каменистую землю. — Сегодня я тебе еще друг, Риа... если бы письмо дошло до адресата, ты бы заплатила за это жизнью.

Роланд замолчал. Еще один лист упал с дерева. Спланировал на гриву Быстрого.

— Слушай меня внимательно, Риа, ничья дочь, и запоминай каждое слово. Я пришел сюда под именем Уилла Диаборна, но настоящее мое имя — не Диаборн, и служу я Альянсу. Больше того, сила, которая стоит за Альянсом, — Белая сила. Ты пересекла тропу *ка*, и я предупреждаю тебя один и единственный раз — *никогда больше не пересекай этой тропы*. Ты меня поняла?

В ответ — все то же молчание.

— Если тронешь хоть волосок на голове юноши, которому ты дала это гнусное письмо, ты умрешь. Скажи еще хоть слово о том, что ты знаешь или думаешь, что знаешь... кому угодно, не только Корделии Дельгадо или Джонасу, или Раймеру, или Торину, — и ты умрешь. Живи с нами в мире, и мы ответим тем же. Выступи против нас, и мы тебя уничтожим. Ты поняла?

Молчание в ответ. Грязные окна пялились на него, как глаза. Порыв ветра осыпал его листьями, заставил пугало жалобно скрипнуть на своем столбе. Почему-то Роланду вспомнился повар Хакс, извивающийся на веревке.

— Ты поняла?

Нет ответа. Пропало и мерцание, которое он видел за дверью.

— Очень хорошо. Молчание означает согласие. — Движение ноги, Быстрый начал разворачиваться. При этом Роланд приподнял голову и увидел меж желтых листьев зеленую ленту. Услышал тихое шипение.

— *Роланд, берегись! Змея!* — закричал Катберт, но прежде чем второе слово слетело с его губ. Роланд уже выхватил револьвер.

Изогнулся вбок и трижды выстрелил, грохот выстрелов разорвал тишину и покатился к соседним холмам. Каждой пулей змее подбрасывало все выше, красные капли крови летели к синему небу, пятнали желтые листья. Последняя пуля оторвала змее голову, так что на землю она упала двумя частями. А из хижины донесся столь горестный вопль, что у Роланда

заледелено сердце.

— *Мерзавец!* — вопила женщина, прячущаяся в тенях. — *Убийца! Мой друг! Мой милый друг!*

— Если он был твоим другом, не следовало выпускать его против меня. Запомни это, Риа, ничья дочь.

Из хижины донесся еще один вопль, и все стихло.

Роланд подъехал к Катберту, убирая револьвер в кобуру. Глаза Берта восторженно сверкали.

— Роланд, какие выстрелы! Боги, это потрясающе!

— Поехали отсюда.

— Но мы так и не выяснили, как она узнала!

— Ты думаешь, она сказала бы? — Голос Роланда чуть дрогнул. Эта змея, висевшая прямо над ним, он еще не мог поверить, что она мертва. Спасибо богам за его руку, которая среагировала как должно.

— Мы могли бы заставить ее сказать. — Но по голосу Берта чувствовалось, что он в это не верит. Может, позже, многое повидав, набравшись стрелецкого опыта, он будет воспринимать пытку как необходимость. Пока же от одной этой мысли к горлу подкатывала тошнота.

— Даже если бы она и заговорила, мы не сумели бы добиться от нее правды. Она лжет с такой же легкостью, с какой другие дышат. Если сегодня мы убедили ее не высовываться, это уже много. Поехали. Я ненавижу это место.

18

— Мы должны встретиться, — объявил Роланд по пути в город.

— Мы четверо. Как я понимаю, ты об этом? — уточнил Катберт.

— Да. Я хочу рассказать обо всем, что знаю и о чем догадываюсь. Хочу изложить вам свой план. Объяснить, почему мы *выжидаем*.

— Давно пора.

— Сюзан сможет нам помочь. — Роланд словно рассуждал сам с собой. Катберт улыбнулся, заметив листик, желтеющий в его черных волосах. — И помощь ее придется нам как нельзя кстати. Почему я этого не видел?

— Потому что любовь слепа, — хохотнул Катберт и хлопнул Роланда по плечу. — Любовь слепа, старина.

Убедившись, что мальчишки уехали, Риа выползла из хижины в ненавистный солнечный свет. Заковыляла к дереву, упала на колени у останков змеи, рыдая в голос.

— Эрмот, Эрмот! Посмотри, что они с тобой сделали!

Голова лежала отдельно, с открытой пастью, ядовитыми зубами, на которых застыли поблескивающие в солнечных лучах капельки яда. Блестели и остекленевшие глаза. Она подняла голову Эрмота, поцеловала в пасть, слизнула капельки яда, всхлипывая, с катящимися по щекам слезами.

Другой рукой подобрала тело, застонав при виде кровавых ран, оставленных пулями Роланда. Дважды прикладывала голову к телу, произнося заклинания, но безо всякого результата. Конечно же Эрмот умер, и ее чары не могли вернуть его к жизни. Бедный Эрмот.

Она прижала к груди руки, одну с головой, другую — с телом Эрмота. Последние капли его крови упали ей на платье. Посмотрела вслед этим отвратительным мальчишкам.

— Я вам отплачу, — прошептала она. — Клянусь всеми богами, я тебе отплачу. В самый неожиданный для вас момент Риа доберется до вас, и тогда ваши крики разорвут вам горло. Слышите меня? *Ваши крики разорвут, вам горло!*

Она еще долго стояла на коленях, потом встала и поплелась к хижине, прижимая Эрмота к груди.

Глава пятая

КОЛДОВСКАЯ РАДУГА

1

Через три дня после визита Роланда и Дипейпа на Коос, ближе к вечеру, Рой Дипейп и Клей Рейнолдс на пару поднялись на второй этаж «Приюта путников» и направились к двери просторной спальни, которую занимала Корал Торин. Клей постучал. Джонас предложил им войти, дверь, мол, не заперта.

Прежде всего в глаза Дипейпу бросилась сэй Торин, сидевшая в кресле-качалке у окна. В ночной рубашке из белоснежного шелка, с красным bufanda^[37] на голове. Сэй Торин вязала. Дипейп в изумлении уставился на нее, она же, улыбнувшись, поздоровалась с ними: «Привет, господа», — и продолжила свое увлекательное занятие. Снаружи доносился треск шутих (молодым не терпелось, если шутихи попадали к ним в руки, они тут же доставали спички), нервное ржание лошади, громкий смех ребятни.

Дипейп повернулся к Рейнолдсу. Тот пожал плечами и сложил руки на груди, подхватив полы плаща. Так он выражал сомнение или неодобрение, а то и первое, и второе.

— Проблемы?

Джонас стоял на пороге ванной, уголком полотенца, что лежало у него на плече, стирая с лица остатки мыльной пены. Голый по пояс. Дипейп многократно видел его таким, но всякий раз ему становилось не по себе от этих перекрестных шрамов.

— Ну... я понимаю, что мы в комнате дамы. Не знаю только, можем ли мы говорить в ее присутствии.

— Можете. — Джонас швырнул полотенце в ванную, снял с крючка рубашку. Корал подняла голову, бросила жадный взгляд на его спину, вновь заработала спицами. Джонас надел рубашку. — Как дела в СИТГО, Клей?

— Все тихо. Но станет шумно, если некие молодые vahabundos^[38] сунут туда свои длинные носы.

— Сколько там людей?

— Днем — десять, ночью — двенадцать. Рой и я заглядываем к ним

несколько раз на день, но, как я и говорил, пока все тихо.

Джонас кивнул, но сообщение Клея его не порадовало. Он-то надеялся, что молокососы не замедлят объявиться в СИТГО. Он надеялся на стычку с ними после того, как разгромил их жилище и убил голубей. Однако они по-прежнему прятались за своим Укреплением. Он видел себя тореро, вышедшим на бой с тремя молодыми бычками. У него красная тряпка, он машет ею изо всех сил, однако молодые toros^[39] не желают атаковать его. Почему?

— Транспортировка? Как обстоят дела с ней?

— Строго по плану, — ответил Рейнолдс. — Четыре цистерны за ночь, перевозим по две зараз. Шестнадцать уже на новом месте. Руководит транспортировкой Ренфрю с «Ленивой Сюзан». Ты все равно хочешь оставить полдюжины для приманки?

— Да, — кивнул Джонас.

В дверь постучали.

Дипейп подпрыгнул:

— Это не...

— Нет, — ответил Джонас на невысказанный вопрос. — Наш приятель в черной сутане отбыл. Может, сейчас он благословляет войска Благодетеля перед битвой.

Дипейп заржал. Женщина, сидевшая у окна, наклонила голову, но ничего не сказала, продолжая вязать.

— Открыто! — крикнул Джонас.

Вошел мужчина в сомбреро, пончо и сандалиях фермера или vaquero^[40], но белокожий, с торчащим из-под сомбреро клоком светлых волос. Латиго. Суровый, жестокий мужчина, что все же лучше, чем этот смеющийся клоун в черном.

— Рад видеть вас, джентльмены. — Он вошел в комнату, закрыл за собой дверь. Лицо у него оставалось мрачным, лицо человека, долгие годы не видевшего ничего хорошего, может, с самого рождения. — Джонас? Ты в порядке? Как идут дела?

— Я в порядке, а дела идут хорошо. — Он протянул руку, и Латиго коротко пожал ее. Дипейп и Рейнолдс такой чести не удостоились, а вот на Корал он взглянул.

— Долгих дней и приятных ночей, леди.

— И пусть у вас их будет в два раза больше, сэй Латиго. — Она не подняла головы от вязанья.

Латиго присел на край кровати, достал из-под пончо кيسет, начал

сворачивать самокрутку.

— Надолго я не задержусь, — говорил он, рубя слова: манера, свойственная выходцам из северных феонов Привходящего мира. — Задерживаться здесь мне не стоит. Очень уж я отличаюсь от местных.

— Отличаетесь, это точно, — вставил Рейнолдс.

Латиго бросил на него короткий взгляд, вновь повернулся к Джонасу.

— Большая часть моего отряда расположилась лагерем в тридцати колесах отсюда, в лесу к западу от каньона Молнии... что за мерзкий звук, идущий из каньона? Он пугает лошадей.

— Червоточина, — ответил Джонас.

— Он пугает и людей, если подойти поближе, — добавил Рейнолдс. — Лучше держаться от нее подальше, капитан.

— Сколько вас? — спросил Джонас.

— Сто. Все хорошо вооружены.

— То же говорили и про людей лорда Перта.

— Не остри.

— Они участвовали в боях?

— Они знают, что это такое, — ответил Латиго, но Джонас видел, что он лжет. Опытных бойцов Фарсон держал при себе, в горах. А в таком вот экспедиционном отряде пороха нюхали разве что сержанты, да и то не все. — Двенадцать человек у Скалы Висельников, охраняют цистерны, которые привезли твои люди.

— Больше, чем нужно.

— Я рискнул приехать в этот вонючий городишко не для того, чтобы обсуждать с тобой мои приказы, Джонас.

— Прощу меня извинить, сэй, — ответил Джонас. По голосу чувствовалось, что это всего лишь слова. Он сел на пол рядом с Корал, начал сворачивать самокрутку. Она оставила вязанье, чтобы погладить его по волосам. Дипейп не мог понять, что находит в ней Джонас. Лично он видел перед собой костлявую уродину с длинным носом и крошечными сиськами.

— Теперь насчет этих молодых людей, — продолжил Латиго, ясно показывая, что в них причина его появления в Хэмбри. — Благодетель очень обеспокоился, узнав о посланцах Привходящего мира, объявившихся в Меджисе. А теперь ты говоришь, что они не те, за кого себя выдают. Так кто же они?

Джонас сбросил с головы руку Корал, как настырное насекомое. Она, нисколько не обидевшись, принялась вязать.

— Они — не молодые люди, а мальчишки, и если их приезд сюда — *ка*

(а насколько мне известно, Фарсон к *ка* относится более чем серьезно), то это скорее наша *ка*, а не Альянсова.

— К сожалению, мы не можем порадовать Фарсона твоими теологическими изысканиями, — ответил Латиго. — Мы привезли с собой радиопередатчики, но они или сломаны, или не работают на таких расстояниях. И никто не знает, в чем причина. Ненавижу я эти игрушки. Боги смеются над ними. Так что самостоятельность у нас полная. Хорошо это или плохо.

— Фарсон волнуется понапрасну.

— Добродетель не желает, чтобы эти три парня воспринимались как угроза его планам. Полагаю, Уолтер сказал тебе то же самое.

— Ага. И я не забыл ни слова. Сэй Уолтер из тех, кто не забывается.

— Да, — согласился Латиго. — Он — доверенное лицо Благодетеля. И приехал сюда только потому, что с этими парнями надо обязательно разобраться.

— Мы восприняли его слова как руководство к действию. Рой, расскажи сэй Латиго о твоей позавчерашней встрече с шерифом.

Дипейп нервно откашлялся:

— Шериф... Эвери...

— Я его знаю. Жирный как свинья, каких режут на Полную Землю, — кивнул Латиго. — Продолжай.

— Один из помощников Эвери отвез записку этим мальчикам, когда они пересчитывали лошадей на Спуске.

— Какую записку?

— Не появляться в городе на день Жатвы. Не появляться на Спуске в день Жатвы. Держаться поближе к своему жилищу в день Жатвы, потому что в дни своих праздников местные жители не жалуют приезжих, даже тех, к кому в другое время отношение самое благожелательное.

— И как они это восприняли?

— Тут же согласились на все условия, — ответил Дипейп. — Для них это обычное дело, они соглашались со всем, о чем их просят. Они, конечно, что-то подозревают, это точно... нет такого закона или обычая, запрещающего приезжим принимать участие в празднествах, на Жатву или другой день. Наоборот, участие приезжих только приветствуется, и молокососы об этом знают. Идея...

— ...в том, чтобы они поверили, что мы запланировали выступление именно на день Жатвы, да, да, — нетерпеливо закончил за него Латиго. — Я хочу знать другое, убеждены ли они в этом? Сможете вы взять их за день до праздника? Будут они дожидаться, пока вы их возьмете?

Дипейп и Рейнолдс посмотрели на Джонаса. Джонас положил руку на бедро Корал. Приплыли, подумал он. То, что он сейчас скажет, придется выполнять. Если все пройдет, как он и пообещает. Больших охотников за гробами похвалят и вознаградят... может, даже дадут премию. Если обещание останется невыполненным, подвешат головами вниз на конце веревки.

— Мы возьмем их без труда. По обвинению в измене. Трое молодых людей, все высокого происхождения, на службе Джона Фарсона. Шокирующий, но факт. Убедительное доказательство того, в какие жуткие времена мы живем.

— Одно обвинение в измене, и сбежится толпа?

Джонас холодно улыбнулся.

— Как идея измена едва ли будет воспринята простым людом, даже если толпу подогреть спиртным, выставленным за счет Ассоциации конезаводчиков. А вот убийство... особенно горячо любимого мэра...

Дипейп стрельнул глазами на сестру мэра.

— Печальное событие. — вздохнула дама. — Пожалуй, я даже смогу повести этих людей за собой.

Дипейп подумал, что наконец-то раскусил причину влюбленности Джонаса: эта женщина не уступала ему в хладнокровии.

— Другой вопрос. Некий предмет, охрану которого Добродетель поручил вам. Хрустальный шар.

Джонас кивнул.

— Да, конечно. Бесценное сокровище.

— Как я понимаю, вы оставили его у местной bruja^[41].

— Да.

— Вам следует забрать его. В самое ближайшее время.

— Яйца курицу не учат, — чуть резче, чем следовало, ответил Джонас. — Я подожду, пока этих молокососов не осудят.

— Вы видели этот шар, сэй Латиго? — с любопытством спросил Рейнолдс.

— Вблизи — нет, но я знаю людей, которые видели. — Латиго помолчал. — Один обезумел, и его пришлось пристрелить. В таком состоянии я видел человека тридцать лет назад, на краю Великой пустыни. Его укусил бешеный койот.

— Благословим Черепашу, — пробормотал Рейнолдс и пальцами трижды постучал себя по шее. Он ужасно боялся зверей, заболевших бешенством.

— Тебе уже никого не придется благословлять, если Колдовская

радуга доберется до тебя, — сухо ответил Латиго и повернулся к Джонасу. — Взять его тебе будет куда сложнее, чем отдать. Эта ведьма наверняка уже попала под воздействие магического кристалла.

— Я собираюсь послать за ним Раймера и Эвери. От одного Эвери толку, конечно, мало, но Раймер, думаю, найдет, как уговорить старуху.

— Боюсь, не получится, — качнул головой Латиго.

— Почему? — Его рука сжала бедро Корал, а губы изогнулись в неприятной улыбке. — Может, ты скажешь своему тугодумному слуге, почему не получится?

Но ответила Корал:

— Потому что, когда придет пора забирать у Риа часть Колдовской радуги, канцлер будет сопровождать моего брата к месту его последнего приюта.

— О чем она говорит, Элдред? — спросил Дипейп.

— О том, что Раймер тоже умрет. — Улыбка Джонаса стала шире. — Еще одно ужасное преступление, совершенное шпионами Джона Фарсона.

Корал согласно улыбнулась, рукой переместила руку Джонаса повыше по бедру и опять взялась за вязание.

2

Девушка, хотя и юная, была замужем.

Юноша, хоть и красивый, был психически неуравновешен.

Однажды ночью она встретила с ним в укромном месте, чтобы сказать, что на их романе, при всей его сладостности, надо ставить точку. Он ответил, что роман их не закончится никогда, так указывают звезды. Она возразила, что, возможно, указывали, но нынче созвездия переменились. Может, он начал плакать. Может, она рассмеялась — от нервов, естественно. Но, независимо от причины, для смеха она выбрала самый неудачный момент. Он схватил с земли камень и вышиб ей мозги. Потом, придя в себя и осознав, что натворил, он привалился спиной к гранитной стене, положил ее бедную разбитую голову на свои колени и перерезал себе горло под взглядом сидящей на соседнем дереве совы. Он умер, покрывая ее лицо поцелуями, а когда наутро юношу и девушку нашли, кровь, его и ее, склеила намертво их губы.

Стародавняя история. Со своим вариантом в каждом городе. Местом обычно служила или Роща Влюбленных, или пустынный берег реки, или городское кладбище. О случившемся слагали песни. Пели их обычно

прыщавые юноши, еще не познавшие женщину, только научившиеся играть на гитаре или мандолине. Как бы ни разнились слова, последний куплет всегда заканчивался одинаково: *и вместе умерли они-и-и*.

В хэмбрийском варианте этой печальной истории влюбленных звали Роберт и Франческа, и случилась она давным-давно, до того, как мир «сдвинулся». Убийство-самоубийство имело место быть на кладбище Хэмбри. Мозги Франчески выплеснулись на столб с табличкой, указывающей номер участка, у которого стояли влюбленные, а гранитной стеной, к которой привалился Роберт, послужил мавзолей Торинов (сомнительно, что пять или более того поколений назад в Хэмбри или Меджисе жили какие-либо Торины, но в народных сказаниях всегда велика доля вымысла).

Правда или нет, но считалось, что по кладбищу бродят призраки влюбленных. Их видели прогуливающимися рука об руку по дорожкам, залитых кровью и очень печальных. Поэтому по ночам горожане обходили кладбище за версту, и вполне естественно, что Роланд, Катберт, Ален и Сюзан решили встретиться именно там.

По мере приближения встречи Роланд волновался все больше. И не без повода: Сюзан, вернее, ее тетка, все больше пугала его. Даже без письма Риа подозрения Корделии в отношении Сюзан и Роланда крепили с каждым часом. Однажды, за пять или шесть дней до встречи на кладбище, Корделия начала орать на Сюзан, едва та переступила порог дома с корзинкой в руках.

— Ты была с ним! Была, отвратительная девчонка, это написано у тебя на лице!

Сюзан, которая в тот день не видела Роланда даже издалека, поначалу только вытаращилась на тетку.

— Была с кем?

— О, не ври мне, мисс Юная Красавица! Не смей врать! Кто не сводит с тебя глаз, проходя мимо нашего дома? Диаборн, вот кто! Диаборн! Диаборн! Я могу повторить это тысячу раз! Срам! Какой срам! Посмотри на свои брюки! Зеленые от травы, на которой вы вдвоем валялись! Я удивлена, что они не порваны в промежности! — Тетя Корд уже визжала как резаная. Вены выступили у нее на шее, как веревки.

Сюзан, улыбаясь, взглянула на старые брюки цвета хаки.

— Тетя, это же краска... Разве ты этого не видишь? Мы с Кончеттой подкрашивали китайские фонарики, которые в день Жатвы украсят дворец мэра. А пятно на моей заднице — сперма Харта Торина... не Диаборна, а Торина. Он кончил на мне в сарае, где хранятся украшения и шутихи.

Решил, что это место ничем не хуже любого другого. Залез на меня, подергал свой крантик, а потом засунул его в штаны и ушел счастливый. Что-то насвистывая себе под нос. — Она поморщилась. Сюзан уже давно не боялась Торины и теперь даже жалела его.

Глаза тети Корд по-прежнему дико сверкали. И впервые Сюзан задалась вопросом: а в своем ли уме ее тетушка?

— Правдоподобная история, — наконец прошептала Корделия. На лбу у нее выступили капельки пота, вены на висках ритмично пульсировали. И в эти дни от нее постоянно шел запах, принимала она ванну или нет. Неприятный, резкий запах. — Ты ее придумала вместе с ним, когда вы закончили ваши грязные игры?

Сюзан шагнула к тетке, схватила ее за костлявое запястье, прижала ладонь к пятну на колене. Корделия попыталась вырваться, но сила была на стороне Сюзан. А потом она подняла руку к лицу тетки и держала там, пока не убедилась, что Корделия унюхала запах краски на своей ладони.

— Чем пахнет твоя рука, тетя? Краской! Чем еще мы могли подкрашивать китайские фонарики?

Корделия оставила попытки вырвать руку из пальцев Сюзан. И взгляд ее очистился.

— Ага, — с трудом выдавила она из себя. — Краска, — пауза. — На этот раз.

С той поры Сюзан, оборачиваясь, частенько замечала крадущуюся за ней тетку или ловила на себе подозрительный взгляд кого-то из ее знакомых. Даже на Спуске ее не оставляло ощущение того, что за ней наблюдают. Встрече на кладбище предшествовали две неудачные попытки. Оба раза встречу отменяла она, второй — в самый последний момент, заметив, что старший сын Брайана Хуки очень уж пристально смотрит на нее. Возможно, она перестраховалась, но внутренний голос звучал так настойчиво...

Ситуация осложнялась еще и тем, что ей безумно хотелось встретиться с Роландом, и не только для того, чтобы держать совет. Она ждала того мига, когда сможет увидеть его лицо. Сжать его руку в своих. Остальное, пусть и приятное, могло подождать, но ей не терпелось увидеть и коснуться его. Убедиться, что он существует наяву, а не в грезах, которыми одинокая испуганная девушка утешает себя.

В конце концов Мария помогла ей, да благословят боги эту маленькую служанку, которая, возможно, знала куда больше, чем предполагала Сюзан. Именно Мария пошла к Корделии с запиской, в которой говорилось, что Сюзан проведет ночь в гостевом крыле Дома-на-Набережной. Записку

написала Олив Торин, и, несмотря на всю свою подозрительность, Корделия не смогла принять ее за фальшивку. Да и не была она фальшивкой. Ее по просьбе Сюзан действительно написала Олив Торин, не задав ни единого вопроса.

— Что случилось с моей племянницей? — только и спросила Корделия.

— Устала, сэй. И еще dolor de garganta.

— Болит горло? Накануне Ярмарки? Нелепо! Я в это не верю. Сюзан никогда не болела!

— Dolor de garganta, — бесстрастно повторила Мария, и больше Корделия от нее ничего не добилась. Мария сама понятия не имела о планах Сюзан. Последнюю это вполне устраивало.

Она ушла через балкон, спустившись по лианам винограда, которым заросло северное крыло дворца, выскользнула через ворота в стене, используемые для хозяйственных нужд. Там ее встретил Роланд, и после двух минут объятий и поцелуев, до которых нам нет никакого дела, Быстрый понес их к кладбищу, где уже ждали Катберт и Ален.

3

Сначала Сюзан посмотрела на флегматичного блондина с круглым лицом, которого звали не Ричард Стокуорт, а Ален Джонс. Потом на второго, который, она это чувствовала, сомневался в том, что она может помочь, и даже злился на нее, Катберта Олгуда.

Они сидели бок о бок на поваленном могильном камне, их ноги прятались в тумане. Сюзан соскользнула со спины Быстрого и медленно направилась к ним. Они встали. Ален поклонился по обычаю Привходящего мира, выставив ногу вперед.

— Леди, долгих дней...

А закончил фразу второй, тощий и чернявый, с прекрасными черными глазами.

— ...и приятных ночей. — Он повторил поклон Алена.

В паре они так напоминали шутов на празднике Ярмарки, что Сюзан рассмеялась. Просто не сдержала смех. Потом склонилась в глубоком реверансе, расправляя руками воображаемые юбки.

— И вам того же дважды, джентльмены.

Потом они просто смотрели друг на друга, трое молодых людей, не знающих, как продолжить общение. Роланд не собирался им помогать:

сидел на Быстром, наблюдая за ними.

Сюзан шагнула к Алену и Катберту. Она уже не смеялась, в глазах застыла тревога.

— Надеюсь, вы не испытываете ненависти ко мне. Я бы поняла, если бы испытывали... я помешала вашим планам, вклинилась между вами... но я ничего не могла с собой поделать. — Она подняла руки, протянула их Алену и Катберту, ладонями вверх. — Я его люблю.

— У нас нет ненависти к тебе, — ответил Ален. — Не так ли, Берт?

Какое-то страшное мгновение Катберт молчал, глядя через плечо Сюзан на восковую Демоническую Луну. Она почувствовала, что у нее остановилось сердце. Затем его взгляд вернулся к ее лицу, и он одарил Сюзан такой ослепительной улыбкой, что сквозь ее голову кометой пронеслась крамольная мысль: *Если бы я встретила этого первым...*

— Любовь Роланда — моя любовь. — Катберт взял ее за руки, потянул к себе, и она встала между ним и Аленом, как сестра меж двух братьев. — Ибо мы дружны с колыбели и останемся друзьями, пока один из нас не пройдет тропу до конца и не ступит в пустошь. — Он улыбнулся совсем по-детски. — А может, судя по тому, как все складывается, мы вместе найдем конец тропы.

— И скоро, — добавил Ален.

— Так давайте перейдем к делу, пока есть время, — предложила Сюзан, — а то тетя Корделия очень уж плотно меня опекает.

4

— Мы — *ка-тет*, — объявил Роланд. — Мы — единство из множества.

Он по очереди посмотрел на каждого и не увидел в их глазах возражений. Они прошли в мавзолей, при выдохе из их ртов и носов вырывался пар. Роланд присел на корточки, вновь оглядел всех троих, рядом сидевших на каменной скамье, по краям которой в каменных горшках стояли засохшие букеты цветов. Пол усыпали опавшие лепестки роз. Катберт и Ален, сидевшие по бокам, обняли Сюзан. Вновь Роланд подумал о них как о сестре и ее братьях-защитниках.

— Мы стали сильнее, чем прежде, — подал голос Ален. — Я это чувствую.

— Я тоже, — кивнул Катберт, огляделся. — И место для встреч очень удачное. Особенно для такого *ка-тета*, как наш.

Роланд не улыбнулся, с юмором у него всегда было не очень.

— Давайте поговорим о том, что происходит в Хэмбри, а потом — о нашем ближайшем будущем.

— Ты знаешь, нас не посылали сюда с каким-либо заданием. — Ален повернулся к Сюзан. — Наши отцы отправили нас сюда для нашей же безопасности, вот и все. Роланд пробудил вражду человека, который скорее всего сторонник Джона Фарсона...

— Пробудил вражду, — прервал его Катберт. — Хорошая фраза. Неизбитая. Постараюсь запомнить ее и использовать при каждом удобном случае.

— Утомись, — одернул его Роланд. — Мы не можем сидеть здесь всю ночь.

— Приношу мои извинения, о великий. — Но глаза Катберта продолжали весело поблескивать.

— Мы привезли с собой почтовых голубей, чтобы отправлять и получать вести, — продолжил Ален, — но, думаю, голубей нам дали лишь для того, чтобы родители знали, что с нами все в порядке.

— Да, — поддержал Катберт. — Ален хочет сказать, что мы никак не ожидали столкнуться с тем, что здесь происходит. Роланд и я... разошлись во мнениях... относительно наших дальнейших действий. Он хотел выжидать. Я — нет. Теперь я вижу, что правота на его стороне.

— Да только причины, из которых я исходил, не те, — сухо добавил Роланд. — В любом случае, все разногласия улажены.

Сюзан переводила взгляд с одного лица на другое, третье. Заметила она и синяк на нижней челюсти Роланда слева, у самого подбородка, видимый даже в том свете, что проникал в полуоткрытую дверь.

— И как вы их уладили?

— Не важно, — ответил Роланд. — Фарсон готовится к сражению, может, к череде сражений, в Лысых горах, к северо-западу от Гилеада. Армия Альянса двинется на него, вроде бы загоняя в ловушку. Возможно, в обычной ситуации так бы оно и было. Но на самом деле ловушка расставляется армии Альянса. Фарсон намерен уничтожить ее оружием Древних. Которое он приведет в движение с помощью нефти с СИТГО. Нефти, залитой в те цистерны, которые мы с тобой видели, Сюзан.

— Но где ее удастся перегнать, чтобы Фарсон сумел ею воспользоваться?

— Где-нибудь на западе, по пути отсюда, — ответил Катберт. — Скорее всего, по нашему разумению, в Ви-Кастис. Знаешь это место? Страна горнодобычи.

— Слышала о нем, но я никогда не покидала Хэмбри. — Сюзан смотрела на Роланда.

— Я думаю, вскоре ситуация изменится.

— В этих горах от Древних осталось много техники, — уточнил Ален. — Говорят, по большей части в пещерах и каньонах. Роботы и смертельные лучи, лучи-бритвы, как их называют, потому что они разрезают человека пополам. И еще много чего. Что-то, конечно, выдумки, но где есть дым, часто бывает и огонь. В любом случае вполне возможно, что где-то там Фарсон нашел установку для перегонки нефти.

— А потом они отвезут продукты перегонки к Фарсону, — добавил Катберт. — Но нас это особо не интересует. Мы должны действовать здесь, в Меджисе.

— Я так долго ждал, чтобы они все собрали вместе, — внес свою лепту и Роланд. — Все, что они хотят увезти из Меджиса.

— На случай, если ты не заметила, амбиций нашему другу не занимать, — подмигнул Катберт Сюзан.

Роланд пропустил его слова мимо ушей. Он смотрел и смотрел в сторону каньона Молнии. В эту ночь они не слышали червоточины. Ветер переменялся и относил ее «голос» от города.

— Если мы сможем зажечь нефть, с остальным проблем не будет... Нефть — это главное. Я хочу уничтожить ее, а потом мы уедем отсюда. Все четверо.

— Они намерены выступить в день Жатвы, не так ли? — спросила Сюзан.

— Да, похоже на то, — кивнул Катберт и рассмеялся. Весело, заразительно, как смеются дети.

На лице Сюзан отразилось недоумение:

— Что? Что такое?

— Не могу сказать, — сквозь смех ответил Катберт. — Это выше моих сил. Я буду смеяться и смеяться, и Роланд рассердится на меня. Эл, расскажи Сюзан о визите помощника шерифа Дейва.

— Он приехал к нам на «Полосу К». — Ален тоже заулыбался. — Поговорил с нами, как добрый дядюшка. Предупредил, что жители Хэмбри не жалуют приезжих во время праздников, поэтому нам следует оставаться в бункере и не появляться в городе.

— Это же безумие! — негодуя воскликнула Сюзан, так обычно реагируют люди, когда кто-то незаслуженно оскорбляет их родной город. — Приезжих мы всегда приглашаем на наши праздники с открытой душой и всегда приглашали! Мы же не... дикари какие-то!

— Успокойся, успокойся, — захихикал Катберт. — Мы это знаем, но помощник Дейв не знает, что мы знаем, не так ли? Он знает что его жена готовится лучший в округе белый чай, а насчет всего остального пребывает в неведении. Шериф Херк знает, конечно, больше, но, насколько я могу судить, не намного.

— Их предупреждение означает следующее, — добавил Роланд. — Во-первых, они намерены выступить в день Жатвы, как ты и сказала. Сюзан. Во-вторых, они думают, что мы их планам не помеха.

— Может, потом они еще обвинят нас в том, что это мы переправили нефть Фарсону, — вставил Ален.

Сюзан с любопытством взглядела в их лица:

— И что вы задумали?

— Уничтожить то, что осталось в СИТГО, а потом ударить по ним в месте сбора, — ответил Роланд. — У Скалы Висельников. По крайней мере половина цистерн уже там. С запада подошли люди Фарсона. Человек двести скорее всего, даже меньше. Все они должны умереть.

— Если не они, то мы, — кивнул Ален.

— Как мы вчетвером можем убить двести солдат?

— Мы не можем. Но если мы подожжем цистерны, будет взрыв, и очень мощный. Выжившие солдаты будут в ужасе, выжившие командиры — в ярости. Они увидят нас, потому что мы позволим им нас увидеть...

Ален и Катберт слушали, затаив дыхание. Сказанное ранее не составляло для них тайны, но вот продолжение Роланд до сих пор держал при себе.

— А потом? — испуганно спросила Сюзан. — Что потом?

— Я думаю, мы сможем заманить их в каньон Молнии, — ответил Роланд. — Я думаю, мы сможем заманить их в червоточину.

5

В мавзолее повисла гробовая тишина. Нарушила ее Сюзан.

— Ты сошел с ума. — В голосе, однако, слышался восторг.

— Нет, — возразил ей Катберт. — С головой у него все в порядке. Ты думаешь о той расселине, не так ли, Роланд? Перед изломом в дне каньона.

Роланд кивнул.

— Четверо могут без труда вскарабкаться по ней. Наверху заготовим камней. Достаточно много, чтобы завалить ими тех, кто попытается полезть следом.

— Это ужасно, — выдохнула Сюзан.

— Это наше спасение, — ответил Ален. — Если нефть останется у них и они ею воспользуются, они уничтожат всех солдат Альянса, которые окажутся в радиусе действия их оружия. Благодетель пленных не берет.

— Я не говорю, что вы не правы в своем решении, но это ужасно.

Они помолчали, четверо подростков, замышляющих убийство двухсот мужчин. Впрочем, далеко не мужчин: многие (а скорее большинство) возрастом не сильно отличались от них.

— Те, кто не попадет под лавину, выедут из каньона точно так же, как и въехали в него, — заметила Сюзан.

— Нет, не выедут, — покачал головой Ален: он уже все понял. Роланд кивнул, на губах его появилось подобие улыбки.

— Почему?

— Ветки в устье каньона. Мы их подожжем, не так ли, Роланд? А если ветер в этот день будет дуть, как обычно в это время года... дым...

— Погонит их в червоточину, — закончил за него Роланд.

— А как вы зажжете ветки? — спросила Сюзан. — Я знаю, они высохли, но у вас не будет времени поджигать их спичкой или кремнем с огнивом.

— Тут ты сможешь нам помочь, — ответил Роланд. — Как сможешь помочь поджечь цистерны. Нам не удастся поджечь нефть, стреляя в цистерны из револьверов. Сырая нефть горит гораздо хуже, чем думают многие. Я надеюсь, нам поможет и Шими.

— Расскажи, что ты от нас хочешь.

6

Они проговорили еще минут двадцать, внося в первоначальные планы минимум изменений: все, похоже, понимали, что неопределенность ситуации не допускала более детальной проработки. *Ка* затянула их в эту историю, вот они и рассчитывали, что та же *ка* и их собственная отвага помогут им из нее выпутаться.

Катберту не хотелось вовлекать Шими, но в конце концов он согласился: роль юноше отводилась совсем незначительная, и Роланд согласился взять его с собой при отъезде из Меджиса. Пятеро уедут или четверо — разницы никакой.

— Хорошо. — кивнул Катберт и повернулся к Сюзан: — Ты поговоришь с ним или я?

— Я.

— Внуши ему, что Корал Торин нельзя говорить ни слова, и убедись, что он тебя понял, — продолжил Катберт. — Дело не в том, что она — сестра мэра. Просто я не доверяю этой сучке.

— И на то есть причины, — кивнула Сюзан. — Моя тетя говорит, что она спуталась с Элдредом Джонасом. Бедная тетя Корд! Ужасное для нее выдалось лето. Да и осень будет не лучше. Ее назовут теткой предательницы.

— Некоторые будут знать, что это не так, — возразил Ален. — Можешь в этом не сомневаться.

— Возможно, но моя тетя Корделия из тех женщин, которые слышат только дурные сплетни. Да и распространяет только их. Джонас, между прочим, приглянулся и ей.

Катберта как громом поразило.

— Ей приглянулся Джонас? О боги, что же это делается? Такое просто невозможно представить. Если бы людей вешали за неудачный выбор в любви, твоя тетушка оказалась бы впереди многих, не так ли?

Сюзан засмеялась, обхватила руками колени, потом кивнула.

— Пора расходиться, — подвел итог Роланд. — Если потребуется срочно поставить в известность Сюзан о каких-то изменениях в наших планах, воспользуемся красным камнем в стене парка «Зеленое сердце».

— Хорошо, — Катберт встал. — Пошли отсюда. А то холод добирается до костей.

Поднялся и Роланд.

— Очень важно, что они решили оставить нас на свободе, пока будут завершать подготовку к отправке нефти. Мы должны этим воспользоваться. А теперь...

Его прервал спокойный голос Алена:

— Есть еще одно дело. Тоже важное.

Роланд вновь опустил на корточки, вопросительно посмотрел на Алена.

— Ведьма.

Сюзан вздрогнула, но Роланд пренебрежительно рассмеялся.

— Она нам не помешает. Эл... не вижу, как бы ей это удалось. Не могу поверить, что она участвует в заговоре Джонаса...

— Я тоже, — согласился Ален.

— ...мы с Катбертом убедили ее помалкивать насчет меня и Сюзан. Иначе тетя Корд сейчас бы рвала и метала.

— Неужели ты не понимаешь? — удивился Ален. — Вопрос не в том,

кому и что скажет Риа. Надо разобраться, как она узнала о вас?

— Это розовый шар, — без запинки ответила Сюзан. Рука ее коснулась того места, где начала отрастать отрезанная на берегу ручья прядь.

— Что за розовый шар? — спросила Ален.

— Как луна, — покачала головой Сюзан. — Я не знаю. Не знаю, о чем говорю. Голова пустая, как у Питча и Джилли. Я... Роланд? Что с тобой?

Роланд уже не сидел на корточках — плюхнулся задницей на усыпанный сухими лепестками роз пол. Казалось, он вот-вот потеряет сознание. Снаружи доносился шорох опавшей листвы, которой не давал покоя ветер, да крики козодоя.

— Милосердные боги, — прошептал он. — Этого не может быть. *Не может быть.* — Он встретился взглядом с Катбертом.

От весельчака не осталось и следа. На Роланда смотрел расчетливый и безжалостный воин, которого не узнала бы и собственная мать... не захотела бы узнать.

— Розовый шар, — повторил Катберт. — Прелюбопытно, не так ли? А ведь о нем упоминал твой отец, Роланд, перед нашим отъездом. Предупреждал о розовом шаре. Мы подумали, что это шутка. А он, выходит, знал, о чем говорил.

— О! — Глаза Алена широко раскрылись. — Проклятие! — вырвалось у него. Тут он понял, что ругается в присутствии возлюбленной лучшего друга, и зажал рот рукой. Щеки его густо покраснели.

Но Сюзан ничего не услышала, не заметила его смущения. Она смотрела на Роланда, и душа ее наполнялась страхом.

— В чем дело? — спросила она. — Что ты знаешь? Скажи мне! *Скажи!*

— Я бы хотел загипнотизировать тебя вновь, как в ивовой роще. — Роланд вскочил. — До того, как мы продолжим этот разговор и замутим твои воспоминания.

Роланд достал из кармана патрон, начал вертеть его в пальцах. И тут же взгляд Сюзан словно приковало к нему.

— Я могу? С твоего разрешения, дорогая?

— Ага, можешь. — Ее глаза широко раскрылись, в них появился стеклянный блеск. — Не знаю, с чего ты решил, что в этот раз будет по-другому, но... — Она замолчала, но взглядом продолжала следовать за патроном. Когда же Роланд закрыл патрон ладонью, веки Сюзан упали. Дышала она тихо и ровно.

— Господи, она же окаменела, — в изумлении прошептал Катберт.

— Ее гипнотизировали раньше. Я думаю, Риа. — Роланд помолчал. — Сюзан, ты меня слышишь?

— Да, Роланд, слышу тебя очень хорошо.

— Я хочу, чтобы ты слышала еще один голос.

— Чей?

Роланд кивнул Алену. Если кто и мог пробиться через блок в мозгу Сюзан (или найти обходной путь), так это он.

— Мой, Сюзан. — Ален шагнул к Роланду. — Ты знаешь, кто я?

Сюзан улыбнулась с закрытыми глазами:

— Да, ты — Ален... и Ричард Стокуорт.

— Совершенно верно. — Он бросил на Роланда нервный взгляд: *О чем мне ее спрашивать?*

Но Роланд молчал. Он одновременно оказался в двух местах, слышал два разных голоса.

Сюзан, у ручья в ивовой роще: *«Она говорит: «Да, дорогая, сделай так, ты хорошая девочка», — а потом все становится розовым».*

Отца, во дворе за Залом Предков: *«Это грейпфрут. То есть я говорю про розовый».*

Розовый шар.

7

Лошади стояли оседланные, снаряженные в дорогу. Трое юношей, внешне спокойные, в душе так и рвались в путь. Кого, как не юных, влекут далекие странствия, таящие сюрпризы за каждым поворотом, каждым холмом.

Происходило все это во дворе к востоку от Зала Предков, совсем рядом с той полоской травы, на которой Роланд победил Корта, положив начало цепочке последующих событий. Небо просветлело, но солнце еще не поднялось над горизонтом. И туман серыми полосами лежал на зеленых полях. В двадцати ярдах от них отцы Катберта и Алена стояли на страже, широко раздвинув ноги, положив руки на рукоятки револьверов. Они не ждали атаки Мартена (вроде бы он уехал не только из дворца, но и из Гилеада), однако никто не отменял поговорку: береженого берегут боги.

Поэтому последнее напутствие, перед отъездом в Меджис и на Внешнюю Дугу, давал им отец Роланда.

— Вот что я вам скажу напоследок, — заговорил он, когда они подтягивали подпруги. — Я сомневаюсь, что вам встретится что-либо,

затрагивающее наши интересы, только не в Меджисе, но я попрошу вас приглядывать за одним цветом радуги. Я про Колдовскую радугу. — Он засмеялся, потом добавил: — Это грейпфрут. Я имею в виду розовый.

— Колдовская радуга — не более чем сказка, — улыбнулся Катберт в ответ на улыбку Стивена. А потом... что-то неуловимое, может, выражение глаз Стивена Дискейна, стерло улыбку с его лица. — Нет?

— Не все истории о прошлом правдивы, но я думаю, что Радуга Мейрлина существовала, — ответил Стивен. — Говорили, что когда-то было тринадцать хрустальных шаров, по одному на каждого из двенадцати Хранителей, и еще один, олицетворяющий точку пересечения всех Лучей.

— Шар Башни, — уточнил Роланд, чувствуя, как по его коже бегут мурашки. — Шар Темной Башни.

— Да, когда я был маленьким, его звали Тринадцатым. Мы рассказывали истории о черном шаре, пугая друг друга, пока нас не поймали за этим наши отцы. Мой отец предупредил нас, что даже в досужих разговорах не стоит упоминать про Тринадцатый, потому что он может услышать свое имя и покатиться в нашу сторону. Но о черном Тринадцатом шаре вам думать не след... по крайней мере сейчас. Нет, речь идет о розовом. Грейпфруте Мейрлина.

Юноши не могли понять, говорит ли он серьезно... или подшучивает над ними.

— Если остальные шары существовали, то большая их часть уже разбита. Они не задерживались надолго в одном месте и в одних руках, а разбиваются даже магические кристаллы. Однако три или четыре шара Радуги Мейрлина еще катятся по просторам нашего несчастного мира. Синий, это точно. Лет пятьдесят назад он принадлежал племени мутантов, кочующему по пустыне, они называют себя Горбуны, хотя с тех пор о нем ничего не слышно. Зеленый и оранжевый находятся соответственно в Ладе и Дизе. И, возможно, есть еще розовый.

— А что они делают? — спросил Роланд. — Для чего нужны?

— Открывают невидимое человеческому глазу. Некоторые цвета Колдовской радуги позволяют заглянуть в будущее. Другие — в иные миры... в которых живут демоны, куда ушли Древние, покинувшие наш мир. Они могут также показать местоположение тайных дверей, которые соединяют миры. Вроде бы есть цвета, позволяющие заглянуть в далекое будущее нашего мира, увидеть то, что люди предпочли бы сохранить в тайне. Шары эти никогда не видят хорошее, только плохое. Что в сказанном мной правда, а что — вымысел, не знает никто.

Он смотрел на них, уже не улыбаясь.

— Но вот что вы должны знать: у Джона Фарсона есть талисман, который светится в его шатре... иногда перед битвой, иногда перед крупными передвижениями войск, иногда перед принятием важных решений. И светится он розовым.

— Может, у него электрическая лампочка, которую он накрывает розовым шарфом, когда молится? — Катберт смущенно оглядел своих друзей. — Я не шучу. Некоторые так делают.

— Возможно, — согласился отец Роланда. — Может, дело только в этом. А может, и нет. Потому что, как вам известно не хуже меня, он продолжает бить нас, продолжает от нас ускользать, продолжает появляться там, где мы ждем его меньше всего. Если магия в нем, а талисман тут ни при чем... да помогут боги Альянсу.

— Мы будем искать его, если нужно, — ответил Роланд. — но Фарсон на севере и западе. Мы же едем на восток, — как будто его отец этого не знал.

— Если это шар Радуги, — ответил Стивен, — он может быть где угодно... на востоке и юге с той же легкостью, что и на западе. Видите ли, он не может постоянно держать шар при себе. Как бы он этого ни хотел. Никто не может.

— Почему?

— Потому что они живые и голодные. Сначала человек использует шар, потом шар — человека. Если такой шар есть у Фарсона, он будет держать его подальше от себя, призывая лишь в те моменты, когда шар действительно необходим. Он понимает, какой это риск — потерять шар, но также понимает и другое: что может случиться, если держать его при себе слишком долго.

У всех троих на языке вертелся один и тот же вопрос. Двое не могли его задать из уважения к Стивену Дискейну, Роланд — мог и задал:

— Ты это серьезно, отец? Это не шутка?

— Я отсылаю вас в дальние края в таком возрасте, когда большинство ваших сверстников не может уснуть, если мать не поцелует их и не пожелает доброй ночи, — ответил Стивен. — Я надеюсь увидеть вас живыми и здоровыми... Меджис — очаровательное тихое место, я, во всяком случае, помню его таким... но гарантировать ничего не могу. Такая сейчас жизнь, что ни в чем нельзя быть уверенным на все сто процентов. И я не стал бы посылать вас в дорогу с побасенкой. Я удивлен, что у тебя возникли такие мысли.

— Прощу меня извинить, — ответил Роланд. Между ним и отцом установилось хрупкое перемирие, ему не хотелось нарушать его. К тому же

он рвался в путь. И Быстрый нетерпеливо перебирал копытами.

— Не думаю, что вы наткнетесь на магический кристалл Мейрлина... но я не думал, что мне придется посылать вас, четырнадцатилетних, на край земли. Здесь приложила руку *ка*, а при вмешательстве *ка* возможно все.

Медленно, очень медленно Стивен снял шляпу, отступил на шаг, поклонился им:

— Идите с миром, мальчики. И возвращайтесь живыми.

— Долгих дней и приятных ночей, сэй, — ответил Ален.

— Удачи, — ответил Катберт.

— Я тебя люблю, — ответил Роланд.

Стивен кивнул.

— Спасибо, сэй... Я тоже люблю тебя. Мои благословения, мальчики. — Последнюю фразу он произнес громко, и два других мужчины, Роберт Олгуд и Кристофер Джонс, известный в молодости как Огненный Крис, также благословили их.

Мальчики вскочили на лошадей и двинулись к Великому Тракту. Роланд вскинул голову, и увиденное заставило его забыть о Колдовской радуге. Его мать выглядывала из окна своей спальни: бледный овал лица в окружении серых камней западного крыла дворца. Слезы текли у нее по щекам, но она улыбнулась и помахала рукой, прощаясь с ним. Из всех троих увидел ее только Роланд.

Но не помахал в ответ.

8

— *Роланд!* — Локоть ткнулся ему в ребра, достаточно сильно, чтобы отогнать воспоминания и вернуть его в настоящее. Локоть Катберта. — *Делай хоть что-нибудь, если у тебя есть на то желание! И давай поскорее уйдем из этого склепа. Я продрог до костей!*

Роланд прижался губами к уху Алена:

— Будь готов помогать мне.

Ален кивнул.

Роланд повернулся к Сюзан:

— После того как мы первый раз были *ан-тет*, ты пошла к ручью в роще.

— Да.

— Ты срезала прядь волос.

— Да. — Все тот же сонный голос. — Срезала.

— Ты хотела срезать их все?

— Да, до последнего волоска.

— Ты знаешь, кто велел тебе срезать волосы?

Долгая пауза. Роланд уже собрался обратиться к Алену, когда Сюзан заговорила:

— Риа. — Вновь пауза. — Я не позволила ей сунуть руку куда не следует.

— Да, но что случилось потом? Что случилось, когда ты стояла на крыльце?

— Кое-что случилось и раньше.

— Что?

— Я принесла ей дрова. — И Сюзан замолчала.

Роланд посмотрел на Катберта — тот пожал плечами. Ален всплеснул руками. Роланд вновь подумал о том, чтобы уступить ему право задавать вопросы, но решил, что еще не время.

— Сейчас не будем говорить о дровах и о том, что произошло раньше. Возможно, мы поговорим об этом позже, но не сейчас. Что произошло, когда ты уходила? Что она сказала тебе насчет волос?

— Нашептала в ухо. И у нее был Иисус-Человек.

— Прошептала что?

— Я не знаю. Эта часть — розовая.

Вот тут Роланд кивнул Алену. Юноша, прикусив губу, выступил вперед. На его лице отражался испуг, но когда он взял руки Сюзан в свои, голос его зазвучал ровно и успокаивающе.

— Сюзан? Я — Ален Джонс. Ты меня знаешь?

— Да... ты еще и Ричард Стокуорт.

— Что прошептала Риа тебе на ухо?

Она нахмурилась, брови сошлись у переносицы:

— Не вижу. Все розовое.

— Тебе не надо видеть. Видеть мы тебя не просим. Закрой глаза, чтобы ты совсем не могла видеть.

— Они закрыты, — ответила Сюзан тоном капризного ребенка.

Она испугана, подумал Роланд. Хотел остановить Алена, разбудить Сюзан, но сдержался.

— Те глаза, что внутри. Те, что выглядывают из памяти. Закрой их, Сюзан. Закрой ради памяти твоего отца и скажи мне не то, что ты видишь, а что слышишь. Скажи мне, что она сказала.

Тут глаза на лице открылись, в то время как закрылись другие глаза, в

ее памяти. Она смотрела на Роланда, сквозь Роланда, глазами древней статуи. Роланд едва сумел подавить крик.

— Ты стояла у порога, Сюзан? — спросил Ален.

— Да, Мы обе стояли.

— Вернись туда вновь.

— Да. — Сонный голос. Слабый, но четкий. — Даже с закрытыми глазами я могу видеть свет луны. Она большая, как грейпфрут.

Это грейпфрут, вспомнились Роланду слова отца. Я имею в виду розовый.

— И что ты слышишь? Что она говорит?

— Нет, говорю я. — Вновь капризные интонации.

— Сначала говорю я, Ален. Я говорю: «Наши дела закончены?» А она отвечает: «Ну, пожалуй, осталась разве что самая малость». А потом... потом...

Ален сжал ее руки, воспользовавшись своим даром, посылая его на помощь Сюзан. Она попыталась вырваться, но он ее не отпустил.

— Что? Что потом?

— У нее маленький серебряный медальон.

— Да?

— Она наклоняется ближе и спрашивает, слышу ли я ее. Я чувствую ее дыхание. От нее воняет чесноком. И какой-то другой гадостью. — Лицо Сюзан перекосило от отвращения. Я говорю, что слышу ее. Теперь я могу видеть. Я вижу серебряный медальон.

— Очень хорошо, Сюзан. Что еще ты видишь?

— Риа. Выглядит она, как череп в лунном свете. Череп с волосами.

— О боги, — прошептал Катберт, обхватив себя руками.

— Она говорит, что я должна слушать. Я говорю, что слушаю. Она говорит, что я должна выполнять ее указания. Я говорю, что буду выполнять ее указания. Она говорит: «Да, так и надо, будь хорошей девочкой». Она гладит мои волосы. Все время. Мою косу. — Рука Сюзан медленно, как у лунатика, поднялась (вместе с рукой Алена, который ее не отпускал), коснулась белокурых волос. — А потом она говорит мне, что я должна сделать после того, как потеряю девственность. «Подожди, — говорит она, — пока он заснет рядом с тобой, а потом срежь волосы со своей головы. Все до единого. До самой кожи».

Юноши в ужасе смотрели на Сюзан, потому что заговорила она визгливым голосом ведьмы с Кооса. Даже лицом, за исключением широко раскрытых, ничего не видящих глаз, она стала похожа на старую каргу.

— Срежь их все, девочка, каждый похотливый волосок, и вернись к

нему такой же лысой, как вышла из чрева матери! Посмотрим, понравишься ли ты ему такая!

Сюзан замолчала. Ален повернулся к Роланду. Его лицо побледнело как полотно. Губы дрожали, но он крепко держал Сюзан за руки.

— Почему луна розовая? — спросил Роланд. — Почему ты вспомнила розовую луну?

— Это ее шар, — тут же ответила Сюзан. — Она держит его под кроватью, держит именно там. Она не знает, что я его видела.

— Ты уверена?

— Да. Она бы убила меня, если б знала. — Сюзан засмеялась, повергнув их в ужас. — У Риа под кроватью луна в ящике.

— Розовая луна.

— Да.

— Под ее кроватью.

— Да. — На этот раз Сюзан освободилась от рук Алена. Описала ими круг, а затем на мгновение ее лицо исказила гримаса алчности. — Я бы хотела иметь такую, Роланд. Очень хотела. Красивая луна! Я видела ее, когда она послала меня за дровами. Через окно. Она выглядела... молодой. — И опять: — Я бы хотела иметь такую.

— Нет... тебе она ни к чему. Но она у нее под кроватью?

— Да, в тайнике, который она открывает с помощью магии.

— У нее часть Радуги Мейрлина, — прошептал Катберт. — У этой старой суки розовый шар, о котором говорил нам твой отец... неудивительно, что она знает все.

— Нужно ли нам узнать что-то еще? — спросил Ален. — У нее похолодели руки. Мы забрались очень глубоко. Пока все в порядке, но...

— Я думаю, мы узнали все, что хотели.

— Сказать ей, чтобы она все забыла?

Роланд без промедления мотнул головой — они *ка-тет*, у них нет друг от друга тайн. Коснулся пальцев Сюзан. Да, очень холодные.

— Сюзан?

— Да, дорогой.

— Я сейчас произнесу стишок. Когда я закончу, ты будешь помнить все, как и в прошлый раз. Хорошо?

С улыбкой она закрыла глаза:

— Рыбки и птички, медведи и зайки...

Улыбаясь, Роланд закончил за нее:

— Исполнят любое желание твое.

Ее глаза открылись. Она улыбнулась.

— Ты. — Она поцеловала его — Ты со мной, Роланд. Ты со мной, любовь моя.

Не в силах сдержать себя, Роланд заключил ее в объятия.

Катберт отвернулся. Ален устался на сапоги, откашлялся.

— Ты отнимешь у нее хрустальный шар? — спросила Сюзан. Они возвращались в Дом-на-Набережной, и она сидела позади него, обхватив за талию руками.

— Пока пусть он останется там, где находится сейчас. Магический кристалл отдан ей на хранение Джонасом, который получил его от Фарсона, в этом я не сомневаюсь. И его повезут на запад вместе с остальным добром. В этом тоже сомнений быть не может. Мы возьмем его, когда будем разбираться с нефтью и людьми Фарсона.

— Ты увезешь его с собой?

— Увезу или разобью. Скорее всего увезу, чтобы отдать отцу, но это сопряжено с риском. Кристалл очень могущественный.

— Допустим, она увидит твои планы? Допустим, предупредит Джонаса или Кимбу Раймера?

— Если она не увидит, как мы отнимаем у нее любимую игрушку, не думаю, что она воспрепятствует исполнению наших планов. Полагаю, мы нагнали на нее страха, а если она подпала под магию шара, то уже не может оторваться от него, ей нет дела ни до чего другого.

— Но она его не отдаст. Она захочет, чтобы шар остался при ней.

Быстрый шел по тропе, проложенной в лесу вдоль берега. Через редящие ветви они уже видели серые камни стены, окружающей Дом-на-Набережной, с востока на них накатывал шум прибоя.

— Ты сможешь проникнуть во дворец незамеченной, Сюзан?

— Конечно.

— И ты знаешь, что должна делать ты, а что — Шими?

— Да. Давно мне не было так хорошо. Голова такая ясная, словно отчистилась от тумана.

— Если так, благодарить надо Алена. Мне такое не под силу.

— В его руках волшебная сила?

— Да.

Они достигли калитки. Сюзан легко соскользнула на землю. Он тоже спешился, встал рядом, обнял девушку за талию. Она смотрела на луну.

— Посмотри, она уже так пополнила, что начинает проглядывать лицо Демона. Видишь его?

Линия носа, намек ухмылки. Глаза еще нет, но да, он видел Демона.

— Он так пугал меня, когда я была маленькая. — Сюзан говорила шепотом, помня о близости дворца. — В полнолуние я даже закрывала ставни. Я боялась, что Демон увидит меня, спустится и заберет к себе, чтобы съесть. — Ее губы дрожали. — Дети такие глупые, не правда ли?

— Иногда. — В детстве он не боялся Демонической Луны, но боялся той, что округлялась сейчас с каждой ночью. Будущее окутала тьма, и узкой была тропа, ведущая к свету. — Я люблю тебя, Сюзан. Люблю всем сердцем.

— Я знаю. И я люблю тебя. — Она поцеловала его в губы, приложила руку к своей груди, потом поцеловала теплую ладонь. Он крепко обнимал ее, а она, над его плечом, смотрела на полнеющую луну.

— Неделя до дня Жатвы. — Fin de año^[42], как называют его vaqueros и labradores^[43]. Как это время называют в твоей земле?

— Примерно так же. У нас оно называется закрытие года. Женщины раздают всем маленькие подарки и поцелуи.

Сюзан тихонько рассмеялась:

— Может, твоя земля не покажется мне чужой.

— Лучшие поцелуи тебе придется приберечь для меня.

— Я приберегу.

— Что бы ни случилось, мы будем вместе, — твердо заявил Роланд, но над ними, в звездном небе, усмехалась Демоническая Луна, словно зная, какое им уготовано будущее.

Глава шестая

ЗАКРЫТИЕ ГОДА

1

Вот и приходит в Меджис fin de ano, называемое во Внутренних феодах закрытием года. Приходит, как и тысячу раз до того... или десять тысяч, или сто тысяч. Никто не может сказать точно: мир «сдвинулся», и время стало не таким, как прежде. В Меджисе есть поговорка: «Время — лицо на воде».

На полях мужчины и женщины в перчатках, одетые в самые толстые пончо, добирают остатки картофеля. Ветер дует с востока на запад, сильный ветер, пронизывающий, и в холодном воздухе стоит запах соли... запах, что слезы. Los campensinos^[44] работают весело, говоря о том, как славно погуляют на дне Жатвы, но они чувствуют разлитую в воздухе грусть: год уходит. Убегает от них, как вода в реке, и хотя никто об этом не упоминает, все знают.

В садах смеющиеся парни снимают с верхушек последние яблоки (теперь, когда ветер дует не переставая, женщин до такой работы не допускают). Над ними по ярко-синему небу эскадрильи гусей тянутся к югу, выкрикивая на лету хрипловатое adieux^[45].

Маленькие рыбацкие баркасы уже вытащены из воды. Их владельцы шкурят и красят корпуса. Работают они голые по пояс, несмотря на ледяной ветер, и поют. Поют старые, передаваемые из поколения в поколение песни...

Я хозяин бездонных и синих морей,
Вот и все, чем я славен и горд.
Полный невод тяну я с добычей своей,
Да помогут мне ангел и черт.
Я хозяин глубин этих темных и волн,
Всех бескрайних полей голубых.
И качается легкий и маленький челн
На просторах владений моих!^[46]

...и иногда маленький бочонок грэфа перекочевывает от одного баркаса к другому. В бухте остались только большие шхуны. Они меряют ее широкими кругами, проверяя заброшенные сети. Точно также сторожевой пес обегает вверенное ему стадо овец. В полдень поверхность воды яростно сверкает в лучах осеннего солнца, а мужчины сидят на палубах скрестив ноги, перекусывают. Они знают, что вся эта красота принадлежит им... по крайней мере до того времени, как налетят серые зимние шторма, заплевывая их ледяным дождем и снегом.

Завершается, завершается год.

Вдоль улиц Хэмбри уже развешены и горят по вечерам праздничные фонарики, а руки пугал выкрашены в красный цвет. Везде красуются амулеты, приносящие урожай, и хотя женщины на улицах и рынках часто целуют незнакомых мужчин и сами подставляют губы или щеки для поцелуя, половые контакты сходят на нет. Они возобновятся (да еще как!) в ночь Жатвы. Чтобы на Полную Землю принести обычный урожай младенцев.

На Спуске лошади носятся галопом, словно понимая (скорее всего так оно и есть), что дни их свободы сочтены. А при особо сильных порывах ветра они поворачиваются мордой на запад, показывая зиме зад. На ранчо с окон снимают сетчатые рамы и устанавливают ставни. В громадных кухнях ранчо и — меньших по размерам — ферм никто не пытается сорвать жатвенный поцелуй, а о сексе просто не думают. Это время заготовок и переработки урожая, так что работа там начинается задолго до рассвета, а заканчивается куда как позже заката. И стоит запах яблок и свеклы, фасоли и моркови, тушащегося мяса. Женщины работают весь день, в постель падают замертво, чтобы рано утром вновь подниматься и идти на кухню.

В городских дворах жгут листву, и по мере того как неделя приближается к концу и лицо старого Демона проступает все отчетливее, красноруких пугал все чаще бросают в костры. В полях стебли кукурузы пылают, как факелы, и часто пугала горят вместе с ними, их красные руки и вышитые белыми нитками глаза лопаются от жары. Люди стоят вокруг этих костров молча, с суровыми лицами. Никто не говорит об ужасных обычаях прошлого и жестоких старых богах, которых умиротворяют сжиганием этих пугал, но все это и так прекрасно знают. Время от времени кто-нибудь из людей едва слышно шепчет себе под нос два слова: *Гори огнем*.

Они закрывают, закрывают, закрывают год.

На улицах взрываются хлопушки и петарды. Иной раз раздается такой мощный «ба-бах», что даже смирные тягловые лошади лягают телеги. И эхо каждого взрыва заглушает детский смех. На крыльце

продовольственного магазина, что напротив «Приюта путников», поцелуям, иногда скромным, а иногда и с язычком, не видно конца, но шлюхи Корал Торин («Сладенькие», как любит называть себя и коллег Герт Моггинс) скушают. На этой неделе клиенты у них наперечет.

Это еще не Новый год, когда будут жарко гореть поленья, а весь Меджис танцевать... и, однако, старый год уходит. Именно на праздник Жатвы, сопровождаемый ритуалом *гори огнем*, приходится окончание года и все, начиная от Стенли Руиса, стоящего за стойкой бара под чучелом Сорви-Головы, до последнего скотовода Френа Ленджилла у самой границы Плохой Травы, это знают. В воздухе разлита тоска, кровь зовет в путь, в дальние края, одиночество щемит сердце.

Но этот год принес с собой и нечто особенное: ощущение чего-то дурного, скверного, ощущение, которое, однако, никто не мог выразить словами. Люди, которым никогда не снились кошмары, на неделе *fin de apo* просыпаются от собственных криков. Мужчины, по натуре мирные, не просто участвуют в драках, но затевают их. Мальчишки, которые раньше только мечтали о том, чтобы убежать из дому, в этот год действительно убегают и не возвращаются домой после первой ночи, проведенной под кустом.

И ощущение (то самое, которое никто не мог выразить словами, но чувствовали все), что этот праздник Жатвы отличается от прежних, нарастает. Заканчивается год, это да. Но с ним заканчивается и мир. Ибо именно здесь, в Меджисе, сонном внешнем феоде, суждено начаться последнему великому конфликту Срединного мира. Здесь прольются первые потоки крови. И в два года, не больше того, этот мир перестанет существовать. Начнется все здесь. И возвышающаяся среди розовых полей Темная Башня кричит голосом чудовища. Время — лицо на воде.

Корал Торин шла по Главной улице от отеля «Гавань», когда заметила Шими, ведущего Капризного в противоположном направлении. Юноша пронзительным, но мелодичным голосом напевал «Беззаботную любовь». Шел он медленно: Капризный тащил на себе два бочонка размерами поболее тех, что недавно отправились на Коос.

Корал радостно приветствовала Шими. Радоваться она имела полное право: Элдредэ Джонаса воздержание на *fin de apo* не касалось. А для мужчины со сломанной ногой любовником он оказался более чем

изобретательным.

— Шими! — воскликнула она. — Куда ты идешь? В Дом-на-Набережной?

— Да, — кивнул он. — Везу грэф, который они заказали. Для вечеринок на праздник Жатвы, да, много их будет. Все будут танцевать, разгорячатся, а потом станут пить грэф, чтобы немного остыть. Какая вы красивая, сэй Торин, с раскрасневшимися щечками.

— О! Мне очень приятны твои слова, Шими! — Она одарила его широкой улыбкой. — А теперь иди, иди, не теряй времени, тебя там ждут.

— Нет-нет, уже иду.

Корал, улыбаясь, смотрела ему вслед. *Все будут танцевать, разгорячатся*, сказал Шими. Насчет танцев Корал ничего сказать не могла, но точно знала, что в этом году праздник Жатвы выдастся жарким. Очень даже жарким.

3

Мигуэль встретил Шими под аркой Дома-на-Набережной, окинул презрительным взглядом, каким достаивал всех, кто стоял ниже его на социальной лестнице, выдернул пробку сначала из одного бочонка, потом из второго. К содержимому первого только принюхался, наклонившись к отверстию в днище, во второй сунул большой палец и задумчиво пососал его. С провалившимися щеками, беззубым ртом и шевелящимися губами он напоминал сосущего соску бородатого младенца.

— Отменный вкус, не так ли? — спросил Шими. — Отменный вкус, добрый, старый Мигуэль, живущий здесь уже тысячу лет.

Мигуэль, все еще посасывающий палец, злобно зыркнул на Шими.

— Andale. Andale, simplon^[47].

Шими повел мула вокруг дома к кухне. С океана дул сильный порывистый ветер. Шими помахал рукой работающим на кухне женщинам, но ответного взмаха руки или рук не дождался: скорее всего женщины его даже не заметили. На каждой горелке огромной плиты булькал котел, и женщины в свободных, с длинными рукавами платьях, с забранными назад и перевязанными яркими лентами волосами, бродили в заполнявшем кухню тумане как призраки.

Шими снял со спины Капи сначала один бочонок, потом второй. Пыхтя от натуги, перенес их к большой дубовой бочке у двери черного хода. Снял крышку, наклонился над бочкой, тут же отпрянул: ядреный

запах старого грэфа вышиб у Шими слезу.

— Фу! — изрек он, поднимая первый бочонок. — Можно опьянеть от одного запаха!

Он вылил в бочку свежий грэф, стараясь не расплескать ни капли. Когда бочонки опустели, уровень бочки поднялся чуть ли не до крышки. Это хорошо, подумал Шими. На празднике Ярмарки яблочное пиво будет литься рекой.

Пустые бочонки он поставил в ременные корзины, закрепленные по бокам Капризного, вновь посмотрел на кухню, дабы убедиться, что за ним никто не наблюдает (никто и не наблюдал: кто вообще мог заметить дурачка из таверны Корал?), а затем повел Капи не назад, к арке, а по тропе, к сараям-складам, в которых хранилось все необходимое для обеспечения жизнедеятельности Дома-на-Набережной.

Их было три, и перед каждым сидело пугало с красными руками. Шими решил, что пугала пристально всматриваются в него, и по коже у него побежали мурашки. Потом он вспомнил свой предыдущий поход, к дому Риа, безумной старой ведьмы. Вот уж кто действительно наводил страх. А это всего лишь пугала, набитые соломой.

— Сюзан? — шепотом позвал он. — Где ты?

Дверь центрального сарая, и так приоткрытая, распахнулась еще шире.

— Заходи! — также шепотом ответила она. — И заводи мула! Только быстро!

Он завел мула в сарай, где пахло сеном, фасолью, веревками... и чем-то еще. С более резким запахом. *Петарды*, подумал Шими. *И порошок, для стрельбы*.

Сюзан, которая все утро провела в примерочной, встретила его в тонком шелковом платье и высоких кожаных сапогах, с волосами, украшенными ярко-синими и ярко-красными ленточками.

Шими засмеялся.

— Как ты забавно выглядишь, Сюзан, дочь Пата. Ты меня повеселила, это точно.

— Да, в таком наряде меня только рисовать для картины. — По лицу Сюзан было заметно, что думает она совсем о другом. — Нам надо поторопиться. Через двадцать минут меня начнут искать. Может, и раньше, если этот старый козел хватится меня... За дело!

Они сняли бочонки со спины Капи. Сюзан достала из кармана кусок сломанной подковы и вытащила у одного бочонка доньшко. Передала кусок подковы Шими, который проделал то же самое со вторым бочонком.

Сарай заполнил запах грэфа.

— Держи! — Она бросила Шими тряпку из мягкой материи. — Вытри бочонок как следует. Особо не усердствуй, все петарды в водонепроницаемой оболочке, но лучше перестраховаться.

Пока они вытирали бочонки изнутри, Сюзан каждые несколько секунд бросала тревожный взгляд на дверь.

— Хорошо. Хватит. Теперь... их два вида. Я уверена, их не хватятся. Запасы тут огромные, ими можно взорвать полмира. — И устремилась в глубь сарая. Вернулась с подолом, полным петард.

— Это те, что побольше.

Шими уложил их в один из бочонков. Каждая размером с детский кулак. Большие петарды. Разрывающиеся с грохотом. Он как раз установил на место доньшко, когда Сюзан принесла вторую порцию. Поменьше. Шими знал, что они не только взрываются, но и выбрасывают сноп цветного огня.

По-прежнему бросая короткие взгляды на дверь, она помогла ему загрузить бочонки. Когда они заняли свое законное место в ременных корзинах по бокам Капи, Сюзан облегченно вздохнула и тыльной стороной ладони вытерла вспотевший лоб.

— Слава богам, этот этап закончен. Ты знаешь, куда должен их отвезти?

— Да. Сюзан, дочь Пата. На «Полосу К». Мой друг Артур Хит положит их в безопасное место.

— Если кто-нибудь спросит, как ты там оказался?

— Отвозил сладкий грэф юношам из Привходящего мира, потому что они решили не приходить в город на Ярмарку... Почему они решили не приходить, Сюзан? Они не любят Ярмарки?

— Ты об этом скоро узнаешь. Нет у меня времени отвечать на твои вопросы, Шими. Иди... дорога у тебя дальняя.

Однако он не сдвинулся с места.

— Что еще? — спросила Сюзан, стремясь не выказывать нетерпения. — Шими, в чем дело?

— Я бы хотел, чтобы ты поцеловала меня. Все-таки *fin de ano*. — И Шими густо покраснел.

Сюзан не могла не рассмеяться, потом приподнялась на цыпочки и поцеловала его в уголок рта. С этим Шими и отбыл к «Полосе К».

На следующий день Рейнолдс поскакал в СИТГО. Лицо укутал шарфом, оставив только глаза. Ему не терпелось выбраться из этого чертова Хэмбри, где пастбища так близко соседствовали с морем. Вроде бы и температура упала не так сильно, но ветер, набрав скорость над водной гладью, резал как ножом. А еще больше угнетало его другое: ощущение обреченности, накрывшее город, да и весь Меджис, в преддверии ярмарки Жатвы. Рой это тоже чувствовал. Об этом ясно говорил его взгляд.

Нет, у него явно полегчает на душе, когда трое юных рыцарей превратятся в пепел, который разнесет ветром, а он покинет этот забытый богами феодал.

Рейнолдс спешил на автомобильной стоянке, привязал лошадь к ржавой железяке с загадочным словом «шевроле», едва читаемым на небольшой, когда-то блестящей табличке, и зашагал к нефтяному полю. Ветер пробирал даже сквозь овчинный полушубок, которым его снабдили на ранчо, и дважды ему пришлось натягивать шляпу на уши, чтобы ее не сдуло ветром. Он даже радовался, что не может увидеть себя: должно быть, выглядел он как какой-нибудь гребаный фермер.

Оглядываясь по сторонам, Рейнолдс время от времени удовлетворенно кивал. Тишина и покой. Лишь ветер шуршит в соснах, растущих по обе стороны от трубы. Никогда не подумаешь, что за тобой наблюдает с десяток пар глаз.

— Эй! — позвал он. — Выходите, парни. Давайте держать совет.

Мгновение его призыв оставался без ответа. Потом из-за деревьев появились Хайрем Куинт с ранчо «Пиано» и Крикун Каллахэн из «Приюта путников». *Святое дерьмо*, в изумлении подумал Рейнолдс, *и где они только этим разжались*.

Из-за пояса штанов Куинта торчал древний мушкетон. Рейнолдс подумал, что Куинту крупно повезет, если мушкетон просто даст осечку, когда тот нажмет на спусковой крючок. Если не повезет — мушкетон взорвется и ослепит его.

— Все тихо? — спросил Рейнолдс.

Куинт ответил на непереводаемом местном диалекте. Крикун с минуту слушал его, потом взял инициативу на себя.

— Все хорошо, сэй. Он говорит, что он и его люди теряют терпение. — Широко улыбнувшись, Крикун добавил: — Если бы вместо мозгов был порох, он не смог бы высморкаться.

— Но доверять этому идиоту можно?

Крикун пожал плечами. Вероятно, сие означало, что да.

Они прошли под деревья. Там, где Роланд и Сюзан видели почти

тридцать цистерн, стояли шесть, и из этих шести только в двух была нефть. Мужчины сидели на земле или храпели, привалившись к стволам сосен и надвинув на лицо сомбреро. В большинстве своем их вооружение по возрасту и надежности могло посоперничать с мушкетонам Куинта. У некоторых Рейнолдс заметил пращи. И решил, что проку от них будет больше. Он повернулся к Крикуну:

— Скажи этому лорду Перту, что если мальчишки придут, будет стычка и у них есть только один шанс сделать все как надо.

Крикун заговорил с Куинтом. Тот заулыбался, обнажив остатки зубов. Коротко ответил, затем пальцы его сложились в громадные кулаки, он поставил их один на другой и повернул в разные стороны, как бы откручивая шею невидимому врагу. Крикун начал было переводить, но Клей Рейнолдс остановил его взмахом руки. Ему хватило одного слова, которое он понял без перевода: *muerto*^[48]

Всю предшествующую празднику Жатвы неделю Риа просидела перед магическим кристаллом, вглядываясь в его глубины. Черной ниткой она пришила голову Эрмота к его телу, мертвой змеей обвязала себе шею да так и сидела, не замечая запаха разложения, который со временем только усиливался. Дважды подходил Масти, громко мяукал, требуя еды, и всякий раз Риа ногой отталкивала его, не отрывая взгляда от хрустального шара. Она сама все более превращалась в скелет, а глаза уже напоминали глазницы тех черепов, что лежали в висевшей в углу сетке. Иной раз она впадала в дрему, с гниющей змеей на шее, с хрустальным шаром, лежащим на коленях. Упиралась острым подбородком в шею, из уголков рта вниз бежали струйки слюны, но спать она не спала. Она не могла терять время на сон: слишком многое показывал ей магический кристалл.

Показывал в охотку. Теперь, чтобы заглянуть в розовые глубины, ей уже не приходилось прибегать к пассам. Ей открылась вся мерзость Меджиса, все гадости и жестокости, творимые вдали от чужих глаз. В большинстве, конечно, она видела всякую ерунду: мальчишек, которые онанировали, подглядывая в замочную скважину за раздевающимися сестрами, жен, выворачивающих карманы мужей в поисках денег или табака, Шеба, пианиста, вылизывающего сиденье стула, на котором только что сидела голый задницей его любимая проститутка, служанку в Доме-на-Набережной, плюнувшую в подушку Кимбы Раймера после того, как

канцлер дал ей хорошего пинка: служанка помешала ему пройти.

Все, что видела Риа, лишь подтверждало ее мнение об обществе, которое она покинула. Иногда она дико смеялась, иногда обращалась к людям, которых видела в хрустальном шаре, словно они могли ее слышать. На третий день недели, предшествующей празднику Жатвы, она перестала ходить в туалет, хотя и могла брать с собой магический кристалл, и теперь от нее шел резкий запах мочи.

На четвертый день Масти перестал подходить к ней.

Риа смотрела в магический кристалл и растворялась в нем, как случалось с другими, теми, кто прикидал к шару до нее. Она уже не отдавала себе отчета в том, что шар, показывая ей невидимое другим, высасывает из нее остатки *anima*. А если бы и отдавала, то скорее всего решила, что это равноценный обмен. Она видела все то, что люди старались скрыть от посторонних глаз, все то, что всегда интересовало ее, и едва ли сочла, что ее жизненная сила — слишком дорогая плата за доставленное удовольствие.

6

— Дай я ее зажгу, боги тебя побери. — Джонас узнал говорившего: этот мальчишка махнул Джонасу отрезанным собачьим хвостом и крикнул: «Мы — Большие охотники за гробами, как и ты!»

Другой мальчишка, к которому обращался этот ангел, никак не желал расставаться с куском печенки, который они увели из-под носа владельца мясной лавки на нижнем рынке. Первый схватил его за ухо, вертанул. Второй мальчишка вскрикнул, выронил печенку из вымазанных кровью рук.

— Так-то лучше. — Первый поднял кусок печенки. — Ты должен помнить, кто тут босс.

Они стояли за небольшой пекарней на нижнем рынке. Поблизости, привлеченный запахом горячего хлеба, терся пес с бельмом на одном глазу. Он смотрел на них, повиливая хвостом.

На куске печени виднелся разрез, из него торчал зеленый фитиль большой петарды. Под фитилем печенка раздулась, как живот беременной женщины. Первый мальчишка достал серную спичку сунул ее меж передних зубов, зажег.

— Он не возьмет! — подал голос, дрожащий от надежды и предвкушения, третий мальчишка.

— Такой-то тощий? — хмыкнул первый. — Возьмет, ставлю мою колоду карт против твоего лошадиного хвоста.

Третий подумал и покачал головой.

Первый широко ухмыльнулся.

— А ты мудр. — И зажег фитиль. — Эй, милый, — позвал он пса. — Хочешь попробовать вкусненького? Держи!

И он бросил кусок печенки. Шипящий фитиль не остановил пса. Он метнулся к печенке, не отрывая единственного глаза от еды, какой не видел уже много дней. И в тот момент, когда пес на лету поймал печенку петарда, которую мальчишки засунули внутрь, взорвалась. Громыхнуло, вспыхнуло. У пса оторвало нижнюю челюсть. Хлынула кровь. Какое-то мгновение пес стоял, глядя на мальчишек одним глазом, потом рухнул.

— Схватил! — воскликнул первый мальчишка. — Схватил! Нас ждет счастливая Жатва, а?

— Что это вы тут делаете? — раздался женский голос. — А ну кыш отсюда, воронье!

Мальчишки убежали, смеясь, и смех их действительно напоминал карканье ворон.

7

Катберт и Ален остановили лошадей у устья каньона Молнии. Ветер уносил от них «голос» червоточины, но от него все равно гудела голова, дребезжали зубы.

— Как же я ее ненавижу. — процедил Катберт. — Давай поторопимся.

— Да, — согласился с ним Ален.

Они спешили, неуклюжие в полушубках, привязали лошадей к кустам, что росли неподалеку. В обычной ситуации они обошлись бы без этого, но знали, что надсадный вой червоточины лошадям тоже не по нутру. Катберту даже слышалось, что червоточина разговаривает с ним, настойчиво предлагает пройти к ней. Настойчиво и убедительно.

Давай, Берт, отринь все эти глупости: жажду славы, гордость, боязнь смерти, одиночество, которое ты высмеиваешь, потому что, кроме смеха, другого оружия у тебя нет. И эта девушка, забудь про нее. Ты ее любишь, не так ли? Даже если не любишь, все равно хочешь ее. Грустно, конечно, но она любит твоего друга, а не тебя. А вот если ты придешь ко мне, все это сразу перестанет тебя волновать. Так иди. Чего ты ждешь?

— Чего я жду? — пробормотал Катберт.

— Что?

— Я спрашиваю, чего мы ждем? Давай покончим с этим и поскорее уберемся отсюда.

Из седельных сум каждый достал по небольшому мешочку. В них они ссыпали порох из маленьких петард, которые два дня назад привез им Шими. Ален опустился на колени, вытащил нож и, вырывая под ветками канавку, задом пополз по тропе в каньон.

— Надо бы поглубже, — заметил Катберт. — Чтобы порох не вынуло ветром.

Ален бросил на него злобный взгляд:

— Может, выроешь ее сам? Чтобы точно знать, что глубина — как надо?

Это червоточина, подумал Катберт. *Она действует и на него.*

— Нет, Эл, — ответил он. — Для слепого недоумка у тебя получается даже очень хорошо. Продолжай.

Ален еще какое-то мгновение сверлил его тем же взглядом, потом заулыбался и вернулся к прерванному занятию.

— Ты умрешь молодым, Берт.

— Да, скорее всего. — Катберт тоже опустился на колени и последовал за Аленом, заполняя канавку порохом из мешка, стараясь не обращать внимания на назойливый «голос» червоточины. Нет, порох, пожалуй, не выдует, разве что ураганным ветром. А вот если пойдет дождь, ветки не защитят. Если пойдет дождь...

Не думай об этом, приказал он себе. *Это ка.*

Канавки по обе стороны тропы они засыпали порохом за десять минут но обоим казалось, что времени на это у них ушло гораздо больше. И лошади придерживались того же мнения. Они били копытами, на всю длину натянув поводья, прижав уши к голове, выкатив глаза. Катберт и Ален отвязали их, вскочили в седла. Катберту показалось, что его конь дрожит как лист на ветру.

Невдалеке солнечные лучи отражались от металла. Цистерны у Скалы Висельников. Их поставили предельно близко к выпирающей из земли глыбе песчаника, но солнце стояло в зените, и тени от скалы не хватало, чтобы накрыть все цистерны.

— Я просто не могу в это поверить, — покачал головой Ален. Они направлялись назад, к «Полосе К», огибая Скалу Висельников по широкой дуге, чтобы их не увидели. — Должно быть, они держат нас за слепых.

— Они держат нас за глупцов. — ответил Катберт, — хотя, полагаю,

это одно и то же. — Теперь, когда каньон Молнии остался далеко позади, его так и распирало от облегчения. Неужели они собираются войти в каньон? Действительно *войти*, оказаться в нескольких ярдах от этой проклятой лужи? Он не мог в это поверить... и заставил себя напроочь забыть об этом, потому что иначе пришлось бы поверить.

— Новые всадники направляются к Скале Висельников. — Ален указал на леса за каньоном. — Ты их видишь?

На таком расстоянии всадники не превышали размером муравья, но Берт видел их хорошо.

— Меняют охрану, главное, чтобы они нас не увидели... как думаешь, смогут разглядеть?

— Оттуда? Вряд ли.

Мысленно Катберт с ним согласился.

— Они все попадут в каньон на день Жатвы, так? — спросил Ален. — Загнать туда малую часть — невелика польза.

— Да... я думаю, все они там окажутся.

— А Джонас и его дружки?

— И они тоже.

На них надвигалась полоса Плохой Травы. Ветер дул им в лицо, заставляя глаза слезиться, но Катберт не видел в этом ничего плохого. Наоборот. «Голос» червоточины, спасибо ветру, заметно ослабел. Еще немного, и он пропадет полностью. Именно этого и не хватало Катберту для полного счастья.

— Ты думаешь, мы выберемся оттуда, Берт?

— Сие мне неведомо, — ответил Катберт, вспомнил о засыпанных порохом канавках под сухими ветками и улыбнулся. — Но вот что я тебе скажу, Эл: они точно узнают, что мы там побывали.

В Меджисе, как и в любом другом феоде Срединного мира, последняя неделя перед Ярмаркой посвящалась политике. Влиятельные люди съезжались со всех концов феода, одно совещание сменялось другим, подготавливая главное событие — Форум феода, который по традиции проходил в день Жатвы. Сюзан участвовала во всех этих мероприятиях, живое доказательство того, что у мэра есть еще порох в пороховницах. Присутствовала и Олив, раз за разом выпивая до дна чашу унижения. Они сидели по обе стороны стареющего петушка. Сюзан наливала кофе. Олив

раздавала пирожные. Обе с благодарностью выслушивали хвалебные отзывы о качестве еды и напитков, к приготовлению которых они не имели ни малейшего отношения.

Сюзан не могла заставить себя посмотреть на улыбающееся лицо несчастной Олив. Да, не судьба ее мужу лежать в одной постели с дочерью Пата Дельгадо... но сэй Торин этого не знала, а Сюзан ничего не могла ей сказать. Когда же боковым зрением она видела жену мэра, ей вспоминались слова Роланда, произнесенные им на Спуске: «На мгновение я подумал, что она — моя мать». Но в этом-то и состояла проблема, не правда ли? Олив Торин не могла стать матерью. Отсюда и та ужасная ситуация, в которой оказались и она сама, и Сюзан.

Мысли Сюзан занимало совсем другое, но со всей этой суетой во дворце мэра она смогла вырваться лишь за три дня до праздника Жатвы. Отсидев на последнем в тот день совещании, скинув Розовое платье с аппликацией (как она его ненавидела! Как она ненавидела все платья!). Сюзан торопливо надела джинсы, рубашку и полушубок. Заплетать волосы в косы времени не было, ее ждали на чаепитии у мэра, но Мария завязала их в узел, и Сюзан помчалась к дому, который вскорости собиралась покинуть навсегда.

То, что она хотела посмотреть, лежало в чулане, примыкающем к конюшне, который ее отец использовал как кабинет, но сначала она вошла в дом и услышала то, что и рассчитывала услышать: сладкое посапывание тети Корд. Оно и к лучшему.

Сюзан отрезала кусок хлеба, намазала его медом и направилась в конюшню, прикрывая лицо от пыли, которую гнал по двору ветер. В огороде гроыхало пугало, поставленное теткой.

Она нырнула в конюшню. Пилон и Фелиция поприветствовали ее тихим рыканием, и она поделила кусок хлеба между ними. Большая часть досталась Фелиции, потому что в Привходящий мир Сюзан решила отправиться на Пилоне.

В чулан-кабинет Сюзан не заходила со дня смерти отца, боясь именно той душевной боли, которую и испытала, отодвинув засов и переступив порог. Узкие окна затянула паутина, но они пропускали достаточно света — день опять выдался безоблачным, — чтобы она увидела лежащую в пепельнице трубку, красную, его любимую, которую он всегда курил, если ему было о чем подумать. На спинке стула лежала сетка. Пат, должно быть, чинил ее при свете газового рожка, потом отложил, решив, что доделает начатое завтра... но змея выскочила из-под копыт Пены, и завтра для Пата Дельгадо уже не наступило.

— О, папа, — всхлипнула Сюзан. — Как мне тебя не хватает.

Она подошла к столу, провела пальцами по его поверхности, оставляя полосы в слое пыли. Села на стул, послушала, как он скрипит под ней (точно так же он скрипел и под ним), пододвинулась на самый краешек. Следующие пять минут она сидела и плакала, закрыв лицо руками, как случалось в детстве. Только теперь не было Большого Пата, который подошел бы к ней, усадил на колени и целовал бы в чувствительное местечко под подбородком (особенно чувствительное к щеточке усов над его верхней губой), пока слезы не перешли бы в смех. Время — лицо на воде, на этот раз — лицо ее отца.

Наконец слезы высохли. Один за другим она начала открывать ящики стола. Нашла другие трубки (многие с изжеванными мундштуками), шляпу, одну из своих кукол (со сломанной рукой, которую Пат так и не успел починить), перьевые ручки, маленькую фляжку, пустую, но с характерным запахом виски. В нижнем увидела две шпоры, одну с отломанным колесиком. Догадалась, что в день смерти именно эти шпоры были на его сапогах.

Если бы мой отец был здесь, сказала она в тот день на Спуске. Но его нет, ответил тогда Роланд. *Он мертв.*

Пара шпор, одна с отломанным колесиком.

Сюзан достала шпоры из ящика. Перед ее мысленным взором возникла Океанская Пена. Вот она встает на дыбы, сбрасывает отца (одна шпора цепляется за стремя, колесико отламывается), ее ведет вбок, и она падает на него. Это Сюзан легко представила себе, но не увидела змею, о которой рассказал им Френ Ленджилл. Не увидела, и все.

Она положила шпоры в ящик, встала, посмотрела на полку справа от стола. На ней стояли гроссбухи в кожаных переплетах, бесценное сокровище для общества, потерявшего секрет изготовления бумаги. Ее отец почти тридцать лет был главным конюхом феода, и на полке стояли книги, в которые он записывал родословную лошадей.

Сюзан взяла последнюю в ряду, начала пролистывать. На этот раз она даже обрадовалась, когда у нее вновь защемило сердце при виде знакомого почерка.

Рожден от ГЕНРИЭТТЫ, 2-ой жеребенок, оба хорошие.

Мертворожденный от ДЕЛИИ, жеребец (МУТАНТ).

Рожден от ИОЛАНДЫ, ЧИСТОКРОВКА, ОТЛИЧНЫЙ
ЖЕРЕБЧИК.

И рядом с каждым дата. К своим обязанностям он относился очень серьезно. Такой аккуратный. Такой дотошный. Такой...

Сюзан обмерла, понимая, что неожиданно для себя нашла то, что искала, хотя до этого самого мгновения не очень-то представляла себе, а что именно привело ее в эту маленькую комнатку. Последние исписанные страницы отсутствовали. Их вырвали с корнем.

Кто это мог сделать? Уж конечно, не ее отец. К бумаге он относился с таким же почтением, как другие — к богам или золоту.

И почему их вырвали?

Ответа долго искать не пришлось: разумеется, из-за лошадей. Их слишком много на Спуске. И ранчеры, Ленджилл, Кройдон, Ренфрю, лгали как насчет их числа, так и насчет процента мутантов. Лгал и Генри Уэрнер, занявший должность отца.

Если бы мой отец был здесь...

Но его нет. Он мертв.

Она заявила Роланду, что Ленджилл не мог солгать насчет смерти отца, она в это не верит... но теперь могла поверить.

Да помогут ей боги, теперь она могла в это поверить.

— И что ты тут делаешь?

От неожиданности Сюзан вскрикнула, выронила гроссбух, оглянулась. На пороге стояла Корделия в старом черном платье. Три верхние пуговицы остались незастегнутыми, так что Сюзан видела ключицы, выпирающие над рубашкой из белой материи. Только увидев эти ключицы, Сюзан поняла, как сильно похудела тетя Корд за последние три месяца. Заметила она и красное пятно (отлежала на подушке) на левой щеке Корделии, очень похожее на отметину от оплеухи.

— Тетя Корд! Ты меня напугала. Ты...

— Что ты тут делаешь? — повторила Корделия. Сюзан наклонилась и подняла гроссбух.

— Пришла, чтобы вспомнить отца. — Она поставила книгу на полку. Кто вырвал эти страницы? Ленджилл? Раймер? Она в этом сомневалась. Скорее их вырвала женщина, что сейчас стояла перед ней. Может, потому, что ей пообещали за это золотую монету. Ни о чем не спрашивая соответственно и не требуя ответа. Выполнила просьбу, получила вознаграждение, бросила монетку в копилку. Вопрос закрыт.

— Вспомнить его? Не вспоминать тебе его надо, а просить у него прощения. Ибо ты забыла его лицо, да, забыла. Как это ни прискорбно, ты забыла его, Сью.

Сюзан молча смотрела на тетку.

— Ты уже была с ним сегодня? — В голосе Корделии слышалась насмешка. Ее рука поднялась к красной отметине на щеке, потеряла ее. А ведь она совсем плоха, подумала Сюзан. И особенно сдала, когда по городу поползли сплетни о Джонасе и Корал Торин. — Ты уже подлезла под сэй Диаборна? Твоя щель еще не просохла от его спермы? Ну-ка дай я посмотрю сама!

Корделия шагнула к племяннице, но та, в испуге и отвращении, с силой оттолкнула ее. И Корделия спиной впечаталась в стену у затянутого паутиной окна.

— Прощения надо просить тебе, — выкрикнула Сюзан. — За то, что смеешь говорить с его дочерью таким тоном и в этом месте. *В этом месте.* — Взгляд ее уперся в гроссбухи, вновь вернулся к тетке. И лицо Корделии Дельгадо сказала все, что ей хотелось знать. Она не участвовала в убийстве брата, в это Сюзан не верила, но что-то об этом знала. Да, знала.

— Ты неверная сучка, — прошептала Корделия.

— Нет, — ответила Сюзан, — я-то как раз верная.

И так оно и было, осознала Сюзан. От этой мысли у нее с плеч словно свалилась громадная тяжесть. Она прошла к двери, на пороге обернулась.

— Ноги моей больше не будет в этом доме. Слушать твои оскорбления я больше не желаю. И видеть тебя такой, какая ты сейчас. Ты высушила ту любовь, которую я испытывала к тебе за все, что ты делала для меня, заменив мать.

Корделия закрыла руками лицо, словно у нее болели глаза, когда она смотрела на Сюзан.

— *Так убирайся!* — выкрикнула она. — *Убирайся в Дом-на-Набережной или где там еще ты перепихиваешься с этим мальчишкой! Если я больше никогда не увижу твою шлюшечью физиономию, то буду считать, что не зря прожила жизнь!*

Сюзан вывела Пилона из конюшни. Рыдания вновь разрывали ей грудь. Поначалу она даже не смогла сесть на лошадь. Но в конце концов села, испытывая не только печаль, но и облегчение. А выехав на главную улицу и пустив Пилона галопом, даже не оглянулась.

На следующее утро, в предрассветной тьме, Олив Торин прокралась из комнаты, где теперь спала одна, в другую, которую почти сорок лет делила с мужем. Пол охлаждал босые ноги, и она вся дрожала, когда добралась до

кровати... но дрожала она не только от холода. Она легла рядом с костлявым, храпящим мужчиной в ночном колпаке, а когда он отвернулся от нее (при этом громко захрустели его коленки), прижалась к нему и обняла. Безо всякой страсти, лишь ради того, чтобы разделить его тепло. Узкая грудь Харта, знакомая ей не меньше ее собственной, более чем пышной, поднималась и опадала под ее руками, и Олив начала успокаиваться. Он шевельнулся, и она подумала, что сейчас Харт проснется и обнаружит, что впервые за многие годы она делит с ним ложе.

Да, проснись, подумала она. Проснись. Сама она будить его не решилась: ее смелости хватило только на то, чтобы прокрасться в темноте из одной комнаты в другую. Однако если бы он проснулся, она рассказала бы ему о том жутком сне, что увидела этой ночью: громадная птица с жестокими золотистыми глазами кружила над феодем, а с ее крыльев капала кровь.

И кровь была там, куда падала ее тень, сказала бы она ему, а тень ее падала всюду. Тень эта накрыла весь феоде, от Хэмбри до каньона Молнии. И ветер принес запах большого пожара. Я прибежала к тебе, чтобы предупредить, но ты сидел у камина мертвый, с выпученными глазами и черепом на коленях.

Вместо того чтобы проснуться, Харт взял ее руку в свои, как бывало прежде, до того как он начал заглядываться на молодых девушек, даже служанок, и Олив решила, что она просто полежит с ним и позволит ему держать ее руку. Пусть хоть на короткое время все будет так, как в давние времена, когда в их семье царили мир и согласие.

Она немного поспала. А когда проснулась, в окна уже проникал серый свет зари. Он отпустил ее руку, более того, отодвинулся от нее на самый край кровати. Она решила, что не надо ему знать о том, что она спала в его постели, тем более что и кошмар начал забываться. Олив отбросила одеяло, опустила ноги на пол, еще раз посмотрела на Харта. Ночной колпак съехал, поэтому она аккуратно поправила его. Харт вновь шевельнулся. Олив подождала, пока он затихнет, затем поднялась. И, как призрак, проскользнула в свою комнату.

Игровые павильоны открылись в «Зеленом сердце» за два дня до ярмарки Жатвы, и первые горожане попытали удачи на вращающемся колесе, в метании бутылок, в бросках мяча в баскетбольное кольцо.

Появился и пони-поезд... телега, заполненная смеющимися ребятишками, которую пони тянул по узким рельсам, выложенным восьмеркой.

(— Пони звали Чарли? — спросил Роланда Эдди Дин.

— Не думаю, — ответил Роланд. — В Высоком Слоге у нас было одно малопривлекательное слово, созвучное с этим именем.

— Какое слово? — спросил Джейк.

— То, что означает смерть, — ответил стрелок.)

Рой Дипейп стоял, наблюдая, как пони крутит восьмерки, вспоминая свое детство, когда он сам сидел в такой вот телеге. Естественно, пытаясь попасть в нее, не заплатив ни гроша.

Насмотревшись, Дипейп неспешно зашагал к Управлению шерифа, вошел. Херк Эвери, Дейв Холлис и Френк Клейпул чистили древнее оружие. Эвери кивнул Дипейпу и продолжил свое занятие. Шериф был какой-то не такой, и Дипейпу потребовалась пара минут, чтобы понять, что к чему: шериф не ел. Впервые у него под рукой не стояла тарелка с едой.

— К завтрашнему дню все готово? — спросил Дипейп.

Эвери бросил на него взгляд, в котором раздражение перемешалось с весельем:

— С чего такой вопрос?

— Его просил задать Джонас, — ответил Дипейп, и нервная улыбка Эвери поблекла.

— Да, мы готовы. — Эвери обвел мясистой рукой музейные редкости. — Разве ты не видишь, что готовы?

Дипейп мог бы повторить древнюю поговорку о том, что качество пудинга можно проверить, лишь отведав его, но имело ли смысл? Желаемый результат получался лишь в одном случае: если мальчишек проведут, как рассчитывал Джонас. Если нет, они скорее всего вырвут толстяку шерифу ноги и скормят их оказавшимся под рукой волкам или собакам. Кому именно, Дипейпа особо не волновало.

— Джонас также просил напомнить, что брать их надо рано.

— Да, да, мы приедем туда рано, — согласился Эвери. — Вот эти двое и еще шесть крепких парней. Я попросил подъехать и Френа Ленджилла, он возьмет пулемет. — Последнее слово Эвери произнес с такой гордостью, словно сам изобрел это оружие. Затем посмотрел на Дипейпа. — А как насчет тебя? Ты поедешь? Произвести тебя в помощники — пара пустяков.

— У меня есть другое дело. И у Рейнолдса тоже, — улыбнулся Дипейп. — Работы хватит всем, шериф... в конце концов, это Жатва.

В тот день, ближе к вечеру, Сюзан и Роланд встретились в хижине в Плохой Траве. Она рассказала ему о грессбухе с вырванными страницами, а Роланд показал ей то, что оставил в северном углу хижины, спрятав под грудой рваных шкур.

Сначала она посмотрела на содержимое тайника, потом подняла на него широко раскрытые, испуганные глаза.

— Что-то идет не так? Почему ты заподозрил неладное?

Он покачал головой. Вроде бы все шло нормально... во всяком случае, ничего подозрительного он пока не заметил. И, однако, чувствовал, что поступает правильно, устроив тайник в хижине. Руководствовался он при этом не даром, не шестым чувством, но интуицией.

— Я думаю, все пройдет нормально... насколько может пройти нормально при условии, что их по пятьдесят человек на каждого из нас. Сюзан, наш единственный шанс — захватить их врасплох. Ты не поставишь нас под удар, правда? Не пойдешь к Ленджиллу, размахивая грессбухом отца?

Она покачала головой. Если Ленджилл убил ее отца, через два дня он за это заплатит. Так что разговаривать с ним она не собиралась. Но тайник... тайник ее пугал, о чем она и сказала Роланду.

— Слушай. — Роланд сжал ладонями щеки Сюзан, заглянул ей в глаза. — Я лишь принимаю меры предосторожности. Если все пойдет не так... а такое возможно... шанс выбраться отсюда есть только у тебя. У тебя и у Шими. Если такое случится, Сюзан, ты... вы... должны прийти сюда и забрать мои револьверы. Увезти их на запад, в Гилеад. Найти моего отца. По этим пистолетам он признает тебя и поверит всему, что ты скажешь. Расскажи ему о случившемся. Вот и все.

— Если что-то случится с тобой, Роланд, едва ли я смогу что-то сделать, кроме как умереть.

Его ладони все еще сжимали лицо Сюзан. И теперь он чуть тряхнул ее.

— Ты не умрешь. — Лед в его глазах и голосе вызвал у Сюзан не страх, но благоговение. Она подумала о его крови... о том, какая она древняя, какой холодной могла становиться при необходимости. — Пока не переговоришь с моим отцом. Обещай мне.

— Я... я обещаю, Роланд. Обещаю.

— Скажи вслух, что ты обещаешь.

— Я приду сюда. Заберу твои револьверы. Отвезу твоему отцу.

Расскажу, что случилось.

Он кивнул и отпустил ее лицо. Следы пальцев и ладоней остались на щеках.

— Ты меня напугал. — Сюзан тряхнула головой. — *Ты так меня напугал.*

— Я такой, как есть.

— И я не собираюсь тебя переделывать. — Она поцеловала его в левую щеку, потом в правую. Сунула руку под рубашку, поласкала сосок. Он мгновенно затвердел под подушечкой ее пальца. — Птички и рыбки, медведи и зайки. — Теперь она покрывала его лицо поцелуями. — Исполнят любое желанье твое.

Потом они лежали под медвежьей шкурой, которую Роланд привез с собой, и прислушивались к порывам ветра, шуршащего травой.

— Мне нравится этот звук, — прошептала Сюзан. — Он вызывает у меня желание стать ветром... улететь, куда летит он, увидеть, что видит он.

— В этом году, если *ка* позволит, ты все увидишь.

— Да. Вместе с тобой. — Она повернулась к нему, приподнялась на локте. Свет, просачиваясь сквозь дыры в крыше, падал ей на лицо. — Роланд, я тебя люблю. — Она поцеловала его... и расплакалась.

Он нежно обнял ее:

— В чем дело? Сью, что тебя тревожит?

— Не знаю. — Слезы полились еще сильнее. — Могу сказать лишь одно — какая-то тень лежит у меня на сердце. — Она подняла на него полные слез глаза. — Ты не оставишь меня, ведь так, дорогой? Ты не уедешь без Сью, не уедешь?

— Нет.

— Потому что я отдала тебе все, что у меня было. И девственность — лишь малая часть этого, ты знаешь.

— Я никогда не оставлю тебя. — Но несмотря на теплую шкуру, по спине его пробежал холодок. — Никогда, клянусь.

— Я все равно боюсь. Очень боюсь.

— Вот это напрасно. — Говорил он медленно, с натугой... потому что внезапно совсем другим словам приспичило сорваться с его губ. *Мы уезжаем прямо сейчас, Сюзан. Не послезавтра, в день Жатвы, а сейчас, в эту самую минуту. Одевайся, и поскакали. Поедем на юг и ни разу не оглянемся. Мы будем... нас будут*

преследовать.

Это точно. Лица Алена и Катберта. Лица всех тех людей, что могли погибнуть в Лысых горах от оружия Древних, которое приведет в действие

доставленная из Меджиса нефть. Лица их отцов. И преследовать будут всю жизнь. От этих лиц им не скрыться даже на Южном полюсе.

— От тебя требуется лишь одно — послезавтра за ленчем сослаться на плохое самочувствие. — Они многократно говорили об этом, но сейчас, охваченным непонятным страхом, ничего другого на ум не приходило. — Пойдешь в свою комнату, а потом покинешь дворец тем же путем, что и в ночь нашей встречи на кладбище. Спрячешься. В три часа дня приедешь сюда, заглянешь под шкуры в том углу. Если револьверов там не окажется, а так и будет, я в этом абсолютно уверен, значит, все в порядке. И ты встретишься с нами. Где, я тебе говорил, за каньоном. Мы...

— Да, я все это знаю, но на душе у меня беспокойно. — Она коснулась его щеки. — Я боюсь за тебя и себя, Роланд, и не знаю почему.

— Все получится, ответил он. *Ка...*

— Не говори мне о *ка!* — воскликнула Сюзан. — Пожалуйста, не говори. *Ка* — как ветер, это слова отца, ей нет дела до чаяний мужчины или женщины. Жадная, старая *ка*, как я тебя ненавижу!

— Сюзан...

— Нет, больше ничего не говори. — Она легла, сбросила с себя медвежью шкуру, обнажив тело, за которое не Торин, а куда более великие мужи отдали бы королевство. Солнечные блики падали на Сюзан, как золотой дождь. Она протянула руки к Роланду. Никогда еще не выглядела она такой прекрасной, с разметавшимися волосами и застывшей на лице тревогой. Потом он думал: *Она знала, какая-то ее часть знала.*

— Хватит разговоров. С разговорами покончено. Если ты любишь меня, тогда люби.

И Роланд приник к ней, в последний раз. Они слились воедино, слились не только их тела, но и дыхания, а снаружи ревел и ревел несущийся на запад ветер.

В тот самый вечер, когда улыбающаяся Демоническая Луна появилась над горизонтом, Корделия вышла из дому и медленным шагом направилась через лужайку к огороду, обходя по широкой дуге кучу листьев, которую сгребла днем. В руках она несла одежду. Бросила ее на землю у шеста, на котором торчало пугало, посмотрела на поднимающуюся луну. Увидела подмигивающий глаз, злобную ухмылку. Серебряная, как кость, эта луна, белая пуговица на фиолетовом шелке.

Демон улыбнулся Корделии, она улыбнулась в ответ. А потом, словно очнувшись от транса, протянула руки и сняла пугало с шеста. Голова пугала улеглась ей на плечо, словно голова мужчины, который слишком много выпил, чтобы танцевать. Его красные руки болтались как плети.

Она раздела пугало, оставив ему только пару старых кальсон брата. Потом порылась в куче принесенной из дома одежды и вытащила из нее красную блузу для верховой езды, одну из трех, подаренных мэром Торином мисс Юной Красавице. Одежда для шлюхи, так, кажется, она обозвала эти блузы. И кем тогда следовало назвать ее, Корделию Дельгадо, которая заботилась об этой девчонке с тех самых пор, как ее упрямый папаша решил, что ему не по пути с Френом Ленджиллом, Джоном Кройдоном и иже с ними? Наверное, мадам, хозяйкой публичного дома.

При этой мысли перед ее мысленным взором возникли Элдред Джонас и Корал Торин, обнаженные, совокупляющиеся под доносящуюся снизу музыку (раздолбанное пианино играло «Ред дет буги»), и Корделия завывала, как собака.

А потом надела блузу на пугало. За блузой последовали юбка-брюки Сюзан и ее шлепанцы. А завершило наряд сомбреро с яркой лентой.

Presto^[49]! Пугало-мальчик превратилось в пугало-девочку.

— И пойманную на месте преступления, — прошептала Корделия, глядя на красные руки пугала. — Я знаю. Да, я знаю. Не вчера родилась.

С огорода она перенесла пугало на кучу листьев на лужайке. Положила на траву, затем затолкала листья за пазуху, соорудив груди. Покончив с этим, достала из кармана спичку и зажгла ее.

Ветер, словно потворствуя Корделии, стих. Она поднесла спичку к сухим листьям. Скоро вся куча полыхала ярким пламенем. Корделия подняла с земли пугало-девочку и встала с ним перед огнем. Она не слышала ни взрывов петард, ни звуков органа, игравшего в «Зеленом сердце», ни музыкантов, развлекавших народ на нижнем рынке. Она даже не отшатнулась, когда горящий лист, подхваченный горячим потоком воздуха, пролетел у самых ее волос. Она смотрела на огонь широко раскрытыми пустыми глазами.

А когда пламя поднялось особенно высоко, шагнула к нему и бросила в него пугало. Одежда вспыхнула сразу же, полыхнула яркими язычками, искры взвились до небес.

— Пусть будет так! — вскричала Корделия. Красные отсветы превратили ее слезы в кровь. — *Гори огнем! Ага, гори!*

Пугало горело, красные руки охватил огонь, лицо с белыми стежками-глазами почернело. Со шляпы пламя перекинулось на голову.

Корделия стояла у костра, сжимая и разжимая кулаки, не замечая искр, впивающихся в кожу, не обращая внимания на горящие листья, летящие в сторону дома. Загорись дом, она бы и этого скорее всего не заметила.

Она стояла, пока пугало, наряженное в одежду ее племянницы, не превратилось в кучку пепла поверх золы, оставшейся от листьев. Медленно, словно робот, она повернулась и прошествовала в дом, легла на диван и проспала до утра как убитая.

В половине четвертого утра, в день, предшествующий празднику Жатвы, Стенли Руис решил, что пора закрывать заведение. Музыка стихла двадцать минут назад: Шеб на час переиграл музыкантов с нижнего рынка и теперь спал, ткнувшись лицом в опилки. Сэй Торин давно поднялась наверх, куда-то подевались и Большие охотники за гробами: Стенли почему-то думал, что эту ночь они проводят в Доме-на-Набережной. Он также думал, что в эту ночь будут твориться черные дела, хотя и не мог сказать, откуда у него такие мысли. Он посмотрел на двухголовое чучело.

— И знать не хочу, дружище. — поделился он с Сорви-Головой. — Что мне сейчас нужно, так это девять часов сна. Завтра-то веселиться будут от души и не разойдутся до рассвета. Поэтому...

Дикий вопль донесся со двора. Стенли даже подпрыгнул. А Шеб приподнял голову, пробормотал:

— Шотакое? — и снова отключился.

Стенли не испытывал никакого желания выяснять, что стоит за этим диким криком, но ничего другого не оставалось. Тем более что кричала, судя по всему, Красотуля.

— Давно пора выгнать тебя пинком под зад, — пробурчал Стенли и наклонился. Под стойкой лежали две дубинки из железного дерева. Усмиритель и Убивец. Усмиритель, с гладкой поверхностью, при соприкосновении с головой буяна в нужном месте гарантировал тому два часа забвения.

Стенли посоветовался с внутренним голосом и взял вторую дубинку. Покороче Усмирителя, пошире в рабочем торце, утыканном гвоздями.

Через кладовую, уставленную бочонками с графом и виски, Стенли прошел к двери, выводящей во двор. Глубоко вздохнув, отодвинул засов. Он ожидал, что за дверью раздастся очередной вопль Красотули, но снаружи доносились лишь завывания ветра.

Может, тебе повезло и ее убили, подумал Стенли. Открыл дверь и шагнул вперед, одновременно поднимая дубинку.

Красотулю не убили. В одной грязной нижней юбке проститутка стояла на тропинке, что вела к сортиру, обхватив руками грудь и задрав голову к небу.

— В чем дело? — Стенли поспешил к ней. — Ты у меня десять лет жизни отняла, так перепугала.

— Луна, Стенли! — прошептала Красотуля. — Посмотри на луну.

Он посмотрел, и от увиденного гулко забилося сердце, но он постарался изгнать тревогу из голоса.

— Ну что ты, Красотуля, это же пыль, ничего больше. Будь благоразумнее, дорогая, ты же видишь, какой сильный ветер дует в последние дни, а дождей давно уже не было. Это пыль, только и всего.

Однако он сам не верил в свои слова.

— Я знаю, что это не пыль, — прошептала Красотуля.

Высоко в небе Демоническая Луна лыбилась и подмигивала им сквозь колышащееся кровавое марево.

Глава седьмая

ВЕДЬМА И ШАР

1

Аккурат в то время, когда некая проститутка и некий бармен смотрели на кровавую луну, Кимба Раймер проснулся от собственного чиха.

Холодовато для Жатвы, подумал он. Поскольку эти два дня мне придется провести вне дома, как бы...

Что-то защекотало кончик его носа, он вновь чихнул. Чих этот, вырвавшийся из его узкой груди и рыбьего рта в темноту спальни, по звуку чем-то напоминал выстрел из малокалиберного пистолета.

— Кто здесь? — крикнул Раймер.

Ответа не последовало. А Раймер внезапно решил, что его лица коснулось крыло птицы, которая каким-то образом проникла в его спальню при свете дня, а теперь летает в темноте. По коже у него побежали мурашки (как же он ненавидел всякую живность — птиц, насекомых, летучих мышей). Он потянулся к газовой лампе на прикроватном столике, задел ее рукой, чуть не скинул на пол, но все-таки схватил.

А когда потянул к себе, его вновь пощекотали. На этот раз по щеке. Раймер вскрикнул и откинулся на подушки, прижимая лампу к груди. Повернул вентиль, услышал шипение газа, высек искру. Лампа вспыхнула, и в круге света он увидел не птицу, а Клея Рейнолдса, сидящего на краешке кровати. В одной руке Рейнолдс держал перышко, которым щекотал канцлера Меджиса. Вторая пряталась под складками плаща на его коленях.

Рейнолдс невзлюбил Раймера с самой первой их встречи в лесах к западу от каньона Молнии, тех самых лесах, где стоял лагерем отряд Латиго. Ночь выдалась ветреной, и когда он и другие Охотники за гробами вышли на небольшую полянку, где у костерка сидели Раймер, Ленджилл и Кройдон, ветер подхватил и раздул полы плаща Рейнолдса. «Сэй Манто», — прокомментировал происшедшее Раймер, и двое его спутников рассмеялись. Безобидная шутка, да только Рейнолдсу она таковой не показалась. Во многих землях, по которым он странствовал, слово «манто» означало не только плащ. Так называли гомосексуалистов. Рейнолдсу и в голову не пришло, что Раймер (в силу своей провинциальности) не знаком со сленгом других феодалов. Он видел, что над ним смеются, и дал себе

слово отомстить.

Для Кимбы Раймера час расплаты настал.

— Рейнолдс? Что ты тут делаешь? Как ты сюда по...

— Ты обозался, — оборвал его Рейнолдс. — Нет тут никакого Рейнолдса. Перед тобой *сеньор Манто*, — Он вытащил руку из-под плаща. Пальцы сжимали остро заточенный *cuchillo*^[50]. Рейнолдс купил его на нижнем рынке специально для этого дела. Он поднял нож и загнал двенадцатидюймовое лезвие в грудь Раймера. Нож прошел насквозь, как булавка сквозь насекомое. *Клопа*, мысленно уточнил Рейнолдс.

Лампа вывалилась из руки Раймера и скатилась с кровати. Ударилась о подставку для ног, но не разбилась. Отбросила на дальнюю стену тень Раймера. Тень второго мужчины нависла над ним, как голодный стервятник.

Рейнолдс поднял руку с ножом. Повернул ее так, чтобы вытатуированный между большим и указательным пальцами гроб завис перед глазами Раймера. Он хотел, чтобы этот гроб стал последним, что увидел Раймер, перед тем как сойти с тропы.

— Давай послушаем, как ты теперь посмеешься надо мной, — улыбнулся Рейнолдс. — Чего молчишь? Начинай.

2

Около пяти утра мэр Торин проснулся от кошмара. В его сне птица с розовыми глазами медленно кружила над феодем. И там, куда падала ее тень, трава, желтела, листья опадали с деревьев, посевы гибли. Тень эта превращала зеленый и благодатный феоде в бесплодные земли. *Это, конечно, мой феоде, но и птица тоже моя*, подумал он перед тем как проснуться, свернувшись в клубок у края кровати. *Моя птица, ибо я привез ее сюда, я выпустил ее из клетки.*

Торин понял, что в эту ночь ему уже не заснуть. Налил стакан воды, выпил, прошел в кабинет, на ходу надевая халат. Помпон на конце ночного колпака елозил по спине между лопатками, колени скрипели при каждом шаге.

Сон этот словно выплеснул на поверхность чувство вины... но сделанного не вернешь. Завтра Джонас и его дружки получают то, за чем приехали (и за что заплатили). Послезавтра их уже не будет. Улетай, птица с розовыми глазами и мертвящей тенью. Улетай, откуда прилетела, и забирай с собой Больших охотников за гробами. Торин точно знал, что в

ближайшее время его будут занимать другие заботы, главным образом приятные, так что он думать забудет обо всех этих джонасах. И уж конечно, не будут ему сниться такие кошмары.

И потом, сны, не подкрепленные чем-то более существенным, — всего лишь сны, а не знамения.

Более существенным могли бы стать носки сапог, выглядывающие из-под портьеры у окна в кабинете... но сэй Торин даже не посмотрел в ту сторону. Взгляд его сосредоточился на бутылке, что стояла у его любимого кресла. Пить кларет в пять утра еще не пошло у него в привычку, но он решил, что глоток-другой не повредит. Ему же приснился страшный сон, и завтра, опять же...

— Завтра праздник Жатвы, — сказал он, усаживаясь в кресло у камина. — Полагаю, человек имеет право расслабиться.

Он наполнил бокал, последний в своей жизни, выпил... Спиртное, попав в желудок, приятным теплом растеклось по всему телу. Да, так-то лучше. Никаких тебе гигантских птиц, никаких смертоносных теней. Он потянулся, переплел пальцы, — которые тут же затрещали.

— *Терпеть не могу* этого звука, старый козел, — произнес голос над ухом Торина.

Торин подпрыгнул. Сердце чуть не выскочило из груди. Пустой стакан слетел с подлокотника и разбился о камни камина.

Прежде чем Торин успел закричать, Рой Дипейп сорвал с него ночной колпак, схватился за остатки волос и оттянул голову мэра назад. И тут же нож, который Рой держал в руке, далеко не такой красивый, как приобретенный на рынке Рейнолдсом, но не менее острый, перерезал старику горло. Кровь хлынула струей. Дипейп отпустил волосы Торина, вернулся к портьере, поднял что-то с пола. Дозорного Катберта. Принес его к креслу и положил на колени умирающего мэра.

— Птица... — прохрипел Торин, брызжа кровью. — Птица!

— Да, старина, какой ты, однако, наблюдательный, если заметил это даже в таком состоянии. — Дипейп вновь оттянул голову Торина назад и двумя короткими взмахами ножа вырезал ему глаза. Один упал в камин, второй сполз на пол по стене. Правая рука Торина дернулась и затихла.

Оставалось еще одно дело.

Дипейп огляделся, решил, что лучше помпона с ночного колпака Торина ему не найти. Поднял его, обмакнул в лужу крови, скопившуюся на халате на коленях мэра, и нарисовал на стене эмблему Благодетеля — широко раскрытый глаз.

— Вот так. — С довольным видом он отступил на шаг. — Если уж это

не прикончит их, то не знаю, что и делать.

3

Джонас показал Френу Ленджиллу, где расставить его людей: двоих в конюшне, шестерых — снаружи. Трое спрятались за ржавыми остовами сельскохозяйственной техники, двое — в руинах пожарища, один, Дейв Холлис, затаился на крыше конюшни. Ленджилла порадовало, что люди его отнеслись к порученному делу более чем серьезно. Конечно, им предстояло иметь дело с мальчишками, но эти мальчишки однажды взяли верх над Большими охотниками за гробами.

Пока они не подъехали к «Полосе К», шериф Эвери всем своим видом показывал, что парадом командует именно он. Но у ранчо руководство операцией перешло к Ленджиллу, восседавшему на лошади с ручным пулеметом через плечо, с прямой, как и двадцать лет назад, спиной. Эвери, у которого от волнения то и дело перехватывало дыхание, скорее обрадовался, чем обиделся.

— Я скажу вам, где вы должны встать, как мне и рекомендовали. План хорош, и у меня нет никаких возражений, — объяснял Ленджилл своим подчиненным: их лица смутно белели в темноте. — От себя хочу добавить только одно. Живыми они нам не нужны, но будет лучше, если мы захватим их, а не убьем... Мы же хотим, чтобы с ними расплатился феоде, простой люд, и расплатился по полной программе. За все, что они натворили. Поэтому говорю следующее: если будет необходимость стрелять — стреляйте. Но я сдеру шкуру с любого, кто откроет огонь без надобности. Вы меня поняли?

Ответа не последовало. Вроде бы поняли.

— Отлично. — Лицо Ленджилла напоминало каменную маску. — Даю вам минуту, чтобы убедиться, что ничего не гремит, и в путь. Больше ни слова.

4

В то утро Роланд, Катберт и Ален вышли из бункера в четверть седьмого, рядом постояли на крыльце. Ален допивал кофе. Катберт зевал и потягивался. Роланд застегивал рубашку и смотрел на юго-запад, в сторону Плохой Травы. Думал он не о предстоящей схватке с превосходящими

силами противника, а о Сюзан. Ее слезах. *Старая жадная ка, как я тебя ненавижу* — ее слова.

Его инстинкты крепко спали. Как и дар Алена, его шестое чувство, которое засекло Джонаса в тот день, когда Джонас убил их голубей. Что же касается Катберта...

— Еще один день тишины и покоя! — воскликнул он, подняв голову к светлеющему небу. — Еще один день счастья! Еще один день тишины, нарушаемой только вздохом влюбленного да топотом лошадиных копыт!

— Еще один день твоей болтовни, — добавил Ален. — Пошли.

Они пересекли двор, не замечая взглядов восьми пар глаз, не отрывающихся от них. Прошли в конюшню мимо двух людей, затаившихся у ворот, один сидел за грудой ржавых борон, второй — за копнушкой сена, оба с оружием наготове.

Только Быстрый чувствовал: что-то не так. Бил копытом, всхрапывал, закатывал глаза, а когда Роланд вывел его из стойла, попытался встать на дыбы.

— Ну что ты, мальчик. — Роланд похлопал его по шее, огляделся. — Наверное, пауки. Он их ненавидит.

Снаружи Ленджилл поднялся и взмахнул руками. Его люди молча двинулись к конюшне. На крыше Дейв Холлис прижал приклад к плечу. Монокль он давно засунул в карман, чтобы не отбросить случайного блика.

Катберт первым вывел лошадь из конюшни. За ним — Ален. Третьим — Роланд. Быстрый по-прежнему нервничал.

— Смотрите, — воскликнул Катберт, все еще не подозревая о мужчинах, стоящих у них за спиной. Он указывал на север. — Облако в форме медведя! Сулит удачу тем...

— Не шевелитесь, парни, — приказал Ленджилл. — Даже не переминайтесь с ноги на ногу.

Ален начал поворачиваться... скорее от изумления... но сзади слышались клацающие звуки: взводились курки пистолей и мушкетенов.

— Нет, Эл! — приказал Роланд. — Не двигайся! Замри! — Отчаяние рвалось из груди, уголки глаз щипали слезы ярости... однако он не сдвинулся с места. Катберт и Ален тоже должны стоять. Любое телодвижение, и их убьют. — Не двигайтесь! — повторил он. — Оба!

— Мудрое решение. — Голос Ленджилла приблизился, сопровождаемый звуками шагов еще нескольких человек. — А теперь руки назад.

Две тени появились по бокам Роланда. По размерам левой он догадался, что рядом стоит шериф Эвери. В этот день он, похоже, не

собирался поить их белым чаем. Вторая тень, должно быть, принадлежала Ленджиллу.

— Поторопись, Диаборн, или как тебя там. Руки за спину. На поясницу. Твои приятели на мушке, и если мы привезем в город двоих, а не троих, жизнь не остановится.

Знают, что рисковать с нами нельзя, не без гордости подумал Роланд. А вместе с ней пришла горечь: взяли-то их, как сосунков.

— Роланд! — шепот Катберта переполняло отчаяние. — Роланд, нет!

Но выбора не было. Роланд заложил руки за спину. Быстрый негодуя заржал, как бы говоря, что видеть этого не может, и затрусил к крыльцу бункера, где и остановился.

— Сейчас почувствуешь на запястьях металл, — предупредил Ленджилл. — *Esposas*^[51].

Два холодных кольца охватили запястья Роланда. Дважды щелкнуло.

— Отлично, — другой голос. — Теперь ты, сынок.

— Будь я проклят, если дам заковать себя! — По голосу чувствовалось, что Катберт на грани истерики.

Послышался глухой удар, сдавленный крик боли. Роланд повернулся и увидел Алена, опустившегося на одно колено, прижимающего левую руку ко лбу. По лицу бежала кровь.

— Врезать ему еще раз? — спросил Джейк Уайт. Старый пистоль он держал за ствол. — Я могу, ты знаешь, в такую рань даже приятно размять руку.

— Нет! — Лицо Катберта перекосило от ужаса и горя. У него за спиной стояли трое вооруженных мужчин, стерегущих каждое его движение.

— Тогда будь хорошим мальчиком и заведи руки назад.

Катберт, борясь со слезами, подчинился. Наручники на него надел помощник шерифа Бриджер. Еще двое мужчин подняли Алена на ноги. Он покачнулся, но устоял. Наручники защелкнулись и на его запястьях. Ален взглядом встретился с Роландом, попытался улыбнуться. Пожалуй, то был самый жуткий момент в это ужасное утро. Роланд кивнул Алену и дал себе зарок: никогда в жизни, даже если он проживет тысячу лет, такого с ним не повторится.

На этот раз Ленджилл заменил галстук шейным платком, но пиджак, как показалось Роланду, он надел тот же, что и на обед у мэра несколько месяцев назад. Рядом с ним, раздувшись от важности, стоял шериф Эвери.

— Парни, — изрек шериф, — вы арестованы за преступления против феода. Конкретно — за предательство и убийство.

— И кого же мы убили? — спросил Ален.

У кого-то из мужчин вырвался смешок, то ли нервный, то ли циничный.

— Мэра и его канцлера, как вы знаете не хуже меня, — ответил Эвери. — А теперь...

— Как вы могли пойти на такое? — с любопытством спросил Роланд. Обращался он к Ленджиллу. — Меджис — ваш дом. Я видел на кладбище могилы ваших отцов. Как вы могли поступить так с родным домом, сэй Ленджилл?

— Я не собираюсь стоять здесь и трепаться с тобой. — Ленджилл смотрел через плечо Роланда. — Алварес! Приведи его лошадь. Я думаю, такие классные наездники, как вы, справятся с лошадьми и без...

— Нет, скажите мне, — прервал его Роланд. — Не стесняйтесь, сэй Ленджилл, вы же привели сюда только друзей, посторонних тут нет. Как вы могли пойти на такое? Вы изнасиловали бы собственную мать, если б застали ее спящей с вздернутым платьем?

Рот Ленджилла дернулся, отнюдь не от стыда или раздражения, его покорила бестактность Роланда, потом посмотрел на Эвери:

— Трепать языком в Гилеаде их научили, не так ли?

Эвери взмахнул винтовкой, которую держал в руках, занеся приклад над закованным в наручники стрелком.

— Сейчас я научу тебя разговаривать с достойными людьми, научу! Только скажи, Френ, и я прочищу ему мозги.

Ленджилл остановил его:

— Не дури. Лежащий он нужен мне только мертвый.

Эвери опустил винтовку. Ленджилл повернулся к Роланду:

— Ты не проживешь достаточно долго, чтобы воспользоваться моим советом, Диаборн, но я все равно дам его тебе: в этом мире надо держаться победителем. И следить, откуда дует ветер, чтобы не пропустить момента, когда он меняет направление.

— Ты забыл лицо своего отца, жалкий маленький червяк, — отчеканил Катберт.

И добился результата, которого не принесла фраза Роланда об изнасиловании матери: выдубленные солнцем и ветром щеки Ленджилла на мгновение полыхнули румянцем.

— На коней их! — рыкнул он. — Я хочу, чтобы через час они сидели в камере!

Роланда так энергично усаживали на лошадь, что он едва не свалился на землю с другой стороны... свалился бы, если б Дейв Холлис не поддержал его и не вставил сапог Роланда в стремя. При этом Дейв нервно улыбнулся стрелку.

— Мне очень жаль видеть тебя здесь, — сказал ему Роланд.

— И я сожалею о том, что я здесь, — ответил помощник шерифа. — Раз уж вы приехали убивать, лучше бы сделали это раньше. И твоему приятелю не следовало вести себя так нагло. Зря он оставил на месте преступления свою визитную карточку. — И Дейв мотнул головой в сторону Катберта.

Роланд и представить себе не мог, о чем толкует помощник шерифа Дейв, но особого значения это и не имело. В то, что они убийцы, не верил ни один из этих мужчин, включая Дейва. Хотя, полагал Роланд, по прошествии лет поверят и будут рассказывать об этом детям и внукам. О великом дне, когда они схватили предателей.

Стрелок коленями развернул Быстрого и оказался лицом к лицу с Джонасом. В зеленой шляпе скотовода, старом сером плаще, на широкогрудом жеребце, который стоял рядом с проселком, ведущим к Великому Тракту. У правого колена, в кожаном чехле, висела винтовка. Левую полу плаща Джонас отбросил, обнажив рукоятку револьвера. Его седые волосы, не расчесанные с утра, падали на плечи.

Он приподнял шляпу, приветствуя Роланда:

— Хвалю. Для тех, у кого только-только обсохло на губах молоко, вы отлично провели свою партию.

— Старик, — ответил ему Роланд, — ты зажился на этом свете.

Джонас улыбнулся:

— Ты бы это поправил, если бы мог, не так ли? Да, полагаю, поправил бы. — Он стрельнул взглядом на Ленджилла. — Забери их игрушки, Френ. Обрати внимание на ножи. Револьверы у них есть, хотя они их никому не показывали. Однако я знаю чуть больше, чем им хотелось бы. И не забудь про рогатку этого весельчака. Не так давно он чуть было не снес голову Рою.

— Это вы о рыжем? — спросил Катберт. Конь так и плясал под ним, поэтому юношу мотало из стороны в сторону, словно циркового наездника. — Он бы этого и не заметил. Яйца ему еще нужны, но отнюдь не голова.

— Возможно, ты прав. — Джонас наблюдал, как помощники шерифа собирают дротики и лук Роланда. Рогатку сняли с пояса Катберта вместе с кожаным футляром, который тот для нее сделал. Помощник шерифа Бриджер взял и мешочек с металлическими шариками, который также висел на поясе под левой рукой Катберта.

Когда с разоружением покончили, Джонас одарил Роланда радостной улыбкой:

— Как тебя зовут на самом деле, щенок? Говори, не стесняйся. На лошади ты сидишь последний раз, и мы оба это знаем.

Роланд молчал. Ленджилл взглянул на Джонаса, изогнул бровь. Джонас пожал плечами, посмотрел в сторону города. Ленджилл кивнул и пальцем ткнул Роланда в бок.

— Поехали, парень.

Роланд сжал бока Быстрого. Мерин двинулся в сторону Джонаса. И внезапно Роланда осенило. Знание, как случалось потом не раз, пришло ниоткуда: секунду назад он пребывал в полном неведении, и тут же ему открывалась истина.

— Кто послал тебя на запад, червяк? — спросил он, проезжая мимо Джонаса. — Корт не мог, ты слишком стар. Его отец?

Скуку, что поселилась на лице Джонаса, как ветром сдуло. На мгновение мужчина с седыми волосами превратился в ребенка: потрясенного, пристыженного, мучающегося от боли.

— Да, отец Корта, я вижу это по твоим глазам. И теперь ты здесь, у Чистого моря... да только в действительности ты на западе. Душа такого человека, как ты, не может покинуть запад.

Револьвер Джонаса с такой скоростью переключался из кобуры в руку что только сверхзоркие глаза Роланда могли уловить это движение. Среди мужчин пробежал шумок, то ли изумления, то ли восторга.

— Джонас, брось дуришь! — рявкнул Ленджилл. — Ты не можешь их убить после того, как мы положили столько сил, чтобы взять их живыми.

Джонас не слышал. Его глаза широко раскрылись, уголки рта дрожали.

— Думай, что говоришь, Уилл Диаборн, — прохрипел он. — Выбирай слова. А не то я с тобой быстро разберусь.

— Прекрасно, застрели меня. — Роланд вскинул голову, в упор посмотрел на Джонаса. — Стреляй, изгнанник. Стреляй, червяк. Стреляй, неудачник. Ты будешь жить в изгнании и умрешь как жил.

На мгновение он подумал, что Джонас сейчас выстрелит, почувствовал, что смерть совсем рядом, и приготовился принять ее: достойный конец для того, кто с такой легкостью позволил себя поймать. О

Сюзан он и думать забыл. И вообще все застыло: ветер, трава, мужчины, пешие и конные, лошади.

А потом Джонас вернул курок в исходное положение и сунул револьвер в кобуру.

— Везите их в город и судите, — бросил он Ленджиллу. И чтобы ни одного волоска не упало с их головы до моего приезда. Если уж я сейчас не убил одного из них, удержитесь и вы. А теперь в путь.

— Трогайтесь. — Голос Ленджилла разительно переменялся. Нарочитая властность напрочь исчезла. Похоже, он осознал (слишком поздно), что принял участие в игре, ставки в которой оказались чересчур высоки для него.

Они тронулись. И тут Роланд обернулся в последний раз. Презрение, которое увидел Джонас в этих холодных юных глазах, отстегало его сильнее, чем те кнуты, что многие годы назад, в Горлане, превратили его спину в лохмотья.

6

Когда они скрылись из виду, Джонас вошел в бункер, поднял половицу, под которой хранился арсенал молокососов, но обнаружил там только два револьвера. Пара шестизарядных, с темными рукоятками, несомненно, револьверы Диаборна, исчезли.

Ты на западе. Душа такого человека, как ты, не может покинуть запад. Ты будешь жить в изгнании и умрешь, как жил.

Руки Джонаса принялись за дело, разбирая револьверы, которые Катберт и Алэн привезли с запада. Из револьвера Алэна даже не стреляли, не считая пристрелочных выстрелов. Выйдя из бункера, Джонас разбросал отдельные части револьверов во все стороны, вкладывая в каждый бросок всю силу, пытаясь избавиться от ледяного синего взгляда и потрясения, испытанного от слов Диаборна. Он-то пребывал в полной уверенности, что его тайна погребена навечно. Рой и Клей могли о чем-то догадываться, но наверняка они ничего не знали.

А теперь, еще до заката солнца, всему Меджису станет известно, что Элдред Джонас, седоволосый регулятор с вытатуированным на руке гробом, всего лишь неудавшийся стрелок, не выдержавший экзамена на мастерство.

Ты будешь жить в изгнании и умрешь как жил.

— Возможно, — Джонас смотрел на сгоревший дом, но не видел

его. — Но я проживу дольше, чем ты, юный Диаборн, и умру, когда твои кости уже сгниют в земле.

Он вскочил на коня, развернул его, резко дернув поводья, и поскакал к СИТГО, где его ждали Рой и Клей. Поскакал быстро, но глаза Роланда не отставали от него.

— Просыпайся! Просыпайся, сэй! Просыпайся! Просыпайся!

Слова приходили из далекого далека. Даже когда ее начала трясти чья-то рука и Сюзан поняла, что проснуться придется, ей потребовалось немало усилий, чтобы разлепить веки.

Уже какую неделю она не могла выспаться, а тут крепко заснула, хотя на это не рассчитывала... особенно в эту ночь. Она лежала без сна в роскошной спальне в Доме-на-Набережной, ворочаясь с боку на бок. Ночная рубашка задралась вверх и сбилась комом под поясницей. Встав по малой нужде, Сюзан скинула эту мерзкую хламиду, швырнула в угол и забралась в постель голый.

Как выяснилось, именно шелковая ночная рубашка и мешала ей спать. Как только голова Сюзан коснулась подушки, она *вырубилась*. Именно вырубилась, а не заснула, провалилась в черную пустоту, где не было места даже снам.

И вот этот назойливый голос. Эта рука, трясущая ее с такой силой, что голоса моталась из стороны в сторону по подушке. Сюзан попыталась отползти в сторону, свернуться калачиком, прижав колени к груди, протестовать, но рука продолжала ее трясти. Не утихал и голос.

— Просыпайся, сэй! Просыпайся! Во имя Медведя и Черепахи, просыпайся!

Голос Марии. Сюзан поначалу не узнала его, потому что Марию что-то очень расстроило. Такого с ней раньше не случалось, но теперь Сюзан почувствовала, что девушка на грани истерики.

Сюзан села, вырвавшись-таки из объятий сна, но соображала еще плохо. Одеяло свалилось ей на колени, обнажив грудь, но она даже не попыталась прикрыться.

Прежде всего ее удивил свет, заливающийся в окна, яркий. Не сразу, но она поняла, в чем дело: никогда она так не залеживалась в кровати. Боги, сейчас уже часов десять, а то и позже.

А еще крики, доносящиеся снизу. Во дворце мэра обычно царили

тишина и покой. До двенадцати часов слышалось лишь цоканье копыт лошадей, которых конюхи выводили на утреннюю прогулку, шик-шик-шик метлы Мигуэля, подметающего двор, да постоянный гул прибоа. В это утро тишина сменилась криками, проклятиями, топотом копыт уносящихся лошадей, взрывами злобного смеха. Что-то происходило за стенами ее комнаты, может, не в этом крыле дворца, но неподалеку: Сюзан слышала, как по коридору бегали люди в сапогах.

И кто поразил ее, так это Мария. Ее смуглое лицо посерело, а обычно аккуратно причесанные волосы висели патлами. Только землетрясение, подумала Сюзан, могло помешать ей привести себя в порядок.

— Мария, что случилось?

— Тебе надо уходить, сэй. В Доме-на-Набережной тебе оставаться опасно. Может, лучше вернуться домой. Не увидев тебя раньше, я решила, что ты уже ушла. Ты выбрала неудачный день для спанья.

— Уходить? — переспросила Сюзан. Медленно натянула одеяло чуть ли не до самого носа, уставилась на Марию широко раскрытыми глазами, с опухшими от сна веками. — Что значит уходить?

— Через хозяйственный ход. — Мария вырвала одеяло из рук Сюзан, оголив ее до лодыжек. — Как ты делала раньше. Скорее, мисси, скорее! Одевайся и уходи! Эти парни уже не страшны, но вдруг у них есть друзья? Что, если они вернутся и убьют и тебя?

Сюзан уже вставала, но тут ноги стали ватными, и она плюхнулась на кровать.

— Парни? — прошептала она. — *Какие убили парни?* Какие убили парни?

Вопрос явно был не в ладах с грамматикой, но смысл Мария поняла.

— Диаборн и его дружки.

— И кого они вроде бы убили?

— Мэра и канцлера. — Она сочувственно посмотрела на Сюзан. — А теперь вставай, говорю тебе. И уходи. Здесь теперь дурдом.

— Они не могли этого сделать, — воскликнула Сюзан и едва сдержалась, чтобы не добавить: *В наши планы это не входило.*

— Как бы то ни было, сэй Торин и сэй Раймер мертвы. — Крики внизу усилились, что-то гроыхнуло, вроде бы выстрел. Мария коротко глянула в окно, бросила Сюзан одежду. — Мэру вырезали глаза.

— Они не могли! Мария, я их знаю...

— А я вот ничего о них не знаю и знать не хочу... но ты мне небезразлична. Одевайся и уходи, говорю тебе. Как можно быстрее.

— Что случилось с ними? — Ужасная мысль пронзила Сюзан, и она

вскочила с кровати, одежда свалилась на пол. Сюзан схватила служанку за плечи. — Их не убили? — Она тряхнула Марию. — Скажи, их не убили?

— Думаю, что нет. Слухи ходят разные, но я думаю, их просто посадили в тюрьму. Только...

Продолжать не было нужды. Мария отвела глаза, и этим (подтверждением служили и крики внизу) сказала, все. Их еще не убили, но Харта Торина очень любили, происходил он из знатного рода, а Роланд, Катберт и Ален приехали издалека.

Их еще не убили... но завтра — Праздник Жатвы, и вечером — костер Жатвы.

Сюзан начала лихорадочно одеваться.

8

Рейнолдс пробыл с Джонасом дольше Дипейпа, поэтому ему хватило одного взгляда на скачущего к ним всадника, чтобы повернуться к партнеру.

— Не задавай ему глупых вопросов... в это утро он не расположен на них отвечать.

— Откуда ты знаешь?

— Не важно. Главное — не разевай по пустякам свою гребаную пасть.

Джонас остановил лошадь перед ними, но остался в седле, ссутулившийся, бледный, задумчивый. И, несмотря на предупреждение Рейнолдса, Дипейп не удержался от естественного вопроса.

— Элдред, с тобой все в порядке?

— А может ли кто этим похвалиться? — ответил Джонас и вновь замолчал. За его спиной скрипели работающие качалки СИТГО.

Наконец Джонас выпрямился, расправил плечи.

— Щенки в клетке. Я просил Ленджилла и Эвери дать двойной залп из пистолей, если что-то пойдет не так, но до сих пор выстрелов не было.

— И мы ничего не слышали, Элдред, — покивал Дипейп. — Ни единого выстрела.

Джонас поморщился.

— И не могли слышать, не так ли? За всем этим скрежетом. Болван!

Дипейп прикусил губу, обнаружил какие-то неполадки в левом стремени, склонился над ним.

— Вас видели? — спросил Джонас. — Этим утром, когда вы отправляли Раймера и Торина в пустошь? Мог вас кто-то увидеть?

Рейнолдс покачал головой за них обоих:

— Все прошло чисто.

Джонас кивнул, как бы закрывая эту малозначимую для него тему, повернулся к нефтяному полю со ржавыми вышками.

— Может, народная молва права, — говорил он тихо, словно сам с собой. — Может, Древние были дьяволами. — Он вновь посмотрел на Охотников за гробами. — Что ж, теперь дьяволы — мы. Не так ли, Клей?

— Как скажешь, Элдред.

— Вот я и говорю. *Мы теперь дьяволы*, и клянусь богами, мы еще себя покажем. Что насчет Куинта и остальных? — Он мотнул головой в сторону заросшего лесом склона.

— Все еще там, в полном соответствии с твоими указаниями, — ответил Рейнолдс.

— Они тут больше не нужны. — Он мрачно глянул на Рейнолдса. — Этот Диаборн отъявленный негодяй. Хотелось бы мне быть завтра в Хэмбри и прилюдно сунуть ему факел между ног. Я чуть не убил его на «Полосе К». Убил бы, если б не Ленджилл. Отъявленный негодяй, вот он кто.

При каждом слове лицо Джонаса становилось все темнее, тучи на его челе сгущались. Дипейп, разобравшись со стремянем, нервно глянул на Рейнолдса. Тот не отреагировал. Какой смысл? Если Элдред потеряет контроль над собой (а такое на памяти Рейнолдса уже случалось), им все равно не жить.

— Элдред, у нас еще много дел.

Говорил Рейнолдс тихо, но его слова дошли до адресата. Джонас выпрямился. Снял шляпу, повесил ее на переднюю луку, как на крюк, пробежался рукой по волосам.

— Да... дел действительно много. Пусть Куинт пошлет за волами и перевезет к Скале Висельников две оставшиеся полные цистерны. Сопровождать их будет он сам и еще четверо. Остальные могут возвращаться в Хэмбри.

Рейнолдс решил, что уже можно задавать вопросы:

— Когда подойдут остальные солдаты Латиго?

— Солдаты? — фыркнул Джонас. — *Мальчишки* Латиго подъедут к Скале Висельников в полночь, несомненно, развернув знамена, к радости койотов и диких собак. Выступление назначено на десять утра, но думаю, они проваландаются весь день. Главное в том, что они нам не понадобятся. Все под контролем. А теперь отправляйтесь к Скале Висельников, введите Латиго в курс дела и как можно быстрее возвращайтесь ко мне.

Джонас повернулся и посмотрел на возвышающиеся на северо-западе холмы.

— У нас есть еще одно дело. Чем быстрее мы его начнем, тем быстрее закончим. Я хочу стряхнуть пыль этого гребаного Меджиса с моей шляпы и сапог. Не нравится мне здешний климат. Совсем не нравится.

Сорокалетняя Тереза Мария Долорес О'Шивен, пухленькая, симпатичная, мать четверых детей, жена Питера, весельчака скотовода, торговала на верхнем рынке коврами и гобеленами. Она выполнила не один и не два серьезных заказа Дома-на-Набережной, так что ее семья ни в чем не нуждалась и ни в чем себе не отказывала. Хотя ее муж и работал на ранчо, семью О'Шивен в любые времена и в любой стране отнесли бы к среднему классу. Двое ее старших детей выросли и уехали из дома, один даже покинул феода. Третий сын на Новый год намеревался жениться на своей любимой, и только младшая дочь подозревала, что с матерью не все в порядке. Но даже она представить себе не могла, сколь близка Тереза к той черте, за которой начинается безумие.

Накануне праздника Жатвы занятий в школе не было, игровые павильоны работали только несколько часов в день, поэтому Тереза послала свою младшую к соседке отнести ей пирог, как предположила Риа, поскольку слов она слышать не могла. Зато видела, как Тереза надевала на дочь вязаную шапку и что-то долго ей объясняла. Риа решила, что соседка эта живет достаточно далеко: Терезе Марии Долорес О'Шивен требовалось время. Дом был большой, углов в нем хватало.

Риа хохотнула, но хохот быстро перешел в надсадный кашель. В углу Масти вскинул голову, уставился на хозяйку. В отличие от нее он не превратился в иссохший скелет, но выглядел неважно.

Девочку с пирогом под мышкой выставили за порог. Она успела бросить на мать один полный тревоги взгляд, прежде чем дверь захлопнулась перед ее носом.

— Давай! — прокричала Риа. — Углы ждут! На колени, женщина, и за дело!

Сначала Тереза подошла к окну. А убедившись, что дочь вышла за калитку и зашагала по Главной улице, вернулась на кухню. Подошла к столу, постояла, уставившись в никуда.

— Не тяни же, приступай! — воскликнула Риа. Она более не видела

своей грязной хижины, не ощущала воню, которую источало ее тело. Она растворилась в Колдовской радуге. Находилась рядом с Терезой О'Шивен, дом которой чистотой углов не знал равных во всем Меджисе. А может, и во всем Срединном мире.

— Поторопись, женщина! — Риа уже кричала. — Принимайся за работу!

Словно услышав ее. Тереза расстегнула пуговицы домашнего халата, сняла его, аккуратно положила на стул. Задрала подол чистой рубашки, прошла в угол, опустилась на четвереньки.

— Давай же, хорошая моя! — кричала Риа, захлебываясь смехом и кашлем. — Покажи, на что ты способна!

Тереза О'Шивен вытянула шею, насколько возможно, раскрыла рот, высунула язык и начала вылизывать угол. Она вылизывала его точно так же, как Масти лакал молоко. Риа наблюдала за этим, хлопая себя по колену, то и дело радостно вскрикивая, она раскачивалась из стороны в сторону, и ее лицо все багровело и багровело. Да, Тереза ходила у нее в фаворитках! Безусловно! Теперь не один час она будет ползать на руках и коленях, задом кверху, вылизывая угол за углом, молясь неведомому богу, даже не Человеку Иисусу, о прощении, богу, который наложил на нее такую епитимью за известное только ей и ему преступление. Иногда в язык Терезе впивалась заноза, и тогда она поднималась, чтобы сплюнуть кровь в раковину. Пока какое-то шестое чувство не предупреждало ее, и она успевала подняться и одеться до того, как в дом заходил кто-то из членов семьи, но Риа знала, что рано или поздно чувство это не сработает и Терезу застанут врасплох. Может, даже сегодня. Девочка могла вернуться раньше, чтобы попросить монетку на развлечения, и увидеть, как мать, стоя на коленях, вылизывает углы. Да, это будет зрелище! Как Риа хотелось его увидеть! Как она...

Внезапно Тереза пропала. Вместе с комнатой, в которой вылизывала очередной угол. Пропало все, скрылось за розовой пеленой. Впервые за несколько недель магический кристалл огорчил ее.

Риа подняла его, потрянула.

— Что с тобой случилось, дорогой? Что тебе не понравилось?

Вес у хрустального шара был немалый, а Риа заметно ослабла. Пальцы ее разжались, шар выскользнул, и Риа едва успела прижать его к тощей груди. По ее телу пробежала дрожь.

— Нет, нет, красавчик, — заворковала она, положив магический кристалл на стол. — Как сможешь, так и покажешь все то, что мне хочется увидеть. Да, Риа немного рассердилась, но теперь все нормально, она не

собирается ни трясти тебя, ни тем более разбить. У нее и в мыслях...

Она замолчала, прислушалась, склонив голову. Топот копыт. Три лошади приближались к ее хижине. Не лошади, конечно же, всадники. Подкрались, пока она смотрела на Терезу.

Мальчишки? Это треклятые мальчишки?

Риа вновь прижала хрустальный шар к груди, глаза ее широко раскрылись, губы затряслись. Риа так исхудала, что розовое сияние просвечивало сквозь ее руки.

— Риа! Риа с Кооса!

Нет, не мальчишки.

— Выйди сюда и принеси то, что тебе дадено!

Хуже.

— Фарсон требует вернуть его собственность! Мы пришли за ней!

Нет, не мальчишки, а Большие охотники за гробами.

— Никогда, старый, грязный, седоволосый козел, — прошептала Риа. — Никогда ты его не возьмешь. — Ее взгляд заметался по сторонам. Она напоминала койота, загнанного в угол.

Потом Риа посмотрела на шар, и протяжный вопль исторгся из ее груди. Пропало даже розовое сияние. Шар стал черным, как глазница черепа.

10

Из хижины вырвался вопль.

Дипейп повернулся к Джонасу. Глаза его округлились, по коже побежали мурашки. В вопле не было ничего человеческого.

— Риа! — вновь позвал Джонас. — Принеси хрустальный шар, женщина, и передай его нам! У меня нет времени на игры!

Дверь распахнулась. Дипейп и Рейнолдс выхватили револьверы, как только старая карга вышла на крыльцо, щурясь от солнечного света, словно некое существо, всю жизнь проводшее в пещере.

Любимую игрушку Джона Фарсона она держала над головой, на вытянутых руках. На дворе хватало камней, на которые она могла бы бросить магический кристалл. Даже если бы ведьма промахнулась, он мог разбиться от удара об землю.

Ситуация сложилась скверная, и Джонас это уже понял: некоторые люди просто не реагировали на угрозы. Он-то полностью сосредоточил внимание на мальчишках (которых по иронии судьбы взяли с невероятной

легкостью) и даже представить себе не мог, что здесь у него могут возникнуть какие-то сложности. И Кимба Раймер, предложивший Риа в хранители Радуги Мейрлина, уже умер. Поэтому он не мог переложить вину на канцлера, не так ли?

Может, им действительно уехать подальше на запад, оставив Латиго разбираться и с нефтью, и с магическим кристаллом... От этих мыслей его оторвал щелчок взводимого курка револьвера Дипейпа.

— Убери револьвер, идиот! — рыкнул Джонас.

— Но ты посмотри на нее! — Дипейп чуть ли не стонал. — Посмотри на нее, Элдред!

Он посмотрел. Человекоподобное существо в черном платье, с разлагающейся змеей на шее. Худобой сравнимая с ходячим скелетом. Острова волос, торчащие на черепе: остальные повылезали. Язвы на щеках и на лбу. Отметина, похожая на паучий укус, у левого уголка рта. Джонас подумал, что это лихорадка, но его это особо не волновало. А вот хрустальный шар в длинных дрожащих клешнях женщины-полутрупа еще как волновал.

11

Солнечный свет, ударивший Риа в глаза, помешал увидеть револьвер в руке Дипейпа. Когда же к ней вернулось зрение, Дипейп уже успел убрать оружие. Она обвела взглядом выстроившихся перед ней мужчин: рыжеволосого в очках, еще одного в плаще и седого Джонаса, хриплый смешок сорвался с ее губ. Разве она их боялась, этих могучих Охотников за гробами? С чего, собственно, ей бояться? Они же мужчины, обычные мужчины, которых она побивала всю свою жизнь. Да, они думали, что власть и сила на их стороне, в Срединном мире никого не обвиняли в том, что он забыл лицо своей матери, но на самом деле они слабаки: грустная песня вышибала у них слезу, обнаженная грудь превращала в кисель, их уверенность в том, что они сильны, круты и мудры, только помогала манипулировать ими.

Магический кристалл по-прежнему оставался темным, и эта темнота, — пусть Риа и ненавидела ее, прочистила ей мозги.

— Джонас! — выкрикнула она. — Элдред Джонас!

— Я здесь, старая мать, — ответил он. — Долгих тебе дней и приятных ночей.

— Обойдемся без комплиментов, времени для них нет.

Четыре шага вперед, и, с шаром над головой, она остановилась над серым куском гранита, торчащим из сорняков. Посмотрела на него, вновь на Джонаса. Намек не остался незамеченным.

— Что ты хочешь? — спросил Джонас.

— Шар потемнел. Все время, пока он находился у меня, он светился... да, даже если и не показывал ничего такого, что я могла бы понять, он оставался ярким и розовым... но потемнел при звуках твоего голоса. Он не хочет возвращаться к тебе.

— Тем не менее у меня приказ взять его. — Джонас говорил мягко, успокаивающе. Почти таким же тоном, что в кровати с Корал. — Задумайся на минуту, и ты поймешь, в каком я положении. Магический кристалл нужен Фарсону, и кто я такой, чтобы идти против желаний человека, который через год станет самым могущественным во всем Срединном мире? Если я вернусь без него и скажу, что Риа с Кооса отказалась отдать мне хрустальный шар, меня убьют.

— Если ты вернешься и скажешь Фарсону, что я разбила его у тебя на глазах, тебя тоже убьют. — Она стояла так близко от Джонаса, что тот видел, как далеко зашла болезнь. А магический кристалл над остатками волос ходил взад-вперед. Джонас понимал, что долго Риа его не продержит. Еще минуту, не больше. Джонас почувствовал выступивший на лбу пот.

— Да, мать. Но, учитывая, что мне все равно умирать, я бы предпочел взять с собой причину моей смерти. То есть тебя, дорогуша.

Риа то ли захрюкала, то ли засмеялась:

— В любом случае без меня пользы от него Фарсону не будет. Он нашел свою хозяйку, говорю я тебе... вот почему он потемнел, услышав твой голос.

Джонасу оставалось только догадываться, сколько других людей верили, что магический кристалл реагирует исключительно на них. Ему хотелось стереть пот, прежде чем он зальет глаза, но держал руки перед собой, на луке седла. Не решался он и посмотреть на Рейнолдса или Дипейпа, но надеялся, что они не будут проявлять инициативы. Она балансировала на грани, как физической, так и душевной. Малейший толчок мог послать ее за эту грань.

— Нашел, говоришь, свою хозяйку? — Он подумал, что выход все-таки есть. Если ему повезет. И выход не такой уж плохой и для Риа. — Так что же нам теперь делать?

— Возьми меня с собой. — гримаса жадности перекосила ее лицо: теперь она походила на труп, собравшийся чихнуть. *Она не понимает, что умирает*, подумал Джонас. *Возблагодарим за это богов.* — Возьми шар, но

вместе с ним возьми и меня. Я поеду с тобой к Фарсону, и никто не устоит перед нами, потому что я смогу передать ему то, что откроет мне магический кристалл. Возьми меня особой!

— Хорошо. — На это Джонас и надеялся. — Хотя не мне знать, какое решение примет Фарсон. Ты это понимаешь?

— Ага.

— Хорошо. А теперь дай мне шар. Я верну его тебе на хранение, если хочешь, но я должен убедиться, что за это время с ним ничего не произошло.

Он наклонился, протянул руки к магическому кристаллу. Она пристально смотрела на него снизу вверх. И неожиданно подмигнула ему.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Джонас. Ты думаешь: «Сейчас я возьму хрустальный шар, потом достану револьвер и убью ее, вреда от этого не будет». Об этом ты думаешь, так? Да только вред *будет*, и не одному тебе. Убей меня, и шар больше не засветится для Фарсона. Для кого-то, может, и засветится, да, но только не для него... и оставит ли он тебя в живых, если увидит, что игрушка, которую ты вернул ему, сломана?

Джонас уже успел все это обдумать.

— Мы заключили сделку, старая мать. Ты поедешь на запад вместе с кристаллом... если только не умрешь где-нибудь по дороге. Извини, что так говорю, но выглядишь ты неважно.

Риа хохотнула:

— Выгляжу я не хуже твоего. И мои часы будут тикать еще долгие годы.

А я думаю, ты сильно в этом ошибаешься, так и подмывало ответить Джонаса, но он оставил свои мысли при себе, по-прежнему протягивая руки к хрустальному шару.

Еще мгновение Риа держала его. Они обо всем договорились, но очень уж ей не хотелось расставаться с ним. Глаза сверкнули жадностью.

Он протягивал к ней руки, не говоря ни слова, дожидаясь, когда ее разум смирится с неизбежным... Если она отдаст магический кристалл, у них оставался хоть какой-то шанс. Если нет, всем, кто находился сейчас в этом усеянном камнями дворе, жить оставалось недолго... и ей в том числе.

Со вздохом сожаления Риа опустила шар в его руки. В тот самый момент, когда шар переходил от нее к Джонасу, в его глубинах сверкнула розовая искра. Укол боли пронзил голову Джонаса... а его член напрягся в желании.

Словно издалека он услышал, как Дипейп и Рейнолдс взвели курки.

— Уберите револьверы, — приказал Джонас.

— Но... — Рейнолдс ничего не понимал.

— Они думали, что ты собрался обмануть Риа, — завохтала старуха. — Хорошо, что начальник ты, а не они, Джонас... может, ты знаешь поболее их.

Что-то он действительно знал, к примеру, какая опасность исходила от этого гладкого хрустального шара, который он сейчас держал в руках. Шар, не шар вовсе, а магический кристалл, мог взять его в оборот. И за месяц он стал бы таким же, как ведьма: худым, словно скелет, в язвах, с одной мечтой — не выпускать шар из рук.

— *Уберите оружие!* — прокричал Джонас.

Рейнолдс и Дипейп переглянулись, сунули револьверы в кобуру.

— У тебя есть мешок для этой штуки. С веревкой-затяжкой. Принеси его.

— Есть, — ухмыльнулась Риа. — Но он тебе не поможет, если шар решит добраться до тебя. Не волнуйся, не решит. — Она перевела взгляд на двух других Охотников за гробами, остановила его на Рейнолдсе. — В сарае есть возок и пара крепких козлов, чтобы тащить его. — Обращалась она к Рейнолдсу, но Джонас заметил, что взгляд ее то и дело падал на хрустальный шар... теперь и его чертовы глаза хотели смотреть туда же.

— Ты не вправе приказывать мне.

— Зато я вправе, — поддержал старуху Джонас. Его взгляд уперся в шар, он и боялся, и хотел увидеть розовую искру. Но нет. Магический кристалл оставался холодным и темным. Джонас заставил себя посмотреть на Рейнолдса. — Иди за возком.

12

Рейнолдс слышал жужжание мух еще до того, как открыл ворота сарая, и тут же понял, что козлы Риа окончили свои дни. Они лежали в своем загоне, раздувшиеся, с торчащими вверх ногами, в глазах копошились червяки. Рейнолдс решил, что прошло никак не меньше недели с того дня, как Риа в последний раз кормила и поила их.

Не могла оторваться от того, что показывал ей шар, подумал Рейнолдс. *А зачем ей на шее мертвая змея?*

— Не хочу я этого знать, — пробормотал он, натягивая на рот и нос шейный платок. Действительно, если он чего и хотел, так это побыстрее покинуть Коос.

Он нашел возок, выкрашенный в черный цвет, расписанный золотыми

каббалистическими знаками. Напоминающий то ли лазаретный фургон, то ли катафалк. Взявшись за дышла, выкатил возок из сарая. А остальное пусть делает Дипейп, решил он. Запрягает в возок свою лошадь и везет эту вонючую старуху... куда? Кто знает? Может, Элдред.

Риа вернулась из хижины с мешком, в котором Большие охотники за гробами привезли ящик с магическим кристаллом, но остановилась на крыльце, дожидаясь ответа на вопрос Рейнолдса.

И Джонас ответил после короткого раздумья:

— Полагаю, сначала в Дом-на-Набережной. Да, лучшего места для нее и этого стеклянного пузыря не найти. Побудут там до завтрашнего дня, пока мы не выступим на запад.

— Да, Дом-на-Набережной, — кивнула Риа, спускаясь с крыльца. — Никогда там не была. — Она приблизилась к лошади Джонаса, которая тут же попыталась отпрыгнуть от нее, раскрыла мешок. Поколебавшись с мгновение, Джонас опустил в него магический кристалл. Он улегся на дно, придав мешку форму пули.

Морщинистые губы Риа изогнулись в улыбке:

— Может, мы встретим Торина. Если так, игрушка Благодетеля с моей помощью покажет ему кое-что интересное.

— Если ты и встретишь его, — ответил Джонас, спрыгивая на землю, чтобы помочь запрячь лошадь Дипейпа в повозку, — то в том месте, где можно заглянуть как в прошлое, так и в будущее без всякой магии.

Она нахмурилась, уставившись на него, затем вновь заулыбалась:

— Как я понимаю, с нашим мэром приключилось несчастье?

— Возможно, — согласился Джонас.

Она хихикнула, потом расхохоталась. И все еще смеялась, когда черный возок, расписанный золотом, выехал со двора. Риа восседала в возке, словно королева Темных стран — на троне.

Глава восьмая

ПЕПЕЛ

1

Паника заразительна, особенно в ситуации, когда ничего не знаешь, а вокруг все в движении. А первым камешком, что положил начало лавине, накрывшей Сюзан, стал старый музыкант Мигуэль. Он стоял посреди мощеного двора Дома-на-Набережной, прижимая метлу к груди, и взглядом, полным тоски и изумления, провожал и встречал всадников, пролетавших мимо. Сомбреро сбилось ему на спину, и потрясенная Сюзан увидела, что обычно нарядный и аккуратный Мигуэль надел пончо наизнанку. Его щеки блестели от слез и, поворачиваясь, делая шаг к кому-то из знакомых, чтобы приветствовать его, Мигуэль напомнил Сюзан ребенка, который однажды едва не угодил под копыта запряженной в телегу лошади. Ребенка в последний момент успел перехватить отец, но кто сможет перехватить Мигуэля?

Она смотрела на него, когда какой-то ковбой промчался мимо нее на громадном, с выпученными глазами жеребце, промчался так близко, что стремени задел за бедро, а хвост коня коснулся ее предплечья. С губ Сюзан сорвался смешок. Она волновалась из-за Мигуэля, а раздавить могли ее. Обхохочешься!

Посмотрев на этот раз в обе стороны, она двинулась вперед, а затем отпрыгнула назад, потому что из-за угла выкатился нагруженный фургон. Да на такой большой скорости, что последнюю часть поворотной дуги фургон проехал не на четырех, а на двух колесах. Что лежало в фургоне, Сюзан не видела: мешал брезентовый пол. А вот Мигуэля, двинувшегося навстречу фургону, прижимая метлу к груди, увидела. Сюзан вновь подумала о ребенке, едва не угодившем под копыта, и пронзительно закричала. Мигуэль в последний момент отшатнулся, и фургон просвистел мимо, пересек двор и исчез за аркой.

Мигуэль выронил метлу, прижал руки к щекам, опустил на колени и начал молиться громким, лающим голосом. Сюзан какое-то время смотрела на него, губы ее безмолвно шевелились, а потом рванула к конюшне, начисто забыв о том, что чуть раньше старалась держаться у стены дворца. Она подцепила болезнь, которая к полудню охватила большую часть

населения Хэмбри, и хотя ей удалось заседлать Пилона (в любой другой день по крайней мере три грума оспорили бы право помочь очаровательной сэй), способность мыслить покинула ее в тот самый момент, когда ударом каблука она пустила Пилона в галоп.

И, проскакивая мимо Мигуэля — тот все еще молился, стоя на коленях и воздев руки к небесам, — Сюзан не заметила его точно так же, как не замечали другие всадники, проезжавшие мимо него.

2

Она мчалась по Главной улице, каблуками понуждая Пилона прибавлять скорость, пока могучий жеребец уже не скакал — летел. Мысли, вопросы, возможный план действий... для всего этого места в ее голове не нашлось. Сквозь туман она видела толпящихся на улице людей, но не мешала Пилону самому прокладывать путь между ними. Что с ней осталось, так это его имя. *Роланд, Роланд, Роланд!* — криком отзывалось в ушах. Храбрый *ка-тет*, созданный ими на кладбище, канул в небытие: три его члена сидели за решеткой, и жить им оставалось недолго (если их уже не убили), четвертый, остававшийся на свободе, совсем потерял голову, обезумел от ужаса, как залетевшая в сарай птица.

Если бы паника удержала Сюзан в своих цепких лапах, многое могло бы пойти по-другому. Она проскочила центр, и дальше ее путь лежал мимо домика, который она делила со своим отцом и теткой. А вот эта дама зорко следила за каждым всадником, появившимся на дороге.

И когда Сюзан приблизилась к дому, открылась дверь, и Корделия, вся в черном, выскочила из дома и побежала к улице, то ли крича от ужаса, то ли смеясь. Возможно, крики чередовались безумным смехом. И Сюзан сквозь плотный туман паники разглядела-таки тетку... но не потому, что узнала ее.

— *Pua!* — закричала Сюзан и так резко натянула поводья, что Пилон, поднявшись на дыбы, едва не опрокинулся назад. Если б это произошло, он бы раздавил свою наездницу, но Пилон устоял на задних ногах, вскинув к небу передние и громко заржав. Сюзан автоматически обняла его за шею и удержалась в седле.

Корделия Дельгадо, в своем лучшем черном платье, в кружевной мантилье, наброшенной на волосы, стояла перед лошадью, как в собственной гостиной, не замечая копыт, бьющих по воздуху менее чем в двух футах от ее носа. В одной затянутой в перчатку руке она держала

деревянный ящик.

Сюзан уже сообщила, что перед ней не Риа, но, пожалуй, не стоило удивляться, что поначалу она спутала свою тетку со старой ведьмой. Да, тетя Корд еще не напоминала ходячий скелет (хотя дело к этому шло) и одевалась более пристойно (правда, на этот раз она почему-то надела грязные перчатки: Сюзан вообще не могла понять, зачем тете перчатки, а тем более такие грязные), но безумный взгляд роднил ее с Риа.

— Доброго тебе дня, мисс Юная Красавица! — приветствовала ее тетя Корд скрипучим, злобным голосом, от которого у Сюзан задрожало сердце. Тетя Корд даже не поленилась присесть в реверансе, правда, юбку подобрала только одной рукой — вторая удерживала деревянный ящик у груди. — Куда это мы едем в столь прекрасный осенний день? Куда это так спешим? Во всяком случае, не в объятия любовника, ибо один мертв, а второй — в тюрьме!

Корделия снова рассмеялась, губы разошлись, обнажив большие белые зубы. Почти что лошадиные зубы. Ее глаза блестели в солнечном свете.

Она помешалась, подумала Сюзан. Бедняжка. Бедная старушка.

— Ты заставила Диаборна приложить к этому руку? — спросила тетя Корд. Она обошла Пилона и теперь стояла у стремени, подняв на Сюзан остекленевшие глаза. — Твоя работа, не так ли? Да! Может, ты даже дала ему нож, которым он воспользовался, после того как ты приложила к нему губами, желая ему удачи. Вы оба это затеяли... так чего не сознаться? По крайней мере признать, что ты спала с этим парнем, а я знаю, что это так, я видела, как он смотрел на тебя в тот день, когда ты сидела у окна, и как ты смотрела на него!

— Если хочешь знать правду, я тебе все скажу. Мы любим друг друга. И поженимся еще до Нового года.

Корделия вскинула руку в грязной перчатке к небу, словно приветствуя богов. Закричала, захлебываясь от смеха:

— И она еще думает, что они пожениятся! О-о-о-о! Вы бы, несомненно, выпили кровь ваших жертв прямо на свадебном алтаре, не так ли? О, какая же ты ужасная! Мне хочется плакать! — Но Корделия не заплакала, а вновь расхохоталась, уставившись в бездонное синее небо.

— Мы не собирались никого убивать. — Сюзан, во всяком случае мысленно, разделила убийства в Доме-на-Набережной и ловушку, которую они готовили для солдат Фарсона. — И он *никого не убивал*. Нет, все это дело рук твоего дружка, Джонаса. Я готова в этом поклясться. Его план, его грязная работа.

Корделия сунула руку в ящик, который прижимала к груди, и Сюзан

сразу поняла, почему перчатки грязные: тетка чистила печь.

— *Я проклиная тебя этим пеплом!* — выкрикнула Корделия, осыпав черным облаком ногу и руку Сюзан. — *Я проклиная вас обоих! Отправляйтесь во тьму! И будьте там счастливы, неверные! Убийцы! Лжецы! Прелюбодеи! Чтоб вам провалиться сквозь землю и остаться там!*

С каждым криком Корделия Дельгадо осыпала племянницу очередной пригоршней пепла. С каждым криком прояснялась голова Сюзан. И когда Пилон, которому пришелся не по нутру этот черный сухой дождь, попытался податься в сторону, Сюзан удержала его на месте. Вокруг уже собрались зеваки, с интересом наблюдая за древним обрядом отречения от родства (среди них оказался и Шими, с широко раскрытыми глазами, дрожащим ртом), но Сюзан их не видела. К ней вернулась способность соображать, она уже поняла, что надо делать, и только за это могла хоть как-то отблагодарить тетку.

— Я прощаю тебя, тетя Корд, — молвила она.

Ящик с пеплом, уже почти пустой, вывалился из рук Корделии, словно Сюзан отвесила ей увесистую затрещину.

— Что? — прошептала Корделия. — Что ты сказала?

— Прощаю за то, что ты сделала своему брату и моему отцу. В чем принимала участие. — Сюзан провела ладонью по ноге, наклонилась, вытянув руку. И, прежде чем тетка успела отпрянуть, вымазала пеплом ее щеку. Пепел остался на коже, как широкий темный шрам. — А эта отметина тебе на память. Смой ее, если хочешь, но я думаю, что ты будешь носить ее на сердце. — Она помолчала. — Думаю, уже носишь. Прощай.

— И куда это ты направляешься? — Одной рукой тетя Корд прикоснулась к пепельной полосе на щеке, второй попыталась схватиться за поводья Пилона. Споткнулась о ящик и едва не упала. Но Сюзан, наклонившись еще ниже, успела удержать ее за плечо. Корделия выпрямилась, повернулась к племяннице. — Только не к нему! Не смей идти к нему, глупая гусыня!

Сюзан двинула Пилона с места.

— Не твое дело, тетя. Между нами все кончено. Но запомни то, что я тебе сказала: мы поженимся до Нового года. И наш первенец уже зачат.

— Вас поженят следующей ночью! Соединят дымом, обручат огнем, уложат в пепел! *Уложат в пепел*, ты меня слышишь?

Обезумевшая женщина двинулась к ней, но Сюзан больше не могла ее слушать. День катился к вечеру, так что времени оставалось в обрез. Если она хотела успеть сделать то, что задумала.

— Прощай, — повторила она и бросила Пилона в галоп. Но последние слова тетки продолжали звучать в ушах: *Уложат в пепел, ты меня слышишь?*

3

Выехав из города по Великому тракту, Сюзан увидела приближающихся к ней всадников и свернула с дороги, решив, что сейчас не время попадаться кому-либо на глаза. Она завела Пилона за старый амбар, погладила по шее, успокоила ласковым словом.

Чтобы поравняться с ней, всадникам понадобилось значительно больше времени, чем предполагала Сюзан. Причину она поняла, лишь когда они проехали мимо амбара, высунуться из-за которого девушка не решалась. С ними была Риа, восседавшая на черном возке, расписанном магическими символами. Ведьма стала еще более страшной в сравнении с той ночью, когда Сюзан побывала у нее. Тогда, в свете Целующейся Луны, она еще походила на женщину. Теперь же в возке качалось из стороны в сторону не человеческое существо, а покрытый язвами тролль. Сопровождали Риа Большие охотники за гробами.

— В Дом-на-Набережной! — прокаркало нечто, сидящее в возке. — Скорее, на полной скорости! Эту ночь я проведу в постели Торина, имею право! Буду спать в ней и справлять в нее нужду, если пожелаю! Быстрее, говорю я вам!

Дипейп — в возок впрягли именно его лошадь — обернулся и с отвращением и страхом посмотрел на ведьму:

— Закрой рот.

Ее ответом стал взрыв дикого хохота. Риа качалась из стороны в сторону, одной рукой держа на коленях мешок, вторую вытянув к Дипейпу, нацелив на него длинный указательный палец. От одного ее вида у Сюзан подогнулись колени, паника черной волной вновь начала заливать разум.

Но она отчаянно сопротивлялась, не желая вновь превратиться в безмозглую птицу, мечущуюся по сараю, бьющуюся о стену и не замечающую открытого окна, через которое залетела внутрь.

Даже когда возок скрылся за ближайшим холмом и о нем напоминала лишь повисшая в воздухе пыль, Сюзан могла слышать безумный смех Риа.

4

До лачуги в Плохой Траве Сюзан добралась в час дня. Какое-то время оставалась в седле, глядя на лачугу. Неужели она и Роланд были здесь каких-то двадцать четыре часа назад? Любили друг друга и строили планы на будущее? Верилось в это с трудом, но, спешившись и войдя в лачугу, она увидела корзинку, в которой вчера принесла еду. Корзинка стояла на колченогом столике, где они ее и оставили.

Взглянув на нее, Сюзан вспомнила, что не ела со вчерашнего вечера. Она ужинала с Хартом Торином, и кусок не лез ей в горло, потому что мэр буквально пожирал ее глазами. Что ж, больше его взгляду не ползать по ее телу, не так ли? И ей, проходя по Дому-на-Набережной, не придется гадать, из-за какой двери он выскочит, как джинн из бутылки, чтобы облапать ее и потереться твердым концом.

Пепел, думала она. Сплошной пепел. Но не для нас, Роланд. Клянусь, не для нас, дорогой.

Ее не покидал испуг, она пыталась наметить план действий, разложить все по полочкам, расставить по порядку, но ей было всего шестнадцать, и молодой организм требовал своего. Один взгляд на корзинку, и ей ужасно захотелось есть.

Сюзан заглянула в нее, увидела муравьев на двух сандвичах с копченым мясом, стряхнула их, в один миг расправилась с сандвичами. Хлеб зачерствел, но Сюзан этого и не заметила. А в корзинке еще оставались полкувшина сладкого сидра и кусок пирога.

Съев и выпив все, Сюзан прошла в северный угол, отбросила лежащие там шкуры. Под ними, завернутые в мягкую кожу, лежали револьверы Роланда.

Если что-то пойдет не так, ты должна прийти сюда и отвезти их на запад, в Гилеад. Найди там моего отца.

И Сюзан не могла не задаться вопросом, действительно ли Роланд ожидал, что она помчится в Гилеад с его нерожденным ребенком под сердцем, когда он и его друзья, с красными руками, крича, будут гореть в праздничном костре в ночь Ярмарки?

Она вытащила один револьвер из кобуры. Лишь несколько мгновений потребовалось ей, чтобы понять, как откинуть барабан. Убедившись, что револьвер полностью заряжен, она вернула барабан на место, проверила второй револьвер.

Спрятала их в притороченном за седлом одеяле, где прятал их и Роланд, вскочила в седло и поехала на восток. Но не в город. Сначала следовало посетить еще одно место.

Около двух часов дня весть о том, что Френ Ленджилл выступит в городском Зале собраний, облетела Хэмбри. Никто не знал, откуда пришла эта новость (слишком определенная, чтобы смахивать на слух), но никого это и не волновало: информацию просто передавали соседу.

К трем часам горожане забили зал до отказа, да еще человек двести стояли снаружи, дожидаясь, когда слово Ленджилла дойдет к ним через вторые и третьи руки. Корал Торин, которая первой сообщила о предстоящем выступлении Ленджилла посетителям «Приюта путников», само выступление проигнорировала. Она и так знала, что скажет Ленджилл, более того, поддержала точку зрения Джонаса, предложившего обойтись минимумом слов, изложить все как можно проще и понятнее. Приводить веские доводы смысла не имело: в праздник Жатвы к заходу солнца горожане превратятся в толпу, а толпа всегда находит себе лидеров, причем тех, кого надо.

Ленджилл говорил, зажав шляпу в руке, с поблескивающим на груди серебряным амулетом, оберегающим урожай. Говорил коротко, грубо, убедительно. Большинство собравшихся знали его всю жизнь, поэтому не усомнились ни в едином слове.

Харта Торина и Кимбу Раймера убили Диаборн, Хит и Стокуорт, сообщил Ленджилл сидящим в зале мужчинам и женщинам. Сомнений в том, что преступление совершено ими, нет, потому что на коленях мэра Торина осталась их визитная карточка — птичий череп.

Шепоток пролетел по залу. Многие слушатели Ленджилла видели этот череп, то ли на луке седла, то ли на груди Катберта. Они еще смеялись над его шутками. Теперь они думали о том, что на самом деле он смеялся над ними, а кому охота становиться объектом насмешек. Лица мрачнели.

Нож, перерезавший горло канцлеру, принадлежит Диаборну, продолжил Ленджилл. Трех молодых людей арестовали рано утром, когда они готовились покинуть Меджис. Мотив преступления недостаточно ясен, но скорее всего они хотели украсть лошадей. Если так, то они работали на Джона Фарсона, который, как известно, хорошо платил за лошадей, и платил наличными. Другими словами, эти трое — предатели родного феода и враги Альянса.

В третьем ряду Ленджилл посадил старшего сына Брайана Хуки, Руфуса. И теперь, как и договаривались, Руфус Хуки выкрикнул:

— Они сознались?

— Да, — ответил Ленджилл. — Сознались в обоих убийствах и с гордостью говорили о содеянном ими.

На этот раз шепот перешел в крики возмущения, выплеснулся на улицу. Из уст в уста передавали: они гордятся содеянным, они убивали под покровом ночи и гордятся содеянным. Лица каменели. Кулаки сжимались.

— Диаборн догадался, что Джонас и его друзья узнали об их планах и сообщили Раймеру. Они убили Раймера, чтобы заткнуть ему рот, а потом и Торуна, на случай, если Раймер все рассказал ему.

Бессмыслица какая-то, указал Латиго. Джонас улыбнулся и кивнул. *Совершенно верно, смысла в этом ни на грош, но это не имеет ни малейшего значения.*

Ленджилл ждал вопросов, но их не последовало. Слышались только перешептывания да позвякивание амулетов.

Юноши в тюрьме. Ленджилл не стал говорить о том, что их ждало впереди, и вновь его ни о чем не спросили. Он сказал, что завтрашние увеселения, игры, скачки, забеги индеек, конкурс загадок, соревнование резчиков тыкв, танцы отменяются из уважения к убиенным. Другие, более важные дела, пройдут в намеченные сроки: конкурсы скота и птицы, выставка лошадей, соревнование стригалей, заседание конезаводчиков и аукционы: лошадей, свиней, коров, овец. И костер на восходе луны. Костер, который с незапамятных времен венчал праздник Жатвы. Его не зажгли бы только в одном случае: если б раньше случился конец света.

— Костер будет гореть, а в нем сгорят чучела, — сказал Элдред Джонас Ленджиллу. — Это все, что тебе надо сказать. Ничего другого говорить не нужно.

И теперь Ленджилл видел правоту Джонаса. Она читалась на каждом лице. На лицах проступала не просто решимость поступить по справедливости, но и одержимость. Стремление вернуться в стародавние времена, к ушедшим в глубокое прошлое ритуалам, о которых напоминали только соломенные пугала с выкрашенными красным руками. Слова гори огнем родились не на пустом месте. Многие поколения эти обряды не проводили (разве что тайно, где-то в холмах), но мир «сдвинулся», и они возвращались.

Говори короче, напутствовал его Джонас. Он дал хороший совет, дельный. В мирные времена Ленджиллу не хотелось бы иметь с ним дело, но в смутные времена, как сейчас, он мог принести немалую пользу.

— И пусть боги даруют вам мир. — Ленджилл отступил на шаг, сложил руки на груди, показывая, что речь его закончена. — Пусть боги даруют мир нам всем.

— Длинных дней и приятных ночей, — автоматически, хором, откликнулись сидящие в зале. А потом молча встали, повернулись и вышли, чтобы заняться делами, какими обычно занимаются горожане накануне праздника Жатвы. Многие из них, подумал Ленджилл, направят свои стопы в «Приют путников» или «Гавань». Он поднял руку, вытер вспотевший лоб. Он ненавидел публичные выступления, особенно сегодняшнее, но подумал о том, что справился с ролью. И хорошо справился.

6

Толпа расходилась молча. Многие, как и предполагал Ленджилл, направились в салуны. Путь их пролегал мимо тюрьмы... но практически никто не удостоил ее и взглядом. Крыльцо пустовало (только пугало с красными руками сидело в кресле-качалке шерифа Эвери), дверь раскрыли настежь, как обычно в теплые и солнечные дни. Юноши находились в камерах, все так, но шериф не сподобился усилить охрану.

И если бы горожане, спускающиеся по холму к «Приюту» или «Гавани», решили по-своему разобраться с Роландом и его приятелями, их бы никто не остановил. Но они прошествовали мимо, опустив головы, туда, где их ждало спиртное. Сегодня они не жаждали крови.

Завтра — другое дело...

7

Неподалеку от «Полосы К», на Спуске, глазам Сюзан предстало зрелище, заставившее ее натянуть поводья. Рот девушки изумленно раскрылся. В трех милях к востоку дюжина ковбоев гнала громадный табун, каких видеть ей еще не доводилось: не менее четырехсот голов.

Может, их перегоняют на зимние квартиры, подумала Сюзан.

Но гнали лошадей не к ранчо, вытянувшихся вдоль Спуска, а на запад, к Скале Висельников.

Сюзан верила всему, что говорил ей Роланд, но правдой его слова стали теперь, потому что увиденное ею имело самое прямое отношение к смерти отца.

Лошади.

— Какие же вы мерзавцы, — пробормотала она. — Ворующие

лошадей мерзавцы.

Пилон помчал ее к сгоревшему ранчо. Справа от нее тень становилась все длиннее. Над головой, в дневном небе, серебром поблескивала Демоническая Луна.

Сюзан боялась, что Джонас оставил своих людей на «Полосе К» (хотя не очень понимала, с какой целью), но страхи ее оказались напрасными. Ранчо пустовало пять или шесть лет, прошедших со времени пожара, спалившего дом, до прибытия троих юношей из Привходящего мира. Однако во дворе она заметила следы утренней стычки, а войдя в бункер, где спали юноши, — зияющую дыру в полу. Джонас не удосужился заложить ее половицей после того, как забрал револьверы Алена и Катберта.

Она подошла к ней, опустилась на колени, заглянула в тайник. Впрочем, она сомневалась, что найдет там то, за чем пришла: слишком маленькой была дыра.

Сюзан оглядела три койки. На какой спал Роланд? Она решила, что сможет ее найти — ей помогло бы обоняние, она помнила запах его волос и кожи. Но Сюзан понимала, что сейчас не время для сантиментов: каждая минута на счету и действовать надо быстро и решительно, не оглядываясь назад.

Пепел, едва слышно прошептал у нее в голове голос тети Корд. Сюзан нетерпеливо тряхнула головой, чтобы прогнать голос, и вышла из бункера.

Около него она ничего не нашла, безрезультатными оказались ее поиски и возле одинокой будки сортира. Она обошла летнюю кухню и облегченно вздохнула: у стены, у всех на виду, лежали два бочонка, которые в последний раз она видела притороченными по бокам Капризного.

Мысль о муле напомнила ей о Шими, который смотрел на нее с высоты своего мужского роста, с надеждой на детском личике. *Я бы хотел получить от тебя ярмарочный поцелуй, очень бы хотел.*

Шими, жизнь которого спас «мистер Артур Хит», Шими, который не убоился гнева ведьмы, отдав Катберту записку, предназначенную ее тетке, Шими, который привез сюда эти бочонки. Они вымазали их сажей, чтобы чуть замаскировать, и Сюзан испачкала руки и манжеты рубашки, пока отрывала доньшки. Опять пепел. Петарды лежали внутри: большие кругляши размером с кулак и маленькие, с дамский пальчик.

Петардами она набила карманы, часть взяла в руки. Засунула их в седельные сумы, посмотрела на небо. Половина четвертого. Она хотела вернуться в Хэмбри в сумерках, следовательно, у нее оставался в запасе один час. Значит, она могла хоть немного расслабиться.

Сюзан вернулась в бункер, без труда нашла койку Роланда. Опустилась перед ней на колени, словно ребенок, собравшийся помолиться перед сном, положила голову на его подушку, глубоко вдохнула.

— Роланд, — прошептала она, — как я тебя люблю. Как я люблю тебя, дорогой.

Потом она легла на койку, глядя на окно, наблюдая, как тает свет. Один раз поднесла к глазам вымазанные сажей руки, подумала о том, чтобы подойти к водяной колонке у кухни и вымыть их, но отказалась от этой мысли. Пусть остаются грязными. Они — *ка-тет*, единство из множества, настойчивые в достижении цели, сильные в любви.

Пусть пепел остается и попытается противостоять им.

9

У моей Сюзи есть недостатки, но она всегда появляется вовремя, говорил, бывало, Пат Дельгадо. *Невероятно пунктуальная эта девочка.*

Слова его подтвердились и в ночь перед праздником Жатвы. Сюзан обогнула собственный дом и подъехала к «Приюту путников» буквально через десять минут после того, как солнце скрылось за холмами и Главная улица укрылась лиловыми тенями.

Сама улица была на удивление пустынна, учитывая, что завтра начинался праздник. Оркестр, который последнюю неделю каждый вечер играл в «Зеленом сердце», на этот раз устроил себе выходной. Изредка взрывались хлопушки и петарды, но оружие, смеющиеся дети не носились взад-вперед. И из вывешенных цветных фонариков горели лишь немногие.

Зато пугала таращились на Сюзан с каждого крыльца. И девушка вздрагивала от взглядов их белесых глаз.

И в «Приюте» атмосфера изменилась. У коновязи хватало лошадей (еще больше стояли у продовольственного магазина на противоположной стороне улицы), свет горел во всех окнах, салун напоминал огромный корабль, плывущий в темном море, но только не слышалось ни громких криков, ни развеселой музыки: пианино Шеба молчало.

Она без труда представила себе, что происходит внутри: сотня мужчин, может, и больше, просто стоят и пьют. Не разговаривают, не

смеются, не бросают кости в «Аллее Сатаны», реагируя на результат радостными воплями или горестными стонами. Шлюх не хлопают по задку, никому не нужны ярмарочные поцелуи, ссоры не начинаются резким словом и не заканчиваются крепким ударом кулака. Мужчины просто пьют в трех сотнях ярдов от того места, где томятся за решеткой ее возлюбленный и его друзья. В этот вечер мужчины не собираются делать ничего другого, только пить. И если ей повезет... если в последний момент она не струсит и ей повезет...

Когда она остановила Пилона у дверей салуна, от стены отделилась тень. Сюзан замерла, но туг же разглядела в оранжевом свете луны лицо Шими. Расслабилась, даже засмеялась. Он состоял в ее *ка-тете*, она знала, что состоял. Так стоило ли удивляться тому, что он тоже об этом знал?

— Сюзан, — прошептал Шими, снимая сомбреро и прижимая его к груди. — Я тебя ждал.

— Почему? — спросила она.

— Потому что знал, что ты придешь. — Через плечо он глянул на «Приют», сверкающий ярко освещенными окнами. — Мы пойдем освобождать Артура и остальных, да?

— Хотелось бы освободить.

— Мы должны. Эти люди, что в салуне, ничего не говорят, но все ясно без слов. Я знаю, Сюзан, дочь Пата, *я все знаю*.

Она в этом не сомневалась.

— Корал в салуне?

Шими покачал головой.

— Поехала в Дом-на-Набережной. Сказала Стенли, что будет готовить тела к послезавтрашним похоронам, но я не думаю, что она будет здесь на похоронах. Большие охотники за гробами уезжают, и она уедет с ними. — Шими поднял руку, вытер текущие из глаз слезы.

— Твой мул, Шими...

— Оседлан и готов к дороге.

Рот Сюзан изумленно открылся.

— Как ты узнал...

— Точно так же, как знал о том, что ты придешь сюда, сэй Сюзан. Просто знал. — Он пожал плечами. — Капи за углом. Я привязал его к водяной колонке.

— Это хорошо. — Она порылась в седельной суме, в которую положила маленькие петарды. — Вот. Возьми их. Спички у тебя есть?

— Ага. — Шими ни о чем не спросил, просто засунул петарды в нагрудный карман.

Но тут Сюзан, которая никогда не бывала в салуне, задала ему еще один вопрос:

— Шими, что они делают со своими пальто, шляпами, пончо, когда входят в зал? Они же должны их снять, от выпивки становится жарко.

— Да. Они кладут их на длинный стол у двери. Когда приходит время расходиться, некоторые не могут поделить пончо и начинается драка.

Она кивнула, быстро прикидывая, как использовать полученные сведения. Шими стоял перед ней, прижав сомбреро к груди. Он мог только исполнять принятые решения, сам же ничего придумать не мог... Наконец она вскинула голову.

— Шими, если ты мне поможешь, тебе придется покинуть Хэмбри... покинуть Меджис... покинуть Внешнюю Дугу. Ты поедешь с нами, если мы сумеем вырваться. Ты должен это понимать. Понимаешь?

Она видела, что Шими все понял, губы его разошлись в широкой улыбке.

— Да, Сюзан! Поеду с тобой, и Уиллом Диаборном, и Ричардом Стокуортом, и моим лучшим другом мистером Артуром Хитом! Поеду в Привходящий мир! Мы увидим дома, и статуи, и женщин в красивых платьях, похожих на сказочных принцесс, и...

— Если мы попадемся, нас убьют.

Он перестал улыбаться, но из глаз не потекли слезы.

— Да, убьют, если попадемся, это точно.

— И ты все равно мне поможешь?

— Капи под седлом, — повторил он.

Сюзан решила, что ответ более чем ясный. Она взялась за руку Шими, прижимающую сомбреро к груди, наклонилась, схватившись второй рукой за переднюю луку седла, и поцеловала юношу в щеку. Он улыбнулся.

— Мы сделаем все, что в наших силах, не так ли? — спросила она Шими.

— Да, Сюзан, дочь Пата. Для наших друзей мы сделаем все. Приложим все силы.

— А теперь слушай, Шими. Слушай внимательно.

Она говорила. Шими слушал.

Двадцать минут спустя, когда раздувшаяся оранжевая луна с трудом, словно беременная женщина, идущая в гору, всплыла над городом, по

Холмовой улице одинокий скотовод вел за собой мула, направляясь к Управлению шерифа. Эта часть Холмовой улицы утонула в темноте. Одинокий фонарь горел у «Зеленого сердца», но парк (обычно шумный, веселый, ярко освещенный накануне ярмарки Жатвы) практически пустовал. Работали лишь предсказатели судьбы. В этот вечер никому не обещали светлого будущего, но желающие узнать его все равно приходили. Такова уж человеческая природа.

Толстое широкое пончо скрывало фигуру скотовода: будь у него женская грудь, она осталась бы незамеченной. Сомбреро с широченными полями не позволяло увидеть лица. Будь оно женским, никто бы этого не углядел. Насвистывал скотовод мелодию «Беззаботной любви».

На маленьком седле мула, перетянутый веревкой, лежал большой тюк, судя по всему, одежда, хотя темнота Холмовой улицы не позволяла этого разглядеть. На шее мула болтался довольно-таки странный амулет: два сомбреро и ковбойская шляпа.

Когда скотовод приблизился к Управлению шерифа, свист смолк. На присутствие людей указывал только тусклый свет в одном окне. На крыльце в кресле-качалке сидело соломенное пугало в жилетке Херка Эвери с нацепленной на нее жестяной звездой. Снаружи охрана отсутствовала. Кто бы мог подумать, что в этот самый момент в тюрьме находились трое юношей, которых ненавидел весь Меджис? Прислушавшись, скотовод уловил треньканье гитары.

Его тут же заглушила взорвавшаяся неподалеку петарда. Скотовод оглянулся, различил в темноте силуэт своего напарника. Тот помахал рукой. Скотовод кивнул, помахал в ответ, привязал мула к коновязи... той самой, к которой привязывали лошадей Роланд и его друзья, когда прибыли, чтобы засвидетельствовать свое почтение шерифу, в оставшийся в далеком прошлом летний день.

Дверь открылась, никто не удосужился запереть ее, когда Дейв Холлис пытался, наверное, уже в двухсотый раз, подобрать мелодию «Капитана Миллза». Шериф Эвери сидел за столом, откинувшись на спинку стула, сложив руки на огромном животе. Освещала кабинет шерифа настольная лампа под оранжевым абажуром.

— Продолжай играть, помощник шерифа Дейв, и никакой казни не будет. — Катберт Оллгуд стоял у решетки своей камеры, схватившись

руками за прутья. — Мы покончим с собой. Это будет называться самозащита.

— Заткнись, червяк, — процедил шериф Эвери. Он дремал, переваривая плотный обед, думая о том, что он расскажет брату (и жене брата, симпатичной толстушке), проживающим в соседнем феоде, об этом героическом дне. Конечно, он будет избегать громких слов, но все-таки донесет до них мысль о том, что сыграл решающую роль. Если бы не он, эти трое...

— Только не пой, — умолял Катберт Дейва. — Я готов сознаться в убийстве Артура Эльдского, только не пой.

Слева от Берта сидел на койке скрестив ноги Ален. Роланд лежал, заложив руки за голову, уставившись в потолок. Но в тот момент, когда, чуть скрипнув, открылась входная дверь, сел. Словно ждал сигнала.

— Должно быть, Бриджер. — Дейв радостно отложил гитару. Он ненавидел это дежурство и с нетерпением дожидался сменщика. А больше всего его доставали шутки Хита. Как он мог шутить, зная, что ожидает всех троих завтрашним вечером!

— Я думаю, это один из *них*, — пробурчал шериф Эвери, имея в виду Больших охотников за гробами.

Они ошиблись. В кабинет вошел скотовод в большом, не по размеру, пончо, его края волочились по полу, и надвинутой на глаза шляпе. Когда он закрывал дверь, Херк Эвери решил, что к ним пожаловал не живой человек, а соломенное пугало.

— Эй, незнакомец! — Губы Эвери начали растягиваться в улыбке... кто-то явно решил подшутить над ними, а Херк Эвери умел оценить хорошую шутку. Особенно после четырех отбивных и горы картофельного пюре. — Привет тебе! Каким ветром...

Рука, которая не закрывала дверь, а пряталась под пончо, появилась на свет Божий. Она держала револьвер, который мгновенно узнали пленники. Эвери уставился на него, улыбка медленно сползла с его лица. Руки, сложенные на животе, расползлись. Ноги, которые он положил на стол, сами по себе опустились на пол.

— Эй, приятель. Что это ты задумал? — глухо спросил он.

— Возьми со стены ключи и открой камеры, — хрипло приказал незнакомец. А снаружи (внимание на это обратил только Роланд) загремели петарды.

— Я не могу этого сделать. — Ногой Эвери открыл ящик стола. В нем лежали револьверы, оставленные там с утра. — Опять же я не уверен, что эта штуковина заряжена, и я не думаю, что ты...

Незнакомец нацелил револьвер в стол и нажал на спусковой крючок. Оглушающе грохнул выстрел, но Роланд думал, надеялся, что (дверь-то закрыта) его примут за разрыв очередной петарды. Не самой маленькой, но и не самой большой.

Хорошая девочка, думал он. Только будь поосмотрительнее, хорошая девочка. Ради богов, Сью, будь поосмотрительнее.

Все трое уже стояли у решетчатых дверей своих камер, широко раскрыв глаза, крепко сжав губы.

Пуля ударила в угол стола и отщепила немалый кусок. Эвери вскрикнул, откинулся назад, стул перевернулся. Нога шерифа потащила за собой ящик. Он грохнулся на пол, из него выскочили три древних револьвера.

— Сюзан, берегись! — крикнул Катберт. И тут же добавил: — Не надо, Дейв!

На конце его жизни именно долг, а не страх перед Большими охотниками за гробами двигал Дейвом Холлисом, который надеялся стать шерифом Меджиса после ухода Эвери на пенсию (и, как он иногда говорил своей жене Джуди, куда лучшим шерифом, чем Толстяк). Он напрочь забыл о том, что вина юношей вызвала у него серьезные сомнения, и не мог согласиться с уготованной им ужасной казнью. Он думал лишь о том, что они посажены в тюрьму феода и он не может допустить, чтобы они покинули ее без ведома властей.

Он бросился на незнакомца в пончо с намерением выбить револьвер из его руки, а при необходимости и застрелить его.

Сюзан смотрела на расщепленный стол шерифа, забыв обо всем на свете: одно движение маленького пальчика — и такой результат, когда отчаянный крик Катберта вернул ее в реальный мир.

Она отпрянула к стене, счастливо избежав объятий Дейва, и вновь нажала на спусковой крючок. Грохот наполнил кабинет шерифа, и Дейва Холлиса, лишь на два года старше ее, отбросило назад с дымящейся дырой в рубашке, аккуратно между двумя лучами звезды. Его широко раскрытые глаза словно не верили тому, что произошло. Рука сжимала монокль. Нога задела гитару, и она упала на пол, жалобно позвякивая струнами.

— Дейв, — прошептала Сюзан. — О, Дейв, извини, что же я наделала? Дейв осел на пол, попытался встать, а потом повалился лицом вниз. На

грудь курилась маленькая дырочка, зато на спине зияла огромная дыра, красно-черная, с обугленными клочьями одежды вокруг, словно она не выстрелила в него, а ткнула раскаленной кочергой.

— Дейв, — прошептала она. — Дейв, я...

— *Сюзан, берегись!* — крикнул Роланд.

Эвери. Не поднимаясь с карачек, он рванулся вперед и схватил ее за бедра. Пол ушел из-под ног Сюзан, она плюхнулась на задницу, оказавшись с ним лицом к лицу... с его выпученными глазами, щеками в оспинах, идущим изо рта чесночным запахом.

— *Боги, да это девка,* — прошептал он и потянулся к ней. Она вновь нажала на спусковой крючок револьвера Роланда, опалив свое пончо и пробив дыру в потолке. Вниз посыпалась штукатурка. Пальцы-сосиски Эвери сомкнулись на ее горле, где-то далеко Роланд выкрикивал ее имя.

У нее оставался только один шанс.

Если оставался.

Один и нужен, Сью, раздался в голове голос отца. *Один и нужен, дорогая.*

Взведя курок большим пальцем, она вдавила ствол в дряблую плоть под подбородком шерифа Херка Эвери и нажала на спусковой крючок.

Сгустки крови, ошметки мозга, куски костей полетели во все стороны.

13

Эвери повалился ей на колени, тяжелый и мокрый, как кусок сырого мяса. Она чувствовала, как ей печет лицо. Где-то внизу заплясали язычки пламени.

— На столе! — кричал Роланд, изо всех сил тряся решетку. — Сюзан, кувшин с водой на столе! Ради твоего отца!

Она вылезла из-под Эвери, поднялась, поплелась к столу с горящим подолом пончо. Пахло паленой тканью, и она, в самом дальнем уголке мозга, похвалила себя за то, что завязала волосы узлом на затылке.

В кувшине оказалась не вода, а грэф. Она вылила его на пончо, огонь зашипел и потух. Сюзан скинула пончо вместе с сомбреро. Вновь посмотрела на Дейва, с которым выросла, которого даже в незапамятные времена поцеловала за конюшней Хуки.

— *Сюзан!* — резкий, настойчивый голос Роланда ворвался в ее воспоминания. — *Ключи! Быстрее!*

Сюзан схватила со стены связку ключей. Подошла к камере Роланда и

протянула ее сквозь решетку. В воздухе стоял запах порохового дыма, паленой шерсти, крови. При каждом вдохе желудок Сюзан сводило судорогой.

Роланд выбрал нужный ключ, просунув руку между прутьями, вставил его в замочную скважину. Мгновением позже выскочил из камеры, коротко обнял Сюзан, аккуратно в то мгновение, когда из ее глаз брызнули слезы. Освободил Катберта и Алена.

— Ты ангел! — Ален крепко прижал ее груди.

— Только не я. — Сюзан уже не плакала, а рыдала. Она сунула револьвер в руку Роланда, твердо зная, что никогда больше не прикоснется к нему. — Мы с ним играли в детстве. Он никогда не дергал за косички. И вырос хорошим человеком. А теперь я убила Дейва, и кто скажет об этом его жене?

Роланд обнял ее, долго не отпускал.

— Ты выполнила свой долг. Если б не он, то мы. Или ты этого не знаешь?

Она кивнула, прижимаясь к груди Роланда.

— Эвери, его мне ничуть не жалко, но Дейв...

— Пошли. — Роланд увлек ее к двери. — Кто-нибудь может отличить выстрелы от разрывов петард. Их поджигал Шими?

Сюзан кивнула.

— Я принесла вам одежду. Пончо и шляпы.

Сюзан поспешила к двери, открыла ее, выглянула, посмотрела направо, налево, выскользнула в темноту.

Катберт взял обгорелое пончо, накрыл им лицо Дейва.

— Не повезло тебе, парень. Оказался меж двух огней, не так ли? Человеком ты был неплохом.

Сюзан вернулась, нагруженная одеждой, которую привезла на Капи. Шими без всякого напоминания отправился выполнять ее следующее поручение. Если этот парень — полоумный, думала она, то ей доводилось знать многих людей, у которых ума на четверть, а то и на осьмушку.

— Где ты это все взяла? — спросил Ален.

— В «Приюте путников». Брала не я, Шими. — Она раздала шляпы. — Поспешим.

Роланд, Катберт и Ален уже надели пончо. В шляпах, надвинутых на лоб, они ничем не отличались от ковбоев, фермеров, скотоводов феода.

— Куда теперь? — спросил Ален, когда они вышли на крыльцо. Темная улица оставалась такой же пустынной: выстрелы не привлекли внимания.

— Для начала к Хуки, — ответила Сюзан. — Ваши лошади там.

По улице они двинулись вчетвером: Шими уже увел мула. Сердце Сюзан громко билось, она чувствовала выступивший на лбу пот, но внутри все холодело. Какими бы ни были ее мотивы, она совершила убийство, оборвала в этот вечер две жизни, пересекла черту, ступила на тропу, с которой нет возврата. Она сделала это ради Роланда, ради своего возлюбленного, она это знала, но знание это не приносило ей утешения.

Будьте счастливы вместе, вы — неверные, вы — прелюбодеи, вы — убийцы. Я проклиная тебя этим пеплом.

Сюзан схватила Роланда за руку, а когда он пожал ее, ответила тем же. А потом посмотрела на Демоническую Луну, злобное лицо на огромном диске, из оранжево-красного становящемся серебряным, и подумала, что, нажимая на спусковой крючок, посылая пулю в грудь Дейва Холлиса, она заплатила за свою любовь самым дорогим, что только у нее было, — душой. И если Роланд покинет ее теперь, проклятие тетки исполнится — останется один пепел.

Глава девятая

ПРАЗДНИК ЖАТВЫ

1

Когда они вошли в конюшню, освещенную одним тусклым газовым рожком, тень выступила из одного из стойл. Роланд тут же выхватил оба револьвера. Шими несколько мгновений смотрел на них, держа в одной руке стремя. Затем его лицо осветила широкая улыбка, глаза сверкнули счастьем, и он бросился к ним.

Роланд сунул револьверы в кобуру и уже приготовился обнять юношу, но Шими проскочил мимо него и упал в объятия Катберта.

— Ой, ой. — Катберт сначала притворно покачнулся, потом обхватил Шими и поднял его в воздух. — Ты чуть не сбил меня с ног, парень!

— Она вас вытащила! — воскликнул Шими. — Я знал, что вытащит, знал! Хорошая, умная Сюзан! — Шими посмотрел на Сюзан, стоявшую рядом с Роландом. Все еще бледную, но уже совладавшую с нервами. Вновь повернулся к Берту, звонко чмокнул его в лоб.

— Ой! — воскликнул Берт. — А это за что?

— Потому что я тебя люблю, добрый, хороший Артур Хит! Ты спас мне жизнь!

— Ну, может, и спас, — Катберт рассмеялся, его большое сомбреро сбилось на затылок, — но если мы и дальше будем торчать здесь, ты снова можешь ее потерять.

— Лошади оседланы, — доложил Шими. — Сюзан велела заседлать их, и я это сделал. Сделал как полагается. Осталось только пристегнуть это стремя к седлу мистера Ричарда Стокуорта. То, что висит сейчас, истерлось и может оторваться.

— С этим успеется, — Ален взял стремя из рук Шими, повернулся к Роланду. — Куда теперь?

Роланд предложил вернуться в мавзолей Торина.

Лицо Шими перекосило от ужаса.

— На кладбище? Когда в небе полная Демоническая Луна? — Он так замотал головой, что с нее слетело сомбреро. — Там же мертвецы, сэй Диаборн. Если докучать им, когда в небе Демон, они могут подняться и пойти!

— В любом случае нам соваться туда не надо, — поддержала его Сюзан. Женщины из города должны усыпать дорогу от Дома-на-Набережной до кладбища цветами, прибраться в мавзолее. Олив будет руководить ими, если сможет, а если нет: так не обойдется без моей тети и Корал Торин. С этими дамами встречаться нам ни к чему.

— Хорошо. Тогда на лошадей и в путь. Подумай, Сюзан. И ты, Шими. Нам нужно место, где мы могли бы спрятаться до рассвета, и при этом такое место, куда мы можем добраться меньше чем за час. Не на Великом Тракте и в любом направлении от Хэмбри за исключением северо-запада.

— Чем тебя не устраивает северо-запад? — спросил Ален.

— Потому что туда мы поскачем сейчас. Есть одна работенка... и мы дадим им знать, что это наша работа. И прежде всего Элдреду Джонасу, — сухо улыбнулся Роланд. — Я хочу, чтобы он понял — игра закончилась. Никаких «Замков». Настоящие стрелки уже здесь. Посмотрим, сумеет ли он противостоять им.

2

Час спустя, когда луна высоко поднялась над деревьями, *ка-тет* Роланда прибыл к нефтяному полю СИТГО. Они ехали параллельно Великому Тракту, но, так уж вышло, принятые ими меры предосторожности оказались напрасными — они не повстречали ни одного всадника: Великий Тракт пустовал. *Словно праздник Жатвы в этом году отменили*, подумала Сюзан... а потом вспомнила пугала с выкрашенными красным руками, и по ее телу пробежала дрожь. Завтрашним вечером они могли точно так же выкрасить руки Роланда, и еще смогут, если их поймают. *Не только его руки. Наши тоже. В том числе и Шими.*

Лошадей (и Капризного, который пусть и с неохотой, но трусил за ними, подчиняясь длинной веревке-поводьям) они привязали к давно замершему насосному оборудованию в юго-восточном углу нефтяного поля и медленно зашагали к нескольким работающим вышкам. Если они и говорили, то тихим шепотом. Роланд сомневался, что в этом есть необходимость, но голоса сами снижались до шепота. Роланду СИТГО представлялось гораздо страшнее кладбища. Он сомневался, что умершие люди могут подняться из могил даже при полной Демонической Луне, здесь же умерли далеко не все, в свете луны надсадно скрипели зомби, поршни ходили вверх-вниз, как ноги марширующих солдат.

Роланд подвел их к работающей вышке. Они миновали щит с

надписью «ГДЕ ТВОЯ КАСКА?» и второй, с другой надписью: «МЫ ПРОИЗВОДИМ НЕФТЬ. МЫ ГАРАНТИРУЕМ БЕЗОПАСНОСТЬ», остановившись у ее подножия. Механизмы скрипели так громко, что Роланду пришлось кричать.

— *Шими! Дай мне пару больших петард!*

Шими позаимствовал их из седельной сумы Сюзан и теперь протянул две Роланду. Тот взял Берта за руку и увлек за собой. Вышку окружал ржавый проволочный забор. Когда юноши попытались перелезть через него, горизонтальные проволоки лопнули, как гнилые нитки. Роланд и Катберт нервно переглянулись.

Сюзан схватила Роланда за руку.

— *Будь осторожен!* — перекричала она ритмичный скрежет работающего насоса.

Он видел, что она не испугана, просто очень взволнована. Улыбнулся, привлек к себе, поцеловал мочку правого уха.

— *Готовься к забегу,* — прошептал он. — Если мы все сделаем как надо, на СИТГО вспыхнет новая свеча. И очень большая.

Он и Катберт нырнули под нижние проржавевшие балки вышки, встали рядом со скрежещущими механизмами. Роланд никак не мог понять, почему они не сломались в стародавние времена. Большая часть оборудования стояла на ржавых металлических основаниях, но он видел и гигантскую вращающуюся колонну, блестящую от нефти, которая, должно быть, подавалась автоматически по специальным каналам. У колонны чувствовался запах газа, напомнившей ему о факеле, периодически вспыхивающем на другом конце нефтяного поля.

— *Гигантский пердун!* — прокричал Катберт.

— *Что?*

— *Я говорю, воняет, как... Не важно! Давай покончим с этим, если сможем... сможем?*

Роланд не знал. Медленно двинулся вокруг колонны, Берт — за ним. Они увидели короткий коридор, вонючий и жаркий, ступили в него. Коридор повел их вниз. Они видели жирно блестящую вращающуюся поверхность, изгибающийся отводной лоток. Иногда капли нефти падали на землю: под лотком набралась приличного размера лужа. Роланд указал на нее, Катберт кивнул.

Здесь не помогал даже крик: машинный рев заглушал все и вся. Роланд одной рукой обнял друга за шею, притянул его ухо к своим губам, вторую руку, с большой петардой, поднял на уровень глаз Катберта.

— *Зажги и беги,* — приказал он. — Я ее подержу, дам тебе как можно

больше времени. Я забочусь не только о тебе, но и о себе. Не хочу столкнуться с тобой, выбегая из этого машинного зала. Ты понял?

Катберт энергично кивнул, затем повернул голову стрелка так, чтобы его губы оказались у уха Роланда.

— А если в воздухе достаточно газа, чтобы он вспыхнул от искры?

Роланд отступил на шаг. Вскинул руки, как бы показывая: «Откуда мне знать?» Катберт рассмеялся и вытащил коробку серных спичек, которую прихватил со стола Эвери. Изогнул бровь, как бы спрашивая, готов ли Роланд. Тот кивнул.

Снаружи дул сильный ветер, но под вышкой спичка загорелась ровным пламенем. Роланд вытянул руку с петардой, и тут же ему вспомнилась мать: как она ненавидела все эти петарды, шутихи, хлопушки, как боялась, что он останется без глаза или без пальца.

Катберт похлопал себя по груди повыше сердца и поцеловал свою ладонь, подал до боли знакомый знак — желаю удачи. Затем поднес пламя к фитилю. Он затрещал. Берт повернулся, показал взмахом рук, как разлетается окружающая их техника (Берт есть Берт, подумал Роланд, будет шутить и на эшафоте), и помчался по короткому коридору, приведшему их в чрево вышки.

Роланд еще подержал петарду, а когда от фитиля осталось совсем ничего, швырнул ее в лоток. Зажмурился, поворачиваясь, ожидая, что сейчас, как и предсказывал Берт, взорвется воздух. Не взорвался. Роланд метнулся в коридорчик, проскочил его, увидел Катберта, стоящего по другую сторону проема у проволочного забора. Роланд замахал ему обеими руками: *Беги, идиот*, когда за его спиной взорвался мир.

Мощный рыкающий грохот, казалось, вырвал его барабанные перепонки, высосал воздух из груди. Земля накренилась, уходя из-под ног, словно палуба судна, подброшенного волной, огромная мягкая рука уперлась ему в спину и с силой толкнула вперед. Он думал, что успел сделать шаг, может, даже два или три, а потом его подбросило в воздух и швырнуло к забору, за которым уже не стоял Катберт. Нет, он лежал на спине, уставившись в какую-то точку позади Роланда. Глаза юноши округлились, рот широко раскрылся. Роланд теперь все прекрасно видел, поскольку света на СИТГО было больше, чем в ясный день. Они зажгли свой ярмарочный костер, да такой яркий, что горожанам и не снилось.

Роланд приземлился на колени рядом с Катбертом, схватил его за руку. А сзади накатывала волна душераздирающего рева, вокруг начали падать куски искореженного металла. Они поднялись и помчались к Алену, который встал перед Сюзан и Шими, словно старался прикрыть их собой.

Роланд бросил короткий взгляд на вышку. Половина ее еще стояла, светясь красным светом, словно раскаленная подкова, а над ней, поднявшись в небо на сто пятьдесят футов, пылал ярко-желтый факел. И это было только начало. Роланд не знал, сколько еще вышек ему удастся поджечь, прежде чем на СИТГО появятся горожане, но рассчитывал разобраться с вышками по максимуму, чего бы ему это ни стоило. Взорвать цистерны у Скалы Висельников — только полдела. Следовало лишить Фарсона источника нефти.

Но, как выяснилось, ему не пришлось поджигать петардами другие вышки. Под землей их связывали трубопроводы, в большинстве своем наполненные природным газом, просочившимся через высохшие, потерявшие эластичность уплотнения. Не успели Роланд и Катберт подбежать к остальным, как раздался новый взрыв и в небо взметнулся еще один факел: на воздух взлетела вышка, стоявшая справа от той, что взорвали Роланд и Катберт. Мгновением позже третья вышка, расположенная в добрых шестидесяти ярдах от первых двух, вспыхнула ярким пламенем. На этот раз железные стойки оторвались от бетонного основания, и вышка повалилась на землю, плюясь искрами и потоками пламени.

Еще взрыв. Еще. И еще.

Пятеро молодых людей, остолбенев, прикрывали глаза руками. Уже все нефтяное поле пылало, как праздничный пирог, поставленный на стол перед именинником, обдавая их потоками раскаленного воздуха.

— Боги добры, — прошептал Ален.

Роланд понял, что еще минута-другая, и они сгорят заживо. Подумал он и о лошадях. Пока они далеко от центра пожара, но вдруг что-то взорвется и рядом с ними. Он заметил, что уже горели две неработающие вышки. Лошади, должно быть, в ужасе.

Черт, да *он сам* в ужасе.

— Пошли отсюда! — крикнул Роланд.

Они побежали к лошадям в отсветах желто-оранжевого пламени.

Поначалу Джонас подумал, что взрывы гремят в его голове: следствие их любовных игрищ.

Любовные игрища, да. Любовные игрища — чушь собачья. В том, чем они занимались с Корал, любви не было ни грана. Любовь заменяло *что-*

то другое. И еще как заменяло.

Ему и раньше попадались страстные женщины, которые заводили тебя в печь и держали там, меж подмахивающих бедер, но до Корал ему не встречалась женщина, идеально гармонирующая с его желаниями и устремлениями, с которой он входил в резонанс. К сексу он относился просто: брал, если что попадалось под руку, и забывал, если такой возможности не представлялось. А вот с Корал он хотел брать, брать и снова брать. Оказавшись вдвоем, они трахались, как кошки или хорьки: извиваясь, шипя, царапаясь, кусали друг друга, кляли последними словами, наслаждаясь, наслаждаясь, наслаждаясь. Иной раз, рядом с Корал, Джонасу казалось, что его поджаривают на сладком масле.

Вечером у него прошла встреча с Ассоциацией конезаводчиков, которой теперь куда больше подходило другое название — Ассоциация Фарсона. Джонас рассказал им о последних событиях, ответил на их идиотские вопросы, убедился, что они знают, чего он них ждут завтра. Покончив с этим, он заглянул к Риа, которую устроили в апартаментах Кимбы Раймера. Ведьма даже не заметила появления Джонаса. Она сидела в кабинете Раймера, с высоким потолком, книжными стеллажами вдоль стен, за столом из железного дерева, в кожаном кресле, абсолютно чужеродное тело, все равно что панталоны шлюхи на церковном алтаре. На столе стоял хрустальный шар. Колдовская радуга. Риа водила над ним руками, что-то бормотала, но шар оставался темным.

Джонас запер ведьму и пошел к Корал. Она ждала его в гостиной, где завтра должно было пройти ежегодное собрание высших должностных лиц. В этом крыле дворца хватало спален, но она повела его в спальню убиенного брата... Джонас не сомневался, вполне осознанно. Там они и слились воедино, в кровати под пологом, которую Харт Торин так и не разделил со своей наложницей.

Слились, как всегда яростно, отчаянно, и Джонас уже поднимался к пику оргазма, когда рванула первая нефтяная вышка. *О боги, а ведь с ней никто не сравнится*, подумал Джонас. *Во всем чертовом мире нет второй такой...*

Еще два взрыва, один за другим, и Корал на мгновение застыла под ним, затем вновь закрутила бедрами.

— СИТГО, — выдохнула она.

— Да, — прохрипел он, продолжая вгонять в нее свой член. Секс уже потерял для него всякий интерес, но они достигли той точки, когда не остановишься даже под угрозой смерти.

А две минуты спустя, голый, он уже спешил к маленькому балкону

спальни Торина, его полуобвисший конец болтался перед ним из стороны в сторону. Корал, тоже в чем мать родила, следовала за ним.

— К чему такая спешка? — возмущенно воскликнула она, когда Джонас распахнул стеклянную дверь на балкон. — Я могла бы кончить еще три раза!

Джонас ей не ответил. Огляделся. Везде темно... за исключением нефтяного поля. Над ним стояло желтое зарево. У него на глазах зарево ширилось, прибавляло яркости. И взрыв следовал за взрывом.

Разум его подернулся туманом. Это ощущение появилось после того, как Диаборн, паршивый мозгляк, неведомо как догадался, кто он такой. Корал своей энергией и напором помогала чуть разогнать этот туман, но теперь, когда он смотрел на море огня, в которое превратились нефтяные запасы Фарсона, туман, еще более сгустившись, вернулся вновь, как болотная лихорадка, которая иногда уходит из мышц и прячется в костях, никогда не покидая тело. *Ты на западе*, сказал ему Диаборн. *Душа такого человека, как ты, не может покинуть запад*. Разумеется, так оно и было, он знал это и без Диаборна... но после того как тот произнес эти слова, какая-то часть мозга Джонаса непрерывно об этом думала.

Гребаный Уилл Диаборн. И где он теперь, он и оба его благовоспитанных дружка? В calabozo^[52] Эвери? Джонас в этом сильно сомневался. Едва ли.

Новые взрывы рвали ночной покой. Внизу люди бегали и кричали, как в то раннее утро, когда нашли убитых Торина и Раймера.

— Таких больших фейерверков на день Жатвы еще не было, — прошептала за его спиной Корал.

Прежде чем Джонас успел ответить, в дверь забарабанили тяжелые кулаки. Секунду спустя она распахнулась, и в спальню ворвался Клей Рейнолдс, в одних синих джинсах. Всклоченные волосы, безумно горящие глаза.

— Плохие новости из города, Элдред. Диаборн и два других сосунка из Привходящего...

Еще три взрыва, слившиеся в один. Над пылающим нефтяным полем в небо неспешно поднялся огненный шар и растаял в темноте. Рейнолдс вышел на балкон, встал между Джонасом и Корал, не замечая их наготы. Смотрел на шар широко раскрытыми глазами, пока тот не исчез. Исчез, как мерзкие мальчишки. Джонас изо всех сил боролся с охватывающей его паникой.

— Как им удалось вырваться? — спросил он. — Ты знаешь? Что говорит Эвери?

— Эвери мертв. Как и его помощник, который был с ним. Их нашел другой помощник, Тодд Бриджер... Элдред, что там творится? Что происходит?

— А, так это ваши мальчишки, — подала голос Корал. — Устроили свой праздник Жатвы, не так ли?

Что у них на уме, подумал Джонас. Хороший вопрос, может, самый важный. Поджечь нефтяное поле... Это все, на что они способны, или только начало?

Вновь у него возникло острое желание убраться отсюда, из Дома-на-Набережной, из Хэмбри, из Меджиса. Как же хорошо оказаться сейчас в далеком далеке, в милях, колесах, лигах отсюда. Он вышел из-за Укрепления и уже не мог вернуться под его защиту, подставился под ответный удар.

— Клей.

— Да, Элдред?

Но глаза Рейнолдса и его разум пребывали в СИТГО. Джонас положил руку ему на плечо, развернул к себе. Джонас чувствовал, как возвращается к нему способность замечать, сопоставлять, анализировать. Паника, фатальное ощущение неизбежности конца исчезли.

— Сколько у нас здесь людей?

Рейнолдс задумался.

— Тридцать пять. Вроде бы.

— Сколько вооруженных?

— Ружьями, револьверами?

— Нет, идиот, щипцами для колки орехов.

— Возможно... — Рейнолдс прикусил нижнюю губу. — С десятков. Если из этого оружия можно стрелять.

— Большие начальники из Ассоциации конезаводчиков еще здесь?

— Думаю, что да.

— Приведи Ленджилла и Ренфрю. Будить тебе их не придется. Они все встали, а большинство уже там. — Джонас ткнул кулаком вниз, во двор. — Скажи Ренфрю, пусть соберет авангард. Вооруженных людей. Мне бы хотелось взять с собой человек восемь-десять, но я ограничусь пятью. Распорядись, чтобы в возок ведьмы запрягли самого сильного, самого крепкого пони. Скажи этому старому козлу Мигуэлю, что я отрежу ему яйца и заткну в уши, если этот пони умрет по пути к Скале Висельников.

Корал Торин при упоминании о яйцах рассмеялась.

Рейнолдс взглянул на нее, глаза его упали на голую грудь, опустились ниже, ему с трудом удалось повернуться к Джонасу.

— Где Рой? — спросил Джонас.
Рейнолдс посмотрел вверх.
— На третьем этаже. С какой-то горничной.
— Дай ему хорошего пинка. Его работа — подготовить старуху к отъезду.
— Мы уезжаем?
— Как можно скорее. Ты и я — первыми, с парнями Ренфрю. Ленджилл с остальными — следом за нами. Главное, чтобы Ренфрю поехал с нами, Клей. Он знает местность как свои пять пальцев.
— А как же лошади на Спуске?
— Какие еще лошади?
На СИТГО вновь гроыхнуло. Еще один огненный шар всплыл в небо. Джонас не видел черных облаков, не чувствовал запаха нефти: ветер уносил все на восток, подальше от города.
— Но...
— Делай, что тебе говорят. — Джонас уже четко выстроил шкалу ценностей. И лошади занимали в ней одну из последних позиций: лошадей Фарсон мог добыть где угодно. Гораздо выше Джонас поставил цистерны, стоящие у Скалы Висельников. Их важность возросла многократно, поскольку источника нефти больше не существовало. Потеряв цистерны, Большие охотники за гробами могли забыть про возвращение домой.
Но первую позицию занимал фарсоновский осколок Колдовской радуги, заменить который было нечем. Если уж он разобьется, потеряется, перейдет в другие руки, пусть это произойдет, когда ответ за случившееся будет держать Джордж Латиго, а не Элдред Джонас.
— Шевелись, — бросил он Рейнолдсу. — Дипейп поедет с людьми Ленджилла. Ты — со мной. Шевелись. Не будем терять времени.
— А я? — спросила Корал.
Джонас обнял ее, прижал к себе.
— Я не забуду тебя, дорогая.
Корал кивнула, рукой схватила его за член, не замечая уставившегося на них Рейнолдса.
— Да, и я не забуду тебя.

СИТГО они покинули со звоном в ушах, но в остальном целые и невредимые. Шими скакал за спиной у Катберта, за ними, на конце

длинной веревки, тащился Капризный.

Именно Сюзан предложила место, где они могли бы скоротать время, и, как большинство решений, это показалось всем совершенно очевидным... после того как один из них его озвучил. И вот, вскоре после полуночи, когда день Жатвы уже вступил в свои права, впятером они прискакали к хижине в Плохой Траве, в которой Сюзан и Роланд несколько раз предавались любовным утехам.

Катберт и Ален разложили одеяла и уселись на них, чтобы разобраться с револьверами, которые они позаимствовали в Управлении шерифа. Там же они нашли рогатку Катберта и запас металлических шариков.

— Большой калибр. — Ален откинул цилиндр одного револьвера, посмотрел в ствол. — Отдача у них, конечно, сильная, но думаю, Роланд, мы найдем им применение.

— Нам бы ручной пулемет этого ранчера, — вздохнул Катберт.

— Ты знаешь, что сказал бы Корт о таком оружии? — спросил Роланд, и Катберт расхохотался. К нему присоединился и Ален.

— Кто такой Корт? — спросила Сюзан.

— Крутой парень, каким кажется себе Элдред Джонас, — ответил Ален. — Он был нашим учителем.

Роланд предложил своим друзьям поспать час-другой: следующий день ожидался трудным. О том, что день этот мог стать для них последним, нужды говорить не было.

— Ален, ты слушаешь?

Ален, прекрасно понимающий, что речь идет не о его ушах, кивнул.

— Что-нибудь слышишь?

— Пока нет.

— Слушай внимательно.

— Буду слушать... но я не могу ничего обещать. Дар — дело тонкое. Ты знаешь об этом не хуже моего.

— Главное, слушай.

Шими тем временем расстелил два одеяла рядом со своим лучшим другом.

— Он — Роланд... и он — Ален... а кто же ты, старина Артур Хит? Кто ты на самом деле?

— Меня зовут Катберт. — Катберт протянул руку. — Катберт Оллгуд. Рад с тобой познакомиться. Как поживаешь?

Шими пожал протянутую руку. Роланд тем временем повернулся к Сюзан.

— Ты прогуляешься со мной, Сью? Я хочу тебе кое-что сказать.

Она всмотрелась в его лицо, пытаясь угадать его мысли.

— Хорошо.

Она протянула ему руку, Роланд взял ее, и бок о бок они вышли в лунный свет, от которого у Сюзан в страхе зашлось сердце.

5

В молчании шагали они среди сладко пахнущей травы, которую с удовольствием продолжали есть коровы и лошади, даже когда она уже раздувала, а потом разрывала им желудки. Высокая, на фут выше головы Роланда, трава зеленела, как летом. Дети иногда терялись в Плохой Траве и умирали там, но Сюзан не испытывала страха, находясь рядом с Роландом, даже не видя небесных ориентиров: врожденное чувство направления никогда не подводило его.

— Сью, ты нарушила мое указание, — наконец вырвалось у него.

Она повернулась к нему, на ее губах заиграла улыбка.

— Значит, ты хочешь вернуться в камеру, так? — спросила она. — Вместе с друзьями?

— Нет, разумеется, нет. Ты такая храбрая! — Он прижал ее к себе, поцеловал. Когда оторвался, оба они тяжело дышали. Потом Роланд положил ей руки на плечи, заглянул в глаза. — Но на этот раз ты должна в точности выполнить мои указания.

Она молча смотрела на него, не отводя глаз.

— Ты знаешь. Знаешь, что я тебе сейчас скажу.

— Да, возможно.

— Говори. Может, у тебя получится лучше.

— Я должна остаться в хижине, а вы уедете. Останусь я и Шими.

Роланд кивнул.

— Ты останешься? Останешься?

Она подумала о том, каким чужим казался ей револьвер Роланда, когда она сжимала его под пончо, вспомнила недоуменный, неверящий взгляд Дейва после того, как пуля пробила ему грудь и отбросила назад. Вспомнилась и ее первая попытка убить шерифа Эвери, когда выстрелом она лишь подожгла свое пончо, хотя шериф находился прямо перед ней. Револьвера для нее у них не было (если только Роланд не отдал бы ей один из своих), управляться с ним она не умела... и, что более важно, не хотела уметь. Учитывая все эти обстоятельства, опять же не забывая о Шими... пожалуй, оптимальный выход для нее — остаться в хижине.

Роланд терпеливо ждал. Сюзан кивнула:

— Мы с Шими будем ждать вас. Я обещаю.

Он улыбнулся, на лице отразилось облегчение.

— А теперь честно ответь на мой вопрос, Роланд.

— Если смогу.

Она посмотрела на луну, лицо Демона бросило ее в дрожь, вновь взглянула на Роланда.

— Каковы шансы, что ты вернешься ко мне?

Он обдумал вопрос, не выпуская ее рук, и после долгой паузы ответил:

— Выше, чем полагает Джонас. Мы будем ждать у границы Плохой Травы, и ты сможешь засечь их.

— Да, табун лошадей, который я видела...

— Он может появиться и без табуна, — ответил Роланд, не зная еще, как точно предугадал замыслы Джонаса. — Но шума от его отряда и так будет достаточно. А если их окажется много, мы их и увидим... они прорежут в траве коридор.

Сюзан кивнула. Такое она видела не раз. Загадочным образом Плохая Трава раздавалась в стороны, пропуская группы людей.

— А если они будут ждать тебя, Роланд? Если Джонас вышлет разведчиков?

— Я в этом сомневаюсь, — пожал плечами Роланд. — А если и вышлет, мы их убьем. Если сможем, по-тихому. Убивать мы хорошо обучены. С этим мы справимся.

Сюзан перехватила его руки, теперь она сжимала руку Роланда, а не наоборот. На ее лице читался страх.

— Ты не ответил на мой вопрос. Каковы шансы, что мы вновь увидимся?

Он опять задумался:

— Пятьдесят на пятьдесят.

Она закрыла глаза, глубоко вдохнула, медленно выдохнула, открыла глаза.

— Плохо, но не так плохо, как я думала. А если ты не вернешься? Мне с Шими ехать на запад, как ты и говорил?

— Да, в Гилеад. Там ты будешь в полной безопасности, дорогая... но ты просто обязана добраться до Гилеада, если не услышишь, как взрываются цистерны. Ты знаешь об этом, не так ли?

— Чтобы предупредить твоих людей... твой *ка-тет*?

Роланд кивнул.

— Я их предупрежу, не бойся. И Шими не дам в обиду. В том, что мы

добрались до этой хижины, его заслуги не меньше, чем моей.

Роланд действительно серьезно рассчитывал на Шими, хотя Сюзан об этом не догадывалась. Если его, Катберта и Алена убили бы, именно Шими удержал бы Сюзан от опрометчивых поступков: ответственность за его жизнь и безопасность заставили бы ее уйти на запад.

— Когда вы уезжаете? — спросила Сюзан. — Есть у нас время заняться любовью?

— Время есть, но, может, нам не стоит этого делать. Мне и так трудно вновь оставить тебя. Конечно, если ты очень хочешь... — Его глаза молили ее ответить «да».

— Тогда вернемся и немного полежим. — Она повернулась, взяла его за руку. Уже хотела сказать, что носит их первенца, но в последний момент передумала. У него и так много забот... да и не было у нее желания сообщать такую радостную весть под этой уродливой луной. Так можно накликать беду.

Они проложили путь сквозь Плохую Траву, которая уже успела сомкнуться. У хижины Роланд развернул ее к себе, нежно поцеловал.

— Я всегда буду любить тебя, Сюзан. Несмотря ни на что.

Она улыбнулась. В уголках глаз выступили слезинки.

— Несмотря ни на что, — согласилась она. Поцеловала Роланда, и они вошли в хижину.

6

Луна начала спуск к горизонту, когда отряд из восьми человек выехал из-под арки с выбитыми на ней словами «ВХОДИТЕ С МИРОМ». Первыми скакали Джонас и Рейнолдс. За ними следовал черный возок Риа. Тянул его крепкий на вид пони, сил которому хватило бы и на ночь, и на половину следующего дня. Джонас хотел дать ей возницу, но Риа отказалась.

— Нет такого животного, с которым мужчина справился бы лучше меня, — заявила она ему, и похоже, сказала правду.

Поводья лежали у нее на коленях, однако пони и без них знал, что от него требуется. За возком следовали Хэш Ренфрю, Куинт и трое лучших ковбоев Ренфрю.

Корал тоже хотела поехать, но Джонас имел на этот счет иное мнение.

— Если нас убьют, ты сможешь жить, как и раньше. О том, что мы заодно, никто не знает.

— Без тебя мне нет смысла жить.

— Слушай, не изображай школьницу, тебе это не идет. Ты найдешь немало причин и дальше брести по тропе, стоит лишь задуматься над этим. Если все пройдет хорошо, а я ожидаю, что так оно и будет, а ты все еще захочешь быть со мной, уезжай отсюда, как только услышишь о нашем успехе. К западу отсюда, в горах Ви-Кастис, есть городок. Называется Ритзи. Ты прибудешь туда задолго до нас, как бы мы ни спешили. Найди приличную гостиницу, где может остановиться одинокая женщина... если такая есть в Ритзи. Жди. Когда мы доберемся туда с цистернами, вливайся в колонну по мою правую руку. Ты все поняла?

Она поняла. Такие женщины встречались одна на тысячу. Умные, как Сатана, и умеющие трахаться, как любимая шлюха Сатаны. Теперь оставалось только одно: чтобы все прошло, как он только что описал.

Джонас придержал поводья, дождался, пока с ним поравняется возок. Шар в мешке лежал на коленях Риа.

— Есть что-нибудь?

Он надеялся вновь увидеть розовую искру в черноте шара и одновременно страшился этого.

— Нет. Он заговорит, если будет на то необходимость... можешь на это рассчитывать.

— Тогда какой от тебя прок, старуха?

— Узнаешь, когда придет время, — ответила Риа, высокомерно глядя на него (но, к своей радости, Джонас заметил в ее взгляде и страх).

Джонас вновь занял место во главе маленькой колонны. Он решил, что возьмет шар у Риа при возникновении малейшей угрозы. Откровенно говоря, с головой его творилось что-то странное. Словно его искушало манящее желание заглянуть в розовые глубины шара. Желание это разожгла та розовая искра, что ему довелось увидеть.

Ерунда, сказал он себе. Шар тут ни при чем. Это предвкушение битвы. Как только мы покончим с мальчишками, я снова стану самим собой.

Если бы так оно и было. Но Джонас в этом сильно сомневался.

Ренфрю уже пристроился к Клею. Джонас втиснулся между ними. Ужасно болела сломанная нога — еще один дурной знак.

— Что Ленджилл? — спросил он Ренфрю.

— Собирает людей, — ответил Ренфрю. — За Френа Ленджилла можно не беспокоиться. Он приведет тридцать человек.

— Тридцать! Клянусь телом Гарри, я же говорил ему, что мне нужно сорок! Как минимум сорок!

Ренфрю смерил его взглядом, поморщился от особенно сильного

порыва ветра. Натянул шейный платок на нос и рот. Ковбои, замыкающие колонну, давно уже это сделали.

— Ты очень боишься этих трех мальчишек, Джонас?

— Боюсь за нас обоих, наверное, поскольку ты слишком глуп, чтобы понять, кто они такие и на что способны. — Джонас тоже натянул платок на лицо и продолжил уже более спокойным голосом, потому что не хотел преждевременно пугать этих болванов. Пока они ему нужны. А как только шар перейдет к Латиго, ситуация в корне изменится. — Хотя, возможно, мы их и не увидим.

— Вполне вероятно, что они уже в тридцати милях отсюда и во всю прыть, на какую способны их лошади, несутся на запад. — согласился Ренфрю. — Я готов отдать пару золотых тому, кто расскажет, как они вырвались на свободу.

Какое это теперь имеет значение, идиот, подумал Джонас, но ничего не сказал.

— Что же касается людей Ленджилла, то это самые крепкие парни. Если дойдет до дела, эти тридцать будут сражаться, как шестьдесят.

Джонас встретился взглядом с Клеем.

Я поверю в это, только когда сам увижу, прочитал он в глазах Клея и вновь подумал о том, что не зря Рейнолдс нравится ему больше Роя Дипейпа.

— Сколько вооруженных?

— Огнестрельным оружием? Может, половина. Они выедут через час после нас.

— Хорошо. — По крайней мере тыл им прикроют. Хоть за это он мог не беспокоиться. Ему не терпелось избавиться от этого треклятого шара.

Ой ли? прошептал полубезумный голос из глубин подсознания. *А хочется ли?*

Джонас игнорировал голос, пока тот не смолк. Полчаса спустя они свернули с дороги на Спуск. В нескольких милях впереди серебрилось под луной море Плохой Травы.

Примерно в то самое время, когда Джонас и его отряд свернули на Спуск, Роланд, Катберт и Ален садились в седла. Сюзан и Шими стояли у дверей хижины, держась за руки и не отрывая от них глаз.

— Вы услышите взрывы цистерн и почувствуете запах дыма. —

обратился к ним Роланд. — Даже если ветер будет дуть от вас, все равно почувствуете. А через час увидите дым в другом месте. Там, — он указал, где. — Будет гореть хворост у устья каньона.

— А если мы ничего не увидим?

— Уезжайте на запад. Но ты увидишь, Сью. Клянусь тебе, увидишь.

Она шагнула к нему, положила руки ему на бедро, посмотрела на него в свете закатывающейся луны. Он наклонился, провел рукой по волосам, поцеловал в губы.

— Иди и возвращайся живой и невредимый, — пожелала Роланду Сюзан, оторвавшись от него.

— Да, — внезапно добавил Шими, — Сражайтесь мужественно и победите в честном бою. — Он подошел, и застенчиво коснулся сапога Катберта.

Катберт наклонился, взял руку Шими, пожал ее.

— Береги ее, старина.

Шими кивнул:

— Обещаю.

— Поехали. — Роланд боялся, что расплачется, если еще секунду будет смотреть на ее запрокинутое лицо. — Пора.

Они медленно отъехали от хижины, но прежде чем трава сомкнулась, отрезав их от Сюзан и Шими, он оглянулся в последний раз.

— Сью, я тебя люблю.

Она улыбнулась. Прекрасной, лучезарной улыбкой:

— Птички и рыбки, медведи и зайки.

В следующий раз Роланд увидел ее внутри Колдовской радуги.

Западнее Плохой Травы Роланд и его друзья увидели лишь тучи песка, которые ветер гнал над каменистой землей. Лунный свет превращал эти тучи в загадочных фантомов. Иной раз песок опадал, открывая им Скалу Висельников, в двух колесах от них, и устье каньона Молнии, в двух колесах дальше. Иногда они видели только песчаную пелену. За ними о чем-то пела под ветром высокая трава.

— Как самочувствие, парни? — спросил Роланд. — Все в порядке?

Оба кивнули.

— Я думаю, сегодня придется пострелять.

— Мы будем помнить лица наших отцов, — заверил его Катберт.

— Да, — согласился Роланд. — Мы очень даже хорошо будем их помнить. — Он потянулся. — Ветер в нашу пользу, не в их... это плюс. Мы их услышим. И сможем понять, сколько их. Правда?

Оба вновь кивнули.

— Если Джонас по-прежнему уверен в себе, он появится скоро, с маленьким отрядом, теми, которых успел собрать сразу, и с магическим кристаллом. В этом случае мы нападём на них, перебьём всех и захватим Колдовскую радугу.

Ален и Катберт молчали, внимательно слушая. Налетел ветер. Роланд схватился за шляпу, которая едва не слетела у него с головы.

— Если он нас испугается, думаю, тогда появится позже, уже с большим отрядом. В этом случае мы пропустим их... потом, если ветер по-прежнему будет нам помогать, пристроимся им в хвост.

Катберт заулыбался.

— О, Роланд. Твой отец может гордиться тобой. Четырнадцать лет, а хитер как дьявол!

— Пятнадцать, когда встанет следующая луна, — на полном серьёзе ответил Роланд. — Если нам придется следовать этому плану, будем убивать тех, кто едет последним. Следите за моими сигналами, хорошо?

— Мы собираемся подъехать к Скале Висельников в составе их отряда? — спросил Ален. Он всегда отставал на шаг-другой от Катберта, но в данном случае Роланд не возражал: иногда обстоятельность ценилась выше быстроты. — Так?

— Если получится, да.

— Если розовый шар у них, остается надеяться, что он нас не выдаст, — добавил Ален.

На лице Катберта отразилось удивление. Роланд прикусил губу: иной раз Ален соображал очень даже быстро. Эта неприятная идея возникла у него раньше, чем у Берта... раньше, чем у него самого.

— В это утро нам надо надеяться на многое, но мы будем действовать по обстановке.

Они спешили, сели рядом с лошадьми у самой границы Плохой Травы, изредка перекидываясь словом. Роланд наблюдал за клубами серебряной пыли, несущимися над пустыней, и думал о Сюзан. Представлял себе, как они поженятся, поселятся на свободных землях к югу от Гилеада. К тому времени Фарсон потерпит поражение, «сдвинувшийся» было мир вернется на прежнее место (оставшийся в нем ребенок почему-то не сомневался, что смерть Джона Фарсона положит конец всем бедам), и его стрелецкая служба окончится. Не прошло и года,

как он получил право носить на бедрах шестизарядные револьверы... и большие револьверы его отца, если Стивен Дискейн решит передать их ему... но он уже устал от этой ноши. Поцелуи Сюзан размягчили его сердце, показали, что есть и другая жизнь. Может, лучшая. С домиком, детьми...

— Они идут. — Воскликание Алена вернуло Роланда к реальности.

Стрелок поднялся, держа в руке поводья Быстрого. Рядом стоял Катберт.

— Большой отряд или маленький? Ты... ты знаешь?

Ален стоял, глядя на юго-восток, вытянув перед собой руки, ладонями вверх. Над его плечом Роланд видел Старую Звезду, зависшую у самого горизонта. До зари оставался час.

— Пока сказать не могу, — ответил Ален.

— Можешь хотя бы сказать, шар с...

— Нет. Замолчи, Роланд. Не мешай слушать!

Роланд и Катберт озабоченно наблюдали за Аленом, одновременно напрягая слух, пытаясь различить топот копыт, поскрипывание колес, шепот людей. Время шло. Ветер, который утих после того, как Старая Звезда закатилась за горизонт, в преддверии зари задул еще более яростно. Роланд взглянул на Катберта, который достал рогатку и нервно поигрывал резинкой. Берт пожал плечами.

— Отряд маленький, — неожиданно произнес Ален. — Вы их не чувствуете?

Оба покачали головами.

— Не больше десяти человек, может, только шесть.

— Боги! — пробормотал Роланд, вскинул кулак к небу. Не мог скрыть радости. — А шар?

— Я его не чувствую. — Голос Алена звучал сонно. — Но ведь ты думаешь, что шар с ними, не так ли?

Роланд кивнул. Маленький отряд из шести или восьми человек, охраняющий магический кристалл. Идеальный вариант.

— Готовьтесь, парни. Мы их возьмем.

Отряд Джонаса достаточно быстро пересек Спуск и углубился в Плохую Траву. Звезды-ориентиры сверкали в осеннем небе, и Ренфрю знал их все. Каждые двадцать минут он останавливал отряд, чтобы прежде всего

свериться с двумя звездами, которые он называл Близнецами, а потом указывал направление движения. Джонас не сомневался, что старый ковбой выведет их из Плохой Травы точно напротив скалы Висельников.

Через Плохую Траву они ехали уже час, когда к Джонасу прискакал Куинт.

— Эта старая дама, она хочет вас видеть, сэй. Говорит, по важному делу.

— Прямо сейчас? — спросил Джонас.

— Ага. — Куинт понизил голос. — Шар, который она держит на коленях, засветился.

— Правда? Вот что я тебе скажу, Куинт... возвращайся к своим, а я разберусь, что там такое. — Он придержал лошадь, пока с ним не поравнялся черный возок. Риа подняла голову, и на мгновение ему показалось, что в розовом отсвете он видит лицо молодой девушки.

— Пришел, парень. Я знала, что ты придешь. — Она зашлась хриплым смехом, и Джонас увидел Риа такой, какой она была на самом деле — выжатой досуха магическим кристаллом, что лежал у нее на коленях. Потом он посмотрел на шар... и погиб. Он чувствовал, как розовое сияние проникает в самые дальние закоулки его мозга, освещает то, что никогда не видело света.

— Тебе нравится, не так ли? — Старуха то ли хихикала, то ли ворковала. — Да, тебе нравится, как и любому другому, такой очаровательный шарик. Но что ты видишь, сэй Джонас?

Наклонившись, держась одной рукой за луку седла, а другой придерживая падающие на глаза волосы, Джонас всмотрелся в шар. Сначала видел только розовый туман, потом он начал рассеиваться. И Джонас увидел хижину, окруженную высокой травой. Хижину, какая могла приглянуться только отшельнику. С распахнутой дверью, выкрашенной пусть и шелушащейся, но еще яркой красной краской. А на каменном крыльце, положив руки на колени, бросив одеяло под ноги, с распушенными по плечам волосами сидела...

— Будь я проклят! — прошептал Джонас. Он едва не вываливался из седла, словно наездник в цирке, а глаза его исчезли: глазницы заливал розовый свет.

Риа радостно похохатывала:

— Да, это наложница Торина, которая так и не попала в его постель! Возлюбленная Диаборна! — Смех как отрезало. — Возлюбленная того молодого негодяя, что убил моего Эрмота. И он за это заплатит, да, заплатит. Смотри пристальнее, сэй Джонас! Смотри пристальнее!

Джонас присмотрелся. Все стало ясно, и он подумал, что ему следовало догадаться об этом раньше. Страхи тетки этой девушки полностью оправдались. Риа все знала, хотя Джонас не мог понять, почему она никому не сказала о том, что девушку трахает один из парней, приехавших из Привходящего мира. И Сюзан не просто трахалась с Уиллом Диаборном. Она также помогла ему бежать, ему и его друзьям, и, возможно, убила при этом шерифа и его помощника.

Фигурка в шаре приблизилась. От напряжения Джонасу даже стало нехорошо, но то была приятная дурнота. За спиной девушки хижину освещала тусклая лампа. Поначалу Джонасу показалось, что в одном углу кто-то спит, но потом он решил, что там просто свалены шкуры.

— Ты видишь мальчишек? — спросила Риа, голос ее доносился из далекого далека. — Ты видишь их, мой господин, сэй?

— Нет. — И его собственный голос доходил до него из того же далекого места. Он не мог оторвать глаз от шара. Чувствовал, как магический свет все глубже и глубже проникает в его мозг. Приятное чувство. Как тепло костра в холодную ночь. — Она одна. Похоже, она ждет.

— Да, — согласилась Риа. Резкое движение рук над шаром, и свет потух.

— Нет, — протестующе воскликнул Джонас, но поздно: шар остался темным. Он хотел протянуть руки, просить, чтобы она вернула розовый свет, если придется, умолять ее, но невероятным усилием воли сдержался. И в награду вновь обрел контроль над своим разумом. Он-то и напомнил Джонасу, что жесты Риа абсолютно бессмысленны, как жесты тех же Пинча и Джилли. Магический кристалл слушался только себя, а не ее. А старуха уже вглядывалась в него.

— И чего она, по-твоему, ждет? — спросила Риа.

Ждать она могла *только одного*, со всевозрастающей тревогой подумал Джонас. Мальчишек. Трех безбородых сукиных сынов из Привходящего мира. А если они не с ней, то где-то неподалеку и тоже чего-то ждут.

Ждут его. Возможно, даже хотят...

— Слушай меня, — прорычал он. — Я задам тебе только один вопрос, так что будет лучше, если ты скажешь правду. Они знают об этом? *Эти трое знают о Радуге?*

Риа отвела глаза. С одной стороны, ответ он получил, с другой — нет. Риа слишком долго просидела на своем холме. Пора ей понять, кто тут хозяин. Джонас вновь наклонился над возком, схватил ее за плечо, ужасное ощущение, все равно что хватаешь живой скелет, но пальцев не разжал,

наоборот, сдавил. Риа застонала, дернулась, но Джонас крепко держал ее.

— Говори, старая сука! Разевай свою гребаную пасть!

— Может, и знают, — взывала Риа. — Эта девчонка могла что-то видеть в ту ночь, когда приходила ко мне... о-о-о, убери руку, ты меня убиваешь!

— Если б я хотел тебя убить, ты бы уже умерла! — Джонас еще раз взглянул на магический кристалл, выпрямился в седле, потер подбородок.

— Клей! — крикнул он. — Придержи коня!

Рейнолдс и Ренфрю натянули поводья. Джонас поднял руку, останавливая следовавших за ним ковбоев.

Ветер шелестел травой, гнул ее, обдавал их сладким запахом. Джонас всмотрелся в темноту, хотя и понимал, что увидеть мальчишек невозможно. Они могли быть где угодно, и Джонасу не нравились его шансы в возможной стычке. Совсем не нравились.

Он подъехал к Рейнолдсу и Ренфрю. Ренфрю выказывал нетерпение.

— В чем дело? Скоро рассвет. Надо двигаться.

— Ты знаешь хижины в Плохой Траве?

— Да, большинство. Почему...

— Знаешь ту, что с красной дверью?

Ренфрю кивнул и указал на север.

— Старика Сунни. Ему было видение, то ли во сне, то ли наяву. Тогда он и выкрасил дверь в красный цвет. Он ушел к *манни* лет пять тому назад. — Ренфрю больше ни о чем не спрашивал. Выражение лица Джонаса подсказало ему, что задавать вопросы небезопасно.

Джонас поднял руку, на секунду взгляд его задержался на вытатуированном синем гробе, потом он повернулся, подозвал Куинта:

— Командование возлагаю на тебя.

Кустистые брови Куинта взметнулись вверх.

— *На меня?*

— Да. Но дальше мы не едем... план меняется.

— А что...

— Слушай и разевать рот будешь только в одном случае: если что-то не поймешь. Разверни этот чертов возок. Поставь вокруг своих людей и возвращайся назад. Соединись с Ленджиллом и его людьми. Скажи им, Джонас приказал ждать в том месте, где ты их найдешь. Ждать, пока он не вернется с Ренфрю и Рейнолдсом. Понятно?

Куинт кивнул. По лицу чувствовалось, что он сбит с толку, но вопросов не последовало.

— Хорошо. Принимайся за дело. И скажи ведьме, пусть уберет свою игрушку в мешок. — Джонас провел рукой по лбу. Пальцы, практически

никогда не знавшие дрожи, ходили ходуном. — Она отвлекает.

Куинт развернул лошадь, оглянулся, когда Джонас позвал его.

— Я думаю, мальчишки из Привходящего мира где-то здесь, Куинт. Скорее всего впереди. Но если они позади, то могут напасть на вас.

Куинт нервно оглядел высокую, в полтора его роста траву. Потом губы его закаменели, он вновь посмотрел на Джонаса.

— Если они нападут, то попытаются захватить шар, — продолжил Джонас. — Так вот, запомни мои слова. Тот, кто не будет защищать шар из всех сил, потом горько об этом пожалеет. — Он мотнул головой в сторону ковбоев, сгрудившихся за черным возком. — Скажи им об этом.

— Да, босс, — кивнул Куинт.

— После того как вы соединитесь с Ленджиллом, ответственность за шар ложится на него.

— И долго нам ждать вашего возвращения?

— Пока не замерзнет ад. Отправляйся. — Когда Куинт отъехал, Джонас повернулся к Рейнолдсу и Ренфрю: — Нам предстоит небольшая прогулка.

10

— Роланд, — с надрывом прошептал Ален. — Они повернули назад.

— Ты уверен?

— Да. Следом идет еще один отряд. Большой по численности. К нему они и направились.

— Чем больше народу, тем увереннее они себя чувствуют, вот и все, — пожал плечами Катберт.

— А шар? — спросил Роланд. — Ты его чувствуешь?

— Да, шар с ними. Теперь чувствовать их легче, хотя расстояние увеличивается. Главное — засечь их, потом они никуда не денутся.

— Шар по-прежнему у Риа?

— Думаю, да. Отвратительная у нее аура. При прикосновении к ней просто передергивает.

— Джонас нас боится, — заявил Роланд. — Он хочет, чтобы его окружало больше людей. В этом все дело, другого объяснения нет. — Роланд не знал, что он и прав, и не прав одновременно. Не чувствовал, что допустил серьезный промах (а такое после отъезда из Гилеада случалось с ним крайне редко) — с юношеской горячностью поставил на один из вариантов, напроць отметая любой другой.

— И что нам делать? — спросил Ален.

— Сидеть здесь. Слушать. Ждать. Они все равно привезут сюда шар, раз уж направляются к Скале Висельников. Должны привезти.

— Сюзан? — спросил Катберт. — Сюзан и Шими? Как же они? Как мы узнаем, что с ними все в порядке?

— Полагаю, тут мы бессильны. — Роланд сел, скрестив ноги, выпустив из руки поводья Быстрого. — Но Джонас и его люди скоро вернутся. И когда они появятся здесь, мы выполним свой долг.

11

Сюзан не хотела спать в хижине... без Роланда ей там совсем не нравилось. Поэтому она оставила Шими в углу, где он укрылся старыми шкурами, а сама вынесла одеяла наружу. Посидела на крыльце, глядя на звезды, молясь, чтобы у Роланда все получилось. Когда на душе у нее полегчало, она постелила одно одеяло, легла на него, укрылась другим. Казалось, прошла вечность с того момента, как Мария вырвала ее из глубокого сна. Ей даже не помешал громкий храп, доносящийся из хижины. Сюзан заснула, положив голову на руку, и не проснулась двадцать минут спустя, когда Шими появился в дверях, сонно посмотрел на нее и ушел в траву справить малую нужду. Заметил его только Капризный. Вытянул длинную морду и ткнулся в задницу Шими, когда тот проходил мимо. Шими в полусне отмахнулся, оттолкнув морду мула. Он хорошо знал повадки Капи, очень хорошо.

Сюзан снилась ивовая роща... птички и рыбки, медведи и зайки... и разбудило ее не возвращение Шими, а холодный металл, вдавленный в шею. Громкий щелчок она узнала сразу: кто-то взвел курок револьвера. И ивовая роща исчезла, как мираж.

— Просыпайся, Солнечный Лучик. — Голос сбил ее с толку. Ей хотелось поверить, что вновь вернулся вчерашний день, что Мария будит ее, чтобы она покинула Дом-на-Набережной до того как тот, кто убил мэра Торина и канцлера Раймера, придет, чтобы убить и ее.

Не получалось. Тогда она открыла глаза при ярком солнце. Сейчас чуть занималась заря. И разбудил ее, мужской голос — не женский. И не рука трясла ее за плечо, а дуло револьвера уперлось в шею.

Она вскинула глаза и увидела узкое, в морщинах лицо, обрамленное седыми волосами. Узкие губы. Светло-синие глаза, совсем как у Роланда. Элдред Джонас. А мужчина, который стоял позади него, в другие, лучшие

времена угощал ее отца выпивкой: Хэш Ренфрю. Третий мужчина, из *ка-тета* Джонаса, нырнул в хижину. Ледяной ужас сковал ее тело. Как за себя, так и за Шими. Она не могла знать, понимает ли Шими, что происходит. *Эти двое из того же ка-тета, что и третий, который пытался убить его*, подумала она. *Это он должен понять*.

— Вот и ты, Солнечный Лучик, вот и ты. — Джонас наблюдал, как она выбирается из тумана сна. — Хорошо! Не следовало тебе спать одной, таким красавицам в одиночестве спать не положено. Но не волнуйся. Я позабочусь о том, чтобы тебя доставили в безопасное место.

Взгляд его метнулся к мужчине в плаще, вышедшему из хижины.

— Есть там ее вещи, Клей?

Рейнолдс покачал головой.

— Полагаю, все в переметных сумах, на лошади.

Шими, подумала Сюзан. *Где ты, Шими?*

Джонас протянул руку, погладил ее грудь.

— Отличная грудь. Мягкая и теплая. Неудивительно, что ты понравилась Диаборну.

— Убери свою грязную татуированную лапу, мерзавец.

Улыбаясь, Джонас убрал руку. Посмотрел на мула.

— А ведь я знаю эту клячу. Она принадлежит моей доброй знакомой Корал. Помимо всего прочего, ты еще и воруеть скот. Ох эта молодежь. Ни стыда в ней не осталось, ни совести. Ты согласен со мной, сэй Ренфрю?

Но давнишний знакомый ее отца промолчал. Лицо его оставалось бесстрастным, но Сюзан подумала, что ему чуть-чуть да стыдно за свое присутствие в этом месте и в этот час.

Джонас вновь повернулся к ней, его губы изогнулись в подобии улыбки:

— Впрочем, после убийства украсть мула — сущий пустяк, не так ли?

Она не ответила, лишь смотрела, как Джонас гладит морду Капи.

— Что же тащили с собой эти мальчишки, если им понадобился мул?

— Саваны, — вырвалось у Сюзан. — Для тебя и всех твоих друзей. Ноша получилась тяжелая, у бедного животного едва не сломалась спина.

— В том краю, откуда я родом, есть хорошая поговорка. — Джонас все улыбался. — Умным женщинам прямая дорога в ад. — И рука его по-прежнему гладила нос Капи. Мулу это нравилось. Он вытянул шею, его глупые маленькие глазки от удовольствия наполовину закрылись. — А тебе не приходило в голову, что те, кто делит общую добычу и уезжает, обычно не возвращаются?

Сюзан промолчала.

— Тебя бросили, Солнечный Лучик. Ту, кто быстро дает, обычно быстро забывают. Печально, но факт. Ты знаешь, куда они поехали?

— Да, — тихо, чуть ли не шепотом ответила она.

Улыбка Джонаса стала шире.

— Если скажешь нам, облегчишь свою участь. Ты согласен, Ренфрю?

— Ага, — кивнул Ренфрю. — Они — предатели, Сюзан... Служат Доброму Человеку. Если ты знаешь, где они и что задумали, ты должна нам сказать.

— Нагнись ниже, — прошептала Сюзан, не сводя глаз с Джонаса. Губы онемели, отказывались слушаться, она произнесла что-то вроде насись пище, но Джонас ее понял, наклонился, вытянув шею, совсем как Капи, тут Сюзан и плюнула ему в лицо.

Джонас отшатнулся, его передернуло от отвращения.

— СУКА! — взревел он и отвесил ей крепкую оплеуху.

Сюзан впечаталась спиной в землю, перед глазами вспыхнули звезды. Правая щека тут же начала раздуваться, как надувной шарик. *Если бы удар пришелся на дюйм или два ниже, он бы сломал мне шею*, подумала она. *Может, так было бы лучше.* Она подняла руку, вытерла кровь, брызнувшую из правой ноздри.

Джонас повернулся к Ренфрю, который придвинулся к ним на шаг, а потом остановился.

— Посади ее на лошадь и свяжи ей руки. Покрепче. — Сверху вниз он посмотрел на Сюзан, пнул в плечо. Достаточно сильно, чтобы она покатилась к хижине. — Будешь знать, как плевать в меня! Плевать в Элдреда Джонаса! Сука!

Рейнолдс уже протягивал ему свой шейный платок. Джонас взял его, стер с лица слюну, потом опустил на колени. Набрал полную руку волос Сюзан и вытер о них платок. Рывком поднял ее на ноги. Слезы боли уже выступили в уголках глаз Сюзан, но она молчала.

— Я, возможно, больше никогда не увижу твоего дружка, сладенькая Сью с мягенькими сисечками, но ты-то у меня в руках, не так ли? И если Диаборн доставит нам лишние хлопоты, я отыграюсь на тебе вдвойне. И позабочусь о том, чтобы Диаборн об этом узнал. Можешь на это рассчитывать.

Улыбка сползла с его лица, он резко оттолкнул Сюзан, и она едва устояла на ногах.

— А теперь на коня, и быстро, пока я не решил разрисовать ножичком твою милую мордашку.

Из высокой травы, оцепеневший от ужаса, с катящимися по щекам слезами, Шими наблюдал, как Сюзан плюнула в лицо плохого Охотника за гробами, а он с такой силой ударил ее по лицу, что едва не убил. Шими было бросился ей на помощь, но чей-то голос... может, его друга Артура... зазвучал в голове, предупреждая, что помочь он не поможет, зато его самого наверняка убьют.

Он наблюдал, как Сюзан садится на лошадь. Другой мужчина, не Охотник за гробами, а крепыш ранчер, которого Шими изредка видел в «Приюте», пытался помочь, но Сюзан оттолкнула его. И мужчина отступил, покраснев как помидор.

Не зли их, Сюзан, думал Шими. О боги, не допускайте этого, не позволяйте им и дальше избивать ее! О, ее бедное лицо! И из носа у нее течет кровь!

— Даю тебе последний шанс, — прорычал Джонас. — Где они и что собираются делать?

— Иди к дьяволу, — ответила Сюзан.

— Скорее всего там ты встретишь меня. — Он криво улыбнулся, взглянул на другого Охотника за гробами. — Ничего не нашел?

— Если они что и привезли, то взяли с собой, — ответил тот. — Оставили только диаборновскую милашку.

Джонас зло рассмеялся, вскакивая на лошадь.

— Поехали.

Они двинулись в Плохую Траву, которая тут же сомкнулась за ними, словно никто и не появлялся около хижины... да только они увезли Сюзан и увели Капи. Большой ранчер, что следовал за Сюзан, увел мула на длинной веревке.

Удостоверившись, что они не вернутся, Шими медленно вышел на полянку у хижины, на ходу застегивая штаны. Посмотрел в ту сторону, куда уехали Роланд с друзьями, в другую, куда увели Сюзан. Что делать?

Мгновения ему хватило, чтобы понять: выбора у него нет. Тропа, которую оставили за собой Роланд, Алэн и добрый Артур Хит (Катберт так и остался для Шими Артуром Хитом), исчезла: Плохая Трава распрямилась и поглотила ее. А вот та, что проложили Сюзан и ее похитители, еще виднелась. Возможно, последовав за Сюзан, он сможет что-то для нее сделать. Помочь ей.

Сначала Шими шагал, потом пустился бегом, уже не боясь того, что

Охотники за гробами могут вернуться и схватить его. Чуть ли не весь день ему предстояло догонять Сюзан.

13

Катберт, самый нетерпеливый из всех троих, не находил себе места. Небо светлело и светлело, ночь уступала место дню. *Вот и Жатва*, думал он. *Наконец-то Жатва, мы сидим здесь, заточив ножи, а резать-то некого.*

Дважды он спрашивал Алена, не «слышит» ли тот чего. В первый раз Алел пробурчал что-то нечленораздельное. Второй спросил Берта, можно ли хоть что-то услышать, если над ухом постоянно твякают?

Катберту два вопроса, заданные с разрывом в пятнадцать минут, не казались «постоянным твяканьем». Он надулся и отошел к своей лошади. Вскоре к нему подсел Роланд.

— Ожидание, — вздохнул Катберт. — В Меджисе мы по большей части только этим и занимались, а я ужас как не люблю чего-то ждать.

— Осталось недолго, — заверил его Роланд.

14

Отряд Джонаса вышел к тому месту, где люди Френа Ленджилла разбили временный лагерь, через час после восхода солнца. Куинт, Риа и ковбои Ренфрю присоединились к Ленджиллу раньше, чем немало порадовали Джонаса, и, уже пили кофе.

Ленджилл вышел к ним навстречу, но, увидев Сюзан, сидевшую на лошади со связанными впереди руками, отступил на шаг и огляделся, будто искал место, где бы спрятаться. Но на большой поляне, у самой границы между Спуском и Плохой Травой, прятаться было негде, поэтому он застыл столбом. По лицу чувствовалось, что пленение Сюзан его совсем не радует.

Сюзан двинулась на него, а когда Рейнолдс попытался схватить ее за стремя, легко ускользнула от его руки.

— Как, Френсис Ленджилл! Вот уж не ожидала встретить тебя здесь!

— Сюзан, мне очень жаль, что с тобой так вышло. — Лицо Ленджилла все больше заливала краска. — Ты попала в плохую компанию, девочка... а в конце плохая компания бросила тебя, чтобы ты ответила за всех.

Сюзан расхохоталась:

— Плохая компания! Да, ты знаешь, что это такое, не правда ли, Френ?

Он неловко повернулся, не зная, что и ответить. А Сюзан вытащила ногу из стремени и, прежде чем кто-то успел остановить ее, пнула его сапогом между лопаток. Ленджилл повалился на живот, глаза его в изумлении широко раскрылись.

— Ты еще не уgomонилась, сучка! — взревел Ренфрю и ударил ее... по левой скуле, для симметрии, подумала она после того, как туман в голове рассеялся и к ней вернулась способность соображать. Она покачнулась в седле, но не упала на землю. На Ренфрю она даже не посмотрела, не сводя глаз с Ленджилла, которому уже удалось подняться на четвереньки.

— Ты убил моего отца! — кричала она. — Ты убил моего отца, жалкий трус, пародия на мужчину! — Теперь она смотрела на ранчеров и ковбоев, которые вытаращились на нее. — Вот он, Френ Ленджилл, глава Ассоциации конезаводчиков, змея подколотная! Жалкий койот! Паршивый...

— Достаточно, — оборвал ее Джонас, не без интереса наблюдая, как Ленджилл пятится к своим людям, поникнув плечами, не смея вымолвить и слова, раздавленный обвинениями Сюзан. Риа заохоталась, качаясь из стороны в сторону. Смех этот, мало похожий на человеческий, заставил Сюзан вздрогнуть, но присутствие Риа в этой компании, похоже, несколько не удивило ее.

— Отнюдь. — Сюзан перевела взгляд с Джонаса на Ленджилла, на лице ее отразились брезгливость и презрение. — Этого негодая как ни обзови, все будет мало.

— Возможно, но я думаю, что отведенное тебе время ты использовала с толком, леди-сэй. Едва ли кто смог бы превзойти тебя в этом. Послушай, как квохчет ведьма! Все равно что сыплет соль на его раны... но мы скоро заткнем ей рот. — Джонас резко повернул голову. — Клей!

Рейнолдс подскочил к нему.

— Думаю, ты сможешь доставить Солнечный Лучик в Дом-на-Набережной?

— Думаю, да. — Рейнолдс постарался не выказать радости: слава богам, его посылали на восток, а не на запад. У него уже появилось дурное предчувствие... Скала Висельников, Латиго, цистерны... вся эта история. Откуда только оно взялось? — Сейчас?

— Через минуту-другую, — ответил Джонас. — Может, придется кое-кого убить прямо здесь. Кто знает? Именно ради остающихся без ответа вопросов можно встать рано утром, даже если нога болит, как дырка в зубе. Не так ли?

— Я не знаю, Элдред.

— Сэй Ренфрю, пригляди за нашим милым Солнечным Лучиком. А мне надо кое-что забрать.

Голос его разносился далеко, он этого и хотел, так что смех Риа как отрезало. Улыбаясь, Джонас двинул лошадь к черному возку, украшенному золотыми символами. Рейнолдс ехал слева от него, и Джонас скорее почувствовал, чем увидел, как справа возник Рой. Рой — хороший парень, подумал он. Немного туповат, но сердце у него в нужном месте, и иной раз ему не надо разобъяснять, *что и как*.

С каждым шагом лошади Джонаса Риа чуть отползала назад. Ее глубоко запавшие глаза метались из стороны в сторону в поисках выхода. И не находили его.

— Держись от меня подальше, убийца! — выкрикнула она, вскинув руку, словно хотела оттолкнуть Джонаса. Второй она еще крепче ухватилась за мешок, в котором лежал хрустальный шар. — Держись от меня подальше, а не то я призову молнию, которая поразит тебя, прежде чем ты успеешь спрыгнуть с лошади! И твоих ужасных дружков тоже!

Джонасу показалось, что Рой при этих словах чуть придержал поводья, а вот Клей — нет. Как и сам Джонас. Он подумал, что она много чего может сделать... вернее, могла. До того, как голодный магический кристалл вошел в ее жизнь.

— Дай его мне. — Джонас наклонился над возком, протянул руку за мешком. — Он не твой и никогда твоим ни был. Придет день, когда Благодетель, несомненно, поблагодарит тебя за то, что ты хранила его, но сейчас ты должна мне его отдать.

Риа закричала так пронзительно, что некоторые ковбои выронили жестяные кружки с кофе и зажали уши руками. А Риа ухватилась рукой за веревку, стягивающую мешок, и подняла его над головой. Шар болтался на дне мешка, как маятник.

— *Не отдам!* — прорычала она. — *Я скорее разобью его об землю, чем отдам тебе!*

Джонас сомневался, что хрустальный шар разобьется, выскользнув из ее слабой руки на пружинистую траву, но ему не хотелось выяснять это на практике.

— Клей, — обратился он к Рейнолдсу, — достань револьвер.

Ему не пришлось смотреть на Клея, чтобы убедиться, что его приказ выполнен. Он увидел это в ее испуганных глазах, метнувшихся влево, туда, где Рейнолдс сидел на лошади.

— Сейчас я начну считать, — продолжил Джонас. — На счет «три»,

если она не отдаст этот мешок, разнеси ее уродливую голову.

— Хорошо.

— Один. — Джонас наблюдал, как шар качается из стороны в сторону. Он засветился. Джонас видел розовое сияние, пробивающееся сквозь мешковину. — Два. Счастливого тебе пути в ад, Риа. Прощай. Тр...

— *Держи!* — Она выбросила вперед руку с мешком, а другой закрыла лицо. — *На, бери! И пусть он погубит тебя так же, как погубил меня!*

— Спасибо, сэй.

Джонас схватил мешок пониже стягивающей его веревки, дернул на себя. Риа вскрикнула вновь: веревка ободрала ей костяшки пальцев и выдрала один ноготь. Джонас ее крика и не услышал. Душа его пела и плясала. Впервые он забыл о своей работе, долге, окружающем мире, шести тысячах опасностей, подстерегающих его каждый день. Шар у него, у него! *Клянусь могилами всех богов, он мой*, подумал Джонас. *Мой, и это главное.*

Каким-то чудом ему удалось сдержаться, он не растянул веревку и не заглянул в мешок, как лошадь лезет в торбу с овсом. Вместо этого он двойным узлом завязал веревку на роге передней луки седла. Глубоко вдохнул, медленно выдохнул. Успокоился. Чуть-чуть.

— Рой.

— Да, Джонас.

Хорошо бы поскорее выбраться отсюда, подумал Джонас, и уже не в первый раз. Убраться от этих мужланов. Как же они ему надоели.

— Рой, на этот раз мы будем считать до десяти. Если к этому времени она не сгинет с моих глаз, я разрешаю тебе отстрелить ей задницу. А теперь давай посмотрим, как ты умеешь считать. Я буду слушать внимательно, так что, пожалуйста, ничего не пропускай!

— Один, — радостно воскликнул Дипейп. — Два. Три. Четыре.

Выплывая проклятия, Риа схватила лежащие в возке вожжи и огрела ими пони. Тот прижал уши к голове и так рванул возок, что Риа повалилась на спину. Тощие ноги в черных сапогах и разноцветных чулках задрались вверх. Ковбои захохотали. Рассмеялся и Джонас. Забавное зрелище, это точно. Риа на спине, молотящая по воздуху костлявыми ногами.

— *П-п-пять*, — Дипейп так зашелся смехом, что начал заикаться. — *Ш-ш-шесть*.

Риа вновь села, с достоинством дохлой рыбы оглядела хохочущие рожи.

— *Я проклиная вас всех!* — взвизгнула она. Смех стих, хотя возок уже катил прочь. — *Каждого из вас! Тебя... и тебя... и тебя!* — Ее

скрюченный палец уперся в Джонаса. — *Вор! Жалкий вор!*

Как будто он был твоим, мысленно изумился Джонас (хотя слово *Мой* первым вспыхнуло у него в мозгу, как только магический кристалл перешел в его руки). *Как будто такое чудо может принадлежать деревенской ведьме, читающей будущее по петушиным внутренностям.*

Возок все дальше удалялся от них. Крики Риа подстегивали пони почище любого хлыста. И хотя черный возок быстро растворился в зелени Плохой Травы, они еще долго слышали вопли и проклятия Риа, обещавшие им смерть под Демонической Луной.

15

— Отправляйся, — приказал Джонас Клею Рейнолдсу. — Бери с собой нашего Солнечного Лучика. Если по дороге захочешь остановиться и попробовать, какая она на вкус, что ж, не стесняйся. — Он искоса глянул на Сюзан, хотелось посмотреть, какой эффект произведут эти слова, но его ждало разочарование: глаза Сюзан затуманились, словно удар Ренфрю лишил ее разума, во всяком случае, временно. — Главное... чтобы в конце концов она попала к Корал.

— Попадет, — заверил его Рейнолдс. — И что мне передать сэй Торин?

— Скажи, чтобы держала эту девку под замком, пока я не дам о себе знать. И... почему бы тебе не остаться с ней, Клей? Я хочу сказать... к завтрашнему дню, я думаю, у нас уже не будет повода для волнений, но Корал... поезжай вместе с ней в Ритзи. Будешь ее эскортом, хорошо?

Рейнолдс кивнул. Кто бы возражал? Дом-на-Набережной, конечно, хорошо, но Ритзи куда лучше. И он действительно может попробовать девчонку, когда доберется до дворца мэра, но не раньше. Не под этой жуткой, висящей и на дневном небе Демонической Луной.

— Тогда отправляйся. Не теряй времени.

Рейнолдс повел Сюзан через поляну, под углом к тому участку Плохой Травы, за которым скрылась Риа. Сюзан ехала молча, уставившись на свои связанные руки. Джонас повернулся к оставшимся.

— Эти трое парней из Привходящего мира сбежали из тюрьмы, в чем им помогла эта сучка. — Он указал на удаляющуюся Сюзан.

Среди ковбоев пробежал гневный шепоток. Они знали, что Уилл Диаборн и его друзья сбежали, а вот о том, что им помогала сэй Дельгадо, слышали впервые... и, если бы Рейнолдс уже не увел ее с собой,

возможно, минутой позже ему бы это не удалось.

— Хватит об этом! — прокричал Джонас, и взгляды ковбоев вновь сосредоточились на нем. Он же чуть наклонился вперед и погладил обтянутый мешковиной шар. Одного прикосновения хватило, чтобы ощутить собственное всесилие. Да, с шаром он справится с кем угодно, даже если одну руку ему привяжут к спине.

— Хватит о ней, хватит о них! — Взгляд его перебегал от Ленджилла к Уэртнеру, к Кройдону, к Брайану Хуки, к Рою Дипейпу. — Нас почти сорок человек. У Скалы Висельников еще сто пятьдесят. Их — трое, и ни одному еще не стукнуло шестнадцать. Вы боитесь трех мальчишек?

— *Нет!* — прокричали они.

— Если мы наткнемся на них, дорогие мои, что мы сделаем?

— *УБЬЕМ ИХ!* — прогремело в ответ, и испуганные вороны взлетели к небу, громким карканьем выражая свое неудовольствие.

Джонас остался доволен. Рука его все еще ласкала магический кристалл, он чувствовал, как в него вливается сила. *Розовая сила*, подумал он и усмехнулся.

— Поехали, парни. Я хочу, чтобы эти цистерны оказались в лесах за каньоном Молнии до того, как дома запалят ярмарочный костер.

Шими, спрятавшийся в Плохой Траве у самой поляны, едва не попал под колеса черного возка Риа. Вопящая ведьма проскочила так близко от него, что он почувствовал запах ее немытой кожи и грязных волос. Если бы она посмотрела вниз, то обязательно заметила бы его и превратила в птицу, ушастика-путаника, а то и комара.

Юноша видел, как Джонас передал Сюзан другому Охотнику за гробами, в плаще, и двинулся вдоль поляны. Он слышал, как Джонас обратился к мужчинам (многих из них Шими знал и стыдился того, что столько ковбоев Меджиса подчиняются приказам плохого Охотника за гробами), но сами слова пролетели мимо его ушей. Шими замер, когда они запрыгнули в седла, боясь, что они двинутся на него, но они поехали в противоположном направлении, на запад. Поляна опустела... да только не совсем. На ней остался Капризный. Веревка, на которой его привели, тянулась следом за ним по примятой траве. Капи посмотрел вслед отъезжающим всадникам, заржал, как бы говоря, что они могут отправляться к дьяволу, повернул голову и поймал взгляд Шими, который

все еще прятался меж высоких стеблей Плохой Травы. Мул дернул ушами, попытался ухватить губами траву. Потом словно вспомнил, что она Плохая, поднял голову и снова заржал, глядя на Шими, как бы говоря, что происшедшее с ним — его вина.

Шими задумчиво смотрел на Капризного, размышляя о том, что ехать на муле куда легче, чем идти. Да, конечно... но мул вновь подал голос, и Шими отказался от этой мысли. Капи мог заржать в самый неподходящий момент и привлечь внимание мужчины, который увез с собой Сюзан.

— Думаю, ты сам найдешь дорогу домой, — сказал Шими мулу. — Пока, приятель. Пока, старина Капи. Еще увидимся на тропе.

Он нашел тропинку, проложенную лошадьми Сюзан и Рейнолдса, и затрусил по ней.

17

— Они снова идут, — объявил Ален за секунду до того, как и Роланд почувствовал их присутствие — у него в голове словно сверкнула розовая молния. — Всем кагалом.

Роланд посмотрел на Катберта. Тот ответил взглядом, в котором напрочь отсутствовала привычная ему смешинка.

— Многое зависит от тебя. — Роланд коснулся рогатки. — И от нее.

— Я знаю.

— Что у тебя в арсенале?

— Почти четыре дюжины стальных шариков. — Берт поднял мешочек из плотной ткани, в котором в более спокойные времена его отец держал табак. — Плюс петарды в седельных сумках.

— Сколько больших?

— Достаточно, Роланд, — ответил Катберт без тени улыбки. Смех ушел из его глаз, сразу ставших глазами хладнокровного убийцы. — Достаточно.

Роланд пробежался рукой по пончо, давая ладони привыкнуть к грубой материи. Посмотрел на Алена, вновь на Катберта, вновь говоря себе, что все получится, да, получится, если они сохраняют хладнокровие и не будут думать о том, что их всего лишь трое против сорока или пятидесяти.

— Те, кто сейчас у Скалы Висельников, услышат выстрелы, не так ли? — спросил Ален.

Роланд кивнул.

— Ветер дует от нас к ним, так что в этом нет никаких сомнений.

— Значит, нам придется действовать быстро.

— Времени терять не будем, — кивнул Роланд, подумав о том, как он стоял на дворе, притаившись в разросшейся спутанной живой изгороди за Большим залом, на руке его сидел сокол Давид, а по спине от ужаса тек пот. *Думаю, ты умрешь сегодня*, сказал он тогда соколу, и не ошибся. Но сам он выжил, выдержал испытание и вышел по восточному коридору. Сегодня испытание предстояло Катберту и Алену, не в Гилеаде, в традиционном месте за Большим залом, где мальчики доказывают свое право зваться мужчинами, а в Меджисе, на границе Плохой Травы, в пустыне, в каньоне. В каньоне Молнии.

— Докажи, что ты мужчина, или умри. — Ален словно читал мысли стрелка. — Вопрос ставится так?

— Да. В конце концов вопрос всегда ставится так. Когда, думаешь, они доберутся сюда?

— Не раньше чем через час. А скорее через два.

— Они знают, что мы их поджидаем?

Ален кивнул:

— Думаю, да.

— Это плохо, — подал голос Катберт.

— Джонас боится, что мы нападём на них в траве, — заметил Роланд. — Может, подожжем траву вокруг его отряда. Они утратят бдительность, как только выедут на открытое место.

— Ты на это надеешься? — спросил Катберт.

Роланд кивнул:

— Да. Надеюсь.

Поначалу Рейнолдс ехал легкой рысцой, но через полчаса после расставания с Джонасом пустил лошадь галопом. Пилон мчался рядом. Сюзан держалась руками за рог передней луки, ее волосы разметало ветром. Думала она о том, как выглядит сейчас ее лицо. Скулы раздулись, глаза затекли. Даже от ветра саднило кожу.

Уже на Спуске Рейнолдс остановился, чтобы дать лошадям передохнуть. Спрыгнул на землю, повернулся спиной к девушке, справил малую нужду. Сюзан в это время оглядела Спуск. Увидела громадный табун, теперь мирно жующий травку. Ковбои куда-то подевались. Хоть это они сделали, подумала Сюзан. Мало, конечно, но хоть что-то.

— Не хочешь облегчиться? — спросил Рейнолдс. — Если хочешь, помогу тебе снять штаны, но только не говори «нет» сейчас, чтобы потом просить об остановке.

— А ведь ты боишься. Большой храбрый регулятор, и боишься, не так ли? Да, боишься, пусть и вытатуировал гроб на руке.

Рейнолдс попытался изобразить презрительную улыбку. Но в это утро она никак не вязалась с его лицом.

— Не отбирай хлеб у предсказателей судьбы, мисси. Они с этим справятся лучше. Так будешь облегчаться или нет?

— Нет. И ты боишься. Чего?

Рейнолдс, а предчувствие беды не покинуло его после расставания с Джонасом, хотя он очень на это надеялся, обнажил в злобной усмешке желтые от табака зубы.

— Если не можешь сказать ничего путного, лучше молчи.

— Почему бы тебе не отпустить меня? Может, мои друзья поступят так же и с тобой, когда догонят нас.

На этот раз Рейнолдс рассмеялся искренне. Запрыгнул в седло, сплюнул. Над головой Демоническая Луна превратилась в бледный круг.

— Мечтать не вредно, мисси-сэй. За мечты денег не берут. Но этих троих ты уже никогда не увидишь. Им прямая дорога к червям, будь уверена. Поехали.

И они поскакали дальше.

В ночь на праздник Жатвы Корделия совсем не ложилась. Сидела в кресле в гостиной, и хотя вязанье лежало у нее на коленях, она не провязала ни единой петли. Вот и теперь, около десяти утра, она все сидела в том же кресле, уставившись в никуда. А куда, собственно, она могла смотреть. Все рухнуло, разбилось на мелкие осколки. Надежды получить деньги, которые Торин мог дать Сюзан и ее ребенку, отписать в завещании, мечты занять достойное положение в обществе, планы на будущее. Все порушили двое неблагодарных молодых людей, которым так уж не терпелось скинуть штаны.

Она сидела в старом кресле, с вязаньем на коленях, с пеплом, которым, как клеймом, пометила Сюзан ее щеку, и думала: *Наступит день, когда меня найдут мертвой в этом кресле... старую, больную, забытую. Неблагодарная девчонка! Так поступить после всего того, что я для нее*

сделала!

Тут до нее донеслось слабое скрежетание по стеклу. Она понятия не имела, сколько прошло времени, прежде чем ее сознание зарегистрировало этот звук, но, как только это произошло, отложила вязанье и поднялась, чтобы посмотреть, кто же это скребется. Возможно, птица. Или дети с их обычными шутками на Жатву. Им-то нет никакого дела до того, что мир рухнул. Кто бы там ни был, она сейчас всех прогонит.

Сначала Корделия ничего не увидела. А когда уже собралась отойти от окна, заметила в углу двора возок и пони. Вид возка встревожил ее — черный, с непонятными золотыми символами. А пони стоял, низко опустив голову. Его, похоже, загнали до изнеможения.

Она еще хмурилась, гадая, как попали к ней на двор возок и пони, когда перед ее носом в воздухе появилась грязная скрюченная рука и ногти заскребли по стеклу. Корделия ахнула, прижала руки к груди, из которой едва не выпрыгнуло сердце. Она отступила на шаг, отчаянно вскрикнула, задев бедром плиту.

Длинные грязные ногти еще дважды прошли по стеклу, потом исчезли.

Корделия постояла в нерешительности, потом направилась к двери, по пути остановившись у поленницы и подхватив увесистую металлическую лопатку, которой доставала из печи золу. Распахнула дверь, подошла к углу, глубоко вдохнула и обогнула угол, одновременно поднимая лопатку.

— Убейся, кто бы ты ни был. Убейся, а не то...

Слова застыли у нее в горле: она увидела невероятно старую женщину, ползущую, именно ползущую к ней через прихваченную морозцем цветочную клумбу. Седые спутанные волосы старой карги (те, что еще остались) падали ей на лицо. Щеки и лоб усеивали язвы. Губы потрескались, кровь забрызгала острый, в бородавках, подбородок. Уголки глаз заплыли гноем, а дыхание со свистом вырывалось из груди.

— Добрая женщина, помоги мне, — прохрипела старуха. — Помоги мне, если сможешь, а не то я умру.

Рука, державшая лопатку, опустилась. Корделия не верила своим глазам.

— Риа? — прошептала она. — Ты — Риа?

— Ага, — прошептала Риа, таща свое тело по замерзшим василькам, упираясь руками в холодную землю. — Помоги мне.

Корделия отступила на шаг, ее импровизированная дубинка теперь болталась у колена.

— Нет, я... я не пущу тебя в дом... Я очень сожалею, что ты в таком

состоянии, но... но у меня репутация, мои... мои соседи не спускают с меня глаз, не спускают...

При этих словах она посмотрела на Главную улицу, словно ожидая, что у ее ворот уже собралась толпа зевак, с жадным интересом наблюдающих за тем, что происходит у нее на дворе, обменивающихся впечатлениями, каждым словом извращающих истину, но никого не увидела. Хэмбри замер, тротуары и мостовые пустовали. В ярмарочный день такое на ее памяти случалось впервые. Корделия посмотрела на существо, что ползло к ней по замерзшим цветам.

— Твоя племянница... это сделала, — прошептало существо. — Все это... ее вина...

Корделия выронила лопатку. Лопатка стукнула ей по щиколотке, но она этого не заметила. Пальцы ее сжались в кулаки.

— Помоги мне, — шептала Риа. — Я знаю... где она... мы... у нас есть дело... у нас двоих... женское... дело...

Какое-то мгновение Корделия еще колебалась, а потом подошла к старухе, наклонилась над ней, ухватила за нее, подняла. Корделию чуть не вытошнило от идущего от старухи запаха — запаха гниющей плоти.

Костлявые пальцы Риа гладили щеку Корделии и ее шею, пока она тащила ведьму в дом. По коже Корделии бежали мурашки, но она не отпрянула от Риа, пока та не плюхнулась на кухне на стул, жадно хватая ртом воздух и громко пукнув.

— Слушай меня, — прошипела Риа.

— Слушаю. — Корделия подтянула другой стул, села рядом.

Возможно, ведьма была при смерти, но, как только ее взгляд падал на человека, его воля разом подавлялась. Пальцы Риа нырнули за пазуху грязного платья, вытащили серебряный амулет и быстро-быстро задвигали им. Корделию, которая всю ночь не сомкнула глаз, потянуло в сон.

— Других нам не достать, — продолжала Риа, — и шар ускользнул из моих рук. Но она!.. Ее отвезли во дворец мэра, и, быть может, мы сможем разобраться с ней... да, это мы сможем.

— Ты ни с чем не сможешь разобраться, — ответила ей Корделия. — Ты умираешь.

Риа выплюнула смешок и струйку желтой слюны.

— Умираю? Нет. Немного устала и должна подкрепиться. Теперь слушай меня, Корделия, дочь Хайрема и сестра Пата!

Худая, высохшая (но на удивление сильная) рука обвилась вокруг шеи Корделии и притянула ее ближе. Одновременно ведьма подняла вторую руку, и серебряный медальон заходил взад-вперед перед широко

раскрытыми глазами Корделии. Ведьма что-то зашептала, и вскоре Корделия начала согласно кивать головой.

— Тогда сделай все это. — Старуха отпустила ее. Откинувшись на спинку стула. — Такой, как сейчас, мне долго не протянуть. Мне нужно немного времени. Чтобы прийти в себя.

Корделия встала, подошла к разделочному столику, на котором стояла деревянная колода с воткнутыми в нее двумя острыми ножами. Вытащила один и вернулась к столу. Ее пустые глаза смотрели в никуда, как у Сюзан, когда она и Риа стояли на крыльце ведьминой хижины, залитые светом Целующейся Луны.

— Ты же хочешь воздать ей по заслугам? — спросила Риа. — Потому-то я и пришла к тебе.

— Мисс Юная Красавица, — едва слышно пробормотала Корделия. Поднесла руку, что не держала нож, к лицу, коснулась вымазанной пеплом щеки. — Да. Я хочу воздать ей по заслугам, и воздам.

— Ты жаждешь ее смерти?

— Да. Она или я.

— Не волнуйся, умрет она. А теперь накорми меня, Корделия. Дай то, что мне нужно!

Корделия расстегнула пуговицы платья, стянула его вниз, обнажив маленькую грудь и начавший толстеть живот. Однако она еще сохранила некое подобие талии и именно туда направила нож, разрезав рубашку и тело. Белая материя вдоль разреза сразу окрасилась красным.

— Да, — прошептала Риа. — Как розы. Часто, они мне снились, розы в цвету, и что-то черное между ними на краю мира. Подойди ближе! — Она обняла Корделию за поясницу, подтягивая ее к себе. Подняла глаза на лицо Корделии, облизала губы. — Хорошо. Очень хорошо.

Корделия стояла, тупо уставившись в стену, а Риа с Кооса наклонилась к красному разрезу и начала пить.

Роланд было обрадовался, пока плотная группа всадников все ближе подходила к тому месту, где он, Катберт и Ален затаились в Плохой Траве. А потом его охватил страх. Одно дело, если отряд проследует рядом, а если выйдет прямо на них? Тогда они все умрут, как кроты, перерезанные лезвием плуга.

Но *ка* завела их так далеко не для того, чтобы они приняли столь

нелепую смерть. Заросли Плохой Травы простирались на мили. Поэтому не мог отряд Джонаса попасть именно на тот единственный пяточок, где стояли Роланд и его друзья. Однако они приближались, топот копыт и голоса людей слышались все отчетливее.

Ален тревожно взглянул на Роланда, рукой указал, что им надо переместиться левее. Роланд покачал головой, ткнул пальцем в землю: будем стоять на месте, переходить на другое место поздно, нас могут услышать.

Роланд вытащил револьверы.

Катберт и Ален последовали его примеру.

В результате плуг разминулся с кротами на шестьдесят футов. Юноши видели мелькавших в высокой траве лошадей и всадников. Роланд без труда разглядел, что возглавляют отряд едущие рядом Джонас, Дипейп и Ленджилл. За ними проследовало не меньше трех дюжин всадников, практически все в красно-зеленых пончо. Они растянулись в длинную колонну, и Роланд подумал, что на открытой местности колонна эта растянется еще больше, облегчая им задачу.

Пока последний всадник не выехал из Плохой Травы, юноши ждали, зажимая морды своим лошадям на случай, если одна из них захочет поприветствовать проезжающих мимо собратьев. Когда в Плохой Траве они остались втроем, Роланд повернулся к друзьям:

— На коней. Жатва начинается.

21

Не покидая высокой травы, они добрались до того места, где отряд Джонаса вырвался в пустыню.

Ветер выл по-прежнему, поднимая тучи пыли к безоблачному темно-синему небу. Демоническая Луна покатила к горизонту, похожая на затянутый бельмом глаз. В двухстах ярдах впереди маячили спины трех всадников, замыкающих отряд, с нахлобученными на головы сомбреро. Пончо раздувало ветром. Ветер прижимал всадников к передней луке седла.

Юноши построились в ряд, с Катбертом посередине. Берт уже держал рогатку в руке. Шесть стальных шариков он дал Алену, шесть — Роланду. Потом вопросительно поднял брови. Роланд кивнул, и они поскакали.

Пыль пролетала мимо, иногда полностью скрывая арьергард отряда Джонаса, иногда окутывая их густым туманом, но расстояние между

последними всадниками и юношами неуклонно сокращалось. Роланд весь напрягся, ежесекундно ожидая, что кто-нибудь из всадников обернется и увидит их. Но никто не обернулся — кому охота подставлять лицо под режущий пылью ветер. Не мог предупредить их и звук: топот копыт при таком ветре далеко не разносился.

Когда от последних всадников их отделяло лишь двадцать ярдов, Катберт кивнул: они вышли на убойную позицию. Ален протянул ему шарик. Берт бросил его в чашечку рогатки, натянул резинку, дождался, пока ветер чуть стихнет, разжал пальцы, сжимавшие шарик. Крайний слева всадник дернулся, словно его ужалила пчела, приподнял руку и упал на шею коня. Невероятно, но двое его *companeros*^[53] ничего не заметили. Роланду показалось, что скакавший справа вроде бы начал поворачивать голову, когда Берт выстрелил вновь, и всадник, ехавший посередине, также ткнулся головой в шею лошади. Лошадь от неожиданности поднялась на дыбы. Всадник мешком повалился назад, сомбреро свалилось у него с головы. Роланду показалось, что он услышал хруст ломающейся ноги, зацепившейся за стремя.

Третий всадник начал-таки поворачиваться. Роланд увидел бородатое лицо, свисающую из уголка рта незажженную, из-за ветра, сигарету, изумленный глаз... и тут же Катберт выстрелил в третий раз. На месте изумленного глаза образовалось красное пятно. Всадник соскользнул с седла, попытался схватиться за рог передней луки, но не дотянулся до него.

Тремя меньше, подумал Роланд.

И ударом ноги пустил Быстрого в галоп. Не отставали и остальные: все трое нырнули в пыль. Лошади убитых бросились к югу, что не могло не порадовать юношей. Лошади без всадников в Меджисе никого не удивляли, но заседланные лошади...

Они вновь нагоняли отряд: один всадник, перед ним еще двое, потом опять один.

Роланд выхватил нож, поравнялся с всадником, который, не зная того, замыкал колонну.

— Какие новости? — как бы мимоходом спросил он, а когда мужчина повернулся, вонзил нож ему в грудь. Карие глаза ковбоя поверх банданы, закрывающей рот и нос, широко раскрылись, и он обмяк, вывалившись из седла.

Катберт и Ален проскочили мимо Роланда, и Берт, на полном скаку, еще двумя шариками уложил двоих. Мужчина, что был впереди, что-то услышал, несмотря на ветер, оглянулся. Ален, уже выхвативший нож, метнул его. Со всей силы, с полного замаха, как их и учили. Несмотря на

достаточно большое расстояние (двадцать футов) и ветер, он не промахнулся. Нож по самую рукоятку вонзился в бандану мужчины. Ковбой попытался его вытащить, в горле у него что-то заклокотало, и он сошел с тропы в пустошь.

Уже семь.

Как в истории о сапожнике и семи мухах, подумал Роланд. Когда он догнал Катберта и Алена, сердце его билось медленно и гулко. Ветер ревел. Песок поднимался, кружился, падал на землю. Впереди замаячили спины еще троих всадников, за ними угадывался основной отряд.

Роланд указал на приближающуюся троицу, симитировал выстрел из рогатки, указал на остальных и симитировал выстрел из револьвера. Катберт и Алэн кивнули. Вновь они скакали в ряд, на расстоянии вытянутой руки.

22

Двоих Берт снял чисто, а вот третий дернул головой в неудачный момент, так что стальной шарик, нацеленный ему в затылок, снес только мочку. К тому времени Роланд уже достал револьвер и послал пулю в висок мужчины. То есть они уложили десятерых, четверть отряда Джонаса, до того, как кто-либо почувствовал опасность. Роланд понятия не имел, достаточно ли это для окончательной победы, но знал, что первый этап они завершили успешно. Теперь они не могли прятаться, им оставалось только одно — убивать.

— *Хайл! Хайл!* — во всю мощь проорал он. — *Ко мне, стрелки! Ко мне! Втопчите их в землю! Пленных не брать!*

Они набросились на отряд Джонаса, в первом своем бою, словно волки на стадо овец, осыпав их пулями, прежде чем ехавшие бедолаги сообразили, что творится у них за спиной. Троих юношей с детских лет готовили в стрелки, и недостаток опыта они компенсировали острым взглядом и быстротой реакции, свойственными молодости. Под их револьверами участок пустыни к востоку от Скалы Висельников превратился в поляну смерти.

С громкими криками они взрезали застигнутый врасплох отряд, словно трехлезвийный нож. Не каждый выстрел убивал, но и ни один не пропадал зря. Мужчины вылетали из седел, цепляясь сапогами за стремяна, и лошади тащили их за собой. Других мужчин, и убитых, и раненых, топтали копыта мечущихся в панике коней.

Роланд скакал, стреляя из двух револьверов сразу, зажав поводья в зубах, чтобы они не упали вниз и не запутали ноги Быстрого. Под его выстрелами двое мужчин повалились на землю слева от него, еще двое — справа. Брайан Хуки, оказавшийся перед ним, обернулся, его бородатое лицо вытянулось от изумления. На его груди болтался, позвякивая, амулет-колокольчик. Он выхватил из чехла ружье и уже приставил приклад к плечу, когда пуля Роланда разнесла и колокольчик, и находившееся за ним сердце. Хуки вышибло из седла. На землю упал уже труп.

Катберт поравнялся с Роландом, по его правую руку. Его выстрелы оборвали жизнь двоим ковбоям. Он яростно улыбнулся, посмотрев на Роланда.

— Эл прав! — крикнул он. — *Револьверы действительно большого калибра!*

Пальцы Роланда знали свое дело: Быстрый летел галопом, а они с невероятной скоростью перезаряжали револьверы, вставляя патроны в пустые гнезда. И вновь загрели выстрелы. Они разметали весь отряд, убивая тех, кто оказывался впереди, справа, слева. Ален пристроился сзади, прикрывая Роланда и Катберта со спины.

Роланд уже видел Джонаса, Дипейпа и Ленджилла, разворачивающих лошадей, чтобы встретить атакующих лицом к лицу. Ленджилл пытался ухватить ручной пулемет, но ляпка зацепилась за широкий воротник его бушлата, и всякий раз, когда он протягивал руку, приклад оказывался вне пределов досягаемости. Рот Ленджилла под густыми, обильно тронутыми сединой усами, перекосило от ярости.

Теперь от этой троицы Роланда и Катберта отделял только один человек, Хэш Ренфрю, с громадным пятизарядным револьвером.

— Да проклянут вас боги! — крикнул Ренфрю. — Ах вы поганные членососы! — Он бросил поводья, для устойчивости положил ствол револьвера на сгиб локтя. Ветер, завывая, окатил его песком.

Роланд даже не подумал о том, чтобы притормозить, метнуться в одну или другую сторону. В голове у него вообще не было никаких мыслей. Там неистово пылал огонь битвы. С рвущимся сквозь зажатые в зубах поводья криком Роланд мчался на Хэша Ренфрю и трех мужчин за его спиной.

Джонас окончательно понял, что происходит, лишь услышав крики Уилла Диаборна:

(Хайл! Ко мне! Пленных не брать!)

боевой клич, которым испокон веку подбадривали себя стрелки. Все сразу встало на свои места, доносящиеся сзади выстрелы уже не вызывали удивления. Он развернул коня, уголком глаза увидел, что Рой повторяет его маневр, но куда больше, чем действия Роя, его волновал магический кристалл, такой могучий и такой хрупкий, мешок с которым болтался взад-вперед у шеи лошади.

— *Это же мальчишки!* — воскликнул Рой. От изумления его физиономия стала еще глупее.

— *Диаборн, мерзавец!* — прохрипел Хэш Ренфрю, его револьвер выстрелил.

Джонас увидел, как с головы Диаборна сорвало сомбреро. А потом мальчишка начал стрелять, и Джонасу за всю жизнь не доводилось видеть лучшего стрелка. Ренфрю приподняло над седлом и отбросило назад, но он не выпустил из руки револьвера и еще дважды выстрелил в синее небо, прежде чем мертвым шмякнуться оземь.

Ленджилл более не пытался сдернуть с плеча ручной пулемет. Лишь таратился на летящего на него, окутанного пылью всадника.

— Назад! — крикнул он. — Именем Ассоциации конезаводчиков приказываю тебе...

Черная дыра появилась в центре его лба, чуть повыше того места, где сходились брови. Руки взлетели вверх, с растопыренными пальцами, словно он решил сдаться. Так он и умер.

— Сукин сын, гребаный сукин сын! — заверещал Дипейп. Попытался вытащить револьвер, но он зацепился за пончо. Попыток этих Дипейп не оставлял и в тот момент, когда пуля из револьвера Роланда разворотила ему рот до самого адамова яблока.

Как такое могло случиться, в изумлении думал Джонас. Нас слишком много.

Но случилось. Мальчишки из Привходящего мира с блеском использовали эффект внезапности, провели классический маневр, описанный во всех учебниках: именно так рекомендовалось действовать стрелкам в том случае, когда противник значительно превосходил их в численности. И джонасовская коалиция ранчеров, ковбоев и крепких парней рассыпалась как карточный домик. Те, кто не умер, улепетывали во всех направлениях, словно за ними гналась сотня дьяволов, вырвавшихся из ада. Гналась не сотня, и не дьяволов, но нападавшие *сражались*, как добрая сотня этих исчадий ада. Везде в пыли валялись трупы, и Джонас увидел, как один из мальчишек, прикрывающий остальных с тыла,

Стокуорт, налетел на ковбоя, ударом кулака выбил из седла и прострелил ему голову, пока тот падал. *О боги, подумал Джонас. Да ведь это же Кройдон, владелец ранчо «Пиано»!*

Да только теперь он уже ничем не владел.

А Диаборн уже летел на Джонаса, потрясая револьверами.

Джонас схватился за веревку мешка, завязанную на роге передней луки, в мгновение ока развязал ее, поднял мешок, оскалив зубы, его седые волосы развевались на ветру.

— *Подойди ближе, и я разобью его! Я серьезно, паршивый щенок! Не смей приближаться!*

Роланд не придержал лошадь, даже не задумался над словами Джонаса. Вспоминая потом случившееся, он пришел к выводу, что в тот момент думали за него руки. Вообще воспоминания были какие-то смутные, словно видения в потускневшем зеркале или в колдовском магическом кристалле.

Боги, это он, подумал Джонас. Сам Артур Эльдский пришел, чтобы лишить меня жизни!

И когда дуло револьвера Роланда глянуло на него, огромное, как шахтный тоннель, Джонасу вспомнились слова, которые этот молокосос бросил ему во дворе сгоревшего ранчо: *Душа такого человека, как ты, не может покинуть запад.*

Я знал, думал Джонас. Даже тогда я знал, что дело идет к этому. Но, конечно, он не рискнет шаром. В этом ка-тете он главный, и он не рискнет...

Ко мне! — закричал Джонас. — *Их только трое. Ко мне, трусы!*

Но он остался один. Ленджилл лежал на боку, рядом со своим идиотским пулеметом, невидящие глаза Роя смотрели в синее небо, Куинт ускакал, Хуки погиб, ранчеры и ковбои, что были с ним, полегли, как скошенная трава. Только на Клея он мог бы рассчитывать, да только в этот критический момент тот находился совсем в другом месте.

— *Я его разобью!* — прокричал он неотвратимо надвигающемуся на него мальчишке с холодными, как смерть, глазами. — *Клянусь всеми богами, я его...*

Роланд взвел курок револьвера и выстрелил. Пуля пробила центр татуированной руки, что держала веревку, и ладонь исчезла, оставив только пальцы, торчащие в разные стороны из кровавого месива. На мгновение Роланд увидел вытатуированный гроб, потом его залила хлынувшая кровь.

Мешок полетел вниз. Но в тот момент, когда Быстрый врезался в коня Джонаса и отбросил его в сторону, Роланд мягко подхватил мешок на

согнутую руку. Джонас, видя, что лишился бесценного магического кристалла, издал яростный крик, схватил Роланда за плечо и едва не вытащил из седла. Кровь Джонаса горячим дождем окропила лицо стрелка.

— *Отдай его, негодяй!* — вторая, здоровая рука Джонаса нырнула под пончо, выхватила револьвер. — *Отдай, он мой!*

— Уже нет, — ответил Роланд.

Быстрый развернулся, удивительно быстро и грациозно для такого крупного животного, и Роланд дважды выстрелил Джонасу в лицо. Лошадь Джонаса встала на дыбы и сбросила седоволосого на землю. Он упал на спину, его руки и ноги дернулись и застыли.

Роланд перекинул мешок через плечо и поскакал к Катберту и Алену, готовый прийти на помощь... которая, однако, не потребовалась. Бок о бок они сидели на лошадях, широко раскрытыми глазами оглядывая усеянную трупами землю, глазами юношей, впервые прошедшими огонь и еще не верящими, что обошлись без ожогов. Ранило только Алена: пуля вспорола ему левую щеку. Рана зажила быстро, но шрам остался до самой смерти. Ален так и не смог вспомнить, кто подстрелил его и когда. Он вообще мало что помнил с того момента, как началась стрельба. То же самое произошло и с Катбертом.

— Роланд. — Катберт дрожащей рукой смахнул пот с лица. — Хайл, стрелок.

— Хайл.

Катберт забрал у Роланда неиспользованные стальные шарики.

— Роланд, мы живы.

— Да.

Ален оглядывался, медленно приходя в себя:

— А куда подевались остальные?

— Мне представляется, не меньше двадцати пяти остались здесь навсегда. — Роланд указал на трупы. — Остальные... — Он махнул рукой, которая все еще сжимала револьвер. — Удрали. Думаю, теперь их на войну и на аркане не затянешь.

Роланд сунул револьвер в кобуру, снял мешок с плеча, поставил на переднюю луку седла, раскрыл. И мгновение спустя в черном зеве мешка вспыхнуло розовое сияние.

Оно поползло по гладким, не знающим бритвы щекам стрелка, заполнило глаза.

— Роланд. — Катберт внезапно занервничал. — Не думаю, что тебе стоит играть с этой штуковиной. Особенно сейчас. Стрельбу наверняка слышали у Скалы Висельников. Если мы хотим закончить то, что начали, у

нас нет времени на...

Роланд пропустил его слова мимо ушей. Сунул обе руки в мешок, вытащил из него магический кристалл. Поднес к глазам, не замечая, что пачкает его кровью Джонаса. Кристалл не возражал. Не в первый раз его метила кровь. Он мерцал и поблескивал, а потом в его розовых глубинах словно разошелся занавес. И Роланд уже не мог оторвать глаз от того, что открылось ему.

Глава десятая

ПОД ДЕМОНИЧЕСКОЙ ЛУНОЙ (II)

1

Пальцы Корал крепко сжимали руку Сюзан, но боли не причиняли, пока она вела девушку по коридорам дворца. Сюзан не пыталась ни протестовать, ни вырываться: не имело смысла. Следом за женщинами шагали два ковбоя, вооруженные ножами и дубинками: все огнестрельное оружие забрали с собой те, кто уехал на запад с Джонасом. А за ковбоями, словно призрак, следовал старший брат убитого канцлера, Ласло. Рейнолдс, у которого желание насладиться прелестями девчонки напрочь отбила растущая тревога, то ли остался во дворе, то ли ускакал в город.

— Я собираюсь посадить тебя в холодную кладовую, пока мы не разберемся, что с тобой делать, — говорила Корал. — Там ты будешь в полной безопасности... и в тепле. Хорошо, что ты надела пончо. Потом... когда Джонас вернется...

— Ты больше никогда не увидишь сэй Джонаса, — прервала ее Сюзан. — Он уже не...

Вновь боль пронзила ее лицо, которому в это утро и так досталось. На мгновение Сюзан показалось, что окружающий мир взорвался. Девушку бросило на стену коридора, перед глазами стоял густой туман, который рассасывался долго и медленно. Она чувствовала кровь, текущую по лицу: ударила ее Корал тыльной стороной ладони, и перстень разорвал кожу. Потекла кровь и из носа. В который уж раз.

Корал холодно взирала на Сюзан, но девушке показалось, что она увидела в ее глазах не только злость. Похоже, и страх.

— Не говори со мной об Элдреде, мисси. Он уехал, чтобы поймать мальчишек, которые убили моего брата. Мальчишек, которых ты вызволила из тюрьмы.

— Перестань. — Сюзан вытерла нос, поморщилась, увидев натекшую в ладонь кровь, вытерла руку о штаны. — Я знаю, кто убил Харта, и ты это знаешь, так что не вешай мне лапшу на уши. — Она наблюдала, как поднимается рука Корал, чтобы ударить вновь, и глухо рассмеялась: — Давай. Изуродуй мне и другую щеку, если тебе того хочется. Но будешь ли ты от этого спать лучше следующей ночью, без мужчины на другой

половине кровати?

Рука Корал резко опустилась. Затрещину она Сюзан не отвесила, но схватила ее за предплечье. На этот раз пальцы сжались куда как сильнее, причиняя боль, но Сюзан этой боли практически не почувствовала. Ее слишком много били в этот день, так что страдания ее уже не пугали. Главное, она знала, что каждая прошедшая минута приближает ее встречу с Роландом, когда боль эта забудется раз и навсегда.

Остаток пути Корал буквально волокла ее по коридору. Они пересекли пустынную кухню (в любой другой день Жатвы работа бы здесь кипела, пар стоял столбом). Корал распахнула обитую железом дверь в дальней стене. Пахнуло картошкой, тыквой, морковью.

— Заходи. И живее, если не хочешь, чтобы я дала тебе хорошего пинка.

Сюзан посмотрела ей в глаза, улыбнулась:

— Я бы прокляла тебя за то, что ты спала с убийцей, сэй Торин, но ты уже сама прокляла себя. И ты это знаешь... это написано на твоем лице, тут сомнений быть не может. Поэтому я лишь поклонюсь тебе... — улыбаясь, она сделала реверанс. — ...и пожелаю доброго дня.

— *Заходи и заткни свою болтливую пасть!* — рывкнула Корал и втолкнула Сюзан в кладовую. Захлопнула дверь, задвинула засов и, сверкая глазами, повернулась к ковбоям, которые все это время молча стояли у нее за спиной.

— Охраняйте ее как положено. Если убежит, пеняйте на себя.

Она протиснулась между ними, не слушая их заверений в том, что никуда пленница не денется, и поднялась в апартаменты своего брата дожидаться Джонаса или известий от Джонаса. Эта сука с превращенным в сплошной синяк лицом, что сидела между мешков с морковью и картошкой, ничего знать не могла, но ее слова

(ты больше никогда не увидишь сэй Джонаса)

не выходили у Корал из головы. Эхом повторялись снова и снова и не выходили.

На колокольне, возвышающейся над городским Залом собраний, пробило полдень. И непривычная тишина вновь воцарилась над Хэмбри. Первая половина дня уступила место второй, но город словно позабыл про праздник Жатвы. Вот и «Приют путников» не бурлил весельем. Более двух

сотен мужчин толпились под стеклянным взглядом Сорви-Головы, пили без продыха, но слышались в зале лишь шарканье ног да нетерпеливый стук стакана о стойку бара, свидетельствующий о том, что кого-то из клиентов замучила жажда.

Шеб попытался пройти по клавишам, заиграл «Буги большой бутылки», мелодию, которая всем всегда нравилась, и тут же ковбой с родимым пятном на щеке приставил ему нож к уху и посоветовал прекратить шуметь, в противном случае пообещав выпустить мозги через барабанную перепонку. Шеб, которому совершенно не хотелось расставаться ни с мозгами, ни с барабанной перепонкой, не заставил просить себя дважды. Тут же поднялся со скамьи и прошел за стойку бара помогать Стенли и Красотуле наполнять стаканы.

Настроение у пьющих ухудшалось с каждым часом. Праздник Жатвы у них украли, это они уже поняли, но не знали, как на это отреагировать. Да, еще будет большой костер, в котором сгорят все пугала, но на поцелуи и танцы рассчитывать не приходилось. Их лишили и конкурса загадок, и скачек, и боя свиней... отняли возможность повеселиться. Они не могли достойно проводить год! Вместо положительных эмоций они получили убийство под покровом ночи и побег преступников. И лишь надежду на месть вместо уверенности в том, что виновные будут наказаны. Толпа в «Приюте путников», все более напоминавшая черную грозовую тучу, готовую разразиться молниями, жаждала, чтобы ей сказали, что надо делать.

Ткнули пальцем в жертву, которую надо бросить в огонь, как во времена Эльда.

И вот в этот самый момент, вскоре после того, как последний удар колокола растаял в холодном воздухе, двери салуна распахнулись, и в зал вошли две женщины. Многие знали старуху, что шла первой, и некоторые из них перекрестили глаза большим пальцем, чтобы отвести от себя ее черный взгляд. То была ведьма с Кооса, и хотя лицо ее покрывали язвы, а глаза запали так глубоко, что едва виднелись в глазницах, она буквально лучилась энергией, губы ее ярко алели, словно она только что наелась зимней вишни.

Вторая женщина двигалась медленно, с трудом переставляя ноги, прижимая руку к боку. Ее лицо цветом не отличалось от мела.

Риа прошествовала через зал, никого не удостоив взглядом, остановилась у стойки, под двухголовым чучелом, повернулась лицом к молчаливым ковбоям и горожанам.

— Большинство из вас меня знает! — проскрипела она. — Кроме тех,

кому никогда не требовался любовный эликсир, порошок, который возвращал силу падающему концу, или капельки, предназначенные для надоевшей тещи. Я — Риа с Кооса, а эта женщина, что стоит рядом со мной, тетя девушки, которая прошлой ночью освободила трех убийц... той самой девушки, что сама убила городского шерифа и хорошего молодого парня... жена которого ждет ребенка. Он стоял перед ней с поднятыми руками, молил сохранить ему жизнь ради жены и еще не рожденного ребенка, но она все равно застрелила его! Жестокая! Жестокая и бессердечная!

Толпа ответила глухим ропотом. Риа вскинула высохшие, скрюченные руки, и в зале воцарилась тишина. Медленно, не опуская рук, она обвела всех взглядом.

— Чужаки приехали, и вы встретили их с распростертыми объятиями! — выкрикнула она все тем же скрипучим голосом. — Встретили с распростертыми объятиями, накормили и обогрели, а они ответили на это черной неблагодарностью! Убили тех, кого вы любили и уважали, сорвали праздник Жатвы, и только боги знают, какие беды обрушатся на нас в следующем году!

Вновь ропот, уже громче. Она ударила по самому больному месту: они действительно боялись, что зло этого года перекинется на следующий, возможно, даже вновь приведет к мутациям скота, о чем на Внешней Дуге уже начали забывать.

— Но они уехали и скорее всего не вернутся! — продолжала Риа. — Может, оно и к лучшему — зачем пятнать нашу землю их чужеродной кровью? Но осталась одна... выросшая среди нас... женщина, предавшая город и убившая его сынов.

Голос упал до шепота, и слушатели подались к ведьме, чтобы не пропустить ни одного слова. Лица еще более посуровели, глаза превратились в щелочки. Тут Риа вытолкнула вперед бледную, худосочную женщину в черном платье. Поставила ее перед собой, как куклу, зашептала ей на ухо... но шепот этот каким-то образом слышали все.

— Давай, милая. Скажи им то, что говорила мне.

И Корделия заговорила, безжизненным, механическим голосом:

— Она сказала, что не будет наложницей мэра. Он для нее нехорош, сказала она. И потом соблазнила Уилла Диаборна. Ценой ее тела стало достойное положение в Гилеаде, куда она приехала бы вместе с ним... и убийство Харта Ториана. Диаборн заплатил назначенную цену. Заплатил с радостью, ибо возжелал ее. Ему помогали друзья. Возможно, они тоже попользовались ею. Вполне возможно. Канцлер Раймер оказался у них на

пути. А может, они решили заодно расправиться и с ним.

— Мерзавцы! — воскликнула Красотуля. — Лживые гаденыши!

— А теперь скажи им, что надо сделать, чтобы очистить новый год от скверны, прежде чем она успела расползтись, — проворковала Риа.

Корделия Дельгадо подняла голову и оглядела мужчин. Глубоко вдохнула, втягивая запахи графа, пива, виски и табака в свои стародевственные легкие.

— Схватите ее. Вы должны ее схватить. Говорю это с любовью и печалью, должна сказать.

Молчание. И скрещенные на Корделии взгляды.

— Выкрасьте ей руки.

Стеклянный взгляд Сорви-Головы, обзирающий битком набитый салун.

— *Гори огнем*, — прошептала Корделия.

Свое согласие они выразили не криком, но вздохом. Словно осенний ветер зашелестел последними листьями на голых ветках.

3

Шими бежал за плохим Охотником за гробами и сэй Сюзан, пока не упал — легкие горели огнем, бок свело судорогой. Он повалился на мягкую траву Спуска с перекошенным от боли лицом.

Какое-то время Шими лежал, вдыхая запах травы, отдавая себе отчет, что с каждой минутой расстояние до них увеличивается, но прекрасно понимая, что бежать, пока не утихнет боль в боку, он не сможет. А попытка подняться прямо сейчас приведет к тому, что боль снова уложит его на траву. Вот он лежал, изредка поднимая голову и глядя вслед удаляющимся плохому Охотнику за гробами и сэй Сюзан, и уже собрался встать, когда Капризный укусил его. Не ткнулся мордой в задницу, отнюдь, прихватил как следует. В последние двадцать четыре часа Капи тоже пришлось несладко, и ему не понравилось, что человек, который и навлек на него все эти несчастья, лежит на земле, отдыхает.

— *У-у-у-у!* — взревел Шими, вскакивая. Укус Капи оказал магическое действие: Шими начисто забыл про все остальное. — Зачем ты это сделал, Капи? — Шими энергично потирал зад, большие слезы боли катились по щекам. — Ужасно больно... сукин ты сын!

Капризный вытянул шею, обнажил зубы в сатанинской улыбке, какая удается только мулам и верблюдам, и заржал. Для Шими ржание это

прозвучало, как смех.

Конец веревки, заменявшей мулу поводья, лежал на траве меж его передних копыт. Когда Шими потянулся к ней, Капи попытался укусить его вновь, но юноша оказался проворнее, крепко врезав по узкой голове мула. Капи фыркнул и мигнул.

— Ты это заслужил, старина Капи. — Шими схватился за веревку. — Из-за тебя мне придется неделю испражняться на корточках. И твоя глупая шутка привела к тому, что мне еще долго не удастся сесть на стул. — Он обмотал веревкой запястье и залез на мула. Капи не попытался его сбросить, но Шими все равно болезненно поморщился, когда его травмированные ягодицы коснулись хребта мула. И все равно мне повезло, подумал Шими, двинув ногами в бока Капи. Да, задница болит, зато не надо идти пешком... или бежать.

— Вперед, глупый! — Капи вновь получил по бокам. — Быстро! Как можно быстрее, сукин ты сын!

За следующий час Шими неоднократно называл Капи сукиным сыном, по поводу и без оного. Проку от этого не было никакого — крейсерскую скорость Капи выбирал по собственному усмотрению.

4

Рейнолдс и Сюзан наискось пересекли Спуск, держа курс на дворец мэра. Добравшись до Дома-на-Набережной, Шими спешил за аркой, ведущей во двор, не зная, что делать дальше. В том, что они приехали сюда, сомнений у него не было: он видел жеребца Сюзан, Пилона, и лошадь плохого Охотника за гробами. Стреноженные, они стояли бок о бок в тени и изредка ржали, вскидывая головы.

Что же делать? Всадники появлялись из-под арки и исчезали за ней, главным образом седоволосые ковбои, слишком старые, чтобы отправиться с Ленджиллом. Никто из них не обращал ни малейшего внимания на недоумка из салуна и его мула. А вот Мигуэль обратил бы, и Шими это знал. Старый музыкант никогда не любил его, держал за вора и, увидев мальчика на побегушках Корал во дворе дворца, незамедлительно шуганул бы его.

Нет, не выгонит, мрачно подумал Шими. Сегодня не выгонит, сегодня я не позволю ему помыкать мной. Я не уйду, даже если он заорет.

Но если старик заорет и поднимет тревогу, что тогда? Плохой Охотник за гробами может прийти и убить его. Шими без колебания пожертвовал бы

собой ради своих друзей, если б его смерть принесла хоть какую-то пользу. А чем он им поможет, умерев на брусчатке двора Дома-на-Набережной?

Вот он и стоял под холодным солнечным светом, переминаясь с ноги на ногу, жалея о том, что ему не хватает ума составить хоть какой-то план действий. Прошел час, два. Время текло медленно, Шими все больше злился на себя. Он чувствовал, что шансы помочь Сюзан уменьшаются с каждой уходящей минутой, но по-прежнему не знал, что ему делать. В какой-то момент он услышал, как на западе гроыхнуло, словно оттуда донесся громовой раскат... хотя откуда взяться грому в ясный осенний день?

Шими уже собрался рискнуть и войти во двор... может, там никого нет, может, он сумеет пробраться в дом незамеченным... когда из конюшен вышел человек, которого он боялся больше всего.

Обвешанный амулетами, очень пьяный, Мигуэль Торрес добрался до середины двора, не по прямой, а выписывая сложную траекторию. Завязки его сомбреро болтались под дряблым подбородком, на штанах темнело мокрое пятно: похоже, он справил малую нужду, забыв о том, что сначала следует доставать «крантик», а уж потом открывать его. В руке он держал маленький керамический кувшин. В глазах стояло недоумение.

— Кто это сделал? — прокричал Мигуэль. Вскинул глаза к предвечернему небу, появившейся на нем, еще бледной, Демонической Луне. И хотя Шими не любил старика, от жалости у него защемило сердце. Нельзя же вот так прямо смотреть на Демоническую Луну, это очень дурной знак. — Кто это сделал? Я прошу, чтобы ты ответил мне, сеньор! Сделай одолжение! — Пауза, яростный крик (Мигуэль споткнулся и едва удержался на ногах). Потом старик вскинул руки, словно собрался кулаками выбить ответ из ухмыляющейся физиономии Демона. Мгновением позже руки бессильно упали, из кувшина выплеснулся самогон, прямо на и так мокрые штаны. — *Maricon*^[54], — пробормотал Мигуэль и побрел к стене (чуть не упал, зацепившись за задние ноги коня плохого Охотника за гробами), уселся на землю, привалился спиной к стене. Жадно хлебнул из кувшина, надвинул сомбреро на глаза. Поставил кувшин на землю, словно рука уже не могла держать его. Шими подождал, пока пальцы Мигуэля на ручке кувшина не разжались, а рука не легла на брусчатку. Он уже двинулся вперед, но вновь остановился. Мигуэль старый, Мигуэль злой, но Шими догадывался, что Мигуэль и очень хитрый. Злобным обычно хитрости не занимать.

И он ждал, пока не услышал храп Мигуэля, а уж потом повел мула во двор, вздрагивая при каждом прикосновении копыт к брусчатке. Мигуэль,

однако, даже не пошевелинулся. Шими привязал мула у самого края коновязи (опять вздрогнул, потому что Капи решил поприветствовать громким ржанием уже привязанных там лошадей), затем быстро направился к парадным дверям, через которые никогда в жизни не входил во дворец. Сжал пальцами кованую железную ручку еще раз посмотрел на старика, похрапывающего у стены, потом открыл дверь и на цыпочках переступил порог.

Постоял в прямоугольнике света, падающего через дверь, ссутулившись, ожидая, что чья-то рука схватит его за шкурку (злые люди не раз так с ним поступали) и сердитый голос грозно спросит, а что, собственно, он тут делает.

Но холл пустотой и тишиной напоминал могильный склеп. На боковой стене висел гобелен: ковбои гнали по спуску табун. К нему кто-то прислонил гитару с порванной струной. Шаги Шими эхом отдавались от стен. Он задрожал всем телом. В плохое он попал место, в дом, где убили людей. А значит, только и жди встречи с призраком.

— Но Сюзан-то здесь. Только где?

Он прошел через двойные двери в дальнем конце холла и очутился в зале приемов. Под высоким потолком его шаги зазвучали более гулко. Давно умершие мэры смотрели на него со стен. Отслеживали его взглядами, негодуя, что он посмел явиться пред их светлые очи. Он понимал, что глаза нарисованные, но...

Один мэр особенно напугал его: рыжеволосый толстяк с бульдожьей челюстью очень уж злобно взирал на него, словно хотел спросить, что делает недоумок из салуна во дворце мэра.

— Прекрати так смотреть на меня, старый сукин сын, — пробормотал Шими, и ему немного полегчало. Во всяком случае, на какое-то время.

Ноги привели его в обеденный зал, тоже пустой, с длинными, сдвинутыми к стене столами. На одном он увидел остатки пищи: тарелку с куриной ножкой и ломтями хлеба, полупустую кружку с элем. Глядя на тарелку и кружку, одиноко стоящие на длинном столе, за который каждый день, не только по праздникам, садились десятки людей, Шими особенно остро осознал значение случившегося. На него навалилась грусть-тоска. Слишком многое изменилось в Хэмбри, к прежнему возврата уже не было.

Эти печальные, очень сложные мысли не помешали Шими наброситься на курицу и хлеб и запить их элем: день у него выдался длинным и трудным.

Он рыгнул, закрыл обеими руками рот, виновато глянул по сторонам, убедился, что никто его не услышал, и проследовал дальше.

Дверь в дальнем конце заперли на задвижку, но не на замок. Шими отодвинул ее, заглянул в коридор, который тянулся вдоль всего дворца. Широкий, как улица, освещенный газовыми канделябрами. Сам коридор пустовал, но Шими слышал голоса, доносящиеся из других комнат, выходящих в коридор, может, даже с других этажей. Он резонно предположил, что голоса эти принадлежат горничным и другим слугам, оказавшимся по каким-то делам в доме, но они очень уж напоминали ему голоса призраков. Может, один принадлежал самому мэру Торину, прогуливавшемуся по коридору как раз перед ним (если бы Шими увидел его... какое счастье, что не увидел!), прогуливающегося и размышляющего о том, что с ним произошло, гадающего, что это за желеобразная масса, вытекшая ему на ночную ру...

Рука ухватила Шими за бицепс, и он едва не закричал.

— Тихо! — прошептал женский голос. — Ради твоего отца!

Шими каким-то чудом удалось сдержать крик. Он обернулся. Перед ним, в джинсах и простой, в клеточку, рубашке, с зачесанными назад волосами, бледным, но решительным лицом, сверкая темными глазами, стояла вдова мэра.

— С-с-сэй Торин... я... я... я...

Больше он ничего сказать не смог. *Сейчас она вызовет стражу, если в дворце остались стражники*, подумал Шими. *Может, оно и к лучшему.*

— Ты пришел за девушкой? За Сюзан Дельгадо?

В горе Олив, как ни странно, похорошела. Лицо стало не таким пухлым, она словно скинула с десятков лет. Ее черные глаза не отрывались от лица Шими, лишая его возможности уйти от ответа. Шими кивнул.

— Хорошо. Ты мне поможешь. Она внизу, в кладовой, и ее охраняют.

У Шими отвисла челюсть, он даже решил, что ослышался.

— Ты думаешь, я поверю, что она имеет хоть какое-то отношение к смерти Харта? — спросила Олив, как будто Шими придерживался противоположного мнения. — Я, может, толстая и неуклюжая, но далеко не идиотка. Пошли. Дом-на-Набережной не лучшее место для сэй Дельгадо. По крайней мере сегодня. В городе слишком многие знают, что она здесь.

«Роланд».

До конца жизни он будет слышать этот голос в тревожных снах, не помня, что ему снилось, только зная, что сны эти вызывают у него

чувство беды... он словно идет без остановки, попадая из одного безрадостного места в другое, прислушиваясь к незнакомым голосам на площадях чужих для него городов.

«Роланд из Гилеада».

Этот голос, он почти узнает его. Голос так похож на его собственный, что психоаналитик из реальности Эдди, или Сюзан, или Джейка уверенно заявил бы, что это его голос, голос его подсознания, но Роланд знает, что это не так; Роланд знает, что очень часто голоса, которые звучат в наших головах как наши собственные, на самом деле принадлежат самым ужасным чужакам, самым опасным врагам нашим.

«Роланд, сын Стивена».

Шар сначала переносит его в Хэмбри и дворец мэра, и он видит многое из того, что произошло там, а потом увлекает за собой далеко-далеко... зазывает этим странно-знакомым голосом, и он должен идти. Выбора у него нет, потому что в отличие от Риа и Джонаса он не вглядывается в шар и существ, которые что-то беззвучно говорят внутри его: он — в самом шаре, он — часть бесконечного розового вихря.

«Роланд, приходи. Роланд, посмотри».

И этот вихрь сначала возносит его ввысь, а потом тащит с собой. Он пролетает над Спуском, поднимаясь и поднимаясь, сквозь сначала теплый, а потом холодный воздух, и он не одинок в этом розовом вихре, который влечет его на запад, по Тропе Луча. Шеб пролетает мимо него, склонив голову набок, он во всю мощь горланит: «Эй, Джуд», — и его желтые от никотина пальцы барабанили по клавишам, которых нет... Увлеченный мелодией, Шеб, похоже, не понимает, что вихрь разлучил его с пианино.

«Роланд, приходи»,

говорит голос... голос вихря, голос магического кристалла... и Роланд идет. Сорви-Голова проскакивает мимо него, стеклянные глаза поблескивают розовым светом. Тощий мужчина в фермерской одежде с всклокоченными рыжими волосами обгоняет его. «Долгой тебе жизни, богатого урожая», — говорит он, или что-то похожее, потом пропадает. Вращаясь, словно необычная мельница, рядом возникает металлическое кресло (Роланду оно кажется орудием пыток) на колесиках, и юноша-стрелок думает о Госпоже теней, не представляя себе, о чем именно он думает или что сие означает.

А розовый вихрь несет его над развороченными горами, над плодородной зеленой дельтой, где большая широкая река катит свои воды. Синие, под цвет отражающегося в них неба. Но они становятся

розовыми, когда вихрь проносится над рекой. Впереди Роланд видит нарастающую громаду тьмы, и сердце его замирает, но именно туда несет его розовый вихрь, именно туда он должен прийти.

Я хочу выбраться отсюда, думает Роланд, но он далеко не глуп, и ему открыта истина: он, возможно, никогда отсюда не выберется. Колдовская радуга поглотила его. Он, наверно, навсегда останется в ее вихревых глубинах.

Если придется, я проложу себе путь пулями, думает он, но нет — револьверов он лишился. В вихре он летит голым, неумолимо приближаясь к иссиня-черной громадине, заслоняющей небо.

И тут он слышит пение.

Доносящееся из далекого далека, но прекрасное. Нежная мелодия напоминает ему о Сюзан: птички и рыбки, медведи и зайки.

Внезапно мул Шими (Капризный, вспоминает Роланд) галопом проносится мимо, его глаза сверкают, как драгоценные камни. За ним, верхом на помеле, украшенном амулетами, летит Риа с Кооса. «Я догоню тебя, мой красавчик»! — кричит она вслед мулу и, похохатывая, пропадает из виду.

Роланд ныряет в темноту, и внезапно у него перехватывает дыхание. Вокруг все черно. Воздух ползет по коже, как полчища насекомых. Удары невидимых кулаков бросают его из стороны в сторону, внезапно его тащит вниз, с огромной скоростью; он боится, что его расплющит о землю: так пал лорд Перт.

Бесплодные поля и безлюдные деревни возникают из мрака. Он видит переломанные деревья, которые не дают тени... о, да тут везде тень, тут везде смерть, это край Крайнего мира, куда он придет в какой-то темный день, и тут царит смерть.

«Стрелок, это Тандерклев».

«Тандерклев», — повторяет он.

«Здесь недышащие; белые лица».

«Недышащие. Белые лица».

Да, он это знает. Непонятно как. Место убитых солдат, свергнутых правителей, ржавых алебард. Это Тандерклев, где время бежит назад и могилы выблевают своих мертвых.

Впереди дерево, похожее на протянутую скрюченную руку. На самую верхнюю ветвь насажен ушастик-путаник. Ему давно положено помереть, но, когда розовый вихрь проносит Роланда мимо, он поднимает голову и смотрит на стрелка. В его глазах застыла невыносимая боль. «Ыш!» — кричит он и пропадает из жизни Роланда и его памяти на много

лет.

«Смотри вперед, стрелок, — вот твоя судьба».

И тут он узнает голос — это голос Черепахи.

Он смотрит и видит яркое, сине-золотое сияние, пробивающееся сквозь грязную черноту Тандерклепа. Прежде чем он успевает хоть что-нибудь разглядеть, его выносит из темноты на свет, словно заново родившееся, вылупившееся из яйца существо.

«Свет! Да будет свет!»

воскликает голос Черепахи, и Роланду приходится закрыть глаза руками и смотреть сквозь пальцы, чтобы не ослепнуть. Под ним — залитое кровью поле... он так подумал тогда, четырнадцатилетний мальчик, совершивший первое в своей жизни настоящее убийство. Это кровь, которая вытекает из Тандерклепа и грозит затопить нашу часть мира, думает он, и пройдет несчетное число лет, прежде чем он вспомнит о своем пребывании в хрустальном шаре, соотнесет эти воспоминания со сном Эдди и скажет своим спутникам, с которыми сидел на асфальте автострады, когда ночь уже будет подходить к концу, что внезапный переход от темноты Тандерклепа к этому яркому свету сбил его с толку. «То была не кровь, а розы», — говорит он Эдди, Сюзанне и Джейку.

«Стрелок, смотри... смотри туда».

Да, вон она, серовато-черная колонна, подпирающая горизонт: Темная Башня, та самая, где пересекаются все Лучи, средоточие Силы. В поднимающихся по спирали окнах он видит синий электрический свет, слышит крики тех, кто заточен в ее стенах. Он чувствует и мощь этого места, и источаемое им зло. Он чувствует: с Башней что-то не так, перегородки между мирами теряют прочность, потенциал зла растет все быстрее и быстрее, словно раковая опухоль, выпивающая все соки из когда-то здорового тела. Итак, перед ним высится не просто башня из темно-серого камня, нет, он видит перед собой величайшую тайну мира, его последнюю и страшную загадку.

Это Башня, Темная Башня ввинчивается в небо, и Роланд несется к ней в розовом вихре, думая: Я войду в тебя, я и мои друзья, если будет на то воля ка, мы войдем и мы сокрушим зло, которое таится в тебе. Может, на это уйдут годы, но я клянусь птичкой и рыбкой, медведем и зайкой, всеми, кого я люблю...

А небо уже усеяно нависшими над землей облаками, которые натянуло из Тандерклепа, вокруг все темнеет, а синий свет окон башни сияет, как глаза безумцев, и Роланд слышит тысячи вопящих голосов.

«Ты убьешь все и всех, кого любишь, — речет голос Черепахи, и

теперь это жестокий голос, жестокий и суровый, — и все равно ворота Башни не раскроются перед тобой».

Стрелок набирает полную грудь воздуха, собирает в кулак все силы; когда он отвечает Черепахе, то говорит от лица всех колен его предков: «НЕТ! ОНИ НЕ УСТОЯТ ПЕРЕДО МНОЙ! КОГДА Я ПРИДУ ВО ПЛОТИ, НЕ УСТОЯТ! КЛЯНУСЬ ИМЕНЕМ МОЕГО ОТЦА, НЕ УСТОЯТ!»

«Тогда умри», —

говорит голос, и Роланда бросает на каменную стену Башни, чтобы расплющить в лепешку. Но прежде чем это происходит...

6

Катберт и Ален наблюдали за Роландом с нарастающей тревогой. Он поднес Радугу Мейрлина к лицу, зажав обеими руками, словно человек, поднявший чашу с вином перед тем, как произнести тост. Мешок упал на его запыленные сапоги. Щеки и лоб купались в розовом сиянии, которое не внушало доверия ни Алену, ни Катберту. Им казалось, что сияние это не только живое, но и голодное.

Они подумали в унисон: *Я не вижу его глаз. Где его глаза?*

— Роланд? — повторил Катберт. — Если мы собираемся добраться до Скалы Висельников, прежде чем они подготовятся к встрече, ты должен убрать эту штуковину в мешок.

Роланд не шевельнулся, не опустил хрустальный шар. Но что-то прошептал. Уже потом, когда Катберту и Алену представился случай обменяться впечатлениями, они сошлись на том, что услышали: удар грома^[55].

— Роланд? — Ален шагнул к стрелку. Осторожно, словно хирург, вонзающий скальпель в тело пациента, просунул правую руку между хрустальным шаром и лицом Роланда. Реакции не последовало. Ален убрал руку, повернулся к Катберту.

— Можешь ты «коснуться» его? — спросил Берт.

Ален покачал головой.

— Нет. Его разум словно унесся далеко-далеко.

— Мы должны его разбудить. — Голос Катберта дрожал от волнения.

— Ванней говорил нам, что если слишком быстро выводить человека из глубокого транса, он может сойти с ума, — ответил Катберт. — Помнишь? Не знаю, решусь ли я...

Роланд шевельнулся. Розовые озера, появившиеся на месте его глаз,

начали расти, губы решительно сжались, как бывало с ним в мгновения высшего напряжения.

— *Нет! Они не устоят!* — От голоса Роланда по коже Алена и Катберта побежали мурашки. То был не его голос, во всяком случае, принадлежал он не юноше, но мужу.

— Нет, — гораздо позже сказал Ален, когда Роланд спал, а они с Катбертом сидели у костра. — То был голос короля.

Сейчас же, однако, оба молча смотрели на своего друга, парализованные страхом.

— *Когда я приду во плоти, они не устоят! Клянусь именем моего отца, НЕ УСТОЯТ!*

А потом неестественно розовое лицо Роланда перекошило, как перекашивает лицо человека, которому открылось что-то невероятно страшное. И вопрос о том, что они могут погубить Роланда, спасая его, отпал сам собой; оба поняли, что магический кристалл убьет Роланда у них на глазах, если они не вмешаются.

Во дворе ранчо «Полоса К» Роланда ударил Катберт. На этот раз инициативу взял на себя Ален, врезал правым кулаком Роланду в лоб. Его отбросило назад, хрустальный шар выпал из слабеющих пальцев, отсвет ужасного розового сияния покинул его лицо. Катберт поймал Роланда, Ален — шар. Розовый свет притягивал взгляд, пытался проникнуть в мозг, но Ален решительно затолкал магический кристалл в мешок, более не взглянув на него, затянул веревку... но в последний момент успел заметить, что розовый свет погас: шар признал свое поражение, во всяком случае, в этой стычке.

Ален повернулся, поморщился, увидев синяк, расплзающийся по лбу Роланда.

— Он?..

— Отключился, — ответил Катберт на невысказанный вопрос.

— Лучше бы ему побыстрее прийти в себя.

Катберт мрачно взглянул на Алена, от его обычной веселости не осталось и следа.

— Да, в этом ты абсолютно прав.

Шими стоял у нижней ступени лестницы, которая вела в хозяйственные помещения, переминаясь с ноги на ногу, ожидая, что сэй

Торин вернется с дворцовой кухни или позовет его туда. Он не знал, как долго она пробыла на кухне, но ему казалось — целую вечность. Он хотел, чтобы она вернулась, а еще больше, чтобы привела с собой сэй Сюзан. Шими ужасно не нравилось и это место, и этот день. Дурное предчувствие напоздало, как черный дым, поднявшийся к небу на западе. Что там случилось, связано ли это с громовым раскатом, который он слышал раньше, Шими не знал, но ему хотелось выбраться из Дома-на-Набережной до того, как солнце исчезнет в дыму у западного горизонта и в небе воцарится настоящая Демоническая Луна.

Одна из дверей, соединяющих коридор с кухней, распахнулась. Олив поспешила к нему. Одна.

— Она в кладовой, это точно. — Олив провела рукой по сидящим волосам. — Большого я от этих двух идиотов не добила. Я поняла, что и не добьюсь, как только они заговорили на своем птичьем языке.

Специального слова для диалекта простолюдинов Меджиса не было, поэтому аристократия называла его по-всякому, в том числе и птичьим языком. Олив знала обоих ковбоев, что охраняли кладовую, не лично, конечно, но встречала их и во дворце, и вне его. Опять же у нее не было ни малейшего сомнения в том, что эти парни владеют не только птичьим, но и нормальным языком. А заговорили на птичьем только для того, чтобы прикинуться, будто не понимают ее, и избежать необходимости отвечать на вопросы. Олив им подыграла и не стала выводить их на чистую воду, хотя местным диалектом владела и могла бы высказать ковбоям все, что о них думает. Она уже поняла, что ковбои получили строгий приказ держать язык за зубами.

— Я сказала им, что наверху какие-то люди. — продолжила Олив, — и я боюсь, что они хотят украсть серебро. Попросила их подняться и посмотреть, кого занесло во дворец. Они лишь тупо смотрели на меня. No habla^[56], сэй. Дерьмо. Дерьмо!

Шими хотел уже обозвать ковбоев сукиными детьми, но решил, что лучше помолчать. Олив ходила перед ним взад-вперед, изредка бросая взгляды на закрытые двери кухни. Наконец остановилась перед Шими.

— Выверни карманы. Давай посмотрим, нет ли в них чего полезного.

Шими подчинился. Из одного достал маленький карманный нож (подарок Стенли Руиса) и недоеденную булку. Из второго — три маленькие, пальчиковые петарды, одну большую, круглую, и несколько серных спичек.

Глаза Олив заблестели, когда она увидела петарды и спички.

— Слушай меня. Шими...

Катберт похлопал Роланда по щеке. Безрезультатно. Ален оттолкнул его, опустился на колени, взял руки стрелка в свои. Он никогда не использовал свой дар для того, чтобы помочь человеку прийти в себя, но ему говорили, что такое возможно: в некоторых случаях дар позволяет проникнуть в разум другого.

Роланд! Роланд, проснись! Пожалуйста! Ты нам нужен!

Поначалу ответная реакция напрочь отсутствовала. Потом Роланд шевельнулся, что-то пробормотал, выдернул руки из пальцев Алена. За мгновение до того, как веки Роланда поднялись, и Катберт, и Ален замерли от страха: вдруг они увидят не глаза, а розовый пламень.

Но они увидели глаза Роланда — холодные светло-синие глаза стрелка.

Он попытался подняться, но первая попытка не удалась. Протянув руки, Катберт взялся за одну руку стрелка, Ален — за вторую. Когда они потянули его вверх, Берт чуть не ахнул: в волосах Роланда появилась седина, которой раньше не было и в помине, он мог в этом поклясться. Однако последний раз взгляд его упал на волосы Роланда только утром, то есть очень и очень давно.

— Сколько я пролежал без сознания? — Роланд кончиками пальцев коснулся синяка на лбу и поморщился от боли.

— Не долго, — ответил Ален. — От силы минут пять. Роланд, извини, что ударил тебя, но пришлось. Шар... я подумал, что он убивает тебя.

— Может, так и было. С ним все в порядке?

Ален указал на затянутый веревкой мешок.

— Хорошо. Будет лучше, если его повезет один из вас. Я... — он помолчал, ища подходящие слова, а когда нашел, ледяная улыбка искривила уголки его рта, — ...боюсь не устоять перед искушением. Поехали к Скале Висельников. Надо закончить начатое.

— Роланд... — вырвалось у Катберта.

Роланд повернулся, схватившись рукой за рог седла.

Катберт облизал губы, и Ален уже подумал, что тот не сможет задать вопроса. *Если не ты, его задам я*, мелькнула мысль... но Берт совладал с нервами, вернул себе дар речи:

— Что ты видел?

— Многое, — ответил Роланд. — Я видел многое, и большая часть виденного уже исчезла из памяти, как исчезает сон, когда человек просыпается. А то, что помню, я расскажу вам по пути. Вы должны это

знать, потому что увиденное мной меняет все. Мы вернемся в Гилеад, но ненадолго.

— Куда потом? — спросил Ален, оседлав коня.

— На запад. Отправимся на поиски Темной Башни. Если переживем сегодняшний день. Пошли. Надо покончить с этими цистернами.

9

Два седоволосых ковбоя сворачивали самокрутки, когда наверху громыхнуло. Оба подпрыгнули и переглянулись. Табак посыпался на пол. Пронзительно закричала женщина. Двери распахнулись. На кухню влетела вдова мэра в сопровождении служанки. Ковбои хорошо ее знали — Мария Томас, дочь их давнего друга с ранчо «Пиано».

— Это воры подожгли дворец! — закричала Мария на местном диалекте. — Наверху нужна ваша помощь.

— Мария, у нас приказ охранять...

— Putina^[57], запертую в кладовой? — закричала Мария, сверкнув глазами. — Шевелитесь, старые козлы, пока огонь не охватил весь дворец! А не то вам придется объяснять сеньору Ленджиллу, почему вы стояли столбом, затыкая пальцем задницу, когда над вашими головами горел Дом-на-Набережной!

— Шевелитесь! — рывкнула Олив. — Или вы трусили?

Сверху донеслись новые взрывы, не такие сильные: Шими пустил в дело пальчиковые петарды. Той же спичкой он поджег и портьеры.

Ковбои вновь переглянулись.

— Пошли, — принял решение старший, потом повернулся к Марии. Диалект разом забылся: — Присмотри за дверью.

— Муха не пролетит, — пообещала Мария.

Старики поспешили к лестнице, один крепко ухватив дубинку, второй — вытащив из чехла длинный нож.

Как только под их шагами закричала лестница, Олив кивнула Марии. Они пересекли кухню. Мария отодвинула засов. Олив распахнула дверь. Сюзан вышла из кладовой, посмотрела на одну, потом на другую, попыталась улыбнуться. Мария ахнула при виде разбитого в кровь, распухшего лица своей госпожи.

Сюзан взяла Марию за руку, прежде чем пальцы девушки коснулись ее лица.

— Как думаешь, Торин захотел бы меня такую? — спросила она, и

только тут до нее дошло, кто ее вторая спасительница. — Олив... сэй Торин... извините. Я не хотела причинять вам боль. Но будьте уверены, что Роланд, вы его знаете как Уилла Диаборна, никогда...

— Я все знаю, но сейчас нет времени говорить об этом, — осекла ее Олив. — Пошли.

Она, Мария и Сюзан вышли из кухни, но не по лестнице, ведущей наверх, а через хозяйственные помещения в дальнем северном крыле дворца. Потом Олив попросила их подождать в кладовой, где хранились крупы. Отсутствовала она не больше пяти минут, которые для Сюзан и Марии растянулись на долгие часы.

Вернулась она в ярко раскрашенном пончо, слишком большом не только для нее, но, пожалуй, и для ее мужа. Олив подоткнула его за пояс джинсов, чтобы не наступать на края. Принесла она еще два пончо, размером поменьше.

— Наденьте их. Снаружи холодно.

Из кладовой по узкой лестнице, которой пользовались только слуги, они вышли во двор. Где при удаче (если Мигуэль все еще не проспался) их должен был ждать Шими с оседланными лошадьми. Олив всем сердцем надеялась, что им повезет. Она хотела, чтобы Сюзан благополучно покинула Хэмбри до захода солнца.

И до восхода луны.

10

— Сюзан взяли в плен, — прежде всего сообщил Катберту и Алену Роланд, когда они поскакали на запад, к Скале Висельников. — Шар сразу мне это показал.

Говорил он об этом с таким отсутствующим видом, что Катберт чуть не натянул поводья. Куда только подевался страстный влюбленный последних месяцев. Роланд словно не отошел от тех грез, что привиделись ему в розовых глубинах магического кристалла. А может, эти грезы не хотели отпускать его, подумал Катберт.

— Что? — переспросил Ален. — Сюзан взяли в плен? Как? Кто? С ней все в порядке?

— Ее захватил Джонас. Ей досталось, но не так уж и сильно. Она поправится... и будет жить. Я бы тут же повернул назад, если б думал, что ее жизнь в опасности.

Впереди, в поднятой ветром пыли, как мираж появлялась и исчезала

Скала Висельников. Катберт видел, как иной раз солнечный свет отбрасывал блики от полированных боков цистерн, различал он и людей. Много людей. Он успокаивающе похлопал свою лошадь по шее, искоса глянул на Алена, чтобы убедиться, что ручной пулемет Ленджилла при нем. Убедился. Коснулся рукой засунутой за пояс рогатки. И она на месте. Так же как и мешок из лосиной кожи, в котором лежали большие круглые петарды, украденные Шими из запасов Дома-на-Набережной.

Только невероятным усилием воли он заставляет себя скакать на запад, а не на восток, подумал Катберт. Мысль эта придавала ему уверенности: порой Роланд его пугал. Иногда он становился крепче стали, и тогда никто и ничто не могло остановить его. Если сегодня та самая ситуация, оставалось только радоваться, что он на твоей стороне... но гораздо чаще хотелось, чтобы этого нестигаемого стержня не было вовсе. *Ни на чьей стороне.*

— Где она? — спросил Алел.

— Рейнолдс отвез ее в Дом-на-Набережной. Ее заперли в кладовой... но, возможно, ее там уже нет. Точно сказать не могу, потому что... — Роланд задумался. — Магический кристалл видит далеко, и не только в настоящем. Иногда он показывает будущее, то, что еще должно произойти.

— Как можно знать сейчас, что произойдет в будущем? — спросил Алел.

— Не знаю, и не думаю, что так было всегда. Мне кажется, дело тут не в Радуге Мейрлина, а в самом мире. Время теперь какое-то странное. Мы это знаем, не так ли? Оно как бы... проскальзывает. Словно вокруг червоточина, которая все разрушает. Но Сюзан в безопасности. Я это знаю, и мне этого достаточно. Шими собирается ей помочь... или уже помогает. Почему-то Джонас упустил Шими, и тот последовал за Сюзан в Дом-на-Набережной.

— Молодчина Шими! — Алел вскинул в воздух сжатую в кулак руку. — Ура! А как насчет нас? Ты видел нас в будущем?

— Нет. Этот кусок проскочил быстро... шар сразу унес меня. *Утащил* в розовом вихре. Но... я видел дым на горизонте. Я это помню. Возможно, горели цистерны у Скалы Висельников или высохшие ветки у каньона Молнии, может, и то и другое. Думаю, мы своего добьемся.

Катберт недоуменно поглядывал на давнего друга. Роланд был так влюблен, что Берту пришлось уложить его в пыль двора у их бункера, чтобы он вспомнил о возложенной на него ответственности... куда подевался этот пылко влюбленный? Что изменило его, тронуло сединой волосы?

— Если мы выживем, тогда вперед, — говорил Катберт, пристально наблюдая за стрелком. — Она встретит нас на дороге. Не так ли, Роланд?

Он увидел боль, отразившуюся на лице Роланда, и только теперь все понял: влюбленный остался, но магический кристалл отнял у него всю радость и оставил только печаль. Была и вторая причина — новая цель, о которой Роланд еще не успел им рассказать.

— Я не знаю. Надеюсь, что нет, потому что мы уже не будем такими, как прежде.

— *Что?* — на этот раз Катберт натянул поводья.

Роланд спокойно посмотрел на него, но в глазах стояли слезы.

— Мы — заложники *ка*, — ответил стрелок. — *Ка*, по словам Сюзан, как ветер. — Он посмотрел сначала на Катберта, по его левую руку, потомка Алена — по правую. — Теперь наша *ка* — Башня. А прежде всего моя *ка*. Но не ее. Даже Джон Фарсон более не наша *ка*. Если мы и выступим навстречу его людям, то не для того, чтобы победить их. Просто наш путь будет лежать на запад. — Он поднял руки, потом опустил их, как бы говоря: *Что еще вы хотите от меня услышать?*

— *Нет* никакой Башни, — мягко заметил Катберт. — Я не знаю, что ты видел в этом хрустальном шаре, но *никакой Башни нет!* Да, это символ, такой, я полагаю, возможно, как чаша Артура, как крест Иисуса... но настоящего сооружения, реального...

— Да, — прервал его Роланд, — Башня существует.

Они повернулись к нему и не увидели и тени сомнения на его лице.

— Башня существует, и наши отцы это знают. За черной землей... я не могу вспомнить, как она называется, это забылось... находится Крайний мир, и в Крайнем мире стоит Темная Башня. Ее существование — великая тайна, которую хранят наши отцы. Именно эта тайна и соединяла их вместе в *ка-тет* все эти годы, с того самого момента, как мир «сдвинулся». Когда мы вернемся в Гилеад... если вернемся, но я думаю, что так оно и будет... я расскажу им то, что видел, и они подтвердят правоту моих слов.

— Ты все это увидел в кристалле? — с дрожью восторга в голосе спросил Ален.

— Я увидел многое.

— Но не Сюзан Дельгадо, — уточнил Катберт.

— Нет. Когда мы покончим с этими людьми и она порвет с Меджисом, ее участие в нашем *ка-тете* завершится. Меня поставили перед выбором: Сюзан и моя жизнь с ней и нашим ребенком, которого она носит... или Башня. — Трясущейся рукой Роланд вытер со лба пот. — Я не колеблясь выбрал бы Сюзан, если б не одно «но»: Башня рушится. А если она упадет,

мы лишимся окружающего нас мира. Возникнет хаос, масштабы которого невозможно представить. Мы должны идти к Башне... *и мы пойдём.*

Над его не знающими бритвы щеками, под гладким, без единой морщинки, юношеским лбом, сверкнули глаза не ведающего пощады воина-убийцы глубокой древности, те самые глаза, которые Эдди Дин увидел в зеркале туалета авиалайнера. Но только теперь в них стояли слезы.

А вот в голосе не было ничего детского или юношеского.

— Я выбрал Башню. Это мой долг. Пусть она проживет долгую и счастливую жизнь с кем-то еще... и она встретит такого мужчину, со временем. Что же касается меня, я выбрал Башню.

11

Сюзан вскочила на Пилона, которого Шими вывел во двор после того, как поджег портьеры в большой гостиной. Олив Торин оседлала одного из меринов, принадлежащих феодеу, Шими сел на него же, позади вдовы мэра, держа в одной руке веревку — поводья Капи. Мария открыла хозяйственные ворота, пожелала им удачи, и все трое покинули Дом-на-Набережной. Солнце скатилось почти к самому горизонту, но ветер унес практически весь дым, поднимавшийся раньше. Если в пустыне что и произошло, то осталось в прошлом... или случилось в другом слое того же настоящего.

Роланд, я желаю тебе успеха, подумала Сюзан. Скоро я увижу тебя, дорогой... как только смогу.

— Почему мы едем на север? — спросила она через полчаса.

— Потому что Прибрежная дорога дает нам шанс на спасение.

— Но...

— Ш-ш-ш! Они узнают, что ты сбежала, и первым делом обыщут дворец... если он, конечно, не сгорел. А не найдя тебя во дворце, поскачут следом за тобой на запад, по Великому Тракту. — Она встретила с Сюзан взглядом, и та подумала, что Олив Торин совсем не такая мямля, как думали в большинстве своем жители Хэмбри. — Я бы сама подумала, что ты ускакала именно в том направлении, значит, точно так же подумают и остальные. Так зачем облегчать им жизнь? Пусть ищут там, где тебя нет.

Сюзан промолчала. Она пребывала в полной растерянности, но Олив вроде бы знала, что делает, и Сюзан это не могло не радовать.

— К тому времени как они поймут, что на западе им искать нечего,

уже стемнеет. Эту ночь мы проведем в пещере в пяти милях отсюда. Я же дочь рыбака, поэтому знаю все эти пещеры. — Мысль о пещерах, в которых она играла девочкой, приободрила Олив. — Завтра мы повернем на восток, как тебе и хотелось бы. Боюсь, какое-то время тебе придется иметь в дуэньях старую толстую вдову. Лучше сразу свыкнись с этой мыслью.

— Вы очень добры, — прошептала Сюзан. — Вам следовало отослать меня и Шими вдвоем, сэй.

— И остаться с чем? Мне даже на кухню послать некого. Френ Ленджилл уже решил, что он главный, и у меня нет никакого желания дожидаться его возвращения. Вдруг он придет к выводу, что меня стоит объявить сумасшедшей и засадить в клетку? А может, мне ждать, пока мэром станет Хэш Ренфрю и будет класть сапоги на мои столы? — Олив даже рассмеялась.

— Сэй, мне очень жаль.

— Сожалеть мы будем позже, — ответила Олив на удивление радостным голосом, — а сейчас главное для нас — добраться до пещер незамеченными. Пусть думают, что мы растворились в воздухе как утренний туман. Придержи коня.

Когда ее мерин остановился, Олив приподнялась на стременах, огляделась, определилась с местом, где находится, повернулась в седле, чтобы поговорить с Шими.

— Молодой человек, тебе пора перебираться на мула и возвращаться в Дом-на-Набережной. Если за нами будет погоня, ты должен завернуть их несколькими умными словами. Ты сможешь это сделать?

Плечи Шими поникли.

— Нет у меня умных слов, сэй Торин, так что я их не заверну. У меня в голове вообще нет никаких слов.

— Ерунда, — ответила Олив и поцеловала Шими в лоб. — Возвращайся назад рысью. Если никого не встретишь до того момента, как солнце коснется холмов, поворачивай и вновь следуй за нами. Мы будем ждать тебя у указателя. Ты знаешь, о чем я говорю?

Шими решил, что знает. Он видел этот указатель на Прибрежной дороге.

— Красный столб? С сомбреро на нем. И стрелой, указывающей на город?

— Он самый. Ты доберешься, когда стемнеет, но луна осветит тебе дорогу. Даже если задержишься, мы тебя подождем. Но сейчас ты должен возвращаться и сбить с толку тех, кто пустился за нами в погоню. Ты

понимаешь?

Шими понимал. Соскользнул с мерина Олив, подтащил к себе Капризного, взобрался на его костлявую спину, поморщился: укус Капи вновь отозвался болью.

— Пусть будет так, сэй Олив.

— Хорошо, Шими. Хорошо. А теперь поезжай.

— Шими, — позвала его Сюзан, — Подойди ко мне на минуточку.

Шими слез с лошади, подошел, прижимая сомбреро к груди, глядя на нее снизу вверх как на божество. Сюзан наклонилась и поцеловала его не в лоб, а в губы. От счастья Шими едва не лишился чувств.

— Спасибо, сэй, — улыбнулась ему Сюзан. — За все.

Шими кивнул. А когда заговорил, то слова произнес шепотом: волнение мешало повысить голос.

— Это только *ка*. Я это знаю... но я люблю тебя, сэй Сюзан. Поезжай с миром. Скоро я вновь увижу тебя.

— Буду ждать с нетерпением.

Но скоро не получилось. Отъезжая, Шими один раз обернулся и помахал рукой. Сюзан ответила тем же. Больше Шими ее не увидел. К счастьем для него.

12

Латиго выставил пикеты в миле от Скалы Висельников, но светловолосый юноша, на которого наткнулись Роланд, Катберт и Ален по пути к цистернам, разве что не дрожал от страха и ни для кого не представлял опасности. Язвы от цинги на губах показывали, что Фарсон послал своих людей без должной подготовки, не обеспечив свежими продуктами.

Когда Катберт поприветствовал блондина характерным для людей Благотетеля жестом: скрещенные на груди руки, левая над правой, протягиваются вперед, блондин ответил тем же и облегченно улыбнулся.

— Что там был за шум? — Выговор не оставлял сомнений в том, что родом он из Привходящего мира. Как решил Роланд, из северных феофов.

— Трое мальчишек убили в городе шерифа и его помощника, а потом прятались в Плохой Траве, — ответил Катберт на привычном блондину диалекте. — Произошла стычка. Сопротивлялись они отчаянно, но теперь все кончено.

— Какие...

— Нет времени, — оборвал его Роланд. — У нас срочное послание. — Он скрестил руки на груди, потом двинул их вперед. — Хайл! Фарсон!

— Добрый человек! — ответил блондин. Отсалютовал всем троим, улыбнулся, как бы говоря, что спросил бы Катберта, откуда он родом и кто его родственники, будь у него на это время. А потом они проехали мимо него, без помех миновав охранный кордон.

— Помните, что все надо делать быстро, — прошептал Роланд. — Останавливаться нельзя ни на минуту. Если мы что-то не уничтожим сразу, пусть остается... второй попытки не будет.

— Боги, мы об этом даже и не мечтаем. — Катберт достал рогатку, натянул ленту, проверяя, не потеряла ли она эластичность. Потом послунывил палец, поднял над головой, определяя направление ветра. Все нормально. Ветер такой же сильный и по-прежнему дует им в спину.

Ален скинул с плеча ручной пулемет Ленджилла, с сомнением оглядел его, взвел затвор-курок.

— Я не очень-то знаком с этим оружием, Роланд. Он заряжен, я вроде бы знаю, как им пользоваться, но...

— Вот и воспользуйся, — отрезал Роланд. Кони их набирали скорость. Копыта гремели по твердой земле. Ветер раздувал пончо. — Он предназначен для той самой работы, что нам предстоит. Если пулемет заклинит, брось его и хватайся за револьвер. Ты готов?

— Да, Роланд.

— Берт?

— Ага. — Катберт заговорил как истинный хэмбриец. — Готов, я готов.

Впереди, в пыльной пелене взад-вперед сновали люди, готовя цистерны к дальней дороге. На новоприбывших смотрели с любопытством, но без опаски. Роланд выхватил оба револьвера.

— *Гилеад!* — прокричал он. — *Хайл! Гилеад!*

И бросил Быстрого в галоп. Ален и Катберт не отставали ни на шаг. Катберт вновь оказался посередине, с рогаткой в руках, зажав спички губами.

Стрелки накатывали на Скалу Висельников, как разъяренные фурии.

Через двадцать минут после того, как Шими отправили на юг, Олив и Сюзан обогнули резкий поворот и оказались лицом к лицу с тремя

всадниками. В последних лучах заходящего солнца Сюзан увидела синий гроб на руке того, что находился посередине. Рейнолдс. Сердце ее упало.

Мужчину слева, в выцветшей шляпе скотовода и прищуренным глазом, Сюзан не знала, зато справа, похожий на твердокаменного проповедника, сидел на коне Ласло Раймер. Именно на Раймера посмотрел Рейнолдс после того, как улыбнулся Сюзан.

— Мы с Ласло не успели даже пропустить по стакану за упокой его брата, канцлера и министра. Едва мы прибыли в город, как нас убедили поехать сюда. Я не хотел, но... черт! С этой старухой особо не поспоришь. Уговорить труп отсосать у тебя, простите за грубость. Я, правда, думаю, что у твоей тетки поехала крыша, сэй Дельгадо. Она...

— Твои друзья мертвы, — врезалась в его монолог Сюзан.

Рейнолдс помолчал, потом пожал плечами:

— Что тут скажешь. Может, так оно и есть, может — нет. Я вот решил уехать отсюда, даже если они не составят мне компанию. Но могу задержаться еще на одну ночь. Эти обряды в ночь Жатвы... Я много слышал о том, как ее отмечают на Внешней Дуге. Особенно о кострах.

Мужчина с прищуром рассмеялся.

— Пропустите нас, — обратилась к ним Олив. — Эта девушка не сделала ничего дурного, я — тоже.

— Она помогла сбежать Диаборну, — возразил Ласло Раймер, — который убил твоего мужа и моего брата. Я не могу сказать, что она не сделала ничего дурного.

— Боги, возможно, упокоят душу Кимбы Раймера в пустоши, — усмехнулась Олив, — но он разграбил половину городской казны, и то, что не пошло Джону Фарсону, оставил себе.

Раймер отпрянул, словно ему вlepили оплеуху.

— А ты думал, я ничего не знаю? Ласло, напрасно ты держал меня за круглую дуру. Хотя что мне до твоего мнения. Я знаю столько, что меня тошнит от таких, как ты. Я знаю, что мужчина, который сейчас сидит на лошади рядом с тобой...

— Заткнись, — пробормотал Раймер.

— ...скорее всего всадил нож в черное сердце твоего брата. Сэй Рейнолдса видели ранним утром в том крыле. Так мне сказали...

— Заткнись, сука!

— ...и я этому верю.

— Лучше делай, что тебе говорят, сэй, и придержи свой язычок. — Лицо Рейнолдса посуровело.

А он не любит людей, которые в курсе его делишек, подумала Сюзан.

Даже когда знает, что сила на его стороне и то, что им известно, никак ему не повредит. И без Джонаса он не столь уверен в себе. Можно сказать, совсем не уверен. Это он тоже знает.

— Позвольте нам проехать, — попросила Олив.

— Нет, сэй, этого я сделать не могу.

— Тогда мне придется помочь тебе, не так ли?

Ее рука нырнула под пончо и вернулась с огромным старинным пистолем: инкрустированная слоновой костью рукоятка, потемневший ствол, пороховой запал.

Олив не сумела сразу вытащить пистоль: он зацепился на пончо, и ей пришлось отцеплять его от материи. Она не сумела быстро взвести курок, для этого нужно было задействовать сразу два больших пальца, и ей потребовалось две попытки. Но все трое, в том числе и Рейнолдс, словно оцепенели, увидев у нее в руках это древнее чудище. У Рейнолдса просто отвисла челюсть. Джонас бы расплакался, увидев, кто ходил у него в помощниках.

— *Пристрелите ее!* — проскрипел старушечий голос за спинами мужчин, перегородивших дорогу. — *Что на вас нашло, идиоты? ПРИСТРЕЛИТЕ ЕЕ!*

Рука Рейнолдса метнулась к револьверу. Конечно, свое дело он знал, но дал Олив слишком большую фору. Ствол его револьвера еще не покинул кобуры, когда вдова мэра, держа пистоль обеими руками, наставила его на Охотника за гробами и, закрыв глаза, как маленькая девочка, которую заставляют есть что-то противное, нажала на спусковой крючок.

Сверкнула искра, но отсыревший порох не взорвался, а лишь сгорел, превратившись в облачко синего дыма. И металлический шар, достаточно большой, чтобы разнести голову Клею Рейнолдсу, остался в стволе.

А в следующее мгновение гроыхнул револьвер Рейнолдса. Лошадь Олив, заржав, поднялась на дыбы. Олив слетела на землю, с черной дырой на оранжевой полосе ее пончо... чуть повыше сердца.

Сюзан слышала собственный крик, доносящийся откуда-то издалека. И, наверное, кричала долго, пока не услышала приближающийся перестук копыт пони. И тут все поняла. Поняла еще до того, как мужчина в выцветшей шляпе подал лошадь в сторону. Она увидела возок, и крики смолкли.

Пони, который привез ведьму в Хэмбри, заменили другим, полным сил, но возок остался прежним, черным, с золотыми каббалистическими символами. И возница тоже. Риа держала вожжи в скрюченных руках, недобро улыбаясь Сюзан. Как улыбаются трупы.

— Привет, моя маленькая конфетка. — Она назвала ее так же, как и давным-давно, в ту ночь, когда Сюзан пришла в ее хижину, чтобы пройти проверку на целомудрие. В ту ночь Сюзан пробежала большую часть пути, такое у нее было хорошее настроение. Она поднялась на холм под светом Целующейся Луны, кровь играла у нее в жилах, щеки покраснелись, и напевала она «Беззаботную любовь».

— Твои приятели и трахальщики унесли мой шар. — Риа остановила пони в двух шагах от Сюзан. Даже Рейнолдс смотрел на нее со страхом. — Взяли мой чудесный магический кристалл, вот что натворили эти гадкие мальчишки. Эти отвратительные головорезы. Но он успел мне многое показать. Он видит далеко, этот шар, и не только в настоящем. Много я позабыла... но только не ту дорогу, которой ты хотела ускользнуть, конфетка моя. Не ту дорогу, на которую вывела тебя эта мертвая сука, которая лежит сейчас в пыли. А теперь ты должна вернуться в город. — Ухмылка Риа стала шире. — Самое время разжечь костер, знаешь ли.

— Отпустите меня, — Сюзан оглядела мужчин. — Отпустите меня, иначе вам придется держать ответ перед Роландом из Гилеада.

Риа повернулась к Рейнолдсу:

— Свяжи ей руки и поставь ее на возок. В городе есть люди, которые хотят ее увидеть. Хотят разглядеть как следует, и мы им в этом поможем. Если ее тетка сделала все, что от нее требовалось, этих людей будет много. Свяжи ей руки и поставь на возок. Быстро.

У Алена хватило времени только на одну мысль: *Мы могли бы объехать их стороной. Если сказанное Роландом — правда, если магический кристалл — это главное, мы могли. Могли объехать их стороной.*

Да только, конечно же, не могли. Кровь сотни поколений стрелков воспротивилась бы этому. Башня или не Башня, воры не должны уйти с добычей. Не должны, если есть возможность их остановить.

Ален наклонился к уху своего коня:

— Если отпрыгнешь в сторону или встанешь на дыбы, когда я начну стрелять, вышибу твои гребанные мозги.

Роланд вырвался чуть вперед благодаря более мощному коню. Они приблизились к группе солдат Латиго: пятеро или шестеро всадников, дюжина или больше пеших столпились вокруг пары волов, которым

предстояло тянуть одну из цистерн. Все они в удивлении таращились на Роланда, пока он не открыл огонь, и только тогда бросились врассыпную, как перепелки. Роланд уложил всех всадников: их лошади умчались, одна утащила зацепившегося за стремя ездока. Кто-то закричал: «Бандиты! Бандиты! По коням, идиоты!»

— *Ален!* — рыкнул Роланд. Перед цистернами сбились в кучу вооруженные люди, пешие и конные, пытаясь наладить оборону. — *Давай! Давай!*

Ален поднял ручной пулемет, уперся заржавевшим прикладом в плечо, вспомнил ту малость, что знал о стрельбе из автоматического оружия: целясь ниже, перемещая ствол быстро и плавно.

Он коснулся спускового крючка, и очередь сотрясла пыльный воздух, отдаваясь резкими тычками в плечо, выплевывая языки пламени со среза ствола. Ален повел стволом слева направо, целясь чуть повыше голов мечущихся, что-то выкрикивающих: стрелял он не по людям, а по цистернам.

И третья в ряду взорвалась. С грохотом, сопровождающимся яркой оранжево-красной вспышкой. Обе половинки металлической сигары взмылив воздух. Одна пролетела тридцать ярдов и рухнула на каменистую землю. Вторая подпрыгнула, окутанная черным дымом. Горящее деревянное колесо пролетело по небу, как тарелка, и покатилося по земле, рассыпая искры.

Люди разбегались в разные стороны, кто на своих двоих, кто прикинув к шеем лошадей. У всех широко раскрытые глаза остекленели от паники.

Дойдя до последней цистерны, Ален повел пулемет в обратном направлении. Он сильно нагрелся, но Ален не снимал пальца со спускового крючка. В этом мире то, что работало, использовали на полную катушку. Конь его бежал вперед, словно понял каждое слово из тех, что Ален прошептал ему на ухо.

Еще одну! Надо взорвать еще одну!

Но прежде чем он смог взорвать еще одну цистерну, пулемет замолчал: то ли заклинило патрон, то ли опустел магазин. Ален отбросил его в сторону и выхватил револьвер. И тут же рядом с ним «свистнула» рогатка Катберта, Ален выхватил этот звук среди криков людей, топота копыт, треска горячей нефти.

Ален увидел, как большая петарда поднялась по высокой дуге и опустилась в то самое место, куда направлял ее Катберт: в нефтяную лужу у деревянных колес цистерны с надписью «СОНОКО». Какое-то мгновение

Ален еще мог видеть череду черных дыр в сверкающем боку цистерны, дыр, проделанных пулями, выпущенными им из пулемета сэй Ленджилла, затем со вспышкой разорвалась петарда. И тут же дырки в боку цистерны потеряли четкость, заколыхались в мареве: загорелась вытекшая на землю нефть.

— *Разбегайтесь!* — закричал мужчина в выцветшей пилотке. — *Она сейчас взорвется! Они все сейчас в...*

Ален застрелил его, и тут же взорвалась вторая цистерна. Кусок раскаленного металла отлетел в сторону и угодил в лужу нефти под соседней цистерной. Вскоре взорвалась и она. Черный дым поднимался в воздух, как над погребальным костром, затягивая солнце, превращая в сумерки ясный день.

15

Роланд, как и остальные четырнадцать учеников, готовящих себя в стрелки, знал приметы всех шестерых военачальников Фарсона, поэтому он без труда узнал человека, бросившегося за подмогой: Джордж Латиго. Роланд мог бы застрелить его на бегу, но, ирония судьбы, смерть Латиго сильно облегчила бы им отход, что никак не входило в его планы.

Поэтому он застрелил того, кто бежал навстречу Латиго.

Латиго остановился как вкопанный, развернулся, уставился на Роланда сверкающими ненавистью глазами. Затем вновь кинулся бежать, сзывая к себе всадников, собирающихся вне зоны огня.

Взорвались еще две цистерны, словно железными кулаками хватив по барабанным перепонкам Роланда, высасывая воздух из его легких. По разработанному ими плану Алену поручалось продырявить цистерны, а Катберту — поджечь петардами вытекающую из них нефть. Но первая петарда, выпущенная из рогатки и вроде бы подтвердившая правильность намеченного плана, оказалась и последней. Легкость, с которой стрелки проникли во вражеское расположение, и панику, возникшую при первых выстрелах, еще можно было списать на неопытность солдат, но вот с расположением цистерн Латиго допустил серьезную ошибку, причем авторство принадлежало ему, и никому больше. Цистерны он поставил чуть ли не впритык друг к другу, и теперь они рвались одна за другой. Причем после первого взрыва процесс стал необратимым. И хотя левая рука Роланда описала в воздухе широкий круг, приказывая Алену и Катберту переходить к следующему этапу, когда взорвались еще далеко не все

цистерны, итог ни у кого не вызывал сомнений. Лагерь Латиго превратился в нефтяной костер, и мечта Джона Фарсона привести в движение машины Древних так и осталась мечтой.

— *Поскакали!* — крикнул Роланд. — *Поскакали! Поскакали! Поскакали!*

И они помчались на запад, к каньону Молнии. Тут мимо левого уха Роланда просвистела пуля. Насколько он мог судить, с момента нападения на лагерь в них выстрелили впервые.

Латиго кипел от ярости, ярость эта горячей волной захлестнула его разум. В этом, можно сказать, ему повезло: ярость не дала ему подумать о том, что сделает с ним Благодетель, узнав о таком фиаско. Но в тот момент в голове Латиго сидела только одна мысль: поймать тех, кто сумел захватить его врасплох.

И ведь проделали все это даже не мужчины.

Мальчишки!

Латиго знал, кто они, хотя понятия не имел, каким образом они здесь оказались. Знал и то, что далеко им не убежать, он обязательно их поймает, прежде чем они доберутся до леса.

— *Хендрикс!* — проревел он. Хендриксу по крайней мере удалось удержать своих людей: дюжина всадников держалась плотной кучкой. — *Хендрикс, ко мне!*

Хендрикс поскакал к нему, когда Латиго обернулся и увидел своих солдат, вытаращившихся на горящие цистерны. От изумления у них отвисли челюсти, а от одного вида их глупых овечьих рож Латиго захотелось топтать ногами и вопить во весь голос. Но он сумел сдержать эмоции. И помогла ему одна-единственная мысль, засевшая в голове: мальчишки удирают, но уйти они не должны ни при каких обстоятельствах.

— *Эй вы!* — крикнул он солдатам. Один обернулся, другие — нет. Латиго широким шагом направился к ним, на ходу вытаскивая из кобуры револьвер. Сунул его в руку того, кто обернулся на его голос, и указал на одного из тех, кто продолжал смотреть на горящие цистерны. — *Пристрели этого дурака.*

Солдат, как загипнотизированный, поднял револьвер и выстрелил в человека, указанного Латиго. Бедняга рухнул на колени, потом повалился на землю, дернулся, затих. Остальные повернулись к Латиго.

— Хорошо. — Латиго взял у солдата револьвер.

— *Сэр!* — крикнул Хендрикс. — *Я их вижу, сэр! Я ясно вижу врага!*

Взорвались еще две цистерны. Несколько кусков металла полетело в их направлении. Кто-то из солдат упал на землю. Латиго даже не шевельнулся. Как и Хендрикс. Настоящий мужчина. Слава Богу, нашелся хоть один, на кого можно положиться.

— Прикажете догнать их, сэр?

— Я возьму твоих людей и поскачу за ними сам. А ты посади на коней это стадо. — Он указал на солдат, внимание которых переключилось с пожара на труп их товарища. — Собери как можно больше людей. Горнист у тебя есть?

— Да, сэр. Рейнс, сэр! — Хендрикс оглянулся, махнул рукой, и к ним подъехал прыщавый, испуганный юноша. У него на груди висел мятый горн.

— Рейнс, остаешься с Хендриксом, — приказал Латиго.

— Да, сэр.

— Собирай людей, Хендрикс, да поживее. Они направляются к тому каньону, а мне кто-то говорил, что у него отвесные стены и выбраться оттуда можно только в одном месте. Если так, мы расстреляем их, как в тире.

Губы Хендрикса изогнулись в улыбке.

— Да, сэр.

А цистерны продолжали взрываться.

На скаку Роланд оглянулся, и его поразили размеры черного дымового столба, поднимающегося к небу. А впереди все более увеличивалась груда нарубленных ветвей, перегораживающая вход в каньон. И хотя ветер дул им в спину, он все равно уже слышал сводящий с ума вой червоточины.

Роланд вскинул руку, показывая Катберту и Алену, что надо притормозить. Они еще смотрели на него, когда он снял бандану, скрутил жгутом и завязал уши. Они последовали его примеру. Стало чуть легче.

Стрелки мчались на запад, таща за собой длиннющие тени. Вновь оглянувшись, Роланд увидел две группы всадников, устремившиеся в погоню. Латиго возглавляет первую, решил Роланд, и он наверняка придержит своих людей, чтобы дождаться второй, более многочисленной группы, и ударить всем сразу.

Отлично, подумал он.

И троица продолжила путь к каньону Молнии, также сбросив скорость, давая возможность преследователям сократить дистанцию. А в лагере тем временем продолжали взрываться цистерны: после каждого грохот сотрясал воздух, вздрагивала земля. Роланд все еще удивлялся, с какой легкостью они разделались с цистернами... даже после схватки с Джонасом и Ленджиллом, отголоски которой не могли не насторожить Латиго, они не встретили никакого сопротивления. Ему вспомнился один из праздников Жатвы, когда ему и Катберту было лет по семь, не больше. Они бежали вдоль ряда пугал и ударами палок сшибали их, одно за другим.

«Голос» червоточины проникал в мозг Роланда и через бандану, заставляя глаза слезиться. За спиной все громче звучали топот копыт и голоса преследователей. Его это радовало. Люди Латиго прежде всего хотели взять числом: две дюжины против троих, да и сзади спешит подмога. Они уже предвкушали победу.

Роланд направил Быстрого к тропе, разделяющей надвое груды нарубленных ветвей: тропе, ведущей в каньон.

Хендрикс догнал Латиго, тяжело дыша, с покрасневшими щеками.

— Сэр! Готов доложить!

— Докладывай.

— Со мной двадцать человек, и нас догоняют еще не меньше шестидесяти.

Латиго не ответил. Его глаза сверкали, как две льдинки на солнце. Рот под усами изогнулся в улыбке.

— Родни. — Имя Хендрикса он произнес чуть ли не с нежностью любовницы.

— Сэр?

— Я думаю, они направляются в каньон, Родни. Да... посмотри. Я в этом уверен. Еще две минуты, и свернуть они не смогут. — Он вытащил из кобуры револьвер, положил ствол на сгиб локтя, выстрелил по тройке скачущих вперед всадников, не с тем чтобы попасть — от избытка чувств.

— Да, сэр, очень хорошо, сэр. — Хендрикс обернулся и, привстав на стременах, энергично замахал рукой, требуя от своих прибавить скорости.

— *Спешиваемся!* — крикнул Роланд, когда они добрались до нарубленных веток.

На них пахло сухой листвой, которая словно ждала, когда же ее подпалят. Он не знал, как отреагирует Латиго на их маневр: придержит коня или, наоборот, пришпорит, но его это не волновало. У них были хорошие лошади, добрая гилеадская порода, и за прошедшие месяцы Быстрый стал ему близким другом. Он не хотел загонять его, Оленью Шкуру и Банного Листа в каньон, где они оказались бы в западне, между червоточиной и огнем.

Ален и Катберт в мгновение ока оказались на земле, Ален сдернул с рога передней луки седла мешок с магическим кристаллом, перекинул через плечо. Оленья Шкура и Банный Лист сразу побежали дальше, вдоль наваленных веток, но Быстрый застыл на месте, глядя на Роланда.

— За ними, — хлопнул его по крупу Роланд. — Беги.

Быстрый побежал, взметнув хвост. Катберт и Ален пошли по тропе первыми. Роланд последовал за ними, то и дело наклоняясь, чтобы убедиться, что канавки, засыпанные порохом, целехоньки. Никуда они, естественно, не делись, и порох остался сухим: с того времени как они здесь побывали, на землю не упало ни капли дождя.

— Катберт! — крикнул он. — Спички.

Катберт протянул ему несколько спичек. При этом улыбаясь так широко, что оставалось лишь удивляться, что остальные не посыпались на землю.

— Мы устроили им неплохую разминку, не так ли, Роланд?

— Это точно. — Он не смог сдержать улыбки. — Теперь идите. К расселине.

— Дай я сделаю, — попросил Катберт. — Пожалуйста, Роланд, ты иди с Аленом, а я останусь. Поджоги — это моя слабость.

— Нет, — отрезал Роланд. — Предоставь это мне. И не спорь. Идите. И скажи Алену, чтобы он берег магический кристалл.

Катберт еще несколько мгновений смотрел на него, потом кивнул:

— Не тяни слишком долго.

— Не буду.

— Пусть тебе благоволит удача, Роланд.

— Пусть она благоволит и вам.

Катберт поспешил за Аленом, догнал. Тот поднял руку, махнул

Роланду. Роланд кивнул в ответ и тут же пригнулся: у самого виска просвистела пуля.

Сидя на корточках, он посмотрел на равнину. Люди Латиго быстро приближались. Слишком быстро. Ветер дул Роланду в лицо. Если спичка погаснет до того, как...

Не надо, о если... Держись, Роланд... держись... жди их...

Он ждал, зажав в пальцах каждой руки по незажженной спичке, вглядываясь сквозь переплетение веток. В нос бил запах мескитового дерева, перемешанный с другим, не менее сильным запахом — горячей нефти. От воя червоточины голова шла кругом. Роланд думал о том, как летел в розовом вихре... о том, как быстро исчез образ Сюзан. *Спасибо богам, что есть Шими*, мелькнуло у него в голове. *Он проследит за тем, чтобы день для нее закончился в укромном месте.* Но воющая червоточина словно насмехалась над ним, спрашивая, а может, он увидел далеко не все.

Теперь Латиго и его люди на полном скаку преодолевали последние триста ярдов, отделяющие их от устья каньона, скачущие сзади быстро к ним приближались. Первая группа, пожалуй, уже не могла остановиться: догоняющие просто растоптали бы их.

Пора. Роланд сунул первую спичку между зубами, рванул вперед. Она тут же зажглась, обдав жаром язык. Прежде чем сгорела серная головка, Роланд поднес спичку к пороху одной из канавок. Он вспыхнул сразу же, и дорожка огня побежала под ветками справа от тропы. Роланд перебежал тропу, по ней могли проехать бок о бок два всадника, подпалил вторую пороховую канавку и со всех ног помчался в каньон.

Мать и отец, неожиданно вспыхнуло в мозгу. Из какой глубины выплыло это воспоминание. *Мать и отец. На озере Сарони.*

Когда они поехали туда, на прекрасное озеро Сарони в северной части феода Гилеад? Этого Роланд припомнить не мог. Знал только, что был тогда очень маленьким, а перед ним открылась широкая полоса прибрежного песка, идеального места для строительства замков. Этим он и занимался в тот день (*может, они поехали отдохнуть? Хоть раз мои родители отдыхали от насущных дел?*), когда что-то, возможно, крики кружащих над озером птиц, заставило его вскинуть голову. И он увидел их, Стивена и Габриэль Дискейн, у кромки берега, спиной к нему. Они стояли, обняв друг друга за талию, глядя на синюю воду под синим летним небом. Какой же

любовью к ним наполнилось в тот миг его сердце! Безграничной любовью, которая, переплетаясь с надеждой и памятью, образует Яркую Башню в жизни и душе каждого человека.

Теперь же он испытывал не любовь, но ужас. Ибо видел перед собой (а бежал он к расселине, начинающейся у самой границы червоточины) не Стивена из Гилеада и Габриэль из Артена, но своих лучших друзей, Катберта и Алена. Они не обнимали друг друга за талию, но держались за руки, как дети из сказки, заблудившиеся в сказочном лесу. Птицы кружили над ними, но стервятники, а не чайки. А поблескивала перед ними, дымясь туманом, отнюдь не вода.

То была червоточина, к ней и шагнули под взглядом Роланда Катберт и Ален.

— *Остановитесь!* — не своим голосом закричал он. — *Остановитесь, ради ваших отцов!*

Они не остановились. Так и шагали, взявшись за руки, к дымящейся, зеленоватой поверхности червоточины. Она же визжала от удовольствия, манила к себе, обещая неземные наслаждения. Она подчиняла разум и нейтрализовала нервную систему.

Роланд явно не успевал их догнать, однако нашел, наверное, единственный способ их остановить: выхватил револьвер и выстрелил поперх их голов. В замкнутом пространстве каньона выстрел прогремел громовым раскатом, на мгновение полностью заглушив вой червоточины. Юноши остановились в нескольких дюймах от зеленоватой мерзости. Роланд уже испугался, что сейчас она выкинет щупальца и ухватит Катберта и Алена, как ухватила низко летящую птицу в ночь, когда они приезжали сюда под Мешочной Луной.

Еще дважды он выстрелил в воздух, эхо выстрелов отразилось от стен каньона и вернулось к нему.

— *Стрелки!* — крикнул Роланд. — *Ко мне! Ко мне!*

Ален повернулся первым. Его остекленевшие глаза еще ничего не видели. Катберт сделал еще шаг к червоточине. Носки его сапог исчезли в зеленовато-серебристой бахrome, что окаймляла ее (вой усилился, словно в предвкушении добычи), но тут Ален дернул Катберта за руку. Катберт споткнулся о камень и упал. Когда он поднял голову, глаза его прояснились.

— Боги! — пробормотал Катберт, с трудом поднявшись. Роланд заметил, что носки его сапог исчезли, словно аккуратно отрезанные садовыми ножницами. Из дырок торчали большие пальцы. — Роланд, — вместе с Аленом он, волоча ноги, двинулся к Роланду. — Роланд, мы едва не послушали ее. *Она разговаривает!*

— Да. Я знаю. Пошли. Времени у нас нет.

И он повел их к расселине в стене каньона, моля богов, чтобы те позволили им подняться достаточно высоко, чтобы избежать града пуль, который непременно обрушился бы на них, пояись Латиго в каньоне до того, как их укроет расселина.

Резкий горький запах начал заполнять воздух. И от груды веток к ним потянулись сероватые струйки дыма.

— Катберт, ты первый. Ален — за ним. Я — последним. Карабкайтесь живее, парни. На карте наши жизни.

21

Люди Латиго вливались в зазор, делящий груды веток надвое, как вода в тоннель. По мере их продвижения вперед зазор расширялся. Нижний слой высохших веток уже горел, но в своем нетерпении настичь троих юношей они то ли не видели язычков пламени, то ли не обращали на них внимания. Не почувствовали они и резкого запаха дыма: люди слишком долго дышали вонью горящей нефти, чтобы различать какие-то другие запахи. Да и у самого Латиго, который первым ворвался в груды веток, в голове билась только одна мысль, заставляющая трепетать от предвкушения сладкой мести: *каньон замкнутый, с отвесными стенами, каньон замкнутый, с отвесными стенами!*

Однако что-то еще все настойчивее стучалось в его мозг по мере того, как копыта лошади лавировали не только среди камней, но и
(костей)

множества выбеленных солнцем черепов и костей коров, овец, других животных. Какой-то дребезжащий, сводящий с ума вой уверенно заполнял голову, заставляя слезиться глаза. Однако хоть звук был и силен (звук ли, он же звучал не снаружи, а внутри головы), Латиго невероятным усилием воли заглушил его, заставив себя думать о том, что

(*каньон замкнутый, с отвесными стенами, каньон замкнутый, с отвесными*)

он вот-вот отомстит обидчикам. Да, по возвращении ему придется отчитываться перед Уолтером, может, перед самим Фарсоном, да он понятия не имел, какое наказание ждало его за потерю нефти... но все это будет позже. А в тот момент он хотел только одного — убить этих наглецов.

Впереди каньон чуть поворачивал к северу, и дно его уходило вниз. Наверное, они там, но деваться-то им все равно некуда. Небось, прижались

к дальней стене каньона или спрячутся между камней. Что ж, Латиго ударит по ним из всех стволов, и рикошеты пуль заставят их выйти на открытое место. Они еще выйдут с поднятыми руками, надеясь на милосердие победителей. Тщетная надежда. После того, что они сделали, после того...

Когда Латиго огибал излом, уже с револьвером в руке, его лошадь закричала, не заржала — закричала, как женщина, и поднялась на дыбы. Латиго успел ухватиться за рог передней луки и удержался в седле, но лошадь на чем-то поскользнулась и повалилась на бок. Латиго выдернул ноги из стремян, прыгнул на землю, увернувшись от падающего животного, тут он почувствовал, что вой, который он гнал от себя, стал в десять раз сильнее, усилился до такой степени, что глаза завибрировали в глазницах, а из головы вышибло ту единственную, самую важную мысль (*каньон замкнутый, стены отвесные, каньон замкнутый, стены...*).

С такими, как Джордж Латиго, червоточина справлялась без труда.

Мимо приземлившегося на четвереньки Латиго проскакивали всадники, на которых напирала сзади другие всадники, парами протискивающиеся через зазор в нарубленных ветках (потом, по мере того как зазор расширился, уже и тройками).

Перед Латиго мелькали черные хвосты и серые ноги лошадей, сапоги, башмаки, джинсы всадников. Он попытался встать, и тут же лошадиное копыто угодило ему в затылок. Шляпа смягчила удар, и Латиго не потерял сознания, но тяжело рухнул на колени, наклонившись вперед, словно собрался помолиться. Перед его глазами заплескали звезды, а по шее потекла кровь из рваной раны на затылке, нанесенной копытом.

Теперь он слышал, как ржут другие лошади. И кричат люди. Вновь поднялся, кашляя в поднятой лошадьми пыли (едкой пыли, которая резала горло, как дым), и увидел Хендрикса, который пытался податься на юг или восток, вырваться из-под напирających всадников. Ему это не удавалось. Самую дальнюю треть каньона занимало какое-то болото, заполненное зеленоватой, клубящейся паром водой. Под верхним слоем воды, похоже, затаилась трясина, в которой, судя по всему, и увязли ноги лошади Хендрикса. Она громко заржала, пытаясь подняться на дыбы. Но передние копыта словно приклеились к зеленоватой воде. Хендрикс пинал и пинал лошадь, но та не могла сдвинуться с места, хоть и пыталась. А голодный дребезжащий вой забивал уши Латиго и заполнял весь каньон.

— Назад! Поворачивайте назад!

Он хотел выкрикнуть эти слова, но едва прохрипел их. И всадники по-прежнему проносились мимо него, поднимая пыль, невероятно густую пыль. Латиго набрал полную грудь воздуха, чтобы крикнуть громче... они

должны повернуть назад, в каньоне Молнии затаилось что-то ужасное... и выдохнул, не произнеся ни слова.

Ржущие лошади.

Едкий дым.

И этот ужасное, сводящее с ума дребезжание.

Лошадь Хендрикса затягивало в болото, с выпученными глазами, оскаленными зубами, падающими с губ хлопьями пены. Вот Хендрикс упал в вонючую воду, над которой поднимался парок, да только не в воду. Болото выпростало зеленые щупальца. Одно прошлось по щеке, обнажая белые кости, второе вырвало глаза, остальные обхватили тело и потащили в глубину. Но прежде чем Хендрикс скрылся под зеленоватой поверхностью, Латиго увидел, как из раззявленного рта густым потоком хлынула кровь.

И другие это увидели, попытались податься прочь от зеленой западни. Но на тех, кому это удалось, надавила следующая людская волна, некоторые из всадников продолжали подбадривать себя воинственными криками. Новые люди и лошади посыпались в зеленоватое марево, которое с жадностью заглатывало их. Латиго увидел солдата, которому отдавал свой револьвер. Бедолага, который, подчиняясь приказу Латиго, застрелил одного из своих товарищей, чтобы привести остальных в чувство, вопя, спрыгнул с лошади и на четвереньках пополз прочь от зеленой мерзости, которая уже ухватила его лошадь. Попытался подняться на ноги, но оказался на пути двух всадников. Успел закрыть руками лицо и тут же угодил под копыта.

Крики раненых и умирающих заполнили каньон, но до Латиго они долетали из далекого далека. Слышал он лишь дребезжащий вой, в котором, однако, начал различать слова. Голос приглашал его прыгнуть в болото. Покончить со всем этим ужасом. Почему нет? Ведь все кончится, не так ли? Будет поставлена точка.

Но вместо того чтобы подчиниться, он попятился от западни, и на этот раз попытка удалась: напор всадников ослабевал. Те, кто последними прорвался сквозь устье каньона, придержали лошадей. Но их силуэты терялись в густом дыму.

Эти коварные мерзавцы подожгли нарубленные ветки. Боги небес, боги земли, я думаю, мы в ловушке.

Он не мог отдавать команды — всякий раз когда Латиго набирал полную грудь воздуха, он вылетал из нее сухим кашлем, — но сумел схватить за руку проезжающего всадника, парнишку лет семнадцати, и скинуть его с лошади. Паренек полетел головой вниз и размозжил голову о камень. Латиго же запрыгнул в седло еще до того, как последняя дрожь

ушла из ног паренька.

Он развернул лошадь и направил ее к устью каньона, но через двадцать ярдов его остановила густая завеса дыма. Ветер дул ему в лицо, и сквозь дым Латиго с трудом разглядел оранжевое пламя горящих веток.

И ему пришлось поворачивать к зеленому болоту. Новые всадники возникали из дыма. Один врезался в лошадь Латиго, и того второй раз за пять минут сбросило на землю. Он приземлился на колени, с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, поплелся прочь от огня, надсадно кашляя, с красными, слезящимися глазами.

За изломом каньона дышать было чуть легче. У самой червоточины Латиго увидел месиво лошадей, многие переломали ноги, и ползающих, вопящих людей. На зеленой поверхности плавали шляпы, сапоги, шейные платки. Даже горн.

Иди сюда, зазывало зеленое чудище, и Латиго уже не находил в себе сил сопротивляться этому мягкому, обволакивающему голосу. Заходи, тут ты сможешь отдохнуть, расслабиться, забыть о всех проблемах.

Латиго поднял револьвер, намереваясь пристрелить этот голос. Он не верил, что голос можно убить, но помнил лицо своего отца и хотел войти в болото, нажимая на спусковой крючок. Умереть в бою.

Да только не нажал. Револьвер выпал из его разогнувшихся пальцев, и он направился к червоточине, как и те, кто окружал его. Дребезжащий вой прибавлял в силе, кроме него, Латиго уже ничего не слышал и не чувствовал.

Совсем ничего.

Они видели все это из расселины, Роланд и его друзья, застывшие в двадцати футах от обрыва. Они видели, как нарастала паника, как затаптывали людей, как всадников и лошадей сбрасывали в червоточину, наконец, как люди добровольно вошли в нее.

Катберт находился выше всех, под ним — Ален, ниже, на крошечном скальном выступе, стоял Роланд, ухватившись за кусты. И сверху им открывалось недоступное мечущимся в дымном аду людям: они видели, как червоточина растет, выплескивается из озерца-болота, жадно тянется к ним, накатывает на них, словно приливная волна.

Роланд, утолив жажду битвы, не хотел смотреть на происходящее внизу, но не мог оторвать глаз. Вой червоточины, трусливый и

торжествующий одновременно, радостный и грустный, не отпускал его от себя. Как зачарованный смотрел он вниз, точно так же как и его друзья. И когда едкий дым, заполнив дно каньона, начал подниматься все выше, они кашляли, но не сдвигались с места.

Люди кричали в сгустившемся дыму. Метались в нем, как призраки. Их силуэты таяли по мере того как нарастала толщина дымовой завесы, где-то под этой белой едкой пеленой в отчаянии ржали лошади. Ветер сворачивал дым в вихри, которые выписывали причудливые кривые. Дребезжала червоточина, а дым над ней начал приобретать зеленый оттенок.

А потом люди Джона Фарсона перестали кричать.

Мы их убили, не без ужаса подумал Роланд. Потом пришла другая мысль: Нет, не мы. Я. Я их убил.

Роланд не знал, сколько бы еще он простоял на том скальном выступе... может, пока поднимающийся дым не поглотил его, но тут Катберт, начавший карабкаться вверх, произнес два слова. И столько было в них ужаса и изумления, что оцепенение Роланда сняло как рукой.

Роланд! Луна!

Вздрогнув, Роланд вскинул голову, увидел, что небо уже потемнело. Силуэт Катберта четко прорисовывался на его фоне. Смотрел Катберт на восток, на его лицо падал оранжевый отблеск встающей луны.

Да, оранжевой, гудела червоточина в его голове. Смеялась в его голове. Оранжевой, как и в ту ночь, когда ты приходил, чтобы увидеть меня и сосчитать. Оранжевой, как огонь. Оранжевой, как праздничный костер.

Как получилось, что уже совсем стемнело? — мысленно спросил он себя, заранее зная ответ. Время вновь сдвинулось, слой относительно слоя, как случается с твердью после землетрясения. Пришли сумерки.

Взошла луна.

Ужас охватил Роланда. Дикий ужас, бросивший его на стену. Он едва не потерял равновесия, чтобы не свалиться с уступа, схватился то ли за куст, то ли за лиану. Он словно вновь попал в розовый вихрь. Может, Колдовская радуга показывала ему далекие миры только с одной целью: скрыть то, что могло произойти в непосредственной близости?

Я бы тут же повернул назад, если б думал, что ее жизнь в опасности.
Его слова.

А если шар знал? Если он не мог лгать, то мог хотя бы намекнуть на... Мог не только унести его далеко-далеко в черную землю, к Темной Башне. Но показать ему нечто другое, что вспомнилось ему только сейчас: тощего

фермера, который сказал... что? Не слова, о которых он подумал, которые слышал с раннего детства. Не *«долгой тебе жизни, богатого урожая»*, а...

— Смерть, — прошептал он окружающим его камням. — Смерть тебе, жизнь — моему урожаю. *Гори огнем*. Вот что он сказал. *Гори огнем. Приходи, Жатва*.

Оранжевый, стрелок. Старческий голос у него в голове сменился старческим же смехом. Голосом и смехом Риа с Кооса. *Цвет праздничного костра. Гори огнем, конец года, нынешние пугала с красными руками — лишь дань древним обычаям. Раньше-то все было по-другому. А вот сегодня мы вспомним эти обычаи, время от времени их должно вспоминать. И твоя чертова подружка сгорит в огне. Этой ночью я отплачу тебе за моего любимого Эрмота. Этой ночью настанет час расплаты. Приходи, Жатва*.

— Полезли! — закричал Роланд, вытянул руку, шлепнув Алена по заднице. — Вверх, вверх! Ради ваших отцов, вверх!

— Роланд, что?.. — Ален не мог понять, с чего такая спешка, но полез вверх, цепляясь руками за кусты и скальные выступы. Мелкие камешки из-под его ног сыпались на голову Роланда.

— Скорее, скорее, — подгонял друга Роланд. — Может, еще не поздно, может, мы успеем!

Но он знал, что надежды нет. Демоническая Луна взошла, он видел ее отсвет на лице Катберта. В голове дребезжащий вой червоточины, гниющей язвы на плоти реальности, смешивался с безумным смехом ведьмы. И Роланд знал, что надежды нет.

Смерть тебе, жизнь — урожаю. Гори огнем.

О, Сюзан...

Сюзан ничего не понимала, пока не увидела мужчину с длинными рыжими волосами и в соломенной шляпе, из-под которой азартно сверкали глаза. В руках он держал вылущенные початки кукурузы. Он был первым, обычный фермер (вроде бы она видела его на нижнем рынке, может, даже кивком здоровалась с ним, а он — с ней), стоявший на обочине неподалеку от того места, где дорога к Шелковому ранчо пересекалась с Великим Трактом, освещенный поднимающейся по небосводу луной. Она ничего не понимала, пока они не поравнялись с ним. А вот когда он швырнул охапку вылущенных початков в медленно катящийся возок, на котором она стояла,

со связанными впереди руками, поникшей головой и веревкой на шее, ей все стало ясно.

— *Гори огнем*, — выкрикнул он, чуть ли не весело, те самые слова, которых она не слышала с раннего детства, поскольку их давно заменили другие: «Приходи, Жатва». А потом добавил что-то еще, что именно, она не разобрала, похоже, на языке, на котором говорили Древние, но вроде бы она уловила слово *чар*. Слово, которое имело только одно значение — смерть. И когда засохшие початки посыпались вокруг ее сапог, она поняла, что означают эти незнакомые ей слова, поняла, что не будет у нее ребенка, не будет свадьбы в далеком, сказочном Гилеаде, не войдет она с Роландом в огромный зал, освещенный электрическими лампами, не будет у нее мужа, не будет ночей нежной любви. Все это в прошлом. Мир «сдвинулся», и жизнь ее закончилась, по-настоящему еще не успев начаться.

Она знала, почему ее поставили на возок, почему она *стоит* на возке и почему единственный оставшийся в живых Охотник за гробами набросил веревочную петлю ей на шею.

— Не пытайся сесть, — предупредил он, в его голосе слышались чуть ли не извиняющиеся нотки. — У меня нет желания задушить тебя, девочка. Если возок дернется и ты упадешь, я постараюсь не затягивать петлю. Но если сядешь — затяну. *Ее* приказ. — И он мотнул головой в сторону Риа, сидевшей на скамье возницы, с поводьями в скрюченных руках. — Сегодня командует *она*.

И она командовала. И продолжала командовать, когда они приблизились к городу. Как бы ни повлиял магический кристалл на ее тело, как бы ни сказалась его потеря на ее разуме, власть над людьми осталась при ней. Более того, увеличилась, словно она нашла новый источник энергии, от которого могла подпитываться, во всяком случае, какое-то время. Мужчины, которые могли переломить Риа об колено, как спичку, беспрекословно, словно дети, выполняли ее приказы.

Все больше людей присоединялось к процессии. Полдюжины всадников ехали перед возком, с братом Раймера и мужчиной с прищуренным глазом, целая дюжина — позади, составляя компанию Рейнолдсу, который обмотал свободным концом веревки татуированную руку. Сюзан не знала, кто эти мужчины, откуда они взялись. Риа тем временем свернула на дорогу к Шелковому ранчо, ведущую на юго-запад, вокруг города, потом свернула и с нее и уже на восточной окраине Хэмбри вновь вернулась на Великий Тракт. Возок катился медленно, ведьма, похоже, соизмеряла его скорость с местоположением опускающегося к горизонту солнца. Она не подгоняла пони, наоборот, сдерживала его. Когда

они миновали фермера, что стоял один (несомненно, хорошего человека, работающего от зари до зари, обожающего жену и детей, пусть в его глазах, под надвинутой шляпой, она увидела недобрый блеск), Сюзан поняла, откуда такая неспешность: Риа ждала восхода луны.

И Сюзан взмолилась, не богам — отцу.

Папа?! Если ты здесь, дай мне силы, помоги мне постоять за него, за память о нем. Помоги мне постоять и за себя. Не ради моего спасения, не ради избавления от смерти, но для того, чтобы не радовать их, не дать им насладиться моими болью и страхом. И ему, пожалуйста, помоги и ему...

— Сохрани его целым и невредимым, — шептала она. — Сохрани моего любимого. Пусть он всегда добирается до того места, куда идет, пусть радуется тому, что видит, пусть радуется тех, кто видит его.

— Молишься, дорогуша? — спросила ведьма, не поворачивая головы. В скрипучем голосе слышалось лживое сострадание. — Да, сейчас самое время пообщаться с Силами... до того, как слюна закипит у тебя в горле. — Она откинула голову и заохоталась, остатки ее волос стали оранжевыми в свете поднявшейся тахи луны.

Их лошади, ведомые Быстрым, прибежали на крики Роланда. Они стояли рядом с тем местом, где расселина выходила на поверхность земли, с развевающимися на ветру гривами, мотая головами и недовольно всхрапывая, когда ветер бросал на них клубы густого белого дыма, поднимающегося из каньона.

Роланд не замечал ни лошадей, ни дыма. Взгляд его сосредоточился на мешке, который висел на плече у Алена. Магический кристалл снова ожил. Сквозь мешковину пробивалось отчетливо видимое в темноте пульсирующее розовое сияние. Роланд протянул руки к мешку.

— Дай его мне!

— Роланд, мне кажется, не...

— *Дай его мне, будь проклято твое лицо!*

Ален посмотрел на Катберта, который кивнул... затем бессильно развел руками.

Роланд буквально сорвал мешок с его плеча, сунул в него руки, вытащил хрустальный шар. Он яростно сиял: розовая, не оранжевая, Демоническая Луна.

А за их спинами в каньоне, то громче, то тише подвывала червоточина.
— Пристально в эту штуковину не вглядывайся, — прошептал Катберт Алену. — Не вглядывайся, ради твоего отца.

Роланд же склонился над пульсирующим кристаллом, розовый отсвет побежал по его щекам и лбу, заполнил глаза.

В Радуге Мейрлина он и увидел Сюзан, дочь Патрика, очаровательную девушку в окошке. Увидел ее стоящей на черном, расписанном золотом возке, возке старой ведьмы. Рейнолдс ехал позади, держа в руке конец веревки, петлей наброшенной на шею Сюзан. Возок катился к «Зеленому сердцу», катился с ритуальной неспешностью. Вдоль Холмовой улицы рядом стояли люди, первым из которых был фермер на темной дороге... жители Хэмбри и Меджиса, в которых взыграли темные инстинкты былых времен. Они вспомнили, казалось бы, давно забытое: *гори огнем*, приходи Жатва, смерть тебе, жизнь — нашему урожаю.

Словно беззвучная команда прошла по их рядам, и они начали забрасывать Сюзан сначала вылущенными кукурузными початками, потом гнилыми помидорами, потом картофелинами и яблоками. Одно из яблок угодило ей в щеку. Сюзан покачнулась, едва не упала, выпрямилась, вскинула к луне избитое, но по-прежнему прекрасное лицо. Так и застыла, с гордо поднятой головой. Смотрела она прямо перед собой.

— *Гори огнем*, — шептали люди. Роланд их не слышал, но мог прочесть слова по движениям губ. Стенли Руис стоял там, и Красотуля, и Герт Моггинс, и Френк Клейпул, помощник шерифа со сломанной ногой, и Джейми Макканн, которому так и не удалось сыграть роль Юноши Жатвы. Роланд увидел сотню человек, с которыми он познакомился (и многих полюбил) за время пребывания в Меджисе. А теперь эти люди забрасывали его любимую вылущенными кукурузными початками и овощами, а она стояла перед ними на возке со связанными впереди руками.

Медленно катящийся возок добрался до «Зеленого сердца», где в этом году не горели бумажные фонарики, не кружилась карусель, не смеялись дети. Толпа, теперь скандирующая: *Гори огнем*, — раздалась, и Роланд увидел деревянную пирамиду — незажженный праздничный костер. Вкруг нее, прислоненные к ней спинами, плотным кольцом сидели соломенные пугала с красными руками. Но в кольце этом недоставало одного сегмента.

Роланд начал кричать. С губ его раз за разом слетало единственное слово: *нет, нет, нет, нет, нет!* И с каждым вскриком шар вспыхивал все ярче, словно ужас Роланда подливал в него энергию. Теперь при этих пульсациях Катберт и Ален видели череп стрелка под его кожей и волосами.

— Мы должны забрать у него кристалл, — прошептал Ален. — Должны, он высасывает его досуха. Убивает его!

Катберт кивнул и шагнул вперед. Схватился за шар, но не смог вырвать из рук Роланда. Пальцы стрелка, казалось, сплавились с ним.

— Ударь его! — Катберт повернулся к Алену. — Ударь его снова, ты должен!

С тем же успехом Ален мог ударить и валун. Роланд даже не покачнулся. И продолжал кричать: *Нет! Нет! Нет! Нет!*

Шар мерцал все чаще и чаще, проникая все глубже в открытую им рану, напитываясь горем Роланда, как кровью.

— *Гори огнем!* — выкрикнула Корделия Дельгадо, рванувшись к возку с того места, где она стояла. Толпа приветствовала ее, ей даже подмигнула зависшая над ее левым плечом Демоническая Луна. — *Гори огнем, неверная сука! Гори огнем!*

Она метнула ведро с краской в племянницу, перепачкав ее штаны и одев связанные руки в алые перчатки. Она широко улыбалась, когда возок с Сюзан проезжал мимо. На щеке ее чернела отметина: пепел, оставленный рукой Сюзан. Посередине бледного лба пульсировала толстая, как дождевой червь, вена.

— *Сука!* — кричала Корделия. Пальцы ее сжались в кулаки, она отплясывала джигу, колени так и ходили под юбкой. — *Жизнь — урожаю! Смерть этой суке! Гори огнем! Приходи, Жатва!*

Возок миновал ее. Корделия выпала из поля зрения Сюзан, еще один жестокий фантом в страшном сне, которому вскорости суждено оборваться. *Птички и рыбки, медведи и зайки, думала она. Чтоб у тебя все было хорошо, Роланд, любовь моя. Это мое заветное желание.*

— Возьмите ее! — вскричала Риа. — Возьмите эту убийцу и зажарьте ее с красными руками! Гори огнем!

— *Гори огнем!* — с готовностью отозвалась толпа. Лес рук вырос в пронизанном лунным светом воздухе. Послышались взрывы петард, детский смех, предвкушающий невиданное зрелище.

Сюзан сняли с возка, подняли в воздух, и она поплыла над головами к деревянной пирамиде, передаваемая с рук на руки, словно героиня, вернувшаяся домой с победоносной войны. А луна смотрела на все это с недостижимых высот.

— Птички и рыбки, медведи и зайки, — шептала Сюзан, когда ее сначала опустили, а потом бросили спиной на деревянную пирамиду, заполнив ее телом недостающий сегмент в кольце пугал.

— *Гори ОГНЕМ! Гори ОГНЕМ! Гори ОГНЕМ!* — в унисон скандировала толпа.

— Птички и рыбки, медведи и зайки.

Стараясь вспомнить, как он танцевал с ней в ту ночь. Стараясь вспомнить, как они любили друг друга в ивовой роще. Стараясь вспомнить их первую встречу на ночной дороге: «Спасибо, сэй, хорошо, что мы встретились». Его слова. И да, несмотря ни на что, несмотря на то, что ее соседи внезапно превратились в страшных гоблинов, пляшущих под луной, несмотря на боль и предательство, несмотря на грозящую ей страшную смерть, он сказал правду: хорошо, что они встретились, очень хорошо.

— *Гори ОГНЕМ! Гори ОГНЕМ! Гори ОГНЕМ!*

Подходили женщины и складывали у ее ног сухие вылущенные кукурузные початки. Некоторые из них угощали ее оплеухами (она не обращала внимания: избитое лицо давно онемело). Одна, Мига Альварес, чью дочь Сюзан учила верховой езде, плюнула ей в глаза, вскинула руки к небу и расхохоталась. На мгновение взгляд Сюзан остановился на Корал Торин, увешанной амулетами. Она вывалила на Сюзан охапку сухих листьев, осыпавших ее шуршащим дождем.

А потом вновь появились ее тетка и Риа. Обе с факелами. Они встали перед ней, Сюзан почувствовала идущий от факелов жар. Риа взметнула факел к луне.

— *ГОРИ ОГНЕМ!* — скрипучим старческим голосом выкрикнула она.

— *ГОРИ ОГНЕМ!* — громом отозвалась толпа.

Подняла свой факел и Корделия.

— *ПРИХОДИ, ЖАТВА!*

— *ПРИХОДИ, ЖАТВА!* — громом отозвалась толпа.

— А теперь, сука, — проворковала Риа, — тебя ждут куда более жаркие поцелуи, чем те, которыми ублажал тебя твой любовник.

— Умри, неверная, — прошептала Корделия. — Жизнь — урожаю, смерть — тебе.

Она первой швырнула факел в груды сухих вылущенных початков у ног Сюзан. Риа отстала от нее на секунду. Початки вспыхнули сразу же, заливая лицо Сюзан желтым светом.

В последний раз она набрала полную грудь холодного воздуха, согрела своим сердцем и выпустила криком, несломленная, непокоренная:

— *РОЛАНД, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!*

Толпа подалась назад, словно наконец-то осознав, что произошло, только теперь, слишком поздно, когда никто ничего не мог изменить: у костра, зажженного в честь праздника Жатвы, сидело не пугало, а очаровательная девушка, одна из них, с выкрашенными красной краской, как у пугала, руками. Они могли бы спасти ее, будь у них в запасе еще секунда, некоторые, во всяком случае, могли бы, но опоздали и они. Деревянная пирамида занялась: ее штаны занялись: ее рубашка занялась: ее длинные белокурые волосы вспыхнули, как корона.

— РОЛАНД, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

На конце своей жизни она чувствовала тепло — не боль. Ей хватило времени, чтобы вспомнить его глаза того оттенка синевы, каким бывает небо на рассвете. Ей хватило времени, чтобы вспомнить его мчащимся на Быстром по Спуску, с черными волосами, выбивающимися из-под шляпы. Ей хватило времени, чтобы вспомнить, как легко и беззаботно он смеялся, чего уже никогда не будет в той долгой жизни, которую он проживет без нее, и этот смех она взяла с собой, когда светом и жаром вознеслась в черное небо, вновь и вновь восклицая его имя, призывая птичек и рыбок, медведей и заек.

Под конец с губ его срывались уже не слова, а бессвязные звуки. Он был, как смертельно раненное животное. Руки его сплывали с шаром, который пульсировал, как сердце бегуна. В нем он видел, как она горела.

Катберт попытался отнять у Роланда проклятый кристалл, но не смог. И тогда решился на отчаянный шаг — выхватил револьвер, нацелил на хрустальный шар, взвел курок. Он, конечно же, ранил бы Роланда, осколки стекла могли ослепить его, но иного выбора не было: Колдовская радуга точно убила бы Роланда, если бы они ничего не предприняли.

Но стрелять ему не пришлось. Словно увидев револьвер Катберта и поняв, что может произойти, хрустальный шар мгновенно почернел, мертвым грузом повиснув в руках Роланда. И тело стрелка, с закаменевшими мышцами, вибрирующее от невероятного напряжения, обмякло. Он рухнул как подкошенный, и пальцы его наконец-то отлепились от магического кристалла. Он упал Роланду на живот, скатился с него на землю и замер у одной из его распростертых рук. Ничего не светилось в темных глубинах шара за исключением злобной оранжевой искорки — крошечного отражения Демонической Луны.

Ален смотрел на кристалл с отвращением и страхом, как смотрят на злобное животное, которое спит... но, проснувшись, вновь укусит при первом удобном случае.

Он шагнул к шару с твердым намерением растереть его в порошок.

— Не смей, — остановил его хриплый голос Катберта. Стоя на коленях у безжизненного тела Роланда, он поднял голову, повернулся к Алену. Луна превратила его глаза в два блестящих камешка. — Не смей, после тех несчастий и смертей, через которые мы прошли, чтобы завладеть им. Не смей даже думать об этом.

Ален заколебался. Подумал о том, что все равно должен уничтожить это проклятое создание человеческого разума... несчастья, которые они пережили, не шли ни в какое сравнение со всеми теми несчастьями, которые еще мог принести этот магический кристалл. Это же машина по созданию несчастий, вот что это такое, и именно шар убил Сюзан Дельгадо. Ален не видел того, что видел Роланд в его глубинах, но лицо своего друга он видел, и этого хватило с лихвой. Магический кристалл убил Сюзан и будет убивать других, если останется в целости и сохранности.

Но потом Ален подумал о *ка* и отступил от шара. О чем впоследствии горько сожалел.

— Положи его в мешок, — распорядился Катберт. — и помоги мне с Роландом. Мы должны увезти его отсюда.

Мешок лежал на земле, там, где его бросил Роланд. Ветер чуть шевелил мешковину. Ален поднял шар, с отвращением прикоснувшись к его гладкой поверхности, ожидая, что он оживет под его руками. Не ожил. Ален сунул его в мешок, затянул веревку, забросил на плечо. Затем опустился на колени около Роланда.

Он не знал, сколько времени они безуспешно пытались привести его в чувство. Луна поднялась высоко в небо, оранжевый ее цвет сменился серебристым, из каньона больше не поднимался дым. В конце концов Катберт решил, что толку не будет, поэтому Роланда надо привязывать к седлу Быстрого и увозить. Если они доберутся до больших лесов в западной части феода до рассвета, добавил Катберт, они будут в безопасности... но добраться туда надо обязательно. Они с удивительной легкостью уничтожили основные силы отряда Фарсона, но оставшиеся в живых наутро наверняка соберутся вместе. И будет лучше, если они уедут отсюда до того, как это произойдет.

Вот так они и покинули и каньон Молнии, и прибрежную часть феода Меджис, поскакали на запад под Демонической Луной, с Роландом,

перекинутым через седло, словно труп.

Следующий день они провели в Иль-Боске, хвойном лесу на западе Меджиса, ожидая, что Роланд очнется. Когда миновал полдень, а Роланд по-прежнему не пришел в сознание, Катберт повернулся к Алену:

— Попробуй прикоснуться к нему.

Ален взял Роланда за руки, сконцентрировал волю, взгляделся в бледное, напоминающее маску лицо, и так провел не меньше получаса. Наконец покачал головой, выпустил руки Роланда из своих, встал.

— Ничего? — спросил Катберт.

Ален вздохнул и вновь покачал головой.

Они соорудили носилки из сосновых ветвей, чтобы Роланду не пришлось еще одну ночь лежать поперек седла (к тому же Быстрый нервничал из-за того, что ему приходилось везти хозяина в таком виде), и двинулись в путь, не по Великому Тракту — слишком опасно, — а параллельно ему. Роланд оставался без сознания и следующий день (Меджис к тому времени остался далеко позади). На привале юноши уселись по обе стороны от него, переглядываясь над медленно поднимающейся и опадающей грудью стрелка.

— Может лежащий без сознания человек умереть от голода? — спросил Катберт. — Или от жажды? По-моему, нет.

— А я думаю, может, — возразил Ален.

Ночь выдалась трудной. Вымотались они донельзя, потому что прошлый день практически не спали. И тут заснули как убитые, укрывшись с головой, чтобы их не будили солнечные лучи. Проснулись оба практически одновременно, когда солнце опускалось за горизонт, а Демоническая Луна, полная, как и двумя ночами раньше, начинала свой путь по небосводу, прорезая облака — предвестники мощных осенних ливней.

Роланд сидел. Он вытащил магический кристалл из мешка и держал его в руках, темный кусок стекла, такой же мертвый, как глаза Сорви-Головы. Глаза Роланда, такие же мертвые, с полным безразличием оглядывали деревья, траву, небо. Он ел, но не спал. Пил из ручьев, мимо которых они проезжали, но не говорил. И не расставался с осколком Радуги Мейрлина, который они добыли в феода Меджис такой дорогой ценой. Но магический кристалл не оживал от его прикосновений.

И не оживет, как-то подумал Катберт. Во всяком случае, не оживет, пока Эл и я будем бодрствовать.

Ален не смог оторвать руки Роланда от хрустального шара, поэтому положил ладони ему на щеки, таким путем пытаясь прикоснуться к его сознанию. Да только не нашел, к чему прикоснуться. В Гилеад они возвращались не с Роландом, даже не с духом Роланда. Роланд ушел. Как луна на конце очередного цикла.

Часть четвертая
У ВСЕХ ДЕТЕЙ БОЖИИХ ЕСТЬ
БАШМАКИ

Глава первая

УТРО В КАНЗАСЕ

1

Впервые за эти
(часы? дни?)

стрелок замолчал. Посидел, глядя на здание, что возвышалось к востоку от них (солнце поднималось из-за него, так что они видели черный силуэт дворца, окруженный золотым нимбом), положив руки на колени. Потом взял бурдюк с водой, лежавший на мостовой рядом с ним, поднял над головой, раскрыл рот.

Пил то, что попадало в рот, остальные видели, как ходил его кадык, когда Роланд лег на асфальт, но вода лилась и на лоб, текла по закрытым глазам, стекала с висков, отчего волосы становились темнее.

Наконец он отложил бурдюк в сторону, но остался лежать с закрытыми глазами, закинув руки за голову, словно человек, сдавшийся во сне. Пар поднимался над мокрым лицом.

— А-х-х-х, — вырвалось у него.

— Полегчало? — спросил Эдди.

Веки стрелка поднялись, обнажая выцветшие синие глаза.

— Да, полегчало. Я не понимаю, как это может быть, я так боялся рассказывать об этом... но полегчало.

— Те, для кого рыться в наших мозгах — профессия, наверное, тебе бы это объяснили, — подала голос Сюзанна, — но едва ли ты стал бы их слушать. — Она уперлась руками в поясицу, прогнулась, скривилась... но скривилась, пожалуй, лишь по привычке. Спина не затекла, а потому никакой боли она не почувствовала, хотя ожидала обратного.

— Вот что я тебе скажу, — продолжил Эдди. — Твой рассказ заставляет по-новому взглянуть на выражение «рассказать все как на духу». Сколько мы здесь пробыли, Роланд?

— Всего одну ночь.

— «Духи создали все это в одну ночь», — задумчиво произнес Джейк. Он сидел, разведя согнутые в коленях ноги, а Ыш устроился между ними, глядя на него яркими, золотисто-черными глазами.

Роланд сел, вытер лицо шейным платком, пристально посмотрел на

Джейка:

— Что ты сказал?

— Не я. Это написал Чарлз Диккенс. В рассказе «Рождественская песнь». Все в одну ночь, а?

— Какая-нибудь часть твоего тела говорит о том, что времени прошло больше?

Джейк покачал головой. Нет, чувствовал он себя так же, как и в любое другое утро, может, даже получше. Ему хотелось по-маленькому, но мышцы не затекли, ничего не болело.

— Эдди? Сюзанна?

— Я отлично себя чувствую, — ответила Сюзанна. — После бессонной ночи, а то и нескольких, такого не бывало.

— У меня примерно такое же состояние, как и в те времена, когда я сидел на игле... есть что-то общее...

— Только что-то, не все? — сухо осведомился Роланд.

— Слушай, почему бы тебе не задать этот вопрос следующему свихнувшемуся поезду, на котором нам доведется ехать? Я вот про что. Если проведешь много ночей под кайфом, то привыкаешь к тому, что утром ты в полном дерьме: голова раскалывается, нос забит, сердце колотится как бешеное, позвоночник не гнется. Поверь старине Эдди, именно по своему утреннему состоянию можно понять, хорош ли для тебя тот или иной наркотик. Короче, к этому привыкаешь, я вот привык, а если пропустить ночь, не принять дозу, то утром, проснувшись, сидишь на кровати и думаешь: «Что со мной такое? Я болен? Как-то странно я себя чувствую. Или меня ночью хватил удар?»

Джейк рассмеялся, затем с такой силой зажал рот ладонью, будто хотел не только заглушить смех, но и загнать обратно то, что вырвалось.

— Извини. Мне сразу вспомнился мой отец.

— Наш человек, да? — усмехнулся Эдди. — В общем, я ожидал, что у меня будет все болеть, я ожидал, что усталость тяжелым грузом навалится на плечи, я ожидал, что при каждом движении все кости будут жалобно скрипеть... но в действительности я в полном порядке, разве что не помешало бы отлить.

— И чего-нибудь съесть? — любопытствовал Роланд.

Улыбка, что кривила губы Эдди, исчезла:

— Нет. После этой истории есть не хочется. Есть мне совсем не хочется.

Эдди снес Сюзанну с насыпи, посадил за кустами, чтобы она справилась нужду. Джейк расположился за своим кустом, в шестидесяти или семидесяти ярдах к востоку. Роланд сказал, что воспользуется разделительной полосой, потом недоуменно поднял брови, услышав дружный смех нью-йоркцев.

Сюзанна не смеялась, появившись из кустов. По ее лицу текли слезы. Эдди не задал ей ни единого вопроса: он и так все знал. Он сам едва сдерживал слезы. Осторожно поднял ее на руки, и она уткнулась лицом ему в шею. Какое-то время они постояли.

— *Гори огнем*, — повторила Сюзанна слова Роланда.

— Да, — вздохнул Эдди. — *Приходи, Жатва*.

Сюзанна подняла голову, вытерла глаза.

— Пройти через все это. — Она посмотрела вверх, чтобы убедиться, что Роланд не стоит на насыпи, не смотрит на них. — *В четырнадцать лет!*

— Я в его возрасте разве что таскал с лотков жевательную резинку. Такими подвигами не похвалишься, а? Знаешь, я даже рад, что все так получилось.

— Рад? Почему?

— Потому что думал, что он собирается рассказать нам, как убил ее сам. Ради его чертовой Башни.

Сюзанна заглянула Эдди в глаза:

— Но он и думает, что убил. Разве ты этого не понимаешь?

Когда они вновь собрались вместе и увидели разложенную у костерка еду, то решили поесть. Роланд раздал последние буррито (*Может, позже мы заглянем в «Боинг-Боинг бургерс» и посмотрим, чем у них кормят*, подумал Эдди), и все поели. Кроме Роланда. Он взял буррито, посмотрел на него и отвел глаза. Грусть разлилась по лицу стрелка, он сразу стал старым и одиноким. У Эдди защемило сердце, но он не знал, как помочь Роланду.

А вот Джейк, десятью годами моложе, нашел способ. Поднялся, подошел к Роланду, опустился рядом с ним на колени, обнял стрелка за шею, то ли прижал к себе, то ли прижался к нему:

— Мне очень жаль, что ты потерял свою подругу.

Лицо Роланда дрогнуло, и на мгновение Эдди показалось, что он сейчас заплачет. Может, уронит скупую мужскую слезу, может, слезы польются градом. Эдди отвернулся. *Утро в Канзасе*, сказал он себе. *Вот уж чего ты не мечтал увидеть. Теперь наслаждайся зрелищем и дай мужчине сладить с нервами.*

Когда он вновь повернул голову, секундная слабость Роланда осталась в прошлом. Джейк сидел рядом с ним, Ыш положил длинную морду на один из сапогов стрелка. Роланд начал медленно есть буррито, безо всякого удовольствия... но он ел.

Холодные пальцы Сюзанны коснулись его руки. Эдди переплел их своими.

— Одна ночь. — Она все еще не понимала.

— По крайней мере по тем часам, что отсчитывает наше тело, — ответил Эдди. — В наших головах...

— Кто знает? — пожал плечами Роланд. — Когда ведешь рассказ — меняешь время. Так уж сложилось в моем мире. — Он улыбнулся. Как всегда, неожиданно, улыбка превратила его чуть ли не в красавца. Глядя на эту мгновенную трансформацию, Эдди подумал, что он, пожалуй, способен понять, как девушка могла влюбиться в Роланда. Когда он был высок ростом и не так уродлив, до того, как идея найти Башню накрепко засела у него в голове.

— Я думаю, точно так же обстоит дело во всех мирах, сладенький, — откликнулась Сюзанна. — Могу я задать пару вопросов, прежде чем мы тронемся в путь?

— Если хочешь.

— Что с тобой случилось? Надолго ли ты... ушел?

— Я действительно ушел, тут ты права. Путешествовал. *Странствовал*. Не в Радуге Мейрлина, конечно... но я не думаю, что вышел из нее, если попал туда, когда был все еще... не в себе... дело в том, что у каждого из нас есть колдовской кристалл. Здесь. — Он постучал пальцами по лбу, между бровями. — Вот куда я ушел. Вот где путешествовал, пока мои друзья везли меня на восток. И мало-помалу я стал поправляться. Я держался за шар, но путешествовал в своей голове, и мне становилось все лучше. Но хрустальный шар так и не засветился для меня, кроме как в самом конце... когда показались городские стены и укрепления замка. Если бы он проснулся раньше...

Роланд пожал плечами.

— Если бы он проснулся до того, как ко мне начали возвращаться

силы, не думаю, что я сидел бы сейчас с вами. Потому что любой мир, даже розовый со стеклянным небом, я бы предпочел тому, в котором не было Сюзан. Полагаю, сила, которая дает жизнь магическому кристаллу, это знала... и ждала.

— А когда шар засветился вновь, он рассказал тебе остальное, — вставил Джейк. — Должен был рассказать. О том, чего ты уже не мог увидеть.

— Да. Я знаю так много только потому, что увидел все в глубинах кристалла.

— Ты как-то говорил нам, что Джон Фарсон хотел увидеть твою голову на шесте, — вспомнил Эдди. — Потому что ты у него что-то украл. Что-то очень для него ценное. Речь шла о магическом кристалле, не так ли?

— Да. Узнав, что произошло, он просто рвал и метал. Обезумел от ярости. По твоей терминологии, Эдди, взорвался.

— Сколько еще раз шар светился при тебе? — спросила Сюзанна.

— Что с ним случилось? — добавил Джейк.

— После того как мы покинули Меджис, он трижды открывал мне свои тайны, — ответил Роланд. — Первый раз — в ночь, когда мы остановились на привал у самого Гилеада. Тогда я дольше всего путешествовал в нем, и он показал мне то, о чем я вам и рассказывал. Кое-что я домыслил, но большую часть видел. Он показывал мне все это не для того, чтобы чему-то научить, чем-то помочь. Нет, цель у него была одна — причинить боль. И все остальные части Колдовской радуги — порождения зла. Чужое горе напитывает их энергией. Вот и этот магический кристалл выждал, пока мой разум достаточно окрепнет, чтобы воспринимать и *реагировать* на увиденное... а потом показал мне все то, что я упустил из-за собственных глупости и юношеской самоуверенности. Мое ослепление любовью. Мою гордость, высокомерие...

— Не надо, Роланд, — прервала его Сюзанна. — Не позволяй ему и дальше мучить тебя.

— Но он мучает. И всегда будет мучить. Не важно. Как бы то ни было, все сказано.

Второй раз я заглянул в кристалл... ушел в кристалл... через три дня после возвращения домой. Моя мать еще не приехала, но ее ждали в тот вечер. Она находилась в Дебарии, в некоем подобии женского монастыря, молилась за мое благополучное возвращение. Не было и Мартена. Он перебрался в Крессию, к Фарсону.

— А шар ты уже отдал отцу? — любопытствовал Эдди.

— Н-нет — Роланд внимательно разглядывал свои руки, и Эдди

заметил затеплившийся на щеках стрелка румянец. — Поначалу я его не отдал. Мне не хотелось... расставаться с ним.

— Еще бы, — хмыкнула Сюзанна. — Ты повел себя точно так же, как и все остальные, кто хоть раз заглянул в эту чертову штуковину.

— На третий день, перед тем как отправиться на банкет, который давали в честь нашего благополучного возвращения...

— Готов спорить, участвовать в этой пьянке ты не рвался, — ввернул Эдди.

Роланд невесело улыбнулся, по-прежнему не отрывая взгляда от рук.

— Около четырех часов пополудни Катберт и Ален пришли в мои апартаменты попозировать художнику, которому поручили запечатлеть нас на полотне. Видок у нас был еще тот: кожа да кости, худые обветренные лица, исцарапанные руки. Даже склонный к полноте Ален превратился в спичку. Они поставили меня перед выбором. До того они никому не рассказывали о магическом кристалле, из уважения ко мне и понесенной мною утрате, сказали они, и я им верил, но дольше хранить эту тайну они не могли. Или я отдаю хрустальный шар добровольно, или решение, где ему быть, будут принимать наши отцы. Разговор этот дался им нелегко, особенно Катберту, но отступить от своего они не собирались.

Я пообещал им, что отдам его моему отцу до банкета... до того, как моя мать прибудет из Дебарии. Они же могли прийти пораньше и убедиться, что я выполнил обещание. Катберт смутился, заговорил о том, что это вроде бы и не обязательно, но, разумеется, по-другому не выходило...

— Да, — кивнул Эдди. Он, похоже, прекрасно понимал ситуацию, в которой оказался Роланд. — В дерьмо ты залезаешь сам, но вылезать из него куда легче, когда с тобой кто-то есть.

— Ален, во всяком случае, знал, что так мне будет легче. Он одернул Катберта и сказал, что они придут. И они пришли. А я отдал магический кристалл, хотя мне и не хотелось с ним расставаться. Мой отец побледнел как мел, когда заглянул в мешок и увидел, что в нем находится. Потом извинился перед нами и ушел, захватив мешок с собой. Когда же вернулся, поднял бокал вина и продолжил разговор о наших приключениях в Меджисе, словно ничего и не произошло.

— Но после того как ты переговорил с друзьями и перед тем как отдал хрустальный шар, ты заглянул в него. — В голосе Джейка не слышалось вопросительных интонаций. — *Вошел* в него. Путешествовал в нем. Что он показал тебе в тот раз?

— Прежде всего я опять увидел Башню и начало пути к ней, —

ответил Роланд. — Потом мне открылось падение Гилеада и триумф Благодетеля. Уничтожив цистерны и нефтяное поле, мы потянули неизбежное на двадцать месяцев. Тут я ничего изменить не мог, зато шар показал мне кое-что еще, где я мог что-то сделать. Некий нож, лезвие которого обработали очень сильным ядом в Горлане, далеком от Гилеада феода Срединного мира. Ядом такой силы, что малейшая царапина вызывала мгновенную смерть. Странствующий певец, а на самом деле старший племянник Фарсона, доставил нож в Гилеад. Человек, которому он отдал нож, занимал при дворе немалую должность: руководил всеми слугами. Перед ним стояла задача передать нож убийце. Если бы план удался, мой отец не пережил бы ночи после банкета. — Роланд мрачно усмехнулся. — Поскольку я увидел все это в колдовском кристалле, нож так и не попал в руку, для которой предназначался, а у дворцовых слуг на следующий день появился новый начальник. Любопытные я вам рассказываю истории, не так ли? Да, очень любопытные.

— Ты видел человека, которому предназначался нож? — спросила Сюзанна. — Настоящего убийцу?

— Да.

— Что еще? Ты увидел что-нибудь еще? — спросил Джейк. План убийства отца Роланда, похоже, не слишком заинтересовал его.

— Да. — На лице Роланда отразилось недоумение. — Обувку. Всего на мгновение. Башмаки летели по воздуху. Поначалу я подумал, что это осенние листья. А когда понял, что это, они пропали, и я лежал на кровати, зажав в руках шар... примерно так же, как вез его из Меджиса. Мой отец... как я и сказал, он изумился, заглянув в мешок и увидев, что в нем.

Ты сказал ему, у кого находится нож с отравленным лезвием, подумала Сюзанна, сказал про Дживса — дворецкого или как его там, но не упомянул про человека, которому предстояло использовать этот нож по назначению, не так ли, сладенький? Почему? Потому что хотел разобраться с ним сам?

Но прежде чем она озвучила свои вопросы, заговорил Эдди:

— Башмаки? Летающие башмаки? Как по-твоему, что это может означать?

Роланд покачал головой.

— Расскажи нам, что еще ты увидел, — попросила Сюзанна.

В брошенном на нее взгляде она увидела такую невероятную боль, что горько пожалела о словах, только что сорвавшихся с языка. Она отвела глаза, сжала руку Эдди.

— Извини меня, Сюзанна, но я не могу. Все, что мог, я уже рассказал.

— И ладно, — вставил Эдди. — Конечно, Роланд, ты рассказал нам предостаточно.

— Очно, — согласился Ыш.

— Ты еще видел эту ведьму? — спросил Джейк.

Пауза длилась долго, они решили, что Роланд не ответит, но ответ последовал:

— Да. Она еще не свела со мной счеты. Как и мои сны о Сюзан, она последовала за мной. От Меджиса до самого Гилеада.

— Что ты хочешь этим сказать, Роланд? — В голосе Джейка слышался благоговейный ужас. — О Боже, Роланд, что это значит?

— Не сейчас. — Роланд поднялся. — Пора в путь. — Он посмотрел на высящийся перед ними дворец. Солнце как раз поднялось над его башенками и крышей. — До него далеко, но думаю, мы подойдем к нему еще сегодня, если прибавим шаг. Оно и к лучшему. Не хотел бы я приближаться к нему после захода солнца.

— Ты уже знаешь, что это? — спросила Сюзанна.

— Беда, — повторил Роланд. — И у нас на пути.

4

В то утро червоточина иной раз дребезжала так громко, что даже вставленные в уши патроны не могли полностью заглушить этот мерзкий звук. В такие моменты Сюзанне казалось, что у нее разжижается переносица, а посмотрев на Джейка, она увидела, что у того из глаз текут слезы. Не потому, что он грустил или его что-то расстроило. Нет, просто слезные железы вышли из-под контроля. Она не могла выбросить из головы этого игрока на пиле, которого помянул мальчик. *Звучит, как гавайская гитара, крутилась и крутилась мысль, пока Эдди толкал ее кресло-каталку, лавируя между автомобилями. Звучит, как гребаная гавайская гитара, не правда ли, мисс Такая Черная Красавица?*

С обеих сторон автострады червоточина уже забиралась на насыпь, своим мерцанием изгибая силуэты деревьев и элеваторных башен. Она наблюдала за путниками, как голодные звери в зоопарке могли наблюдать за пухленькими детьми, пришедшими посмотреть на них. Сюзанна вспомнила червоточину в каньоне Молнии, жадно тянущуюся сквозь дым к людям Латиго, затаскивающую их в себя (не говоря о тех, которые сами шли к ней, как зомби в фильмах ужасов), а потом вновь подумала о том психе из Центрального парка с пилой. *Звучит, как гавайская гитара, не*

так ли? Сосчитана одна червоточина, и звучит она, как гавайская гитара, не так ли?

И когда она решила, что больше этого не выдержит, червоточина опять начала отступать от автострады И-70, и ее дребезжание сразу ослабло. Сюзан даже смогла вытащить патроны из ушей. Чуть трясущейся рукой засунула их в карман на боковинке кресла.

— Эта червоточина едва нас не достала, — просипел Эдди. Сюзанна оглянулась, увидела, что глаза у него красные, а щеки мокры от слез. — Не волнуйся, крошка Сюзи. Слезные железы, ничего больше. От этого звука они открылись, как ворота.

— Мои тоже.

— А у меня еще голова раскалывается. — добавил Джейк.

— Роланд, у тебя остался аспирин?

Роланд остановился, порылся в карманах, вытащил пузырек.

— Тебе еще довелось увидеть Клея Рейнолдса? — спросил Джейк, запив две таблетки водой из бурдюка, который он нес.

— Нет, но я знаю, что с ним случилось. Он собрал банду, частично из дезертиров армии Фарсона, начал грабить банки... в нашей части мира. К тому времени грабители банков и разбойники уже могли не бояться стрелков.

— Потому что стрелки занимались Фарсоном, — уточнил Эдди.

— Да. Но Рейнолдс и его люди угодили в ловушку, расставленную одним умным шерифом. Он превратил главную улицу города Оукли в стрельбище. Шестерых из десяти положили сразу. Оставшихся повесили. В том числе и Рейнолдса. Случилось это меньше чем через год, на Широкую Землю. — Он помолчал. — На той улице убили и Корал Торин. Она стала любовницей Рейнолдса. Участвовала в грабежах и убивала наравне с мужчинами.

Какое-то время все молчали. Лишь в отдалении подвывала червоточина. Внезапно Джейк побежал к кемперу. Под дворником на лобовом стекле белел листок. Джейку пришлось подняться на цыпочки, чтобы достать его. Хмурясь, он пристально вглядывался в него.

— И что там написано? — спросил Эдди.

Джейк протянул листок ему. Эдди глянул на него, передал Сюзанне, она, прочитав, — Роланду. Роланд посмотрел на листок, потом покачал головой.

— Я могу разобрать лишь несколько слов... *старая женщина, темный человек.* Что означает остальное? Прочитайте.

Джейк взял у него листок.

— «Старуха из снов — в Небраске. Звать ее Абигейл». — Он помолчал. — И еще ниже. «Темный человек — на западе. Может, в Вегасе».

Джейк вскинул голову, взглянул на стрелка, на лице отражались недоумение и тревога, рука с запиской дрожала. На Роланд смотрел на дворец, перегородивший автостраду. Располагался он на востоке, а не на западе, и был скорее светлый, чем темный.

— На западе, — повторил Роланд. — Темный человек. Темная Башня, и всегда на западе.

— Небраска тоже к западу от Канзаса. — Правда, голосу Сюзанны не доставало уверенности. Не знаю, так ли важна эта Абигейл, но...

— Я думаю, она — героиня другой истории, — прервал ее Роланд.

— Но истории, близкой к этой, — вставил Эдди. — Которая примыкает к ней.

— Ты, безусловно, прав, — кивнул Роланд, и нам, возможно, еще придется иметь дело и со «старухой», и с «темным человеком»... но сегодня наша цель на востоке. Пошли.

И они зашагали дальше.

5

— А что случилось с Шими? — спустя какое-то время спросил Джейк. Роланд рассмеялся, во-первых, его удивил вопрос, во-вторых, пробудил приятные воспоминания.

— Он последовал за нами. Ему это далось нелегко, иной раз приходилось идти через жуткие места, Меджис и Гилеад разделяли многие колеса пустующих земель, а кое-где жили совсем одичавшие люди. Их уже и людьми-то можно было назвать с большой натяжкой. Но *ка* его хранила. И он объявился в Гилеаде к Новогодней ярмарке. Он и его паршивый мул.

— Капи, — кивнул Джейк.

— Апи, — повторил Ёш, следуя по пятам за мальчиком.

— Когда мы отправились на поиски Башни, я и мои друзья, Шими пошел с нами. Он... — Но тут Роланд прикусил губу и больше ничего не сказал.

— Корделия? — спросила Сюзанна. — Обезумевшая тетка?

— Умерла до того, как догорел праздничный костер. То ли от сердечного приступа, то ли от удара.

— А может, от стыда, — не согласилась с ним Сюзанна. — Или

ужаснувшись тем, что натворила.

— Возможно. Осознать, что ты наделал, после того как изменить уже ничего нельзя, — сущий кошмар. Уж я-то знаю.

— Что это там? — Джейк вытянул руку вперед, указывая на длинный участок автостреды, полностью свободный от автомобилей. — Видите?

Роланд видел, его глаза, похоже, видели все, но прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Сюзанна различила на асфальте темные точки. Причем точно она не знала, то ли видит их, то ли думает, что видит. Но еще через десять минут могла сказать, что видит.

Обувка. Шесть пар башмаков стояли в ряд, поперек полос движения автостреды И-70.

Глава вторая

БАШМАКИ НА ДОРОГЕ

1

До башмаков они добрались еще до полудня. А за ними высился огромный дворец, зеленый, радующего глаз оттенка, отражения листа лилии в стоячей воде. Они уже видели сверкающие ворота. Легкий ветерок шевелил красные флаги на башнях.

Красные, как башмаки на дороге.

Издалека Сюзан решила, что башмаков шесть пар, но она ошиблась: кто-то положил на асфальт четыре пары и один квартет. Последний, четыре темно-красных полусапожка из мягкой кожи, предназначался для четвероногого члена их *ка-тета*. Роланд подобрал один, сунул внутрь палец. Он не знал, скольким ушастикам-путаникам доводилось носить обувь за всю историю мира, но склонялся к тому, что едва ли кто из них надевал кожаные сапожки на шелку.

— Балли и Гуччи^[58] остается только кусать локти, — усмехнулся Эдди. — Потрясающая обувка.

И пару для Сюзанны они определили без труда, не только по украшенным сверкающими камнями голенищам. Собственно, это были не сапоги, а именно голенища, как раз для того, чтобы натянуть на культы, но с доньшком снизу.

— Вы только посмотрите, — восторгалась Сюзанна, подняв один «сапожок». Она вертела его в руках, горный хрусталь, если только это был горный хрусталь, переливался на солнце. Она даже подумала, а вдруг это бриллианты. — Шапочки. Наконец-то и я получила пару обуви. Впервые после того, как осталась без ног.

— Шапочки? — переспросил Эдди. — Их так называют?

— Именно так их и называют, сладенький.

Джейк получил пару полуботинок. Если б не цвет, они выглядели бы вполне пристойно в школе Пайпера. Джейк взял один, посмотрел на подошву. Гладкая, блестящая. Без клейма фабрики-изготовителя. Впрочем, Джейк и не ожидал его увидеть. У его отца в шкафу стояло не меньше дюжины пар обуви, изготовленных по индивидуальному заказу. И Джейк отличал такие с первого взгляда.

Эдди достались низкие сапоги с кубинскими каблуками (*Может, в этом мире их следовало называть меджисскими каблуками*, подумал он) и острыми носами... в другой его жизни обувь с такими носками обожали уличные музыканты. А подростки середины шестидесятых, той эпохи, которую пропустила Одетта/Детта/Сюзанна, могли называть их «битловскими сапогами».

Для Роланда, естественно, выставили ковбойские сапоги. Красивые, в каких обычно танцуют, а не выгребают навоз. Расшитые, с декоративными вставками, узкие, роскошные. Он оглядел их, не беря в руки, потом, хмурясь, повернулся к своим спутникам. Они переглянулись. Вы можете сказать, что такое невозможно, только двое могут... но сказать это могут только те, кто никогда не был частью *ка-тета*.

Роланд по-прежнему разделял с ними кхеф, чувствовал поток их мыслей, но ничего не мог понять. *Потому что это их мир. Они пришли из разных, когда этого мира, но то, что они видят вокруг, знакомо им всем.*

— Что это? — спросил он. — Что означает эта обувка?

— Я думаю, точно не скажет никто, — ответила Сюзанна.

— Не скажет, — согласился Джейк. — Еще одна загадка. — Он с отвращением глянул на кроваво-красный полуботинок, который держал в руках. — Еще одна чертова загадка.

— Скажите мне, что вы знаете. — Роланд вновь посмотрел на стеклянный дворец. До него оставалось порядка пятнадцати нью-йоркских миль. Он поблескивал на солнце, прямо-таки мираж, да только реальность его не вызывала сомнений... как и реальность башмаков. — Пожалуйста, скажите мне, что вы знаете об этой обувке.

— У меня есть башмаки, у тебя есть башмаки, у всех детей Божьих есть башмаки, — ответила Одетта. — Такова основная идея.

— Да, — кивнул Эдди, — у нас они есть. И ты думаешь о том же, о чем и я?

— Полагаю, что да...

— А ты, Джейк?

Вместо ответа Джейк поднял второй полуботинок (Роланд не сомневался, что все башмаки, включая те, что предназначались Ёшу, идеально подойдут их новым хозяевам) и трижды постучал каблуками. Роланду этот жест ничего не сказал, но Эдди и Сюзанна резко огляделись, уставившись в чистое, ясное осеннее небо, словно ожидая, что сейчас на них обрушится ураган. После чего уставились на дворец... опять переглянулись, словно подтверждая верность своей догадки. Роланду страшно хотелось схватить их за шиворот и потряхнуть так, чтобы лязгнули

зубы. Но он ждал. В иных ситуациях не оставалось ничего другого.

— Убив Джонаса, ты заглянул в магический кристалл, — повернулся к нему Эдди.

— Да.

— Путешествовал в кристалле.

— Да, но я не хочу вновь возвращаться к этому. Никакого отношения к...

— Я думаю, имеет, — прервал его Эдди. — Ты летел внутри розового урагана. Ты говорил, розового вихря. Вихрь в принципе тот же ураган, шторм, гроза, не так ли? Особенно если загадываешь загадку.

— Конечно, — мечтательно, словно разговаривая во сне, промурлыкал Джейк. — Когда Дороти летает над Колдовской радугой? Когда она — Гейл [\[59\]](#).

— Мы уже не в Канзасе, сладенький, — начала Сюзанна, и тут же с его губ сорвался смешок. — С другой стороны, похоже, но Канзас никогда не был... вы понимаете, таким *пустым*.

— Я не понимаю, — возразил Роланд. Внутри у него похолодело, но сердце стучало часто-часто. Тут повсюду червоточины, разве он им об этом не говорил? О том, что реальности сливаются одна с другой по мере того, как слабеет могущество Башни? По мере того как приближается день, когда розу срежет нож бульдозера?

— В полете ты что-то видел, — продолжал Эдди. — Перед тем как попал в черную землю, которую назвал Тандерклеп. Пианиста Шеба. Который вновь появился в твоей жизни, не так ли?

— Да, в Талле.

— И рыжеволосого мужчину?

— И его тоже. У него была птица по имени Золтан. Но встретившись, мы поприветствовали друг друга, как принято: «Долгой жизни тебе и твоему урожаю». Что-то в этом роде. Я думал, что услышал от него те слова, когда он пролетал мимо меня в розовом вихре, но тогда он сказал что-то другое. — Роланд взглянул на Сюзанну. — И я видел твое инвалидное кресло. Прежнее.

— И ты видел ведьму.

— Да. Я...

— Я доберусь до тебя, моя красавица! И до твоей маленькой собачонки тоже! — прокаркал Джейк Чеймберз, как показалось Роланду, исключительно удачно копируя Риа.

Стрелок вытаращился на Джейка, у него разве что не отвисла челюсть.

— Только в кино ведьма летала не на помеле, — продолжил Джейк. —

На велосипеде с корзиной на багажнике^[60].

— Да, и без амулетов, — добавил Эдди. — Режиссер не догадался, а зря. Говорю тебе, Джейк, в детстве от ее смеха я просыпался в холодном поту.

— У меня от мартышек по коже бежали мурашки, — поделилась своими впечатлениями Сюзанна. — Летающих мартышек. Если я начинала думать о них, то не могла заснуть и забиралась к родителям в постель. И когда засыпала между ними, они все спорили, кому пришла в голову светлая мысль повести меня на этот гребаный фильм.

— А вот меня постукивание каблуками не волновало. Абсолютно. — Джейк обращался к Сюзанне и Эдди: Роланд словно перестал существовать. — Я же их не носил.

— Все так, — кивнула Сюзанна, — но знаешь, что частенько говорил мой отец?

— Нет, но чувствую, что вот-вот узнаю, — ввернул Эдди.

Она бросила короткий, но суровый взгляд на Эдди, вновь повернувшись к Джейку.

— Никогда не зови ветер, если не хочешь, чтобы он подул. Это дельный совет, что бы ни думал этот мистер, что стоит рядом со мной.

— Опять меня высекли, — улыбнулся Эдди.

— Екли! — И Ёш сурово посмотрел на Эдди.

— А теперь объясните все это мне, — напомнил о себе Роланд. — Я хочу знать. Я — часть вашего кхефа. И хочу знать, о чем вы толкуете.

2

Они рассказали ему историю, известную практически каждому американскому ребенку двадцатого столетия, о девочке с канзасской фермы. Дороти Гейл, которую вместе с собачкой ураган утащил в небо и перенес в страну Оз. Автострада И-70 в Озе не просматривалась, но существовала дорога из желтого кирпича, выполнявшая те же функции. Имелись там и колдуньи, как добрые, так и злые. И *ка-тет*, состоявший из Дороти, Тото и троих друзей, которые по пути присоединились к ней, Трусливого Льва, Железного Дровосека и Страшилы. У каждого из них *(птички и рыбки, медведи и зайки)*

было свое заветное желание, но именно желание Дороти новые друзья Роланда (да и сам Роланд) могли бы счесть своим: она хотела найти обратную дорогу и вновь попасть домой.

— Дороти сказали, что она должна идти по Желтой дороге до самого Оза, — продолжал Джейк, — и она пошла. Остальных она встретила по пути, как ты встретил нас, Роланд...

— Хотя ты совсем непохож на Джуди Гарленд^[61], — ввернул Эдди.

— ...и наконец они добрались туда. Попали в страну Оз, в Изумрудный дворец, к человеку, который жил в нем, — Джейк посмотрел на перегородивший автостраду стеклянный дворец, который становился все зеленее и зеленее по мере того, как солнце поднималось к зениту, снова повернулся к Роланду.

— Да, я понимаю, — кивнул тот — И этот парень, Оз? Кем он был? Могучим правителем? Бароном? Может, даже королем?

Вновь все трое обменялись взглядами, исключив Роланда из круга общения.

— Как бы это объяснить, — запнулся Джейк. — Он был балаболкой.

— Балаболкой? Как это?

— *Балаболкой*, — смеясь, повторил Джейк. — Болтуном. Только говорил, ничего не делал. Но главное, возможно, заключалось в том, что этот Колдун появился в Озе из...

— Колдун? — резко спросил Роланд. Пальцы его правой руки сжались на плече Джейка. — Почему ты так его называешь?

— Потому что таков его титул, сладенький, — ответила Сюзанна. — Колдун Оза. — Мягко, но решительно она сняла руку Роланда с плеча Джейка. — Он и так тебе все расскажет. Не надо выжимать из него слова.

— Я причинил тебе боль? Извини, Джейк.

— Нет, все в порядке, — успокоил его Джейк. — Не бери в голову. Короче, Дороти и ее друзьям пришлось побывать во множестве переделок, прежде чем они выяснили, что Колдун — мошенник. — Тут Джейк захихикал, как пятилетний карапуз, хлопнул себя по лбу, отбросил назад волосы. — Он не смог дать Льву — храбрость, Страшиле — мозги, Дровосеку — сердце. А хуже всего, он не мог отправить Дороти в Канзас. У Колдуна был воздушный шар, но он улетел без Дороти. Я не говорю, что Колдун сделал это специально, но так получилось.

— Судя по твоему тону, — Роланд говорил медленно, подбирая слова, — друзья Дороти в конце концов получили то, что хотели.

— В этом мораль сказки, — кивнул Эдди. — Может, потому она и стала знаменитой. Но Дороти, к сожалению, застряла в Озе. А потом появилась Глинда, Глинда Добрая. И в награду за то, что Дороти одну из злых ведьм раздавила, а вторую — растопила, она рассказала девочке, как пользоваться рубиновыми башмачками. Теми самыми, что Дороти

получила от Глинды^[62].

Эдди поднял с асфальта остроносые сапожки, оставленные для него на белой линии, разделяющей полосы автострады И-70.

— Глинда сказала Дороти, что надо три раза стукнуть одним каблуком о другой. И тогда она вернется в Канзас. Дороти стукнула. И вернулась.

— И это конец сказки?

— Нет, — мотнул головой Джейк. — Сказка эта стала такой популярной, что ее автор написал еще с тысячу историй об Озе...

— Да, — прервал Эдди. — Написал все, что можно, за исключением «Путеводителя Глинды по ляжкам и попкам».

— ...и был еще жуткий римейк^[63], названный «Уиз», в котором все роли исполняли черные...

— Правда? — удивилась Сюзанна. На ее лице отразилось недоумение. — Какая *странная* идея.

— ...но я думаю, что о нем можно забыть. Главное для нас — тот фильм, о котором мы говорили, — заключил Джейк.

Роланд нагнулся и сунул руки в сапоги, предназначенные ему. Поднял их, осмотрел, поставил на асфальт.

— Вы думаете, мы должны их надеть? Здесь и сейчас?

На лицах его нью-йоркских друзей отразилось сомнение. Наконец Сюзанна выразила общее мнение, озвучила кхеф, который он чувствовал, но не мог полностью разделить с ними.

— Может, сейчас их лучше не надевать. Здесь слишком много плохих духов.

— «Такуро-спиритс»^[64], — пробормотал Эдди, разговаривая, похоже, сам с собой. — Слушайте, давайте возьмем их с собой. Если возникнет необходимость их надеть, я думаю, мы поймем, что час пробил. А пока, мне кажется, нам надо остерегаться шарлатанов, дары приносящих.

Джейк расхохотался, как Эдди и рассчитывал. Иной раз достаточно одного слова, чтобы вызвать приступ смеха. Завтра все, связанное с шарлатаном, забудется, но сегодня Эдди намеревался отработать это слово на полную катушку.

Они выбрали обувь, выставленную на асфальте (Джейк взял не только свои полуботинки, но и полусапожки Ыша), и двинулись к сверкающему стеклянному дворцу.

Оз, думал Роланд. Рылся в памяти, но не находил ничего похожего ни в низком наречии, ни в Высоком Слоге, где слово чар маскировалось под Чарли. Однако это звукосочетание казалось ему знакомым, вроде бы

принадлежащим его миру, а не миру Джейка, Сюзанны и Эдди, в котором родилась эта сказка.

3

Джейк ожидал, что по мере приближения Зеленый дворец будет становиться все более реальным, точно так же, как прибавлялось реальности в сказочных постройках Диснейленда, если смотреть на них вблизи. Не *обычным*, конечно же, но *реальным*, принадлежащим окружающему миру точно так же, как принадлежали ему автобусная остановка, почтовый ящик или скамейка в парке, то, что можно потрогать, то, на чем можно написать «ПОШЕЛ В ЗАДНИЦУ», если возникнет такое желание.

Но с Зеленым дворцом этого не произошло, и с каждым шагом Джейк все более утверждался в мысли, что и не *произойдет* никогда. Понял Джейк и другое: никогда в жизни он не видел ничего более прекрасного. Конечно, дворец вызывал у него определенные опасения, подозрения, но суть дела от этого не менялась. Дворец этот каким-то образом сошел со страниц хорошей, красиво оформленной книги сказок. И, как и червоточина, он источал какой-то звук... но не столь громкий и не вызывающий неприятных ощущений.

Светло-зеленые зубчатые стены с бойницами, башни, уходящие под самые облака, которые проплывали над равниной Канзаса. Башенные шпили более темного, изумрудно-зеленого оттенка. А уж над ними красные флаги. И на каждом — широко раскрытый желтый глаз,

ГЛАЗ «КРИМСОН КИНГ»

Это марка компании «Кримсон кинг» а не знак Джона Фарсона, подумал Джейк. Он не знал, почему эта мысль пришла ему в голову, но тем не менее она пришла.

— Как красиво, — прошептала Сюзанна, и когда Джейк взглянул на нее, ему показалось, что она чуть не плачет. — Но в то же время что-то в нем не так. Нехорошее место. Не такое ужасное, как червоточина, но...

— Но нехорошее, — закончил за нее Эдди. — Да. Это чувствуется. То ли дело в красном цвете флагов. А может — глаз больно уж яркий. — Он потер щеку (жест этот Эдди перенял у Роланда), на лице его читалось

недоумение. — Несерьезно все это... будто кто-то решил над нами подшутить.

— Я сомневаюсь, что это шутка, — возразил Роланд. — Вы думаете, что дворец этот — копия того, где Дороти и ее *ка-тет* встретились с псевдоколдуном?

Вновь три жителя Нью-Йорка переглянулись. На этот раз общую точку зрения высказал Эдди.

— Да. Да, скорее всего. Это не тот дворец, что был в фильме, но так и должно быть, если его построили, черпая информацию из нашей памяти. Потому что мы видели такой дворец в книге Л. Фрэнка Баума. Как на иллюстрациях к различным изданиям...

— Мы рисовали его и сами, в своем воображении, — добавил Джейк.

— Несомненно, — кивнула Сюзанна. — И я готова спорить, что нам суждено увидеть и самого Колдуна.

— Точно, — согласился с ней Эдди. — Потому что, потому что, потому что...

— *Потому что он творит удивительные чудеса!* — хором закончили Джейк и Сюзанна, потом рассмеялись, довольные собой. Роланд же хмурился: вновь он оказался лишним.

4

Подойдя ближе, они увидели, как автострада И-70 плавно перетекала в свое отражение на светло-зеленой, чуть закругляющейся внешней стене дворца. Еще несколько сотен ярдов, и они услышали, как хлопают на ветру флаги, увидели свои собственные отражения, напоминающие утопленников, разгуливающих по дну тропической бухты.

Разглядели они и внутренний редут из темно-синего стекла, этот цвет ассоциировался у Джейка с пузырьками для чернил, и дорожку между редутом и внешней стеной цвета ржавчины, напомнившего Сюзанне бутылки с шипучкой «Хайрс» из ее далекого детства.

Дорогу им преградили решетчатые ворота, огромные и одновременно легкие, воздушные. Слово железо, из которого их выковали, каким-то образом превратилось в стекло. Каждая стойка отличалась цветом, и цвет этот шел изнутри, словно прозрачные стойки наполняли окрашенный газ или жидкость.

Путники остановились перед воротами. За ними автострады как не бывало: место асфальта заняло серебристое стекло, попросту говоря,

громадное плоское зеркало. Отражения облаков проплывали по нему, иногда пролетало отражение птицы. Солнечные лучи, преломляясь на зеркале, осыпали стены «зайчиками». С другой стороны двор ограничивала темно-зеленая стена дворца с узкими окнами-бойницами из черного стекла. Арка парадного входа в той же стене напомнила Джейку кафедральный собор святого Патрика.

Слева от арки стояла будка часового из кремового, с оранжевыми прожилками, стекла. С распахнутой, в красных полосах, дверью. Размером с телефонную, будка пустовала, но на полу белел, как показалось Джейку, обрывок газеты.

Над аркой зависли две горгульи из темно-фиолетового стекла. Их высунутые языки походили на два синяка.

Флаги на башнях все хлопали и хлопали.

Над пустынными полями — с праздника Жатвы прошла неделя — каркали вороны.

Вдалеке дребезжала червоточина.

— Посмотрите на стойки ворот, — выдохнула Сюзанна. — Приглядитесь внимательно.

Джейк наклонился к желтой стойке, едва не ткнувшись в нее носом, и желтый отсвет лег на его лицо. Сначала ничего не увидел, потом ахнул. Внутри стойки плавали косяками крохотные существа, живые существа. Совсем как рыбы в аквариуме, но при этом (*их головы*, подумал Джейк, *все дело в их головах*) чем-то напоминающие людей. Он словно смотрел на вертикальное золотистое море, целый океан в стеклянной стойке, в котором плавали едва различимые глазом сказочные существа. Микроскопическая женщина с рыбьим хвостом и длинными белокурыми волосами застыла по ту сторону стекла, чтобы всмотреться в мальчика-гиганта (ее прекрасные глаза изумленно округлились), и потом шевельнула хвостом, продолжив плавание.

Джейка охватила слабость, закружилась голова. Он закрыл глаза и стоял так, пока не прошел приступ, потом открыл их, повернулся к своим друзьям.

— Мурашки бегут по коже! Остальные такие же?

— Я думаю, они все разные, — ответил Эдди, уже заглянувший в две или три стойки. Теперь он наклонился к пурпурной. — Вот в этой люди выглядят как птицы... крошечные птички.

Джейк подошел и убедился, что Эдди прав. В пурпурной стойке летали стаи птиц размером не больше летней мошки. Они парили в вечном полумраке, а крылья при движении оставляли за собой серебристый след.

— Они действительно там? — спросил Джейк. — Они там, Роланд, или это наше воображение?

— Не знаю. Но вот ворота точно настоящие.

— В этом никаких сомнений нет. — Эдди оглядел светящиеся стойки, каждая со своим цветом, со своей жизнью. По шесть на каждой воротине. И одна посередине, широкая и плоская, разделяющаяся на две, при открытии ворот — тринадцатая. Черная как смоль. И в ней ничего не шевелилось.

А может, это ты ничего в ней не видишь, а что-то там да, двигается, подумал Джейк. Может, там тоже есть жизнь, ужасная жизнь. И может, там есть и розы. Утонувшие.

— Это колдовские ворота, — изрек Эдди. — Стойки цветом соответствуют шарам Радуги Мейрлина. Смотрите, вот и розовая.

Джейк наклонился к ней, оперевшись руками в бедра. Заранее зная, что он увидит. Разумеется, лошадей. Крошечные табуны мчались сквозь странную розовую субстанцию, не воздух и не жидкость. Лошади искали Спуск, но поиски эти, похоже, были обречены на неудачу.

Эдди раскинул руки, чтобы обхватить с боков центральную стойку, черную.

— Не надо! — попыталась остановить его Сюзанна.

Эдди проигнорировал ее слова, но Джейк увидел, как он затаил дыхание в тот момент, когда его руки коснулись черной поверхности стойки. Словно чего-то ждал, может, специального послания от Темной Башни, а может, молнии, которая испепелила бы его. Но ничего не произошло, и Эдди задышал вновь, даже позволил себе улыбнуться.

— Электричества нет. — Он дернул стойку на себя, но она даже не шевельнулась. — Крепкая, однако. Я вижу, что посередине она разделена, но не могу сдвинуть ее даже на чуть-чуть. Хочешь попробовать, Роланд?

Роланд двинулся к воротам, но Джейк коснулся его руки и остановил до того, как он успел тряхнуть ворота.

— Незачем. Ворота мы откроем иначе.

— Как?

Не отвечая, Джейк опустился на асфальт, рядом с тем местом, где обрывалась автострада И-70, и начал надевать оставленные ему полуботинки.

Эдди с минуту смотрел на него, потом сел рядом.

— Попробовать надо, — сказал он Джейку, даже если фокус и не удастся.

Джейк засмеялся, покачал головой, завязывая шнурки кроваво-

красных полуботинок. Он и Эдди знали, что на этот раз все удастся.

— Готово? — спросил Джейк, когда все сменили обувь (он подумал, что выглядят они в обновках какими-то клоунами, особенно Эдди). — Я сосчитаю до трех, а потом мы щелкаем каблуками. Вот так. — Он показал, резко щелкнув каблуками полуботинок... и ворота задрожали, словно незакрепленная ставня под ветром. Сюзанна вскрикнула. Зеленый дворец издал низкий мелодичный звук.

— Чувствую, все получится, — кивнул Эдди. — Предупреждаю, однако, что я не пою «Где-то над радугой...»^[65]. Этого в моем контракте нет.

— Радуга — вон она, — стрелок указал на ворота.

И улыбка тут же сползла с лица Эдди:

— Да, я знаю. Я немного боюсь, Роланд.

— Я тоже, — ответил стрелок, и Джейк, взглянув на него, отметил, что Роланд очень бледен.

— Давай, сладенький, — обратилась к нему Сюзанна. — Считай, пока мы еще не поддались панике.

— Один... два... *три*.

Каблуками они щелкнули в унисон: тук, тук, тук. Ворота задрожали еще сильнее, стойки стали ярче. И Зеленый дворец отреагировал куда более громким чистым звуком: звоном хрустального бокала. По телу Джейка пробежала дрожь, наполовину — удовольствия, наполовину — боли.

Но ворота не открылись.

— Как это... — начал Эдди.

— Я знаю, — прервал его Джейк. — Мы забыли про Ыша.

— О Боже, — воскликнул Эдди. — Я покинул знакомый мне мир, чтобы посмотреть, как мальчишка обувает приبلудную псину. Застрели меня, Роланд, прежде чем я расплачусь.

Роланд даже не повернулся. Он смотрел, как Джейк вновь уселся на асфальт, подозвал ушастика.

— Ыш! Ко мне!

Ушастик с радостью подбежал, чего не случилось бы совсем недавно, на Тропе Луча, когда они только нашли его, совсем дикого. Позволил Джейку натянуть полусапожки на его лапы. Более того, уяснив, что от него хотят, две последние всунул в них сам. Полусапожки эти очень походили на

рубиновые башмачки Дороти. Когда Ыша обули, он понюхал один из полусапожек, потом вопросительно посмотрел на Джейка.

Мальчик трижды щелкнул каблуками, при этом не отрывая взгляда от ушастика, не замечая, что при каждом ударе ворота подрагивают, а стены дворца отзываются низким звуком.

— Теперь ты, Ыш!

— Ыш!

Ушастик повалился на спину, словно собака, требующая, чтобы ей почесали живот, потом в замешательстве уставился на все свои четыре лапы. Джейку тут же вспомнилось: он пытается одновременно похлопать одной рукой по животу, а второй поелозить по волосам, и отец смеется, потому что у него ничего не выходит.

— Роланд, помоги мне. Он понимает, что должен делать, но не знает как. — Джейк снизу вверх взглянул на Эдди. — И давай обойдемся без твоих шуточек, хорошо?

— Конечно, Джейк, — кивнул Эдди. — Никаких шуточек. Ты думаешь, на этот раз стучать каблуками должен только Ыш или мы все?

— Думаю, только Ыш.

— Но если щелкнем мы все, от нас не убудет, не так ли? — вернула Сюзанна.

— Нет, конечно, — ответил ей Эдди. — Тогда поехали. Джейк, считай.

Джейк взялся за передние лапы Ыша, Роланд — за задние. По глазам Ыша чувствовалось, что он нервничает, может, ушастик решил, что его сейчас поднимут в воздух и швырнут в ворота, но он и не думал сопротивляться.

— Один, два, *три*.

Джейк и Роланд одновременно свели вместе соответственно передние и задние лапы Ыша, щелкнув при этом каблуками. То же самое сделали и Эдди с Сюзанной.

На этот раз словно ударил большой церковный колокол. Центральная черная стеклянная стойка не развалилась надвое, но разлетелась во все стороны сотнями осколков обсидианового стекла. Некоторые попали в Ыша. Ушастик торопливо вырвал лапы из рук Джейка и Роланда и отбежал в сторону. Уселся на белой линии, разделявшей полосы движения, прижал уши к голове и, часто-часто дыша, воззрился на ворота.

— Пошли. — Роланд шагнул к левой створке ворот и отвел ее в сторону. Постоял у кромки зеркального двора, высокий поджарый мужчина в джинсах, выношенной рубашке непонятного цвета и новеньких красных ковбойских сапогах. — Пора зайти и узнать, что хочет сказать нам Колдун

Оза.

— Если он еще здесь. — В голосе Эдди слышалось сомнение.

— Думаю, что здесь, — пробормотал Роланд. — Да, я думаю, что он еще здесь.

И стрелок направился к арке, около которой притулилась пустая будка часового. Остальные последовали за ним, сцепленные подошвами со своими отражениями, прямо-таки сиамские близнецы.

Последним ступил на зеркальный пол Ыш, чуть скользя по нему в своих рубиновых башмачках. На мгновение остановился, чтобы обнюхать отражение собственной мордочки.

— Ыш! — представился он ушастику-путанику, что расположился под ним, и поспешил догонять Джейка.

Глава третья

КОЛДУН

1

Роланд остановился у будки часового, нагнулся, поднял с пола листок бумаги. Остальные догнали его, сбились в кучку. В руках Роланд держал газету... но удивительно странную газету. Отнюдь не экземпляр «Топика кэпитэл-джорнел» с сообщениями о новой чуме.

ОЗ ДЕЙЛИ БАЗЗ

Год MDLXVIII № 96. «Дейли базз», «Дейли базз», симпатичный, милый Базз. Погода: Сегодня — здесь, завтра — там. Счастливые номера: нет. Прогноз: плохой.

Блах блах блах блах блах блах блах
блах блах блах блах блах блах блах
блах блах блах блах блах блах блах
блах блах блах блах блах блах блах
блах блах блах блах блах блах блах
блах йак йак йак йак йак йак йак йак
йак йак йак йак йак йак йак йак йак
йак йак йак йак йак йак йак йак йак
блах блах хорошо-плохо плохо-хорошо
все одно хорошо-плохо плохо-хорошо
все одно иди медленно мимо ящиков
все одно блах блах блах блах блах
блах блах блах блах блах блах Блейн
дребедень все одно все одно йак йак
йак йак йак йак йак йак йак йак йак
йак йак гори огнем все одно блах йак
йак блах блах блах йак блах йак йак
запеченная индейка жареный гусь все
одно блах блах блах блах блах блах
блах блах блах блах блах блах блах

блах блах блах вина вина вина вина
вина вина вина блах блах блах блах
блах блах блах блах йак йак йак йак
блах блах блах блах блах блах блах
блах блах блах блах (Прод. на с. 6).

Ниже они увидели фотографию Роланда, Эдди, Сюзанны и Джейка, пересекающих зеркальный двор, словно произошло это днем раньше, а не только что. Надпись под фотографией гласила: «Трагедия в Озе — путники прибыли в поисках славы и богатства: вместо них нашли смерть».

— Этого не бойтесь, — молвил Роланд. — Это шутка.

— Я и не боюсь, — ответил ему Эдди. — но это не просто шутка. Я прожил с Генри Дином достаточно долго, чтобы отличить обычную шутку от желания подвинуть мне крышу. — Он взглянул на Роланда. — Надеюсь, ты на меня не обидишься, но испуганным выглядишь ты, Роланд.

— Я в ужасе, — честно признался стрелок.

2

Глядя на арку, Сюзанна подумала о песне, очень популярной лет за десять до того, как Роланд перетащил ее в свой мир. *Увидела глаз, уставившийся на меня сквозь дым за Зеленой дверью. «Джо послал меня», — сказала я, и кто-то засмеялся за Зеленой дверью.* Дверей было две, а не одна, и никаких глазков, чтобы смотреть на них. Не собиралась Сюзанна и говорить кому бы то ни было, что послал ее Джо. Зато она прочитала надпись на табличке, болтающейся на круглой стеклянной ручке одной из дверей: «ЗВОНОК НЕ РАБОТАЕТ, ПОЖАЛУЙСТА, СТУЧИТЕ».

— Незачем, — бросила она Роланду, который уже сжал пальцы в кулак, чтобы постучать. — Это из той же сказки, только и всего.

Эдди чуть откатил кресло, обошел его, взялся за круглые ручки, толкнул. Двери легко открылись, повернувшись в хорошо смазанных петлях. Он переступил порог зеленого грота, рупором сложил ладони у рта, крикнул:

— Эй!

Звук его голоса улетел к дальней стене и вернулся измененным... ослабленным, потерявшимся. Умирающим.

— Господи, — выдохнул Эдди. — Нам обязательно туда идти?

— Думаю, что да, если мы хотим вернуться на Луч. — Роланд

побледнел еще больше, но двинулся первым. Джейк помог Эдди перекатить кресло Сюзанны через порожек из темно-зеленого стекла. Ёш двинулся за ними, его сапожки красными точками поблескивали на зеленом полу. Не прошли они и десяти шагов, как двери с грохотом захлопнулись за ними. И эхо еще долго не затихало в глубинах Зеленого дворца.

Приемной они не нашли, лишь коридор уводил их все дальше и дальше. Вот они и шли вдоль чуть подсвеченных зеленых стен. *Коридор как в фильме, подумал Джейк. Именно там Трусливый Лев так перепугался, что наступил на свой хвост.*

И тут, словно добавляя еще толику достоверности, без которой Джейк вполне мог бы и обойтись, Эдди заговорил дребезжащим (и очень похожим) голосом Берта Лара:

— Погодите, друзья, я вот подумал... а ведь у меня нет особого желания встречаться с Колдуном. Я лучше обожду вас снаружи!

— Прекрати! — осадил его Джейк.

— Ати! — согласился Ёш. Он следовал за Джейком по пятам, настороженно глядя по сторонам. Джейк не слышал ничего, кроме их шагов... однако что-то чувствовал: звук, которого не было. Все равно что смотреть на ветровой колокольчик, подумал Джейк, которому нужно лишь легкое дуновение, чтобы зазвенеть.

— Извини. Больше не буду. — Эдди протянул руку. — Посмотрите туда.

Ярдах в сорока зеленый коридор заканчивался зеленой же дверью невероятной высоты... никак не меньше тридцати футов. А вот из-за нее, Джейк теперь это слышал, доносилось мерное гудение. По мере того как они подходили ближе и гудение становилось все громче, нарастал и его страх. Он помнил этот звук: он слышал его, когда Гашер тащил его по подземельям Лада и когда он и его друзья едва успели к отходу Блейна Моно. То работали двигатели, точно такие же, что стояли и на поезде.

— Это же кошмар. — Джейк едва не плакал. — Мы вернулись к тому, с чего начали.

— Нет, Джейк, — взъерошил ему волосы стрелок. — Никогда так не думай. То, что ты чувствуешь, — иллюзия. Так что ни шагу назад.

Надпись на двери в фильме отсутствовала, и только Сюзанна знала, что это слова Данте. «ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА

ВХОДЯЩИЙ», — прочитали они.

Роланд протянул правую, о двух пальцах руку, толкнул дверь. Она открылась.

За дверью глазам Джейка, Сюзанны и Эдди предстал зал, в интерьере которого странным образом перемешались элементы тронного зала, как представляли его себе иллюстраторы сказки Л. Фрэнка Баума и Блейна Моно. На полу лежал толстый ковер (светло-синий, как в салоне для баронов). Сводчатый потолок уходил в темно-зеленую высь, как в кафедральном соборе. Стекланные колонны, поддерживающие потолок, светились зеленым и розовым светом. Розовая краска точно такого же оттенка покрывала корпус Блейна. Джейк видел, что поверхность колонн не гладкая, на ней вырезаны тысячи и тысячи различных изображений, и все они пугали, будоражили. Преобладали среди них лица с раззявленными в крике ртами.

А прямо перед ними, превращая их в жалких муравьев, возвышался громадный, зеленого стекла трон. Джейк попытался прикинуть его размеры, но не получилось. Не нашлось объектов сравнения — за исключением трона другой мебели в зале не было. Подумал, что спинка трона высотой в добрых пятьдесят футов, но с тем же успехом она могла быть и в полтора, и в два раза выше.

Украшал спинку широко раскрытый глаз, только на этот раз красный, а не желтый. Подсветка трона ритмично мигала, оживляя глаз: он «бился», словно сердце.

Над троном, словно трубы средневекового органа, расположились тринадцать здоровенных цилиндров, каждый пульсировал своим цветом. Каждый, кроме того, что располагался по центру. Черный, как полночь, и застывший, как смерть.

— Эй! — крикнула Сюзанна с кресла. — Есть тут кто-нибудь?

От ее голоса цилиндры сверкнули так ярко, что Джейку пришлось прикрыть глаза. Мгновение тронный зал переливался всеми цветами радуги. А затем свет ушел из цилиндров, они потемнели, умерли, как колдовской кристалл в истории Роланда, когда ему (или управляющей им силе) казалось, что пора передохнуть. Но подсветка зеленого трона осталась, то усиливаясь, то слабей.

Они слышали новый звук, что-то зажужжало, словно включился в

работу очень древний сервомеханизм. Он привел в действие панели на подлокотниках трона, которые, сдвинувшись, открыли черные щели в шесть футов длиной и два — шириной. Из щелей повалил розовый дым. Поднимаясь, он темнел и становился ярко-алым. Образуя очень уж знакомую зигзагообразную линию. Джейк понял, что это за линия, еще до того, как в дыме появились слова:

(Лад, Кандлтон, Рейлейя, Песий водопад, Дашервилл, Топика)

Карта-схема маршрута Блейна.

Роланд мог говорить что угодно о том, как все переменялось, что ощущение Джейка, будто он оказался пленником кошмара,

(это самый жуткий кошмар в моей жизни, и это истинная правда)

всего лишь иллюзия, созданная сбитым с толку разумом и испуганным сердцем, но Джейк знал, что это не так. Это место могло напоминать тронный зал Оза, Великого и Ужасного, но на самом деле они вновь попали в объятия Блейна Моно. Поднялись к нему на борт, и скоро опять начнется марафон загадок.

От ужаса Джейку хотелось кричать.

5

Эдди узнал голос, который прогремел из дымящейся карты-схемы, зависшей над зеленым тронном, но не поверил, что с ним говорит Блейн Моно. Не верил он и в то, что они имеют дело с Колдуном Оза. С каким-то колдуном, возможно, но этот дворец — не Изумрудный город, а Блейн мертв, как собачье дерьмо. Эдди погнал его домой с пером в заднице.

— ПРИВЕТСТВУЮ ВАС ВНОВЬ, МАЛЕНЬКИЕ ПУТНИКИ!

Дымящаяся карта-схема пульсировала, но Эдди более не ассоциировал ее с голосом, хотя здешнему хозяину очень этого и хотелось. Нет, голос шел из цилиндров.

Он глянул вниз, увидел побледневшее лицо Джейка, присел рядом с ним.

— Это все фокусы, дружок.

— Н-нет... это Блейн... он... не умер...

— Умер, будь спок. А все это — чуть более громкая версия школьных объявлений. Кому после уроков положено явиться в комнату шесть для занятий с логопедом. Усек?

— Что? — Джейк вскинул голову, его губы дрожали, глаза блестели от слез. — Что ты...

— Эти цилиндры — динамики. Любой писк можно превратить в гром с помощью двенадцати колонок фирмы «Долби». Разве ты не помнишь фильм? Его голос должен звучать громко, Джейк, потому что он — балаболка. Всего лишь балаболка.

— ЧТО ТЫ ТАМ ШЕПЧЕШЬ ЕМУ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА? РАССКАЗЫВАЕШЬ ОЧЕРЕДНУЮ ГЛУПУЮ ШУТКУ? ИЛИ ОДНУ ИЗ ТВОИХ ДРЯННЫХ ЗАГАДОК?

— Да, — ответил Эдди. — Именно ее. «Сколько нужно биполярных компьютеров, чтобы вернуть лампочку?» Кто ты, приятель? Я прекрасно знаю, что ты не Блейн Моно. Так кто ты?

— Я... ОЗ! — прогремел голос. Замерцали стеклянные колонны. И цилиндры за тронном. — ОЗ ВЕЛИКИЙ! ОЗ МОГУЧИЙ! А КТО ВЫ?

Сюзанна подкатилась к зеленым ступеням, что вели к трону, такому громадному, что даже лорд Перт показался бы рядом с ним карликом.

— Я — Сюзанна Дин, маленькая и увечная. Мне с детства внушали, что в основе общения должна лежать вежливость, а не грубость. Мы здесь, потому что нас тут ждут... иначе мы не получили бы новой обуви.

— ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ МЕНЯ, СЮЗАННА? ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ МЕНЯ, МАЛЕНЬКАЯ КРЕСТЬЯНОЧКА?

— Ты знаешь, — ответила она. — Мы хотим того же, что и все, насколько мне известно... вновь вернуться домой, потому что нет второго такого места, как дом. Мы...

— Нельзя вернуться домой, — испуганно прошептал Джейк. — Нельзя вновь вернуться домой. Так сказал Томас Вулф^[66], и это правда.

— Это ложь, сладенький, — возразила Сюзанна. — Чистая ложь. Вновь вернуться домой можно. Для этого надо лишь найти подходящую радугу и пройти под ней. Мы ее нашли. А дальше, как ты понимаешь, придется только работать ножками.

— ТЫ ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ В НЬЮ-ЙОРК, СЮЗАННА ДИН? ЭДДИ ДИН? ДЖЕЙК ЧЕЙМБЕРЗ? ЭТОГО ВЫ ПРОСИТЕ У ОЗА, ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО?

— Нью-Йорк нам больше не дом, — ответила Сюзанна. Такая маленькая и такая бесстрашная, в новом кресле-каталке у подножия громадного, пульсирующего зеленым цветом трона. — Так же как и Гилеад не дом для Роланда. Верни нас на Тропу Луча. Туда мы хотим попасть, потому что там наш дом. Единственный дом, который у нас есть.

— УХОДИТЕ! — выкрикнул голос из цилиндров. — УХОДИТЕ И ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ЗАВТРА! ТОГДА МЫ И ОБСУДИМ ЛУЧ! ТРАЛЯ-ЛЯ-ЛЯ, СКАЗАЛА СКАРЛЕТТ, МЫ ПОГОВОРИМ О ЛУЧЕ ЗАВТРА,

ПОТОМУ ЧТО ЗАВТРА БУДЕТ ДРУГОЙ ДЕНЬ!

— Нет, — возразил Эдди. — Мы поговорим об этом сейчас.

— НЕ ГНЕВИ ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО ОЗА! — грозно ревел голос, и цилиндры яростно вспыхивали при каждом слове. Сюзанна понимала, что все это действие затеяно с тем, чтобы пугать, но ей хотелось смеяться. Она словно смотрела на коммивояжера, демонстрирующего новую игрушку. *Эй, детки! Когда вы говорите, цилиндры вспыхивают ярче! Убедитесь сами!*

— Сладенький, ты лучше послушай меня, — обратилась Сюзанна к их невидимому собеседнику. — Это тебе не следует гневить людей с револьверами на боку. Особенно если ты живешь в стеклянном доме.

— Я СКАЗАЛ, ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА!

Из щелей в троне повалил красный дым. Куда более густой. Дымовая карта-схема маршрута Блейна смешалась с ним. На этот раз дым сформировался в лицо. Узкое, суровое, обрамленное длинными волосами.

Это человек, которого Роланд застрелил в пустыне, сразу же догадалась Сюзанна. Джонас, я точно знаю.

Теперь голос Оза чуть дрожал, видать, от негодования.

— НЕУЖЕЛИ ВЫ ОСМЕЛИВАЕТЕСЬ УГРОЖАТЬ ВЕЛИКОМУ ОЗУ? — Губы гигантского дымящегося лица, повисшего над тронном, пренебрежительно изогнулись. — НЕБЛАГОДАРНЫЕ СУЩЕСТВА! О, НЕБЛАГОДАРНЫЕ СУЩЕСТВА!

Эдди, который все эти трюки с дымом и зеркалами распознавал с первого взгляда, оглядел тронный зал. Внезапно глаза его широко раскрылись, он схватил Сюзанну повыше локтя.

— Посмотри, — прошептал он. — Господи, Сюз, посмотри на Ыша?

Ушастик-путаник не проявлял никакого интереса к дымовым призракам, будь то карты-схемы маршрута монорельсового поезда, лица мертвых Охотников за гробами или просто голливудские спецэффекты довоенной поры. Он увидел (или учуял) что-то гораздо более интересное.

Сюзанна потянулась к Джейку, развернула его, указала на ушастика. Увидела, как округлились глаза мальчика за мгновение до того, как ушастик добрался до маленькой ниши в левой стене. От тронного зала ее отделяла зеленая занавеска, по цвету неотличимая от стеклянной стены. Ыш вытянул длинную шею, зубы его сомкнулись на материи, он потащил занавеску в сторону.

За занавеской помигивали красные и зеленые огоньки, цилиндры вертелись в стеклянных корпусах, стрелки качались из стороны в сторону на длинных рядах подсвеченных изнутри циферблатов. Но Джейк смотрел не на пульт управления, а на человека, сидящего перед ним, спиной к ним. С длинными волосами, слипшимися от грязи и крови. С наушниками на голове. Говорил он в маленький микрофон, висящий на уровне его рта. Поскольку сидел он спиной к тронному залу, то поначалу и не понял, что Ыш учуял его и нашел.

— УХОДИТЕ! — гремел голос из динамиков... да только теперь Джейк видел источник этого голоса. — ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ЗАВТРА, ЕСЛИ ХОТИТЕ, НО СЕЙЧАС УХОДИТЕ! Я ВАС ПРЕДУПРЕЖДАЮ!

— Это Джонас, должно быть, Роланд его все-таки не убил, — прошептал Эдди, но Джейк знал, что это не так. Он узнал голос, пусть и искаженный усилителями. Как он мог даже подумать, что это голос Блейна?

— Я ПРЕДУПРЕЖДАЮ ВАС, ЕСЛИ ВЫ ОТКАЖЕТЕСЬ...

Ыш тьякнул, резко, угрожающе. Мужчина у пульта начал поворачиваться.

Расскажи мне, мой мальчик, Джейк помнил, как обладатель этого голоса обращался к нему до того, как в его руки попали усилители. Расскажи мне все, что ты знаешь о биполярных компьютерах и транзитивных схемах. Расскажи мне, и я дам тебе попить.

За пультом сидел не Джонас и не Колдун. Он видел перед собой внука Давида Шустрого. За пультом сидел Тик-Так.

Джейк смотрел на него, оцепенев от ужаса. Злобное, опасное существо, что обитало в подземельях Лада вместе с себе подобными, Гашером, Хутсом, Брандоном и Тилли. Правда, с тех времен он здорово изменился. Его левый глаз, тот, что Ыш порвал когтями, вытек, и на его месте осталось бельмо. Правую половину черепа скальпировали: волосы там больше не росли. Джейк вроде бы помнил, как после его выстрела кожу сорвало с головы Тик-Така, но тогда он был на грани истерики... как и теперь.

Ыш тоже узнал человека, который пытался его убить, и яростно тьякал, наклонив голову к самому полу, оскалив зубы, выгнув спину. Тик-Так изумленно таращился на него.

— Не обращайтесь внимания на человека за занавеской, — раздался голос у них за спиной, слова сменились смехом. — У моего друга Эндрю сегодня опять неважнецкое настроение. Бедняжка. Наверное, я зря перенес его сюда из Лада, но тогда он показался мне таким несчастным... — И вновь послышался смех.

Джейк обернулся и увидел, что в глубине громадного трона, скрестив перед собой ноги, сидит мужчина. В джинсах, темной, подпоясанной ремнем куртке, старых, поношенных ковбойских сапогах. Куртку украшал значок — пуговица с головой свиньи. Меж ее глаз темнела дырка от пули. На коленях незнакомец держал мешок с завязкой. Он выпрямил спину, расправил плечи, улыбка разом сползла с лица, глаза сверкнули, в оскале обнажились зубы.

Разберись с ними, Эндрю! Разберись с ними! Убей их! Убей! Всех и каждого!

— *Моя жизнь принадлежит тебе!* — крикнул в ответ мужчина в нише, и только тут Джейк заметил стоящий в углу автомат. Тик-Так вскочил, схватил его. — *Моя жизнь принадлежит тебе!*

Он повернулся к тронному залу, и тут же Ыш прыгнул на него, вцепившись в левую ляжку Тик-Така у самой промежности.

Эдди и Сюзанна одновременно выхватили большие револьверы Роланда. И выстрелили синхронно. Одна пуля снесла Тик-Таку полчерепа, забрызгав пульт ошметками мозга и кровью, вторая разворотила шею.

Тик-Так двинулся на них. Шаг, другой. Ыш отцепился от его ноги, рыча, попятился. На третьем шаге Тик-Так протянул руки к Джейку, единственный зеленый глаз Тики источал ярость. Мальчику показалось, что он услышал последнюю мысль Тик-Така: *Ах ты, маленький паскудыш...*

А потом Тик-Так повалился вперед, как он повалился в Колыбели седых... только на этот раз больше не встал.

— Так пал лорд Перт, и сотряслась земля, — изрек человек на троне.

Только он не человек, подумал Джейк. Совсем не человек. Похоже, мы наконец-то нашли Колдуна. И я почти наверняка знаю, что у него в мешке.

— Мартен. — Роланд протянул левую руку, ту, на которой остались все пять пальцев. — Мартен Брудклоук. После стольких лет. После стольких столетий.

— Хочешь это, Роланд?

Эдди вложил револьвер, из которого он убил Тик-Така, в левую руку Роланда. Из ствола еще вился сизый дымок. Роланд взглянул на револьвер так, словно видел его впервые, затем медленно поднял, нацелил в дыбящуюся, розовощекую фигуру, сидящую скрестив ноги на троне

Зеленого дворца.

— Наконец-то. — Роланд взвел курок. — Наконец-то я вижу тебя сквозь прорезь прицела.

8

— От этого шестизарядника проку не будет: о чем, я думаю, ты догадываешься, — усмехнулся Мартен. — Во всяком случае, против меня. Он не выстрелит, старина. Ни на что, кроме осечки, не рассчитывай. Между прочим, а как поживают твои родственники? За столько лет совсем потерял их из виду. Страсть как не люблю писать письма. Кто-то должен меня за это пожурить, просто обязан.

Он откинул голову и расхохотался. Роланд нажал на спусковой крючок. Вместо громкого выстрела раздался глухой щелчок.

— Не повезло, — с притворной печалью вздохнул восседающий на троне мужчина. — Должно быть, ты случайно взял подмокшие патроны. С выдохшимся порохом. Заглушить вой червоточины они могут, а вот против старых колдунов не годятся. Жаль. А твоя рука, Роланд, посмотри на свою руку! Я вижу, пальцев на ней поубавилось. Как же тебе не повезло. А ведь все могло сложиться куда лучше. Ты и твои друзья могли бы зажить полноценной жизнью, и это, как сказал бы Джейк, истинная правда. Никаких тебе гигантских омаров, никаких свихнувшихся поездов, никаких опасных, даже смертельно опасных, путешествий в другие миры. А требуется для этого суший пустяк: отказаться от этой глупой и безнадёжной затеи — поиска Башни.

— Нет, — ответил Эдди.

— Нет, — ответила Сюзанна.

— Нет, — ответил Джейк.

— Нет, — ответил Ыш и твякнул.

Темный человек на троне продолжал улыбаться, такие ответы несколько его не смутили.

— Роланд? А как ты? — Он медленно поднял мешок. Запылившийся, старый. Он свисал с руки колдуна, как капля-слеза, и теперь сквозь мешковину начало пробиваться розовое сияние. — Одно твоё слово, и им не придется смотреть на то, что внутри... не придется лицезреть последнюю сцену той давнишней пьесы. Одно твоё слово. Откажись от Башни и иди своей дорогой.

— Нет, — ответил Роланд и улыбнулся. И по мере того как его улыбка

становилась все шире, лицо Мартена начало вытягиваться. — Я знаю, что ты можешь заговорить оружие, принадлежащее этому миру.

— Роланд, мне неизвестно, о чем ты думаешь, но предупреждаю, не стоит тебе...

— Сердить Оза Великого? Оза Могучего? Но я думаю, что рассержу, Мартен... или Мейрлин... или как там ты называешь себя теперь.

— Флегг, — представился мужчина на троне. — И мы уже встречались. — Он вновь улыбнулся. Обычно от улыбки лицо становится шире, но у Флегга оно еще больше вытянулось в презрительной гримасе. — На развалинах Гилеада. Ты и твои выжившие дружки... этот смешливый осел Катберт Оллгуд и, кажется, Декарри, парень с родимым пятном, отправились на запад искать Башню. Или, по терминологии мира Джейка, решили повидаться с Колдуном. Я знаю, вы видели, ты видел меня, но сомневаюсь, что до сегодняшнего дня ты знал о том, что и я видел тебя.

— И еще увидишь, — ответил Роланд. — Если, конечно, я не убью тебя сейчас и больше ты ни во что не будешь вмешиваться.

По-прежнему сжимая револьвер в левой руке, правой он схватился за пистолет, заткнутый за пояс джинсов, «ругер» Джейка, оружие из другой реальности, и, возможно, неподвластное чарам Колдуна. Как всегда, скорость его движений не улавливалась человеческим глазом.

Мужчина на троне вскрикнул, отпрянул. Мешок свалился с его колен, хрустальный шар, тот самый, что когда-то держала в руках Риа, держал в руках Джонас, держал в руках Роланд, выкатился из него. Из щелей вновь вырвались клубы дыма, на этот раз не красные, а зеленые. И окутали трон. Однако Роланд все равно сумел бы застрелить Колдуна, растворяющегося в дыму, если бы сразу выхватил «ругер». Но мушка зацепилась за пряжку ремня. Чтобы освободить ее, потребовалась четверть секунды, вот на эту четверть Роланд и опоздал. Трижды он выстрелил в клубящийся дым, потом бросился к трону, не слыша криков своих друзей.

Дым Роланд разогнал руками. Его пули вышибли немало осколков из спинки трона, но человекоподобное существо, назвавшееся Флеггом, исчезло. Роланд поневоле задумался, а видел ли он его, или ему все почудилось?

Магический кристалл, однако, розово поблескивал на сиденье, как и много лет назад, когда стрелок был молод и влюблен. Осколок Радуги Мейрлина подкатился к самому краю сиденья. Еще два дюйма, и он бы свалился с него и разбился об пол. Не разбился, этот дьявольский шар, сияние которого Сюзан Дельгадо впервые увидела через окно хижины Риа, куда она прокралась под светом Целующейся Луны.

Роланд поднял хрустальный шар — тот лег на ладонь стрелка, словно и не покидал ее, — заглянул в туманные глубины.

— Вот тебе грех жаловаться на жизнь, — прошептал Роланд магическому кристаллу. Подумал о Риа, которую видел в нем, о ее старческих насмешливых глазах. Подумал о языках пламени праздничного костра, охвативших Сюзан, сжегших ее.

Исчадие ада, подумал он. Если я грохну тебя об пол, мы просто утонем в потоке слез, который хлынет из твоего разбитого чрева... слез всех тех, кого ты погубил.

А почему не сделать этого? Оставшись в целости, этот кристалл скорее всего помог бы им вновь выйти на Тропу Луча, но Роланд, откровенно говоря, не верил, что им требуется его помощь. Он думал, что Тик-Так и существо, называющее себя Флеггом, были их последним препятствием. Зеленый дворец — вот их пропуск в Срединный мир... и он принадлежал им. Они захватили его в бою.

Но ты еще не можешь возвращаться в Срединный мир, стрелок. Не можешь, не рассказав свою историю до конца, не коснувшись последней главы.

Чей это был голос? Ваннея? Нет. Корта? Нет. И не голос отца, который однажды вытащил его голым из кровати шлюхи. То был самый суровый голос, который он частенько слышал в тревожном сне, голос, который ему хотелось ублажить, но случалось такое редко. Нет, не тот голос, на этот раз не тот.

На этот раз он услышал голос *ка... ка, что как ветер*. Так ему сказали в то лето, на четырнадцатом году жизни... но он еще не закончил свою историю. Как в случае с Деттой Уокер и гадательным блюдцем Синей Дамы, кое-что осталось невысказанным. Осталось тайным. И речь шла не о том, сумеют ли они выйти из Зеленого дворца и вернуться на Тропу Луча. Вопрос ставился иначе: смогут ли они выйти *ка-тетом*? Если да, они не должны ничего скрывать друг от друга, и ему надо рассказать им о том, как он в последний раз заглянул в колдовской кристалл. Через три ночи после торжественного банкета. Ему надо рассказать им...

Нет, Роланд, прошептал голос. Не просто рассказать. Этим не отделаешься, И ты это знаешь.

Да, он знал. Роланд повернулся к своим друзьям:

— Подойдите.

Они медленно подошли, с широко раскрытыми глазами, в которых отражалось пульсирующее розовое сияние. Уже загипнотизированные, даже Ыш, магическим кристаллом.

— Мы — *ка-тет*. — Роланд протянул шар к ним. — Единство из множества. Я потерял мою единственную любовь в самом начале пути к Темной Башне. А теперь всмотритесь в этот шар, и вы увидите, что я потерял потом. Смотрите внимательно.

Они всмотрелись. Магический кристалл, сжатый руками Роланда, запульсировал быстрее. Он вобрал их в себя и унес прочь. Захваченные розовым вихрем, они перелетели по Колдовской радуге в тот Гилеад, что встретил Роланда, Катберта и Алена как победителей.

Глава четвертая

КРИСТАЛЛ

1

Джейк из Нью-Йорка стоит в верхнем коридоре замка Гилеада, действительно дворца, который не чета дому мэра Хэмбри. Он оглядывается и видит Сюзанну и Эдди у гобелена, с широко раскрытыми глазами, держащихся за руки. И Сюзанна стоит, ноги к ней вернулись, по крайней мере в Гилеаде, и на ногах у нее уже пара рубиновых башмачков, какие были на Дороти, когда та ступила на свой Великий Тракт, чтобы найти Колдуна Оза, этого балаболку.

У нее есть ноги, потому что это сон, думает Джейк, но он знает, что это не сон. Он опускает голову и видит Ыша, который смотрит на него обеспокоенными, умными, с золотыми ободками глазками. На нем все еще красные сапожки, Джейк наклоняется и гладит Ыша по голове. Чувствует под рукой его шерсть. Она настоящая, реальная. Нет, это не сон.

Однако Роланда здесь нет, отмечает Джейк. Их четверо, а не пятеро. И он отмечает кое-что еще: воздух в галерее розоватый, и у каждой лампы, освещающей коридор, — розовый ореол.

Что-то должно случиться! Какая-то сцена произойдет у них на глазах. И, словно эта мысль послужила катализатором, мальчик слышит приближающиеся шаги.

Эту историю я знаю, думает Джейк. Мне ее уже рассказывали.

Когда Роланд огибает угол, Джейк понимает, что это будет за история: та самая, в которой Мартен Броудклоук останавливает Роланда, когда тот идет на крышу, где, возможно, прохладнее, чем в здании. «Эй, мальчик! — скажет Мартен. — Входи! Не стой в коридоре! Твоя мать хочет поговорить с тобой». Но, разумеется, это ложь, и навсегда останется ложью, сколько бы раз ни возвращалось время к этому моменту. Мартен-то хочет, чтобы мальчик увидел свою мать и понял, что Габриэль Дискейн стала любовницей отцова колдуна. Мартен хочет подтолкнуть мальчика к прохождению обряда посвящения в мужчины в столь юном возрасте, пока отец в отъезде и не может остановить его; он хочет убрать щенка со своего пути, пока тот не отрастил зубы и не начал кусаться.

И сейчас они все это увидят; грустная комедия эпизод за эпизодом пройдет у них перед глазами. Я еще слишком молод, думает Джейк, но ведь и Роланд еще очень молод; ему будет лишь на три года больше, чем Джейку сейчас, когда он с друзьями приедет в Меджис и встретит Сюзан на Великом Тракте. Только на три года больше, когда он полюбит ее.

Мне все равно, я не хочу это видеть...

И не увижу, понимает он, когда Роланд подходит ближе: все это давно случилось. Потому что на дворе не август, время Полной Земли, а поздняя осень или ранняя зима. Он может это утверждать, потому что на Роланде пончо, сувенир, привезенный из его путешествия на Внешнюю Дугу, и пар, который при каждом выдохе вылетает изо рта и носа стрелка: в Гилеаде нет центрального отопления, и в коридорах холодно.

Есть и другие изменения: вооружен теперь Роланд фамильными револьверами Дискейнов, большими, с сандаловыми рукоятками. Джейк думает, что отец вручил их Роланду на банкете. Он не знает, откуда ему это известно, но он знает. И лицо Роланда, все еще юношеское, уже не такое открытое, гладкое, как лицо мальчика, который шел этим же коридором пять месяцев назад. За это время мальчик многое пережил, прошел через многие испытания, и поединок с Кортон был далеко не самым сложным.

Джейк видит кое-что еще: на юноше-стрелке красные ковбойские сапоги. Роланд, правда, об этом не подозревает. Потому что все это не происходит в действительности.

И, однако, происходит. Они внутри колдовского кристалла, они внутри розового вихря (розовый ореол у лампочек напоминает Джейку Песий водопад, радуги, вращающиеся в тумане), и вот тут все и случается.

— Роланд! — кричит Эдди. Он и Сюзанна по-прежнему стоят у гобелена. Сюзанна ахает и хватается его за плечо, хочет, чтобы он замолчал, но Эдди отмахивается, — Нет, Роланд! Не надо! Плохая идея!

— Нет! Олан! — подает голос Ыш.

Роланд словно и не слышит их обоих, проходит на расстоянии вытянутой руки от Джейка, не видя его. Для Роланда их здесь нет. В красной обуви или без оной, их как-тет в его далеком будущем.

Он останавливается у двери в конце коридора, мнется, потом поднимает кулак и стучит. Эдди направляется к нему, не отпуская руки Сюзан... просто тащит ее за собой.

— Пошли, Джейк, — говорит Эдди.

— Нет, я не хочу.

— Никого не волнует, что ты хочешь, а чего — нет, и ты это знаешь. Мы должны это увидеть. Если не в наших силах остановить его, мы хотя

бы должны сделать то, ради чего попали сюда. А теперь иди!

С тяжелым сердцем, с скрутившимся в узел желудком, Джейк идет. Когда они приближаются к Роланду, какими огромными кажутся револьверы на его тощих бедрах, какое у него уже усталое лицо, даже в молодости, Джейку хочется плакать. А стрелок вновь стучит в дверь.

— *Ее там нет, сладенький, — кричит ему Сюзанна. — Ее там нет или она не открывает дверь, но для тебя это одно и то же! Уходи! Оставь ее! Она этого не стоит! Пусть даже она твоя мать, она этого не стоит! Уходи!*

Но Роланд не слышит и ее и не уходит. Когда Джейк, Эдди, Сюзанна и Ыш подходят вплотную, Роланд толкает дверь в комнату матери: она не заперта. Он открывает ее, за ней — сумрачная комната с затянутыми шелком стенами. На полу — ковер, похожий на персидский, какие нравятся матери Джейка... только этот ковер, Джейк знает, привезли из провинции Кашимин.

Ближе к дальней стене гостиной, у окна, которое дребезжит на северном ветру, Джейк видит кресло с низкой спинкой и знает, что именно в нем сидела она, когда Роланд проходил испытание; в нем сидела она, когда сын заметил на ее шее отметину от поцелуя.

Кресло сейчас пусто, но когда стрелок входит в комнату и поворачивает к двери, ведущей в спальню, Джейк замечает мыски туфель, черные — не красные, выглядывающие из-под портьеры рядом с дребезжащим окном.

— Роланд! — кричит он. — Роланд, за портьерой! Кто-то стоит за портьерой! Берегись!

Но Роланд не слышит.

— Мама? — зовет он, и даже голос его тот же, Джейк узнал бы его где угодно... но звучит он куда звонче, молодой голос. Его еще не посадили ветер, пыль и сигаретный дым. — Мама, это я, Роланд! Я хочу поговорить с тобой!

Нет ответа. Он проходит коротким коридором, что ведет в спальню. Джейк рвется на части. Ему хочется остаться в гостиной, подойти к портьере и рвануть ее, но он знает, что от него ждут другого. Даже если он попытается, толку не будет. Рука его пройдет сквозь материю, как рука призрака.

— Пошли, — говорит Эдди. — Нельзя от него отставать.

Они идут, сбившись в кучку, при других обстоятельствах это вызвало бы смех. Но не сейчас. Сейчас трое друзей жмутся друг к другу в поисках поддержки.

Роланд стоит, глядя на кровать у левой стены. Смотрит на нее, как загипнотизированный. Может, пытается представить себе Мартена в кровати своей матери; может, вспоминает Сюзан, с которой никогда не спал в настоящей кровати, не говоря уже о такой роскошной, с пологом. Джейк видит профиль стрелка в трехстворчатом зеркале, что стоит напротив кровати, в алькове. А перед этим тройным зеркалом мальчик видит маленький столик. Мальчик его узнает: почти такой же есть и в спальне его родителей — туалетный столик, за которым мать обычно наводит красоту.

По телу стрелка пробегает дрожь, он сбрасывает с себя груз тех мыслей, что одолевали его. Ноги его обуты в эти ужасные сапоги: такое ощущение, что он пересекал в них кровавый поток.

— Мама!

Шаг к кровати, и Роланд наклоняется, словно думает, что мать может прятаться под ней. Если она и прячется, то в другом месте: туфли, которые выглядывали из-под портьеры, — женские, и в конце короткого коридора, за дверью в спальню, сейчас стоит женщина. Джейк видит подол ее платья.

И он видит кое-что еще. Джейк лучше Сюзанны с Эдди понимает сложные взаимоотношения Роланда с матерью и отцом, потому что родители Джейка очень похожи на родителей Роланда: Элмер Чеймберз — стрелок в своей телевещательной компании, у Меган Чеймберз — длинная череда любовников, Джейку ничего такого не говорили, но он знает, непонятно как; он разделяет кхеп с матерью и отцом, и он знает то, что знает.

Знает он кое-что и о Роланде: тот видел свою мать в колдовском кристалле. Именно Габриэль Дискейн, только что вернувшаяся с покаяния в Дебарри, после банкета должна во всем повиниться мужу и испросить прощения, чтобы вновь оказаться в его постели, а затем, когда Стивен задремлет, расслабившись от любовных утех, вонзить нож ему в грудь... или чуть оцарапать руку, даже не разбудив его. С таким ножом результат будет один.

Роланд увидел все в хрустальном шаре, перед тем как отдать его отцу, и Роланд предотвратил эту трагедию. Чтобы спасти жизнь Стивена Дискейна, сказали бы Эдди и Сюзанна, исходя из того, что им известно. Джейк, в силу своего несчастного детства, знает, что это не все. Чтобы спасти и жизнь матери. Дать ей последний шанс внять голосу разума, встать рядом с мужем, твердо взять его сторону. Последний шанс порвать с Мартемом Броудклоуком.

Конечно, она порвет, конечно, она должна порвать! Роланд видел ее лицо в тот день, видел, какая она была несчастная, так что она обязательно

должна порвать с Мартеном! Не может же она выбрать колдуна! Если он только сможет...

Вновь сказывается неопытность юности: Роланд и представить себе не может, что несчастье и стыд не соперники страсти. Он пришел, чтобы поговорить с матерью, чтобы уговорить ее вернуться к отцу, пока еще не поздно. Однажды он спас ее от себя, скажет он ей, но второй раз такого не будет.

А если она не согласится, думает Джейк, или начнет юлить, притворяться, что понятия не имеет, о чем говорит сын, Роланд предложит ей на выбор: покинуть Гилеад с его помощью, этим же вечером, или встретить завтрашнее утро в кандалах, чтобы потом повторить судьбу Хакса, повара, повешенного за предательство.

— Мама? — зовет Роланд, все еще не зная, что за его спиной кто-то прячется. Еще шаг, и тень приходит в движение. Поднимает руки. Что-то она в них держит. Не револьвер, Джейк в этом уверен, что-то похожее на змею, что-то...

— Роланд, берегись! — визжит Сюзанна, и ее голос срабатывает, как магический выключатель.

Что-то лежит на туалетном столике... разумеется, хрустальный шар. Габриэль выкрала его, чтобы принести своему любовнику как утешительный приз, раз уж ее сын предотвратил убийство Стивена. И тут он вспыхивает, словно вопль Сюзанны включает его. Отбрасывает розовый свет на тройное зеркало, освещает спальню. В этом свете, в этом тройном зеркале, Роланд наконец-то видит стоящую за его спиной фигуру.

— Господи! — *в ужасе вскрикивает Эдди Дин.* — Господи, Роланд! Это не твоя мать! Это...

Это даже не женщина, нет, уже не женщина, это ходячий труп в грязном черном платье. На голове лишь несколько островков волос, вместо носа — проваленная дыра, но глаза сверкают, а змея в ее руках очень даже живая. И Джейк, скованный страхом, все же успевает подумать, не взяла ли она эту змею из-под той самой скалы, где в свое время нашла другую, которую убил Роланд.

Это Риа, которая ждала, пока Роланд придет в апартаменты матери. Это Риа с Кооса, которая пришла не только для того, чтобы утащить магический кристалл, но и прикончить юношу, который причинил ей столько неприятностей.

— Твоя шлюха уже получила свое! — пронзительно кричит она. — Теперь заплатишь ты!

Но Роланд ее увидел, увидел в кристалле, Риа предал тот самый

кристалл, за которым она пришла, и теперь он поворачивается, руки его с невероятной скоростью хватаются за новые револьверы. Ему пятнадцать лет, он потрясаяще быстр, превзойти его в реакции невозможно.

— Нет, Роланд, нет! — *кричит Сюзанна*. — Это иллюзия, это все проделки шара!

Джейк успевает перевести взгляд с зеркала на женщину, стоящую на пороге, успевает осознать, что и его провели.

Возможно, в последнюю долю секунды Роланду тоже открывается истина: женщина на пороге — его мать, и в руках у нее не змея, а пояс, который она вышила для него, может, с тем, чтобы замириться с ним, а шар обманул его единственным доступным ему способом — отражением.

В любом случае уже поздно что-то изменить. Револьверы выхвачены из кобуры, ярко-желтые вспышки освещают спальню. На каждый спусковой крючок он нажимает дважды, прежде чем ему удастся сдержаться, и четыре пули отбрасывают улыбающуюся (в этой улыбке читается надежда на примирение) Габриэль Дискейн в коридор.

Она так и умирает с улыбкой на лице.

Роланд застывает на месте, из револьверов идет дымок, его лицо перекашивает гримаса изумления и ужаса, до него только начинает доходить, что случилось непоправимое: из револьверов отца он убил мать.

И тут каркающий смех заполняет комнату. Роланд не поворачивается; он замороженно смотрит на женщину в синем платье и черных туфлях, которая вся в крови лежит в коридорчике, соединяющем ее спальню с гостиной; женщину, которую пришел спасти и которую вместо этого убил. Она лежит со связанным вручную поясом поверх окровавленного живота.

Джейк поворачивается вместо него, и его не удивляет женщина с зеленым лицом, в остроконечной черной шляпе, плавающая в шаре. Это же Злобная Колдунья-с-Востока; она же, он это знает, Риа с Кооса. Она смотрит на юношу с револьверами в руках и скалит зубы в самой жуткой ухмылке, какую только доводилось видеть Джейку.

— Я сожгла ту глупую девку, которую ты любил... да, сожгла ее заживо, сожгла... а теперь моими стараниями ты убил свою мать. Ты раскаиваешься в том, что убил моего змея, стрелок? Моего бедного, сладкого Эрмота? Ты раскаиваешься в том, что связался с той, кто тебе не по зубам?

Роланд не подает вида, что слышит ее, только смотрит на свою мать. Скоро он подойдет к ней, опустится на колени, но этот момент еще не наступил, пока не наступил.

Лицо в шаре поворачивается к трем путникам и разом меняется,

становится старушечьим, с лысым черепом и проваленным носом. То самое лицо углядел Роланд в лживом зеркале. Стрелок не видит своих будущих друзей, но Риа видит; да, видит их очень даже хорошо.

— Отступитесь! — каркает она... совсем как ворона, сидящая на лишенной листвы ветке под хмурым зимним небом. — Отступитесь! Забудьте про Башню!

— Никогда, паршивая сука, — отвечает Эдди.

— Вы же видите, каков он! Какое он чудовище! И это только начало, говорю я вам! Спросите его, что случилось с Катбертом! С Аленом... Дар Алена, он дается немногим, в конце концов не спас его, не спас! Спросите его, что случилось с Джейми Декарри! У него не было друга, которого он бы не убил, не было женщины, прах которой не разнесло бы ветром!

— Иди своим путем, — говорит Сюзанна. — И не мешай нам идти нашим.

Зеленью растрескавшиеся губы Риа изгибаются в отвратительной усмешке.

— Он убил собственную мать! Что он сделает с тобой, глупая коричневокожая сучка?

— Он ее не убивал, — возражает Джейк. — Ты убила ее. А теперь уходи!

Джейк шагает к хрустальному шару, с тем чтобы поднять и хряпнуть об пол... и он знает, что может это сделать, потому что шар — реальный. Все остальное — иллюзия, а шар — реальный. Но прежде чем Джейк успевает взять магический кристалл в руки, тот ярко вспыхивает слепяще розовым светом. Джейк вскидывает руки перед глазами, чтобы не ослепнуть, а потом он

(таю, я таю, что за мир, о, что за мир)

падает, его вертит в розовом вихре, вышвыривает из Оза в Канзас, из Оза в Канзас, из Оза в...

Глава пятая

ТРОПА ЛУЧА

1

— Домой, — пробормотал Эдди. Голос сел, как после хорошей пьянки. — Домой. Потому что нет второго такого места, как дом, действительно нет.

Он попытался открыть глаза, но веки не разлеплялись. Словно склеились. Пришлось призвать на помощь руки. Сработало: глаза открылись. Он не увидел ни тронного зала Зеленого дворца, ни (хотя и ожидал) богато обставленной, но давящей спальни, в которой только что был.

Он лежал на опушке, на тронутой инеем траве. На ветвях деревьев, растущих неподалеку, остались считанные пожухлые листочки. А на одной из них — одинокий белый лист, лист-альбинос. Где-то за деревьями журчал ручей. В траве стояло новое инвалидное кресло Сюзанны. На шины налипла грязь, несколько сухих листьев зацепились за спицы. И несколько пучков травы. На небе застыли белые облака, чем-то похожие на корзины с выстиранным бельем.

Когда мы входили во Дворец, небо было чистое, подумал Эдди и понял, что время вновь сдвинулось. Намного или на чуть-чуть, знать ему не хотелось... мир Роланда напоминал разболтанную коробку передач: никогда не знаешь, куда попадешь, передвигая ручку, то ли двигатель взвояет на нейтралке, то ли машина рванет с места.

Впрочем, в мир ли Роланда попали они? А если да, то каким образом?

— Откуда мне знать? — прохрипел Эдди и медленно поднялся на ноги, кривясь от неприятных ощущений. Похмелья не было, но ноги болели и гудела голова.

Роланд и Сюзанна лежали на земле под деревьями. Стрелок уже шевелился, но Сюзанна лежала на спине, широко раскинув руки, а ее громкий, неженский храп вызвал у Эдди улыбку. Джейк свернулся калачиком рядом с Сюзанной, Ыш спал на боку у коленей мальчика. Когда Эдди посмотрел на них, Джейк открыл глаза, сел. Правда, глаза его пока ничего не видели: он так крепко спал, что еще не успел проснуться.

— А-а-а. — Джейк потянулся, зевнул.

— Да, — кивнул Эдди, — без зарядки не проснешься.

Он начал медленно поворачиваться вокруг собственной оси. Три четверти круга не принесли ничего интересного, а потом он увидел на горизонте Зеленый дворец. Яркость его под затянутым облаками небом заметно померкла. Эдди прикинул, что до него миль тридцать. В том же направлении уходили и следы, оставленные коляской Сюзанны.

Он слышал и червоточину, но от нее их отделяло немалое расстояние. Вроде бы он и видел ее... В пяти, а то и больше, милях от них над плоской равниной стояло марево. В пяти милях к западу отсюда? С учетом местоположения Зеленого дворца и того факта, что они шли на восток по автостраде И-70, вроде бы да, но как знать наверняка, если солнца нет, а следовательно, ориентироваться не по чему.

— Где автострада? — спросил Джейк.

И у него голос сел. Ыш уже проснулся. Почесался одной задней лапой, потом — второй. Эдди заметил, что ушастик потерял один полусапожок.

— Может, ее срыли за ненадобностью?

— Я не думаю, что мы по-прежнему в Канзасе, — заметил Джейк. Эдди пристально посмотрел на него и решил, что мальчик не цитирует «Волшебника из страны Оз», — Во всяком случае, в тех Канзасах, где играют «Канзасские короли» или «Канзасские монархи».

— С чего ты это взял?

Джейк ткнул кулаком в небо, и стоило Эдди поднять голову, как он понял, что ошибся: облака не стояли на месте, как корзины с бельем. Прямо над их головами полоса облаков тянулась к горизонту, как лента транспортера.

Они вернулись на Тропу Луча.

— Эдди? Где ты, сладенький?

Эдди перевел взгляд с неба на землю и увидел, что Сюзанна сидит, потирая шею. Судя по ее лицу, она еще не разобралась, куда попала. А может, даже не знала, кто она. Ее красная обувь без солнца заметно потускнела, но все равно выделялась двумя яркими пятнами, тут Эдди посмотрел на свои ноги и увидел, что он по-прежнему в остроносых сапожках с кубинскими каблуками. Они тоже потускнели, но Эдди уже понял, что дело здесь не только в освещенности. Он посмотрел на полуботинки Джейка, три сапожка Ыша, ковбойские сапоги Роланда

(стрелок уже сидел, обхватив руками колени, уставившись в далекую даль). Тот же рубиново-красный цвет, но какой-то *безжизненно-красный*. Словно магический ресурс, которым обладала обувь, выработался.

Внезапно Эдди захотелось как можно быстрее скинуть эти сапоги с ног.

Он сел рядом с Сюзанной, поцеловал ее со словами: «Доброе утро, Спящая Красавица, или добрый день».

Потом быстро, с отвращением прикасаясь к ним (на ощупь — мертвая кожа), Эдди скинул сапоги. Увидел, что мыски ободраны, а каблуки грязные: сапоги уже не выглядели новехонькими. Чуть раньше он задавался вопросом, как они сюда попали: теперь, чувствуя боль в ногах и вспомнив следы от коляски, понял все. Пришли сюда пешком. Во сне.

— Это лучшая идея, которая посетила тебя с того... в общем, давно это было. — Сюзанна последовала примеру Эдди. Краем глаза тот увидел, как Джейк разувает Ыша. — Мы там были? — спросила Сюзанна Эдди. — Мы действительно там были, когда он...

— Когда я убил свою мать, — закончил за нее Роланд. — Да, были. Как и я. Да помогут мне боги, но я там был. Я это сделал. — Он закрыл лицо руками, и тело его сотрясли рыдания.

Сюзанна шустренько перебралась к нему. Одной рукой обняла, второй оторвала его руки от лица. Поначалу Роланд упирался, но она настаивала, и он таки опустил руки, руки убийцы, открыв полные слез и тоски глаза. Сюзанна привалила его к своему плечу:

— Успокойся, Роланд. Успокойся и забудь. С этой частью твоего прошлого покончено. Все позади.

— Такое не забывается, — возразил Роланд. — Ничего не выйдет. Я буду помнить об этом всегда.

— Ты не убивал ее, — вставил Эдди.

— Это слишком просто. — Лицо Роланда по-прежнему прижималось к плечу Сюзанны, но слова слышались отчетливо.

— Не всегда ответственность можно переложить на кого-то еще. Некоторые грехи так и остаются висеть на человеке. Да, Риа там была, в определенном смысле, но я не могу сказать, что вся вина лежит на ней, как бы мне этого ни хотелось.

— Это не она. Во всяком случае, я имел в виду не ее.

Роланд вскинул голову.

— Что ты такое говоришь?

— *Ка*, — ответил Эдди. — *Ка* — как ветер.

В заплечных мешках они нашли еду, которую туда не клали: печенье с эльфами на обертках^[67], сэндвичи вроде тех, что продают автоматы на бензозаправках, и колу неизвестной Эдди, Сюзанне и Джейку марки. По вкусу — кока-кола, но упакованная в красно-белые банки с надписью «Нозз-А-Ла».

Они поели, сидя спиной к деревьям и лицом к далекому Зеленому дворцу, решив, что это ленч. *Если через час-другой начнет темнеть*, подумал Эдди, *переименуем эту трапезу в ужин*. Но он полагал, что этого не потребуются. Внутренние часы вновь пошли, и этот загадочный, но обычно не дающий сбоев механизм подсказывал, что после полудня прошло совсем немного времени.

В какой-то момент Эдди встал, вскинул руку с банкой колы, улыбнулся в объектив невидимой камеры.

— Когда я путешествую по стране Оз в моей новенькой «такуро-спирит», я всегда пью «Нозз-А-Ла», — возвестил он. — Она утоляет жажду, не вызывая позывов облегчиться! С ней я сразу чувствую себя мужчиной! Она помогает мне познать Бога! Она придает мне внешность ангела и потенцию тигра! Когда я пью «Нозз-А-Ла», я говорю: «Господи! Как я рад, что живу! Я говорю...»

— Сядь, балаболка, — засмеялся Джейк.

— Олка, — согласился Ыш, его морда лежала на лодыжке Джейка, и он с интересом следил взглядом за сэндвичем мальчика.

Эдди уже собрался сесть, когда его взгляд вновь упал на лист-альбинос. Это же не лист, подумал он и направился к дереву. Действительно, не лист, а клочок бумаги. Он сдернул его с сучка. На одной стороне увидел колонки «блах блах», «йак йак» и «все одно». Обычно газеты двусторонние, но Эдди не удивился, не обнаружив на обратной стороне текста... «Оз дейли базз», в конце концов, вышел только один раз и в единственном экземпляре.

Но и обратной стороне нашлось применение. Эдди увидел две дыблящиеся рожицы, а между ними строки, адресованные их *ка-тету*:

*В следующий раз я не уйду. Отступитесь от Башни.
Это мое последнее предупреждение.
Желаю Вам хорошо провести день.*

И ниже — рисунок: грозное облако и вылетающая из него молния.

Эдди вернулся к своим друзьям, показал им записку. Каждый прочитал ее, последний — Роланд. Он задумчиво провел по ней пальцем, словно проверял, какова бумага на ощупь, потом протянул Эдди.

— Эр-Эф. — Эдди смотрел на подпись. — Человек, который руководил Тик-Таком. Записка от него, не так ли?

— Да. Должно быть, он приволок Тик-Така из Лада.

— Точно, — кивнул Джейк. — Этот парень, Флегг, похоже, может с первого взгляда вычислить настоящего балаболку. Но как они добрались сюда раньше нас? Что может быть быстрее Блейна Моно?

— Дверь, — ответил Эдди. — Может, они прошли через одну из этих особых дверей.

— Бинго! — воскликнула Сюзанна, вытянув руку ладонью вверх, и Эдди хлопнул по ней.

— В любом случае он дает дельный совет, — заговорил Роланд. — И я прошу отнестись к нему со всей серьезностью. Если вы хотите вернуться в свой мир, я не возражаю.

— Роланд, я не верю своим ушам, — покачал головой Эдди. — После того как ты перетащил меня и Сюзи сюда, хотя мы сопротивлялись изо всех сил? Так не бывает.

— Я сделал это до того, как подружился с вами. До того, как полюбил вас точно так же, как когда-то любил Алена и Катберта. И до того, как мне пришлось... вспомнить прошлое. При этом... — Он замолчал, глядя на свои ноги, уже в старых сапогах, погружившись в раздумья. Наконец вновь посмотрел на них. — Какая-то часть меня уже много лет не шевелилась и не говорила. Я думал, она умерла. Как выяснилось, нет. Я снова научился любить, и я понимаю, что это, возможно, мой последний шанс полюбить. Я тугодум... это знали Ванней и Корт, да и мой отец... но я не глуп.

— Тогда перестань валять дурака, — ответил ему Эдди. — Или держать нас за идиотов.

— Дело в том, Эдди, что я губил своих друзей. И я не уверен, что вновь готов пойти на такой риск. Особенно с Джейком... я... да ладно. Нет у меня нужных слов. Впервые с того момента, как я повернулся в темной спальне и убил мою мать, я осознал, что есть кое-что поважнее Башни. Больше ничего сказать не могу.

— И не надо, довод весомый.

— И я того же мнения, — подала голос Сюзанна, — но Эдди прав насчет ка. — Она взяла бумажку, задумчиво провела по ней пальцем. — Роланд, ты не можешь говорить о... ка... а потом дать задний ход только

потому, что у тебя убавилось воли и решимости.

— Воля и решимость — хорошие слова, — кивнул Роланд. — Но есть и плохое выражение, которое обозначает то же самое. Слово это — *навязчивая идея*.

Сюзанна передернула плечами, словно отметая его выводы.

— Сладенький, или вся эта затея — *ка*, или ею тут и не пахнет. *Ка*, конечно, штука страшная, судьба с орлиными глазами и собачьей пастью, но мне представляется, что без *ка* еще ужаснее. — И она бросила записку от Эр-Эфа на вытоптанную траву.

— Как ее ни назови, но вы умрете, если она перейдет вам дорогу, — пробормотал Роланд. — Раймер... Торин... Джонас... моя мать... Катберт... Сюзан. Спросите их. Любого из них. Если б вы могли спросить.

— Ты упускаешь самое главное, — заметил Эдди. — Ты *не сможешь* отослать нас назад. Или ты этого не понимаешь? Даже если найдется дверь, мы в нее не пойдем. Я прав?

Он посмотрел на Джейка и Сюзанну. Они кивнули. Даже Ыш кивнул. Нет, он не ошибся.

— Мы *изменились*, — продолжил Эдди. — Мы... — Теперь он не смог подобрать нужных слов. Не знал, как выразить свое желание увидеть Башню... и другое желание, не менее сильное: и дальше ощущать бедром большой револьвер с рукояткой из сандалового дерева. *Большая железяка*, как он привык о нем думать. Совсем как в песне Марти Роббинса^[68] о мужчине с большой железякой на бедре. — Это *ка*, — только и сказал он, словно последнее слово все объясняло.

— Кака, — отозвался Роланд после короткой паузы.

Все трое, раскрыв рты, вытаращились на него.

Роланд из Гилеада пошутил.

— Из того, что я видела, непонятным для меня осталось только одно. — Сюзанна запнулась. — Почему твоя мать пряталась за портьерой, когда ты вошел, Роланд? Она хотела... — вновь пауза. — Она хотела убить тебя?

— Если бы она хотела убить меня, то не выбрала бы своим оружием пояс. Она хотела сделать мне подарок, вышила на поясе мои инициалы, а это означало, что она собиралась просить у меня прощения. То есть в конце концов она сделала правильный выбор.

Ты это точно знаешь или тебе только хочется так думать? — мелькнуло в голове у Эдди. Но этот вопрос он бы не задал никогда. Роланд прошел через многое, сумел вернуть их на Тропу Луча, открыв ужасную правду о последнем визите в спальню матери, зачем же и дальше мучить его.

— Я думаю, что спрятаться ее заставил стыд, — ответил стрелок. — А может, ей требовалось какое-то время, чтобы подумать о том, что она мне скажет. Как объяснит.

— А шар? — задала следующий вопрос Сюзанна. — Он лежал на туалетном столике, где мы его и увидели? Она украла его у твоего отца?

— Да, на оба вопроса, — ответил Роланд. — Хотя... *украла ли* она его? — Похоже, спрашивал он самого себя. — Мой отец много чего знал, но зачастую никому ничего не говорил.

— Например, о романе твоей матери с Мартеном, — уточнила Сюзанна.

— Да.

— Но, Роланд... ты же не веришь, что твой отец сознательно позволил тебе...

Роланд взглянул на нее широко раскрытыми, полными душевной боли глазами. Слезы давно высохли, но попытка улыбнуться при этом вопросе не удалась.

— Сознательно позволил сыну убить его жену? — договорил он за Сюзанну. — Нет, такого я сказать не могу. Даже если бы и хотел, не могу. Чтобы он сам это *инициировал*, подвел меня и мать к такой развязке... я не могу в это поверить. Но встал бы он на пути *ка*? Определенно нет.

— Что случилось с магическим кристаллом? — спросил Джейк.

— Не знаю. Я лишился чувств. Когда пришел в себя, мы с матерью по-прежнему оставались одни, она — мертвая, я — живой. Никто не прибежал на звук выстрелов... стены были из толстого камня, а крыло это практически пустовало. Ее кровь засохла. Пояс, который она мне связала, сильно выпачкался в крови, но я взял его и надел.

Я носил этот окровавленный подарок много лет, а как я расстался с ним — это другая история... и я обязательно ее вам расскажу, потому что она имеет прямое отношение к поискам Башни.

Но хотя никто не пришел, чтобы выяснить, кто и в кого стрелял, кто-то заглянул в спальню по другой причине. Пока я лежал без сознания рядом с трупом матери, этот кто-то приходил, чтобы забрать магический кристалл.

— Риа? — спросил Эдди.

— Я сомневаюсь, что она могла объявиться в Гилеаде... но она умела

заводить друзей. Да, умела. Я еще раз встретился с ней, знаете ли. — Объяснять Роланд ничего не стал, но в глазах его появился ледяной блеск. Эдди уже доводилось его видеть, и он знал, что сие означает: смерть врага.

Джейк поднял с травы записку от Эр-Эфа и указал на рисунок под тремя строчками:

— Ты знаешь, что это означает?

— Мне представляется, что это обозначение того места, куда я попал, впервые оказавшись в колдовском кристалле. Земля, которая зовется Тандерклеп. — Он оглядел всех, одного за другим. — Думаю, там мы вновь встретим этого человека... это *существо*... которое представилось нам Флеггом.

Роланд окинул взглядом тот путь, что они проделали во сне, в красной обуви.

— Канзас, через который мы прошли, это *его* Канзас, и чума, опустошившая эту землю, *его* чума. По крайней мере я в этом уверен.

— Но она может не ограничиться *его* Канзасом, — вставила Сюзанна. — Она может путешествовать, — добавил Эдди.

— Добраться до *нашего* мира, — уточнил Джейк.

Роланд все смотрел на Зеленый дворец.

— И до вашего, и до любого другого.

— Кто такой «Кримсон кинг»? — резко спросила Сюзанна.

— Сюзанна, я не знаю.

Они помолчали, наблюдая, как Роланд разглядывает дворец, где он столкнулся с псевдоколдуном и правдивым прошлым, тем самым открыв им дверь в свой мир.

Наш мир, поправился Эдди, обняв Сюзанну за плечи. Теперь наш мир. Если мы вернемся в Америку, а такое вполне возможно, мы прибудем чужаками в чужую страну, в какое бы время мы ни попали. Наш мир теперь здесь. Мир Лучей, Хранителей и Темной Башни.

— До темноты еще есть время. — Он повернулся к Роланду, положил вторую руку ему на плечо. Когда Роланд тут же накрыл его ладонь своей, улыбнулся. — Ты же хочешь использовать его, не так ли?

— Да, — кивнул Роланд. — Давайте его используем. — Он наклонился, подхватил заплечный мешок.

— А как насчет обуви? — Сюзанна с сомнением взглянула на горку красной обуви.

— Оставим здесь, — ответил Эдди. — Свою задачу эта обувь выполнила. В коляску, девочка. — Он подхватил Сюзанну и усадил в коляску.

— У всех детей Божьих есть башмаки, — промурлыкал Роланд. — Твои слова, Сюзанна, не так ли?

— Да. — Она устроилась поудобнее. — Произношение, конечно, у тебя не очень, но суть ты уловил правильно.

— Тогда мы, несомненно, найдем другие башмаки, поскольку на то есть воля Божья.

Джейк заглянул в свой рюкзак, провел инвентаризацию продуктов, которые положила туда неведомая рука. Вытащил завернутую в целлофан куриную ногу, посмотрел на нее, потом на Эдди.

— Кто, по-твоему, все это запаковал?

Эдди изумленно вскинул брови, всем своим видом показывая, что такой глупости он от Джейка не ожидал:

— Эльфы Киблера. Кто же еще? Пошли, чего тратить время попусту.

5

Они сбились в кучку на лесной опушке, пятеро странников в пустынной земле. Перед ними по траве тянулась линия, в точности повторяющая линию бегущих по небу облаков. Линия эта вроде бы не напоминала тропу... но для опытного глаза она выделялась так же ясно, как если бы ее выкрасили краской другого цвета.

Тропа Луча. Где-то впереди, там, где этот Луч пересекался с другими, стояла Темная Башня. Если ветер подует в правильной направлении, подумал Эдди, то можно уловить запах ее древних камней.

И роз... сладковатый запах роз.

Он взял за руку Сюзанну, сидевшую в кресле, Сюзанна взялась за руку Роланда, Роланд — Джейка. Ёш стоял в двух шагах перед ними, подняв голову, внюхиваясь в осенний воздух, широко раскрыв черные, с золотистыми ободками глаза.

— Мы — *ка-тет*, — молвил Эдди, подумав при этом, как же он изменился, стал незнакомцем для самого себя. — Мы — единство из множества.

— *Ка-тет*, — повторила Сюзанна. — Мы — единство из множества.

— Единство из множества, — кивнул Джейк. — Пошли, чего тратить время попусту.

Птички и рыбки, медведи и зайки, подумал Эдди.

С Ёшем во главе они вновь двинулись к Темной Башне, шагая по Тропе Луча.

Послесловие

Эпизод, в котором Роланд побеждает своего старого учителя и уходит праздновать победу в Нижний город, я написал весной 1970 года. Другой, в котором отец Роланда появляется следующим утром в комнате проститутки, — летом 1996-го. В истории два эти события отстоят друг от друга на шестнадцать часов, в жизни писателя — на двадцать шесть лет. Однако момент этот наступил, и я увидел себя столкнувшимся с собой же, лежащим на кровати шлюхи... безработный студент с длинными черными волосами и бородой и одновременно удачливый популярный литератор («король ужасов Америки», как с любовью называет меня легион восторженных критиков).

Я упомянул об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть, какое влияние оказывает на меня эта история Темной Башни. Я написал достаточно романов и рассказов, чтобы заполнить ими солнечную систему воображения, но история Роланда — мой Юпитер — планета, доминирующая над всеми другими (по крайней мере в моем понимании), с необычной атмосферой, безумными ландшафтами, жутким притяжением. Я сказал, доминирует над остальными? Пожалуй, это определение недостаточно точно. Я прихожу к осознанию того, что мир Роланда (или миры), по существу, вбирает в себя все прочие, созданные мною: в Срединном мире есть место для Рэндалла Флегга, Ралфа Робертса, странствующих парней из «Глаз дракона», даже для отца Каллахэна, проклятого священника из «Салемс-Лот», который уехал из Новой Англии на автобусе, а в итоге поселился на границе ужасной страны Срединного мира, которая зовется Тандерклеп. Мне кажется, что все они заканчивают там свой путь, но почему нет? Срединный мир появился первым, задолго до них, увиденный суровым взглядом синих глаз Роланда.

Эта книга не появлялась слишком долго... многие читатели, которым понравились приключения Роланда, не раз и не два выражали свое неудовольствие моей медлительностью. За это я извиняюсь перед ними. Причина проста и максимально точно выражена мыслью Сюзанны, когда та готовится задать Блейну первую загадку: *Труднее всего начать*. С этим я абсолютно согласен.

Я знал, что в «Колдуне и кристалле» должен вернуться к юности Роланда, к его первой любви, и до смерти боялся этой истории. Создать на странице книги атмосферу страха, тревоги относительно легко, во всяком

случае, для меня, с любовью дело обстоит куда сложнее. Вот я и откладывал эту работу, тянул время, отвлекался на все, что только возможно, и книга оставалась ненаписанной.

Наконец приступил к ней, набирая текст в номерах отелей на моем «макинтош пауэрбук», когда ехал через всю страну из Колорадо в Мэн, закончив работу над сценарием для телесериала по роману «Сияние». И когда я мчался на север через пустынную западную Небраску (именно здесь, я тоже ехал из Колорадо, мне пришла идея, которая легла в основу рассказа «Дети кукурузы»), мне стало окончательно ясно: если я не начну писать сейчас, то не начну никогда.

Но я уже не помню, что есть романтическая любовь, сказал я себе. Семейная жизнь, зрелая любовь — это понятно, но в сорок восемь лет можно и забыть о жаре и страсти семнадцатилетних.

Я тебе помогу, пришел ответ. В тот день, на выезде из Тетфорда, штат Небраска, я не знал, кому принадлежал этот голос, но теперь знаю, потому что заглянул в глаза юноши, лежащего на шлюхиной постели в стране, очень даже ясно существующей в моем воображении. О любви Роланда к Сюзан Дельгадо (и о ее — к нему) мне рассказано юношей, с которого и началась вся эта история. Если получилось хорошо, благодарите его. Если плохо — вините того, кто перекладывал его слова на бумагу.

Также я благодарен моему другу Чаку Верриллу, который редактировал книгу и постоянно подбадривал меня. Его помощь бесценна, точно так же как и содействие Элейн Костер, которая опубликовала первые части этой истории в карманном формате.

Премного благодарен моей жене, которая всячески поддерживала меня в этом безумном проекте и даже помогла мне в том, о чем и не подозревает. Однажды, в трудное для меня время, она подарила мне маленькую забавную резиновую фигурку, при взгляде на которую у меня всегда возникает улыбка. Это Рокет Джи Скуиррел в синей авиационной фуражке, со вскинутыми вверх руками. Я ставил фигурку на рукопись по мере того, как ее толщина росла (росла... и росла), надеясь, что моя любовь к этой фигурке окажет благотворное влияние на мою работу. Так, должно быть, и вышло, потому что книга — вот она, перед вами. Я не знаю, хорошая она или плохая, где-то на шестисотой странице критерии стерлись... но книга написана. Уже это можно считать чудом. И я начинаю верить, что могу прожить достаточно долго, чтобы закончить весь этот цикл (стучу по дереву).

Думаю, мне предстоит рассказать еще три истории. В двух действие будет разворачиваться главным образом в Срединном мире, в одной —

практически целиком в нашем... В ней речь пойдет о пустыре на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы и розе, которая там растет. Этой розе, доложу я вам, грозит серьезная опасность.

В конце концов *ка-тет* Роланда придет в темную страну, которая называется Тандерклеп... и проследует дальше. Возможно, не всем удастся живыми достичь Темной Башни, но я думаю, что те, кто достигнет, ни в чем не смогут упрекнуть себя.

Стивен КИНГ,

Ловелл, Мэн,

27 октября 1996 г.

notes

Примечания

Хонки — пренебрежительное прозвище белых. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Толика — административный центр штата Канзас.

Джон Уэйн — известный американский киноактер

Перевод загадки Наталии Рейн.

«Семейка Брейди» (The Brady Bunch) — название популярного телесериала и кинофильма.

Хэмпфри Богарт (1899–1957) — известный американский киноактер.

Джеймс Стюарт (р. 1908) — известный американский киноактер.

Bird — птица (*англ.*).

PADDY O'FURNITURE (paddy — это слово в английском языке имеет два значения прозвище ирландца и каменщик); мебель Пэдди — кирпичные стены.

«Шестьдесят минут» — информационно-публицистический тележурнал. Выходит еженедельно с 1968 года.

«У Стаки» (Stuckey's) — фирменная сеть кафе у магистральных автодорог фирмы «Стаки стор» (Stuckey Store).

В основе вестерна как жанра лежит борьба доброго героя со злым, полная головокружительных приключений и обязательно с драматической развязкой.

Турне воссоединившейся группы «Секс пистолз» прошло в 1996 г.

Здесь и далее стихи в переводе Наталии Рейн.

Крайслер-Билдинг — одно из красивейших зданий Нью-Йорка, со шпилем из нержавеющей стали.

«Стаки» и «Харди» — сеть кафе-закусочных, в которых подается стандартный набор блюд американской кухни.

Северная Звезда — другое название Полярной звезды.

В Гилеаде, как и в любом феодальном государстве, человек, овладевая навыками профессии, проходит три этапа: ученик, подмастерье, мастер (в нашем случае — стрелок).

Шамбре — платьевая и рубашечная ткань.

Мисси — шутиливо-презрительное обращение к молоденькой девушке.

СИТГО Петролеум (CITGO Petroleum) — нефтяная корпорация, входит в число 500 самых крупных мировых компаний.

Джона Фарсона называли как Благодетелем, так и Добрым человеком, отсюда его бандиты — добрые люди.

В Гилеаде слово это произносили как йез (yes), в Хэмбри — эйе (aye).

Эскалибур — меч легендарного короля Артура (не из Эльда, а из старой доброй Англии).

По аналогии с суррогатной матерью — женщиной, вынашивающей оплодотворенную яйцеклетку другой женщины.

В Америке свистом выражают одобрение.

Il spectro — надсмотрщик (*исп.*).

Имеются в виду английские слова thou (ты, вы) и thee (тебе, вам).

В реальности Роланда выражение «дим» соответствует нашему «дежавю».

Книга пророка Исaйи, 48:22.

Спасибо, спасибо (*исп.*).

Не за что (*исп.*).

Squatter — незаконно поселившийся на незанятой земле (англ.).

Платок (*исп.*).

Благодарю (*исп.*).

Не за что, сеньор (*исп.*).

Шарф (*учн.*).

Бездельники (*исп.*).

Быки (*исп.*).

Скотовод (*исп.*).

Колдунья (*исп.*).

Завершение года (*исп.*).

Земледельцы (*исп.*).

Крестьяне (*исп.*).

Прощай (*фр.*).

Перевод Наталии Рейн.

Проходи. Проходи, глупец (*исп.*).

Мертвец, покойник (*исп.*).

Гопля (восклицание фокусника).

Нож (*исп.*).

Наручники (*исп.*).

Тюрьма, каталажка (*исп.*).

Попутчики (*исп.*).

Педераст, гомик (*исп.*).

Роланд прошептал «thunderclap (тандерклеп)», что в переводе на русский означает «удар грома».

Не понимаю (*исп.*).

Шлюха (*исп., иск.*).

Балли и Гуччи — известные модельеры (и фирмы), специализирующиеся на изделиях из кожи.

Gale — вихрь, ураган, шторм, гроза (англ.). Дороти Гейл — героиня сказочного цикла «Волшебник из страны Оз» (Wizard of Oz) американского писателя Лаймена Фрэнка Баума. Следует отметить, что слово wizard может трактоваться и как волшебник, и как колдун. Для романа С. Кинга «Wizard and Glass», который вы сейчас читаете, второй вариант подходит больше, потому что в русских сказках волшебник скорее добрый маг, чем злой, а колдун — скорее злой, чем добрый.

Речь идет о классическом фильме «Волшебник страны Оз» (1939 г., реж. Виктор Флеминг), снятого по вышеупомянутой сказке Л. Ф. Баума.

Джуди Гарленд (1922–1969) — известная американская актриса и певица, мать Лайзы Минелли. Настоящее имя Фрэнсис Гамм (Frances Gumm). Роль Дороти принесла Джуди Гарленд всемирную славу и премию «Оскар».

Кинг несколько вольно трактует оригинал сказки. Но дело в том, что реальность Джейка, Сюзанны и Эдди не обязательно должна совпадать с нашей реальностью, поэтому они могли читать «Колдуна из Оза», чуть отличного от того «Волшебника из страны Оз», что читали мы.

«Уиз» (Wiz) — фильм 1978 г. с Дайаной Росс (р. 1944) в главной роли, принятый в штыки и критикой, и зрителями.

Spirits — духи: Эдди вспомнилось название марки автомобиля.

«Где-то над радугой...» — знаменитая песенка Дороти из фильма «Волшебник страны Оз», блистательно исполненная Джуди Гарленд.

Томас Вулф (1900–1938) — известный американский писатель и драматург. Прославился монументальными романами-эпопеями.

Эльфы — фирменный знак фирмы «Киблер», производящей кондитерские изделия.

Настоящее имя Мартин Дэвид Роббинсон (1925–1982) — известный американский певец и композитор.